

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

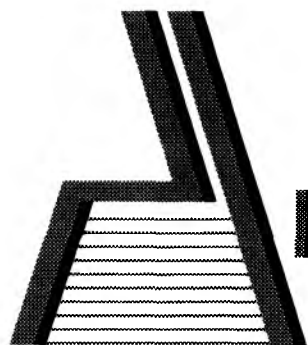

С БЛАСТЕРОМ ПРОТИВ ВСЕХ

Аванта

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЭНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

С бластером против всех

ТОМ 4

Москва, *Аванта+*
2003

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445
А72

Антология мировой фантастики. Том 4. С бластером
А72 против всех / Введ. ред. Д. М. Володихин, отв. ред. Г. А. Елисеев. —
М.: Аванта+, 2003. — 608 с.

ISBN 5-94623-043-3 (т. 4)
ISBN 5-94623-036-0

В пятнадцати томах «Антологии мировой фантастики» собраны произведения лучших зарубежных и российских мастеров этого рода литературы, всего более сотни блистательных имен. Каждый том серии посвящен какой-нибудь излюбленной теме фантастов: контакт с инопланетным разумом, путешествия во времени, исследования космоса и т. д. В составлении томов приняли участие наиболее известные отечественные критики и литературоведы, профессионально занимающиеся изучением фантастики. В каждую книгу серии вошли справочные материалы, а также обзор фантастической литературы по теме, которой посвящен этот том.

«Антология мировой фантастики» рассчитана на всех интересующихся такого рода литературой, но особенно полезна будет для школьников. Сон разума рождает чудовищ. Фантастика будит разум.

УДК 821-312.9
ББК 84(0)-445

ISBN 5-94623-043-3 (т. 4)
ISBN 5-94623-036-0

© Составление, оформление.
«Издательский центр „Аванта+“, 2003

Читатель!

Перед тобой книга, посвященная боевой фантастике. С каждым годом этот жанр завоевывает все новых поклонников и уже давно перестал быть чтивом для подростков. Это и неудивительно, ведь за последние годы фантастический боевик не просто вырос из детских штанишек и развился количественно, но и обрел новые, незнакомые ему прежде черты. Искрометный юмор, затейливые, психологически тонкие образы героев и яркие сцены приключений делают его мощным конкурентом для других жанров фантастики. Более того, фантастический боевик играет роль промежуточного продукта между традиционной книгой и фильмом. Литературные технологии, которые использует любой матерый автор боевиков, по возможности приближают литературную реальность к кинематографии или компьютерной игре. Существует немало «спецэффектов», создающих у читателя ощущение реальности происходящего, приближающих батальные сцены на расстояние вытянутой руки...

Боевик органично вбирает в себя романтизм фэнтези, технологии одряхлевшей научной фантастики, сюжетные хитросплетения детектива и мелодраматическую наивность.

Нередко приходится слышать о вреде боевика. Такого рода литература, по мнению многих, учит агрессивности, насилию, убивает милосердие. Но это неверно. Напротив, любитель боевика изживает накопленную в нем агрессию,

*когда представляет себя в роли любимого героя, и обретает
уравновешенность, гармонию. Пар, так сказать, уходит в
свисток. Иными словами, я советую читать боевики. Ведь
боевик – лучшее лекарство от расшатанных нервов.*

Алекс Орлов

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Алекс Орлов', with a stylized flourish at the end.

Эдмонд Гамильтон

ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ

1. ПРИЗЫВ

Когда Джон Гордон впервые услышал голос в своей голове, то подумал, что сходит с ума. Была ночь, он уже засыпал. Голос звучал четко, подавляя его собственные мысли.

«Слышите ли вы меня, Джон Гордон? Вы меня слышите?»

Гордон сел на постели, окончательно проснувшись. Он слегка испугался. Было в этом голосе нечто непонятное и тревожное.

Потом он пожал плечами. С мозгом бывает всякое, когда человек наполовину спит и воля ослаблена. Нет, это ничего не значит.

Он позабыл о голосе до следующей ночи. А когда начал уплывать в царство сна, четкий мысленный голос раздался снова: «Слышите ли вы меня? Если слышите, попытайтесь ответить».

Гордон снова проснулся, ощутив, как и в прошлый раз, легкий испуг. И тревогу. Не случилось ли что-нибудь с его мозгом? Он всегда считал, что дело плохо, если человеку начинают слышаться какие-то голоса.

Он прошел всю войну без единой царапинки. Но, быть может, годы полетов над Тихим океаном оставили след в его психике? Может быть, в нее заложена как бы бомба замедленного действия?

— Черт побери, я переживаю из-за пустяков, — грубо сказал себе Гордон. — И лишь потому, что нервничаю и беспокоюсь.

Беспокоится? Да, так и было. Он не был спокоен с того самого дня, как закончилась война и он вернулся в Нью-Йорк.

Можно, конечно, взять молодого счетовода из страховой компании в Нью-Йорке и сделать из него военного летчика,

который управляет тридцатитонным бомбардировщиком так же легко, как своей рукой. А спустя три года сказать «спасибо» и отослать его назад за конторку. Но...

Странная вещь: все эти годы, пока Гордон рисковал жизнью над Тихим океаном, он мечтал о том, как вернется к своей прежней работе, в свою уютную квартиру.

Он вернулся домой, и все здесь было по-прежнему. Зато изменился он сам. Привыкший к воздушным битвам, к смертельной опасности, он отучился сидеть за столом и складывать цифры. Он не понимал, чего ему хочется, но, конечно, не рутинной работы в городе. Однако ощущал постоянное беспокойство. Гнал от себя возникавшие мысли — безрезультатно.

А теперь этот странный голос! Не значит ли он, что Гордон сходит с ума?

Он подумал было о визите к психиатру, но сам испугался этой мысли. Лучше уж побороться самому.

Всю следующую ночь Гордон ожидал появления голоса, готовясь доказать себе, что это только иллюзия.

Однако голоса не было две ночи подряд. Гордон решил было, что он уже не появится. Но на третью голос заговорил громче прежнего: «Вы меня слышите, Джон Гордон? Не бойтесь, это не бред! Я — другой человек, и я обращаюсь к вашему мозгу!».

Гордон лежал в полусне, голос казался ему необычайно реальным.

«Попытайтесь ответить мне, Джон Гордон. Не словами, а мысленно. Канал открыт, отвечайте!»

Сам того не желая, Гордон послал во мрак робкую ответную мысль: «Кто вы?». Ответ был быстрым и четким: «Я Зарт Арн, принц Средне-Галактической Империи. Я говорю с вами из эпохи, отстоящей от вашей на двести тысяч лет».

Гордон ощутил неясный страх. Этого не может быть. Однако голос в его голове был очень реальным и четким.

«Нет, это мне снится», — решительно подумал Гордон. Ответ Зарта Арна вновь не заставил себя ждать:

«Уверяю вас, это не сон. Я столь же реален, как вы, несмотря на разделяющие нас две тысячи веков. Материальный предмет не способен перемещаться навстречу потоку времени, но мысль нематериальна, она это может. Всякий раз, когда вы что-либо вспоминаете, ваша собственная мысль уходит немного в прошлое».

«Если даже это правда, почему вы меня вызываете?» — тупо спросил Гордон.

«За тысячи веков многое изменилось, — ответил Зарт Арн. — Уже давно человечество расселилось по всей Галактике. Появи-

лись великие звездные королевства, а величайшее из них — наша Империя. Я занимаю в ней высокий пост, но прежде всего я ученый, искатель истины. Я изучаю прошлое, посылая туда свой разум и вступая в контакт с разумом людей, настроенных одинаково со мной. Со многими из них мы временно обменивались телами. Сознание — это сложная система полей. Их можно изолировать от мозга и заменить другой системой полей, другим сознанием. Мой аппарат способен послать в прошлое не только мысль, как сейчас, но и все сознание целиком. Со многими людьми прошлых эпох я обменивался сознанием. Таким образом я изучил многие ушедшие эры, но никогда еще не забирался во времени так далеко. Я намерен исследовать вашу эпоху, Джон Гордон. Вы мне поможете? Вы согласны на временный обмен телами?»

В голове Гордона вспыхнула паническая мысль: «Нет! Это безумие!».

«Никакой опасности нет, — настаивал Зарт Арн. — Просто вы проведете несколько недель в моем времени, а я в вашем. Потом мой коллега Вель Квен произведет обратный обмен. Подумайте, Джон Гордон! Вы дадите мне шанс исследовать вашу давно минувшую эпоху, а сами получите возможность увидеть чудеса моей! Я чувствую вашу душу, беспокойную, алчущую нового и неизведанного. Никому больше в вашей эпохе не дано переплыть великую пучину времени и попасть в будущее. Неужели вы откажетесь?»

Внезапно Джон Гордон почувствовал, как его охватывает трепет. Он словно услышал звук трубы, зовущей к неведомым приключениям.

Вселенная через 200 тысяч лет, блеск покорившей звезды цивилизации — и увидеть все это собственными глазами?

Разве не стоит ради этого рискнуть жизнью и разумом? Если все это правда, то не выпал ли ему величайший шанс изведать приключение, которого он так беспокойно жаждал? И все же он колебался.

«Я ничего не буду знать о вашем мире, когда окажусь в нем, — сказал он Зарт Арну. — Даже языка не буду знать».

«Вель Квен вас всему научит, — последовал быстрый ответ. — Но и ваша эпоха для меня столь же незнакома. Поэтому, если вы согласны, я прошу вас приготовить несколько мыслезаписей, по которым я мог бы ознакомиться с вашим языком и вашими нравами».

«Мыслезаписи? Что это такое?» — озадаченно спросил Гордон.

«Разве еще не изобретены? — удивился Зарт Арн. — В таком случае оставьте для меня несколько детских книжек с картинками и словарей, чтобы изучить ваш язык, и звукозаписей, чтобы познакомиться с произношением. — И добавил: — Я не жду немедленного решения, Джон Гордон. Завтра я опять свяжусь с вами, и тогда сообщите».

«Завтра мне будет казаться, что все это дикий сон», — возразил Гордон.

«Вам необходимо убедить себя, что это не сон», — объяснил Зарт Арн. — Я вхожу в контакт с вашим разумом, когда вы в полусне, когда ваша воля ослаблена и мозг восприимчив. Но это НЕ СОН».

Проснувшись утром, Джон Гордон все сразу вспомнил.

«Неужели это все-таки сон? — удивленно спрашивал он себя. — Зарт Арн предупреждал, что так и будет казаться. Но во сне и не такое бывает».

Гордон так и не смог решить, пригрезился ли ему разговор или нет, и отправился на службу.

Никогда еще контора не казалась ему такой грязной и душной, как в этот долгий день. Никогда его рутинные обязанности не представлялись столь скучными и однообразными.

Весь день Гордон ловил себя на диких грезах о великолепии и сказочной пышности великих звездных королевств, находящихся за 200 тысяч лет в будущем, о мирах новых, странных, манящих.

К концу дня решение было принято. Если эта невероятность реальна, то он сделает то, о чем просит Зарт Арн.

Он чувствовал себя немного глупо, когда по пути домой задержался, чтобы купить детских книжек с картинками, учебники по грамматике и грампластинки для обучения английскому языку.

Но вечером спать лег рано. Охваченный величайшим возбуждением, он ждал зова Зарт Арна. Однако зова не было, ибо Гордон бодрствовал. Он был чересчур возбужден, чтобы заснуть.

В течение нескольких часов он метался и ворочался в постели. Начинало светать, когда он погрузился в тревожную дремоту.

Тут же раздался четкий мысленный голос — говорил Зарт Арн. «Наконец-то мне удалось связаться с вами! Скажите мне, Джон Гордон, что вы решили?»

«Я сделаю это, Зарт Арн, — ответил Гордон. — Но только сейчас же! Если я еще несколько дней буду думать об этом, то окончательно сойду с ума».

«Хорошо, — раздался быстрый ответ. — Аппарат готов. Вы проживете в моем теле шесть недель. К концу этого срока я буду

готов к обратному обмену. — Он помедлил немного, затем продолжал: — Вы должны обещать мне одно. Никто в моем времени, кроме Вель Квена, не будет знать о нашем обмене. Вы не должны НИКОМУ говорить о том, что вы — чужой в моей оболочке. Иначе нам обоим грозит несчастье!»

«Обещаю, — быстро ответил Гордон и добавил смущенно: — Но вы тоже, надеюсь, будете осторожны с МОИМ телом?»

«Даю слово, — ответил Зарт Арн. — А теперь ослабьте волю, чтобы ваш разум не оказывал сопротивления силе, которая увлечет его сквозь время и пространство».

Это было легче сказать, чем сделать. Не так-то просто ослабить волю, когда твой разум собираются оторвать от тела.

Однако Гордон попытался подчиниться, погрузиться глубже в дремоту. И вдруг ощутил странное, тянущее чувство внутри мозга. Это не было физическое ощущение, оно походило скорее на магнетическую силу.

Ни с чем не сравнимый ужас объял его мозг, когда он почувствовал, как его бросило в бездонные глубины мрака.

2. БУДУЩАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Сознание медленно возвращалось к Гордону. Он лежал на высоком столе в комнате, ярко освещенной солнцем.

Несколько мгновений он ошеломленно глядел вверх, ощущая ужасную слабость и дрожь. Прямо над головой, словно только что поднятый, нависал какой-то странный аппарат, похожий на серебряный шлем со множеством проводов. Потом в поле зрения появилось сморщенное лицо седовласого старика, но ощущаемое им возбуждение делало его голубые глаза молодыми и блестящими.

Он заговорил с Гордоном, и голос его был резким от волнения. Но язык был совершенно незнаком Гордону.

— Я не понимаю, — беспомощно сказал Гордон. Старик указал на себя.

— Вель Квен, — сказал он.

— Вель Квен? — Гордон вспомнил. Зарт Арн говорил, что так зовут его коллегу из будущего.

Из будущего! Так значит, ученым УДАЛОСЬ произвести этот невероятный обмен душами и телами сквозь бездну времени? Охваченный внезапным возбуждением, Гордон попытался сесть, но не смог. Он был еще слишком слаб. Но он успел бросить взгляд на свое тело. То, что он увидел, поразило его.

Это не было его тело. Отнюдь не коренастая, мускулистая фигура Джона Гордона. Это было высокое, стройное тело, одетое в белую шелковистую рубашку без рукавов, белые брюки и сандалии.

— Тело Зарт Арна! — прохрипел Гордон. — А там, в моем времени, Зарт Арн проснулся в МОЕМ!

Старый Вель Квен, по-видимому, узнав произнесенное имя, торопливо кивнул.

— Зарт Арн — Джон Гордон, — сказал он, указав на него.

Обмен удался! Он промчался через две тысячи веков и находился теперь в теле другого человека!

Разницы, однако, не чувствовалось. Гордон попробовал пошевелить руками и ногами. Все мускулы слушались превосходно. Но волосы у него вставали дыбом при мысли о чудовищной странности происшедшего. Он испытывал истерическую ностальгию по собственному телу.

Вель Квен, казалось, понимал его чувства. Ободряюще похлопал его по плечу и подал хрустальную чашу с пенистой красной жидкостью. Гордон выпил и почувствовал прилив сил.

Старик ученый помог ему сойти со стола и поддерживал, пока Гордон изумленно оглядывал комнату.

Яркий солнечный свет лился отовсюду: окна были во всех стенах просторной восьмиугольной комнаты. Лучи дробились и играли на механизмах и приборах, на стеллажах со странного вида металлическими кассетами. Гордон не был ученым, и обилие научного оборудования ошеломило его.

Вель Квен подвел его к углу, где было высокое зеркало. Гордон замер, увидев свое отражение.

Он был теперь высоким черноволосым молодым человеком, ростом значительно выше шести футов. Лицо смуглое, с резким профилем и серьезными темными глазами. Довольно красивое. Оно вовсе не походило на прежнее лицо Гордона, широкое и загорелое.

Он увидел, что одет в плотно облегающую рубашку и такие же брюки. Вель Квен накинул ему на плечи длинный шелковый белый плащ. Сам старый ученый был одет точно так же.

Он знаками показал Гордону, что ему следует лечь и отдохнуть. Однако, несмотря на слабость, Гордон не смог удержаться, чтобы не бросить взгляд на неведомый мир далекого будущего.

Пошатываясь, он приблизился к одному из окон, ожидая увидеть чудесное зрелище суперсовременного мегаполиса, впечатляющей столицы завоевавшей звезды цивилизации. Но его ждало разочарование. За окном простирался дикий, неприветливый ландшафт. Восьмиугольное помещение занимало верхний этаж

массивной бетонной башенки, стоявшей на крохотном плато, на краю крутого обрыва

Кругом толпились колоссальные горные пики, увенчанные сверкающими снежными шапками. Между ними во всех направлениях темнели бездонные, глубиной в тысячи футов, пропасти. Других зданий нигде не было. Картина напоминала Гималаи двадцатого века.

Джон Гордон покачнулся от слабости. Вель Квен поспешно проводил его вниз, в маленькую спальню на первом этаже. Он растянулся на мягком ложе и почти мгновенно уснул.

Когда Гордон проснулся, был уже новый день. Вошел Вель Квен, поздоровался, проверил его пульс и дыхание. Старый ученый ободряюще улыбался. Потом принес завтрак. Густой сладкий коричневый напиток, фрукты и нечто наподобие сухого печенья. Очевидно, все это было насыщено питательными веществами, так как голод Гордона исчез после первых же глотков.

Затем Вель Квен начал обучать его языку. Старик пользовался небольшим аппаратом, дававшим необычайно реалистичные стереоскопические изображения, и тщательно произносил название каждого предмета или сцены, которые показывал.

За этим занятием Гордон провел неделю, не выходя из башни. Он схватывал язык с поразительной быстротой, частично благодаря способу обучения, частично потому, что в основе языка лежал английский. За 200 тысяч лет его словарь сильно изменился и расширился, тем не менее это не был чужой язык.

— Мы на Земле? — таков был первый вопрос, заданный Джоном Гордоном. Старик кивнул:

— Да, эта башня расположена среди высочайших земных гор.

Значит, действительно Гималаи. Величавые снежные пики выглядели столь же пустынными и дикими, как и в войну, когда он летал в этих краях.

— Разве на Земле больше не осталось людей и городов? — изумился он.

— Конечно, остались. Зарт Арн выбрал самое уединенное место на планете просто для того, чтобы никто не мешал его тайным опытам. Отсюда, из этой башни, он исследовал прошлое, обмениваясь телами со множеством людей различных эпох мировой истории. Ваш период — самый отдаленный период, какой Зарт Арн пытался исследовать.

Джон Гордон ощутил странное чувство при мысли, что и другие тоже оказывались в его теперешнем положении.

— А им... этим людям... им удалось вернуться в свои тела и в свое время?

— Конечно. Я оставался здесь, чтобы работать на передатчике. И когда приходил срок, я производил обратный обмен. Точно так же, как будет и с вами.

Это немного успокоило Гордона. Как ни привлекали его беспримерные приключения в будущем, ему не хотелось бы оставаться в чужом теле неопределенно долгое время.

Вель Квен ознакомил Гордона со всеми тонкостями поразительного метода контакта и обмена между разумами. Показал ему работу телепатического усилителя, способного направить мысленную весть любому человеку в прошлом. А потом объяснил принцип работы и самого аппарата обмена.

— Разум — это электронная структура в мозгу. Энергия аппарата преобразует ее в фотонную. Фотонное сознание можно передать через любое измерение, в том числе и четвертое, то есть время. Энергетический поток работает в обоих направлениях, одновременно извлекая и проецируя оба разума, чтобы обменять их.

— Зарт Арн сам изобрел этот метод? — поинтересовался Гордон.

— Мы изобрели его вместе, — ответил Вель Квен. — Теория была моя. Зарт Арн — самый способный мой ученик, он помог построить и испытать аппарат. Результат превзошел самые смелые ожидания. Видите стеллажи? Это мыслезаписи, принесенные Зарт Арном из исследованных им прошлых эпох. Мы работаем тайно. Арн Аббас запретил бы своему сыну рисковать, заподозри он что-нибудь.

— Арн Аббас? — переспросил Гордон. — Кто это?

— Повелитель Средне-Галактической Империи, столица которой, Троон, находится близ звезды Канопус. У него двое детей. Старший — его наследник, Джал Арн. Второй — Зарт Арн.

Гордон растерялся.

— Вы хотите сказать, что человек, в теле которого я нахожусь, сын величайшего владыки во Вселенной?

— Да, — кивнул Вель Квен. — Но Зарт не интересуется политикой. Он ученый. Мы исследуем прошлое. Вот почему он живет здесь, а не в Трооне.

Гордон вспомнил, как Зарт Арн рассказывал ему о своем высоком положении в Империи. Но он не подозревал, какова истинная высота этого положения.

— Вель Квен, а что такое Средне-Галактическая Империя? Она охватывает всю Галактику?

— Нет, Джон Гордон. Есть много звездных королевств, подчас враждующих между собой. Империя лишь величайшее из них.

Гордон не смог скрыть разочарования.

— Я надеялся, что мир будущего будет демократическим, а войны исчезнут.

— Звездные королевства — в сущности, демократии, в них правит народ, — объяснил Вель Квен. — Мы просто даем звучные титулы своим правителям.

Гордон кивнул.

— Кажется, я понимаю. Это как английская демократия нашего времени. Там тоже есть королева.

— Что касается войн, — продолжал Вель Квен, — то с ними на Земле было покончено. Мы знаем это из истории. Мир и процветание позволили осуществить первые межзвездные перелеты. Но нынешние звездные королевства разобщены, как некогда земные народы. Мы пытаемся их объединить...

Вель Квен подошел к стене, тронул выключатель. В воздухе возникла объемная карта Галактики — дискообразный рой сверкающих искр. Каждая была звездой, их количество потрясло. Туманности, кометы, темные облака — все было на этой галактической карте. Изображение состояло из многих частей, выделенных цветом.

— Цветные области — это звездные королевства, — пояснил Вель Квен. — Как видите, самая большая из них — зеленая зона Средне-Галактической Империи — включает в себя весь север и центр Галактики. Солнце и Земля находятся на крайнем севере, неподалеку от диких пограничных систем маркизатов Внешнего Космоса. Небольшая пурпурная зона к югу от Империи — это баронства Геркулеса, великие бароны которых правят независимыми мирами Скопления Геркулеса. Северо-западнее лежит королевство Фомальгаут, южнее — королевства Лиры, Лебеда, Полярной и других звезд, большей частью союзных Империи. А звезды и планеты, погруженные в вечный мрак черного облака на юго-востоке, образуют Лигу Темных Миров. Это самый сильный и завистливый враг Империи. Арн Аббас давно уже старается убедить звездные королевства объединиться и покончить с враждой и войнами. Но диктатор Лиги Шорр Кан интригует против этой политики, разжигая в мелких королевствах сепаратистские настроения.

Услышанное потрясло Джона Гордона, человека двадцатого столетия. Он ошеломленно смотрел на странную карту. Вель Квен продолжал:

— Я научу вас пользоваться мыслезаписями, и тогда вы сможете самостоятельно изучить нашу историю.

В последующие дни, углубляя знание языка, Гордон изучал также историю мира за прошедшие две тысячи веков. Кассеты

мыслезаписей разворачивали перед ним эпическую сагу о завоевании звезд.

Великие подвиги, ужасные катастрофы в космических облаках и туманностях, жестокие схватки с чужим, нечеловеческим разумом... Земля была слишком маленькой и далекой, чтобы руководить растущими владениями человека. В звездных системах возникали свои правительства, давшие начало нынешним королевствам. Так возникла и великая Средне-Галактическая Империя, которой теперь правил Арн Аббас.

— Вам, вероятно, хочется увидеть побольше, прежде чем вы вернетесь в свое время, — сказал однажды Вель Квен. — Для начала я хочу показать, как выглядит теперь ваша Земля. Станьте-ка на эту пластину.

Он стоял на большом кварцевом диске, одном из двух вмонтированных в пол. Гордон нерешительно встал рядом.

— Это телестерео. Оно действует практически мгновенно на любом расстоянии, — пояснил Вель Квен и положил палец на переключатель. — Ньюар — величайший город Земли. Правда, он гораздо скромнее многих звездных столиц...

И вдруг Гордон очутился совсем в другом месте. Он знал, что находится в лаборатории, но одновременно стоял на таком же кварцевом диске на вершине другой башни, тоже очень высокой, и под ним расстился огромный прекрасный город. Крутом белели террасированные пирамиды. На террасах цвели сады. Кое-где из зелени выступали красочные беседки, под деревьями гуляли люди. Далеко на горизонте виднелся космопорт, там рядами стояли звездолеты. Среди них возвышалось несколько массивных, грозного вида боевых кораблей, украшенных изображением кометы — эмблемой Империи.

Вель Квен переключился на другой стереоприемник в Ньюаре. Гордон мельком увидел город изнутри — залы и коридоры, квартиры и цеха, гигантские подземные атомноэнергетические станции. Внезапно вся эта картина исчезла. Выключив телестерео, Вель кинулся к окну.

— Корабль! — вскричал он. — Не понимаю. Корабли здесь никогда не приземляются!

Гордон услышал гул и увидел продолговатый, стройный, сверкающий аппарат, быстро спускающийся к одинокой башне. Вель Квен не скрывал тревоги.

— Это боевой корабль, крейсер-разведчик, но на нем нет эмблемы. Тут что-то не так! — Сверкающий корабль уже спустился на плато, в четверти мили от башни. В борту тотчас же распахнулись люки, оттуда выбежали десятка два людей в серых мундирах,

в шлемах, с длинноствольными пистолетами в руках и кинулись к башне. — Это форма Империи, но их не должно быть здесь... — На морщинистом лице Вель Квена читались удивление и тревога. — Надо уведомить Ньюар:

Но едва он повернулся к телестерео, как снизу послышался громкий треск.

— Они ломают дверь! — вскричал Вель Квен. — Скорее! Джон Гордон, берите...

Гордон так и не узнал, что хотел сказать ему Вель Квен, ибо в этот момент нападавшие ворвались в комнату. Выглядели они странно. Лица у них были бесцветные, неестественные, бледные.

— Солдаты Лиги! — вскричал Вель Квен и кинулся к телестерео. Главарь агрессоров поднял свой длинный тонкий пистолет. Оттуда со щелчком вылетела крохотная пулька, вонзилась в спину Вель Квена и взорвалась. Старик упал как подкошенный. Гордон, скованный до этого изумлением, с яростным воплем ринулся вперед. Один из солдат поднял пистолет.

— Не стрелять, это Зарт Арн! — крикнул офицер, застреливший Вель Квена. — Взять живым!

Гордон угодил кулаком кому-то в лицо, но его уже схватили, скрутили за спиной руки. Он оказался столь же беспомощным, как взбешенный ребенок.

— Принц Зарт, — торопливо обратился к нему бледный офицер. — Я сожалею, что так вышло с вашим коллегой, но он соби-
рался вызвать помощь, а о нашем появлении здесь никто не должен подозревать. Вам лично ничто не грозит. Мы посланы, чтобы доставить вас к нашему вождю.

Гордон во все глаза глядел на этого человека. Происходящее казалось ему диким сном. Ясно было одно: никто не сомневается, что он настоящий Зарт Арн. И это естественно, поскольку он и был Зарт Арном, по крайней мере, внешне.

— Что это значит? — гневно спросил он. — Кто вы такие?

— Мы из Облака, — ответил офицер. — Не волнуйтесь, принц, вы в безопасности. Мы пришли, чтобы доставить вас к Шорр Кану.

Джон Гордон сначала не понял, потом вспомнил, что говорил ему покойный Вель Квен. Шорр Кан — это вождь Лиги Темных Миров, главного противника Империи. Значит, эти люди — враги великого звездного королевства, к правящему дому которого принадлежит Зарт Арн. Они думают, что он и есть Зарт Арн, и намерены похитить его! Настоящий принц не мог предвидеть такое, когда замышлял обмен телами и душами.

— Я не пойду с вами! — крикнул Гордон. — Я останусь на Земле!

— Придется применить силу, — сказал офицер. — Эй, тащите его!

3. ТАИНСТВЕННЫЕ АГРЕССОРЫ

Внезапно его прервали. В башню вбежал еще один бледнолицый солдат.

— Тревога! Сюда приближаются три космических крейсера!

— Патруль Империи! — взвизгнул офицер Лиги. — Скорее!

Воспользовавшись замешательством, Гордон вырвался из рук противников. Схватил какой-то тяжелый металлический предмет и яростно отбивался. У него было то преимущество, что он им требовался живой и невредимый, ему же церемониться было не обязательно. Двое повалились от его свирепых ударов, но остальные снова скрутили его и вырвали из рук импровизированное оружие.

— Теперь к кораблю! — крикнул, задыхаясь, бледный офицер Лиги. — Скорее!

Четверо солдат потащили Гордона вниз по лестнице, выволокли на морозный воздух. До корабля оставалось совсем немного, когда торчащие из его бортов стволы орудий повернулись к небу и открыли огонь.

Бледный офицер закричал. Джон Гордон увидел три массивных сигарообразных боевых корабля, пикирующих прямо на них. Раздался оглушительный взрыв. Гордона и его похитителей бросило наземь. Полуоглушенный, он слышал громовой гул приземляющихся кораблей. А когда, шатаясь, встал на ноги, все было уже кончено.

Корабль Лиги стал грудой оплавленного металла. Кругом валялись трупы солдат. Люки крейсеров открылись, оттуда к Гордону бежали люди в серых мундирах и шлемах.

— Принц Зарт, вы не ранены? — крикнул Гордону их предводитель, высокий черноволосый мужчина с худощавым медно-красным лицом. Его черные глаза светились веселым возбуждением. — Я Хелл Беррел, командир патруля в секторе Сириуса. Наш радар засек направлявшийся к Земле неизвестный корабль, мы погнались за ним, и вот... — Он посмотрел на убитых. — Люди Облака, клянусь Небом! Шорр Кан осмелился подослать к вам своих агентов! Это может стать поводом к войне!

Джон Гордон лихорадочно размышлял. Взволнованный офи-

цер тоже принял его за сына правителя. А он не мог сказать правду, не мог открыть, что он — Джон Гордон в оболочке Зарт Арна! Ибо Зарт Арн взял с него обещание не говорить этого никому, предостерег, что это может грозить несчастьем! Он должен сохранить свое невольное самозванство, пока не отделается от этих людей.

— Нет, я не ранен, — сказал Гордон. — Но они стреляли в Вель Квена. Боюсь, он мертв.

Они поспешили в башню. Гордон торопливо взбежал по лестнице и склонился над стариком. Одного взгляда было достаточно. Взрыв атомной пули выжег в теле Вель Квена зияющую рану. Смерть ученого означала, что в этом странном грядущем мире Гордон должен отныне рассчитывать лишь на себя. Сможет ли он когда-нибудь вернуться в свое тело и в свое время? К счастью, Вель Квен успел рассказать достаточно, чтобы Гордон сумел войти в телепатический контакт с настоящим Зарт Арном.

Был единственный выход. Он останется в башне, у аппарата, который только и может вернуть его в прежнюю жизнь.

— Я должен немедленно доложить о нападении, принц Зарт, — сказал Хелл Беррел.

— Не надо, — торопливо возразил Гордон. — Опасность миновала. Сохраните все это дело в тайне. — Он надеялся на свой авторитет как сына государя. Однако Хелл Беррел колебался.

— Я нарушу свой долг, если не сообщу о таком важном происшествии.

Подойдя к телестерео, он тронул переключатели. Спустя мгновение над второй кварцевой пластиной возникло объемное изображение незнакомого офицера.

— Штаб флота на Трооне, — отрывисто произнес он.

— Капитан Хелл Беррел из патруля сектора Сириуса желает доложить о деле крайней важности его светлости Арн Аббасу.

— Разве нельзя доложить командору Корбуло? — удивился офицер.

— Дело слишком важное и неотложное, — объяснил Хелл Беррел. — Я беру на себя всю ответственность, настаивая на аудиенции.

Потянулись минуты ожидания. Затем в телестерео появился совсем другой человек. Массивный гигант в летах с кустистыми жесткими бровями над пронзительными стальными глазами. Поверх темной куртки и брюк на нем был богато расшитый плащ, большая, сидящая на висках голова не покрыта.

— С каких это пор простые капитаны... — сердито начал он, но тут же увидел Джона Гордона. — Ты, Зарт? Что случилось?

Гордон понял, что этот человек с жестким взглядом — Арн Аббас, владыка Средне-Галактической Империи, отец Зарт Арна. Его отец.

— Ничего особенного... — начал было он, но его перебил Хелл Беррел:

— Простите, принц Зарт, дело крайне серьезное! — Он повернулся к императору. — Разведывательный крейсер Лиги проник к Земле и пытался похитить принца. Случайно мой патруль оказался поблизости, мы засекали их радаром, настигли и уничтожили.

— Боевой корабль Лиги нарушил космические границы? — гневно произнес император. — И собирался похитить моего сына?! Проклятый Шорр Кан! Он зашел слишком далеко!

Хелл Беррел вставил:

— Нам не удалось захватить живым хотя бы одного из облачных, но принц Зарт сообщит вам все подробности.

Гордону хотелось свести значение этого случая к минимуму, покончить с невыносимым нервным напряжением, вновь остаться одному.

— Они надеялись застать нас врасплох, — поспешно сказал он. — Больше они не посмеют. Так что мне уже ничто не грозит.

— Не грозит? О чем ты говоришь? — Лицо Арн Аббаса потемнело. — Ты знаешь не хуже меня, зачем Шорр Кан сделал эту попытку и что случилось бы, удайся она ему! Тебе нельзя оставаться на Земле, Зарт! Довольно сидеть в захолустье со своими исследованиями. Вот к чему они привели! Мы больше не будем рисковать. Ты должен сейчас же вернуться на Троон!

У Гордона упало сердце. На Троон, на другой край Галактики. Но если он оставит лабораторию, то навсегда потеряет шанс вернуться в свое время!

— Я не могу на Троон, — сказал он в отчаянии. — Мне нужно еще несколько дней, чтобы закончить опыт!

— Делай, что тебе велено, Зарт! — гневно вскричал Арн Аббас. — Ты должен лететь, причем немедленно! — И, обратив взор на Хелл Беррела, император приказал: — Берите принца на крейсер, капитан. А попробует возражать, везите его под стражей!

4. ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Огромный крейсер мчался в межзвездном пространстве со скоростью, многократно превышающей световую. Земля и Солнце давно уже потерялись за кормой, впереди раскинулся центр Галактики, переливающийся сверкающими шаровыми скопления-

ми. Джон Гордон стоял в просторной рубке «Карис» вместе с Хелл Беррелом и двумя штурманами. Благодаря туманному голубоватому энергетическому полю, которое окутывало каждый предмет на корабле, он не ощущал перегрузок. Зато всякий раз, когда он смотрел вперед на открывавшуюся там величественную панораму, внутри у него все словно преворачивалось.

— То, что Шорр Кан послал крейсер, — безумие, — сказал Хелл Беррел. — Какая ему от этого польза?

Гордон и сам удивлялся. Он не видел причин, оправдывающих желание захватить младшего сына императора.

— Думаю, — сказал он, — Шорр Кан собирался использовать меня как заложника. К счастью, вы уничтожили этих негодяев, капитан. А сейчас мне хотелось бы отдохнуть.

Хелл Беррел вел его вниз по узким коридорам крейсера. Гордон не показывал виду, как ему интересно, но на самом деле сгорал от любопытства. Чего здесь только не было! И длинные узкие оружейные галереи, и навигационные отсеки, и радарные камеры верхней палубы.

Офицеры и солдаты, встречавшиеся им на пути, почтительно отдавали честь. Подданные Средне-Галактической Империи различались цветом кожи — следствие происхождения из разных звездных систем. Сам меднолицый капитан, как уже знал Гордон, был родом с Антареса.

Хелл Беррел открыл дверь в маленькую скромную каюту.

— Мои личные апартаменты, принц. Располагайтесь.

Оставшись один, Джон Гордон почувствовал облегчение. Напряжение последних часов было чрезмерным. Они оставили Землю сразу после похорон Вель Квена. И каждую минуту полета ему приходилось играть свою роль.

Он не мог сказать о себе правды. Зарт Арн считал, что она навредит им обоим. Почему? Гордон мог только догадываться.

Но он обязан был держать слово. Никто не должен заподозрить, что он принц только внешне.

Впрочем, даже если он проговорится, никто ему не поверит. Вель Квен говорил, что эксперименты Зарт Арна окружала тайна. Кто поверит этой невероятной истории?

Единственной линией поведения, насколько он понимал, было возможно лучшее исполнение роли принца на Трооне и скорейшее возвращение в башню-лабораторию. А там уж он придумает способ обратного обмена с Зарт Арном.

Лежа на мягкой койке, Гордон устало раздумывал, попадал ли хоть кто-нибудь с начала времен в такое же положение, как он сейчас.

«Остается взять себя в руки и изображать Зарт Арна, — решил он. — Если бы только Вель Квен был жив!»

Ему стало невыносимо грустно. Потом, утомленный и расстроенный, он погрузился в сон.

Проснувшись, Гордон вместо белого потолка своей нью-йоркской квартиры увидел над собой блестящий металл, услышал низкий, басовитый гул. Все случившееся не было безумным сном. Он все еще находился в теле Зарт Арна, в громадном военном корабле, мчавшемся сквозь Галактику.

Дверь открылась, вошел человек в мундире, почтительно поздоровался. Он принес завтрак: синтетическое мясо, фрукты, знакомый уже шоколадный напиток. Потом заглянул Хелл Беррел.

— Идем по графику, ваше высочество. Будем у Канопуса через три дня.

Гордон не решился ответить иначе, как кивком. Он должен был играть свою роль. Ходить по кораблю так, словно все ему здесь знакомо, скрывать любопытство, выслушивать намеки на тысячи вещей, в которых отлично разбирался Зарт Арн, — и ни словом не выдать своего незнания. Но мыслимо ли будет продолжать эту игру на Трооне?

На третий день, войдя в рубку, Джон Гордон был ослеплен блеском, пробивавшимся даже сквозь темные светофильтры.

— Канопус, наконец-то! — сказал ему антаресец. — Через несколько часов сядем!

Трубный зов приключения снова запел в мозгу у Гордона, когда он посмотрел в иллюминатор. Великолепие Канопуса потрясало. Ради этого зрелища стоило рискнуть жизнью. Колоссальное солнце нарушало все представления о великом. Звезда сверкала белым сиянием, занимая полнебосвода, заливая пространство ярким, неземным светом. Гордон с трудом сохранял хладнокровие. Он был человеком прошлого, его мозг не привык к таким потрясениям.

Гул корабельных генераторов понизился в тоне, когда крейсер лег на орбиту планеты величиной с Землю — одного из десятка спутников огромной звезды. Это и был Троон. Мир зеленых материков и серебристых морей, сердце и мозг Империи, простиравшейся на половину Галактики.

— Мы сядем в столице, — сообщил Хелл Беррел. — Командор Корбуло приказал, чтобы я немедленно доставил вас к Арн Аббасу.

— Я буду рад увидеть отца, — внутренне напрягшись, сказал Гордон. Отца! Человека, которого он видел только по телестерео, повелителя необъятного звездного государства... И вновь предостережение Зарт Арна всплыло в его памяти. Никому не говорить правды! Никому. Пройти все испытания и вернуться на Землю.

Серебристые моря и зеленые материки Троона неслись на встречу «Карис». Корабль падал на планету, не заботясь о предвратительном торможении. Сердце у Гордона замерло, когда онглянул вниз. Над берегом океана вздымалась высокая горная цепь, сверкавшая и переливавшаяся, как хрусталь. Это и был хрусталь, как он понял спустя минуту, — горный хребет, образованный вытеснением расплавленных силикатов из недр планеты.

И, вознесенный на плоскогорье среди этих хрустальных кражей, высоко над морем лежал сказочный город. Его изящные купола были словно сверкающие пузыри из разноцветного стекла. Свет Канопуса падал на шпили и башни и отражался радужным сиянием. Это был город Троон, сердце и столица Империи.

Корабль спустился в космопорту, расположенном на севере от города. Там дремали десятки и сотни звездолетов — истребители, крейсера, разведчики, трубообразные мониторы с большими пушками. Все они были украшены кометой — эмблемой Империи.

Гордон вышел из «Карис» вместе с Хелл Беррелом и другими офицерами на солнечный свет, белый и нереальный. Вокруг возвышались доки с огромными боевыми кораблями: батареи атомных пушек рисовались на фоне неба. Вдали высились сверкающие купола и шпили города.

Озадаченный голос Хелл Беррела вырвал Гордона из оцепенения.

— Вагон в туннеле ждет вас, ваше высочество, — напомнил антаресец.

— Да, конечно, — поспешно кивнул Гордон. Он ждал от Хелл Беррела хотя бы малейшего намека на дальнейшие события, чтобы окончательно не запутаться. Они шли мимо кораблей, мимо замерших самоходных кранов, мимо салютующих офицеров.

С каждой минутой Джон Гордон все сильнее ощущал безнадешность предприятия. Как сможет он играть свою роль, когда все кругом так ошеломляюще ново и удивительно? Однако предостережение Зарт Арна вновь всплыло в его мозгу. «Пройти через все это! — сказал он себе. — Следить за каждым своим действием...» Они достигли начала освещенной лестницы, ведущей вниз, под землю. Там находилась разветвленная сеть круглых металлических туннелей. В одном из них ждал цилиндрический вагон. Едва Гордон и Хелл Беррел заняли места в пневматических креслах, как он помчался с громадной скоростью. Минут через пять остановился, и они вышли в такой же подземный вестибюль. Тут дежурили часовые в форме с похожими на винтовки атомными ружьями. Они салютовали Гордону.

Один молодой офицер, отдавая честь, сообщил:

— Весь Троон радуется вашему прибытию, ваше высочество.
— Некогда с церемониями, — нетерпеливо оборвал его Хелл Беррел.

Вслед за капитаном «Карис» Гордон вышел к открытой двери, за которой начинался коридор с полупрозрачными алебастровыми стенами. Пол коридора плавно двинулся, чуть на него ступили, и Гордон еле сдержал изумленный возглас. Скользя вперед и вверх по длинным, причудливо извивающимся лестницам, он понял, что находится уже в нижних этажах дворца Арн Аббаса.

Это был нервный центр Империи, законы которой простирались на тысячи световых лет! Но постичь это полностью Гордон не мог.

Движущийся ковер доставил их к высокой бронзовой двери, перед которой расступилась еще одна группа вооруженных часовых. Антаресец остался у входа. Гордон прошел внутрь.

Это была небольшая комната со скромным убранством. Возле стен стояли аппараты телестерео, напротив двери — низкий столик с многочисленными экранами. За ним сидел в металлическом кресле человек, рядом стояли еще двое. Все трое смотрели на Гордона, сердце у него сильно забилось.

Человек в кресле был огромный, властного вида гигант в тусклой золотой одежде. Его массивное волевое лицо, холодные серые глаза и густая, темная, седеющая на висках шевелюра придавали ему сходство со львом. Гордон узнал Арн Аббаса, владыку Империи, отца Зарта. Нет, СВОЕГО отца! Он должен всегда так думать. Младший из двух стоявших походил на Арн Аббаса, каким тот был лет тридцать назад, — высокий и статный, но с более дружелюбным лицом. Джал Арн, его старший брат, понял Гордон. А третий человек, коренастый, широколицый, одетый в мундир с множеством золотых нашивок, был, вероятно, Чен Корбуло, адмирал имперского флота.

Гордон со сжавшимся от волнения горлом остановился перед сидящим.

— Отец... — с трудом начал он. И тут же его прервали.

Арн Аббас, сверкнув на него взглядом, воскликнул гневно:

— Не зови меня отцом! Ты мне не сын!

5. СТРАННЫЙ МАСКАРАД

У Гордона подкосились ноги. Неужели Арн Аббас заподозрил в нем самозванца? Однако следующая фраза правителя несколько успокоила его, хотя голос императора и оставался свирепым.

— Мой сын не станет месяцами слоняться по задворкам Империи, разыгрывая ученого, когда он нужен мне здесь! Из-за этой проклятой научной работы ты совершенно позабыл свой долг!

Гордон вздохнул свободнее.

— Мой долг, отец?

— Долг перед Империей! — прогремел Арн Аббас. — Ты прекрасно знаешь, какая игра разворачивается по всей Галактике и что она означает для наших миров! — Он стукнул огромным кулаком по колену. — Видишь, к чему привело твое отшельничество! Шорр Кан едва не похитил тебя! Понимаешь, что это значит?

— Да, — кивнул Гордон. — Если бы Шорр Кану удалась эта попытка, он использовал бы меня как заложника.

Арн Аббас метнул в него испепеляющий взгляд.

— О чем ты болтаешь, во имя звездных чертей? Ты осведомлен не хуже меня, что Шорр Кан хотел выведать тайну Разрушителя!

Разрушитель? Что это еще такое? Как можно продолжать безумный маскарад, не зная важнейших фактов из жизни Зарт Арна? Если бы не данное принцу слово, Гордон давно бы во всем признался. Но ему пришлось принять непринужденный вид.

— Конечно, Разрушитель. О нем-то я и говорю.

— Не похоже, — отрезал Арн Аббас. — Клянусь Небом, именно тогда, когда нужна помощь, у меня оказывается лишь один сын, а второй даже не помнит о Разрушителе! — Властитель наклонился вперед. — Проснись, Зарт. Понимаешь ли ты, что Империя стоит на грани ужасного кризиса? Понимаешь ли ты, что задумал этот проклятый Шорр Кан? Он посылал людей в баронства Геркулеса, в королевства Полярной и Лебеда, даже в королевство Фомальгаут. Он делает все, чтобы оторвать от нас союзников. И он строит все новые боевые корабли!

Адмирал Корбуло мрачно кивнул.

— Внутри Облака идут обширные приготовления. Мы знаем об этом, хотя лучи наших радаров не проникают экраны, установленные учеными Шорр Кана вокруг места работ. Он мечтает расколоть Империю и превратить Галактику в кучку враждующих королевств, которые Лига поглотила бы поодиночке, — продолжал Арн Аббас. — Только одно удерживает Шорр Кана — Разрушитель. Шорр Кан знает, что он у нас есть, но не знает в точности, что это такое. Тайна известна только мне, Джалу и тебе. Вот почему этот дьявол пытался тебя захватить!

Наконец что-то прояснилось. Разрушитель — какое-то оружие, в секрет которого посвящены только члены королевского дома, в том числе и Зарт Арн. Но Гордон ничего не знал об этом секрете!

— Я никогда так не думал, — нерешительно сказал он. — Хотя и подозревал, что положение критическое.

— Кризис может разразиться в ближайшие недели, — подтвердил Арн Аббас. — Неизвестно, как много союзных королевств успел отколоть Шорр Кан. Все зависит от того, насколько велик его страх перед Разрушителем. — Он снова повысил голос: — И потому я запрещаю тебе прятаться на Земле, Зарт! Ты останешься здесь и исполнишь свой долг второго принца Империи.

Гордон растерялся.

— Но, отец, я должен ненадолго вернуться на Землю...

Правитель прервал его:

— Я уже сказал, что я это запрещаю. Не посмеешь ли ты спорить со мной?

Гордон почувствовал, что все рушится. Этот запрет означал катастрофу. Если он не вернется в лабораторию, то как же он сможет связаться с Зарт Арном?

— Я не желаю больше возражений, — яростно продолжал император, когда Гордон попытался заговорить. — А теперь уходите! Мы с Корбуло должны посоветоваться!

Гордон беспомощно повернулся к двери. Он чувствовал, что безнадежно запутался. Джал Арн вышел вместе с ним, положил руку на его плечо.

— Не переживай, Зарт. Я знаю, как ты предан научной работе и каким ударом была для тебя смерть Вель Квена. Но отец прав, сейчас твое место здесь.

— Я готов исполнить свой долг, — осторожно сказал Гордон. — Но чем я могу помочь?

— Отец говорил о Лианне, — произнес Джал Арн. — Ты действительно уклоняешься от своего долга, Зарт. — И, словно предвидя возражения, добавил: — Да, Мерн, я знаю. Но для Империи королевство Фомальгаут чрезвычайно важно. Надо решаться, Зарт.

Лианна? Мерн? Эти имена ничего не говорили Гордону. Это была тайна, как и все прочее в его самозванстве.

— Ты думаешь, что Лианна... — начал он. Джал кивнул:

— Надо, Зарт. Отец собирается объявить об этом вечером, на Празднике Лун. — Он похлопал Гордона по спине. — Мужайся, дела не так уж плохи! У тебя вид как у приговоренного к смерти. На Празднике увидимся.

Джал Арн повернулся и вышел. Гордон озадаченно глядел ему вслед. Сколько еще это будет продолжаться?

Откуда-то появился Хелл Беррел. Антаресец был в приподнятом настроении.

— Принц Зарт, я вам обязан удачей! — воскликнул он. — Я думал, что получу выговор от адмирала Корбуло за отклонение от запланированного маршрута...

— Пронесло? — механически спросил Гордон.

— Еще бы! — ухмыльнулся Беррел. — Ваш отец счел это такой удачей, что сам назначил меня помощником адмирала!

Гордон рассеянно поздравил своего спасителя. Мысли его были заняты собственным запутанным положением. Остаться здесь больше было нельзя. Надо идти, но куда? Он не имел понятия, где расположены покои принца. Однако нельзя было и допустить, чтобы кто-нибудь догадался о его незнании. Поэтому он простился с Хелл Беррелом и уверенно вышел из комнаты через другую дверь, в коридор с движущимся ковром. Ковер доставил его в большой круглый зал, ярко освещенный белым солнечным светом, льющим сквозь высокие хрустальные окна. Блещающие серебром стены с черными рельефами. Темные звезды, останки сгоревших солнц, безжизненные миры...

Джон Гордон почувствовал себя карликом в величии и роскоши этого огромного мрачного зала. Он пересек его и очутился в другой большой комнате, стены которой пылали великолепием вихрящихся туманностей.

«Где же, черт возьми, могут находиться покои Зарт Арна? — раздумывал он, сознавая свою беспомощность. — Не будешь же спрашивать, где расположены собственные апартаменты. Но сколько можно бесцельно блуждать по огромному дворцу, возбуждая удивление и, быть может, подозрения?»

Пожилой серолицый человек в черной дворцовой ливрее уже смотрел на него с явным недоумением через этот Зал Туманностей. Когда Гордон приблизился, служитель низко поклонился. У Гордона появилась идея.

— У меня есть дело, — быстро сказал он. — Идем в мои апартаменты.

Серый человек снова поклонился, но остался на месте.

— Да, ваше высочество.

— Ступай вперед! — нетерпеливо распорядился Гордон.

Возможно, слуге это показалось странным, но никакие чувства не отразились на его неподвижном лице. Он повернулся и медленно вышел из Зала Туманностей. Гордон последовал за ним. Движущийся ковер, как эскалатор, бесшумно нес их вверх, по роскошным широким коридорам и лестницам.

Дважды им встретились люди: две усыпанные драгоценностями девушки и смеющийся стройный молодой офицер, пара мрачных чиновников... Все низко кланялись, приветствуя Гордона.

Ковер доставил их в мерцающий, украшенный жемчугом коридор. Дверь впереди раскрылась сама собою, и Гордон очутился в высокой комнате с белоснежными стенами.

— Да, ваше высочество? — вопросительно повернулся к нему серый слуга.

Как отделаться от этого человека? Гордон решил эту задачу самым простым способом.

— Я передумал, — небрежно произнес он. — Ты мне не нужен, можешь идти.

Человек с поклоном вышел. Теперь можно слегка расслабиться. Не столь уж хитрая тактика — но она, по крайней мере, дала Гордону временное убежище в покоях Зарт Арна.

Он вдруг понял, что тяжело дышит, словно после тяжелой работы... Руки у него дрожали. Роль принца давалась ему нелегко. Он вытер лоб.

— Боже мой! Попадал ли еще кто-нибудь в такое положение?

Его утомленный мозг отказывался размышлять над этой проблемой. Гордон медленно прошелся по всем комнатам.

Обстановка была сравнительно скромной. По-видимому, Зарт Арн не стремился к роскоши. Простые шелковые занавеси, строгая металлическая мебель, стеллажи с мыслезаписями, аппарат для их чтения... Одна из комнат была оборудована как лаборатория.

Он заглянул в маленькую спальню, потом вышел на террасу, полную зелени и света.

— Господи, мне и во сне не снилась такая красота!

Терраса, этот маленький висячий сад, располагалась высоко на западной стене огромного дворца. Перед Гордоном открылась панорама Троона.

Город славы грандиозной звездной империи, средоточие величия и мощи многих тысяч звездных миров! Город такого великолепия, что глаза Джона Гордона, человека с маленькой Земли, были ослеплены и парализованы.

Ослепительный диск Канопуса опускался к горизонту. В его преображающем блеске крутые склоны Хрустальных гор казались знаменами небывалой яркости.

Но еще ярче сверкали сказочные башни Троона. Купола, минареты, здания из блистающего стекла. Дворец, на одной из террас которого стоял Гордон, был выше всех остальных. Окруженный цветущими садами, он царил над великой столицей.

В сиянии заката над мерцающими пиками и волнующимся серебряным морем, словно радужные стрекозы, реяли самолеты. Из космопорта на севере величественно поднялись несколько могучих боевых кораблей и пропали в вышине неба.

Грандиозность открывшегося зрелища подавляла. Город был живым сердцем небесных пространств и объединял звезды и миры, которые Гордон миновал в полете.

«И меня считают сыном здешнего владыки! — потрясенно подумал он. — Я не выдержу этого. Это слишком непомерная ноша...»

Колоссальное солнце село. Сиреневые тени сгущались в бархатную ночь. Ошеломленный и подавленный, Гордон смотрел, как на улицах загораются огни. Зажглись они и на нижних террасах дворца.

Две золотые луны поднимались в небе, в котором сияли мириады звезд, складываясь в незнакомые созвездия и соперничая с трепещущими огнями города.

— Ваше высочество, уже поздно!

Гордон обернулся. Ему кланялся коренастый человек, его кожа отливала голубизной. Кто-то из личных слуг Зарт Арна, догадался Гордон. С этим человеком нужно быть осторожным!

— Праздник Лун начинается через час, — продолжал слуга. — Вам нужно подготовиться, ваше высочество.

Гордон вспомнил слова Джал Арна о празднике. Вероятно, на этот вечер назначен королевский банкет. И еще Джал Арн говорил о каком-то объявлении, которое Арн Аббас должен сделать. О Лианне, о Мерн и о его долге!

Испытание предстоит серьезное. Соберется толпа гостей, и все они, очевидно, знают Зарт Арна и заметят малейшую ошибку. Но придется идти.

— Хорошо, одеваемся, — сказал Гордон. Слуга подал ему черный шелковый костюм, накинул на плечи длинный черный плащ. Потом приколот на грудь комету из сверкающих зеленых камней — знак высокого происхождения, как догадался Гордон. И, вновь увидев в высоком зеркале свою незнакомую фигуру, смуглое, с резкими чертами лицо, он ощутил странное чувство нереальности происходящего.

— Мне нужно выпить, — отрывисто сказал он. — Чего-нибудь крепкого. — Слуга взглянул на него с легким удивлением.

— Саква, принц?

Гордон кивнул. Слуга поднес кубок с темной жидкостью, она разнесла по жилам щекочущее тепло. После второго кубка он уже ощущал беспечную уверенность. «Я хотел приключений, — подумал он, выходя из покоев. — Что ж, я получил их!»

Правда, приключений получилось даже больше, чем намечалось! Он никогда и не мечтал о том, чтобы показаться перед знатью великой звездной Империи в образе ее принца!

Помещения гигантского дворца были наполнены мягким светом, тихой музыкой, смехом. Движущиеся ковры несли по коридорам группы празднично одетых мужчин и женщин. Гордон — все ему почтительно кланялись — уверенно присоединился к потоку.

Ковер вынес его в обширный вестибюль со сверкающими золотыми стенами. Перед ним расступались разряженные вельможи. Гордон собрался с силами и шагнул к высокому проему, массивные золотые двери были распахнуты. Камергер в шелковой одежде поклонился и громко объявил:

— Его высочество принц Зарт Арн!

6. ПРАЗДНИК ЛУН

Гордон остановился как вкопанный. Он стоял на высоком помосте в огромном круглом зале со стенами из черного мрамора. Длинные светящиеся столы ломились от яств, за ними сидели сотни блестяще одетых людей.

Впрочем, не все они были людьми. Хотя здесь, как и во всей Галактике, преобладал гуманоидный тип, но присутствовали и представители других звездных народов: то жабоподобный человек в зеленой чешуе, то крылатые, с клювом и совиными глазами, то какие-то черные паукообразные существа с множеством рук и ног.

Джон Гордон поднял взгляд, и на мгновение ему показалось, что пиршественный зал открыт небесам. На фоне ночного неба среди тысяч сверкающих звезд поднимались к зениту две золотые луны и одна серебристая. Изображение было настолько совершенно, что не сразу стало понятно, что это потолок планетария.

Взгляды сидящих в зале были обращены к Джону Гордону. На помосте тоже стоял стол, за ним восседало десятка два наиболее знатных гостей. Среди них выделялась высокая фигура Джал Арна.

— Что случилось, Зарт? Будто ты впервые в Звездном Зале!

— Нервы, — хрипло ответил Гордон. — Кажется, мне стоит еще выпить.

— Подкрепляешься? — расхохотался Джал Арн. — Ну, Зарт, это не так уж страшно!

Гордон опустился в кресло, к которому подвел его старший принц. Два места рядом были пусты, дальше сидел сам Джал Арн с женой и маленьким сыном. По другую сторону от себя Гордон нашел адмирала Корбуло. Напротив сидел пожилой худой человек — Орт Бодмер, верховный советник Империи.

Корбуло, строгий в своем простом мундире, поклонился Гордону.

— Вы бледны и подавлены, Зарт, — сказал адмирал. — Это от долгого сидения во всяких лабораториях. Космос — вот настоящее место для молодого человека вроде вас.

— Я с вами согласен, — пробормотал Гордон. — Дай бог, чтобы я оказался там. — Корбуло усмехнулся.

— Даже так? Ну, Зарт, успокойтесь. Помощь королевства Фомальгаут крайне важна, если Шорр Кан решится напасть.

«О чем все они говорят? — мучительно размышлял Джон Гордон. — Лианна и Мерн, королевство Фомальгаут... Что все это значит?»

Над его плечом подобострастно склонился слуга.

— Саквы, — попросил Гордон. На этот раз темная жидкость слегка закружила ему голову. Осушая второй кубок, он ощущал неодобрительный взгляд Корбуло и видел широкую улыбку Джал Арна. И еще видел сияющие столы, нарядных гостей, чудесное искусственное небо... Вот он какой, Праздник Лун!

Тихая музыка внезапно умолкла, и трубы пропели громкий серебряный зов. Все встали. Увидев, что Джал Арн поднимается, Гордон поспешил последовать его примеру.

— Его величество Арн Аббас, властитель Средне-Галактической Империи, сюзерен малых королевств, правитель звезд и планет в маркизатах Внешнего Космоса!

— Ее высочество принцесса Лианна, правительница королевства Фомальгаут!

Эти громкие, ясные слова заставили Джона Гордона вздрогнуть еще до того, как на эстраде появилась величественная фигура Арн Аббаса с девушкой, опирающейся на его руку. Так вот кто такая Лианна. Принцесса, правительница западного королевства Фомальгаут! Но при чем здесь он?

Арн Аббас, великолепный в иссиня-черном плаще, на котором сверкали яркие камни королевской кометы, обратил на Гордона гневные, холодные глаза.

— Ты забыл об этикете? Зарт! Подойди. — Гордон неловко шагнул вперед. Девушка была высокого роста, почти с него, хотя и казалась меньше рядом с императором. Длинное мерцающее белое платье обрисовывало ее гибкий, изящный стан. Гордость, красота, властность — вот что прочел Гордон в ясных серых глазах, на точеном белом лице, обрамленном ореолом золотистых волос. Арн Аббас одной рукой взял руку Гордона, другой — руку Лианны.

— Нобили и капитаны Империи и союзных королевств! Объявляю вам имеющий совершиться брак моего младшего сына Зарт Арна с принцессой Лианной из Фомальгаута!

Помолвка с этой прекрасной звездной принцессой? Гордон был потрясен. Так вот на что намекали Джал Арн и Корбуло! Но он не имеет права! Он не Зарт Арн...

— Возьми ее руку! — рявкнул император. — Или совсем помещался?

Гордон ощутил в ладони тонкие, униженные кольцами пальцы девушки. Арн Аббас удовлетворенно шагнул к столу. Гордон был не в силах сдвинуться с места. Лианна улыбнулась ему сладкой заученной улыбкой.

— Проводите меня к нашим местам, — быстро шепнула она, — чтобы все могли сесть.

Гордон осознал, что все в Звездном Зале стоят и смотрят на них. Он неуклюже подвел девушку к креслу, сел рядом. Вновь зазвучала плавная музыка.

Лианна глядела на него, слегка приподняв тонкие брови. Глаза ее потемнели.

— Ваше поведение вызовет толки. Вы держитесь неестественно!

Гордон с трудом взял себя в руки. Надо играть свою роль. Он еще найдет способ вернуться на Землю и обменяться телами с настоящим Зартом до свершения брака. А сейчас она ждет, что он будет пылким женихом. Пусть так! Не его вина, если это обман.

— Лианна, все так любят вас, что меня даже не замечают.

В ясных глазах девушки отразилось удивление.

— Я никогда еще не видела вас таким, Зарт.

— Значит, это другой Зарт Арн, — засмеялся Гордон. — Совсем другой человек!

И это была правда, которую знал только он один!

Праздник продолжался. Пестрота, блеск и гул голосов. Саква, выпитая Гордоном, унесла последние остатки его тревоги. Он, кажется, мечтал о приключениях? Он получил то, что и не снилось никому в его времени. И даже если его ожидает смерть, разве он не останется в выигрыше? Разве не стоило рискнуть жизнью, чтобы сидеть здесь, в Звездном Зале Троона, вместе с владыками великих космических королевств, рядом со звездной принцессой?

Сидевший рядом с Корбуло красивый краснолицый молодой человек, Сат Шамар, правитель союзного королевства Полярной, как позже узнал Гордон, со стуком поставил свой кубок на стол.

— Пусть они нападут! Чем скорее, тем лучше! — воскликнул он. — Пора проучить этого Шорр Кана!

Адмирал насмешливо посмотрел на него.

— Пора, ваше высочество. А сколько боевых кораблей даст Полярная нашему флоту?

— Боюсь, всего несколько сот, — растерялся Сат Шамар. — Но зато отменного качества!

Этот разговор, очевидно, услышал и Арн Аббас со своего троноподобного кресла.

— Люди Полярной докажут свою преданность Империи. Это несомненно, — прогремел он. — И Фомальгаут, и Лебедь, и Лира, и другие наши союзники.

— Если не подведут бароны Геркулеса, — подхватил Сат Шамар, — нам нечего бояться Облака!

Гордон увидел, что взоры присутствующих обратились на двух человек, сидевших за дальним концом стола. Старик с холодными глазами и высокий атлет лет тридцати. На их плащах поблескивали эмблемы Скопления Геркулеса.

— Конфедерация баронов верна своим обязательствам, — сухо отозвался старик. — Но по данному вопросу никакие формальные обязательства нами не принимались.

Массивное лицо Арн Аббаса потемнело от неудовольствия, однако Орт Бодмер, верховный советник, обращаясь к старому барону, сказал примирительно:

— Все здесь уважают гордую независимость великих баронов, Зу Ризаль. Но мы убеждены, что вы никогда не пойдете на соглашение со злым тираном.

Немного погодя Арн Аббас встал из-за стола. Толпы гостей начали растекаться из Звездного Зала. Придворные расступались перед Гордоном и Лианной. Девушка всем улыбалась, со многими разговаривала, она отлично владела собой. Гордон лишь небрежно кивал в ответ на поздравления и приветствия. Возможные ошибки его не смущали, он чувствовал совершенную беспечность и непривычную теплоту внутри.

Эта саква оказалась воистину волшебным напитком! Жаль, что нельзя взять хотя бы немного ее с собой, в свое время...

Он понял вдруг, что они с Лианной стоят на пороге огромного зала. Колдовской зеленый свет исходил от пылающих комет, медленно ползущих по искусственному небосводу. Здесь кружились в танце сотни пар под пленительную музыку невидимого оркестра.

Гордона поразили неправдоподобно плавные движения танцующих. Они словно парили в воздухе. Потом он догадался, что зал оборудован антигравитаторами, уменьшавшими вес. И было ясно, что он не сможет повторить ни единого па этого воздушно-го танца.

— Насколько я помню, вы неважный танцор, — сказала Лианна, — лучше пойдёмте в сад.

Конечно, настоящий Зарт Арн, ученый-отшельник, и должен быть таким! Что ж, тем лучше.

— Пойдёмте, — засмеялся Гордон. — Поверьте — я танцую еще хуже, чем вы думаете! — Лианна озабоченно взглянула на него.

— Вы очень много пили на празднике. Я раньше не видела, чтобы вы пили сакву.

Гордон пожал плечами.

— Я попробовал ее первый раз в жизни.

Они вышли в сад, и он не удержался от восхищенного восклицания. Кусты и деревья были усеяны множеством светящихся цветов — рубиново-красных, изумрудно-зеленых, бирюзово-голубых. Легкий ветерок был насыщен их опьяняющим ароматом. Позже Гордон узнал, что родина этих цветов — радиоактивные планеты далекой звезды Ахернар.

Позади него поднимались к звездам террасы гигантского дворца. Вокруг ритмически колебались светящиеся цветы. И три луны сияли в зените, добавляя последний штрих к волшебной картине.

— Какая красота! — зачарованно прошептал Гордон.

— Я очень люблю этот сад, — кивнула Лианна. — Но у нас, в королевстве Фомальгаут, есть необитаемые планеты, которые еще прекраснее!

Глаза ее замерцали, и он впервые увидел, как волнение победило бесстрастность на ее прелестном лице.

— Зброшенные дивные миры, словно созданные из живого света! Вы их скоро увидите...

Она смотрела на него снизу вверх, и ее золотистые волосы, словно корона, сияли в мягком свете.

Гордон наклонился к ее устам. Тонкий стан Лианны был гибким и теплым, губы — головокружительно сладостными. «Проклятый обманщик! — подумал Гордон. — Я целую ее вовсе не потому, что играю роль принца, а потому, что мне этого хочется!

Лианна отстранилась. Глаза ее были полны изумления.

— Зачем вы сделали это, Зарт?

— А что здесь удивительного? — возразил Гордон, все еще ощущая восхитительный вкус ее губ.

— Но раньше вы так не делали! — воскликнула Лианна. — Мы оба прекрасно знаем, что наш брак — чисто политическая акция.

Эти слова обрушились на Гордона, как ледяной душ, унося последние пары саквы из его мозга. Он совершил ужаснейшую ошибку! Неужели нельзя было догадаться, что ни Зарт, ни Лианна не хотят этого брака? Оба они лишь пешки в великой игре галак-

тической дипломатии. Теперь надо исправлять ошибку и как можно быстрее.

Девушка все еще смотрела на него с выражением величайшего изумления.

— Я не понимаю, зачем было делать это. Мы же договорились быть только друзьями.

Гордон, совершенно растерявшись, смог придумать единственное объяснение, впрочем, не столь уж далекое от истины.

— Вы так прекрасны, Лианна. Я ничего не могу с собой поделать. Кажется, я в вас влюбляюсь...

Лицо Лианны стало жестким, в голосе послышался сдержанный гнев.

— А как же Мерн?

Мерн? Гордон уже слышал это имя, его упоминал Джал Арн. Однако оно ничего ему не говорило. Ему остро не хватало знания самых элементарных фактов.

— Кажется, я выпил слишком много саквы, — пробормотал он растерянно. И почувствовал облегчение при виде устремившейся в сад веселой толпы. Вторжение посторонних, как оказалось, иногда помогает. Но еще не раз в этот вечер он ловил на себе удивленно-внимательный взгляд серых глаз Лианны.

Когда гости разошлись и они наконец расстались, Гордон, возвращаясь к своим комнатам, вытер лоб. Какой день! Он испытывал почти все, что может выпасть на долю смертного.

7. ЗВЕЗДНАЯ ПРИНЦЕССА

Во второй раз за вечер Джон Гордон обнимал девушку, считавшую его настоящим Зарт Арном. Но темноволосая юная красавица разительно отличалась от гордой принцессы Лианны.

К его губам прильнули жаркие уста. Лица касались мягкие душистые волосы. Мгновенный импульс заставил Гордона крепче сжать гибкую фигурку.

Потом он слегка отстранил ее. На него смотрело прелестное личико, нежное и милое.

— Ты не сказал, что вернулся в Троон, — упрекнула она. — Я увидела тебя только на Празднике.

— Мне было некогда, — неуверенно сказал Гордон. — Я...

Она ласково улыбалась ему, не снимая рук с его плеч.

— Все хорошо, Зарт. Я пришла сюда с пира и ждала тебя... — Она снова придвинулась ближе. — По крайней мере, у нас будет несколько ночей.

Гордон растерялся. Ему и до этого было нелегко. Но теперь... Кто эта девушка? В памяти всплыло имя, которое называли и Джал Арн, и Лианна.

— Мерн... — Она подняла свою темную головку с его плеча.

— Да, Зарт?

Ну что ж, имя — это уже кое-что. Гордон пытался найти выход из сложного положения. Он сел, и Мерн тут же устроилась у него на коленях.

— Послушай, Мерн, — взволнованно начал он. — Тебе нельзя оставаться здесь. Вдруг кто-нибудь увидит, как ты от меня выходишь? — В синих глазах Мерн появилось удивление.

— Ну и что? Ведь я же твоя жена.

Жена? Вновь в который раз за сегодня в мыслях Гордона воцарилась сумятица. Как, во имя Неба, можно играть роль принца, не зная о нем ничего? Почему никто не предупредил Гордона об этих вещах?

И вдруг Гордон вспомнил. Посвящать его не было нужды. Никто не мог предвидеть, что Гордон покинет Землю и полетит на Троон. Налет посланцев Шорр Кана нарушил все планы и привел к этим ужасающим осложнениям.

Мерн, спрятав лицо у него на груди, жалобно продолжала:

— Пусть неофициальная, какая разница? Все же об этом знают.

Вот оно что! На мгновение Джона Гордона обуял гнев. Зарт Арн поддерживал тайную связь с этим ребенком и в то же время готовился к дипломатическому браку с Лианной!..

С другой стороны... Гнев Гордона угас. Союз с Лианной — политический шаг. Зарт понимал это, Лианна тоже. Она ведь знала про Мерн и нисколько не возражала. Как же можно осуждать принца за то, что он ищет счастья с той, которую любит?

Гордон вдруг понял, что Мерн видит в нем любящего супруга. Она собирается провести эту ночь здесь! Он поднял ее со своих колен и встал.

— Мерн, тебе надо уйти. Ближайшие несколько недель тебе придется избегать моего общества.

Прелестное личико Мерн побледнело.

— Зарт, что ты говоришь?

Гордон лихорадочно искал доводы.

— Не огорчайся, пожалуйста. Пойми, это не потому, что я тебя разлюбил.

Ее синие глаза наполнились слезами.

— Это из-за Лианны! Я видела, как ты за нею ухаживал!

Боль на ее лице делала его еще более детским. Гордон проклинал запутанность положения. Он видел, что глубоко ранит это дитя. Он взял ее лицо в ладони.

— Поверь, Зарт Арн любит тебя по-прежнему. Его чувства насколько не изменились.

Мерн слушала. Понимала, что он говорит серьезно, и это ее успокаивало.

— Тогда почему...

Объяснение у Гордона уже было.

— Мы не можем встречаться из-за Лианны, но не потому, что я люблю ее, — продолжал он. — Ты знаешь, что этот союз необходим, чтобы обеспечить нам поддержку Фомальгаута в будущей войне с Облаком!

Мерн кивнула.

— Да, ты это уже объяснял. Но я все-таки не понимаю, причем здесь наши с тобой отношения? Ты говорил, что вы с Лианной договорились считать это просто формальностью.

— Да, но именно сейчас надо соблюдать особую осторожность, — объяснил Гордон. — Троон кишит шпионами Шорр Кана. Если они пронюхают о тебе, это может сорвать брак с принцессой и помешать союзу Империи с Фомальгаутом.

На нежном лице Мерн отразилось понимание.

— Да, Зарт, но неужели нам совсем нельзя видеться?

— Ближайшие недели — только на людях, — твердо ответил Гордон. — Потом я ненадолго покину Троон. И обещаю: когда вернусь, между нами все будет как раньше.

Гордон верил в это. Он доберется до Земли и произведет обратный обмен. И на Троон вернется настоящий Зарт Арн...

Его слова успокоили Мерн, однако не развеселили ее. Она накинула черный плащ, встала на цыпочки и потянулась к нему.

— Доброй ночи, Зарт.

Гордон ответил на поцелуй без страсти, но с нежностью и печалью. Он понимал, почему Зарт Арн любит эту маленькую женщину, похожую на ребенка. Глаза у Мерн недоуменно расширились.

— Ты стал какой-то другой, — шепнула она. — Не знаю...

И выскользнула в дверь.

Гордон лег в маленькой спальне, но долго не мог уснуть. Нервы у него были напряжены, как стальные канаты. Лишь через несколько минут, которые он пролежал, глядя на льющийся в комнату лунный свет, напряжение немного ослабло.

Он страстно желал сейчас только одного — как можно скорее выйти из этой игры! Он не в силах больше носить эту странную маску — личину одной из важнейших фигур в надвигающемся

конфликте великих звездных королевств. Но что делать? Как вернуться на Землю, чтобы обменяться телами с Зарт Арном? .

Пробудившись на рассвете, Гордон увидел у своей постели голубокожего слугу-вегийца.

— Принцесса Лианна приглашает вас завтракать с нею, принц, — сообщил слуга.

Гордон слегка удивился. Почему Лианна присылает ему это приглашение? Заподозрила что-нибудь? Нет, невозможно. И все же...

Он выкупался в комнатке со стеклянными стенами, где, наугад нажимая кнопки, обнаружил, что может получить мыльную, соленую и ароматизированную воду любой температуры, бурно поднимающуюся до самого его подбородка. Слуга подал костюм и плащ из белого шелка. Гордон оделся и направился к покоям Лианны.

Пройдя анфиладу комнат со стенами нежнейшей окраски, он оказался на широкой, утопающей в цветах террасе с видом на Троон. Здесь его встретила Лианна, похожая в своей голубой пижаме на мальчика.

— Я велела подать завтрак сюда, — сказала она. — Вы пришли как раз вовремя. Будем слушать рассветную музыку.

Гордон с удивлением отметил во взгляде Лианны легкое смущение, когда она передавала ему кушанья и напитки. Она совсем не походила сейчас на вчерашнюю горделивую принцессу. А что такое рассветная музыка? Очевидно, еще одна из вещей, о которых он должен знать.

— Начинается, — сказала Лианна. — Слышите?

Высоко над городом вздымались пики Хрустальных гор, тронутые утренними лучами. С этих гордых, недоступных вершин неслись трепетные, невообразимо чистые звуки. И музыкальная буря усиливалась! На фоне вихревого мелкого перезвона, словно райские колокольчики, звучали ангельские арпеджио звенящих нот. Гордон понял: звук получается из-за расширения хрустальных глыб, нагреваемых лучами Канопуса. Белое светило поднималось все выше, и он зачарованно слушал, как музыка переходит в звучное форте, потом замирает в долгом дрожащем аккорде. Он перевел дыхание.

— Я никогда не слышал ничего столь чудесного.

— Но вы слышали это много раз! — удивилась Лианна. Они подошли к балюстраде террасы. — Кстати, почему вчера вы отошли Мерн? — Гордон вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— В этом дворце нет тайн, — тихо засмеялась Лианна. — Не сомневаюсь — сейчас все только и говорят о том, что мы завтра-

каем вместе. Разве вы поссорились? -- И добавила, слегка покраснев: — Конечно, это не мое дело...

— Лианна, не говорите так! — горячо возразил Гордон. — Я...

Он запнулся. Он не мог продолжать, не мог сказать правду, хотя желал этого всей душой и всем сердцем. Мерн была прелестна, но вечно помнить он мог бы только Лианну. Она взглянула на него несколько озадаченно.

— Я не понимаю вас, Зарт, — задумчиво сказала она. На миг умолкла и продолжала: — Я не люблю недомолвок, Зарт, я всегда говорю прямо. Скажите, вы были искренни вчера, когда меня целовали? — Сердце у Гордона дрогнуло.

— Да, Лианна!

Ее серые глаза смотрели на него серьезно и пытливо.

— Как ни странно, но мне тоже так кажется. И все же я не могу поверить...

Она царственно положила руку ему на плечи. Даже если бы все вокруг рушилось, Гордон бы не устоял. И снова он ощутил ее гибкое тело, прикосновение нежных уст.

— Зарт, вы какой-то другой! — прошептала Лианна, невольно повторяя вчерашние слова Мерн. — Я готова поверить, что вы любите меня...

— Люблю, Лианна! — вырвалось у Гордона. — С первой же минуты, как я вас увидел! — Глаза у нее заблестели.

— И вы разойдетесь с Мерн?

Гордон словно очнулся. Господи, что он делает? Ведь настоящий Зарт Арн любит Мерн всем сердцем.

8. ШПИОН ИЗ ОБЛАКА

Временное спасение из безнадёжного тупика пришло в образе камергера, нерешительно появившегося в дверях террасы. Он поклонился.

— Принц, ваш отец просит вас и принцессу Лианну пожаловать в башню.

Гордон обрадовался возможности избежать дальнейшего разговора.

— Сейчас идем, — сказал он. Лианна, казалось, ждала от него каких-то других слов, но он не мог их произнести. Не мог сказать ей, что любит ее. Ведь настоящий Зарт Арн, вернувшись, будет все отрицать.

Они молча проследовали за камергером по движущимся коврам в самую высокую башню дворца. За прозрачными стенами

комнаты открывалась величественная панорама Хрустальных гор, океана.

Арн Аббас взволнованно расхаживал взад и вперед — гигантская, излучающая властность фигура. Присутствовали верховный советник Орт Бодмер и Джал Арн.

— Зарт, дело касается тебя и Лианны, — встретил Гордона император. — Кризис в отношениях с Лигой обостряется. Шорр Кан отозвал в Облако все свои звездолеты. Боюсь, что бароны Геркулеса колеблются. Я разговаривал вчера с Зу Ризалем после пиршества. Он сказал, что бароны не могут полностью положиться на союз с Империей. Они встревожены слухами, что у Шорр Кана появилось какое-то новое, мощное оружие. — Массивное лицо Арн Аббаса омрачилось. — Не думаю, однако, чтобы Зу Ризаль представлял мнение всех баронов. Они могут сомневаться, но победы Облака они не хотят. Их надо склонить к полному союзу с нами. Я собираюсь послать для этого тебя, Зарт.

— Меня? — вздрогнул Гордон. — Но я не справлюсь с таким поручением!

— Кто же тогда, принц? — спросил Орт Бодмер. — Родной сын императора — лучший из послов.

— Не будем препираться, — отрезал Арн Аббас. — Ты полейтишь, нравится тебе это или нет.

Гордон растерялся: лететь послом к могучим владыкам Скопления Геркулеса? Как такое возможно?

И вдруг он увидел свой шанс. Ведь по пути можно сделать остановку на Земле и обменяться телами с Зарт Арном! Если это удастся...

— Следовательно, — продолжал Арн Аббас, — срок вашего с Лианной бракосочетания переносится. Оно должно свершиться до отлета, а ты отправляешься через неделю.

Гордон почувствовал, что падает в пропасть. Он-то рассчитывал, что времени сколько угодно, а теперь...

— Надо ли торопиться? — попытался он протестовать.

— Конечно, — заявил Арн Аббас. — Западные королевства крайне для нас важны. Как супруг принцессы Фомальгаута ты будешь иметь большой вес у баронов.

Лианна быстро взглянула на Гордона.

— Но вдруг у принца Зарта есть возражения?

— Возражения? — грозно произнес Арн Аббас. — Какие, черт возьми, у него могут быть возражения?

Гордон увидел, что открытое сопротивление бесполезно. Ему нужно выигрывать время и продолжать притворяться. Ко-

нечно, какой-нибудь выход найдется, но для этого нужно время. Он сказал:

— Если Лианна не против, я тоже согласен.

— Вот и отлично, — заключил Арн Аббас. — Срок небольшой, но короли успеют прибыть. Мы с Бодмером составим текст приглашения. Остальные свободны.

Гордон был рад, что Джал Арн вышел вместе с ними, — ему не хотелось бы остаться сейчас наедине с Лианной.

Следующие несколько дней показались ему совершенно не-реальными. Дворец и столица гудели от приготовлений. Всюду сновало множество слуг. Каждый день быстрые звездолеты приносили новых гостей из все более удаленных уголков Галактики.

С Лианной он виделся только на пышных вечерних пиршествах, с Мерн — разве что издали. Но время шло, а выхода из фантастического тупика он не находил.

Он не мог сказать правды о себе, не мог нарушить клятву, данную Зарт Арну. Но что еще можно сделать? Он напрягал мозг, но решение не отыскивалось. А время шло.

Вечером накануне назначенной даты в Звездном Зале состоялся большой прием для королей и вельмож, прибывших на свадьбу со всей Галактики. Гордон и Лианна стояли на помосте между Арн Аббасом и Джал Арном. Старший принц был со своей прекрасной женой Зарой. Позади толпились сановники — адмирал Корбуло, Орт Бодмер и другие.

Джон Гордон чувствовал себя как в странном сне. Блестящая толпа, звучные имена, пышные титулы, объявляемые камергерами, телеустановки — на экраны смотрела сейчас вся Галактика... Нет, вот-вот он проснется и очутится в родном двадцатом веке...

— Король солнц Лебеда! — звучали мерные объявления камергеров. — Король Лиры!

Они проходили перед Гордоном — смутный, неясный поток лиц и голосов. Некоторых он помнил: Зу Ризаль из Скопления Геркулеса, молодой Сат Шамар с Полярной...

— Король-регент Кассиопеи! Графы Границ Внешнего Космоса!

Постепенно титулы становились скромнее. Подошедший среди последних смуглый капитан с поклоном подал Гордону кассету мыслезаписи.

— Маленькое прошение от моей эскадрильи, — шепнул он. — Надеемся, ваше высочество прослушает его...

— Хорошо, — кивнул Гордон. Внезапно его прервал адмирал Корбуло. Седой глава флота пристально вглядывался в знаки различия смуглого офицера и вдруг выступил вперед.

— Никого из вашей эскадрильи не должно быть сейчас ближе Веги, — резко бросил он. — Ваше имя и номер отряда!

Капитан побледнел, отпрянул, сунув руку в карман куртки.

— Это шпион, убийца! — вскричал Корбуло. — Сжечь его!

Капитан выхватил короткий атомный пистолет. Гордон за-слонил собою Лианну, но по выкрикнутой Корбуло команде из тайных бойниц под потолком Звездного Зала уже брызнули быстрые атомные пульки, впились в тело шпиона и взорвались. Человек рухнул на пол — изуродованный, почерневший труп.

Толпа отхлынула в панике, раздались испуганные крики. Над шумом вознесся громовой голос Арн Аббаса:

— Бояться нечего! Благодаря бдительности Корбуло и нашей стражи шпион обезврежен! Вынесите тело, — распорядился император. — Зарт и Джал — со мной, Корбуло, велите просветить кассету лучами, вдруг это бомба. Лианна, успокойте гостей.

Гордон последовал за императором в другую комнату, куда перенесли тело. Джал Арн склонился над трупом, распахнул обо-жженный мундир. Изуродованный торс не был смутным, он имел странный бледный оттенок.

— Облачник! Переодетый агент Шорр Кана! — вскричал Арн Аббас. — Шпион Лиги, как я и думал!

— Зачем он явился сюда? — озадаченно пробормотал Джал Арн. — На покушение не похоже — он выхватил оружие, только когда был раскрыт.

— Подождем результатов просвечивания, — произнес прави-тель. — Вот и Корбуло.

В руке адмирал держал взятое у облачника устройство.

— Это обычная кассета, — сообщил он.

— Странно! — проворчал Арн Аббас. — Что ж, давайте слу-шать.

Кассету вставили в аппарат для чтения. Она начала разматы-ваться. Гордон ощутил толчок усиленных мысленных токов, бью-щихся в его сознании. Ясный, звучный голос говорил, казалось, прямо в его голове.

»Шорр Кан — принцу Зарт Арну. К несчастью, согласованно-му ранее плану вашего перелета в Облако помешал имперский патруль. Я, как и вы, сожалею об этом. Но мы уже разрабатываем новый план. Условия нашего соглашения остаются в силе. Как только вы сообщите секрет Разрушителя, мы атакуем Империю, и вы будете публично объявлены равным мне соправителем Галактики. Не предпринимайте активных действий и ждите, пока мои агенты изыщут возможность безопасно доставить вас ко мне».

9. В ДВОРЦОВОЙ ТЮРЬМЕ

В первый момент эти слова показались Гордону бессмысленными. Послание от Шорр Кана к нему, к Зарт Арну! Но когда он уяснил их значение, его охватили изумление и ужас. Он увидел бешеные глаза Арн Аббаса.

— Клянусь Небом, мой родной сын — изменник! — вскричал правитель. — Мой сын тайно сговаривается с Облаком!

— Это фальшивка, — с трудом произнес Гордон. — Я никогда не встречался с Шорр Каном, никогда ничего с ним не обсуждал!

— Тогда почему он посылает тебе такое сообщение? — прогремел император.

Гордон ухватился за единственное возможное объяснение.

— Очевидно, он рассчитывал, что послание будет перехвачено и вызовет смуту. Другой причины нет.

— Отец, это вполне возможно, — кивнул Джал Арн, на красивом лице которого появилось глубокое смущение. — Невероятно, чтобы Зарт был изменником.

— Но это не объяснение! — возмутился Арн Аббас. — Шорр Кан не так глуп, чтобы выдумывать план, который ничего ему не дает. И ведь шпион был разоблачен чисто случайно, когда Корбуло обратил внимание на его знаки! — Лицо императора потемнело. — Зарт, если ты связан с Облаком, твое происхождение тебя не спасет!

— Клянусь, я не виноват! — взмолился Гордон. — Я ни с кем не сговаривался! Зачем мне, ради всего святого, предавать Империю?

— Ты мой младший сын, — мрачно напомнил Арн Аббас. — Ты мог завидовать Джалу, такие вещи случались. Пока мы не закончим расследования, ты будешь заперт в дворцовой тюрьме.

— Нет, так нельзя, — возразил Джал Арн.

Адмирал Корбуло поддержал его:

— Хотя бы ради приличия заприте принца Зарта в его апартаментах. — Арн Аббас гневно сверкнул глазами.

— Вы оба с ума сошли! Неужели вы не понимаете, что если Зарт изменник, то он смертельно опасен? Он знает секрет Разрушителя, известный лишь мне и Джалу! Как только Шорр Кан овладеет этим секретом, Облако будет здесь! Вы этого хотите?

— Но завтра венчанье, гости... — напомнил Джал.

— Объявите, что Зарт заболел, — отрезал правитель. — Корбуло, отведите принца в тюрьму. Вы отвечаете за него.

Голова у Гордона шла кругом. Сказать им правду, настоящую правду? Что он не знает никаких секретов, что он — Джон Гордон

из двадцатого века? При таких обстоятельствах Зарт Арн вряд ли будет в претензии...

Но чего он достигнет, если расскажет правду? Ничего. Никто не поверит этой невероятной истории. Зарт Арн держал свой способ обмена в строгой тайне, и никому такое даже не снилось. Они решат, что это отчаянная ложь во спасение.

Плечи Гордона поникли. Не пытаясь протестовать, он послушно вышел вслед за адмиралом Корбуло. В коридоре, на ковре, уносившем их в нижние ярусы, тот вдруг заговорил:

— Зарт, я абсолютно отвергаю мысль о вашей измене. Мне придется заточить вас в камеру, но можете быть уверены — я сделаю все для вашего освобождения.

Неожиданная поддержка со стороны старого офицера приободрила Гордона.

— Корбуло, я клянусь, все это — какое-то дьявольское недоразумение! Неужели отец думает, что я и правда предатель?

— Мы оба знаем, какой вспыльчивый характер у Арн Аббаса, — помедлив, ответил адмирал. — Но когда он остынет, я заставлю его слушать.

Они спустились в подземелье, подошли к массивной бронированной двери. Корбуло направил тонкий луч света из перстня в узкую скважину. Дверь скользнула в сторону, открыв квадратную камеру.

— Это дворцовая темница, Зарт. Никогда не предполагал, что мне придется вести вас сюда. Но не отчаивайтесь — мы сделаем все возможное.

Гордон с благодарностью пожал ему руку. Дверь тяжело задвинулась.

В камере стояла лишь койка с тоненьким тюфяком. Из стены торчали два крана — для воды и для питательной жидкости. Стены, пол и потолок были сплошь из металла.

Гордон сел. Затебившаяся было надежда угасла. Пусть даже Корбуло и Джал Арн верят ему — как доказать свою невиновность? И главное, подумалось вдруг, что если он действительно виновен и настоящий Зарт Арн интриговал с Шорр Каном?

Гордон покачал головой. Нет, это немыслимо. Зарт Арн — энтузиаст науки, а не заговорщик. Если бы он занимался политикой, ему некогда было бы изучать прошлое. Но если Зарт Арн не был замешан в заговоре, то почему тогда Шорр Кан прислал эту кассету?

Гордон сдался. Происшедшее было выше его понимания. Следовало предположить заранее, что невежество навлечет на него всякие несчастья, если он попытается сыграть роль Зарт Арна.

Он с горечью подумал о Лианне. Она, несомненно, уже все знает. Неужели она тоже сочтет его изменником! Мысль об этом доводила Гордона до отчаяния.

Потом его охватила апатия, и он забылся тяжелым сном. Спал долго, возможно, сутки. Разбудил его звук отодвигаемой двери. Он вскочил, недоверчиво вглядываясь в вошедших.

Один из них был Корбуло. Но второй — стройный, в темном костюме...

— Лианна! — воскликнул Гордон — Что вы здесь делаете?

Она подошла, бледная, но с сияющими глазами, положила руки ему на плечи.

— Зарт, мне сказали, в чем обвиняет вас отец. Арн Аббас, должно быть, сошел с ума! — Он жадно вглядывался в ее лицо.

— Так вы не считаете меня изменником, Лианна?

— Я знаю, что вы не изменник! Я сказала об этом Арн Аббасу, но он не стал слушать, был слишком разгневан...

Гордон разволновался.

— Лианна, меня больше всего мучила мысль, что вы поверите в этот бред!

Корбуло ступил вперед, его суровое лицо было серьезно.

— У нас нет времени на разговоры, принцесса. Мы должны ровно через двадцать минут вместе с принцем Зартом уйти отсюда.

— Со мной? — удивленно повторил Гордон. — Вы не оговорились? — Корбуло покачал головой.

— Нет, Зарт, я посвятил принцессу во все. Я хочу помочь вам бежать с Троона.

Гордон ощутил теплое чувство к суровому командору.

— Корбуло, я ценю ваше доверие. Но разве мне нужно бежать?..

— Зарт, это необходимо! Я полагал, что сумею переубедить императора. К несчастью, в ваших покоях найдены другие послания Шорр Кана. — Гордон оторопел.

— Это фальшивки! Их подбросили, чтобы погубить меня!

— Я так и думаю, но вашего отца они убедили, — заявил Корбуло. — В своем нынешнем настроении он способен казнить вас немедленно! Что толку, если потом ему придется раскаиваться? Вы должны покинуть Троон, пока я не смогу подтвердить вашу невиновность.

— Мы все обдумали, Зарт, — быстро добавила Лианна. — У Корбуло есть легкий крейсер с верным экипажем, он ждет на космодроме. Корабль доставит нас в мое королевство Фомальгаут. Там мы будем в безопасности. Тем временем Корбуло и ваш брат докажут, что вы невиновны.

Гордону показалось, что он ослышался.

— Вы сказали — мы? Лианна, вы собираетесь бежать вместе со мной? Почему?

Ее нежные теплые руки обвилились вокруг его шеи, мягкие губы прильнули к его губам.

— Вот почему, Зарт. — Голова у него закружилась.

— Вы хотите сказать, что любите меня, Лианна?

— Да. С того вечера, с Праздника Лун, когда вы поцеловали меня, — прошептала она. — До этого вы мне нравились, но не больше. А теперь стали каким-то другим...

Находясь на волосок от гибели, в глухом подземелье императорского дворца, отрезанный от своего мира и своей эпохи, Гордон испытал небывалую, сумасшедшую радость. Сознание смертельной опасности отступило на второй план. Это он, пусть и в чужой оболочке, завоевал любовь звездной принцессы. Хотя и не зная этого, она любила не Зарт Арна, а его — Джона Гордона!

10. БЕГСТВО В ПУСТОТУ

Тайна едва не сорвалась с уст Гордона. Очень хотелось сказать Лианне, что он — Зарт Арн только внешне, а на деле — Джон Гордон из далекого прошлого. Однако он не мог нарушить данного обещания. И зачем слова, если в конце концов он оставит ее и вернется в свое время? Какая еще пытка сравнится с этой? Делать все для того, чтобы поставить половину Вселенной и две тысячи веков между собой и единственной девушкой, которую он любит... Гордон сказал неуверенно:

— Лианна, вам нельзя лететь. Это слишком опасно.

Она быстро взглянула на него блестящими глазами.

— Чтобы дочь звездных королей испугалась опасности?! Нет, Зарт, мы летим вместе. Поймите, ваш отец не отважится прибегнуть к силе, если вы будете со мной в Фомальгауте. Империи нужны союзники, зачем ему ссориться с моим народом?..

Мысли у Гордона понеслись в дикой скачке. Вот, может быть, его шанс попасть на Землю! Вырвавшись с Троона, он найдет способ уговорить людей Корбуло. И они отвезут его на Землю, в лабораторию. Там он втайне от Лианны произведет обратный обмен с принцем. А уже настоящий Зарт Арн как-нибудь докажет свою невиновность.

Корбуло приблизился снова. На суровом лице была тревога.

— Медлить больше нельзя! Смена стражи — это наш единственный шанс!

Лианна схватила Гордона за руку и повлекла к выходу. Корбуло отодвинул тяжелую дверь. Коридор за нею был слабо освещен и пуст.

— Мы пойдем к малоизвестной ветви подземки, — торопливо объяснил Корбуло. — Там ждет один из самых верных моих офицеров.

В коридоре было тихо. Глухие своды не пропускали ни звука из огромного здания, расположенного где-то вверху. Наконец беглецы достигли вестибюля одной из веток подземной дороги. В туннеле ждал вагон, рядом стоял мужчина в форме флота.

— Терн Эльдред, командир крейсера, который доставит вас в Фомальгаут, — представил его Корбуло. — Верный мне человек.

Терн Эльдред был родом из системы Сириуса, на это указывал бледно-зеленый цвет его кожи. Он выглядел настоящим космическим волком, но жесткое лицо тронула улыбка, когда он поклонился Гордону и Лианне.

— Принц Зарт, принцесса, для нас это великая честь. Адмирал посвятил меня во все тонкости задания. Можете положиться на моих людей, мы доставим вас точно в пункт назначения.

— Может быть, все же не стоит... — заколебался Гордон. — Наш побег могут превратно истолковать.

— Это единственный выход! — отрезал Корбуло. — Мне нужно время, чтобы раскопать доказательства вашей невиновности и предъявить их Арн Аббасу. Иначе он велит расстрелять вас как изменника.

Гордон больше не протестовал. Но о главной причине знал только он: бегство в космос давало ему возможность вернуться на Землю. Лианна мягко сказала адмиралу:

— Вы многим жертвуете ради нас. Я никогда не забуду этого.

Гордон и Корбуло обменялись прощальным рукопожатием. Терн Эльдред тронул рычаг, и вагон помчался в темноту туннеля.

— Все рассчитано до секунды, принц. Мой «Маркаб» ждет нас в отдельном доке. Официально мы отбываем в патрульный рейс.

— Вы рискуете головой, капитан, — сказал Гордон. Сирианин улыбнулся.

— Адмирал Корбуло был мне как отец. Я не мог бы не оправдать доверия, которое он оказал мне и моим людям.

Вагон замедлил ход и остановился у небольшого перрона, где их встретили два офицера с атомными ружьями. Беглецы вышли из вагона. Терн Эльдред повел их к движущемуся ковру.

— Укройте лица плащами, — предупредил он. — Вы будете в безопасности лишь на борту «Маркаба».

Они вышли наверх на окраине космопорта. Была ночь, в теплом свете двух золотых лун тускло блестели массивные корабли, краны, машины. В доках, подавляя все остальное своими размерами, темнели черные громады мощных боевых кораблей. Спеша вслед за Терн Эльдредом мимо одного из них, Гордон заметил тупые рыла тяжелых атомных пушек, рисующиеся на фоне звезд.

Сирианин жестом остановил спутников — впереди прошли какие-то люди. Стоя в темноте, Гордон ощутил на руке пожатие пальцев Лианны.

Потом Терн Эльдред сделал знак двигаться дальше.

— Нужно спешить. Опозываем! — Черная рыбообразная масса «Маркаба» выросла перед ними в золотистом лунном сиянии. Из иллюминаторов сочился свет, с кормы доносился приглушенный гул генераторов. Все поднялись по узкому трапу к открытому люку. И вдруг тишину разорвал рев сигнальной сирены.

Из громкоговорителей космопорта послышался хриплый, возбужденный голос:

— Тревога всему летному составу! Арн Аббас убит!

Гордон замер на пороге люка, крепко стиснув ладонь Лианны. Голос надрывался:

— Немедленно найти и арестовать принца Зарта! Немедленно!

Огромный космопорт был объят тревогой. Оглушительно ревели сирены, голос из громкоговорителя снова и снова повторял страшное объявление. Били колокола, бегали и кричали люди.

Далеко на юге над башнями города в ночное небо один за другим взмывали боевые самолеты.

Терн Эльдред втащил за руки Гордона и Лианну.

— Спешите, принц! Вас спасет только срочный старт!

— Бежать, чтобы все думали, что это я убил Арн Аббаса? — воскликнул Гордон. — Нет! Мы возвращаемся во дворец!

— Вернемся, — поддержала его Лианна, хотя и сильно побледнела. — Смерть Арн Аббаса потрясет Империю.

Гордон вернулся к трапу. Зеленое лицо Терн Эльдред искажилось, он выхватил из кармана стеклянную палочку. Она завершалась стеклянным же полумесяцем с металлическими наконечниками.

— Зарт, это парализатор! Берегитесь! — закричала Лианна.

Концы полумесяца коснулись подбородка Гордона. В мозгу словно вспыхнула молния. Он почувствовал, что падает, теряя сознание. И стало темно.

Мрак длился вечность, потом где-то забрезжил свет. Гордон ощутил под собой твердую гладкую поверхность. В ушах стоял ровный давящий гул.

Гордон с усилием открыл глаза. Он валялся на койке в крохотной каюте. На другой лежала Лианна, глаза ее были закрыты. В круглый иллюминатор светили звезды. Гордон понял, что гул исходит от мощных атомных турбин «Маркаб» на предельной скорости несясь сквозь галактическую пустоту.

Лианна шевельнулась. Гордон заставил себя подняться, подошел к ней. Растирал руки и лицо, пока глаза у нее не открылись. Девушка сразу пришла в себя.

— Ваш отец убит! — вспомнила она. — И на Трооне думают, что это сделали вы!

— Нужно вернуться, — кивнул Гордон. — Мы уговорим Терн Эльдред лететь назад.

Он с трудом добрался до двери каюты, подергал ее. Она не поддавалась. Они были заперты.

Голос Лианны заставил Гордона обернуться. Девушка стояла у иллюминатора. Ее лицо изменилось.

— Идите сюда, Зарт.

Он приблизился. Каюта размещалась в носовой части крейсера, и кривизна борта позволяла смотреть прямо по курсу.

— Они летят не в Фомальгаут! — воскликнула Лианна. — Терн Эльдред обманул нас!

Гордон глядел на сверкающий звездами свод, ничего не понимая.

— Смотрите западнее туманности Ориона, — шепнула Лианна.

Гордон поглядел, куда она показывала. Далеко впереди в космосе чернело пятно. Мрачное, зловещее, словно поглотившее часть пространства.

— Нас везут в Облако! Зарт, это заговор Шорр Кана!

Облако! Тайнственное царство тьмы. Лига Темных Миров, где вынашиваются гнусные замыслы о войне и порабощении народов Галактики.

11. ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР

У Гордона словно открылись глаза. Все, что произошло с того момента, как он превратился в Зарт Арна, делалось под диктовку засевшего в Облаке тирана. Шорр Кан решил втянуть его в конфликт между галактическими государствами, и безуспешно. Владыке Темных Миров служит множество тайных агентов. Один из них, бесспорно, Терн Эльдред.

— Клянусь Небом, я понял! Терн Эльдред — предатель. Он помогает Облаку!

— Но зачем это им, Зарт? Зачем обвинять вас в убийстве собственного отца?

— Чтобы окончательно скомпрометировать меня и не дать вернуться в Троон! — скрипнул зубами Гордон

Лианна побледнела, но взгляд ее оставался тверд. Гордону стало за нее страшно. Это из-за него ей угрожает смертельная опасность. Ей, которая так хотела ему помочь...

— Лианна, я предупреждал, что вам нельзя лететь! Если с вами что-нибудь случится...

Дверь рывком сдвинулась. На пороге стоял Терн Эльдред. На зеленоватых губах играла насмешливая улыбка. Охваченный вспышкой ярости, Гордон ринулся к негодю. В руках у Терн Эльдреда возникла стеклянная палочка.

— Вот мой парализатор, — сухо сказал он. — Вы забыли, как он действует?

— Предатель! — закричал Гордон. — Вы опозорили свой мундир! — Терн Эльдред невозмутимо кивнул.

— Да, я уже много лет доверенный агент Шорр Кана. Надеюсь получить от него заслуженную награду, когда доставлю вас в Талларну.

— В Талларну? Столицу Лиги? — спросила Лианна. — Значит, мы действительно летим в Облако?

— И прибудем через четыре дня. К счастью, зная расписание патрулей Империи, я могу выбирать маршрут, который избавит нас от неприятных встреч.

— Так Арн Аббас убит вами, шпионами Лиги! — крикнул Гордон. — Вы знали, что это случится! Вот почему вы так спешили!

Изменник холодно подтвердил:

— Конечно. Все было рассчитано до секунды. Никто теперь не усомнится, что вы убили своего отца и бежали, а мы помогли вам. — Гнев Гордона усилился.

— Клянусь Небом, мы еще не в Облаке! Адмирал Корбуло сумеет сложить два и два и пошлет за вами погоню!

Несколько мгновений Терн Эльдред молча смотрел на него, потом расхохотался.

— Прошу прощения, принц Зарт, но я никогда не слышал ничего столь смешного! Разве вы не догадались, что именно Корбуло все и придумал?

— Вы с ума сошли! Корбуло — самый верный солдат Империи.

— Конечно, — согласился Терн Эльдред, — но только офицер, всего лишь адмирал флота. А он честолюбив и давно уже метит гораздо выше. Последние несколько лет он и еще человек двадцать высших офицеров работали на Шорр Кана. — Глаза его за-

блестели. — Когда Империя капитулирует, каждый из нас получит по королевству. А Корбуло достанется самое крупное...

Гордон с ужасом понял, что это правда. Корбуло — тайный предатель! Невероятно, но это многое объясняло.

Видимо, Терн Эльдред прочел на лице Гордона, что творится в его голове.

— Теперь вы понимаете, почему я смеялся? Да ведь Корбуло сам прикончил Арн Аббаса! И тут же поклялся, что своими глазами видел, как это сделали вы!

Лианна была потрясена.

— Но почему? Зачем впутывать Зарта?

— Это самый простой способ расколоть Империю, — издевательски усмехнулся сирианин. — Другие причины, надеюсь, растолкует Шорр Кан.

Джон Гордон не выдержал и прыгнул вперед, проигнорировав предостерегающий возглас. Он ловко увернулся от парализатора, и его кулаки обрушились на лицо противника.

Тот упал, они покатались по полу. Но Гордон не успел вырвать оружие. Леденящий удар сотряс его — и наступил мрак...

Очнулся он снова на койке. Боль разламывала тело. Лианна сидела рядом и смотрела на него встревоженными серыми глазами.

— Зарт, вы были без сознания больше суток! Я уже начала беспокоиться...

Он попытался подняться, но ее маленькие руки уложили его снова.

— Не надо, Зарт. Вам нужно отдохнуть, пока нервы не оправятся от электрического удара.

Он посмотрел в иллюминатор. Там по-прежнему блистали звезды, черное пятно Облака почти не увеличилось. Лианна проследила за его взглядом.

— Мы летим очень быстро, но все же потребуется несколько дней. Возможно, еще повстречаем патруль.

— Лианна, оставьте надежду на это, — простонал Гордон. — «Маркаб» — крейсер Империи, его пропустит любой патруль. А если Корбуло стоит во главе заговора, то он расставил патрули так, чтобы корабль прошел незамеченным.

— Я долго думала, — сказала Лианна. — Корбуло — враг! Невероятно...

Гордон уже не сомневался. Доказательства были слишком убедительными.

— Честолюбие толкает людей на все, а Корбуло честолюбив, — проговорил он. И вдруг подумал о другом: «Господи, но когда

Лига нападет на Империю, та окажется беззащитной, ведь флот возглавляет предатель!».

Он с усилием поднялся с койки, несмотря на протесты Лианны.

— Если бы только мы могли известить Троон! Если бы нашли способ предупредить Джал Арна!

Лианна покачала белокурой головой.

— Боюсь, что пока мы пленники Облака, такой возможности не представится. Шорр Кан этого не допустит.

В голове у Джона Гордона кружился хаос известных и неизвестных факторов. Ясно было только одно. Все они, вся Вселенная, считают его Зарт Арном. И поэтому все думают, что он знает секрет Разрушителя, известный только Арн Аббасу и его сыновьям. Вот почему Корбуло рискнул реализовать план, посылающий его с Лианной пленниками в Облако! Когда, как Шорр Кан рассчитывает, он узнает тайну этого оружия, ему нечего будет бояться флота Империи, которым командует один из его людей. Он нападет тотчас же!

«Маркаб» мчался вперед. К вечеру по бортовому времени вид звездного неба изменился. Туманность Ориона сияла теперь на востоке во всей своей красе. А впереди, за пограничными солнцами Галактики, заметно разбухнув, темнело пятно Облака.

Весь день Гордон не находил себе места. Его мучила тревога за Лианну. Облазил всю каюту — безрезультатно. Он без колебаний бы встретил с кулаками всякого, кто заглянет сюда, однако о пленниках, казалось, забыли. Оставалось снова и снова упрекать себя за то, что он позволил Лианне лететь.

Но сама она уже не выглядела испуганной, когда обратилась к нему вечером этого долгого дня:

— Зарт, главное, что мы пока вместе. Возможно, несколько часов — это все счастье, которое нам осталось.

Мысленно Гордон уже обнимал ее, касался пальцами сияющих волос. Он заставил себя сдержаться.

— Лучше постарайтесь уснуть, Лианна. Спокойной ночи.

Она удивленно посмотрела на него.

— В чем дело, Зарт?

Ничего в жизни он не жаждал так, как заключить ее в объятия. Но... Предать Зарт Арна, доверившего ему свое тело, свою жизнь, свое имя? Это означало бы и предательство по отношению к самой Лианне. Ибо если он сумеет попасть в лабораторию на Земле — он обязан на это надеяться, — оттуда выйдет настоящий Зарт Арн. А тот любит Мерн.

«О чем ты думаешь? — шепнул Гордону лукавый внутренний голос — Вы никогда не вырветесь из Облака. Наслаждайся же своим счастьем сейчас, пока это возможно!»

— Не будем говорить о любви, — сказал Гордон.

— Но, Зарт. — Она не смогла скрыть изумления. — Еще вчера вы уверяли, что любите меня!

Гордон лихорадочно подыскивал нужные слова.

— Зарт Арн любит Мерн. Вы должны знать это, Лианна.

Недоумение на ее лице вытеснила боль. Гордон ожидал гнева, горьких упреков, слез. Ко всему этому он был готов. Но не к боли, застывшей в ее глазах. «Бог с ним, с моим обещанием! — решил наконец он. — Зарт Арн, надеюсь, меня простит». Он шагнул к ней, взял за руку.

— Лианна, я скажу вам правду. Зарт Арн не любит вас, но я вас люблю! — И торопливо продолжал: — Я не Зарт Арн, я совсем другой человек. Знаю, это звучит дико, но...

Она вспыхнула.

— Давайте не будем больше лгать, Зарт.

Он увидел по выражению ее лица, что все пропало. Она, разумеется, не поверила. Как можно было думать, что она поверит? Разве сам он поверил бы? Нет. И никто во всей бесконечной Вселенной. Один Вель Квен знал о фантастических опытах Зарта Арна. Но Вель Квен мертв. Она смотрела на него спокойно и холодно.

— Вам нет смысла придумывать эти дикие истории с раздвоением личности. Я все поняла. Вы делали то, что считали своим долгом. Опасаясь, что я в последний момент могу отказаться от этого брака, вы притворились влюбленным, чтобы обеспечить Империи поддержку Фомальгаута.

— Лианна, клянусь, вы ошибаетесь, — простонал Гордон. — Но если вы мне не верите... — Она словно не услышала его слов.

— Не нужно было так делать, Зарт. Я не хуже вас знаю, насколько необходима Империи поддержка моего королевства. Если нам удастся вернуться, я сдержу свое обещание, как сдержит его и мое королевство. Я повенчаюсь с вами, но наш брак будет только политической игрой.

— Хорошо, Лианна, — медленно произнес он. — Повторяю, я не лгал вам. Но теперь уж все равно.

Он указал на иллюминатор. Там, пожирая звездное небо, разрасталась злоеющая опухоль Облака. Лианна кивнула.

— У нас мало шансов вырваться из когтей Шорр Кана. Но если это случится, я останусь вашей союзницей. Личные чувства ничего не значат в сравнении с необходимостью предупредить Империю.

Гордон понимал, что надежды остается все меньше и меньше. «Маркаб», следуя на предельной скорости, приближался к Облаку. В эту «ночь», когда огни корабля потускнели, Гордон

лежал на своей койке, горько размышляя о том, что судьба сыграла с ним самую злую шутку в истории человечества. Девушка в каюте любила его, и он ее тоже любил. Но даже если все закончится благополучно, то невообразимая пропасть пространства и времени навеки разделит их, и она всю жизнь будет считать его бесчестным.

12. В КОСМИЧЕСКОМ ОБЛАКЕ

Проснувшись на следующее утро, они увидели, что Облако впереди стало колоссальным. Его огромное пятно занимало полнеба — сгусток вихрящейся тьмы, вытягивающий во все стороны гневные косматые отростки, словно спрут, охватывающий своими черными щупальцами всю Галактику. «Маркаб» сопровождали теперь четыре массивных боевых космолета с черным кругом на корпусе — гербом Лиги Темных Миров. Они шли так близко и так точно уравнивая скорость, что были различимы во всех подробностях.

— Можно было предвидеть, что Шорр Кан выйдет эскорт, — прошептала Лианна. Она взглянула на Гордона. — Он думает, тайна Разрушителя у него в руках.

— Лианна, пусть вас не беспокоит хотя бы это, — сказал Гордон. — Он никогда не выведает у меня этой тайны.

— Я знаю, вы не измените Империи. Но, говорят, ученые Лиги — великие мастера старинных пыток. Они могут вырвать у вас тайну. — Гордон коротко засмеялся.

— Не думаю. Шорр Кан увидит, что сильно просчитался.

Пять кораблей приближались к Облаку. Вселенную впереди них, казалось, затягивал черный вьющийся дым. И вот, сохраняя тесный строй, эскадрилья нырнула в Облако. Вокруг заклубилась мгла. Не полная темнота, а мрачная, темная мгла, казавшаяся дымом после сверкающего блеска открытого небосвода.

Космическая пыль, из которой состояла туманность, оказалась не столь густа, как полагал Гордон. Лишь из-за огромных размеров Облако выглядело снаружи непроницаемо черным. А изнутри это было царство беспросветного, без конца и края, тумана, подсвеченного редкими тусклыми солнцами. Они мерцали сквозь пелену, словно колдовские светильники. Эскадрилья прошла вблизи одной из здешних планетных систем, и Гордон увидел безрадостные миры, погруженные в вечные сумерки. Руководствуясь невидимыми лучами радаров, корабли внедрялись в Облако. Но торможение началось только на следующий день.

— Наверное, уже близко, — сказал Гордон. Лианна кивнула, указала в иллюминатор. Далеко впереди в туманной дымке светилась тускло-красная звезда.

— Это солнце Талларны, — прошептала она. — Столицы Лиги Темных Миров.

Медленно тянулись часы. На эскадрилью обрушивались потоки метеоритов, корабли все время лавировали, меняя курс. Ежеминутно раздавались пронзительные свистки тревоги. Неясные угловатые обломки возникали из мглы и тут же исчезали во вспышках атомного огня. И вновь лишь зловещее зеленоватое сияние газа, называвшегося некогда небулием, озаряло эти опасные области космоса. Но каждый раз, как «Маркаб» выходил в более разреженный район, впереди все ближе горело красное солнце.

— Талларна недаром стала столицей, — сказала Лианна. — Чужому не прорваться сквозь эти заслоны...

Тусклая звезда блестела в сердце мрака, словно злобный пристальный глаз. Единственная планета, Талларна, тоже производила жуткое впечатление. Большую часть ее, как грибок, покрывали странные белесые джунгли. Черный океан вздымал эбеновые волны, отражающие кровавый свет солнца. Корабли, войдя в атмосферу, приближались к циклопическому городу. Огромные, казарменного вида черные здания выстроились правильными рядами, как полки, готовые к наступлению.

Лианна тихо вскрикнула. Она указывала на бесконечные ряды доков за чертой города. Гордон увидел тысячи боевых кораблей. Словно муравьи, рядом с ними сновали люди.

— Это только одна из их баз, — сказала Лианна. — Лига гораздо сильнее, чем мы считали.

— Но брат соберет всю мощь Империи, — проговорил Гордон, стараясь побороть охватившее его леденящее чувство тревоги. — И в его распоряжении Разрушитель. Если бы он еще знал об измене!

«Маркаб» опускался к колоссальному кубическому зданию. Корабли эскорта зависли в воздухе.

Крейсер приземлился в центре обширной, огороженной высокой стеной площадки. Со всех сторон к нему бежали солдаты-облачники, бледные люди в черных мундирах. Спустя несколько минут в каюту вошли Терн Эльдред и незнакомый офицер.

— Мы прибыли, и я узнал, что Шорр Кан желает видеть вас немедленно, — сказал Гордону предатель. — Предупреждаю — сопротивление бесполезно.

Гордон уже дважды испытал на себе действие парализатора, и уговаривать его не было нужды. Он встал, держа Лианну за руку, и кивнул.

— Хорошо. Чем скорее все кончится, тем лучше.

Они вышли из корабля, из-за уравнилелей тяготения разница в притяжении не чувствовалась. Воздух был холодный, и чувство подавленности усиливалось унылым мраком, сгустившимся с заходом красного солнца. Холодный, мрачный, вечно окутанный дымкой, этот мир в сердце Облака показался Гордону подходящим местом для рождения заговора, направленного на раскол Галактики.

— Вот Дерк Ундис, один из высших офицеров Лиги, — говорил тем временем сирианин. — Принц Зарт Арн и принцесса Лианна, Дерк.

Облачник был еще молод, на его красивом бледном лице лежала печать фанатизма. Он поклонился.

— Вождь ждет нас.

В его глазах мелькнула искра торжества. Гордон понял — облачники должны ликовать. Арн Аббас убит, захвачен член королевской семьи...

— Сюда, — сказал Дерк Ундис, когда они вошли в здание. И с гордостью добавил, обращаясь к Гордону: — Удивлены? Да, мы избегаем ненужной роскоши.

В мрачных залах огромного здания царила спартанская простота. Ничего от пышности императорского дворца в Трооне и ни единого человека в гражданском платье. Чувствовалось, что здесь — центр военного государства.

Они подошли к тяжелой двери. Стражи с атомными ружьями расступились, и дверь открылась.

Комната была еще более неприютной, чем другие помещения. Единственный стол, жесткие стулья — вот и вся обстановка.

Человек, сидевший за столом, встал. Он был высок и широкоплеч, лет около сорока. Коротко стриженные черные волосы, энергичное худощавое лицо, пронзительные черные глаза...

— Шорр Кан, вождь Темных Миров! — с восторгом объявил Дерк Ундис. — Пленники доставлены, господин!

Цепкий взгляд Шорр Кана ощупал Гордона, мельком скользнул по Лианне, и он обратился к сирианину:

— Отличная работа, Терн! Вы и Чен Корбуло доказали свою преданность великому делу Лиги. И Лига не останется перед вами в долгу... А сейчас во избежание подозрений возвращайтесь в Империю и присоединяйтесь к флоту.

— Ваша мудрость велика, господин! — щелкнул каблуками Терн Эльдред. — Готов исполнить любое новое приказание!

— Вы тоже свободны, Дерк, — кивнул Шорр Кан. — Я сам допрошу наших гостей. — Дерк Ундис смеялся.

— Оставить вас с ними, господин? Правда, они безоружны, но... — Диктатор уничтожающе посмотрел на офицера.

— Вы считаете, я должен бояться какого-то слабосильного императорского отпрыска? Разве миллионы людей не готовы с радостью отдать свои жизни во имя нашего великого дела? Разве кто-нибудь из них отступит перед опасностью, когда от его самоотверженности и беззаветной преданности зависит успех наших грандиозных планов? Мы добьемся победы! Займем свое законное место в Галактике, отвоюем его у алчной Империи, жаждущей обречь нас на вечное прозябание в этих темных мирах! Борясь за общее дело, разве может вождь помышлять о своей персоне?

Дерк Ундис поклонился истово, с благоговением. Терн Эльдред тоже. Оба вышли из комнаты.

Едва дверь за ними закрылась, суровое лицо Шорр Кана смягчилось. Вождь Лиги опустился на стул и смотрел на пленников, широко улыбаясь.

— Как вам моя речь, Зарт Арн? — поинтересовался он. — Ловко я их, правда? Что делать — людям нравится подобная чушь.

Внезапная перемена в его поведении была поразительна.

— Значит, вы сами не верите в это? — спросил Гордон.

— Разве я похож на крупного идиота? Такие слова годятся только для сумасшедших фанатиков. Но фанатики — главная движущая сила, вот и приходится... — Он радушно указал на стулья. — Садитесь. Я бы предложил выпить, но не держу здесь ничего такого. Не дай бог рухнет прекрасная легенда о строгой жизни Шорр Кана, о его преданности долгу, о его неустанных трудах на благо народов Лиги...

Он смотрел на них со спокойным цинизмом, с холодным выражением в зорких черных глазах.

— Я многое знаю о вас, Зарт Арн. Вы скорее ученый, чем человек дела, зато вы весьма умны. Да и принцесса Лианна, ваша невеста, отнюдь не глупа. А с умными людьми беседовать приятнее. Не надо нести трескучую ерунду о чести, долге, о нашей исторической миссии...

Теперь, когда первое изумление миновало, Гордон уже понимал немного этого вождя, имя которого нависало тенью над всей Галактикой. Чрезвычайно умный, но в то же время и столь же циничный, безжалостный, острый и холодный, как лезвие меча, — таков был Шорр Кан.

Гордон ощутил странное чувство неполноценности. Преимущество в силе и хитрости было на стороне противника. Сознание этого только обостряло его ненависть.

— Вы ждете спокойного делового разговора? После того, как похитили меня да впридачу поставили клеймо отцеубийцы?

Шорр Кан пожал плечами.

— Я допускаю, что вам неприятно. Но вы мне нужны! И давно уже были бы здесь, не помешай случай. — Он сокрушенно покачал головой. — Все было отлично спланировано, помехи устранены, Корбуло представил полное расписание патрулей в районе Земли... И вдруг как на грех эта антаресская эскадрилья! Вот мне и пришлось изыскивать иные пути, принц Зарт. В частности, направить вам компрометирующее послание. Корбуло, разумеется, имел приказ «разоблачить» моего курьера, а потом способствовать вашему побегу. Кто же после этого усомнится, что Арн Аббаса убили именно вы?

— Значит, адмирал Корбуло действительно работает на вас?

Шорр Кан усмехнулся.

— Держу пари, для вас это тяжелый удар, так? Он бредит властью, бредит собственным звездным королевством. И скрывает свои воуждения под маской грубоватого честного служаки, любимца Галактики. Но вам будет приятно узнать, что, кроме Корбуло, нас поддерживают лишь очень немногие чиновники и офицеры Империи. Всего человек двадцать. Этого, правда, достаточно, чтобы лишить Империю всех шансов, когда дойдет до настоящего дела.

Гордон подался вперед.

— И когда это будет?

13. ПОВЕЛИТЕЛЬ ОБЛАКА

Шорр Кан откинулся на спинку стула.

— А вот это, дорогой принц, в определенной мере зависит от вашего согласия сотрудничать.

— То есть предать Империю? — не выдержала Лианна. Вождя Лиги ее слова не смутили.

— Можно назвать и так. Не будем спорить о терминах. — Он наклонился вперед, и его подвижное лицо стало серьезным. — Я играю в открытую, Зарт. Сейчас наш флот гораздо сильнее имперского и лучше вооружен. Мы разработали совершенно новый тип оружия, оно разнесет вас вдребезги.

— Это не игра в открытую, а блеф, — заметил Гордон. — Какое еще новое оружие?

— Не торопитесь, принц. Не буду вдаваться в детали, скажу лишь, что оно поражает неприятельские корабли изнутри. — Дик-

татор цинично усмехнулся. — Как и адмирал Корбуло... Словом, мы давно раздавили бы Империю, не будь одного препятствия. Это — Разрушитель. У Корбуло нет к нему доступа. Предания о его ужасающей силе, возможно, преувеличены, хотя и не лишены оснований. Две тысячи лет назад ваш предок Бренн Бир с помощью Разрушителя наголову разгромил агрессоров из Магеллановых облаков. Дайте мне это оружие, Зарт Арн!

Джон Гордон заранее подготовился к такому разговору.

— В обмен вы предлагаете звездное королевство?

— Нет, — ровным голосом произнес Шорр Кан. — Я дарую вам власть над всей Галактикой!

Гордон был ошеломлен наглостью этого человека. В ней было что-то потрясающее.

— Вы обещали играть в открытую, — отрезал Гордон. — Как я могу поверить, что, завоевав Галактику, вы отдадите ее мне?

Шорр Кан хладнокровно пояснил:

— Ну, разумеется, речь не идет об истинной власти. Вы получите высший сан, а это разные вещи. После нашей победы половина Галактики возненавидит меня как узурпатора. Начнутся беспорядки, мятежи... Зачем это? Гораздо разумнее выдвинуть Зарт Арна, прямого наследника Арн Аббаса, а самому стать вашим доверенным советником. — Он улыбнулся. — Видите, как все складывается? Законный император, народ ликует, никаких беспорядков. Вы с Лианной наслаждаетесь роскошью и всеобщим поклонением, я же довольствуюсь ролью сильного человека за кулисами трона.

— А если законному императору вздумается перетасовать карты? — полюбопытствовал Гордон. Шорр Кан рассмеялся:

— Не будет этого, Зарт! Ядро вооруженных сил составят верные мне облачники! — Он встал. — Что скажете? Сейчас, конечно, на вас лежат тяжелые обвинения. Но их нетрудно снять, и вы станете величайшим владыкой в истории! Согласны?

Гордон пожал плечами.

— Боюсь, вы напрасно теряете время. Дело в том, что я никогда ни при каких обстоятельствах не выдам тайны Разрушителя.

Он ожидал вспышки гнева, однако в глазах диктатора появилось лишь легкое разочарование.

— Я надеялся, вы достаточно разумны, чтобы, отрешившись от всякой чепухи, вроде патриотизма, верности долгу и прочих бесполезных вещей, немного поразмыслить.

Лианна вспыхнула.

— Конечно, вам они бесполезны, раз их у вас нет!

Шорр Кан нахмурился, но все еще, по-видимому, без гнева.

— Да, у меня их нет, — согласился он. — Ведь что такое, в сущности, все эти замечательные качества? Всего лишь идеи, которые кажутся людям почему-то возвышенными и за которые они умирают. Я реалист. Я никогда не пойду на смерть ради пустой идеи. — Он снова повернулся к Гордону. — Не будем говорить об этом сейчас. Вы устали, ваши нервы напряжены, вы не в состоянии принимать решения. Отдохните. Если вы прислушаетесь к голосу разума, то наверняка увидите, что я прав. — Он помолчал. — А если откажетесь, появится очень неприятная альтернатива... Но я не угрожаю вам, Зарт! Я не требую, чтобы вы шли со мною во имя каких-то высших соображений. Я просто надеюсь, что вы способны видеть собственную выгоду.

Вождь Лиги нажал кнопку на столе. Дверь открылась, появился Дерк Ундис.

— Выделите принцу и его невесте лучшие комнаты, — сказал Шорр Кан. — Охрана должна быть надежной, но незаметной. Малейшее проявление непочтения будет строго караться.

Дерк Ундис молча поклонился. Гордон взял руку Лианны, и они вышли из помещения. Шагая по коридорам и лестницам мрачного здания, Гордон не мог избавиться от неприятного чувства, что Шорр Кан играет с ним, как кошка с мышью.

После захода солнца чудовищная цитадель напоминала темницу. Редкие настенные светильники были бессильны рассеять ночь коридоров. Комнаты, отведенные пленникам, не отличались роскошью. Голые стены, грубая мебель, слепые прямоугольники окон... Дерк Ундис отвесил принужденный поклон.

— Вы найдете здесь все необходимое. Предупреждаю: выходы строго охраняются. — Офицер удалился. Лианна стояла у окна, стройная, беззащитная. У Гордона перехватило дыхание.

— Если бы я, Лианна, мог спасти вас ценой Разрушителя, я бы сделал это, — тихо произнес он. Она обернулась.

— Нет! Пока Шорр Кан колеблется, есть шанс, что измена будет раскрыта.

— Боюсь, таких шансов мало, — сказал Гордон. — Бежать отсюда невозможно. — Тонкие плечи Лианны поникли.

— Да, я понимаю это, — прошептала она. — Даже если мы чудом убежим, нам не найти дороги из Облака.

Облако! Здесь оно было небом, темным, беззвездным, гнетущим. Оно не давало забыть о триллионах кубических миль унылого мрака, отрезавшего их от свободных просторов Галактики.

Талларна бодрствовала. По геометрически правильным магистралям проносились тяжелые грузовики. Из далеких доков доносились громовые раскаты.

Гордон прилег на диван в гостиной, не надеясь, что сможет уснуть. Однако природа взяла свое — усталое тело тотчас же погрузилось в тяжелый, похожий на наркотический, сон.

Разбудил его мертвенный серый рассвет. Лианна сидела на краю дивана. Она слегка покраснела.

— Я думала, вы уже не спите, Зарт. Завтрак готов. Она не так плоха, эта питательная жидкость. Хотя, конечно, может и надоест.

— Не думаю, чтобы мы побыли здесь настолько долго, — мрачно сказал Гордон. Она бросила на него быстрый взгляд.

— Вы считаете, Шорр Кан потребует от вас тайну Разрушителя сегодня же?

— Боюсь, что да, — ответил он. — Если лишь Разрушитель удерживает его от нападения, то он захочет узнать о нем все как можно скорее.

На протяжении всего долгого дня, пока тусклое солнце с унылой медлительностью ползло по низкому небу, они ожидали вызова к Шорр Кану. Но лишь под вечер явился Дерк Ундис в сопровождении четырех вооруженных солдат. Молодой фанатик снова неловко поклонился.

— Вождь желает видеть вас, принц Зарт. Одного, — быстро добавил он, когда Лианна шагнула.

Глаза у нее вспыхнули.

— Я пойду вместе с Зартом!

— Сожалею, но у меня приказ, — холодно возразил Дерк Ундис. — Идете, принц Зарт?

Лианна, очевидно, поняла, что возражать бессмысленно, и отступила. Гордон поколебался, потом поддался импульсу, подошел к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал.

— Не тревожьтесь, Лианна.

На душе у него было скверно, когда он шагал за Дерк Ундисом мрачными коридорами цитадели. Он был уверен, что видел Лианну в последний раз. Может, так даже лучше, подумал он. Забыть ее в смерти, чем вечно носить в себе память о безвозвратно утерянной любви!

Помещение, куда они наконец прибыли, не походило на вечерашний кабинет. Это была лаборатория. Над металлическим столом нависал массивный конус, соединенный кабелями с каким-то сложным аппаратом, в недрах которого нервно ковырялись два худощавых облачника.

Шорр Кан отпустил конвой и подошел к Гордону.

— Отдохнули? Вот и чудесно. Что вы решили?

Гордон пожал плечами.

— Я уже говорил. Я не могу выдать тайну Разрушителя.

Выразительное лицо Шорр Кана слегка изменилось.

— Что ж, понимаю, — помолчав, произнес он. — Традиции, привычки, стереотипы. Разум бессилен порой против этого? — Его глаза сузились. — Теперь слушайте, Зарт. Вчера я упомянул о неприятной альтернативе, которая возникнет в случае вашего отказа. Я не хотел вдаваться в подробности, ибо надеялся на добровольное согласие. Но теперь вы меня вынуждаете... Так вот, хотите вы или нет, но я получу всю необходимую информацию.

— Пытка, значит? — фыркнул Гордон. Шорр Кан поморщился.

— Зачем же так грубо, Зарт? Я против пыток. Этот старинный способ не только не эстетичен, но и весьма ненадежен. — Он указал на старшего из ученых — Несколько лет назад он создал аппарат, который я был вынужден применить пару раз. Это мыслескоп, который вы видите. Он считывает информацию с мозга: прощупывает нейроны, строит схемы синаптических соединений и преобразует эту физическую картину в знания, которыми обладает объект исследования. С его помощью еще до рассвета тайна Разрушителя будет моей.

— Опять блеф, — сказал Гордон. Шорр Кан покачал головой.

— Нет. Будьте уверены — мыслескоп высосет из ваших извилин все содержимое. Есть, правда, один нюанс — зондирующие лучи за несколько часов разрывают в мозгу все синаптические связи. К концу сеанса человек становится полным кретином.

Гордон похолодел. Он уже не сомневался, что Шорр Кан говорит правду. Невероятно — но вполне возможно для науки будущего! Инструмент, который читает мысли и, читая, разрушает мозг!

— Мне очень не хочется его применять! — продолжал Шорр Кан. — Вы нужны мне как будущий император. Но у меня нет выбора. — Джон Гордон нервно засмеялся.

— Вы все правильно рассчитали, но вам опять помешала случайность.

— Что вы хотите сказать? — спросил вождь Лиги со зловещей мягкостью

— Я не могу выдать вам тайну Разрушителя, ибо не знаю ее. Шорр Кан сделал нетерпеливый жест.

— Ну, Зарт! Вы же сын императора. Всем известно, что вы посвящены в эту тайну. — Гордон кивнул.

— Да. Но я не сын императора. Я другой человек.

Шорр Кан пожал плечами.

— Как знаете. Очень жаль. Начинайте! — Последние слова относились к двум ученым. Гордон импульсивно рванулся к диктатору, но один из облачников держал наготове парализатор и кос-

нулся затылка Гордона. Он рухнул на пол. Смутно ощущал, как его кладут на металлический стол.

— В последний раз обращаюсь к вам, Зарт! Дайте знак, и вы избежите этой участи!

Гордон мог ответить лишь яростным взглядом. Парализатор снова коснулся затылка. Облачники возились с нависшим над ним металлическим конусом. Потом его поглотила ночь.

14. ИСКУШЕНИЕ

Он медленно приходил в себя, сознавая стучащую боль в голове. Внутри черепа словно работали все кузнецы ада. Его тошнило.

Губ коснулось холодное стекло. Кто-то сказал повелительно:

— Пейте!

Он с усилием проглотил вонючую жидкость. Стало легче, головная боль утихала. Наконец он решился открыть глаза. Он все еще лежал на столе, но металлический конус исчез.

Над ним склонился один из ученых-облачников. Потом в поле зрения появились строгие черты и блестящие глаза Шорр Кана.

— Можете сесть? — спросил ученый. — Так будет лучше.

Рука, обнявшая плечи, помогла соскользнуть в жесткое кресло. Шорр Кан глядел на него со смешанным выражением изумления и любопытства.

— Как самочувствие... Джон Гордон?

Он вздрогнул и уставился на вождя Лиги.

— Вы... знаете?

— А вы думали, почему мы прервали сеанс? Не будь этого, вы бы уже полностью лишились разума. — Шорр Кан поморщился. — Клянусь Небом, невероятно! Но мыслескоп не умеет лгать. И когда первая же минута чтения показала, что вы Джон Гордон в теле Зарт Арна... А я-то надеялся! Потратить столько трудов, и впустую! Кто же мог такое вообразить! Кто же мог догадаться, что в теле Зарт Арна живет человек из дикой эпохи?

Итак, Шорр Кан знал! Джон Гордон пытался собраться с мыслями, чтобы оценить этот новый фактор, поразительно изменивший ситуацию. Впервые в этой будущей Вселенной кто-то раскрыл его самозванство! Чем это обернется? Шорр Кан расхаживал взад и вперед.

— Разве прибор не показал, как это случилось? — осторожно спросил Гордон. Вождь Лиги кивнул.

— Да, мы все знаем. Воспоминания об обмене доминировали в вашем мозгу. — Он тихонько выругался. — Ай да Зарт Арн!

Меняться телами сквозь время! Дать своему сумасшедшему любопытству завлечь себя на столько веков назад! И это в тот момент, когда его Империя в опасности! — Он снова пристально взглянул на Гордона. — Почему, черт возьми, вы молчали?

— Я пытался сказать, но ничего не получилось, — напомнил Гордон. Шорр Кан вновь кивнул.

— Верно, пытались. Но я не поверил. А кто бы, клянусь Небом, поверил такому?! — Он метался по лаборатории, кусая губы. — Джон, вы опрокинули все мои планы. Ведь я был убежден, что тайна Разрушителя уже здесь! — Диктатор поднял сжатый кулак. — Невероятно!..

Силы медленно возвращались, и мысль Джона Гордона напряженно работала. Раскрытие его истинной личности меняло всю ситуацию. Это дает ему хотя и слабый, но шанс! Бежать отсюда с Лианной и предупредить Империю о предательстве Корбуло!.. Да! Гордону показалось, что он видит путь. Он сказал с неудовольствием в голосе:

— Лишь вам удалось вывести правду. Остальных я обвел вокруг пальца. Арн Аббаса, Джал Арна, принцессу... Правда им и во сне не снилась. — Шорр Кан прищурился.

— Это звучит так, словно вам понравилось быть имперским принцем. — Гордон изобразил горькую усмешку.

— А кому бы не понравилось? Там, в своей эпохе, я был никто. Демобилизованный солдат... А после предложения Зарт Арна стал членом королевского дома величайшего государства Галактики! Кого не устроит такое превращение?

— Но вы же собираетесь вернуться на Землю и опять обмениваться телами с Зарт Арном, — напомнил Шорр Кан. — Вам пришлось бы забыть о временном взлете.

Гордон взглянул на него с циническим, как он надеялся, выражением.

— Какого черта? — презрительно фыркнул он. — Неужели вы в самом деле думаете, что я сдержу обещание?

Вождь Лиги внимательно глядел на него.

— Значит, вы хотели его обмануть?

— Уж не намерены ли вы читать мне мораль? — вспыхнул Гордон. — Вы сами поступили бы точно так же, и вы это знаете! Вот я здесь, в роли одного из первых лиц этой Вселенной, готовый жениться на самой прекрасной девушке, какую я когда-либо видел. Никто не может усомниться в моей личности. С другой стороны, какое-то глупое обещание. Что бы сделали вы на моем месте? — Шорр Кан расхохотался.

— Джон Гордон, вы мне нравитесь! Клянусь Небом, достой-

ные люди рождались в те далекие времена! — Он похлопал Гордона по плечу, заметно повеселев. — Выше голову, Джон! Не унывайте! Да, я посвящен в вашу тайну, но никто о ней не узнает. Ланд Аллар и его ассистент, поверьте, не проболтаются. Вы еще побудете принцем!

Гордон сделал вид, что жадно хватается за приманку.

— Вы хотите сказать, что не выдадите меня?

— Именно, — кивнул Шорр Кан. — Думаю, мы будем полезны друг другу.

Гордон чувствовал, что острый интеллект, спрятанный за зоркими черными глазами, напряженно работает. Обмануть самого хитроумного и безжалостного заговорщика во Вселенной трудно, почти невозможно. Но в случае проигрыша жизнь Лианны и судьбы Галактики повиснут на волоске. Шорр Кан помог ему встать.

— Пойдемте ко мне, там поговорим. Можете вы идти?

Когда они вышли из лаборатории, Дерк Ундис уставился на Гордона, как на восставшего из мертвых. Фанатичный молодой облачник не ожидал больше увидеть его живым и в полном разуме. Гордон знал это. Шорр Кан покровительственно улыбнулся.

— Все в порядке, Дерк. Принц Зарт — мой новый сотрудник. Мы пойдем в мои апартаменты.

— Значит, тайна Разрушителя в ваших руках, господин? — вырвалось у молодого фанатика, однако недовольная гримаса Шорр Кана заставила его умолкнуть.

— Вы, кажется, расспрашиваете меня? — резко бросил вождь.

Пока они шли, мысли Гордона были заняты этой интермедией. Она внушала надежду, что его смутная схема может принести удачу. Но нужно быть крайне осторожным! Гордон с дрожью понял, что идет по самому краю пропасти.

Личные покои Шорр Кана были столь же неприязнательны, как и его кабинет. Несколько жестких стульев, голый пол, в соседней комнате неудобная на вид койка.

Дерк Ундис остался за дверью. Когда Гордон огляделся, насмешливая улыбка Шорр Кана вернулась.

— Жалкое логово для повелителя Облака, да? — сказал он. — Но на подданных это производит должное впечатление. Видите ли, я настроил их на войну с Империей, постоянно подчеркивая бедность наших миров, трудности нашей жизни. Я не имею права окружать себя комфортом. — Он указал Гордону на стул и сел сам. — Все-таки невероятно! Говорить с пришельцем из далекого прошлого. Каков же он был, ваш век, когда никто еще не покидал маленькой Земли? — Гордон пожал плечами.

— По существу, разницы мало. Те же войны и конфликты. Люди не очень меняются. — Вождь Лиги понимающе кивнул:

— Толпа всегда остается толпой. Несколько миллионов человек, схватившихся врукопашную на вашей старой планете, или тысячи звездных миров, идущих друг на друга в современной Галактике... Одно и то же. Вы нравитесь мне, Джон Гордон. Вы умны и отважны. Так как вы умны, то поймете, что я не позволю преходящим эмоциям повлиять на меня в вашу пользу. Но вот мои интересы на меня влияют, и довольно сильно. Я думаю, что мы пригодимся друг другу. — Он подался вперед. — Что вы самозванец, никому, кроме меня, не известно. И следовательно, несущественно. Для Галактики вы — Зарт Арн. И после победы Облака я могу использовать вас точно так же, как надеялся использовать настоящего Зарт Арна.

Именно на это Джон Гордон и надеялся. Однако изобразил недоверчивое изумление.

— То есть вы хотите сделать меня номинальным правителем Галактики?

— Почему бы нет? — ответил его собеседник. — Как Зарт Арн, наследный принц Империи, вы сможете успокаивать волнение после того, как она будет завоевана. Конечно, реальная власть сохранится за мной, как я и говорил. — Он прибавил откровенно: — В сущности, вы для меня даже более удобный партнер, чем настоящий Зарт Арн. Он мог начать мне мешать. Но у вас нет врожденной лояльности к Империи, и я не сомневаюсь, что вы будете поддерживать меня из чистого интереса.

Гордон ощутил вспышку торжества. Как и было задумано, диктатор видел в нем лишь бессовестного, честолюбивого авантюриста.

— У вас будет все, что пожелаете! — повысил голос Шорр Кан. — Какие головокружительные перспективы! Богатство, власть, роскошь, всеобщее преклонение! А рядом жена — прекрасная принцесса Лианна!

Гордон изобразил ошеломленное, восхищенное недоумение.

— Я — император Галактики? Я, Джон Гордон? — И вдруг собственный хитроумный замысел показался Гордону нелепым. Голос искушения снова зашептал в его уши. Ради чего притворяться? Ведь то, о чем говорит Шорр Кан, вполне реально! Он станет, пусть номинально, верховным владыкой Галактики со всеми ее миллионами звезд и планет! Он, Джон Гордон из Нью-Йорка! И главное — Лианна всегда будет с ним.

Единственное, что требуется, — присоединиться к Шорр Кану и перейти на сторону Облака. Но почему бы и нет? Разве он

присягал на верность Империи? Почему не позаботиться о себе самом ради такой власти и роскоши, о какой не мечтал и какой не достигал никто за всю историю человечества?

15. ТАЙНА ГАЛАКТИКИ

Джон Гордон боролся с искушением, сила которого усугублялась его внезапностью. Он был потрясен, поняв, что ему всей душой хочется ухватиться за этот беспрецедентный шанс. Не пышность и не власть над Галактикой соблазняли его. Он не так уж честолюбив, и во всяком случае реальная власть будет принадлежать Шорр Кану. Но мысль о Лианне — вот что было головокружительно! Он будет всегда с нею, жить с нею рядом...

Жить ложью! Вечно играть чужую роль, другого, помнить о своем предательстве и смотреть при этом в глаза любимой... Нет! Честь и достоинство — не пустые слова. Для Шорр Кана — возможно, но он не Шорр Кан. Шорр Кан зорко следил за ним.

— Вы, по-моему, растерялись, — сказал диктатор. — Напрасно. Другой такой возможности не представится.

Гордон собрался с мыслями.

— Перед нами возникает множество затруднений. Секрет Разрушителя, например. — Шорр Кан задумчиво кивнул.

— Это самая большая проблема. А я так надеялся заполучить его вместе с Зарт Арном! — Он пожал плечами. — Ну, тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, обойдемся без Разрушителя. Корбуло сумеет помешать Джал Арну его применить.

— То есть убить Джал Арна, как убил Арн Аббаса?

Облачник кивнул.

— Корбуло сделает это накануне нашего выступления. А потом будет назначен одним из регентов при сыне Джала. Тогда станет еще легче парализовать оборону Империи.

Гордон понял, что неудача Шорр Кана в получении секрета Разрушителя не остановит надвигающейся атаки Облака.

— Это ваши дела, — твердо заявил он. — Я думаю о своих. Вы хотите сделать меня императором. Но без Разрушителя ваша Лига меня не примет. — Шорр Кан нахмурился.

— Не понимаю.

— Облачники, как и все прочие, считают меня Зарт Арном, — объяснил Гордон. — Они спросят: «Раз он с нами, почему не делится тайной?».

— Проклятье! — выругался диктатор. — Этот чертов Разрушитель мешает нам на каждом шагу.

— Кстати, что он такое? — спросил Гордон. — Я вынужден притворяться знатоком, не имея о нем ни малейшего представления!

— И никто не имеет, — помедлив, ответил Шорр Кан. — Есть легенда. Две тысячи лет назад пришельцы из Магеллановых облаков вторглись в Галактику. Захватили несколько планетных систем и готовились расширить свои завоевания. Но великий император Бренн Бир — он же знаменитый ученый — ударил по ним каким-то страшным оружием. Предание гласит, что он уничтожил не только магелланийцев, но и оккупированные ими системы. Да что там — вся Галактика была под угрозой! Оружие, которым воспользовался Бренн Бир, называют Разрушителем, о нем, к сожалению, никто толком ничего не знает. Тайна его известна только членам королевского дома Империи, но память о нем живет в Галактике и поныне.

— Есть путь, чтобы узнать эту тайну, — заметил Гордон. Шорр Кан удивился.

— Как? Джал Арн — единственный посвященный, а он вне нашей досягаемости.

— Есть еще один человек, — сказал Гордон. — Настоящий Зарт Арн!

— Но он же в далеком прошлом, в вашем собственном теле... — Диктатор запнулся. — Кажется, вы что-то придумали. Говорите!

Гордон внутренне собрался, стараясь, чтобы его слова звучали убедительно. От того, как воспримет их Шорр Кан, зависел его смутный, почти нереальный план бегства из Облака.

— Зарт выложит все, что нам надо, — уверенно произнес он. — В лаборатории на Земле есть приборы, с помощью которых я могу связаться с ним сквозь время. Предположим, я скажу: «Люди Шорр Кана держат меня в плену. Цена моей свободы и вашего возвращения — информация о Разрушителе». Как вы думаете, что он сделает? Ему вряд ли захочется остаться в моем времени и в моем теле до конца своей жизни. Ведь здесь его мир, на Трооне ждет женщина, которую он любит... Он пожертвует всем, чтобы вернуться.

Наступило молчание. Шорр Кан задумчиво смотрел на него, затем воскликнул:

— Клянусь Небом, это сработает! Мы действительно сможем выведать у него тайну! — Он запнулся и вдруг спросил: — А что потом? Вы обменяетесь с ним телами? — Гордон засмеялся:

— Разве я похож на круглого дурака? Конечно, нет. Я просто прерву контакт. Пусть себе живет в моем времени и моем теле. Хороший подарок, как вы считаете?

— Повторяю, Джон, вы настоящий человек! — расхохотался

Шорр Кан и снова начал расхаживать по комнате. — Только как отвезти вас на Землю? В тех местах кишат имперские патрули, а основная часть флота крейсирует около Плеяд. Корбуло не может очистить целый район, это возбудит подозрения. — Он помолчал, потом продолжал: — Единственный вид корабля, у которого есть шанс достичь Земли в этих условиях, — крейсер-призрак. Призраки способны проскальзывать в самых опасных местах, где не побьется даже эскадра.

Гордон, не имевший ни малейшего представления об упомянутом типе корабля, взглянул озадаченно.

— Призрак? Это что такое?

— Я и забыл, что вы чужой в нашем мире, — сказал Шорр Кан. — Призрак — это легкий крейсер, вооруженный несколькими очень мощными атомными орудиями. Экранирующее поле делает его невидимым в пространстве, отклоняя все световые и радарные лучи. Затраты энергии, правда, огромны, можно рассчитывать максимум на двадцать-тридцать часов невидимости.

Джон Гордон понимающе кивнул.

— Понимаю. Похоже, это лучший способ достичь Земли.

— Решено, — продолжал Шорр Кан. — Корабль поведет Дерк Ундис. Его люди вполне надежны.

Гордон вспомнил презрительное лицо, искру торжества в глазах офицера. Очевидно, Дерк Ундис его ненавидит. Провести столько времени в обществе этого фанатика..

— Но если Дерк Ундис узнает, что я не настоящий Зарт Арн... — начал он.

— Он не узнает, — прервал его Шорр Кан. — Он будет знать только одно: что должен ненадолго отвезти вас в лабораторию на Земле и потом доставить обратно. — Гордон взглянул на диктатора.

— Значит, я полечу под стражей? Вы мне не доверяете?

— А с какой стати я должен вам верить? — весело возразил Шорр Кан. — Я никому не верю. Другое дело, что наши интересы, по-видимому, совпадают... Но для гарантии с вами пойдут Дерк Ундис и еще несколько надежных людей.

Гордон снова похолодел при мысли, что ведет свою опасную игру с человеком, столь проникательным и опытным в интригах, что успех почти невозможен. Однако невозмутимо кивнул.

— Спасибо за откровенность. Но и я не вполне полагаюсь на ваше слово, поэтому никуда не полечу без Лианны.

Шорр Кан, по-видимому, искренне изумился.

— Принцесса Фомальгаута? Ваша невеста? — В глазах у него мелькнула ироническая усмешка. — Так вот где ваше слабое место, Джон!

— Я люблю ее и не собираюсь оставлять здесь вам на забаву, — мрачно ответил Гордон. Шорр Кан фыркнул.

— Успокойтесь. Все женщины для меня одинаковы. Ставить на карту дело ради какого-то хорошенького личика? Нет. Но если вы ревнивы, пусть прогуляется, только как вы ей объясните? Не говорить же правду!

Гордон уже подумал об этом. Он сказал медленно:

— Я скажу, что вы нас отпустите в обмен на ценные научные сведения, за которыми мы и отправляемся.

— Вот и отлично, — понимающе кивнул Шорр Кан. — Я велю сейчас же приготовить наш лучший крейсер-призрак. Вы должны быть готовы к отлету сегодня же ночью.

Гордон встал.

— Я хотел бы немного отдохнуть. Такое ощущение, словно меня пропустили через мясорубку. — Шорр Кан засмеялся.

— Это ничто по сравнению с тем, что сделал бы с вами мископ за пару часов. Какой поворот судьбы! Вместо жалкого кретина оказаться владыкой Галактики! — Лицо диктатора на мгновение стало жестким, как сталь. — Но не забудьте: ваша власть будет лишь номинальной, приказывать буду я.

Гордон твердо встретил его испытующий взгляд.

— Если я забуду об этом, то ничего не выиграю. В случае вашего падения я обречен. Так что можете на меня положиться.

— Вы правы. Я всегда говорил, что люблю иметь дело с разумными людьми. Мы определенно сработаемся. — Он нажал кнопку. На пороге появился Дерк Ундис.

— Проводите принца Зарта в его комнаты и немедленно возвращайтесь за приказами.

Пока они шагали по коридорам назад, Гордон лихорадочно размышлял. До сих пор все шло согласно его ненадежному плану освобождения. Он сыграл на реакциях беспринципной, циничной личности Шорр Кана — и выиграл. Но он хорошо знал, что игра только началась. Впереди маячили еще большие трудности, к решению которых он не нашел пока подхода. Он должен идти вперед, даже если план окажется самоубийственно рискованным. Другого пути не было.

Когда он оказался в своих мрачных апартаментах, Лианна вскочила с кресла и кинулась к нему, будто не чаяла больше увидеть. Она схватила его за руки. Глаза ее сияли.

— Зарт, вам плохо? Я так боялась.

Она полюбила его. Гордон увидел это по ее лицу и снова ощутил страстный, безнадежный восторг. Ему пришлось удерживать

живаться, чтобы не схватить ее в объятия. Но и его чувства, наверное, отразились у него на лице, так как она покраснела и слегка отступила.

— Ничего, — сказал Гордон, опускаясь в неудобное кресло. — Правда, я отведал науки Облака, это было не слишком приятно.

— Они пытали вас! Заставили выдать тайну Разрушителя!

Он покачал головой.

— Нет. Я убедил Шорр Кана, что он не сумеет получить ее от меня. — Он продолжал, говоря правду настолько, насколько это было возможно: — Я заставил этого дьявола поверить, что необходимо побывать в лаборатории на Земле, чтобы добыть ее. Мы отправляемся на крейсере-призраке завтра же.

Глаза Лианны заблестели.

— Вы хотите его перехитрить? У вас есть какой-то план?

— Если бы, — вздохнул Гордон. — Мой план не идет дальше, чем улететь из Облака. Вот и все. Остальное непредсказуемо. Я каким-то образом должен найти способ ускользнуть с корабля и сообщить брату о предательстве Корбуло. Единственное, что приходит на ум, — это вывести крейсер из строя, чтобы его смог захватить имперский патруль. Но как это сделать, я не знаю. Дерк Ундис идет вместе с нами, его люди будут сопровождать нас, так что вряд ли нас ждет удача. — Вера и отвага сияли в глазах Лианны.

— Вы что-нибудь придумаете, Зарт. Я знаю — вы придумаете!

Однако ее уверенность не помогла Гордону избавиться от леденящей мысли о том, что его безумный план почти невыполним. Быть может, он обрекает на гибель и себя, и Лианну, пытаясь ему следовать. Но они все равно обречены, если, конечно, он не предаст настоящего Зарт Арна и Империю. А мгновенное искушение сделать это оставило Гордона навсегда.

Он спал крепко до середины следующего дня. Уже опустились сумерки, когда явились наконец Шорр Кан и Дерк Ундис.

— Дерк Ундис получил все распоряжения, и крейсер готов, — сказал Шорр Кан Гордону. — Вы должны достичь Земли через пять суток и вернуться через одиннадцать. — Глаза его блеснули. — Тогда я объявлю Галактике, что тайна Разрушителя в наших руках, что Зарт Арн — наш союзник, дам сигнал Корбуло и брошу всю Лигу в атаку!

Через два часа обтекаемый, блестящий крейсер-призрак, на борту которого находились Гордон и Лианна, поднялся из огромного космопорта Талларны и устремился к границам Облака.

16. ДИВЕРСИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Когда Гордон и Лианна вошли в «Дендру», крейсер-призрак, который должен был доставить их на Землю, Дерк Ундис проводил их в коридор средней палубы. Чопорно поклонился и указал на дверь, ведущую в две крохотные комнатки.

— Вот ваши каюты. Будете оставаться в них всю дорогу до Земли.

— Нет! — вспыхнул Гордон. — Принцесса Лианна и так заболела от заточения во время пути сюда. Мы не намерены закупориваться еще на несколько дней в этих норах!

Узкое лицо Дерк Ундиса потемнело.

— Вождь приказал, чтобы вы находились под строгой охраной.

— А разве Шорр Кан говорил, чтобы мы сидели в этих каютах безвылазно? — спросил Гордон; увидев легкую нерешительность на лице Дерк Ундиса, он настойчиво продолжал: — Если у нас не будет права на прогулку, мы отказываемся от сотрудничества.

Облачник колебался. Гордон угадал правильно, что ему не хочется возвращаться к своему начальнику и докладывать, что дело срывается из-за такого пустяка. Наконец Дерк Ундис неохотно сказал:

— Хорошо, разрешаю гулять по коридору два раза в день. Но нельзя оставаться там в другое время или когда включен экран.

Уступка была не такой, какой хотелось Гордону, но он понял, что большего не получит. И, все еще разыгрывая гнев, последовал за Лианной в каюты и услышал, как позади щелкнул замок.

Когда «Дендра» взмыла над Талларной и понеслась на большой скорости к границам Облака, Лианна вопросительно посмотрела на Гордона.

— Вы что-то придумали, Зарт? Говоря откровенно, заточение мне не очень мешает.

— Я уже говорил — я хочу привлечь внимание какого-нибудь патруля, чтобы наш корабль обнаружили и захватили, — объяснил Гордон. — Я не знаю, как это сделать, но какой-нибудь путь, возможно, найдется. — Лианна сказала с сомнением:

— У этого призрака, несомненно, есть сверхчувствительные радары, и он засечет патрули задолго до того, как те его обнаружат. Он выйдет из затемнения, только когда минует их.

В последующие часы лишь ровный гул больших генераторов, разгонявших корабль, сопровождал их разговорам. «Дендра» продиралась сквозь плотные рои микрометеоритов, раскачиваясь и ныряя носом в вихрях космической пыли. Прокладывая путь из

Облака, крейсер-призрак то и дело менял курс. К середине следующего дня они вынырнули из мрачной дымки под обширный, светлый, усеянный звездами купол свободного пространства. Тотчас же «Дендра» набрала еще большую скорость. Гордон и Лианна смотрели из иллюминатора на блестящее великолепие Галактики. К их удивлению, слабая искра Канопуса осталась вне поля их зрения, далеко слева. Впереди «Дендры» сверкали незнакомые созвездия, среди них величественно сияла туманность Ориона.

— Мы не летим прямо к Империи, — сказала Лианна. — Они хотят избежать наиболее охраняемых границ, обойдя с запада туманность Ориона и маркизаты Внешнего Космоса, чтобы только потом свернуть к Солнцу.

— Идем кружным путем, чтобы пробраться в Империю с черного хода, — проворчал Гордон. — Вероятно, так же летел и корабль, собиравшийся похитить меня с Земли. — Его слабая надежда угасла. — У нас очень мало шансов встретить имперский патруль, следуя по пустынным районам. — Девушка кивнула.

— В лучшем случае нам попадется три-четыре патрульных крейсера, и Дерк Ундис легко уйдет от них «втемную».

Гордон обескураженно смотрел на феерическую картину. Его взгляд скользнул туда, где, как он знал, находился Канопус. Лианна уловила направление его взгляда и нахмурилась.

— Вы думаете о Мерн?

Гордон вздрогнул. Он почти забыл уже о прелестной темно-волосой девушке, которую любил настоящий Зарт Арн.

— О Мерн? Нет. Я думаю о черном изменнике Корбуло, который плетет свои интриги там, на Трооне, и ждет случая убить Джал Арна и погубить Империю.

— Это величайшая опасность, — сдержанно согласилась Лианна. — Если бы только можно было предупредить вашего брата об измене, планы Лиги были бы опрокинуты.

— А мы — единственные, кто знает об этом, — пробормотал Гордон. — И мы помешаем предателям.

Трое суток спустя он уже не был в этом уверен. Его собственный план оказался более чем утопичным. «Дендра» далеко углубилась в пределы Империи, идя курсом на север, что должно было провести ее западнее туманности Ориона. Обогнув туманность, она свернет на северо-запад, вдоль практически необитаемых границ маркизатов Внешнего Космоса. В этой дикой области неисследованных звездных систем встретится немного имперских судов. А Солнце и его планета Земля будут уже совсем близко.

Дважды за эти три дня на борту «Дендры» раздавался сигнал тревоги: радары засекали поблизости имперский патруль. И оба

раза Гордон и Лианна видели, как небо за иллюминаторами внезапно окутывал мрак. Когда это случилось впервые, Гордон испугался:

— Что случилось? Космос стал черным! — Лианна пояснила:

— Это включен экран нашего корабля. Вы, конечно, помните, что когда призрак идет втемную, то изнутри ничего не видно.

— О, конечно, — поспешно сказал Гордон. — Я так долго не бывал на таких кораблях, что все позабыл.

Он теперь понял. Громкий визг генераторов затемнения, которым был пронизан крейсер, означал, что корабль окружен ореолом мощной энергии. Экранирующие поля отклоняли все падающие на крейсер световые и радарные лучи, так что он оставался невидимым. Но и внутри воцарялась полная темнота. Генераторы затемнения на нижней палубе безумствовали почти час. По-видимому, они забирали чуть не всю энергию, так как все это время корабль двигался по инерции. Это повторилось на следующее утро, когда «Дендра» приблизилась к западной оконечности туманности Ориона. Ее величественное сияние занимало теперь полнеба. Гордон видел внутри туманности многочисленные горячие звезды. Их-то электронное излучение и заставляло пылегазовую среду ярко светиться.

Пленники под вооруженной охраной прогуливались по длинному коридору, когда в третий раз загредел сигнал тревоги. Облачник воскликнул:

— Затемнение! Немедленно возвращайтесь в каюты!

Гордон ожидал случая вроде этого. Другого такого может и не представиться. Он наклонился к Лианне.

— Притворитесь, что падаете в обморок, когда мы будем у двери.

Лианна не подала виду, что слышала, но ее пальцы стиснули его руку. Облачник шагнул сзади, положив ладонь на атомный пистолет. У каюты Лианна пошатнулась, схватилась за сердце.

— Мне дурно, Зарт! — И начала оседать на пол.

— Она в обмороке! Я знал, что этим кончится! — Гордон поддержал девушку и гневно обратился к конвоиру: — Помогите же!

Офицеру хотелось поскорее увести их из коридора. У него был приказ: в случае затемнения немедленно препроводить их в каюты. Служебное рвение его подвело. Он шагнул вперед и нагнулся к Лианне. Гордон тотчас же начал действовать. Он безжалостно уронил ее на пол и схватился за кобуру облачника. Оружие оказалось в его руках раньше, чем тот понял, что происходит. Облачник выпрямился, рот у него открылся для крика тревоги.

Рукоятка пистолета тяжело обрушилась на висок, ниже шлема. Офицер упал замертво.

— Лианна, — шепнул Гордон. — Быстрее! — Лианна была уже на ногах. Они внесли тело в каюту и закрыли дверь. Гордон склонился над человеком. Череп его был раздроблен.

— Мертв, — быстро сказал он. — Лианна, вот он, мой шанс!

Он начал сдирать с офицера одежду. Она подалась к нему.

— Зарт, что вы собираетесь сделать?

— Где-то поблизости корабль Империи, — сказал Гордон. — Если я испорчу затемнение, патруль обнаружит и захватит нас.

— Скорее взорвет на куски, — предостерегла Лианна. Он глянул ей в глаза.

— Знаю. Но я готов рискнуть, если вы согласны.

Ее серые глаза вспыхнули.

— Да, Зарт! Сейчас речь идет о будущем всей Галактики!

— Оставайтесь здесь, — приказал он. — Я надену мундир и шлем этого парня, это даст мне некоторые возможности.

Он с трудом натянул на себя черный мундир убитого, нахлобучил шлем. Сунул атомный пистолет в кобуру и выскользнул в коридор.

Затемнение еще действовало, и «Дендра» осторожно перемещалась в созданном ею же мраке. Гордон направился в кормовую часть корабля.

За минувшие дни он уже убедился, что звук генераторов затемнения идет с нижней палубы на корме, и поспешил сейчас в направлении этого громкого визга. Коридор был пуст. На время затемнения экипаж занимал места согласно боевому расписанию.

Гордон достиг конца коридора и, торопясь, спустился по узкому трапу. На нижней палубе было темно, все двери распахнуты настежь. Он заглянул в большую комнату с генераторами движения. Офицеры стояли у панелей управления, солдаты следили за показаниями приборов.

Один из офицеров увидел Гордона, проходившего мимо двери. Однако мундир и шлем, по-видимому, успокоили облачника.

«Понятно, — подумал Гордон. — Охранник, которого я убил, должен был возвратиться, заперев нас в каютах».

Он уже приблизился к источнику громкого визга. Генераторы затемнения располагались непосредственно перед главным машинным отделением, и дверь в это помещение тоже была открыта. Гордон вынул атомный пистолет и ступил на порог. Он оглядел большую комнату, где рождался этот пронзительный звук. Вдоль одной из стен тянулась панель с огромными электронными лампами, пульсирующими белым свечением.

В комнате было два офицера и четыре солдата. Один из офицеров отвернулся от панели с переключателями, чтобы отдать приказание, и увидел в дверях напряженное лицо Гордона.

— Зарт Арн! — воскликнул он, хватаясь за атомное ружье. — Берегитесь!

Гордон нажал на спуск. Он впервые пользовался таким оружием, и отсутствие опыта подвело его. Он целился в электронные лампы, но с непривычки пистолет вскинулся в руке, и пуля обожгла потолок. Гордон бросился на пол. Пуля из ружья офицера ударила в косяк двери у него над головой, и тот мгновенно вспыхнул.

— Общая тревога! — закричал офицер. — Давайте...

Гордон в этот момент снова спустил курок. На сей раз он опустил прицел, и атомная пуля взорвалась среди гигантских ламп. В помещении вздулось грибом электрическое пламя. Двое солдат и офицер закричали, когда бешеный фиолетовый огонь охватил их. Офицер с ружьем обернулся, пораженный ужасом, и Гордон тут же выстрелил в него, а потом в ближайший кожух.

Гигантские лампы все еще лопались, комната превратилась в огненный ад. Оставшиеся двое солдат зашатались в фиолетовом пламени, издавая ужасные крики.

Гордон отступил в коридор. Он восторженно закричал, когда тьма за иллюминаторами сменилась вдруг ясным звездным небом.

— Экран вышел из строя! — закричал голос в динамиках. — Приготовиться к бою!

Пронзительно зазвенели колокола. Гордон услышал топот облачников, кинувшихся с верхней палубы к генераторам затемнения.

17. КРУШЕНИЕ В ГАЛАКТИКЕ

В конце коридора появились солдаты Лиги. Гордон знал, что игра его кончена, тем не менее обратил к ним свой атомный пистолет. Полутьму разорвали вспышки, несколько человек повалились. Но пистолет умолк, заряд его исчерпался. Солдаты бросились к Гордону.

И тут это случилось! Корпус «Дендры» пронзила болезненная вибрация. Небо за иллюминаторами словно воспламенилось.

— Имперский корабль заметил нас и обстреливает! — дико крикнул голос в динамиках. — В нас попало!

К треску обшивки и креплений добавился пронзительный свист выходящего наружу воздуха. Потом раздалась быстрые щелчки автоматически возводящихся переборки.

Коридор, в котором стоял Гордон, вдруг перегородила непроницаемая стена. Она отрезала Гордона от нападающих

— Все по местам! Надеть скафандры! — прозвучала в громкоговорителях команда Дерк Ундиса — Мы разбиты и должны сражаться с этим имперским крейсером!

Били колокола, завывали сирены. Залпы бортовых атомных орудий отзывались короткими толчками отдачи. Далеко в пространстве, в необъятной черноте Гордон увидел вспыхивающие и пропадающие точки света.

Дуэль в космосе! Лишенная защитного поля, «Дендра», словно мишень, предстала перед патрульным крейсером, от которого пыталась уйти, и тот немедленно открыл огонь. Но и она не осталась в долгу.

«Что с Лианной? — подумал Гордон. — Если она ранена...»

Он повернулся и вскарабкался по трапу на среднюю палубу. В коридоре навстречу ему бежала Лианна, бледная, но не теряющая самообладания.

— Я нашла скафандры! — воскликнула она. — Скорее, Зарт! Корабль может развалиться в любую минуту!

Скафандры висели в одном из шкафов, распределенных по всем стратегически важным точкам корабля. Гордон и Лианна вернулись в каюту и торопливо натянули скафандры — металлизированные, с круглыми прозрачными шлемами. Подача кислорода включалась автоматически. В радиофоне раздался голос Лианны:

— Кажется, патруль собирается разнести нас в щепки!

Гордон не отрывался от иллюминатора. «Дендра» непрерывно маневрировала на большой скорости, уходя из-под ударов, и одновременно отстреливалась. Далеко в пространстве вспыхивали и гасли крохотные световые точки. Дистанция была настолько огромной, что разрывы мощных атомных снарядов выглядели булавочными уколами.

Небо опять запылало ослепительным пламенем — снаряд рванул совсем близко. «Дендра» содрогнулась в беззвучных потоках энергии. Гордона и Лианну бросило на пол. Гул маршевых турбин заметно упал. Вновь защелкали автоматические переборки.

— Пробойна в машинном отделении! — закричал кто-то в радиофоне. — Работают только два генератора!

— Держаться! — ответил решительный голос Дерк Ундиса. — Сейчас мы уничтожим этот имперский крейсер своим новым оружием...

Новым оружием? Гордон вспомнил слова Шорр Кана о новом секретном оружии, против которого нет защиты.

— Лианна, им теперь не до нас! — воскликнул он. — Вот наш шанс для побега! Если мы завладеем спасательной шлюпкой, то сможем добраться до этого крейсера! — Лианна не колебалась

— Я готова, Зарт!

— Тогда идемте, — сказал он. Они долго бежали по пустым коридорам. «Дендру» сильно качало. Миновали оружейную галерею. Облаченные в скафандры артиллеристы были поглощены сражением и ничего не заметили. А вот и тупичок — шлюз, ведущий к одной из прикрепленных к корпусу спасательных шлюпок. Гордон взялся за рукоятки.

— Лианна, как открыть люк?

Она тоже подергала ручки — безрезультатно.

— Зарт, автоматический замок заблокирован! Это значит, что шлюпка повреждена! — Гордон не дал отчаянию охватить его.

— Ничего, найдем другую! — уверенно сказал он.

«Дендру» качало, трещали шпангоуты и переборки. За бортом один за другим ослепительно взрывались снаряды. И вдруг в радиофоне раздался громкий, торжествующий голос Дерк Ундиса:

— Наше оружие достало их! Всем бортом — огонь! — И почти тотчас же послышался веселый возглас: — Есть!

В иллюминаторе рядом со шлюзом Гордон увидел далеко в пространстве яркую вспышку, похожую на новую звезду. Да, это была теперь не крохотная точка, а ослепительная звезда, загоревшаяся и тут же погасшая.

— Они уничтожили чем-то имперский крейсер! — воскликнула Лианна. Сердце у Гордона упало.

— Но мы еще можем бежать, если проникнем в одну из шлюпок.

Они повернулись, чтобы идти обратно. Но в этот момент из бокового коридора выбежали два растрепанных офицера.

— Вот они! — крикнул первый, хватаясь за атомный пистолет. Гордон кинулся навстречу. Корабль снова дернуло, и они покатались по полу, вырывая друг у друга оружие.

Потом Гордон услышал новые голоса и почувствовал на себе множество рук. Его вырвали из хватки противника и грубо поставили на ноги. Задышавшись, Гордон увидел Лианну, окруженную десятком облачников. Их возглавлял Дерк Ундис, лицо за забралом шлема было искажено бешенством.

— Предатель! — проскрежетал он. — Я предупреждал Шорр Кана — нельзя доверять императорскому отродью!

— К стенке обоих! — потребовал кто-то — Это из-за них мы чуть не отправились на тот свет!

— Нет, — отрезал Дерк Ундис. — С ними пусть разбирается вождь, когда мы вернемся в Облако.

— Вернемся? — горько возразил другой офицер. — «Дендра» искалечена, последние два генератора еле дышат, спасательные шлюпки повреждены. Мы не пройдем и полдороги.

Лицо Дерк Ундиса не изменилось.

— Тогда нам нужно спрятаться, пока Шорр Кан не пришлет спасательный корабль. Мы вызовем его по шифровальной волне и доложим о случившемся

— Спрятаться! — вскричал офицер. — Здесь пространство Империи! Патрульный крейсер наверняка сообщил о стычке. Не пройдет и суток, как сектор будет кишеть кораблями.

Дерк Ундис по-волчьи оскалился.

— Знаю. Нам придется уходить отсюда. И я знаю, куда идти. — Он ткнул в иллюминатор на близкую, медного цвета звезду, жарко сиявшую сквозь огненную дымку туманности Ориона. — У этого солнца есть планета, обозначенная на картах как необитаемая. Там мы укроемся и вызовем помощь. Проклятые имперские крейсера недолго будут искать нас, если мы оставим разбитый корабль.

— Но на картах указано, что система находится в центре пылевого циклона! На двух турбинах туда не пробиться, — заметил облачник.

— Вихрь понесет нас, — парировал Дерк Ундис. — А для спасательного корабля он не помеха. Идем туда на максимальной скорости, какую способны дать генераторы, энергию оставим только для связи с Талларной. Мы сможем вызвать ее, лишь когда окажемся в безопасности на этой планете. — Он прибавил, указывая на Гордона и Лианну: — А этих двоих связать и приставить к ним человека, который все время держал бы их под прицелом. Исполняйте. Лини Кайл!

Гордона и Лианну втащили в одну из кают, стенки которой были сильно побиты во время битвы. Там их бросили в пружинные вращающиеся кресла. Привязали руки и ноги прочными пластиковыми ремнями. Потом офицер удалился, оставив с ними высокого вооруженного часового.

Гордону удалось повернуть свое кресло так, чтобы видеть Лианну.

— Я старался как лучше, — тихо сказал он. — Но все только испортил.

Она ответила отважной улыбкой из-за прозрачного забрала шлема.

— Это было необходимо, Зарт. По крайней мере, мы расстроим планы Шорр Кана

Однако Гордон понимал — все кончено. Его попытка выдать «Дендру» имперскому патрулю завершилась полным провалом. Чем бы ни было новое оружие облачников, оно оказалось слишком мощным для патрульного крейсера. Он достиг одного: продемонстрировал облачникам, что он враг. Предупредить Троон об измене теперь не удастся. Их с Лианной снова доставят в Облако, в лапы диктатора...

«Этому не бывать! — поклялся себе Гордон. — Прежде я заставлю облачников убить нас!»

Несколько часов генераторы натужно ревели, расходуя последние запасы энергии. Потом умолкли, начался свободный полет. Вскоре «Дендра» вошла в светящуюся дымку огромной туманности.

Время от времени из недр звездолета доносились зловещие скрипы. Когда на смену охраннику пришел другой солдат, Гордон узнал из их разговора, что из всех офицеров и рядовых в живых осталось лишь восемнадцать.

Через несколько часов возникла болтанка: поврежденный корабль попал во власть сильных пылевых течений. Гордон понял, что они входят в тот самый циклон, о котором говорил Лини Кайл. Качка усиливалась, казалось, «Дендра» разваливается на части. Потом раздался оглушительный треск, а следом — громкий шипящий звук.

— Из отсеков выходит воздух, — шепнула Лианна. — Без скафандров мы бы уже погибли...

Смерть и так была рядом: беспомощный корабль швыряли могучие пылевые вихри, несшие его к планете-цели.

Медленно тянулись часы. Теперь «Дендра» использовала остатки энергии, чтобы не поддаться притяжению медного солнца, к которому приближалась.

Гордон и Лианна ловили в иллюминатор лишь случайные проблески света. Потом увидели планету, вращающуюся вокруг этого медного солнца, — мутно-желтый дымящийся шар. Загрела последняя команда Дерк Ундиса:

— По амортизаторам! Жесткая посадка!

Солдат, стороживший пленников, пристегнулся в свободном кресле. Сквозь дыры в обшивке засвистел воздух.

Гордон успел заметить мчавшиеся навстречу сплошные желтые заросли. Двигатели надсадно взвыли, стараясь замедлить падение. Потом был страшный толчок — и наступила тьма.

18. ЧУДОВИЩНЫЕ ЛЮДИ

Гордон очнулся потрясенный и ослепленный. Его привел в себя тревожный шепот Лианны. Девушка наклонилась к нему с кресла, к которому была привязана.

— Зарт, вы не ранены? Ваше кресло совсем сломалось.

— Нет, я не ранен, — с трудом ответил Гордон, озираясь по сторонам. — Мы, кажется, сели...

«Дендра» больше не была кораблем — изуродованная, исковерканная груда металла, для которой полеты кончились навсегда. Стенки были скомканы, как бумага, шпангоуты изломаны, как картон, силой удара. Жаркий медный свет вливался сквозь зияющий пролом в стене. Через это отверстие открывалась картина девственных джунглей. Снаружи теснились высокие деревья, широкие янтарные листья которых росли прямо из гладких стволов. Золотистая пыльца плавала в металлическом свете солнца, и странные перепончатокрылые птицы реяли над желтыми зарослями.

Слух Гордона уловил неровные звуки атомных турбин.

— Люди Дерк Ундиса пытаются завести генераторы, — сказала Лианна. — Вероятно, они уцелели.

— Значит, они хотят отправить известие в Облако, — пробормотал Гордон. — И Шорр Кан пришлет сюда другой корабль.

В каюту заглянул Лини Кайл, уже без шлема, в черном офицерском мундире.

— Снимите с них скафандры, — приказал он сопровождавшим его солдатам. — А потом снова свяжите и не церемоньтесь!

Без тяжелого облачения Гордон почувствовал себя лучше. Воздух был пропитан незнакомыми пряными запахами, однако дышалось легко. Напротив каюты располагалась рубка связи. Спустя какое-то время оттуда донесся высокий писк передатчика, затем голос Дерк Ундиса:

— Талларна, отвечайте! Говорит «Дендра»! Отвечайте!..

Лианна спросила шепотом:

— Разве их передача не привлечет внимания? Если ее услышит имперский патруль, что тогда? — Гордон не надеялся на это.

— Нет, Дерк Ундис говорил, что будет работать на тайной волне. Значит, сигнал останется незамеченным.

Вызовы продолжались несколько минут. Потом они услышали, что Дерк Ундис приказал выключить передатчик.

— Погодя попробуем снова, — сказал он. — Нам нужно продержаться, пока не свяжемся со штаб-квартирой.

Незаметными толчками тела Гордон развернул свое кресло и сквозь проломы в стенах видел теперь, что делается в рубке связи. Через два часа там вновь появились Дерк Ундис и оператор. Когда генераторы зажужжали, связист тщательно установил на панели верньеры и замкнул несколько рубильников.

— Не сбейте волну, — предостерег его Дерк Ундис. — Если проклятые имперские суда перехватят хоть слово, они нас тут же запеленгуют.

Вновь начали вызовы. На сей раз Талларна откликнулась.

— Здесь «Дендра»! — радостно закричал облачник. — Капитан Дерк Ундис! Не могу включить телестерео, мало энергии. Даю опознавательный код...

Он продиктовал длинный ряд цифр, потом сообщил пространственные координаты планеты, ставшей их прибежищем, коротко доложил о сражении и его последствиях.

В приемнике раздался звучный голос Шорр Кана:

— Благодарю за службу, Дерк. Вот уж не думал, что принц настолько глуп. Но не отчаивайтесь, Лига не бросит своих героев, сейчас же высылаю еще один призрак. Ждите, он скоро прибудет. И не выходите больше на связь. Нельзя, чтобы противник пронюхал о вашем местонахождении.

— Слушаюсь, господин! — воскликнул Дерк Ундис. — Если я правильно понял, везти Зарт Арна на Землю уже не надо?

— Ни в коем случае! — рассмеялся Шорр Кан. — Главная задача — чтобы они не удрали. Вы должны доставить их живыми или мертвыми. Но лучше живыми — я подготовлю теплый прием...

Гордон похолодел, услышав эти слова. Лианна быстро взглянула на него, но промолчала. А облачники ликовали. Еще бы — скоро придет подмога! Немного погодя Гордон услышал, как Дерк Ундис отдает распоряжения.

— Будем держать стражу вокруг корабля. Неизвестно, какие твари могут населять этот лес. Лини Кайл, вы командуете первой сменой.

Медное солнце опустилось за горизонт, и желтые заросли окутала мгла. Стало ощутимее сырое дыхание леса. Ночь была ясная, как в полнолуние; небом здесь была туманность Ориона, ее холодное сияние озаряло мрачные джунгли и останки разбитого корабля.

Вскоре после заката из зарослей донесся отдаленный протяжный крик. Это был гортанный звериный рев, но звучал в нем и странно осмысленный, почти человеческий призыв. Гордон услышал громкий голос Дерк Ундиса:

— Это, должно быть, крупный зверь! Будьте бдительны!

Лианна зябко поежилась.

— Страшные истории рассказывают об этих затерянных мирах, Зарт. Не каждый капитан отважится войти в пылевой циклон...

— Ну, сюда-то прилетят многие, если я смогу связаться с ними, — рассеянно пробормотал Гордон. — Мы не должны возвращаться в Облако.

Он открыл нечто, пробудившее слабую надежду. Пружинное кресло, к которому он был привязан, пострадало при посадке, как и все остальное. Металлический подлокотник, к которому была примотана его правая кисть, треснул. Трещина была небольшая, но у нее был приподнятый, зазубренный край. Об эту острую кромку он тер сейчас прочный пластиковый ремень. Вряд ли пластик поддастся, но это хоть какая-то деятельность. Он незаметно занимался ею, пока не заныли мышцы. Потом погрузился в тяжелый сон.

Под утро их разбудил новый крик в зарослях — жуткий, нечленораздельный. Минули день и ночь, и еще один день.

Посланцы из Облака не появлялись. А на третью ночь пришел ужас.

Сразу после наступления темноты со стороны одного из постов донесся вопль, затем выстрел атомного ружья.

— В чем дело? — крикнул Дерк Ундис.

— Какие-то твари вроде людей, но они растаяли, когда я выстрелил, — отозвался другой голос. — Исчезли, словно по волшебству!

— Опять! — испуганно завопил третий голос. — Они наступают!

Залп атомных ружей разорвал темноту. Дерк Ундис выкрикивал приказания. Лианна развернула кресло к иллюминатору.

— Зарт, смотрите!

Гордону тоже удалось повернуться, и он увидел невероятное зрелище.

Из зарослей к кораблю бежали десятки человекообразных существ. Они были похожи на огромных резиновых людей. Глаза у них пылали адским огнем.

Дерк Ундис и остальные целились из атомных ружей. Ослепительные разрывы вновь затмили холодный свет туманности. Но при попадании резиновые люди попросту таяли. Тела их превращались в вязкую слизь, которая нехотя уползала в кустарник.

— Мы окружены! — истерически крикнул Лини Кайл. — Их слишком много! Оружие бесполезно!

— Отставить панику! — рявкнул Дерк Ундис. — Лини, к генераторам! Подключите к ним кабель. Попробуем разогнать этих тварей излучением. Живее!

Глаза Лианны наполнились ужасом — нападавшие схватили двоих солдат и поволокли в чащу.

— Зарт, это чудовища! Не люди, но и не звери...

Гордон видел, что битва оборачивается плохо. Резиновая орда теснила облачников к кораблю. Казалось, нападавшие неуязвимы. Раненые, они просто растекались слизью и ускользали. Вдруг громко загудели генераторы корабля. В поле зрения показались Лини Кайл и еще двое. Они тащили массивный излучатель, снятый с двигательной установки. За ним тянулся тяжелый кабель.

— Включайте скорее! — распорядился Дерк Ундис. — Этих тварей слишком уж много!

— Расступитесь! — крикнул Лини Кайл. Он включил аппарат. Оттуда вырвался ослепительный энергетический луч. Земля покрылась слизью, отползающей под прикрытие леса. Заросли отозвались злобными воплями.

— Тащите второй излучатель! — приказал Дерк Ундис. — Расставьте их по всему периметру. Лишь излучение действует на этих тварей!

— Откуда они взялись? — взвизгнул Лини Кайл.

— Некогда рассуждать! — отрезал Дерк Ундис. — Готовьте излучатели!

Полчаса спустя последовала новая атака. На этот раз резиновое воинство встретила соединенная мощь четырех излучателей, и агрессоры отступили.

— Они ушли! — задыхаясь, вскричал один облачник. — Но они унесли двоих наших!

Когда генераторы выключили, Гордон услышал вдали новый звук. Ровный, пульсирующий, словно глухая дробь барабанов, он доносился с запада, из озаренных холодным сиянием джунглей. Вдруг сквозь барабанный бой прорвались слабые, полные муки человеческие голоса. Их заглушил торжествующий гортанный хор. Затем наступило молчание.

«Это кричали пленники, — ужаснулся Гордон. — Бог знает, что с ними случилось!» Ради спасения Лианны от здешних кошмаров какое-то мгновение он готов был добровольно вернуться в Облако. Но минута слабости тут же прошла. Они вырвутся отсюда — но не для того, чтобы опять попасть в руки Шорр Кана!

Он заставил себя продолжать слабые, почти незаметные движения, которыми тер пластиковый ремень о зазубренный край трещины. Устав, задремал и пробудился уже после восхода.

В свете медного солнца желтые джунгли казались обманчиво мирными. Но и тюремщики, и пленники знали теперь, какие ужасы скрываются в этих золотых чащах.

Весь долгий день Гордон продолжал упорные попытки избавиться от своих уз, пользуясь каждым случаем, когда охранник не смотрел в его сторону. Лианна шепнула:

— Надеетесь освободиться?

— К ночи я смогу перетереть его, — ответил он одними губами.

— А потом? Какая от этого польза? Мы не сможем убежать в лес.

— Нет, но мы позовем на помощь. Я знаю способ.

Настал вечер, Дерк Ундис отдавал отрывистые приказания:

— По два человека к каждому излучателю. Готовьтесь отгонять чудовищ. Генераторы будут работать всю ночь.

Для Гордона это была хорошая весть. Она облегчала выполнение его ненадежного плана. Он чувствовал, что плотная пластмасса перетерта уже наполовину; но она оставалась слишком прочной, чтобы порваться.

Генераторы зажужжали, и встревоженным облачникам не пришлось долго дожидаться атаки, которой они боялись. Из озаренной туманностью чащи снова донеслись свирепые крики.

— Готовьтесь, они могут явиться каждую минуту! — крикнул Дерк Ундис.

Из зарослей с гортанными воплями неудержимой лавиной выкатилась резиновая стая. Ее встретил концентрированный удар излучения.

— Они отступают! — воскликнул Дерк Ундис.

— Но не умирают! — возразил кто-то другой. — Они тают и утекают в кусты!

Гордон понял, что время пришло. Генераторы включены, все облачники заняты обороной. Он напряг мускулы в надежде разорвать ремень, но не рассчитал его прочности. Эластичная пластмасса держалась. Он напрягся снова, со всей силой, на какую был способен. На этот раз пластик лопнул. Торопясь, он распутал остальные ремни, вскочил и освободил Лианну. Потом кинулся из кююты к рубке связи.

— Покарауйте, — попросил он. — Крикните мне, если облачники вернутся. Я попробую включить передатчик.

— А вы сумеете связаться с Трооном? — спросила девушка.

— Нет, но я собью настройку. Какой угодно сигнал тут же привлечет внимание к этой планете.

На ощупь в полумраке рубки Гордон нашел рубильники, которые в прошлый раз включал оператор. Но передатчик остался

мертвым. Ни звука, ни искры в вакуум-лампах. Горькое разочарование охватило его. Попытка освободиться вновь закончилась полным провалом.

19. МИР УЖАСОВ

Снаружи бушевала битва. Гордон заставил себя успокоиться, ощупью проверил рубильники. Один не был замкнут! Когда Гордон включил его, раздалось жужжание, в лампах засветились нити накала.

— Генераторы останавливаются! Излучатели теряют мощность! — закричал кто-то из облачников.

— Зарт, вы берете так много энергии от генераторов, что излучатели у них гаснут, — предостерегла Лианна. — Сейчас они придут посмотреть, что случилось.

— Мне достаточно одной секунды, — ответил он, напряженно склоняясь над панелью с верньерами.

Он знал, что не сможет дать никакого осмысленного сигнала. Он не знал почти ничего об этом сложном аппарате. Но если удастся послать хоть какой-нибудь ненастроенный сигнал, то сам факт передачи с планеты, считающейся необитаемой, неминуемо привлечет внимание имперских крейсеров, обыскивающих этот сектор. Гордон лихорадочно вращал верньеры. Аппарат то оживал, то затихал под его неопытными руками.

— Эти твари опять атакуют! — закричал снаружи Дерк Ундис. — Лини, посмотрите, что там с генераторами! Живее!

Шум битвы приближался. Предостерегающий возглас Лианны заставил Гордона обернуться. В дверях стереорубки стоял бледный, растрепанный Лини Кайл. Облачник выхватил пистолет.

— Тысяча чертей! Я так и думал...

Гордон бросился на него, и они повалились на пол. Потом сквозь усиливающийся шум он услышал полный ужаса крик Лианны и вдруг увидел страшные фигуры, вломившиеся в коридор.

Резиновые агрессоры! Порождения безумного мира прорвались в корабль сквозь ослабленную оборону!

Мощные лапы подняли в воздух девушку. Пустые лица, пылающие глаза были совсем близко. Гордон дико закричал, отбросил Лини Кайла и попытался встать. Но не смог. Его уже придавила мягкая масса, в тело вцепились руки, гибкие, как щупальца осьминога. Лини Кайл успел спустить курок, и один из нападавших превратился в ползучую слизь. Но остальные тут же навалились на облачника.

По коридорам прокатился гром выстрелов. Их перекрыл голос Дерк Ундиса:

— Очистить корабль! Держать двери, пока мы не наладим излучатели! Пошевеливайтесь!

Гордон отчаянно сопротивлялся, но могучие руки оторвали его от пола. Резиновые полчища отступали из разбитого корабля, унося с собою троих людей. Гордон с ужасом понял, что это он, лишив облачников защиты, чтобы послать свой отчаянный зов, подверг Лианну страшному испытанию.

— Дерк, нас схватили! — заорал Лини Кайл, и Гордон услышал ответный крик ужаса. Грохотали выстрелы, им вторили свирепые вопли. Похитители легко несли пленников сквозь высокие заросли. Вся резиновая орда отступила в чащу, когда Дерк Ундис и его люди снова привели в действие излучатели.

Гордон смутно различал отвратительных тварей, которые с обезьяньим проворством преодолевали непроходимые дебри. Холодное зарево туманности время от времени высвечивало бледные лица Лианны и офицера.

Через несколько минут бег похитителей еще более ускорился. Лес стал реже, за деревьями мелькали скалистые склоны. Путь резиновых орд пролегал по глубокому каменистому ущелью. Здесь было еще страшнее, чем в зарослях. Утесы слабо светились, и это не было отражением небесного сияния.

«Радиоактивность, — понял Гордон. — Вот откуда взялись эти адские создания».

Скалы огласились отвратительными криками. Ущелье было полно резиновых чудовищ. Они приветствовали соплеменников громкими гортанными восклицаниями.

Потом Гордон осознал, что стоит рядом со смертельно бледной Лианной. Их обоих крепко держали.

— Лианна, вы не ранены?

— Нет, Зарт! Но что они с нами сделают?

— Господи, не знаю! — простонал он. Толпа человекообразных страшилищ окружила Лини Кайла, сильные руки срывали с него одежду. К небу вознесся одобрительный рев. Резиновые твари, сидя на корточках, стучали ладонями по земле, ритмично, как в барабан.

Лини Кайл ожесточенно отбивался, но его подняли и понесли. Толпа расступилась, давая дорогу. И тогда Гордон увидел, куда несут облачника.

В глубине ущелья, окаймленное радиоактивными скалами, лежало круглое озеро, поперечником метров двадцать. На его поверхности играли блики. Но это была не вода.

В смешанном свете неба и скал там вздымалась и опадала огромная масса живой шевелящейся слизи!

— Что это? — вскрикнула Лианна. Почти теряя сознание, Гордон увидел, что от края вязкой массы тянутся длинные червеобразные отростки, на концах которых копошатся миниатюрные резиновые человечки! Один из них у него на глазах отделился и неуверенно зашагал прочь.

«Господи! — подумал Гордон. — Они отпочковываются от этой штуки!»

Гортанные вопли и барабанную дробь пререзал отчаянный крик Лили Кайла. Резиновые люди с размаху швырнули его прямо в шевелящуюся протоплазму. Облачник снова страшно вскрикнул. У Гордона померкло в глазах. Мигом позже тело Лили Кайла уже поглотила жадная вязкая жидкость.

— Не смотрите туда, Лианна! — крикнул Гордон. Алчные руки со всех сторон тянулись к нему, рвали одежду. Он дернулся изо всех сил — тщетно.

В этих резиновых лапах он был просто ребенком. Уже ничего не видя, он услышал слабый, сдавленный крик Лианны...

Гром атомных ружей заглушил остальные звуки. Полутьму разогнали ослепительные разрывы пуль. Резиновые твари падали, теряли форму, текли ползучей слизью к своему озеру.

— Дерк Ундис! — с чувством воскликнул Гордон, различив в группе вооруженных облачников узкое лицо командира «Дендры».

— Взять Зарт Арна и девушку, живо! — скомандовал тот. — И назад, к кораблю!

Гордон на миг восхитился своим тюремщиком. Дерк Ундис получил от Шорр Кана приказ доставить их в Облако. Он выполнит приказ или умрет.

Кругом безумствовал хаос. Гремели выстрелы, лопались атомные пули. Гордон вырвался из державших его рук и бросился к Лианне. Резиновые чудовища метались и дико вопили, ошеломленные дерзким налетом. Наконец, отбив пленников, Дерк Ундис и его люди заспешили из ущелья.

— Они преследуют нас по пятам! — крикнул кто-то рядом с Гордоном. В чаще позади них раздавались знакомые гортанные вопли. Очевидно, резиновые захватчики опомнились и пустились в погоню, не желая отказываться от законной добычи. Пользуясь преимуществом в скорости, они заходили с флангов. Когда до разбитого звездолета оставалось еще полпути, заросли впереди огласились таким же свирепым кличем, а потом со всех сторон из леса полезли резиновые люди.

— В атаку! — вскричал Дерк Ундис, потрясая пистолетом — Да здравствует вождь!

Отчаянная попытка не имела шансов — и он, и Гордон понимали это, с дюжиной атомных ружей не пробиться сквозь неисчислимые полчища.

Атака захлебнулась. Резиновые напирали. Гордон, заслоняя собою Лианну, яростно отбивался выломанной в лесу суковатой дубинкой. Он надеялся сохранить силы для последнего удара, чтобы Лианну не унесли живой к кошмарному озеру.

Внезапно на поле битвы упала тень. Что-то большое и черное быстро спускалось с пылающего неба.

— Корабль! — заорал кто-то из облачников. — Корабль Лиги!

Крейсер-призрак с гербом Облака на борту опустился в лес, ломая деревья. Люки открылись, оттуда выпрыгивали солдаты с атомными ружьями наперевес и тут же вступали в сражение.

Ряды резиновых дрогнули. Гордон опустил ненужную большую дубинку, обернулся. Лианна без чувств лежала на земле. Он склонился над нею.

— Салют, Холл! — приветствовал Дерк Ундис коренастого, коротко стриженного предводителя спасателей. — Вы появились в самый нужный момент!

— Похоже, — ответил тот, с омерзением глядя на вязкую протоплазму, уползавшую с поля боя. — Что за дьяволы на вас навалились?

— Исчадия этой радиоактивной планеты, — объяснил Дерк Ундис. — Вероятно, здесь когда-то была колония. Люди подверглись мутациям. Теперь они рождаются из озера протоплазмы и возвращаются туда после смерти, чтобы родиться заново. — Он помолчал. — Это обсудим после. Главное — убратся отсюда поскорее. Думаю, имперские эскадрильи обшаривают сейчас весь район западнее туманности.

— Точно, — кивнул Холл Вонн. — Шорр Кан велел доставить Зарт Арна и девушку в Облако немедленно. Мы пойдем сквозь туманность на восток, а затем свернем к югу вдоль ее края.

Тем временем Гордон привел Лианну в чувство. Она с изумлением глядела на огромный корабль и вооруженных облачников.

— Зарт, что случилось? Это значит...

— Это значит, что мы возвращаемся в Облако, к Шорр Кану, — хрипло ответил он.

Дерк Ундис повелительно указал на корабль.

— Прошу на борт, господа пленники!

Холл Вонн, казалось, к чему-то прислушивался. Его широкое лицо побледнело. Он поднял руку.

— Внимание!

Гордон посмотрел вверх. С неба бесшумно падали четыре больших корабля. И не какие-нибудь призраки, а тяжелые крейсера, ошестинившиеся батареями атомных пушек. На носу каждого пылала комета — эмблема Средне-Галактической Империи.

— Имперская эскадрилья! — вскричал Холл Вонн. — Мы пойманы! Они уже нашли нас!

Гордон ощутил вдруг жаркую надежду. Его отчаянная попытка удалась. Он привел имперский патруль на эту планету!

20. УГРОЗА С ПЛЕЯД

Дерк Ундис испустил яростное восклицание, увидев в небе имперские корабли.

— К кораблю! Возможно, еще удастся от них ускользнуть!

— Поздно, — мотнул головой Холл Вонн и посмотрел на свой крейсер. — Они держат нас под прицелом.

Дерк Ундис мгновение стоял неподвижно, потом повернулся к пленникам. В глазах его появилось мстительное выражение, рука легла на кобуру.

— Великий вождь приказал, чтобы эти люди ни при каких обстоятельствах не вернулись на Троон, — с расстановкой произнес он, медленно извлекая оружие. — Клянусь Небом, приказ будет выполнен.

Он поднял атомный пистолет. Гордон не стал дожидаться произнесения приговора. За те несколько секунд, которые прошли с появления имперских крейсеров, он уже понял, что в этом отчаянном положении облачники скорее убьют его и Лианну, чем дадут им уйти.

В прыжке, словно пущенный из катапульты снаряд, он обрушился на Дерк Ундиса. Тот упал навзничь.

Холл Вонн уже бежал к кораблю, выкрикивая приказания. Дерк Ундис не шевелился. Гордон схватил Лианну за руку, они бросились под прикрытие чащи.

— Если нам удастся скрыться хотя бы на несколько минут, мы спасены, — объяснил он. — Имперские суда спустятся на поиски.

— Холл Вонн атакует! — воскликнула Лианна, указывая вверх.

Громовой рев двигателей прорезал воздух: длинный темный призрак Холл Вонна устремился в пламенное небо. Да, облачники не были трусами. Зная, что кара за нападение на силы Империи в ее пределах — мгновенное уничтожение, Холл Вонн ринулся в бой!

Атомные орудия призрака громыхнули, послав запас снарядов в снижающиеся имперские корабли. Ослепительные разрывы затмили бледное свечение неба.

Это было великолепно, но и безнадежно. Силы были слишком неравны. Батарей четырех крейсеров ответили разом.

Распустившиеся цветы атомного огня на миг заслонили призрак: уже в следующую секунду раскаленным болидом он слепо мчался к земле.

— Зарт, берегитесь! — Лианна рванула Гордона в сторону. Атомная пуля просвистела мимо его лица и взорвалась в кустах.

Дерк Ундис, мертвенно-бледный, вновь целился. Лианна отчаянно бросилась к нему. Гордон понял: настойчивый молодой капитан выследил их, чтобы убить обоих.

— Клянусь Небом, я кончу с этим! — вскричал Дерк Ундис, яростно оттолкнул Лианну, но Гордон уже прыгнул. У молодого облачника вырвался крик боли, когда Гордон вывернул ему руку. Уронив пистолет, он ударил Гордона коленом в живот и начал колотить кулаками.

Гордон едва ощущал удары, охваченный яростным возбуждением. Они повалились на землю. Дерк Ундису удалось упереться спиной в толстый ствол; обеими руками он схватил Гордона за горло. В глазах потемнело. Гордон вцепился в жесткие волосы противника и ударил его затылком о дерево. И еще раз, и еще...

— Остановитесь, Зарт! — услышал он восклицание Лианны. Хватка на шее ослабла, легкие жадно втянули воздух. Он все еще держал облачника за волосы. Тот был мертв. Гордон, шатаясь, поднялся.

— Лианна, вы спасли мне жизнь. Если бы не вы, он бы меня убил.

— Здесь кто-то есть! — раздался совсем рядом незнакомый молодой голос. Гордон с трудом повернулся в ту сторону. Из зарослей показались солдаты в серой форме Империи. Один из прибывших крейсеров приземлился поблизости, пока остальные парили вверх.

Голос принадлежал статному имперскому капитану, который удивленно смотрел на растрепанных Гордона и Лианну.

— Эти двое не похожи на облачников, но... — Капитан шагнул ближе, пристально всматриваясь в разбитое, окровавленное лицо Гордона. — Принц Зарт Арн! — вскричал он, и глаза его сверкнули ненавистью и торжеством. — Клянусь Небом, мы поймали вас! Значит, вы в сговоре с облачниками! Вы присоединились к ним, когда бежали с Троона!

По шеренге солдат прошло движение. На их лицах Гордон прочел смертельную ненависть.

— Я капитан Дар Каррел, — сурово произнес офицер. — Вы арестованы, принц. Вы виновны в измене и убийстве императора...

Как ни был ошеломлен Гордон, при этом заявлении к нему вернулся дар речи.

— Я не убивал Арн Аббаса! И я не был в союзе с облачниками. Они держали меня в плену. Я вырвался перед самым вашим прибытием. — Он указал на неподвижное тело. — Этот человек намеревался прикончить нас, чтобы не дать ускользнуть. Что, кстати, привело вас на эту планету? Ненастроенный сигнал, не так ли?

— Откуда вы знаете? — удивился Дар Каррел. — Да, наши радисты уловили сигнал из этого необитаемого мира, когда мы обыскивали пространство западнее туманности.

— Его послал Зарт! — вмешалась Лианна. — Специально, чтобы привлечь ваше внимание.

— Но всем известно, что вы убили своего отца! — оправился от изумления офицер. — Адмирал Корбуло видел это собственными глазами! А потом бежали с Троона...

— Я не бежал, а был похищен, — настойчиво возразил Гордон. И прибавил серьезно: — Я прошу одного: чтобы меня отвезли на Троон и выслушали мою историю!

Неожиданный поворот ситуации все больше и больше озадачивал Дар Каррела.

— Конечно, вас отвезут на Троон для суда, — сказал он. — Но такое серьезное дело не для простого капитана эскадрильи. Я отправлю вас под стражей в главную эскадру и запрошу инструкции.

— Разрешите мне срочно переговорить по стерео с братом, — настойчиво попросил Гордон. Лицо Дар Каррела стало твердым.

— Вы обвиняетесь в тягчайших преступлениях против Империи. Я не могу позволить вам посылать известия. Вы должны подождать, пока я получу инструкции.

Он подал знак, и десяток солдат с ружьями наготове окружили Гордона и Лианну.

— Прошу вас немедленно пройти в корабль, — коротко сказал молодой капитан.

Спустя десять минут крейсер в сопровождении трех других уже мчался сквозь туманность на запад, удаляясь от планеты кошмаров. Гордон яростно мерил шагами каюту.

— Только бы мне позволили предупредить брата об измене Корбуло! Если придется ждать до Троона, мы можем опоздать. Лианна выглядела встревоженной.

— Даже в Трооне убедить Джал Арна будет непросто, Зарт. Это охладило гнев Гордона.

— Но они должны мне поверить. Они, конечно, не поверят лжи Корбуло, если я скажу правду!

— Надеюсь, — прошептала Лианна и с оттенком гордости добавила — И я смогу подтвердить вашу историю. А ведь я пока еще принцесса Фомальгаута!

Медленно тянулись часы Эскадрилья, выйдя из туманности Ориона в открытое пространство, по-прежнему летела на запад. Лианна спала — казалось напряжение последних дней. Но Гордон бодрствовал. Нервы были на пределе. Он чувствовал приближение кризиса в великой галактической игре, в которой был только пешкой.

Он обязан убедить Джал Арна в правдивости своей истории. Времени в обрез — едва Шорр Кан узнает, что он ускользнул, вождь Облака тут же начнет действовать. Голова у Гордона болела. Как все это кончится? Есть ли у него шанс выпутаться и вернуться на Землю, чтобы обменяться телами с настоящим Зарт Арном?

Наконец началось торможение. Туманность Ориона, превратившись в слабое светящееся пятно, затерялась далеко позади. Впереди, совсем близко, пылали звезды Плеяд. Меж ними на бархате неба протянулась длинная линия крохотных искр.

Корабли! Крейсирующая близ Плеяд эскадра Средне-Галактической Империи, одно из крупных соединений по охране границ. Лианна уже проснулась. Они вместе смотрели на проплывающие мимо громады линкоров и крейсеров, стройные призраки, истребители, разведчики.

— Это один из главных флотов Империи, — шепнула она.

— Почему нас держат здесь и не позволяют связаться с Трооном? — повторял Гордон.

Крейсер застопорил ход рядом с гигантским линейным кораблем, их корпуса соприкоснулись. Послышался лязг швартовочных механизмов.

Потом дверь каюты отворилась, вошел Дар Каррел.

— Принц Зарт! Я получил приказ доставить вас на флагманский линкор «Этне».

— Позвольте мне сначала связаться с Трооном, с императором! — взмолился Гордон. — Мое сообщение, возможно, спасет Империю! — Дар Каррел покачал головой.

— Приказано перевести вас немедленно. Полагаю, «Этне» тотчас же пойдет в столицу. Там вы скажете все, что хотите.

Гордон даже не пытался скрыть разочарования. Лианна взяла его за руку.

— Этот корабль очень скоро достигнет Троона, а там вы сможете говорить, — ободряюще сказала она.

Сопровождаемые стражей, они направились к шлюзу. Корабли соединял короткий цилиндрический переход. На борту линкора их ожидала другая группа конвоиров — лейтенант и солдаты. В их глазах Гордон увидел уже знакомые чувства. Они тоже считали его изменником и отцеубийцей.

— Я должен поговорить с вашим командиром, — обратился он к начальнику стражи.

— Вот он, — ледяным тоном ответил лейтенант.

В коридоре раздались шаги. Гордон повернулся к входившим, готовый потребовать немедленной связи с Трооном. Но он ничего не сказал. Ибо увидел коренастого человека в адмиральском мундире, чье немолодое широкое лицо и холодные глаза были ему отлично знакомы.

— Корбуло! — вскричал он.

Взгляд адмирала остался непроницаемым. Резкий голос хлестнул Гордона, как плетью.

— Да, изменник, это я. Так вас наконец поймали?

— Вы называете так меня? — задохнулся Гордон. — Вы, величайший изменник в истории?

Чен Корбуло холодно повернулся к высокому офицеру — арктуру, появившемуся вместе с ним:

— Капитан Марланн, нет нужды везти этого убийцу и его сообщницу в Троон. Я сам видел, как он прикончил Арн Аббаса! И я, командуя флотом, нахожу их виновными по космическим законам и приказываю немедленно казнить!

21. ВОССТАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

В холодной усмешке Корбуло сквозило торжество. Все было ясно. Получив известие от Дар Каррела, предатель сообразил, что допустить Гордона в Троон со всем, что ему известно, нельзя. Поэтому он прилетел сюда и приказал перевести пленников на свой корабль, чтобы отделаться от них раньше, чем они успеют что-нибудь рассказать.

Гордон в отчаянии посмотрел на окруживших его офицеров, но увидел в их глазах только ненависть и презрение.

— Поверьте, я не изменник! Это Корбуло убил моего отца и вступил в сговор с Шорр Каном!

Впустую. И вдруг он увидел знакомое лицо, худощавое, медно-красное. Это был Хелл Беррел, капитан с Антареса, вырвавшийся

его в Гималаях из лап посланцев Шорр Кана и назначенный за это помощником адмирала.

— Хелл Беррел! — взмолился Гордон. — Вы же знаете, Шорр Кан и раньше хотел похитить меня!

Меднолицый антаресец нахмурился.

— Действительно, я так считал. Но я не знал, что вы втайне сговорились с ним и что это только игра.

— Игра? Почему вы все позволяете Корбуло водить себя за нос?

— Принц Зарт говорит правду! — воскликнула Лианна. — Корбуло — предатель!.. — Адмирал повелительно махнул рукой.

— Довольно с нас этого бреда! Капитан Марланн, распорядитесь, чтобы их выбросили через шлюз. Это наиболее милосердный вид казни.

Стражи приблизились. И тогда сквозь всю горечь отчаяния Гордон уловил искру удовлетворения в глазах у Корбуло, и это толкнуло его к последнему усилию.

— Корбуло вас дурачит! — взорвался он. — Знаете, почему он велит казнить нас вместо того, чтобы доставить в Троон? Он нас боится! Мы слишком много знаем!

Это произвело нужное впечатление. Хелл Беррел вопросительно посмотрел на Корбуло.

— Прошу прощения, адмирал, но, возможно, имеет смысл правда отвезти их в столицу?

— Зарт Арн, в конце концов, член императорской семьи, — поддержал его Валь Марланн, командир линкора. — А принцесса Лианна — повелительница независимого королевства.

— После расправы с нами Фомальгаут отколетя от Империи, — подхватила Лианна. — Подумайте хотя бы об этом!

Широкое лицо Чена Корбуло потемнело от гнева. Он был уверен, что Гордон и Лианна находятся на краю гибели, и поддержка раздражала его. Именно раздражение заставило Корбуло совершить ошибку. Он решил просто раздавить все выдвинутые возражения.

— Нет нужды везти в Троон этих грязных предателей и убийц! — отрезал он. — Мы казним их немедленно. Выполняйте приказание!

Но Гордон успел бросить пламенный призыв толпившимся вокруг офицерам.

— Видите? Корбуло никогда не позволит нам лететь в Троон, чтобы сказать то, что мы знаем! Он боится! Да он наверняка даже не извещил моего брата!

Хелл Беррел, все более сомневаясь, обратился к молодому лейтенанту-землянину:

— Вы офицер связи, Берлин. Знает ли император, что Зарт Арн здесь?

— Капитан Беррел, вы забываетесь, — вспыхнул Корбуло. — Клянусь Небом, я разжалую вас в рядовые!

Лейтенант Берлин нерешительно посмотрел на взбешенного адмирала и, запинаясь, ответил:

— Императору ничего не известно... Адмирал приказал не сообщать ничего в столицу...

— Неужели и это вас не убеждает! — повысил голос Гордон. — Для чего Корбуло держать в тайне наше пленение? Просто он знает, что Джал Арн прикажет доставить нас в Троон, а именно это его не устраивает! Поймите, я не прошу о помиловании. Если я виновен, то заслуживаю казни. Но пусть это решит суд. А если Корбуло отказывает мне в этом, то только потому, что он сам предал Империю! — Лица у всех изменились, слова Гордона пробудили наконец глубокое сомнение в их умах.

— Вы погубите флот Империи, если позволите этому изменнику командовать им, — настойчиво продолжал он. — Он в союзе с Шорр Каном. Если вы не отвезете меня в Троон, чтобы я мог подтвердить это, флот и Империя в опасности!

Хелл Беррел поглядел на своих товарищей-офицеров, потом на Чена Корбуло.

— Адмирал, мы уважаем дисциплину. Однако требование насчет суда кажется нам справедливым. Зарт Арна нужно доставить в Троон.

— Правильно! — раздались возгласы. Опасение за судьбы Империи оказалось сильнее служебной субординации. Лицо Корбуло побагровело.

— Беррел, вы арестованы! Клянусь Небом, вы прогуляетесь по доске вместе с этими убийцами! Солдаты, вяжите его!

Вперед выступил Валь Марланн.

— Погодите, солдаты! Адмирал, вы глава флота, но на борту «Этне» командую я. А я согласен с Хелл Беррелом.

— Вы больше не капитан «Этне», Марланн! — прогремел Корбуло. — Я смещаю вас и беру командование в свои руки!

— Нет! — гордо выпрямился Валь Марланн. — Адмирал, если я не прав, то готов принять на себя всю ответственность. Но, клянусь, есть в этом деле нечто, вопиющее к Небу! Мы пойдем на Троон и узнаем, что это такое.

Гордон услышал одобрительный ропот офицеров. Услышал его и Чен Корбуло. Бессильное бешенство на его лице стало явным, он выругался:

— Хорошо, пусть будет Троон! Но вы еще пожалеете! Мятеж в

открытом пространстве! Погодите же!

Корбуло вышел. Хелл Беррел и остальные офицеры молча глядели друг на друга, постепенно остывая. Потом Валь Марланн угрюмо повернулся к Гордону.

— Принц Зарт, вы получите что хотели. Но если вы сказали неправду, нам конец.

— Это должно быть правдой! — заявил Хелл Беррел. — Я и раньше не мог понять, зачем принцу убивать родного отца! И почему Корбуло так требовал их немедленной казни, если ему нечего скрывать?.. — Внезапно громкоговорители корабля ожили:

— Общая тревога! Говорит адмирал Корбуло! На «Этне» мятеж! Зачинщики — капитан Валь Марланн, мой помощник Хелл Беррел, принц Зарт и принцесса Лианна! Приказываю всем, кто остался верен Империи, вооружиться и схватить мятежников!

В глазах Хелл Беррела сверкнул гнев.

— Он поднимает корабль против нас! Валь, ступайте к пультам и соберите экипаж! Люди вас послушаются.

Офицеры устремились в коридор, ведущий внутрь корабля.

— Останьтесь здесь! — крикнул Гордон Лианне. — Видимо, будет драка!

Торопясь вместе с другими по внутренним переходам линкора, он услышал где-то сверху нарастающий гул. Громадный корабль охватывало смятение: били колокола, орали громкоговорители, слышался топот многочисленных ног. Люди, кинувшиеся было выполнять приказ адмирала, столкнулись с теми, кто остался верен своему капитану. Вооружиться почти никто не успел. В ход шли кулаки и что попало. Потасовка охватила кубрик, оружейные галереи, коридоры. Гордон и Хелл Беррел оказались в самой гуще свалки на средней палубе.

— Мне нужно пробиться к пультам громкоговорителей, — крикнул Валь Марланн. — Помогите мне пройти!

Гордон вместе с Берлином, молодым связистом-землянином, присоединились к нему и вскоре прорвались к пультам. Хелл Беррел немного отстал. Валь Марланн закричал в микрофоны:

— Внимание всем! Говорит капитан Марланн! Сообщение о мятеже было ложным! Прекратите драку!

Берлин схватил Гордона за руку. Сквозь шум они услышали далекое гудение.

— Это стереопередатчик! Корбуло обращается к другим кораблям эскадры!

— Надо остановить его! — воскликнул Гордон. Они кинулись по коридору, потом по трапу на верхнюю палубу. Четкие

распоряжения Валь Марланна, похоже, достигли цели. Люди знали его голос, и давняя привычка заставила их повиноваться.

Берлин и Гордон ворвались в обширную рубку связи. Но из-за аппаратуры здесь было тесно. Генераторы работали. У панели управления застыли два растерянных техника, а Чен Корбуло с пистолетом в руке стоял на пластине передатчика.

— Приказываю всем кораблям немедленно послать десантные группы на «Этне» для подавления мятежа. Арестовать...

Уголкем глаза адмирал увидел ворвавшихся и, не раздумывая, спустил курок. Пуля предназначалась Гордону, но Берлин, прыгнув вперед, принял ее в свою грудь.

Гордон споткнулся о падающее тело землянина, и вторая пуля Корбуло прошла над его головой.

Гордон кинулся вперед, упал и, схватив Корбуло за колени, швырнул его на пол. Техники бросились было на помощь адмиралу, но отпрянули, увидев лицо нападающего.

— Господи, да это принц Зарт! — воскликнул один из них. Инстинктивное почтение к императорскому дому парализовало обоих. Гордон выхватил пистолет из кобуры Берлина. Корбуло вскочил и снова поднял оружие.

— Вы никогда не попадете в Троон! — прогремел он. — Кля...

Гордон выстрелил с пола. Пушенная наугад пуля попала Корбуло в шею и взорвалась, отбросив его назад.

В этот момент в рубку всежали Валь Марланн и Хелл Беррел, сопровождаемые другими офицерами. Марланн склонился над обожженным телом Корбуло.

— Мертв! — Хелл Беррел, задышавшись, повернулся к Гордону.

— Мы убили своего адмирала. Боже, помоги нам, если ваша версия неверна, принц Зарт!

— Она верна. Корбуло был лишь одним из кучки предателей на содержании у Шорр Кана, — твердо сказал Гордон, подавляя невольную дрожь. — Я докажу это.

На приемной пластине телестерео появилось объемное изображение высокого смуглого офицера.

— Вице-адмирал Рон Гирон. Что творится у вас на «Этне»? Мы идем к вам, как приказал адмирал Корбуло.

— Уже не надо, — ответил Валь Марланн. — Мы сейчас же отбываем в Троон.

— Что это значит? Дайте мне поговорить с адмиралом.

— Корбуло убит, — отрезал Хелл Беррел. — Он оказался предателем.

— Вот как? — вскричал Рон Гирон. — Застопорите для приема десанта, или мы откроем огонь!

— И уничтожьте единственный шанс распутать заговор Шорр Кана, — проговорил Валь Марланн. — Мы поручились нашими жизнями за принца Зарта. Его нужно доставить в Троон.

Джон Гордон, выступив вперед, обратился к разгневанному вице-адмиралу.

— Адмирал Гирон, доверьтесь им. Дайте нам возможность спасти Империю! — Гирон заколебался.

— Безумие! Корбуло обвинен в измене и убит, Зарт Арн вернулся... Это выше моего разума. Разберемся в Трооне. Но «Этне» будут сопровождать четыре моих корабля. С приказом уничтожить вас, если вы пойдете куда-либо, кроме Троона.

— Этого мы и хотим! — воскликнул Гордон. — Но имейте в виду: Лига может теперь напасть в любой момент. Я знаю это.

— Я свяжусь с императором и сообщу обо всем, — буркнул Гирон.

Изображение исчезло. Потом все могли видеть в иллюминаторы, как четыре линкора отделились от эскадры и приблизились к «Этне».

— Эскорт подан, — усмехнулся Валь Марланн. — Идем в Троон. Пойду отдам распоряжение.

Когда он вышел и по всему кораблю вновь зазвучали голоса и колокола, Гордон осторожно спросил:

— Должен ли я считать себя пленником?

— Гром и молния! Разумеется, нет! — ответил Хелл Беррел. — Если вы сказали правду, какой в этом смысл! А если нет, нас всех все равно казнят.

Гордон нашел Лианну в коридоре. Она, оказывается, тоже искала его. Он вкратце рассказал ей о случившемся.

— Корбуло убит! Одной большой опасностью меньше! — воскликнула она. — Но, Зарт, теперь наши жизни и судьба Империи зависят от того, сумеем ли мы убедить вашего брата!

В этот момент могучая «Этне» двинулась в пространство, ее большие турбины загудели. Через несколько минут она вместе со своим мрачным эскортом уже мчалась в звездных просторах к Троону.

22. ГАЛАКТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Огромный яркий Канопус пылал среди звезд во всем своем ослепительном великолепии. Пять кораблей приближались к нему с постепенно уменьшающейся скоростью.

И вновь Джон Гордон смотрел с капитанского мостика на сияющее солнце — сердце Империи. Сколько событий произошло с тех пор, когда он впервые стоял так рядом с Хелл Беррелом!

— Сядем через два часа, — нарушил молчание антаресец. И добавил невесело: — Нас будет встречать целая комиссия. Ваш брат уже все знает.

— Я уверен, что смогу его убедить, — сказал Гордон. Но в глубине души его мучила растущая тревога. Все зависело от одного-единственного человека, от того, насколько правильно Гордон его оценил.

Все эти дни и часы стремительного полета через Империю Гордона мучили неотвязные сомнения. Он мало спал, почти не ел, сжигаемый растущей тревогой.

Он обязан убедить Джал Арна! Когда это произойдет, когда последний изменник будет уничтожен, Империя будет готова отразить нападение Облака, и он, Джон Гордон, выполнив свой долг, сможет вернуться на Землю и обменяться телами с настоящим Зарт Арном. А тот вернется сюда, чтобы защищать Империю.

Но Гордон ощущал душевное смятение всякий раз, когда размышлял об этом обратном обмене. Ибо в тот день, когда он возвратится в свое тело и в свое время, он навсегда потеряет Лианну...

Она взошла на мостик в тот момент, когда он думал о ней, стала рядом, и ее тонкие пальцы сжали его руку.

— Ваш брат поверит вам, Зарт. Я знаю, что он поверит.

— Без доказательств — нет, — пробормотал Гордон. — А подтвердить мою историю может только один человек. Все зависит от того, не узнал ли он о смерти Корбуло и не сбежал ли.

Его мучительная неуверенность еще больше выросла, когда пять кораблей пошли на посадку.

В столице была ночь. Свет двух поднявшихся лун играл на склонах Хрустальных гор и на серебряной морской глади. Городские башни горделиво тянулись к звездам.

Эскадрилья приземлилась в доках космопорта. Вышедших из «Этне» встретил отряд вооруженных солдат во главе с двумя офицерами. К Гордону приблизился Орт Бодмер. Худощавое лицо верховного советника выражало глубокую тревогу.

— Какое печальное возвращение, ваше высочество, — тихо произнес он. — Дай бог вам доказать свою невиновность!

— Сохранил ли Джал Арн все случившееся в тайне? — быстро спросил Гордон. Орт Бодмер кивнул.

— Его величество ждет вашего возвращения. Мы сейчас же отправляемся подземкой во дворец. Но я должен предупредить, что

солдатам приказано стрелять при малейшей попытке сопротивления.

Их быстро обыскали и, не найдя оружия, повели к станции подземки. Кроме стражи, погрузившейся в вагоны вместе с ними, людей в космопорту не было видно, вся его территория была очищена и оцеплена.

Когда их нес вагон подземки, происходящее вновь показалось Гордону сном. Как много случилось за столь короткий срок! Разум не может выдержать этого! И лишь теплая рука Лианны вернула ему чувство реальности.

Оказавшись во дворце, они поднялись пустыми коридорами в то самое помещение, где Гордон впервые увидел Арн Аббаса. На императорском кресле сидел теперь Джал Арн. Красивое лицо его было смертельно усталым, глаза — холодны и совершенно лишены выражения, когда обратились на Гордона, Лианну и двух капитанов.

— Пусть конвой останется снаружи. И вы, Бодмер, — бесстрастно приказал он.

— Пленники безоружны, но... — заколебался сановник.

— Делайте что приказано! — вспыхнул Джал Арн. — Не беспокойтесь. У меня есть чем защититься. Нечего бояться, чтобы мой родной брат смог убить и меня.

Верховный советник, оба капитана и стража вышли за дверь. Гордон шагнул вперед и спросил со сдержанной яростью:

— И это называется правосудие? Осудить человека, не дав ему высказаться?

— Но Корбуло видел, как ты убивал отца! — Джал Арн встал. — А теперь ты убил и его!

— Это не так! — спокойно сказала Лианна. — Выслушайте Зарта, император.

— Я не осуждаю вас, Лианна, — помолчав, произнес Джал Арн. — Вы любите его и, естественно, верите. Но он, мой ученый брат, которого я обожал и который, как выяснилось, все время стремился к власти...

— Замолчи! — крикнул Гордон. — Дашь ли ты мне говорить?

— Я и так знаю, что ты скажешь, — отрезал Джал Арн. — Вице-адмирал Гирон сообщил, что ты обвинил Корбуло в измене, чтобы скрыть свои собственные черные преступления.

— Я могу доказать все, если ты меня выслушаешь, — заявил Гордон.

— А какое доказательство ты можешь представить? — возразил император. — Какие доказательства смогут перевесить твое бегство, свидетельство покойного адмирала, тайные послания Шорр Кана?

Гордон знал, что ситуация критическая. Он должен устоять, или он погибнет

Он начал говорить. Рассказал о коварном содействии Корбуло их побегу, о том, как точно он был рассчитан, чтобы совпасть по времени с убийством Арн Аббаса.

— Так было сделано, чтобы все решили, что это я убил и потом скрылся, — настаивал он. — Корбуло сам убил отца, а потом обвинил меня, прекрасно зная, что меня нет и что я не смогу отрицать его обвинений!

Гордон торопливо рассказал, как сирианский капитан насильственно отвез их с Лианной в Облако и как ему удалось убедить Шорр Кана отпустить их на Землю, притворившись, что он готов присоединиться к Лиге. Он умолчал о единственном обстоятельстве — хитрость была основана на том, что он не настоящий Зарт Арн, что тот находится в прошлом. Этого говорить было нельзя.

Гордон окончил свой короткий рассказ, но все еще видел хмурое недоверие в лице Джал Арна.

— Все это слишком фантастично! И нет никаких доказательств, кроме твоих слов и слов девушки, влюбленной в тебя. Ты говорил, что можешь доказать свою историю?

— Могу, если мне позволят, — серьезно ответил Гордон. И быстро продолжал: — Джал, в заговоре участвовал не только Корбуло. Шорр Кан утверждал, что заговорщиков человек двадцать, однако никого не назвал. Но одного я знаю. Это Терн Эльдред, капитан корабля, отвезшего нас в Облако. Думаю, он подтвердит мои слова.

Джал Арн нахмурился, потом тронул кнопку на столе.

— Штаб флота? Говорит император. У вас есть капитан по имени Терн Эльдред? Выясните, в Трооне ли он. Если да, то пришлите его немедленно под стражей.

Гордон ждал. Если сирианин прослышал о последних событиях и успел скрыться... Четкий голос из динамиков ответил:

— Терн Эльдред найден. Его крейсер только что вернулся с патрулирования. Сейчас он будет у вас.

Через полчаса дверь открылась, и вошел Терн Эльдред. Его загорелое зеленоватое лицо выражало легкое удивление. И тут он увидел Гордона и Лианну.

— Зарт Арн! — Он потянулся рукой к поясу, видимо, забыв, что оружие изъято при входе.

— Удивлены? — усмехнулся Гордон. — Думали, мы все еще в Облаке?

К Терн Эльдреду вернулось самообладание. Он глядел на Гордона с деланным недоумением.

— Зарт утверждает, что вы доставили их в Талларну силой, — отрывисто заговорил Джал Арн. — Он обвиняет вас в заговоре и измене Империи.

На лице предателя появилось отлично разыгранное возмущение.

— Это гнусная ложь! Я не видел принца и принцессу с Праздника Лун!

Джал Арн испытующе посмотрел на Гордона.

— Ты говорил, что сможешь доказать свою историю, Зарт. Пока что мы имеем только твои слова против его слов.

— А я? — пылко вмешалась Лианна. — Разве свидетельство принцессы Фомальгаута уже ничего не значит?

Император снова нахмурился.

— Вы влюблены в него, Лианна, и не можете быть беспристрастной.

Гордон, разумеется, и не ожидал от сирианина чего-то другого. Но он полагался на свою оценку характера этого человека, чтобы добиться от него правды. Теперь решающий момент наступил. Гордон шагнул вперед. Сдерживая свой жаркий гнев, он медленно заговорил:

— Терн Эльдред, ваша игра проиграна. Корбуло убит, и весь заговор Шорр Кана на грани раскрытия. У вас нет шансов скрыть свою вину, а если она обнаружится, то это для вас смерть.

Сирианин хотел возразить, но Гордон продолжал:

— Я знаю, о чем вы думаете. Вы считаете, что, продолжая упорствовать в отрицании своей вины, вы сможете победить меня и что это теперь единственный для вас шанс спастись. Но это бесполезно, Терн Эльдред. И вот почему. Когда «Маркаб» вез нас в Облако, на борту была вся команда. Разумеется, люди подкуплены и будут поначалу все отрицать. Но если их допросить, то в конце концов хотя бы один сознается, чтобы спасти свою шкуру!

В глазах предателя мелькнуло сомнение, но он гневно тряхнул головой.

— Вы несете бессмыслицу, принц Зарт! Можете их допрашивать сколько угодно. Никто не признается в том, чего не было.

Гордон продолжал атаку, голос его зазвенел:

— Терн Эльдред, ваш блеф не пройдет! Вы прекрасно знаете, что хотя бы один заговорит! И тогда вы погибли. У вас единственный путь спасения. Переложите ответственность на других, на высших чиновников и офицеров, интриговавших с Шорр Каном! Дайте нам их имена, и вас отпустят на все четыре стороны!

— Я не соглашусь на такие условия! — горячо вмешался Джал Арн. — Отпустить изменника? Ни за что!

Гордон резко повернулся к нему.

— Джал, разумеется, он достоин смерти. Но что для тебя важнее: покарать этого негодяя или спасти Империю?

На мгновение Джал Арн нахмурился, но, помолчав, ответил:

— Хорошо, я обещаю его отпустить, если он сознается и назовет сообщников.

— Терн Эльдред, это последний шанс! Сейчас или никогда!

Он видел нерешительность в глазах Терн Эльдреда. Он играл на том факте, что этот офицер был жестким реалистом, самолюбивым, честолюбивым, заботящимся только о себе.

И Гордон выиграл. Поставленный перед неизбежным разоблачением и увидев лазейку, в которой он может укрыться, Терн Эльдред сдался.

— Император дал мне слово, запомните!

— Так это правда? — в бешенстве вскричал Джал Арн. — Но я сдержу слово. Я дам вам свободу, если вы назовете своих сообщников и мы сможем проверить ваши слова.

Терн Эльдред сильно побледнел, но попытался улыбнуться.

— Я знаю, что попал в ловушку. Но будь я проклят, если пойду на смерть ради Шорр Кана. Он сам никогда не сделал бы этого для меня! — Он обратился к Джал Арну: — Да, император, принц Зарт сказал правду. Адмирал Корбуло возглавлял группу сановников, изменивших Империи. Он убил Арн Аббаса и велел мне увезти Зарт Арна и Лианну, чтобы вина пала на них. Все, что говорил принц, — чистая правда.

В глазах Гордона все поплыло. Эти слова освободили его от невыносимого напряжения многих дней. А потом он ощутил теплые руки Лианны, услышал ее голос... Рядом стояли Хелл Беррел и Валь Марланн, они хлопали его по спине.

— Зарт, я знала, что вы оправдаетесь! Я знала, Зарт!

К Гордону приблизился Джал Арн, бледный как смерть. Голос его был хриплым:

— Простишь ли ты меня когда-нибудь, Зарт? Господи! Как мог я знать? Но я себе никогда не прощу!..

— Успокойся, Джал, — пробормотал Гордон. — Разве ты виноват, что все было так хитро подстроено?..

— Вся Империя должна узнать истину! — воскликнул Джал Арн. Он обернулся к Терн Эльдреду: — Прежде всего имена заговорщиков!

Терн Эльдред склонился над столом и начал писать. Через несколько минут он молча протянул листок Джал Арну.

— Вы будете под арестом, пока ваши показания не проверят, — сурово сказал тот, подзывая стражу. — Тогда вас освободят. Но

весть о вашем предательстве последует за вами до самых далеких звезд.

Сирианина увели. Джал Арн бросил взгляд на список имен.
— Господи, что это?

Гордон взял листок бумаги. Первым в списке стояло: «Орт Бодмер, верховный советник Империи».

— Бодмер? Невозможно! — вскричал Джал Арн. — Это навет! Я ему полностью доверяю!

— Да, — кивнул Гордон. — Но вспомни — Корбуло был в таком же доверии. — Джал Арн нахмурился и подошел к столу.

— Пригласите ко мне советника Бодмера.

Ответ был быстрым — советник Бодмер покинул приемную несколько минут назад. Мы не знаем, куда он пошел.

— Найдите и пришлите его скорее! — приказал Джал Арн.

— Он бежал, когда увидел Терн Эльдредарестованным, — воскликнул Гордон. — Джал, он ЗНАЛ, что сирианин выдаст его!

Джал Арн упал в кресло.

— Бодмер предатель!.. И взгляни на другие имена: Бирн Ридим, Коррел Кэн, Ион Роллори — все доверенные чиновники!

Капитан стражи доложил:

— Ваше величество, мы не смогли найти Орт Бодмера нигде во дворце! Никто не видел, как и куда он скрылся.

— Дайте общий приказ о его аресте, — резко бросил Джал Арн. Он передал капитану список. — И арестуйте немедленно этих людей. Но постарайтесь сделать это без шума. — Он измученно взглянул на Гордона и Лианну.

— Это предательство уже потрясло Империю! А южные королевства колеблются. Их послы потребовали немедленной аудиенции. И я боюсь, что они хотят порвать союз с Империей!

23. ТАЙНА ИМПЕРИИ

Гордон вдруг заметил, что тонкая фигурка Лианны поникла от усталости, и вслух упрекнул себя:

— Лианна, вы, наверное, едва живы после всего, что перенесли! — Лианна попыталась улыбнуться.

— Я бы чуть-чуть отдохнула...

— Капитан Беррел проводит вас в ваши комнаты, Лианна, — сказал Джал Арн. — Зарт нужен здесь, послы южных королевств должны сами убедиться в том, что наш королевский дом снова сплотился. — Он обратился к Хелл Беррелу и Валь Марланну: — С вас и ваших людей обвинение в мятеже снимаю. Я ваш должник

на всю жизнь за то, что вы помогли изобличить Корбуло и спасти моего брата.

Когда они остались одни, Джал Арн сочувственно сказал Гордону, который все еще не мог унять дрожь после столь долгого напряжения:

— Зарт, я бы позволил отдохнуть и тебе, но ты знаешь, насколько важно сейчас, когда кризис назрел, удержать звездные королевства. Черт побери этого проклятого Шорр Кана!

Слуга принес сакву. Огненный напиток прояснил затуманенный мозг Гордона и вернул силы его измученному телу.

Потом дверь открылась, и камергер объявил, низко кланяясь:

— Посланники от королевства Полярной, Лебеда, Персея и Кассиопеи и от баронства Геркулесова Роя!

Посланники, все в полной парадной форме, остановились в изумлении, увидев рядом с Джал Арном Гордона.

— Принц Зарт! — вскричал круглолицый посланник Геркулеса. — Но мы думали...

— Мой брат полностью оправдался. Настоящие преступники схвачены, — прервал его Джал. — Это будет объявлено всенародно через час. А с какой целью вы потребовали аудиенции?

Круглолицый геркулесец взглянул на пожилого важного посланника Полярной.

— Ту Шал, вы наш дуайен. — Сморщенное, старое лицо Ту Шала было глубоко смущенным, когда он шагнул вперед и заговорил:

— Ваше величество, Шорр Кан только что тайно предложил нашим королевствам договор дружбы с Лигой Темных Миров! Он заявил, что если мы будем держаться Империи, то все обречены!

Посланник Геркулеса добавил:

— Он предложил то же самое и нам, баронам, и нас предостерег от союза с Империей.

Джал Арн быстро взглянул на Гордона.

— Шорр Кан рассылает ультиматумы?! Значит, он почти готов напасть!

— Никто из нас не любит тирании Шорр Кана, — продолжал Ту Шал. — Мы предпочитаем быть с Империей, стоящей за мир и единство. Но нам сказали, что Облако обладает страшными силами и столь новым видом оружия, что сможет смести перед собой все раньше, чем война начнется. — Глаза Джал Арна сверкнули.

— Вы думаете, он сможет завоевать Галактику, при том, что у нас есть Разрушитель, которым можно воспользоваться в случае необходимости?

— Вот именно, государь, — ответил Ту Шал. — Нам сказали, что Разрушитель применялся только один раз, очень давно, и он

оказался настолько опасным, что вы не посмеете применить его снова. — Он прибавил: — Боюсь, что наши королевства порвут союз с Империей, если вы не убедите, что это ложь, если не докажете нам, что ПОСМЕЕТЕ ПРИМЕНИТЬ РАЗРУШИТЕЛЬ!

Джал Арн впился глазами в посланников. И в его торжественных словах Гордону почудился отзвук чего-то странного, сверхъестественного, страшного.

— Ту Шал, сила Разрушителя ужасна. Я не буду скрывать, как опасно высвобождать эту силу в Галактике. Ведь это было сделано, когда напали магелланийцы, много лет назад. И мы повторим, если нужно! Мой отец умер, но мы с Зартом знаем, как развязать эту силу. И мы РАЗВЯЖЕМ ее, и пусть лучше содрогнется Галактика, чем тирания Шорр Кана скует свободные миры!

Ту Шал казался еще более смущенным.

— Но, государь, мы получили инструкции лично убедиться в существовании Разрушителя. Наши правительства должны быть уверены... — Лицо Джал Арна потемнело.

— Я надеялся, что Разрушитель никогда не покинет хранилище. Но, быть может, лучше сделать так, как вы просите. — Глаза его сверкнули. — Да, может быть, тогда Шорр Кан увидит, какой силой мы владеем, услышит о ее действии и тогда дважды подумает, прежде чем развяжет галактическую войну!

— Значит, мы увидим Разрушитель в действии? — спросил круглолицый геркулесец с трепетным ужасом.

— В пятидесяти парсеках западнее Алголя есть область пустых темных звезд, — сказал Джал Арн. — Через два дня мы развяжем там силу Разрушителя.

Лицо Ту Шала несколько прояснилось.

— Если вы сделаете это, то наши королевства бесповоротно отвергнут предложения Шорр Кана.

— А я ручаюсь, что бароны Геркулеса пойдут с Империей, — добавил круглолицый посланник Геркулеса.

Когда они ушли, Джал Арн измученно взглянул на Гордона.

— Только этим я и мог удержать их, Зарт! Если бы отказал, то бросил бы их в лапы Шорр Кана.

Гордон удивленно спросил:

— Ты действительно решил применить Разрушитель, чтобы убедить их? — Джал вытер потное лицо.

— Я не хочу этого. Бог свидетель! Ты знаешь предупреждение Бренн Бира, как и я. Ты знаешь, на грани какой катастрофы оказалась Вселенная, когда он использовал его против магелланийцев две тысячи лет назад! — Он выпрямился. — Но я пойду даже на этот риск, чтобы не дать Облаку начать войну за покорение Галактики!

Гордона охватило изумление, смешанное с холодным ужасом. Что же это была за тайная сила, о которой даже владеющий ею Джал Арн не может говорить без страха! Но Джал Арн продолжал настойчиво:

— Зарт, теперь мы пойдем в Камеру Разрушителя. Мы очень давно не были там, и нам нужно видеть, готов ли он к работе.

Гордон внутренне содрогнулся. Он, чужак, проникнет в самый строго охраняемый секрет Галактики! Но потом подумал, какая разница, увидит он или нет это устройство. Он недостаточно учен, чтобы разобраться в его сути. Во всяком случае он вскоре вернется в свое тело, в свое время. Он должен найти случай и ускользнуть на Землю в ближайшие же дни втайне от Джал Арна. Он может взять корабль, чтобы полететь туда.

Стоило ему подумать об этом, как сердце снова сжалось от предчувствия вечной разлуки с Лианной.

— Идем, Зарт, — нетерпеливо произнес Джал. — Я знаю, что ты устал, но время не ждет.

Они вышли в приемную, и Джал Арн отстранил стражу, двинувшуюся вслед. Они спускались по движущимся коврам все ниже и ниже, пока не оказались еще глубже, чем подземная тюрьма, в которой был заключен Гордон. Наконец они ступили на спиральную лестницу, которая привела их в зал, выдолбленный в скалистых недрах планеты. Отсюда вел длинный коридор, освещенный пульсирующим белым сиянием светящихся пластин на стенах.

Идя с Джал Арном по этому светящемуся коридору, Гордон едва скрывал охватившее его изумление. Он ожидал увидеть вооруженную стражу на каждом шагу, тяжелые двери с хитроумными замками, систему сигнализации для охраны этой самой титанической силы в Галактике. А здесь, казалось, и охранять было нечего. Лестница, сияющий коридор были пустыни. Наконец Джал Арн открыл дверь в конце коридора. Она не была даже заперта!

— Вот и он, такой же, как всегда, — прошептал Джал Арн с почтением и страхом.

Комната, маленькая и круглая, была высечена в скале и освещалась тем же пульсирующим белым сиянием, лившимся со стен. В центре ее Гордон увидел несколько предметов, на которые Джал Арн глядел с таким благоговейным страхом.

Разрушитель! Оружие столь ужасное, что за две тысячи лет его сила была развязана лишь однажды!

«Но что это?!» — ошеломленно и разочарованно подумал Гордон. Это были двенадцать больших конусов из тускло-серого металла, каждый длиной футов десять-двенадцать. Их вершины были увенчаны множеством крошечных хрустальных шариков,

от оснований которых вели разноцветные провода, скрывающиеся в конусах. Там, внутри, таились смертоносные итоги невообразимо высоких научных знаний. Кроме тяжелых скоб для монтажа, здесь был еще только громоздкий кубический аппарат с панелью светящихся указателей.

— Он пожирает столько энергии, что его нужно устанавливать только на боевом корабле, — задумчиво сказал Джал Арн. — Как насчет «Этне», доставившей тебя? Дадут ли ее машины достаточно энергии? — Гордон подумал.

— Пожалуй, да. Но боюсь, что этим придется заняться тебе. Джал Арн был изумлен.

— Но, Зарт, ты самый ученый в нашем роду. И ты знаешь о Разрушителе больше, чем я!

— Боюсь, что нет. Видишь ли, многое я забыл.

Джал глянул на него недоверчиво.

— Забыл о Разрушителе! Ты шутишь! Такое не забывают! Все это внедрено нам в мозг с того дня, как нас впервые привели сюда, чтобы настроить волну на наши тела!

Волну? Что это такое? Гордон опять ощутил себя на грани разоблачения и поспешно сказал:

— Джал, я же говорил тебе, что Шорр Кан атаковал мой мозг, чтобы узнать тайну Разрушителя. Он не смог, но мое волевое усилие забыть то, что он не должен был узнать, действительно стерло кое-что в памяти.

Объяснение, казалось, удовлетворило Джал Арна.

— Так вот что! Мысленный шок! Но ты, конечно, не забыл самую природу тайны? Это невозможно забыть.

— Конечно, помню, — поспешно ответил Гордон. Джал увлек его вперед.

— Ну, здесь все вернется к тебе. Вот это — скобы для установки конусов на носу. Цветные провода ведут к клеммам того же цвета на панели управления, а провода от трансформаторов — прямо к генераторам. — Он указал на инструменты. — Они дают точные координаты поражаемого участка в пространстве. Отдачу конусов нужно, конечно, строго отрегулировать.

Пока он говорил, Гордон начал смутно догадываться, что конусы должны извергнуть какую-то сверхэнергию в выбранный участок пространства. Но какую? Что произойдет с пространством и любым предметом, который там окажется? Он не смел спросить об этом. Джал Арн заканчивал свои объяснения.

— ...Итак, район мишени должен находиться не ближе десяти парсеков от корабля, с которого ты действуешь, иначе отдача убьет и тебя. Неужели и теперь ты не помнишь, Зарт?!

Гордон поспешно кивнул.

— Конечно. Но все-таки я рад, что работать с ним будешь ты. На лице Джал Арна снова отразилось отчаяние.

— Бог свидетель, я не хочу этого! Он лежал здесь тысячелетия. — И он указал на надпись на противоположной стене. Гордон впервые обратил на нее внимание. Прочел: «К моим потомкам, которые будут хранить тайну Разрушителя, открытую мною, Бренн Биром. Соблюдайте мой завет! Никогда не применяйте Разрушитель ради мелкой личной власти! Воспользуйтесь им лишь тогда, когда свобода Галактики будет под угрозой! Ибо сила, которую вы храните, может уничтожить всю Галактику. Это — демон, столь титанически сильный, что если его освободить, то вы не сможете сковать его снова. Не берите на себя столь страшного риска, кроме случая, когда речь идет о свободе и жизни людей во всей Вселенной!». Голос Джал Арна был торжественным:

— Зарт, когда мы с тобой были мальчиками и отец впервые привел нас сюда, чтобы настроить волну на нас, мы и не думали, что настанет время, когда нам придется применить то, что так долго сохранялось здесь! Сейчас жизнь и свобода всех людей во Вселенной в опасности. Если все остальное бессильно в борьбе с Шорр Каном, мы пойдем на ЭТО!

Гордона потрясло предупреждение Бренн Бира. Это был голос самой смерти, прозвучавший в этой безмолвной комнате.

Джал повернулся и направился прочь. Он закрыл дверь, и Гордон опять удивился. Ни замков, ни стражи...

Они прошли длинный сияющий коридор и вышли к более мягкому желтому свету клетки спиральной лестницы.

— Мы установим его на «Этне» завтра утром, — говорил Джал Арн. — И мы покажем посланникам звездных королевств...

— ВЫ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПОКАЖЕТЕ ИМ, ДЖАЛ АРН!

Из-под спиральной лестницы выскочил человек с атомным пистолетом.

— Орт Бодмер! — вскричал Гордон. — Вы все время скрывались во дворце?

Тощее серое лицо Орта Бодмера кривила нервная ухмылка.

— Да, Зарт, — проскрипел он. — Я знал, что игра кончена, когда увидел Терн Эльдред под стражей. Я не мог покинуть дворец. Меня бы немедленно схватили. И я спрятался здесь! Я ждал вас, Джал Арн! Я ждал вас! — Глаза у Джала заплыли.

— А что вы хотите этим выиграть?

— Очень просто, — был ответ Бодмера. — Я знаю, что погиб. Ну так и возьму ВАШУ жизнь, если вы не пощадите мою!

Он подступил ближе, и Гордон прочел безумие в его пылающих глазах.

— Вы не нарушите своего слова, государь. Обещайте, что я буду прощен, и я не убью ВАС сейчас!

— Джал, соглашайся! — воскликнул Гордон. — Он не стоит твоей жизни! — Джал Арн побагровел от бешенства.

— Я отпустил уже одного изменника!.. — В ту же секунду пистолет Орт Бодмера грянул. Пуля ударила Джал Арна в плечо и взорвалась там, когда Гордон кинулся на обезумевшего предателя.

— Сумасшедший убийца! — яростно вскричал Гордон, пытаясь вырвать пистолет из его руки.

На миг показалось, что у тощего советника появилась сверхчеловеческая сила. Оба они закачались, упали и покатались в яркое белое сияние коридора.

И вдруг Орт Бодмер закричал! Это был вопль адской муки, и Гордон почувствовал, что тело противника вдруг отвратительно обмякло в его руках.

— Волна! — прохрипел Бодмер, корчась в белом сиянии.

Гордон увидел, как лицо и все тело врага вдруг почернело и рассыпалось. На полу лежала кучка пепла.

Так страшна и таинственна была эта внезапная смерть, что Гордон был ошеломлен. Потом он вдруг понял все.

Пульсирующее сияние в коридоре и в Камере Разрушителя было той волной, о которой говорил Джал Арн! Это был не свет, а страшная разрушительная сила, настроенная на частоты определенных человеческих организмов так, чтобы уничтожить всякого, кроме избранных хранителей великой тайны.

Неудивительно, что для охраны Разрушителя не нужно было ни замков, ни стражи! Никто не мог к нему приблизиться, кроме Джал Арна и Гордона. Нет, не Джона Гордона! Ведь волна была настроена так, чтобы щадить физическую оболочку Зарт Арна! Гордон выбежал из этого ужасного света к лестнице и склонился над распростертым телом Джал Арна.

— Джал!..

На плече и в боку Джал Арна зияла страшная, с обожженными краями рана. Но он еще дышал, еще жил. Гордон кинулся на лестницу и крикнул вверх:

— Сюда! Император ранен!

Солдаты, офицеры, чиновники сбегали по лестнице. К этому времени Джал Арн слабо шевельнулся и открыл глаза.

— Бодмер... виновен в покушении... — прошептал он. — Зарт здоров?

— Я жив, а он мертв, — хрипло ответил Гордон.

Час спустя из внутренней комнаты, куда унесли Джал Арна, торопливо вышел врач.

— Император будет жить! — заявил он. — Но для выздоровления понадобятся недели. — И прибавил тревожно: — Он хочет видеть принца Зарта.

Гордон нерешительно вошел в большую пышную спальню, и две женщины последовали за ним. Он наклонился к постели, на которой лежал император. Джал Арн прошептал:

— Внесите стереопередатчик. И велите включить его для передачи по всей Империи.

— Джал, побереги себя! — запротестовал Гордон. — Ты можешь объявить о моем оправдании как-нибудь иначе!

— Я хочу объявить не только это, — прошептал Джал Арн. — Зарт, разве ты не понимаешь, что значит моя болезнь? Именно сейчас, когда Шорр Кан привел Вселенную на грань кризиса?

Стереопередатчик был поспешно внесен. Его диск был установлен так, чтобы охватывать постель Джал Арна, Гордона, Лианну и Зару вокруг нее.

Джал Арн с усилием приподнялся, его бледное лицо обратилось к диску.

— Народы Империи! — хрипло заговорил он. — Те же изменники, которые убили моего отца, хотели умертвить и меня, но это не удалось им. Чен Корбуло и Орт Бодмер — вот вожди заговора! Невинность моего брата Зарт Арна полностью доказана, и он возвращен королевскому дому. А так как я сейчас ранен, то назначаю Зарт Арна регентом до моего выздоровления. Что бы ни произошло, доверьтесь Зарт Арну как вождю нашей Империи.

24. БУРЯ НАД ТРООНОМ

У Гордона невольно вырвался возглас отчаяния:

— Джал, нет! Я не могу принять власть даже на короткое время!

Но Джал Арн уже подал знак техникам. Они быстро выключили передатчик и унесли его.

Потом он повернул к Гордону мертвенно-бледное лицо и прошептал:

— Зарт, ты должен заменить меня. В этот грозный час, когда тень Облака протянулась через всю Галактику, Империю нельзя оставлять без вождя. — Зара поддержала мужа:

— Вы брат короля. И только вы один можете потребовать верности от всех.

У Гордона родилась сумасшедшая мысль: сейчас, именно сейчас раскрыть свою тайну, во всеуслышание объявить, что никакой он не Зарт, а самозванец из далекого прошлого Земли.

Но теперь сделать этого нельзя! Это обезглавит Империю, внесет смуту в народ и ряды союзников. И тогда они немедленно станут жертвой Облака. Но, с другой стороны, как он может править, если так мало знает об этой Вселенной? И невозможно бежать на Землю, чтобы связаться с настоящим Зарт Арном сквозь время!..

— Ты объявлен регентом Империи. Теперь ничего нельзя исправить, — слабо прошептал Джал Арн.

Сердце у Гордона сжалось от ощущения безбрежности власти, бездонной глубины ответственности за весь этот мир. Для него был открыт только один путь. Он должен принять регентство и терпеливо ждать тот единственный миг, когда сможет ускользнуть на Землю и вернуть сюда настоящего Зарт Арна, подлинного властителя этого мира.

— Я сделаю все, что смогу... — пробормотал Гордон. — Но если я совершу ошибку...

— Не совершишь, — прошептал Джал Арн. — Я доверяюсь тебе, Зарт.

Он откинулся на подушку с гримасой боли на лице. Врачи велели всем покинуть комнату:

— Император не должен больше утомляться, иначе мы не отвечаем за последствия.

Лианна была рядом с Гордоном. Все еще не оправившись от потрясения, он спросил:

— Лианна, но как я смогу встать на место Джала и требовать верности от звездных королей?

— Почему бы нет? — вспыхнула она. — Разве вы не сын Арн Аббаса?

Он хотел крикнуть теперь ей, что это не так, что он только Джон Гордон со старой Земли, совершенно непригодный для такой роли. Но он не мог. Он все еще был в паутине, опутывающей его с первого момента, когда он — как давно это было! — ради приключений заключил сквозь время свой договор с Зарт Арном.

Лианна повелительно махнула рукой чиновникам, столпившимся вокруг.

— Принц Зарт утомлен! Подождите до завтра!

Гордон действительно чувствовал себя пьяным от усталости. Ноги у него подгибались, когда он шел с Лианной в свои апартаменты. Там она простилась с ним:

— Постарайтесь уснуть, Зарт. Завтра на ваши плечи ляжет вся тяжесть Империи.

Гордон думал, что не сможет уснуть, но не успел лечь, как его охватил тяжелый сон.

Проснувшись на следующее утро, он нашел у своей постели Хелл Беррела. Высокий антаресец смотрел на него несколько нерешительно.

— Принцесса Лианна предлагает вам меня в помощники, принц.

Гордон обрадовался. Ему нужен был кто-нибудь, кому он мог бы довериться, а этот отважный, прямой капитан очень ему нравился.

— Хелл, это прекрасная мысль! Вы знаете, что я никогда не готовился править. И я не знаю, как пользоваться властью.

Антаресец покачал головой.

— Мне неприятно говорить вам это, но события развиваются стремительно. Вам нужно решать. Посланники южных королевств снова просят аудиенции. Вице-адмирал Гирон выходил на связь дважды.

— Хелл, Гирон хороший офицер?

— Один из лучших, — быстро ответил антаресец. — Старый служака, прекрасный стратег.

— Тогда, — сказал Гордон, — мы предоставим командование флотом ему. Я сейчас сообщу ему об этом.

Ему пришлось взять себя в руки, чтобы спокойно идти со своим новым помощником по дворцу, отвечать на поклоны.

В маленьком кабинете, нервном центре правительства Империи, он нашел ожидавших его Ту Шала и остальных послов.

— Принц Зарт, все наши королевства выражают сожаление по поводу наглого покушения на вашего брата, — сказал посланник Полярной. — Но это ведь не помешает вам продемонстрировать Разрушитель, как было условлено!

Гордон был поражен. В вихре событий он забыл об этом обещании. Он попытался уклониться от ответа:

— Мой брат тяжело ранен, как вам известно. Он пока не в силах выполнить свое обещание. — Посол Геркулеса быстро сказал:

— Но вы тоже знаете, как пользоваться Разрушителем, принц Зарт.

Гордон в отчаянии думал, что не знает никаких подробностей о Разрушителе! Он услышал кое-что от Джал Арна о том, как работает аппарат, но все еще не представлял, что именно может сделать эта таинственная, страшная сила.

— У меня как регента Империи множество дел. Мне, возможно, придется отложить это на некоторое время...

Лицо Ту Шала потемнело.

— Принц, невозможно! Если вы не сможете нас убедить, это укрепит доводы тех, кто говорит, что Разрушитель чересчур силен для использования. Это оторвет колеблющихся от Империи.

Гордон почувствовал себя в ловушке. Он не может позволить союзникам отколоться от Империи. И... не может работать с Разрушителем. Он должен узнать побольше от Джал Арна! И твердо, решительно заявил:

— Показ будет проведен как можно скорее! Это все, что я могу сказать.

Это не удовлетворило встревоженных послов. Они переглянулись.

— Я доложу баронам, — сказал круглолицый посланник Геркулеса. Остальные тоже поклонились и вышли.

— Вице-адмирал Гирон на стерео, принц! — доложил Хелл Беррел.

Когда через секунду на стереопластине появилось изображение командора, Гордон увидел, что огромный центаврианин грубо взволнован.

— Принц Зарт, я хочу прежде узнать, остаюсь ли я командором флота или же должен ждать нового командора?

— Вы назначены адмиралом, подчиненным только моему брату, когда он вернется к своим обязанностям, — быстро ответил Гордон.

— Благодарю, принц. Но если я команду флотом, то положение достигло такой точки, когда мне нужны политические сведения, на которых я смогу основывать свои планы.

— Что вы хотите сказать? О каком положении говорите? — спросил Гордон.

— Наш радар дальнего действия обнаружил большие передвижения флота внутри Облака, — был резкий ответ. — Не меньше четырех мощных армад оставили свои базы и крейсируют у северных границ Облака, пока не пересекая их. Мой вывод: Лига Темных Миров задумала неожиданную атаку по меньшей мере в двух направлениях. Ввиду такой возможности я должен немедленно дать инструкции своему флоту.

Он показал знакомую уже Гордону стереокарту Галактики с ее зонами голубого цвета, представляющими Средне-Галактическую Империю и звездные королевства.

— Я расположил свои главные силы по линии между Ригелем и туманностью Ориона; каждая из трех дивизий автономна, обладает своими боевыми кораблями, крейсерами, призраками и разведчиками. Контингент Фомальгаута включен в первую дивизию. Таков наш заранее условленный план обороны, но он опирается

на то, что флоты королевства Полярной и Геркулеса будут противодействовать любой попытке напасть на их области. Он опирается также на то, что флоты Лиры, Лебеда и Кассиопеи присоединятся к нам немедленно по сигналу «Готово». Но готовы ли они выполнить свои обязательства? Я должен знать настроения союзных королевств, прежде чем давать команды.

Гордон осознал чудовищную важность проблемы, вставшей перед адмиралом Гионом.

— Так вы уже послали сигнал готовности союзным королевствам? — спросил он.

— Я взял на себя эту ответственность два часа назад, ввиду тревожных передвижений флота Лиги внутри Облака, — коротко ответил Гион. — Пока что ответа от королевств нет.

Гордон сопоставил это с настойчивыми просьбами послов.

— Дайте мне еще сутки, адмирал. Я попытаюсь за это время получить подтверждения от всех наших союзников.

— Но наши позиции уязвимы, — ответил адмирал. — Пока мы не будем уверены в верности союзников, я предлагаю сомкнуть главные силы западнее к Ригелю в мощный кулак, чтобы противостоять любой попытке продвинуться через Геркулес и Полярную.

Гордон коротко кивнул.

— Решение за вами. Я выйду на связь, как только появятся положительные новости.

Изображение адмирала отслютовало и исчезло. Хелл Беррел сдержанно заметил:

— Принц Зарт, вы не сможете быть уверенным в верности королевств, пока не докажете им, что владеете силой Разрушителя!

— Знаю. Я сейчас же иду к брату. Надеюсь, у него хватит сил поговорить со мною.

Врачей встревожило желание Гордона немедленно встретиться с Джал Арном.

— Принц Зарт, он усыплен и не может говорить ни с кем. Это утомит его...

— Я должен видеть его! — твердо заявил Гордон. — От этого разговора зависит судьба Империи. — Врачи сдались:

— Мы можем разрешить не более пяти минут. Иначе снимаем с себя всякую ответственность за последствия!

Джал Арн открыл мутные глаза. Гордон склонился над ним. Раненый не сразу понял, чего Гордон требует от него.

— Джал, ты должен попытаться понять меня и ответить! Мне нужно узнать побольше о работе Разрушителя. Ты помнишь, я говорил тебе, что Шорр Кан заставил меня забыть многое.

Джал Арн зашептал:

— Странно, он заставил тебя забыть даже это! Я думал, никто из нас не забудет ничего, раз все подробности были внедрены в нас еще в детстве. — Его шепот стал тише. — Ты вспомнишь все, когда будет нужно, Зарт. Силовые конусы монтируются на носу корабля пятидесятифутовым кругом, кабели к трансформатору идут к клеммам того же цвета...

Шепот стал таким слабым, что Гордону пришлось склониться к его лицу.

— Установи точно направление радаром на центр цели. Уравновесь работу конусов по измерителям. Включай, только когда все шесть пар уравновешены...

Голос слабел и слабел, пока губы Джал Арна не сомкнулись и глаза не закрылись.

— Джал, не уходи от меня! Мне нужно знать больше!

Но Джал Арн погрузился в тяжелый наркотический сон.

Гордон мысленно повторил все, что услышал. Процедура работы с Разрушителем была ясна. Но этого было недостаточно. Это было похоже на то, чтобы дать в руки дикарю пистолет и сказать, как нажимают курок. Дикарь может повернуть дуло на себя или убить друга...

«Но я хотя бы покажу этим послам адскую машину, — решил Гордон. — Может быть, уже одного этого будет достаточно».

Он спустился с Хелл Беррелом на нижний ярус дворца, где находилась Камера Разрушителя.

Антаресец не мог войти в коридор с убийственной волной, настроенной так, чтобы уничтожить всякое живое существо, кроме Джал Арна и его брата. Гордон пошел и вынес по очереди скобы для монтажа силовых конусов.

Хелл Беррел смотрел с ужасом даже на эти простые детали.

По подземной дороге они поспешили к космопорту, находившемуся за пределами Троона. Валь Марланн и его люди ждали у большого мрачного корпуса «Этне». Гордон передал им скобы.

— Их нужно установить на носу «Этне» так, чтобы они составляли круг диаметром ровно в пятьдесят футов. Позаботьтесь также о надежном подключении к главным генераторам.

Смутное лицо Валь Марланна напряглось.

— Вы хотите применить Разрушитель с «Этне», принц? — возбужденно вскричал он. Гордон кивнул.

— Пусть ваши техники начнут установку скоб немедленно.

Он включил стерео корабля, чтобы вызвать Ту Шала, посланника Полярной.

— Как видите, Ту Шал, мы готовимся продемонстрировать Разрушитель. Это произойдет в кратчайший срок, — сказал он

посланнику с наигранной уверенностью. Смущенное лицо Ту Ша-ла не прояснилось.

— Это нужно сделать поскорее, принц! Все столицы Галактики глубоко взволнованы слухами о передвижениях флота Облака!

Он словно почувствовал, что Гордон решил обойтись полумерами.

Когда настала ночь, над большим дворцом Троона заворчал гром из грозовой тучи, надвигавшейся с моря. Из своей комнаты Гордон увидел фиолетовые вспышки молнии, зловеще освещающие гряды Хрустальных гор. Лианна ждала его. Она была взволнована.

— Зарт, по всему дворцу носят слухи о близком нападении Лиги. Вот-вот грянет война.

— Шорр Кан может только пугать, — тупо ответил он. — Пусть бы только все продержалось, пока...

Он чуть не проболтался... «Пока я не полечу на Землю и не обменяюсь телами с настоящим Зарт Арном, чтобы он вернулся и принял эту страшную ответственность!»

— ...пока Джал Арн не поправится? — спросила Лианна. Лицо ее смягчилось. — Зарт, я знаю, какого страшного напряжения это требует от вас. Но вы доказываете, что вы — сын Арн Аббаса!

— Зарт! — раздался вдруг звонкий женский голос.

Оба быстро обернулись. Гордон тотчас же узнал прелестную темноволосую женщину, вбежавшую в комнату.

— Мерн! — воскликнул он.

Он почти забыл об этой женщине, тайной жене Зарт Арна, любимой им. Она взглянула на Лианну, на лице ее отразилось удивление, потом недоверие.

— Принцесса Лианна здесь? Я не думала...

Лианна сказала спокойно:

— Между нами троими не должно быть притворства. Я прекрасно знаю, что Зарт Арн любит вас, Мерн.

Мерн покраснела и сказала неуверенно:

— Я бы не вошла, если б знала...

— У вас больше права быть здесь, чем у меня, — спокойно возразила Лианна. — Я уйду.

Гордон сделал было движение, чтобы удержать ее, но она уже вышла из комнаты.

Мерн подошла и смотрела на него снизу вверх мягкими темными глазами.

— Зарт, перед тем как покинуть Троон, ты говорил, что будешь другим, когда вернешься, что все будет как и раньше.

— Мерн, тебе нужно только подождать еще немного, — сказал он. — Потом между нами все будет как раньше, обещаю тебе!

— Я плохо все это понимаю, — смущенно прошептала она. — Но я рада, что ты оправдан, что ты вернулся!

Она повернулась. Гордон ее не удерживал. Уходя, Мерн снова взглянула на него с той же странной робостью. Он знал, что девушка чувствует в нем какую-то странность.

Лианна, Мерн, Джал Арн и Разрушитель закружились хаотически в его мозгу. Он уснул.

Проспал всего часа два, когда его разбудил возбужденный голос. Гроза над Трооном разразилась с новой силой. Ослепительные молнии непрерывно плясали над городом, и гром грохотал не умолкая.

Гордона тряс Хелл Беррел, угловатое лицо антаресца было темным и возбужденным.

— Дьявол сорвался с цепи, принц! — вскричал он. — Флоты Облака перешли нашу границу! Уже идут крейсерские дуэли за Ригелем, корабли гибнут десятками, а Гирон сообщает, что две эскадры Лиги направились к Геркулесу.

25. ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ РЕШАЮТСЯ

Галактическая война! Война, которой Галактика так долго боялась, смертельная схватка между Империей и Облаком!

Она грянула в тот злополучный момент, когда ответственность за оборону Империи лежала на нем, Джоне Гордоне со старой Земли! Он соскочил с постели.

— Флоты Лиги идут к Геркулесу? Готовы ли бароны защищаться?

— Может быть, совсем не станут! — ответил Хелл Беррел. — Шорр Кан говорит с ними по стерео и со всеми королевствами тоже, предупреждая, что сопротивление бесполезно, так как Империя должна пасть. Он говорит им, что Джал Арн слишком близок к смерти, чтобы взяться за Разрушителя, и что вы не можете применить его, так как вы не знаете его тайны!

Эти слова были словно молния, осветившая бездну, — Гордон понял вдруг, почему Шорр Кан напал. Ведь он единственный знал, что Гордон — самозванец в физической оболочке Зарт Арна. Он знал, что у Гордона нет знаний о Разрушителе. Поэтому, получив известие о ранении Джал Арна, Шорр Кан бросил Лигу в атаку. Он был уверен, что применить Разрушителя некому. Гордон должен был сразу догадаться, как поступит Шорр Кан!

Пока Гордон одевался с лихорадочной торопливостью, Хелл Беррел кричал ему:

— Этот черт говорит со звездными королями и сейчас! Вы должны удержать их при Империи!

Чиновники, офицеры, взволнованные вестники уже толпились в комнате, каждый требовал внимания Гордона к себе. Хелл Беррел грубо растолкал их и вместе с Гордоном помчался в кабинет, являющийся нервным центром Средне-Галактической Империи.

Весь дворец, весь Троон проснулись в эту роковую ночь. Кричали голоса, вспыхивали огни, в грозовом небе слышался рокот поднимающихся больших боевых кораблей.

В кабинете Гордона на миг ошеломило множество включенных телестерео, сверкавших жизнью и движением. Два из них показывали капитанские рубки крейсеров, начавших пограничные битвы, содрогающихся от выстрелов, несущихся в пространстве, пылающем атомными взрывами.

Но взор Гордона обратился тотчас же на тот аппарат, где было изображение Шорр Кана. С непокрытой головой, со сверкающими уверенностью глазами облачник говорил:

— ...Итак, повторяю, бароны и правители звездных королевств, война Облака направлена не против вас. Мы воюем только с Империей, которая слишком долго стремилась к господству над Галактикой, прикрываясь словами о мирном сотрудничестве. Мы, Лига Темных Миров, поднялись наконец против этой эгоистической экспансии. Наша Лига предлагает дружбу королевствам! Оставайтесь нейтральными. Мы требуем лишь пропустить наши флоты через ваши области без сопротивления. И вы будете полноправными и равноправными членами истинно демократической федерации Галактики, которая будет установлена после нашей победы. Ибо мы победим! Империя падет! Ее силы не смогут устоять против наших новых мощных сил и нового оружия. Не может спасти ее и хваленый Разрушитель. Джал Арн, знающий его тайну, лежит раненый, а Зарт Арн не сумеет применить его!

Голос Шорр Кана зазвенел величайшей уверенностью, когда он подчеркивал свое последнее заявление:

— ЗАРТ АРН НЕ ЗНАЕТ ЭТОГО, ПОТОМУ ЧТО ОН ВО ВСЕ НЕ НАСТОЯЩИЙ ЗАРТ АРН — ЭТО САМОЗВАНЕЦ, ПРИТВОРЯЮЩИЙСЯ ЗАРТ АРНОМ! У меня есть доказательства этого! Разве я не устрасился бы угрозы Разрушителя, если бы это было не так? Империя не может применить эту тайну. Значит, Империя обречена. Короли и бароны, не присоединяйтесь к обреченной стороне и не губите своих собственных владений!

Изображение Шорр Кана исчезло со стерео, когда он кончил это громовое заявление.

— Господи, да он с ума сошел! — ахнул Хелл Беррел, обращаясь к Гордону. — Вы — это не вы! Это же чушь!

— Принц Зарт! — прозвучал взволнованный голос офицера. — Адмирал Гирон вызывает. Срочно!

Все еще ошеломленный вызовом Шорр Кана, Гордон торопливо перебежал к другому стерео.

Там виднелся адмирал Рон Гирон со своими офицерами на мостике корабля. Огромный центаврианский ветеран обернулся к Гордону.

— Принц, что насчет звездных королевств? — хрипло спросил он. — Наш радар сообщает, что большие флоты Лиги вышли из Облака и идут на запад к Геркулесу и Полярной. Будут ли бароны и правители защищаться или сдадутся? Нам нужно знать это!

— Мы узнаем это наверняка, как только я свяжусь с их посланцами, — в отчаянии сказал Гордон. — Какова ситуация?

Гирон сделал быстрый жест.

— Пока что сражаются только крейсерские заслоны. Несколько призраков Облака просочились и ведут точный огонь по нашему флоту у Ригеля, но это пока несерьезно. Seriously то, что я не осмеливаюсь стягивать основные силы к этому южному фронту: Лига может ударить с фланга от Геркулеса. Если бароны и королевства не присоединятся к нам, то мне придется отходить далеко на запад, чтобы прикрыть Канопус от флангового удара!

— Не стягивайте флот как можно дольше, Гирон!

— Если они откажутся от нас, то это конец, — мрачно ответил Гирон. — У Лиги оказалось вдвое больше кораблей, чем я думал. Они хотят обойти нас, чтобы напасть на Канопус.

Гордон повернулся к Хелл Беррелу.

— Вызовите посланников сейчас! Приведите их сюда!

Беррел выбежал из комнаты, но тотчас вернулся.

— Посланники уже здесь.

Тут же в комнату вбежали Ту Шал и остальные, бледные, взволнованные и возбужденные. Гордон не стал терять времени на этикет.

— Вы слышали, что два флота Шорр Кана идут к Геркулесу и Полярной? — Ту Шал, бледный до корней волос, кивнул.

— Это мы знаем. Мы слышали речь Шорр Кана!

Гордон быстро прервал его:

— Я хочу знать, будут ли бароны сопротивляться вторжению или пропустят их свободно. И я хочу знать, намерены ли королевства выполнить свои обязательства о союзе с Империей или хотят сдаться Шорр Кану.

Смертельно бледный посланник Лиры ответил:

— Наши королевства выполняют свои обязательства перед Империей, если Империя выполнит свои! Когда мы заключали союз, Империя обещала применить Разрушитель в случае необходимости.

— Разве я не сказал вам, что Разрушитель будет применен? — вспыхнул Гордон.

— Вы обещали, но уклончиво, — вскричал посланник Полярной. — Почему не решаетесь, если знаете тайну? Что если Шорр Кан прав и вы — самозванец? Тогда мы бросим свои владения в бесполезную битву!

Хелл Беррел, охваченный гневом, не удержался от восклицания:

— Неужели вы хоть на миг поверили фантастической лжи Шорр Кана?!

— Ложь ли это? — спросил Ту Шал, впиваясь взглядом в лицо Гордона. — Шорр Кан слишком уверен, что Разрушитель не будет применен. Иначе он никогда не решился бы на эту атаку!

— Черт возьми, да разве вы сами не видите, что это Зарт Арн? — бешено вскричал антаресский капитан.

— Хитрости науки могут позволить одному человеку притвориться другим, — отрезал посланник Геркулеса.

— Хелл, тише! — приказал Гордон. — Ту Шал и все, слушайте меня. Если я докажу вам, что я действительно Зарт Арн, если я применю Разрушитель — будут ли ваши королевства с Империей?

— Полярная будет! — вскричал тотчас же этот посланник. — Докажите это, и я немедленно извещу столицу!

Остальные присоединились к нему. А посланник Геркулеса прибавил:

— Мы, бароны Роя, хотим сопротивляться Облаку. Но нам нужна надежда. Докажите, что она есть, и мы будем сражаться до конца.

— Я докажу. И немедленно, — резко произнес Гордон. — Следуйте за мной! Хелл, вы тоже.

Они озадаченно поспешили вслед за Гордоном из комнаты, вниз по коридорам и лестницам дворца. Они достигли спиральной лестницы в зале, откуда шел коридор, полный пульсирующего мертвенно-белого сияния, ведущий в Камеру Разрушителя. Гордон обернулся к пораженным посланникам:

— Вы все должны знать, что это за коридор!

Ту Шал ответил:

— Вся Галактика слышала о нем. Он ведет к Камере Разрушителя.

— Может ли кто-нибудь пройти по этому коридору к Разрушителю, если он не принадлежит к доверенным лицам из королевского дома? — настаивал Гордон. Посланники начали понимать.

— Нет! — вскричал Полярный. — Всякий знает, что только наследники имперских владык могут войти в волну, настроенную на уничтожение всякого, кроме них!

— Так смотрите! — крикнул Гордон и вступил в сияющий коридор.

Он достиг Камеры Разрушителя. Он схватил один из больших серых силовых конусов, стоявших на платформах с колесиками, и вывез его из Камеры по коридору.

— Теперь вы продолжаете считать меня самозванцем? — спросил он.

— Клянусь Небом, нет, — вскричал Ту Шал. — Никто, кроме настоящего Зарт Арна, не мог бы войти в коридор и остаться живым!

— Значит, вы настоящий Зарт Арн и знаете, как применять Разрушитель, — прибавил другой. Гордон увидел, что убедил их.

Никто даже представить себе не мог, а Шорр Кан не сообщил, опасаясь встретить полное недоверие, что это действительно было тело Зарт Арна, в котором поселился разум человека иного времени. Гордон указал на большой силовой конус.

— Это часть аппарата Разрушителя. Я перенесу и остальное, чтобы все сейчас же установили на боевом корабле «Этне». Я пойду на этом корабле, чтобы применить страшную силу и раздавить Лигу!

Гордон сделал выбор в эти минуты напряжения. Он применит Разрушитель! Он исполнит все, что узнал от Джал Арна. Он пойдет на риск катастрофы! Ведь именно его согласие переселить свой разум в тело принца привело Империю на грань разгрома. Спасти ее — его обязанность, его долг перед настоящим Зарт Арном.

Немолодое лицо Ту Шала пылало.

— Принц Зарт, если вы намерены выполнить обязательства Империи, то мы выполним свои! Королевство Полярной будет сражаться с Империей против Облака!

— И Лира! И бароны! — раздались возбужденные голоса. — Мы сообщим столицам, что вы выходите с Разрушителем, чтобы присоединиться к битве!

— Так сообщите немедленно, — приказал Гордон. — И пусть ваши королевства отдадут свои флоты под команду адмирала Ги-рона.

Когда взволнованные посланники заспешили вверх по лестнице, Гордон повернулся к Хелл Беррелу.

— Вызовите техников с «Этне» и отряд солдат, Хелл. Я вынесу аппарат.

Он поспешно стал выносить один за другим большие серые конусы. Он мог сделать это только сам.

Когда он привез тяжелый кубический трансформатор, Хелл Беррел уже вернулся с капитаном Валь Марланном и техниками. С торопливой осторожностью, говорившей об их страхе, они погрузили аппарат в вагоны подземки.

Через полчаса они стояли в космопорту, в тени могучей «Этне». Кроме нее, здесь осталось еще только два корабля, все остальные уже умчались к месту исторической битвы.

В блеске молний, под громом и дождем техники прикрепляли силовые конусы к скобам, уже установленным на носу корабля. Вершины конусов были направлены вперед, а кабели пропущены сквозь корпус в навигационную каюту позади мостика.

Там Гордон велел установить трансформатор и панель. Он следил за присоединением разноцветных кабелей, чтобы все было сделано так, как рассказал Джал Арн. Наконец адское устройство подключили к мощным генераторам корабля.

— Старт через десять минут! — доложил Валь Марланн, лицо которого блестело от пота. Гордон дрожал от напряжения.

— Я проверю конусы в последний раз. Время есть. — Он выбежал в грозу, глядя вверх на огромный, нависающий нос корабля. Укрепленные там двенадцать конусов казались маленькими, крошечными...

Он не мог понять, как этот маленький аппарат сможет произвести разрушения галактического масштаба...

— Две минуты! — закричал с трапа Хелл Беррел сквозь звон колоколов и крики спешащих людей.

Гордон обернулся. И тут к нему подбежала какая-то стройная фигура.

— Лианна! — вскричал он. — Как... — Она кинулась в его объятия. Поднятое к нему лицо было бледно и залито слезами.

— Зарт, я должна была прийти, пока вы не ушли! Если вы не вернетесь, я хочу, чтобы вы знали, — я люблю вас! Всегда буду любить, хотя и знаю, что вы любите Мерн!

Гордон обнял ее и прижался щекой к ее заплаканному лицу.

— Лианна, Лианна! Я не могу ручаться за будущее, но если оно у меня есть, все изменится. Сейчас я вам говорю: я люблю только вас!

Волна величайшего горького отчаяния охватила его в этот последний миг прощания

Ибо это было прощанием навеки Гордон знал! Даже если он переживет битву, в Троон вернется не он, а настоящий Зарт Арн. А если он не переживет.

— Принц Зарт! — хрипло вскрикнул Хелл Беррел — Пора!

Гордон вырвался из объятий, увидел бледное лицо и сияющие глаза Лианны, которые никогда не забудет, ибо он знал, что это был последний взгляд

А Хелл Беррел тащил его по трапу. Скрипели закрываемые двери, гремели большие турбины, звенели резкие сигналы по коридорам...

— Старт! — пронзительно завопили громкоговорители, и в громе рассекаемого воздуха «Этне» взмыла в грозовое небо.

Она мчалась вверх, и с нею мчались последние два корабля, словно материальные молнии в звездном пространстве.

— Гирон вызывает! — крикнул Хелл Беррел. — Началось большое сражение у Ригеля! А восточные флотилии Лиги пробиваются вперед!

В штурманской каюте, где Гордон установил управление Разрушителем, на телестерео появилась мрачная фигура адмирала Гирона. За плечом адмирала виден был иллюминатор, открывавший пространство, буквально плававшее разрывами атомных снарядов, пожарами на кораблях. Но голос Гирона был бесстрастным:

— Мы завязали битву с двумя восточными флотами Лиги и несем огромные потери. У противника, по-видимому, есть какое-то новое оружие, поражающее наши корабли изнутри, мы не можем понять, что это! — Гордон вздрогнул.

— Новое оружие, которым хвастался мне Шорр Кан! Как оно действует?

— Не знаем, — был ответ. — Корабли вокруг нас вдруг выходят из битвы и не отвечают на наши вызовы. — Он прибавил: — Бароны сообщают, что их флот движется из восточной части Роя навстречу двум направляющимся туда флотам Лиги. Флоты Лиры, Полярной и других союзных королевств уже идут на полной скорости с северо-востока, чтобы встать под мою команду — Он помрачнел: — Но новое оружие Лиги, каким бы оно ни было, истребляет нас! Я отхожу к западу, но они бьют нас, а их призраки продолжают просачиваться. Я считаю своим долгом предупредить вас, что мы не сможем продержаться долго при таких потерях!

Гордон ответил:

— Мы вышли с Разрушителем и собираемся применить его. Но нам потребуется много часов, чтобы приблизиться к вам

Он не спешил отдавать приказания. Он помнил слова Джал Арна о том, что площадь цели Разрушителя должна быть возможно более ограниченной.

— Гирон, чтобы применить Разрушитель, необходимо, чтобы флот Лиги собрался вместе. Можете вы сделать что-нибудь для этого? — Гирон ответил хрипло:

— Единственный шанс — это отступить отсюда на юго-запад, как бы на помощь баронам. Это может соединить обе атакующие группы противника.

— Так попробуйте! — потребовал Гордон. — Отходите на юго-запад и дайте мне примерное место встречи с вами.

— К тому времени, как вы придете, это будет как раз западнее Денеба, — ответил Гирон. — Бог знает, что останется от нашего флота, если новое оружие Лиги будет продолжать действовать!

Гирон выключился, но другие телестерео показывали битву, шедшую по всему фронту у далекого Ригеля.

Кроме судов, погибших в пламени атомных снарядов и от ударов коварных призраков, радары показали множество имперских кораблей, неожиданно выходящих из боя.

— Что, во имя всех чертей, могли придумать в Облаке, чтобы губить вот так наши корабли? — спрашивал Хелл Беррел.

— Что бы это ни было, оно быстро подсекает крылья Гирону, — пробормотал Валь Марланн. — Его отход может превратиться в бегство.

Гордон отвернулся от сверкающих, гремящих телестерео и взглянул в иллюминаторы каюты.

«Этне» уже промчалась, все увеличивая скорость, мимо маленьких солнц Арго и спешила на юг, к последней битве Галактики.

Гордон почувствовал, что его охватывает ужас, близкий к панике. Ему нет места в этом титаническом столкновении грядущих веков! Он сошел с ума, поддавшись импульсу применить Разрушитель!

Он применит Разрушитель? Как он может, так мало зная о нем? Как смеет он развязать неведомую чудовищную силу, о которой ее собственный изобретатель предупреждал, что она может потрясти и уничтожить всю Галактику?

26. БИТВА СРЕДИ ЗВЕЗД

Гудя, гремя, содрогаясь под ударами своих мощных дюз, «Этне» и ее спутники мчались к южным пространствам Галактики.

Час за часом они приближались к месту роковой встречи у далекой искры Денеба, куда отступали все силы Империи.

— Бароны сражаются! — крикнул Хелл Беррел Гордону от телестерео, куда смотрел пылающими глазами. — Боже, посмотрите на битву у Роя!

— Они тоже должны теперь отходить в район Денеба, как и флот Гирона, — ответил Гордон.

Он был ошеломлен зрелищем в стерео, переданным с одного из кораблей Роя, находившегося в гуще этой великой битвы. В этой апокалиптической картине было трудно что-либо понять.

Для непосвященного во всем происходящем не было видно ни смысла, ни цели.

Звездный свод близ гигантского Роя солнц Геркулеса был усеян световыми точками. Крохотные точки, быстро вспыхивающие и быстро гаснущие! Но ведь каждая такая точка была вспышкой бортового атомного залпа.

Гордон не мог охватить взглядом всю битву. Эта война далекого будущего была слишком чуждой ему, чтобы собственный опыт мог подсказать все значение этой пляски гибельных искр между звездами. Эта война, в которой суда, находящиеся друг от друга на огромных расстояниях, нащупывали друг друга радарными лучами, в которой мощные атомные пушки стреляли с помощью мгновенного расчета данных, казалась ему невероятной и нечеловеческой.

Потом общая схема битвы начала проясняться. Пляска огоньков медленно двигалась назад к титаническому Рою солнц.

Теперь боевой фронт вспыхивал и искрился севернее и северо-западнее Роя.

— Они отходят, как приказал Гирон! — вскричал Хелл Беррел. — Но половина флота баронов должна быть теперь уничтожена!

Валь Марланн, капитан «Этне», походил на тигра в клетке, когда ходил между стерео взад и вперед.

— Смотрите, что делается с главным флотом Гирона, отходящим от Ригеля! — хрипло проговорил он. — Они бьют его без всякой жалости. Наши потери должны быть огромными!

Стерео, на которое он смотрел, показало Гордону такой же, но больший вихрь гибельных искр, отступающий к западу от Ригеля.

Он подумал тупо, что не должен смотреть на эту чудовищную битву, как делают другие. Она может чересчур потрясти его. А ему теперь нужно оставаться холодным.

— Скоро мы сойдемся с флотом Гирона и баронами? — крикнул он Валь Марланну.

— Через двенадцать часов, не меньше, — ответил тот. — И одному богу известно, сколько к тому времени останется кораблей, способных присоединиться к нам!

— Черт возьми Шорр Кана и его фанатиков! — воскликнул Хелл, угловатое лицо которого побагровело от ярости — Все эти годы они тайно строили корабли и придумывали новое оружие для этой битвы!

Гордон пересек каюту и вернулся к панели Разрушителя. В тысячный раз мысленно он повторил инструкции по развязыванию его чудовищной силы.

— Но что сделает эта сила, когда я развяжу ее? — снова спросил он себя. — Действует ли она как гигантский луч смерти или как зона уничтожения материи?

Тщетные размышления! Едва ли все это так. Будь это так, Бренн Бир не оставил бы своим потомкам торжественного предостережения, что она может уничтожить Галактику.

Часы страшного напряжения шли, пока «Этне» со спутниками приближалась к месту ужасной битвы. С каждым часом положение имперского флота ухудшалось. Гирон, отступая к юго-западу на соединение с потрепанным, но еще сражающимся флотом Геркулесова Роя, встретился наконец с флотами Лиры, Полярной и Лебеда близ туманности Медведицы, там имперский адмирал повернулся к преследующей его армаде Лиги и сражался яростно в течение двух часов внутри туманности.

Потом Гордон услышал команду Гирана. Приказ, кодированный «враспынную», как и все сигналы флота, раздался в их собственных стерео.

— Капитан Сандрелл, дивизия Лиры, выйти из туманности! Неприятель старается прорваться между вами и дивизией Лебеда. Адмирал Лиры ответил отчаянно:

— Их призраки собрались у головы нашей колонны. Но я...

Передача вдруг прервалась, стерео потемнели. Гордон слышал, как Гирон тщетно вызывает Сандрелла, не получая ответа.

— Вот так случается снова и снова! — бешено крикнул Хелл. — Имперский корабль сообщает о близких призраках, потом его передача вдруг прерывается, и корабль молчит и не действует больше!

— Новое оружие Шорр Кана, — проскрежетал Валь Марланн. — Если бы только догадаться, что это такое!

Гордон вспомнил вдруг, что сказал ему Шорр Кан, хвастаясь на Талларне этим оружием: «...Оно может поразить любой неприятельский корабль изнутри!».

Гордон повторил эти слова остальным и прибавил:

— Может быть, я сошел с ума, но мне кажется, что единственный путь к этому — это направить какой-то силовой луч в корабль по его собственному стереолучу. Каждый корабль, сбитый до сих пор, передавал что-нибудь по стерео!

— Хелл, это возможно! — вскричал Валь Марланн. — Если они смогут включиться в наши стерео и использовать их как несущие лучи... — Он подскочил к стерео, торопливо вызвал Гирона и сообщил ему об этом подозрении. — Если вы примените передачу нерегулярными порциями, то это поможет бороться с их новым оружием, — заключил Валь Марланн — Они не смогут вовремя включаться в ваш луч. И приготовьте глушители в стереокаютах на случай, если все же прорвутся. — Гирон понимающе кивнул:

— Попробуем. Я велю всем нашим сперва записывать свои сообщения, а затем, сжимая в краткий импульс, передавать их.

Валь Марланн поставил у своих стерео людей с «глушителями» — генераторами экранирующих электрических полей, могущих нейтрализовать опасные излучения.

Имперские суда уже выполняли приказ и теперь как бы выстреливали свои передачи.

— Помогает — теперь наши корабли выходят из строя гораздо реже! — доложил Гирон. — Но мы сильно потрепаны, а от флота баронов осталась кучка. Нужно ли нам отходить к Рою?

— Нет! — крикнул Гордон. — Мы не можем применить Разрушитель внутри Роя. Мы должны держать их у Денеба.

— Попробуем, — мрачно заявил Гирон. — Но если вы не появитесь в ближайшие четыре часа, от нас немного останется, чтобы держать их.

— Четыре часа? — ахнул Валь Марланн. — Не знаю, сможем ли мы. Турбины «Этне» работают с перегрузкой.

Когда маленькая эскадрилья направилась к югу, к белому маяку Денеба, то великая битва восточнее этой звезды уже отодвигалась к ней.

Смертельная пляска пылающих, гибнущих кораблей неуклонно продвигалась к западу в просторах Галактики. С юга двигались остатки отважного флота баронов на соединение с флотами Империи и королевств.

Армагеддон Галактики! Ибо теперь оба торжествующих флота Облака соединялись на востоке и спешили к последней сокрушительной атаке.

Гордон видел в телестерео и на экранах радаров, что «Этне» почти уже приблизилась к этой великой битве.

— Еще полчаса. Мы успеем, успеем! — пробормотал Валь Марланн сквозь стиснутые зубы

Наблюдатель у главного радара вдруг вскрикнул:

— Призраки слева!

Все случилось так быстро, что Джон Гордон был ошеломлен. Едва он заметил на экране радара крейсера-призраки, как слева пространство осветилось титанической вспышкой.

— Один из нашего эскорта погиб! — вскричал Хелл Беррел. Пушки «Этне», управляемые вычислителями, более быстрыми, чем человеческий мозг, оглушительно грянули. Космос вокруг вспыхнул ослепительной яркостью от взрыва тяжелых атомных снарядов, чуть не попавших в них. Мгновением позже вдали вспыхнули и погасли две световые точки.

— Два сбиты! — крикнул Хелл. — Остальные затемнились и не посмеют больше открыться.

От стерео раздался голос Гирона: «рваная» передача была собрана записывающими аппаратами и превращена в нормальную.

— Принц Зарт, армада Лиги заходит нам во фланг, и через час мы будем отрезаны! — Гордон крикнул в ответ:

— Продержитесь еще немного, пока... — В тот же момент стереоизображение Гирона исчезло, заменившись бледными людьми в черных мундирах, целившимися из какого-то оружия в виде стержней.

— Облачники! Призраки Лиги перехватили наш луч и используют новое оружие Шорр Кана! — вскричал Беррел.

Зубчатая синяя молния вырвалась из стержня переднего облачника на стерео. Эта вспышка энергии промчалась над головой у Гордона и пронизала металлическую стену. Нашествие стереоизображений! Изображений, которые могут убивать синей молнией, которые используют стереолуч как носитель. Это длилось всего секунду, потом «разрывное» реле сработало, и облачники вместе со своим оружием исчезли.

— Так вот что они делают! — вскричал Беррел. — Неудивительно, что половина наших судов погибла, пока мы не догадались, в чем дело!

— Включить глушители, живо! — приказал Валь Марланн. — Они могут появиться снова каждую секунду.

Гордон почувствовал, что волосы у него становятся дыбом, когда «Этне» погрузилась в зону самой битвы. Страшный момент приближался.

Гирон собрал флоты Империи и королевств в короткую линию обороны, упирающуюся левым флангом в пылающую белую массу Денеба. Тяжелые колонны флотов Облака напирали на нее, стараясь смять правый фланг.

Космос был адом гибнущих кораблей, пляшущего между звездами пламени, когда «Этне» стала пробиваться к фронту битвы.

— Гирон, мы здесь! — крикнул Гордон. — Теперь уходите на максимальной скорости!

— Если мы сделаем это, то флоты Лиги соединятся и прорвутся сквозь тонкую линию нашего фронта, как сквозь бумагу, — возразил Гирон.

— Это нам и нужно — заставить их собрать флоты вместе, — ответил Гордон. — Скорее!

Стереоизображение Гирона снова заменилось облачком. Сверкнула синяя молния — но тут же погасла, поглощенная полем глушителей. Потом снова сработало «разрывное» реле, включив изображение.

— Одного того, как они режут наше сообщение, было бы довольно, чтобы решить битву, — простонал Хелл Беррел.

По экрану радара Гордон напряженно следил за маневром, который быстро совершала армада Гирона. Колонны отходили к западу.

— Вот и флот Лиги! — крикнул Валь Марланн. Гордон тоже увидел его на экране — множество искр, тысячи боевых кораблей Облака меньше чем в двенадцати парсеках отсюда. Они преследовали, но не сливались воедино, как он надеялся. Он знал, что пора действовать. Он не должен был давать им подойти ближе, помня предостережения Джал Арна относительно работы с Разрушителем.

— Остановись здесь, направь нос «Этне» точно в центр фронта Лиги, — хрипло приказал Гордон.

Флот Гирона был теперь позади, а «Этне» осталась одна перед армадой Лиги. Гордон встал у контрольной панели Разрушителя и включил шесть рубильников, передвинув каждый реостат на четыре деления. Стрелки измерителей поползли по циферблатам. Генераторы могучего корабля заревели громче, когда таинственный аппарат стал забирать из них чудовищное напряжение.

Какая энергия концентрировалась в силовых конусах на носу?! И что говорил ему Джал Арн? Гордон попытался вспомнить.

«...Шесть измерителей направления должны быть точно уравновешены, если ты не хочешь катастрофы...»

А измерители не уравновешивались! Он тронул дрожащей рукой один реостат, потом другой. Стрелки ползли к красным критическим меткам, но одни быстрее, другие медленнее. Гордон ощутил капли пота на лбу, он окаменел от нечеловеческого напряжения, пока другие следили за ним.

— Их флот идет быстро — в восьми парсеках от нас! — тихо предостерег Валь Марланн.

Три стрелки, потом четыре оказались на красном. Но остальные еще не дошли. Гордон поспешно подстроил их реостаты.

Теперь все они были на красном, но не совпадали в точности. «Этне» содрогалась от грохота напряженных турбин.

Стрелки совпали! Каждая была в красной зоне циферблата, каждая на той же цифре...

— Ну!.. — крикнул Гордон хрипло и включил главный рубильник

27. РАЗРУШИТЕЛЬ

Бледные, прозрачные лучи вырвались из носа «Этне» в темное пространство впереди. Эти бледные лучи, казалось, ползли медленно и гасли, уходя.

Гордон, Валь Марланн и Хелл Беррел приникли к иллюминаторам и замерли, глядя вперед. Но ничего пока не происходило.

Потом толпа искр на экране радара, отмечавшая положение приближающегося флота Лиги, слегка дрогнула.

— Ничего не случилось! — простонал Беррел. — Ничего! Наверное, эта штука...

Впереди показалась черная точка. Она росла и росла, пульсируя и вздрагивая. И скоро это было уже большое, растущее пятно черноты — не той черноты, в которой свет просто отсутствует, но такой живой и трепетной, какой не видел еще никто из живых.

На экране радара половина приближающегося флота Облака была поглощена чернотой! Ибо на экране тоже было черное пятно, от которого отражались лучи радара.

— Боже небесный! — вскричал Валь Марланн, весь дрожа. — Разрушитель разрушает самое пространство!

Ужасный, невероятный ответ на загадку Разрушителя сверкнул наконец в мутящемся разуме Гордона! Он еще не понимал, никогда не поймет причин этого, но результат был налицо. Разрушитель был силой, которая уничтожала не материю, но пространство!

Временно-пространственный континуум нашего космоса был четырехмерным — четырехмерный шар, плавающий во вне-размерной бесконечности. Энергия ужасных лучей Разрушителя разрушала все больший участок этого шара, выдавливая его прочь из космоса.

Все это промелькнуло в потрясенном мозгу Гордона за долю секунды. Он вдруг испугался. Он судорожно вырвал рубильник аппарата. Потом, со следующей же секундой Вселенная словно обезумела.

Титанические руки швыряли «Этне» в пространстве с чудовищной силой. Звезды и пространство сошли с ума, огромная, пылающая белая масса Денеба бешено прыгала в пустоте, кометы, темные звезды, метеориты безумно носились в небесах.

Гордон, отброшенный к стене, трепетал душой и телом, пока вся Вселенная, казалось, поднималась, чтобы отомстить крохотным людишкам, осмелившимся поднять святотатственные руки на основы вечного космоса.

Много минут спустя он тупо очнулся. «Этне» еще качалась и ныряла в яростных вихрях эфира, но звездный небосвод успокоился после своей безумной судороги.

Валь Марланн, обливаясь кровью из большой ссадины на виске, держался за переборку и выкрикивал приказания в громкоговоритель. Он повернул к Гордону мертвенное лицо.

— Турбины выдержали, и все успокаивается. Эта конвульсия чуть не бросила нас на Денеб и потрясла звезды во всей этой части Галактики.

— Отдача, — задыхаясь, сказал Гордон. — Вот что это было.

Окружающее пространство «схлопывалось» вокруг дыры, сделанной Разрушителем. Хелл Беррел склонился над экраном радара.

— А разрушена только половина судов Облака!

Гордон вздрогнул.

— Я не могу больше применить Разрушитель! Не смею!

— И не нужно, — ответил Хелл Беррел. — Остатки их флота убегают в панике к Облаку!

«В этом нет греха, — подумал Гордон. — Видеть, как все небо взбесилось и обрушивается на тебя, — это слишком много для человека».

— Я знаю теперь, почему Бренн Бир предостерегал против легкомысленного применения Разрушителя, — хрипло сказал он. — Дай бог, чтобы этого никогда больше не пришлось делать!

Со стерео посыпались частые вызовы, вопросы с кораблей Империи.

— Что случилось? — повторял Гирон снова и снова.

Хелл Беррел не потерял из виду их цели, того, что они должны были делать.

— Флот Лиги в панике убегает к Облаку, по крайней мере, остатки его, — сообщил он адмиралу. — Если мы последуем за ними, то сможем разбить их раз и навсегда.

Гирон поддержал эту мысль:

— Я сейчас же прикажу преследовать их!

Через просторы Галактики к спасительной защите Облака неслись остатки флота Лиги. Их преследовали «Этне» и потрепанный флот Империи.

— Если истребим остатки их флота, то свергнем Шорр Кана! — ликовал Хелл Беррел.

— Вы не думаете, что Шорр Кан был с флотом? — спросил Гордон.

— Он слишком хитер для этого — он управлял всем из Талларны, — заявил Валь Марланн.

Подумав, Гордон согласился. Он знал, что Шорр Кан не трус, но направлял свою грандиозную атаку, конечно же, из своего главного штаба.

Корабли Лиги Темных Миров исчезли за завесой Облака несколько часов спустя. И сейчас же после этого имперский флот собрался как раз у границ этого обширного тумана.

— Если мы погонимся, то можем наткнуться на засады, — заявил Гирон. — Это место кишит опасностями, о которых мы ничего не знаем. — Гордон предложил:

— Мы потребуем от них сдачи, предъявим им ультиматум.

— Шорр Кан не сдастся, — предостерег Хелл Беррел.

Но Гордон заставил направить луч телестерео на Талларну и заговорил по нему:

— Правительству Лиги Темных Миров! Мы предлагаем вам возможность сдаться. Сдавайтесь и разоружитесь под нашим наблюдением, и мы обещаем, что не пострадает никто, кроме преступников, вовлекших вас в эту войну. Но если вы откажетесь, мы направим Разрушитель на все Облако! Мы навсегда сотрем этот район! — Валь Марланн пораженно взглянул на него.

— Вы сделаете это? Но, боже мой...

— Я не посмею сделать это, — ответил Гордон. — Я никогда больше не возьмусь за Разрушитель. Но они ощутили его силу и могут испугаться.

Ответа на их стереопередачу не было. Через час они повторили ее. Ответа опять не было. Потом, после нового ожидания, раздался суровый голос Гирона:

— Кажется, нам нужно пройти через это, принц Зарт!

— Нет, погодите! — крикнул Хелл Беррел. — Ответ из Талларны!

В стерео появились несколько испуганных облачников, находящихся в комнате дворца Шорр Кана, некоторые были ранены.

— Мы согласны на ваши условия, принц Зарт! — заговорил хрипло один из них. — Наши корабли сейчас же соберутся и будут разоружены. Вы сможете войти сюда через несколько часов.

— Это может быть обманом! — отрезал Валь Марланн. — Это даст Шорр Кану время поставить нам ловушки!

Облачник в стерео покачал головой:

— Тирания Шорр Кана свергнута. Когда он отказался сдаваться, мы поднялись против него. Я докажу это, показав вам его. Он умирает.

Телестерео переключилось на другую сцену. Теперь это была комната, где находился Шорр Кан. Он сидел в кресле в той мрачной комнате, откуда управлял мощной попыткой завоевания Галактики.

Вокруг стояли вооруженные облачники. Лицо у него было мраморно-белым, а в боку зияла широкая, выжженная рана.

Его тусклые глаза взглянули на них со стерео, потом прояснились на миг, упав на Гордона. Тогда Шорр Кан слабо улыбнулся.

— Вы выиграли, — сказал он Гордону. — Я бы никогда не подумал, что вы посмеете взяться за Разрушитель. Дуракам счастье, а то бы вы сами погибли на этом... — Он задохнулся, потом снова заговорил: — Дурацкий конец для меня, не правда ли? Но я не жалеюсь. У меня была одна жизнь, и я использовал ее до конца. Вы в глубине такой же, за это я и любил вас.

Темноволосая голова его поникла, голос упал до шепота:

— Может быть, я остаток вашего мира, Гордон? Родился не вовремя? Может быть...

Он умер — они поняли это по тому, как его статная фигура упала на пол.

— Что это он говорил вам, принц Зарт? — озадаченно спросил Хелл Беррел. — Я не понимаю...

Гордон ощутил странное, острое волнение. Жизнь загадочна в своих поворотах. У него не было причин, чтобы любить Шорр Кана, но все же он чувствовал, что тот нравился ему.

Валь Марланн и другие офицеры «Этне» ликовали.

— Победа! Мы навсегда уничтожили угрозу Лиги!

Корабль шумел. Все знали, что это ликование распространяется по всему флоту. Через два часа Гирон начал вводить в Облако оккупационные силы по лучам радара из Талларны. Половина кораблей должна была остаться снаружи на случай предательства.

— Но теперь нет сомнения, что они действительно сдались, — сообщил он Гордону. — Посланный мною авангард сообщает, что все корабли Лиги уже посажены и разоружаются. — Он прибавил понимающе: — Я оставляю эскорт для «Этне». Я знаю, как вам хочется вернуться в Троон. — Гордон ответил:

— Нам не нужно эскорта. Валь Марланн, мы отправляемся немедленно.

«Этне» двинулась в долгий обратный путь через всю Галактику к Канопусу. Но через полчаса Гордон отдал новое приказание:

— К Солнцу, а не к Канопусу. Наш порт назначения — Земля. Хелл Беррел пораженно запротестовал:

— Но, принц Зарт, весь Троон ожидает вашего возвращения! Вся Империя, каждый человек в ней обезумел от радости к этому времени, будет ждать, чтобы приветствовать вас!

Гордон покачал головой.

— Я не иду сейчас в Троон. Везите меня на Землю.

Они глядели на него изумленно, не понимая. Но Валь Марланн отдал распоряжение, и корабль слегка изменил курс, чтобы направиться к далекой желтой искре Солнца.

Часами, пока «Этне» мчалась к северу, Гордон сидел у иллюминатора, мрачно глядя в него, погруженный в странное, усталое оцепенение. Наконец-то он возвращается на Землю, к своему собственному времени и миру, к собственному телу. Только теперь он мог выполнить обещание, данное Зарт Арну.

Он взглянул на ярко сияющие звезды Галактики. Далеко-далеко на западе блестел маяк Канопуса. Он подумал о Трооне, о ликующих там миллионах.

— Все это кончено для меня, — мрачно сказал он себе. — Конечно навсегда.

Он подумал о Лианне, и волна слепого отчаяния снова поднялась в его душе. Это тоже было навсегда кончено для него. Хелл Беррел вошел и сказал:

— Вся Империя, вся Галактика гремят хвалами вам, принц Зарт! Разве можно идти на Землю, когда все так ждут вас?

— Так нужно, — настойчиво ответил Гордон, и высокий анта-ресец озадаченно вышел.

Он дремал, просыпался и снова дремал. Время словно потеряло всякий смысл. Сколько дней прошло, пока впереди не появился знакомый желтый диск Солнца!

«Этне» снижалась к старой зеленой Земле, к освещенному восточному полушарию.

— Приземлитесь у моей лаборатории в горах — Хелл знает где, — сказал Гордон.

Башня в вековых снежных Гималаях казалась такой же, какой он оставил ее, — как давно это было! «Этне» мягко опустилась на маленькое плато.

Гордон взглянул на своих удивленных друзей.

— Я пойду ненадолго в свою лабораторию, и со мной отправится только Хелл Беррел. — Он поколебался, потом предложил:

— Давайте пожмем руки друг другу. Вы были для меня лучшими друзьями, какие только бывают у человека.

— Принц Зарт, это похоже на прощание! — встревоженно за-протестовал Валь Марланн. — Что вы хотите там делать?

— Со мной ничего не случится, обещаю вам, — ответил Гордон с легкой улыбкой. — Я вернусь через несколько часов.

Они пожали ему руку и молча глядели вслед, когда он и Хелл Беррел вышли на морозный, колющий воздух.

В башне Гордон направился вверх, в лабораторию со стеклянными стенами, где находились странные инструменты, сооруженные настоящим Зарт Арном и старым Вель Квеном. Он пробежал в уме, что старый ученый говорил ему о работе усилителя и передатчика, и как можно тщательнее проверил инструменты. Хелл Беррел следил за ним с изумлением и беспокойством. Наконец Гордон повернулся к нему.

— Хелл, мне потребуется потом ваша помощь. Я хочу, чтобы вы сделали все так, как я скажу, даже если не понимаете. Согласны?

— Вы знаете, что я буду повиноваться всякому вашему приказу, — пылко ответил высокий антаресец. — Но все-таки я очень беспокоюсь!

— Незачем, через несколько часов вы полетите обратно к Троону, и я буду с вами, — ответил Гордон. — Теперь ждите.

Он надел шлем телепатического усилителя. Он удостоверился, что аппарат настроен на индивидуальную частоту мозга Зарт Арна, как учил его Вель Квен. Потом он включил аппарат.

Гордон стал думать. Он сосредоточил свои мысли, чтобы бросить усиленную аппаратом мысль сквозь бездну пространства-времени, от одного мозга к другому, на который настроился.

«Зарт Арн! Зарт Арн! Можете ли вы слышать меня?»

Ответной мысли не было. Снова и снова повторял он мысленный вызов, но безрезультатно. Удивление и тревога охватили Гордона. Он попытался снова, час спустя, но безуспешно. Хелл Беррел озадаченно ждал. Потом, уже через четыре часа, он в отчаянии сделал еще одну попытку:

«Зарт Арн, слышите ли вы меня? Говорит Джон Гордон!»

И на этот раз слабо и далеко, через невообразимую пропасть времени в мозгу у него появилась ответная мысль.

«Джон Гордон! Господи, я долгие месяцы жду и не знаю, что случилось! Почему говорите вы сами, а не Вель Квен?»

«Вель Квен убит, — быстро ответил Гордон. — Убит солдатами Лиги вскоре после того, как мы произвели обмен. — Он объяснил поспешно: — «Была галактическая война между Облаком и

Империей, Зарт. Я был вовлечен в нее, не мог вернуться на Землю для обмена. Мне пришлось стать вами и никому не говорить, как я и обещал. Один человек узнал о моем самозванстве, но он мертв, и никто больше этого не знает».

«Гордон! — Мысль Зарт Арна была лихорадочной, возбужденной. — Так вы верны своему слову! Вы могли остаться в моем теле, в моем положении, но не сделали этого! — Он продолжал возбужденно: — У меня здесь тоже были неприятности. Меня поместили временно в госпиталь, так как я не помнил вашего прошлого». Гордон сказал ему:

«Зарт, я думаю, что смогу наладить работу передатчика для обмена телами, так как Вель Квен объяснил мне. Скажите мне, правильно ли я говорю». Он мысленно пробежал подробности работы передатчика, и Зарт Арн ответил ему, в большей части подтверждая, иногда поправляя.

«Хорошо, я готов к обмену, — сказал наконец Зарт Арн. — Но кто будет работать с передатчиком, если Вель Квен умер?»

«У меня здесь есть друг, Хелл Беррел, — ответил Гордон. — Он не знает, что мы делаем, но я могу научить его включению».

Он перестал сосредоточиваться и обернулся к встревоженному антаресцу, молча следившему за ним.

— Хелл, вот теперь мне нужна ваша помощь, — сказал Гордон. — Смотрите. — Он указал переключатели на передатчике. — Когда я дам знак, вы должны включить их вот в таком порядке.

Хелл Беррел внимательно слушал, потом понимающе кивнул:

— Я сделаю. Но что это даст вам?

— Не могу сказать вам, Хелл. Но вреда мне не будет, обещаю вам это.

Он крепко стиснул руку антаресца, потом снова надел шлем и послал мысль:

«Готовы, Зарт? Если да, я дам сигнал Хеллу». «Готов, — ответил Зарт Арн. — И, Гордон, прежде чем проститься, благодарю вас за все, что вы для меня сделали!»

Гордон поднял руку, подавая знак. Он услышал, как Хелл включает рубильники. Передатчик загудел, и Гордон почувствовал, как его разум устремляется в зияющую черноту...

28. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Гордон медленно пришел в себя. Голова у него болела. Он шевельнулся, потом открыл глаза.

Он лежал в знакомой комнате, в знакомой постели. Это была его маленькая нью-йоркская квартира, темная комнатка, которая казалась теперь маленькой и тесной. Дрожащей рукой он включил свет и неуверенно выбрался из постели. Он взглянул в высокое зеркало на стене.

Он опять был Джоном Гордоном! Он видел сильную, коренастую фигуру и загорелое лицо Джона Гордона вместо резких черт и высокой фигуры Зарт Арна.

Гордон ощутил вдруг головокружительное удивление, потрясшее его до глубины души. «Не сон ли все это? Не было ли все это сном, порожденным моим мозгом?» Он прогнал от себя эту мысль. Он знал больше. Как бы ни было все странно и необычно, это не был сон!

Он подошел к окну и взглянул на озаренные звездами небеса и мерцающие огни Нью-Йорка. Каким маленьким, старым, тесным казался ему город теперь, когда мысли его были еще полны великолепием Троона!

Слезы затуманили ему глаза, когда он взглянул в звездное небо. Туманность Ориона была лишь смутной звездочкой, подвешенной к поясу этого гиганта-созвездия. Малая Медведица двигалась к полюсу. Низко над крышами мигал белый глаз Де-неба.

Ему не было даже видно Канопуса, стоявшего низко над горизонтом. Но его мысли улетели сквозь бездны пространства и времени туда, к волшебным башням Троона.

— Лианна! Лианна! — прошептал он, и слезы заструились по его лицу.

Медленно, пока шли эти ночные часы, Гордон готовился к испытанию, которым должен был стать остаток его жизни.

Непроходимая пропасть пространства и времени навсегда отделила его от единственной девушки, которую он любил. Он не забудет, не хочет забывать. Но он должен прожить жизнь такую, какая ему досталась.

На следующее утро он пошел в страховую компанию, в которой работал. Он вспомнил, как уходил оттуда несколько месяцев назад, охваченный пламенной дрожью возможного приключения. Начальник отдела встретил Гордона с удивлением:

— Гордон, чувствуете ли вы себя достаточно хорошо, чтобы вернуться к работе? Я рад, если так.

Гордону нужно было говорить осторожно. Он не знал, что случилось с Зарт Арном в его оболочке за эти месяцы.

— Я думаю, что могу вернуться к работе, — медленно произнес он.

— Доктор Уиллис должен сначала осмотреть вас, — сказал его собеседник. — Но когда вы уходили из госпиталя, он говорил, что вы скоро сможете совсем поправиться.

Гордон вспомнил Уиллиса, главного врача компании, который поднялся ему навстречу, улыбаясь, когда он вошел.

— Гордон, как вы себя чувствуете? Прошла ли ваша амнезия? Гордон кивнул.

— Да, я теперь вполне вспомнил свое прошлое. — Он сразу догадался, что незнание Зарт Арном этого мира привело его ненадолго в психиатрический госпиталь и что Уиллис лечил его от амнезии.

— Я очень рад, — говорил Уиллис. — Я боялся сначала, что вы кончите так же, как та девушка в соседней палате, — помните, девушка по имени Рут Аллен, которая лишилась разума от шока и лежала в перманентной коме.

— Я уже вполне здоров, доктор, — повторил Гордон. — Я хотел бы вернуться к работе.

Одна только работа удерживала Гордона от полного отчаяния в последующие дни. Она была для него тем же, чем для других бывает алкоголь или наркотики. Некоторое время она же не давала ему вспоминать.

Но однажды ночью он вспомнил. Он лежал без сна, глядя в окно на блестящие звезды, которые для глаз его разума всегда будут могучими солнцами. И все время образ Лианны реял у него перед глазами. Его начальник сказал ему на днях:

— Гордон, я боялся, что ваша болезнь помешает вам работать. Но вы работаете хорошо, и я думаю, что вскоре вы станете помощником заведующего отделом.

Гордону захотелось разразиться безумным смехом, так фантастично было это предложение. Ему быть помощником заведующего, ему, имперскому принцу, сидевшему на пиршестве со звездными королями в Трооне? Ему, ведшему флот Империи в последней великой битве у Денеба? Ему, победившему Облако и потрясшему сам космос? Но он не засмеялся. Он сказал спокойно:

— Это будет хорошая должность для меня, сэр.

А теперь, через две недели по возвращении, он сидел в своей комнате с болью в сердце. В дверь постучали.

Гордон удивился, увидев в дверях девушку, которой никогда не видел раньше, — красивую, бледную, темноволосую девушку, смотревшую на него со странной робостью.

— Меня зовут Рут Аллен, — начала она нерешительно, не сводя с него глаз.

— Рут Аллен? — удивленно повторил он. Это имя он уже слышал когда-то. Об этой девушке говорил ему доктор Уиллис — ее разум был потрясен шоком, и она лежала в коме в том же госпитале, где находился Зарт Арн. — Но ведь говорили, что вы никогда не поправитесь,— начал было Гордон. Голос у него замер, когда он напряженно взгляделся в бледное, красивое лицо этой девушки.

И это лицо словно стало прозрачным, и сквозь его черты он увидел другое лицо, другие глаза, другую девушку... Это было безумием, сумасшествием. Но ни за что в жизни Гордон не мог бы сдержать хриплого крика, который сорвался с его губ, когда он протянул к ней руки.

— Лианна!

Она неловко ступила вперед, руки ее обвились вокруг его шеи, щека прижалась к его щеке. Она плакала.

— Джон Гордон! Так вы узнали меня даже в этом теле! Я знала, что вы узнаете!

— Лианна, это мне снится! — задохнулся Гордон.— Вы не можете быть здесь, в этом времени!

— Но я здесь! — воскликнула она. Глаза, полные слез, смотрели на него — другие глаза, но все же глаза Лианны.

— Зарт Арн сделал это, Джон Гордон.— Она плакала.— Он рассказал мне все, когда вернулся в Троон. Сказал мне, что это вас я любила, хоть и в его оболочке! А когда я сказала ему, что люблю вас, что всегда буду любить, то Зарт Арн с помощью своего аппарата послал меня в ваше время, как я его просила. Он знал, что здесь есть девушка, тело которой здорово, но разум потерян навсегда. Он послал меня в ее тело, так что я смогла прийти к вам.

Гордон был поражен, ошеломлен.

— Господи, Лианна, это невозможно! Ваше тело...

Она улыбнулась ему улыбкой Лианны.

— Тело принцессы Лианны Фомальгаутской будет лежать в перманентной коме, в склепе на Трооне. Что значит эта разница, если мы любим истинную сущность друг друга?

— Я не могу вам позволить! — вскричал он.— Вы должны вернуться...

Ее прежняя властность сверкнула снова.

— Я останусь здесь и не позволю вам больше ничего говорить об этом!

Слезы проступили у него на глазах, когда он крепче прижал ее к себе и прильнул щекой к ее мягким волосам.

— Лианна! Лианна!

Позже, сидя с ним у окна, пока сумерки сгущались в ночь, она рассказала ему о возвращении Зарт Арна в Троон, о его изумлении и потрясенной благодарности, когда он узнал обо всем, что сделал Гордон.

— Он плакал, говоря мне об этом, Джон Гордон! Он не мог говорить, когда узнал, как вы сражались за Империю! — Она взглянула в усеянное звездами небо. — Все они теперь на далеком Трооне — Зарт и его Мерн, Джал Арн и Зара, все они. Что такое время и пространство, как не расстояния?

Гордон высказал одно сомнение, которым еще омрачалось его глубокое счастье.

— Но, Лианна, в том, другом времени вы были принцессой звездного королевства. Эта старая Земля может показаться вам мрачной и варварской...

Она опять улыбнулась ему.

— Нет, Джон Гордон. Это теперь мир ваш и мой. И он кажется уютным и тихим для влюбленных после войн и интриг звездных миров, которые я знала.

Гордон не возражал больше. Он был слишком счастлив, сидя с нею, глядя через огни Нью-Йорка на сверкание Галактик в небесах.

Он искал приключений, но нашел гораздо больше. Через 200 тысяч лет он нашел и завоевал себе невесту, дочь отдаленных солнц, принцессу грядущих звездных королевств.

1949

Айзек АЗИМОВ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ПРОЛОГ. ГОД НАЗАД

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на человека по другую сторону стола.

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпускать из рук человека с Земли. Он потрогал гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты, — возразил землянин. — И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не прибыл? — помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два...

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минуты? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне, или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы только и думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь, вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете! — истерически вскричал землянин. — Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет искать меня? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, опустился ли я вообще на планету или нет? Получены ли мои первые сообщения? — Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошевелиться. Сквозь сведенные судорогой зубы он прохрипел:

— Зелье!

— Зелье, — согласился другой. — Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий Космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него еще двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно было только подсоединить его концы к соответствующим точкам на черепе, и он начинал действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у него не одеревенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволоочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил: «Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?».

Слова другого доносились глухо, удаляясь в какой-то туннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной посмеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

НАЙДЕНЬШ

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться головой к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа!

Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик тупо смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плеч. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не значило для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантаций этого было достаточно. Он повернул ложку и устался на свой номер,

выбитый на ее ручке. У всех прочих, кроме номеров, были и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но, может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он изо всех сил старался вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику.

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы.

— Не знаю, нужно ли это.

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен...

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше... Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

...Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что если Рик покинет ее? Во многих отношениях он еще походил на ребенка. Но прежде чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась при первых его словах. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что он может вспомнить слишком много и бросить ее. Она была только Валоней Марч, по прозвищу Большая Лона. Крупная, большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никог-

да не найти мужа. Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботами, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые.

В тот день, когда она впервые привела Рика работать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему; с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначавшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь? — спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере, знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слова «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа — а-на-ли-зи-ро-вать ничего? Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно. — Он глубоко вздохнул. — Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую,

какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с Резидентом. В ближайший свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда ты встретила этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о Резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше, — ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить рассудок или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал, — растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он протянул к ней руки и слабо вскрикнул:

— Лона!

Она кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

Весь обратный путь она ехала тяжело и слепо, в отчаянии прижимая Рика к себе.

Через неделю по гипервидео пришло известие об одном докторе, погибшем в катастрофе, когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и ночью в своей комнате она сравнила его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности..

— Я не мог быть преступником, — повторил Рик, — если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнавать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу, — прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись: ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА В ГАЛАКТИКЕ.

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне припомнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее.

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгофильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний разрез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду Сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, что патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, Резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, Резидент. — Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья, но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя, — сказал он негромко.

— Вы помните, Резидент, как я пришла к вам и рассказала о городском докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, Резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удержать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О, Резидент, по-вашему, они могут спросить?

— Я уверен, что нет. — Он начал терять терпение. — Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девушку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Резидент!» — и показывали на какую-то белую шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый, изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее... Потом рука человека приподнялась, и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком. Лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантации поймут вас. Расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, Резидент. И он сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю. Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, все забыл. Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, Резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый Резидент — тот был молодец. Держал нас хорошо. Я живу почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невозможно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя Членов Флоринианского Патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный? — спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпка на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью? — Член Флоринианского Патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал: — Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, Резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов, лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных, — это не так уж и плохо.

...Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить

Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался настороже.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли он почему?

— Он не знает. Говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем, он... анализировал Ничто. Но, Резидент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще ученее.

— Идем. — Теренс протягивал ей руку. — Идем к Рiku.

В хижине Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона, — быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик, — произнес он, — Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, Резидент. — Рик держался смиренно с Резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С Резидентом был вежлив даже управляющий фабрики. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, Резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе глаза тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, Резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона: сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше.

Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать Резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на пять часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за Резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью пятьдесят квадратных миль, опиравшийся на двадцать тысяч стальных решетчатых колонн.

Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — Сквайры. В Верхнем Городе трудно было поверить, что ты находишься

на Флорине. Население было почти исключительно саркитское, включая немногочисленных патрульных. Это был высший класс в самом буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выражением зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более стгущали окружающую темноту.

В лучах сидели на подвижных креслах старики, наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда она засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись, — сказал Теренс. — Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно новый мир. Подобно городам Сарка, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла зрения.

— Идем, Рик, — произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и краски. Он никогда не знал, что дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной... А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж.

— Это Сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженные волосы, широкие развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, короткие бархатистые штаны и длинные чулки, блестящие, словно сотканые из медной проволоки.

— Молодые, — сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение встроенного воздушного управления. Машина повисла над дорогой; ее блестящее гладкое дно бы-

ло со всех сторон загнуто вверх, чтобы снизить сопротивление воздуха, — характерная черта патрульных машин.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая кожа. Их черные блестящие мундиры, дополненные ярким серебром пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения! — Патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий, — отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не Сквайры. Помните об этом... Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киноленты, темнеющей до пурпура на верхних этажах. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво, — сказал Рик.

Теренс удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил яркие цвета Верхнего Города несколько вульгарными.

Они остановились у спирального помоста, ведущего к главному входу. Цвета были распределены так, чтобы давать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции присущий «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — Резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца. — Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где мелькнул тусклый фиолетовый свет.

— Комната двести сорок два, — сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона и через всю стену — огромный тусклый

стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое, — вдруг произнес Рик. — Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и останавливаться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри...

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, Резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе космоса.

— Я знаю, что там сказано, — продолжал Рик. Он с трудом переводил дыхание. — Вот смотрите, это всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными уроками, полученными им от Валоны:

— «Неудивительно, что по своему темпераменту космоаналитик является интровертом и субъектом, весьма сильно неприспособленным к жизни. Посвятить большую часть своей жизни одиноким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в качестве официального девиза не слишком правильную формулировку: “Мы анализируем Ничто”».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел? — спросил Теренс.

Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был космоаналитиком?

— Да! — закричал Рик. Потом добавил потише: — Голова болит. — Он смотрел, наморщив лоб. — Я должен вспомнить больше. Есть опасность. Огромная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик. — Теренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово. — Посмотри ка-

талог сам и поищи тексты по космоанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя...

— Как насчет «Трактата об инструментальном космоанализе» Врийта? — спросил после долгих размышлений Рик. — Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопки, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но... — Рик поколебался. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилась рекомендация обратиться к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и погасил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном послышался тонкий сухой голос библиотекарши, от которого оба похолодели:

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо? — хрипло спросил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал резко:

— В записях стоит требование на «Трактат об инструментальном космоанализе» Врийта и «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад, — сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг? — Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны... Молчать! — Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила, — пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотекарша взглянула на них.

— Подождите! — крикнула она, вскочив и держась за стол. — Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотекарша подбежала к ним, слегка задыхаясь

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте, — твердо произнес Теренс, — почему нас задерживают?

— Вы запрашивали некоторые книги? Мы можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги будут получены за две минуты. — На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете... — начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав короткий нейронный хлыст — прекрасное оружие ближнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настойчивым. Виногато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно он был саркитом...

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то. Патрульный обернулся, но опоздал.

Нейронный хлыст оказался вырванным у него из рук. Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда хлыст прикоснулся к его виску.

Рик крикнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка — Валона!

МЯТЕЖНИК

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал:

— Скорей отсюда Живо! — и пошел прочь.

На мгновение ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно не было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливалось в окружающем мире теплоту и свет. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее! — тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбался, но голос у него был низкий и твердый:

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать...

Несколько шагов. Они двигались словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда, — сказал он.

Знак над тротуаром слегка мигал в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: «Вход в амбулаторию».

Женщина в форменном платье взглянула на них издали. Она заколебалась, нахмурилась, начала приближаться. Теренс не стал ее ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце Теренса забилось спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избегнув больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, Резидент, — быстро шептала Валона. — Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и...

— Но как ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, что вы поднялись на лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка! — простонал Теренс.

— Так получилось, — смиренно пояснила Валона. — Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и

пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас...

Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть Резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

Теренс ощутил в горле спазм.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. словно гигантская птица спускалась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.

Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться, но все же они разбежались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога Резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяжелой рысцей. На мгновение он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной. — И круто повернул обратно.

— В пекарню, — прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал, обливаясь потом. Сквозь шум слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь верем. А он, Теренс, в своей проклятой резидентской одежде заметен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидел его или нет, да это и неважно. Оба патрульных столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери струился восхитительный запах. Когда они вбежали

внутри, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек...» — и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патруль! Патруль!».

— Сюда! Скорей! — проскрипел старик. — Залезайте в эту печь.

— Туда? — отшатнулся Теренс.

— Она ненастоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона и Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, и запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рику, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкоплечий взглянул на Теренса и улыбнулся:

— Легче, приятель. Мы не будем драться. — Рубашка едва держалась на его плечах, на скуле краснела ссадина. — Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего вдвое. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешены, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем, — представился широкоплечий. — А вы кто?

— Ну, мы... — Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю. — Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность. — Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Пекарь улыбнулся.

— Ни у кого не было таких лиц, как у вас. Ваши лица можно было бы размолоть на известку...

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если патрульные гонят за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине Сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев, — пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них... — Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружей и плазменных пушек, Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к Сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с Резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

— Даже имея иглоружья и плазменные пушки, Сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов.

Теренс вскипел:

— Я ненавижу Сквайров еще больше, чем вы. И все-таки...

— Продолжайте, — хохотнул Пекарь. — Я не выдам вас за вашу ненависть к Сквайрам. Итак, почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывает и чрезмерная осторожность, Резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас Резидента. Им остается только найти Резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверное, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак, вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо. — Теренс покачал головой. — Я... я выпуталюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона.

Голос был так близко, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был Резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его руку, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона... — Он долго молчал. — Не доверяй слишком этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла?

Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему Резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше, этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее, и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь?

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом опомнилась и медленно натянула простыню до шеи. Луч погас. Ей не нужно было догадываться, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь? — тихо спросила Валона.

— С Резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не пробуй притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймут его. Он не очень хитер, твой Резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду Резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч света и заскользил по полу, пока не

нашел худое, бледное лицо Рика. Веки Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решишь уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень... — начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

УЧЕНЫЙ

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорей наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флоринианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транторианским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреждениях тем самым людям, которых они искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — сказал он. — Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелкий, нестоящий народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой жилой — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с ее городов и поселков и привозят цвет флоринианской молодежи на Сарк для обучения. Посредственных сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резидентами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине искренне преданы делу саркитов, так как пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться, — вернуться к флоринианскому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке

не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флоринианских женщин. О смешанных браках с саркитами и говорить нечего. Таким образом, лучшая часть флоринианских генов все время уходит из обращения, так что в конце концов Флорина будет населена только дровосеками и водоносами.

- Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?
- Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Отдела по флоринианским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюрократическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и указали кресло перед столом Клерка Младшего Секретаря. Ни один флоринианин не мог быть чем-либо большим, чем Клерк, независимо от того, сколько нитей подлинного действия держит он в своих руках. Младший и Старший Секретари по флоринианским делам были, конечно, саркитами, и хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что никогда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень светлые волосы и кожа. Наконец он отложил в сторону бумаги и произнес:

- Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?
- Да, бывал, сударь, — сказал с некоторой резкостью доктор

Джунц.

- Но не в последнее время?

- Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете того космоаналитика, исчезнувшего... — Клерк перебрал листки, — более одиннадцати месяцев назад?

- Совершенно верно.

— За все это время, — продолжал Клерк, — не встречалось никаких следов этого человека и не было доказательств, что он когда-либо вообще находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него, — произнес ученый, — было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

- Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категорический, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро в последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро заботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!».

Это началось, как правильно сказал Клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по межзвездному стандартному времени. За два дня до того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц. — И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

«Прошу сохранять прямую кодированную линию Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории».

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение, и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был похож на психопата. Поэтому, откровенно говоря, мне не хочется встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь. — Он порылся в карманах. — Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «Скорой помощи». Ему, наверное, очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил, оборачиваясь:

— Ну что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл, — спохватился агент. — Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки. На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флоринианскими бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой высадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но это важно, — настаивал Джунц. — Человек очень болен.

Получили ли они копию записи его разговора с агентом из МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалели, что человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял обо всем этом. Прошел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою комнату на другую, более приспособленную к длительному пребыванию. Он устроил себе свидание с Лудиганом Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром...

Старый посланник принял его как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и на первых двух стаканах не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флоринианской Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно начал излагать историю, рассказывая ее экономно-скупое. Эбл не перебивал.

Когда Джунц замолчал, он спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?
— Нет.
— И не встречали его?
— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?
— Это первая, судя по записям в центральном управлении МКБ, — если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркитское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближайшее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгать не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгают ложью, но они брезгают бесполезной ложью, и они-то знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил через гиперпространство и ушел в другую область Галактики; второй — когда его нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, ничто не помешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог передумать и улететь. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление имело под собой основания, то дело было слишком серьезно, чтобы он мог передумать и уйти из ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал, слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то мог высадиться на планете в любом месте вне космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной, наполовину беспамятный. Это очень необычно для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов, работа для космоаналитиков — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают по тому, что он заходит в публичную библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотечарей сообщение о таком случае?

— Нет, здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит о них, если он не сможет доказать, что он настоящий саркит, задержали и допросили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство, — что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркитские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жизнь, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет, — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всех обитателей Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенный Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это какая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если космоаналитик ошибся, разве могло саркитское правительство позволить ему распространять свое безумие, если только это безумие, и наполнять им всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна; очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной открылась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Остановится ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне ничего не ясно в этой истории. — Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил, — мрачно произнес Джунц. — У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докопайтесь до сути, пока я буду

отвлекать их внимание своими библиотечными разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не должно рассчитывать на безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц оказался прав в одном: саркитские власти были очень любезны, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, не прав. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего, но решил подождать конца двенадцатого месяца. А потом появился проблеск, и явился он вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим через стол от сотрудника Отдела по флоринианским делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера в 4:22 пополудни мне сообщили, что флоринианский филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был урожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было. — Он слегка повысил голос, чтобы заглушить какое-то возражение, начатое было Клерком. — В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 12:05 пополудни вчера, сказано, что во флоринианском филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член флоринианского патруля и что ведется преследование трех флоринианских туземцев, совершивших этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что оба сообщения связаны между собой. Я уверен в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я просил Флорину прислать этого человека на Сарк и не получил ответа. Я пришел в Отдел по флоринианским делам получить содействие в этом. Либо я полечу туда, либо его пришлют сюда.

Бесцветным голосом Клерк произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство предупредило меня, что вы, вероятно, будете расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, Резидент и флоринианская женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не пытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

— И им позволили остаться там?

— Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Лудиганом Эблом?

— Что в этом общего с...

— Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.

— Я не видел посла уже с неделю.

— Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы позволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших взаимоотношений с Трантором. Мне поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь... — на бледном лице Клерка появилось что-то похожее на насмешливую гримасу, — хорошо известен нашему Отделу безопасности как транторианский агент.

ПОСЛАННИК

За десять часов до разговора Джунца с Клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Он осторожно пробирался переулками. Его рука касалась шершавой поверхности хижин рабочих. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникать в обитель тени под сталесплавом),

услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились, скользнули мимо, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внушаемого ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским Сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными чудовищами, от них нужно было убегать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчишкой он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немного, только один абзац. Там описывались Сквайры, они собираются каждое утро в огромном зале, окрашенном как цветы кырта, и стоят там в своем двадцатифутовом великолепии, рассуждая о прегрешениях флориниан и сетуя на необходимость карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его перевели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В шестнадцать лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраине города. Ветерок доносил до него густой ночной аромат цветов кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, который проследил за тем, чтобы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся! — сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс повиновался и был смущен.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — Сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со Сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри него переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской Службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флоринианин, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о Сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать. Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на лице в виде какого-то таинственного кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели Сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью. — И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут вспыхнула и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали Сквайров низкими скотами, выжимающими богатства из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но Сквайры и патрульные вооружены... — недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, гигантском государстве, непрерывно расширявшемся в последние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но, — сказал Теренс сначала себе, потом другим, — если Трантор так велик, а Флорина так мала, не станет ли Трантор еще более сильным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс работал даже некоторое время в Отделе безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно думали, что Флорина сможет победить без посторонней помощи. А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем жизни каждого из обитателей Флорины...

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокро-вища и проклятия Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не Резидент. И даже не свободный флоринианский крестьянин. Он преступник, беглец, который должен скрываться. Но в последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал: Рик вспомнил правильно, что был когда-то космоаналитиком, и он был психозондирован.

Но Рик в руках толстого человека, который выдает себя за флоринианского патриота, а на самом деле это транторианский агент, Теренс не сомневался в этом с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было, нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У него уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

Через десять часов после своей беседы с Клерком Джунц снова встретился с Лудиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти стандартный год) Эбл не обратил внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые отождествляют звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

Словом, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был поклонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пустотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактики. Звезды были алмазными искрами, туманности — светлыми или темными пятнами, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, обозначавших собой Транторианскую Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что можно было проследить, как через каждые пятьдесят лет вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половину Галактики.

По мере того как Транторианская Республика превращалась в Транторианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров. Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору? — вот о чем думал осторожный посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

— ..Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам, — говорил Джунц. — Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли его, и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, транторианский агент, был убит флоринианским патрулем. Двое флориниан, которых агент прятал у себя, женщина и мужчина — по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель, — ушли, исчезли. Очевидно, они попали в руки Сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднес к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флоринианином, а исчезнувшие, пока мы не сможем доказать обратное, тоже флориниане.

ПАТРУЛЬНЫЙ

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверяя свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то проросло и стало цельным. Это готово было случиться еще с той минуты, два дня назад, когда он начал вспоминать. Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, давно замершие, начали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и о звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, вглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил еще больше. Я был на корабле и знаю в точности...

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя к нему спиной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где Резидент?

— Его нет. Он... он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке:

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как Резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину...

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка, если начнешь куражиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь

— Нет, нет... — затрепетала Валона. — Я не доставлю вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве своем это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не замечал их. В руках он сжимал толстую палку.

Вдруг дальние окраины окружающей толпы возбужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульного.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных бегут вечно гнаться за ними?

Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, и на ее новом платье проступили влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди — Он уперся, но она тянула его. — Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же костюмы жителей другой планеты... Смотри, это дал нам Пекарь.

Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон, и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло, и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными.

Рик догадался:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если мы полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль. Эти слова пели у него в ушах. Была его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тут космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ездили туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорезь.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо сказал он. — Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадают в космопорту Флорины. В последние годы они встречаются все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не Сквайры. Они не знают, что ты только флоринианин, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке номер семнадцать, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс. — Он сказал это с пышной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию. звонить своим друзьям, пытаться незаметно подключаться к частным разговорам по

энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов, прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки № 17, на который были действительны их билеты. Он выглядел более полированным. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и шедшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают, — сказал Рик. — Пассажирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквознях никому не приятно. — Он тревожно оглянулся. — Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье Валоны вздулось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает? — спросила она. Ей никогда не случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались, и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлитовым мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот, — сказал он. — Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных компактных гнездах, и раздобыл большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно усмехнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчанье воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнату, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона, — сказал он не очень уверенно. — Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое монотонное жужжание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим, — сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом, и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — ключьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули широким потоком, вытесняя друг друга. Он забыл о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в картине, которая возвращалась теперь и оборванные края которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика раньше поместили на корабль, не пришлось бы ждать так долго, пока восстановятся клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что такое: ус-ко-ре-ние?

— Не бойся, Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет аппаратуры, снимающей давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того как скорость гиператомных двигателей нарастала, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравлическими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задышавшись, несколько слов, не вдумываясь в их значение, — Валона должна чувствовать, что он рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово.

Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и это заняло много времени.

Тяжесть медленно исчезала, и наконец невидимые цепи, приковавшие их к стене, ослабели и упали. Задышавшись, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я ранен? — Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что можно быть раненым на корабле. — Когда-то я месяцами не опускался ни на какую планету.

— Почему? — спросила она. Подползла поближе и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня работа.

— Да, — подтвердила она. — Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но он должен говорить. Должен насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всего водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всего.

— Я никогда не слыхала об этом, — сказала Валона.

— Девяносто девять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то, — сказала Валона, — что пространство — это пустота. Там ничего нет. Верно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых районах встречается больше гелия, в других — больше натрия, и так далее. Такие области с особым составом элементов движутся в пространстве как течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности... — Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть. — Потом мы определяем плотность, то есть густоту космического газа во всех районах Галактики,

чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на... — Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик?

Снова молчание. Ее руки вцепились в его плечо, затрясли его.

— Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое.

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему? — спрашивала она. — Почему?

— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу среди бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал... Лона, это был не патрульный! Это был Резидент, Лона! Это был Резидент, переодетый патрульным!

ВЫСОКОРОДНАЯ ДАМА

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы ее были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет, — шептала она, — этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать... Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать, — торжественно сказала она. — Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя, — сказал осторожно капитан. — Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы. — Сэмия отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что, если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — Она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его.

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, это совершенно бессмысленно. Город спокоен. Все, что случилось, — это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флоринианами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Скоро он взлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете... Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырта с прожилками молочного серебра обрисовывало необычайно теплую округлость ее плеч и рук. Капитан Рэйсти взглянул на нее, и в его взгляде было что-то большее, чем убогая учтивость и смиренная бесстрастность, с какими простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презирают те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка — блистать в обществе и, кроме того, производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских Сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия? — И просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей принимало его как нечто должное.

Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине и только на Флорине во всей Галактике целлюлоза становится кыртом. Более того, спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются дара речи.

Когда-то ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

- Почему он блестит, няня?
- Потому что это Кырт, Миаканс.
- Почему другие вещи не блестят так, няня?
- Другие — это не Кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана только три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его как должно, то он будет сиять на солнце любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверкание. Несложная обработка делала материал непроницаемым для шестисот градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нити для воздушных тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.

Кырт имел более широкое, более разнообразное применение, чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в императорных моторах, для всех прочных сооружений — везде, где металл оказывался слишком хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта уходил на ткани, из которых делались самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионы планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупно.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

- Что такое кырт, папа?
- Это хлеб и масло, Миа.
- Для меня?
- Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарка.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не мешало успехам контрабанды, а потом Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта по цене веса готовой кыртовой ткани: на любой планете Галактики, кроме Флорины, из семян кырта вырастал простой хлопок. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

Перепробовано было все. Брались образцы флоринианской почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флоринианского солнца. Инопланетную почву заражали флоринианскими бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивали.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела...

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флорина не стала казаться едва заметным шариком...

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала не без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим взлетом был необычно пуст. По-видимому, этот флоринианин убил еще кого-нибудь, и весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по всему городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флоринианского

солнца, но теперь они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Это вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могли бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе, как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоней, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймут, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одиноким скучающий дежурный был смесью равнодушия и свирепости. Теренсу было приказано удостоверить свою личность и род занятий. Вместо документов Резидент вынул из кармана пластмассовый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом забрал у него платье и оружие. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный не только оглушен, но и убит. Он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежета-ла, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, только пискнул при виде страшной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы у старика раскрылись, но звука не было

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотеке и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут туда. Они не могут не прийти. Но как ему, Резиденту, среди бела дня пробраться на космодром?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика — потенциальное оружие против тирании Сарка, — его жизнь будет ничтожной добавочной потерей. Все остальное не значило ничего...

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины только один предназначен для обычных путешественников, саркитов победнее, флоринианских служащих и немногих чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Атмосфера неизвестности стала нестерпимой для него.

— Приветствую вас, сударь, — сказал он. В голосе у него звучала робкая жалость. — Большое волнение в городе, не так ли?

Теренс не клюнул на приманку. Он низко опустил дугобразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Проходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотеку? — спросил он резко и властно.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше. — Он вдруг покраснел. — Связаны они как-нибудь с?.. Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. О Галактика, подумал он, как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую администрацию!

— Как они называли себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

- Н-нет, сударь.
- Какая платформа?
- Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

- Вошли ли в корабль Гарет и Ханса Барн?
- Нет, не входили, — флегматично ответил межпланетник.

Для него, саркита, патрульный был просто человек в мундире.

- Так они не вошли? — теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы отправляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

- Улетели они?
- Улетели? Кто, сударь?
- Барны. Те, что с Вотека. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?
- Никто не выходил, сударь.
- Отлетал ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они прошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один, — сказал он. — Лайнер «Отважный». — И, желая задобрить гневного патрульного добровольной дачей информации, добавил: — «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное, и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе контролер наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, на который действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

Что, по сути, одно и то же. Если они беглецы, то скоро станут пленниками. Только флоринианской крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого Сквайра Файфского!

СКВАЙР

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому он не любил стоять Торс у него был массивный, а голова, несо-

мненно, величая, но торс был посажен на коротенькие ножки, поэтому он ходил неуклюже переваливаясь.

Вот почему Великий Сквайр всегда сидел за столом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому, как рыба, секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему явиться раньше чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без оговорок.

Файф улыбнулся. Великие Сквайры слишком чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строго статистической последовательности и в те два периода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносные войны и торжественное провозглашение победного мира. Сарк отказался

от своих империй, прочно заглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался указывать ему.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому протягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся этим припевом в мозгу Сквайра.

Было 2.23.

Около года назад уже состоялась встреча пяти. Тогда, как и теперь, Сквайры, рассеянные по лицу всей планеты, каждый на своем материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа Сквайра Руне находилась у антиподов, на единственном материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилося холодным искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изображении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял улыбку совершенно обесиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт доводил безразличие к жизненному комфорту до того неприятного уровня, что красовался двухдневной щетиной и грязными ногтями.

Пять Великих Сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих сил на Сарке. Нижняя — Флоринианская Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначаемые наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы вписывать свои имена. И вот, наконец, эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков. Они были главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке продавалась, и политика диктовалась

деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пяти самым богатым был Файф..

Вот что сказал при прошлой встрече Сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планеты Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух. — И стал читать сладким голосом, придавая словам драматичность: — «Вы — Великий Сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы думаете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть это. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так как я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я объявлю всей Галактике и особенно всей Флорине истину о ее близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем ничто, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы можете жить если и не роскошно, то хотя бы комфортабельно». Забавное письмо, — закончил Сквайр Файф. — Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, Сквайры?

— Очевидно, это дело человека, не далеко ушедшего от психоза. — На красном лице Руны отражалось недовольство. — Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции автономии материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть письмо сумасшедшего. Это, надеюсь, вы понимаете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из Сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как сделать одну.

— Вы употребляете слишком много слов, — пробормотал Борт. — Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же самое и с вашим. Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был прервать контакт и погасить изображение в кабинете у Файфа.

— Погодите, Борт! — Голос Файфа стал резким. — Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и решали без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпим, Сквайр Борт, — посоветовал Руне мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными. — Я удивляюсь, почему Сквайр Файф обеспокоен пустяками.

— Ну что же, — произнес Балле сухим, скрипучим тоном, — может быть, Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Фи, — гневно сказал Файф, — откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет, нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие, — сказал Стин.

— Да? — возразил Файф. — Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий? — спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сарке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные? — Взгляд Файфа вызывал их одного за другим. — Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал, — произнес Руне. — Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничтожении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте, — пронзительно заговорил Стин, — там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин, — сказал Файф. — Мы должны говорить об этом снова. Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. После его исчезновения мы получаем письма, тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик послал шантажирующие письма? — прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала, — сказал Балле, — он сообщался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор?

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невозможному ультиматуму, Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это? С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется неспособным гарантировать поставку кырта, для них самым естественным будет двинуться на поддержание так называемого порядка. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырта. Особенно если Трантор решит нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но сразу они получают поддержку. Единственный логический вывод: Трантор может завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к нам из чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик? — спросил Руне. — Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики обычно люди неуравновешенные, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно какую. Трантор не может обнаружить ее, иначе Бюро

космического анализа ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, это могло дать им нечто, имеющее для неспециалистов поверхностную важность. Они могут использовать эту химеру, придать ей вид реальности. Бюро — это транторианская марионетка, и его отрицания, когда история распространится путем псевдонаучных слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно подавлять на Флорине любые слухи о возможной гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным противодействием. А пока будем ждать следующего хода...

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое странное фиаско, которое когда-либо выпадало на долю Сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал якобы поиски. Не было и следа апокалиптических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной и сложной опасности. Сегодня она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас знает, о чем я говорю. Остальные скоро узнают.

— О чем же вы говорите? — отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

БЕГЛЕЦ

Мирлин Теренс покинул космодром и вернулся наконец в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и не спе-

ша, как и положено патрульному. И крепко сжимал свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флоринианское лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через пятьдесят лет, если он сможет так долго скрываться, охота на него будет активно продолжаться. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе еще сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет...

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась за Резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий. Не было колонн сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо Сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге или войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный слишком заметен.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью о случайно виденных им картах Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, каменные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у Сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?». И Сквайры лишь посмотрят удивленно. Это все равно что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, Сквайр. Он быстро шагает взад и вперед. Докуривает сигару резкими затяжками, сует ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно. Потом она исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не шел никто. Пора действовать!

Он подошел к Сквайру и быстро извлек свой нейрохлыст. Сквайр так и не увидел этого. Хлыст слабо зажужжал. Сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое, с остекленевшими глазами, тело в ближайшую пещеру. Доволок до самого дальнего конца и раздел Сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую патрульную форму и надел белье Сквайра. Впервые в жизни он ощутил кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду Сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их — к счастью, этот Сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил пистолет на максимальную мощность и направил его на Сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по одной, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обследовал карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности (святой Сарк, они есть даже у Сквайров! Но Сквайры не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному).

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов, вероят-

ность встречи с тем, кто знал Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это Сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько карточек саркитских кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо...

А где этот порт 9? Он не имел ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздавшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло, — сказал голос, — вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой Сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями, а с его золотого браслета свисал какой-то крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю, — сказал Резидент. — Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго, — но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту пришлось вдруг в голову, что, может быть, одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне нужен порт 9. Посмотрим... — Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта. — Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скитер.

— Вы очень любезны, но... — Теренс уже уходил, чуть-чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, Сквайр вспомнит об этой встрече. Он может

сказать: «В нем было что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда Сквайр указал ему. Дошел до блестящего знака «Улица Триффис», почти тусклого на фоне оранжевого радужного здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, высоких остроконечных шляпах и вздувающихся на бедрах штанах. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь Сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сиянием струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние двенадцать часов он убил трех человек. Он возвысился от флоринианского резидента до патрульного, от патрульного до Сквайра. Он пришел из Нижнего Города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по внешним признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным, чтобы увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этот край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флоринианин может осмелиться. А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного Сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, мог только ждать, пока далекие звуки погони станут все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

Тридцать шесть часов назад в руках у него была величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

КАПИТАН

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать на то, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос! Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со своей планеты и не нашли ничего лучшего, чем спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе... — Он в свою очередь придал голосу решительность: — Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолепно. Но если они не смогут говорить из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рику, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Так ты с Флорины, девушка? — спросила Сэмия.

Валона покачала головой.

— Мы с Вотекаса.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотекаса.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотекаса? — засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флоринианам нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего! Он вправду не флоринианин. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флоринианин.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флоринианин?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест. — Рик не мог оторвать взгляда от Сэмии, но словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль. — На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по каналам, слишком тесным для него. И наконец Рик закричал, радуясь звуку, произнесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает мало-помалу. — Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана. — Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное, — сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад. — Я уверена в этом... Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик психозондирован.

— Психозондирован! — Сэмия ощутила волну легкого отвращения. — Значит, он был психопатом? — Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно, — произнес капитан, открывая перед нею дверь. — Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа! — вскричал Рик. — Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась.

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой планетой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит, — сказала Сэмия. Но на этот раз капитан Рэйсти не двинулся с места, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета? — пробормотал он. — Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и обитаемой? — недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля! — произнес Рик гордо и уверенно. — Древнейшая планета в Галактике. Это планета, откуда произошло все человечество.

— Так и есть! — тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рiku.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль, — сказал Рик, — и космический анализ.

— Значит, все это правда? — недоумевала Сэмия. — Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй ты, туземец, или инопланетник, или кто ты там еще! — сказал капитан Рэйсти. — Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово... Я был на корабле... Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты? — Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях? — спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть он продолжает! — Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блеснули. — Что такое космические течения?

— Различные элементы, — неопределенно ответил Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал, быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими: — Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше, чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность. Почему-то, — продолжал он, задыхаясь, — мое сообщение было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось... Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной волне. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио? — Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать ее.

— Кто тебя ждал? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не... не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он...

— Да? — поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он... Нет, я больше ничего не помню. Ничего не помню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

«Двое флориниан тайком, незаконно пробрались на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, нефлоринианским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи службе безопасности. Крайне секретно. Крайне срочно».

СЫЩИК

Четверо Великих Сквайров глядели на Сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Последствия, — возразил Файф, — помешают многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку? — повторил Борт. — Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю, — простонал Стин. — Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право, я хотел бы закончить с этим!

— Я согласен со Стином, — сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на Флорине. Итак... Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов. Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей, — закончил Файф, — можете добавить к этим по виду пустякам еще кое-что. Несколько часов назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, остатки трупа. У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежал ни патрульному, ни флоринянину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!». Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руне, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю, — сказал Файф. — Тот, кто убил саркита, хотел, чтобы золу приняли за остатки одежды этого саркита, снятой и сожженной до убийства, которое мы могли бы тогда принять за

самоубийство или за результат частной вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда покажет отличие кырта саркитской одежды от целлюлита мундира патрульного. Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой Резидент в одежде саркита. Наш флоринианин, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать Сквайром. И он сделал это единственно возможным способом.

— Поймали его? — хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Святой Сарк, почему?

— Его поймают, — равнодушно произнес Файф. — Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяк в сравнении с ними.

— Перейдите к делу! — немедленно потребовал Руне.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году. Между этими событиями есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во флоринианской библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, Резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы как о разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот наивный крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем на десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте также, что за несколько месяцев он научился говорить и даже выполнять работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были обследованы все

врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повысили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем, и в Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих кабинетов — сведения обо всех пациентах, не делая различий между флоринианами и саркитами. Так вот, агент сличил все карточки в одном кабинете с их копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В конце концов, этот человек был флоринианином, привезла его флоринианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак, куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что есть копия. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника, либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю врач погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту историю с другой стороны. Забудем пока об идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел безопасности считает, что сообщение выдуманно в пропагандистских целях. Теперь мне

думается, что и те и другие были неправы. Сообщение было послано, но не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя его для посадки на маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. И вот уже сумасшедший космоаналитик заговорил. Какими бы несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим Сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не договоримся, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог бы убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов, он сам ничего не знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как откуп в случае конечного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не увидел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работающим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика, чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложит о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере, из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он не подумал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в себя, а у местного Резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше, чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала Резиденту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу, — медленно произнес Балле, — вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха! — отрезал Борт.

— А кто этот Икс? — спросил Стин. — Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла. — И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем дело! — рявкнул Файф. — Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим признаки, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с разведкой. Он может приказать провести мощную кампанию шантажа, без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину и подстроить смерть врача. Он наверняка не простой смертный. Значит, он должен быть Великим Сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячечно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф? — взвизгнул Борт.

— Пока никого. — Файф остался невозмутимым. — Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто на Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы. Это можно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли? — фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово, — возразил Файф. — Лишь у меня одного для этого нет мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить всех и каждого из вас из промышленности, если бы я захотел. Мне не нужно прибегать к шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Он может лишь притворяться, будто ему это нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Барту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну вот вам все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Престиж. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое совещание, на котором я говорил о необходимости общих действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение. Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс — один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением всех нас или вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали они.

— Измена автономии материков, — возразил Файф. — Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках.

Файф хихикнул.

— Вы гадаете, кто из вас может оказаться Иксом? Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. А через сутки узнаем и все мы. И помните, господа: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свидания. — Он сделал прощальный жест.

Один за другим они исчезали, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

ЯХТСМЕН

Генро шел медленно, с полупогасшей папиросой, свисающей из угла рта.

Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

У ангара № 26 он выказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У Сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего Сквайр был не в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка закрыла пол-лица. Наконец, в поведении этого Сквайра была какая-то подозрительная осторожность, отнюдь не свойственная Сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя. — Слова были произнесены медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр колебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря, я хочу купить новый корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну, как вам угодно. — Генро повернулся уходить.

— В конце концов, я могу продать, — сказал Сквайр. — Можете войти в корабль, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порывлся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот, — сказал он наконец.

Медленно, беззвучно шлюз открылся, и Генро вошел в темноту...

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля в ожидании, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс, самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродил по кораблю, Теренс принялся за консервированные мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся там и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если я попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью? — спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да, — ответил тот с легкой улыбкой. — Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость запросить у контрольной башни свободный взлетный колодец. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом...

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец, поверхность экрана заполнилась широким оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо, — сказал Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испытать его на скорость и маневренность, — сказал осторожно Теренс. — Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что если... — Он поколебался, потом закончил: — Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка ускорилось. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро? — сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана...

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул, — позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк. — Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело? — начал было Теренс, вставая.

— Садитесь, — сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да, — отчеканил Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собою.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, Резидент, была мысль, будто вы можете бесконечно хитрить с организованной полицейской силой. Что можно чувствовать, Резидент, хладнокровно убив человека, например, Димона?

— Я не выбирал его, — прохрипел Теренс. Он задыхался. И пробормотал сквозь красный туман гнева и разочарования: — Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта...

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой, — сказал Генро. — Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовых полях?

— Ну так стреляйте! — корчась, закричал Теренс. — Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Это невероятно дурной вкус. Никто, подумал я, не станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма.

Я подумал, что вас нарочно выставили как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левой. Вы не выказали удивления при моей ошибке. Никакого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно! Рекордное время для такого перелета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико... Кстати, вы знаете, почему я рассказываю вам все это? — неожиданно мягко dokonчил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых, — сказал Генро, — мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том, чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флоринианский Отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю, — безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел безопасности. Я подразумевал Трантор...

РЕНЕГАТ

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние тридцать шесть часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке...

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Этого могли просто не заметить. Приборы, разумеется, непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, сейчас, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, получены вполне надежные сведения о том, что Сквайр Файф сообщается с прочими Великими Сквайрами. Эти межконтинентальные совещания редки, как звезды в Галактике. Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом Резидент ускользал от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случаю.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную связь с некоторыми из своих агентов...

— Чтобы узнать все это, вам нужно было иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну разумеется... Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне Резидента.

— Вы говорили, Резидент схвачен.

— Отделом безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить Резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь Сквайры тоже будут ждать Резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели права экстерриториальности. Практически это означало, что действительно независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе, как по приглашению, а вооруженный саркит — ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что за патрулями стояла карающая сила миллиона объединенных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов транторианского корабля-матки, означающего границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства. Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с послем! — Коротковолновой приемник закашлялся, и полуистерический голос закричал: — Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, и все тут! Я не могу ждать ни секунды, говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившихся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший — Сквайр Стин. Эбл держал себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от расспросов. За вином Сквайр наконец заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться, — согласился Эбл, — почему Сквайру Стину пришлось убежать от саркитских кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле? — удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании не двинув и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа, — возмущенно сказал Стин. — Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс! — вскричал Джунц, беспокойство которого все нарастало во время рассказа. — Вы Икс! Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам... Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, Сквайр.

— Послушайте, доктор Селим Джунц, я никогда не видел этого идиота, космоаналитика или как там его... Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой буквой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий патрульных дюжинами, окажется просто одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было у же

пятьсот лет, но Файфа это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию... Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, он очень умен. Он подумал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но... — тут Стин улыбнулся по-лишьему и чуть слышно хихикнул, — ему не пришлось в голову стеречь гиropорты. Вероятно, он думал, что на всей планете нет безопасного места для нас. Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью, — осторожно начал Эбл. — Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гиropлан. — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я завтра вернусь на мой материк.

— Как? — спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притворяться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальцы и смотрел на них.

— Я не могу поверить, Сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабо улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень ослепляющей ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф! — воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать какого-либо развития событий?

— Нет, нет! — вскричал Стин. — Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие Сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день, Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет нам, что флоринианский идиот — это космоаналитик, но вам он скажет, что космоаналитик — это флоринианский идиот. Вы не знаете этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках.

— Какой Резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Видите ли, дело не в том, что Резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, Сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холод в голосе старика уменьшился и его заменяет удовлетворение, почти торжество.

ПЛЕННИК

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой прибывающий корабль, какой захочу, — капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять ваши права. Дело в том, что мы получили от Сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от внешнего входа в порт.

Со стороны отца это было нечестно. Они всегда обращались с нею как с ребенком. Вот и сегодня...

Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик, Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много.

Кому-то было нужно скрыть это. — Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально. — Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно притронулся к ее сжатым кулачкам и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснять тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи! — Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла точка, черная на фоне яркого послеполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам, и точка превратилась в крошечный кораблик с ясно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться, — сказал Генро, не отрываясь от управления. — Это тоже было мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор будет пребывать в неведении относительно истинного положения вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор, — угрюмо сказал Теренс, — какая разница...

— Для вас большая. Я воспользуюсь ближайшим к восточным воротам колодцем. Вы выйдете через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам быстро, но не слишком

Предоставляю вам свободу действий, если встретится препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все...

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и физически неспособным задержать вас, то просто уволят как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас перед тем, как уйти, применить ко мне нейрохлыст.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь, — сказал Генро, — вы не собираетесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо Сквайры. Помните, если Трантор не получит вас через час, то Сквайры поймут вас еще до конца дня. И тогда... Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами...

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался кормой вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигателя запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него кружилась.

— Берите хлыст. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще пять — чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут — выйти из порта и сесть в машину...

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете Флорины. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он никогда не покидал планеты Сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом, и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства Сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она была надвинута ему на уши, маленький медальон, украшавший ее теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти как-нибудь путь на какой-либо другой корабль. Он мог бы покинуть как-нибудь Сарк. Мог бы как-нибудь бежать.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора и ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй вы! — Молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины. — Подите сюда

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что опустился, да?

Он молчал.

— Ну что же вы?

— Да. Да, — выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

Испытывают, подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я. — На мгновение он поднял пальцы к медальону.

Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, отделанную кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы осознать эти слова. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе со скоростью сотня миль в час.

Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут в машине за пределами порта один агент Трантора сказал досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия...

— Она для меня ничто. Она не должна быть ничем и для тебя. Иначе что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца Сквайра с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, но Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов, достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия...

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами, — сказала девушка.

— Я готов говорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

Такая наивность, подумал Теренс, не может быть поддельной. Сэмия действительно не знала, кто он такой. Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали при допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля?

— Я должен был доставить специальный отчет...

Он заколебался. Она быстро ухватила за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас. Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была Высокородной, занимающей самое высокое положение в стране, а он — флоринианин. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать Сквайров, а убийца Сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство Сквайра не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем...

Ее руки покоились у него на плечах, когда дверца машины открылась и в спину подул холодным ветром.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивал Теренса из машины.

— И она позволила ему, — бормотал он. — Позволила ему...

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, насколько могла, а потом быстро закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас. Она бросит в погоню за нами всю планету раньше, чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени, как она доберется до радиофона, мы будем в безопасности.

— Не нужно. — Агент наклонился к кабине. — Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли? — Он повернулся к спутнику. — Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, Резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним ни случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

ОБВИНЯЕМЫЙ

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было достать вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин у нас уже часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко рассмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думаю, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддерживает вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробывал на дипломатической службе около четырех десятилетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение...

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот, почему бы не посоветоваться насчет общего положения с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком наше внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флоринианских подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Трантора на этой планете. Человек, похищенный вами, — убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флоринианского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким Резиденту удалось ускользнуть от вас, довольно любопытен. Вам должно быть интересно...

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомнин.

— Я мог бы пригрозить силой, как советовал Стин, — сказал Эбл Джунцу. — Это было бы плохо. Риск велик, результаты неясны. Пока Резидента не доставили к нам, у меня не было выбора. Кроме политики ничегонеделания.

— Я что дальше? — угрюмо спросил Джунц. — Шантажировать Файфа этим пикантным снимком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия ви-

новна только в некоторой податливости и известной наивности Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флоринианина, никто ничего не скажет. Но она поцеловалась с флоринианином. Неважно, что она не знала, что он флоринианин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем этот снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел копию

— О чем же договорились в конце концов? — Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочил свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискнете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече? — спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобится, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий, шерстистоволосый надоеда, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и недоступным за стенами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно, — мрачно сказал Файф. — Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться первым, — ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя Сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф

рассказывал нам историю насчет таинственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, не нужно других обвинений.

— Вот как? — вскочил Стин. — Я могу бежать из горящего дома не будучи поджигателем!..

— Продолжайте, Стин, — произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я! И все же не сомневаюсь: предатель — Великий Сквайр. Но кто из Великих Сквайров знал об этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс. — Стин встал; его темя коснулось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем. — Икс — это он! Это Сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми рассказками на первом совещании, а теперь вытащил снова, когда уже подготовил военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, уберите его: он — невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел, — ответил Эбл. — Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они спустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубке, стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находились несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое...

И одним из них был Резидент!

Она вскочила и кинулась к нему.

— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел Резидент. Она видела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них, как сквозь воздух телесного цвета...

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на Резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг вмешался Рик. — Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит, все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рiku:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проекция, молодой человек?

— Да, сударь. — Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Прежде чем забыть.

— Обратите внимание, Файф, — вмешался Эбл, — ваш флоридянин с пониженным интеллектом довольно хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо дрессировали, я думаю, — отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рiku:

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню, — ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только Резидента. И Лону, конечно.

— Это, — сказал Эбл, указывая на Файфа, — величайший из Сквайров, какие когда-либо жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — ответил Рик. — Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик, — снова заговорил Эбл. — Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали. Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл заговорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, который поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть, — медленно произнес Рик. — Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого... Это очень смутно... Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспоминаете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарк и встретили одного человека...

— Не могу. Не могу вспомнить! — Рик застонал.

— Попробуйте! Попробуйте!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня сверху вниз. И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

ОБВИНИТЕЛЬ

— Покончим с этой комедией! — прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией? — почти закричал Эбл.

— А разве не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора, и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, Сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выручить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защитить интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем кончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирование, и установить гарантии против повторения таких актов в будущем.

— Вот так речь! — усмехнулся Файф. — Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ? И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет выпускать ежедневные бюллетени. Мало-помалу он будет вспоминать все новые и новые нужные подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной. Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи, — сказал Эбл. — Но я замечаю, что вы тщательно избегаете отрицать значение того, что космоаналитик сказал под конец.

— Это ничего не значит. Имя Файфа — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк на корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя Файф. Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? К тому же он может говорить неправду. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте! — закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется, — заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню, из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опоили». Мне хотелось вскочить и закричать, и убежать, но я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. А я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, подняв на него глаза.

— Повернитесь и взгляните на него! — быстро сказал Джунц.
— Вы его знаете?

Рик обернулся к Сквайру Файфу. С минуту он пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф сделал свирепую гримасу.

— Ваш человек забыл свою роль или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека и никогда не говорил с ним, — возразил Джунц. — Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут...

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытался смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на колени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

— Могу ли я быть этим человеком? — спокойно спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя «Файф»?

— Я помню это имя, — настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто-то ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому еще не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами, почему его психозондировали, — сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит, — гневно возразил Джунц. — Психозонд действует всего сильнее на наиболее логические цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями, — пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям, как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не простой туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что непохож на почтительного флоринизанина. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым и ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил беглый взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из Сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос. Сквайры — это Сквайры, а туземцы — это туземцы. Для вас я Резидент, для них всегда туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! С такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джунц. Разве вы не видите, что ни к чему не придете? Неужели Файф заинтересован в личной слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае, — сказал Джунц, — когда экономика и, может быть, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг? — спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валоны:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело? — сказал Джунц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-другому. Был ли мой Рик таким важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать — чтобы Рика не бил начальник фабрики, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив. — Она говорила напряженно и медленно.

— Продолжай, — сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть человек, следивший за Риком с самого

начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Он! — Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, Резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к Резиденту.

ПОБЕДИТЕЛИ

Все были поражены, словно разбиты параличом
Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю, — хохотал Стин. — Я все время говорил это. Я говорил, что туземец был нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы...

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а Резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал Сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применял я. Не смотри на меня так, Лона! Я не хотел повредить Рикку. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено, — возмутился Файф. — Не знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в его биографию и это преступление. Как известно, только Великий Сквайр может обладать достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

— Я не беру денег и от Трантора, — сказал Резидент. — Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов, либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере, у меня будет случай высказаться. — Он указал на Файфа. — Вот это — Великий Сквайр. Только Великий Сквайр, говорит Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Флоринианская Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже думать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых Сквайров? Ну вот, посмотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорте. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться, чтобы найти это, так как официальным начальником движения был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаз, заглядывая туда.

Когда местное отделение МКБ прислало сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «Скорой помощи», эти сведения получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было легко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были у меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка, и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты послал те письма?

— Я посылал эти письма, Великий Сквайр, — спокойно произнес Теренс. — Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф — крупнейший человек на планете, и пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к зондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд ав-

томатически следовал за ними, попутно разрушая весь разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо... Я сожалею, Рик... Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину Резидентом, и взял с собою космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли, и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором. Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обоих своих кабинетах. А подумать было бы нужно. Потом, сто часов назад — а кажется, будто сто лет, — Рик начал вспоминать. Ну вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один транторианин никогда не найдет их. Если они вам нужны, вы должны дать мне политическое убежище. Саркит или транторианин могут называть себя патриотами; почему не может флоринианин?

— Мы не отдадим вас Сарку, — сказал Джунц. — За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу, то это зачтется в вашу пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь поверить вам, доктор... По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как? — Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться, — насмешливо произнес Теренс. — А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется, — сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает? — спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте». Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь. — Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц, — сказал Эбл. — Космоаналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено? Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звезды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы знаем относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два ядра водорода соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая проходит несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем, — заметил Файф, — вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе, это никогда не было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту, либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий как более простому. Так вот, тео-

рия Рика должна была быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетные количества атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится неустойчивой. Я не знаю, сколько лет или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра звезды, но для этого, вероятно, нужно много времени. Кроме того, углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае, как только количество углерода, просочившегося в звезду, переходит известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям Резидента, космоаналитик произнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде. Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с записями появления новых звезд и изменения радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показать Резиденту. Но все это сейчас неважно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого, — сдержанно произнес Файф.

— Простите, Джунц, — сказал Эбл, — но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не та вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что кырт и предвзрывная стадия взаимосвязаны. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха, — сказал Файф.

— Разве? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок во всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удались. Теперь мы будем знать, что это может быть показателем предвзрывного состояния звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины, — гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и о том, что за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф! — проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потереяют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету? — в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы и нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю, — произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза Сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло рассмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это верно? — повторял он. — Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно, — сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я взял старые карточки, столетней давности и больше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь нам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет? — Глаза Резидента вдруг наполнились слезами. — Но я все-таки теряю. У меня не будет дома, не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать, — мягко произнес Джунц, — что в новой Галактике — в Галактике, избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению, — выигравшие все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

ЭПИЛОГ. ЧЕРЕЗ ГОД

— Рик! Рик! — Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как дела? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам, я вижу, — сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете? Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флоринианская крестьянка.

— Сколько уже эвакуировано меньше чем за год! — сказал Рик.

— Мы стараемся, как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили вы, когда вернетесь к космоанализу? — спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю... Кстати, я надеялся, что встречу с Резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону. — Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась. — Резидент построил психозонд так, чтобы устранить чувство тревоги, но не позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли, — сказала Валона.

Рик посмотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине? — спросил он.

— Миллионов двадцать, — ответил Джунц. — Переселение находится еще в самой начальной стадии. Большинство переселен-

цев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

— Конечно, никогда.

— Не понимаю.

— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю, — ответил Селим Джунц, — но, кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу, — говорит он, — даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».

1952

Альгис Будрис

ПАДАЮЩИЙ ФАКЕЛ

2513 н. э.

Траурный кортеж медленно двигался по мраморной эспланаде, тянувшейся вдоль закованного в гранит берега озера Женева. Вайерман наконец умер...

Альпы, долина Женева, озеро и зеленые леса на склонах гор вокруг. Вода голубая и холодная; мрачные и серые треугольники гор со снежными шапками на вершинах, высокогорные ветры кружат снег и треплют шелкающие знамена. Летом, не сейчас, это озеро, с трех сторон плотно окруженное самыми модными в освоенной человеком вселенной курортами, полно прогулочных лодочек. С четвертой стороны озера находится город. Столица Солнечной системы.

...С эспланады, не переходя мостовую, выйти к берегу озера было невозможно, и так как сегодня полиция строго пресекала такие попытки, любой желающий посмотреть на похоронную процессию Вайермана вынужден был стоять в растянувшейся вдоль дороги тесной толпе сразу за последними домами города, возвышающегося над головой. Отсюда можно было видеть не только шествие прощающихся, участников почетного караула и военные оркестры, не только приглушенно гудящий броневик с укрытым национальным флагом гробом, установленным на месте снятой автоматической пушки, но также и озеро, горы и апрельское небо...

Женева была белой, какой ей и следовало быть по завету Вайермана. В архитектуре преобладал модерн-неоклассик, стиль, неоднократно подвергнутый критике столпами жанра, но тем не

менее являющийся наилучшим возможным приближением из нержавеющей стали, стекла и обтесанных известняковых плит — приближением к идеалам Древней Греции, которых, в понимании общественности, надлежало придерживаться уважающим себя общественным и государственным зданиям. Приземистые строения с треугольными крышами дугой выстраивались вдоль берега озера, спускались к нему среди зелени склонов холмов — большинство находило, что вид города захватывает дух. В Солнечной системе было три обжитых людьми планеты, общая численность населения которых достигала четырех миллиардов. Город Женева был всеобщим символом. Шале Вайермана находилось прямо над городом, на срезанной вершине одной из гор. Снег на крыше шале штаб-квартиры и у его подножия сверкал на солнце тысячей искр. Стекланные стены были слегка тонированы и ослабляли солнечный свет, не допуская его внутрь полностью; тщательно продуманное распределение красителя в стеклах оставляло их нижние половины идеально прозрачными, и поэтому мужчина, сидящий в глубоком кожаном кресле около сложенного из обтесанного камня камина, мог любоваться зрелищем, открывающимся с вершины мира, вполне свободно.

...Медленно и торжественно марширующие по эспланаде военные оркестры исполняли старинные траурные марши. Время от времени, когда музыка пронимала толпу, люди в ней принимались раскачиваться, как почерневший от мороза ячмень на брошенном поле. Никаких криков или стенаний, почти неприличное отсутствие бурных эмоций. Никаких громких рыданий, поскольку горя в привычном смысле этого слова тоже не было. У газетных фотографов не имелось недостатка в подходящих типажах мужского и женского пола с носовыми платками у заплаканных глаз, но в целом толпа — в том смысле, в котором толпу понимал Вайерман, — была далека от того состояния, которое обычно называют горем. Горе есть чистая, рафинированная эмоция. Горе основано на присутствии одного изначального, базисного чувства: ощущения потери. Люди видели потерю — потерю невосполнимую. Но вместе с тем ощущение потери каждого имело множество своеобразных оттенков: любовь, но также и страх, подавленное, упадническое настроение, но также и нервное возбуждение и даже тщательно скрываемая радость. Горе неведомо улью, оставшемуся без матки. Но сам факт отсутствия матки улью понятен. Улей гудит и волнуется. Над головами толпы и над всей Женевой висело неясное, приглушенное бормотание, в которое сливались звуки, производимые людьми, сдержанно выражающими уместные переживания. Вздохи и скрежет зубов, шарканье ног, стоны и

печальное или раздраженное покашливание, смех — все это наполняло собой чашу Женевской долины, с трепетом колыхалось огромным покрывалом над голубой водою, взлетало к горам, отражалось от их склонов и низвергалось тихим эхом вниз...

Город Женева — белый и чистый, современный, лишь смутно помнящий свое прошлое, воздвигнутый по единому грандиозному плану, несколько скомканному на заключительном этапе строительства в связи с определенными практическими трудностями, что, однако, совершенно не замечалось никем из гуляющих по главным улицам его центральных районов. Женева — грациозный и счастливый город. У нее есть свои традиции — тщательно сохраняемые и восходящие к далеким временам древней швейцарской столицы, разрушенной силами Вторжения. Старого города не стало, его сровняли с землей. Есть еще те, кто помнит, что пришельцы отстроили Женеву заново, прежде чем их изгнали с Земли во время Освобождения. Как бы там ни было, на месте Второй Женевы Вайерманом была воздвигнута Третья, в которой старые традиции явились замечательной основой для новой жизни.

Она стала городом людей.

...В правительственных зданиях никого. Все клерки гражданских служб сейчас находятся в толпе зрителей. Служащие остались только в нескольких департаментах; в личных кабинетах, в каждом из них, в полном одиночестве сидит молодой мужчина.

В одном из кабинетов находился мужчина, которому предстояло занять место Вайермана, место правителя освоенных человеком планет. Взглянув на настольные часы, он обнаружил, что вскоре должен принять почетный караул у приготовленной могилы, отрытой на утесе над озером, и поднялся из своего кресла. Мужчина был молод, едва за тридцать, и во всем его облике недвусмысленно ощущались удивительные работоспособность и хладнокровие — столь необходимые качества на будущем посту. Благодаря многолетней практике и психологическим тренировкам ему удавалось скрывать эти свои основные качества на публике или хотя бы вводить присутствующих в заблуждение по поводу их подлинной природы, однако отсутствие из-за молодости лет полного самоконтроля все-таки не позволяло ему автоматически продолжать данную линию поведения наедине с собой.

Мужчина подошел к окну, чуть приоткрыл его и выглянул наружу. Кортиж уже одолел две трети эспланады и должен был достигнуть ее конца не менее чем через двадцать минут. У преемника Вайермана оставалось около пяти минут на то, чтобы спуститься к машине, которая доставит его к месту последующего действия — погребения.

Молодой человек в окне стеклянного здания перевел взгляд с темной точки гроба на броневику на сверкающую искру шале и подумал: «Только он мог уйти так. Но я профессионал. Я знаю, что делаю, и знаю, как нужно вести за собой людей. Я отлично понимаю свои обязанности и думаю, что имею полное право сделать то, что собираюсь сделать».

Он любитель и всегда им был. Чтобы добиться того же самого положения, я затратил гораздо больше сил, чем он. Он проиграл сразу же, как только попытался начать политическую игру между департаментами. Проиграл — и получил в награду вечный покой. Забыть. Но он начал с самого верха. Он ничего не знал о механизмах политики, ничего из того, о чем знаю я. Я и дюжина других людей в остальных департаментах. На его месте я наверняка превратился бы в тирана со всеми великолепными, роскошными и иллюзорными атрибутами абсолютной диктатуры. Меня определенно забили бы камнями до смерти.

Дело тут не в способностях. Он совершил ошибку — не одну, а несколько, десятков. Никто этого не понимал. Но ему неизменно давали время исправить ошибки и сделать верный ход, потому что вместо него они не хотели никого другого.

И дело, конечно же, не в популярности. Всегда есть те, кто любит тебя безоговорочно, просто за то, что ты есть. Все дело в том, что у него таких людей было больше, чем обычно. Хотя еще больше было тех, кто ненавидел его. Но эти зависели от него. Он приводил их в ярость. Даже тогда, когда с непроницаемым лицом разъезжал по улицам на заднем сиденье своего автомобиля. Они кричали до хрипоты; женщины метались в толпе взад и вперед. Он не был среди них своим. И они не любили его.

И это не был страх. Я мог верить в то, что это был страх, но только до тех пор, пока лично не оказался свидетелем тому, как ловко он удалил от дел своего собственного ставленника — начальника секретной полиции. После того как начальник полиции умер, а на его место не был назначен никто другой, пусть даже кто-нибудь перепуганный насмерть, поведение людей не изменилось ни в чем.

И умных советников у него тоже не было. Председатель Сената, создавший для него новую конституцию, к счастью, упокоился, так и не увидев, как в мире, где четверть века насаждали свои доктрины пришельцы, его сбалансированная система, основанная на проверках и равновесии, потерпела полный провал. Вайерман пересмотрел эту систему, потом пересмотрел ее еще раз и делал так до тех пор, пока модель не достигла той степени эффективности, с которой она работает сейчас.

Нет, в нем было нечто такое, чего, кажется, нет во мне. Я учился, где-то, чему-то и как-то, — у него это было в крови. Я способен воссоздать это в себе, взять под контроль и хладнокровно проанализировать, а потом зазубрить наизусть — но как бы я ни бился, оно не станет частью меня, и ни для кого это не секрет. Они пойдут за мной, потому что я лучший, кого они могут получить, но при этом будут все время знать и помнить, что я не Вайерман. Мне назначено быть пастырем земным и мне будет вручено все, что к этому полагается, но никогда мне не стать Человеком, о боже. Таким, как он, никогда».

Молодой человек, считающий себя профессионалом, снова внимательно посмотрел вниз на кортеж. Следом за броневином шествовали официальные преемники Вайермана: члены кабинета, председатель Конгресса, шеф бюро.

Молодой человек, считающий себя профессионалом, улыбнулся. У этих тоже есть свои планы, но у всех и каждого из них нет того самого главного, решающего и основного, что имелось у него. В глазах общественности эти фигуры были идентифицированы как власть предержащие, но это была только видимость. Слишком высоко они забрались, чтобы им можно было сравниться с энергичными молодыми людьми; слишком тесно загнали они себя в рамки необходимости и условностей, чтобы обладать достаточной гибкостью в борьбе за положение на самом верху. Через шесть месяцев, через год самое большое, все они уйдут, даже самые сильные и стойкие.

Их места в кабинетах власти займут энергичные молодые люди, хорошо осознающие собственные способности и шансы на успех, каждый находящийся на идеальном для себя месте и потому вне досягаемости для любой опасности; любая новая метла будет им нестрашна, так они будут незаметны, никакому плечу не под силу будет их столкнуть, так прочно и значительно будет их положение. Каждому из них его соперник будет точно известен. Это знание протянет невидимые нити из одного кабинета в другой, нити извилистые и грозные, словно пучок молний.

Преемник Вайермана припомнил заключительный фрагмент новейшей и, как считалось, наиболее точной биографии Вайермана. В минувший ноябрь он просмотрел экземпляр книги через пять минут после ее появления на свет, после этого обращался к ней не раз и многие места заучил наизусть. Например, вот это.

«Вспыльчивый порой, но всегда отстраненный, “своенравный” — даже такой анахронизм можно было бы использовать при описании его облика, — суровый и жесткий; все эти определения есть часть характера Вайермана. Его лицо знакомо нам так

же хорошо, как и лицо, которое мы видим каждое утро в зеркале. Его голос входит в наши уши и узнается сознанием без малейшего промедления или колебания. Мы обращаем к нему свои ответственные крики, когда он появляется среди нас, когда в окне президентского лимузина замечается его всегда прямая неподвижная фигура — Старая Ворчливая Черепаха, как, с легкой руки мультимпликатора Виллоутгби, окрестило его наше поколение, — всегда один, без помощников и советников. Последняя инстанция. Само Олицетворение Закона. Ум и совесть нашей эпохи.

Мы хорошо знаем его. Мы знаем, что он дал нам: честь, свободу, самоуважение, все, что мы потеряли — потеряли давно и, более того, о чем даже перестали вспоминать, — все это он вернул нам один, без чьей-либо помощи. Без страха и упрека, без колебаний, без друзей и соратников, почти без последователей, он один собственноручно повернул историю Земли, он, кому нет соперников ни в прошлом, ни в будущем, потому что нет такого героя, который смог бы повторить его подвиг.

Есть ли среди нас тот, кто может сказать: «Да, я знаю этого человека»? Даже сейчас, на закате жизни, годы не смягчили его. Те силы, которые сделали его таким, какой он есть, тот единственный агонизирующий выплеск, который извлял гранит его души, те муки и тот триумф, те поражения, которые, несомненно, были, но которые воспитали в нем невиданную стойкость, — все это потеряно, не записано ни в одной хронике, не передается из уст в уста, находится вне сил и пределов воображения человека. Память об этом есть в суровых линиях его лица и непреклонности его взгляда, но только лишь там, более нигде. Что могло создать среди нас личность такой мощи? Что сделало из человека, рожденного женщиной, того, кто поднялся над людьми?

Возможно, мы не узнаем этого никогда. Мы можем испытывать только благодарность за то, что он есть у нас.

Роберт Маркхэм, Деп. лит.,

«Вайерман Таймс», Издательство Университета Колумбия, Нью-Йорк, 2512 н. э. 4 долл.»

Преемник Вайермана отвернулся от окна кабинета. В личном президентском экземпляре книги Маркхэма на оборотной, чистой стороне титульного листа размашистым почерком Вайермана было написано: «Болван!».

Какой вывод мог сделать молодой человек, собирающийся занять место Вайермана, из всего этого? Откуда берутся люди такой закалки?

Преемник Вайермана вышел из кабинета, аккуратно закрыл за собой дверь, опустился вниз на лифте и уселся на заднее

сиденье ожидающей у парадного входа машины. В ту же самую минуту с правительственной стоянки стали отъезжать машины остальных участников траурного караула. Другие молодые люди, сидя на задних диванах своих лимузинов, так же молча рассматривали черные спины личных шоферов. Вереница тихих машин понеслась по длинной и прямой дороге по направлению к месту погребения. Молодые люди в машинах одинаково хмурились, раздумывая о чем-то.

ГЛАВА 1

1

За сорок четыре года до этого дня и в четырех световых годах от Земли на стене главного кухонного зала отеля «Роял Чиерон» зазвонил телефон. Томас Хармон, шеф-повар отеля, даже не повернул на звонок головы, потому трубку снял один из мальчиков-подручных. Хармон был занят очень важным делом — он пробовал соус, только что приготовленный одним из поваров младшего ранга. Чтобы лучше разобрать вкус, он поднял язык к небу и задействовал вкусовые сосочки на его корне. За двадцать лет он поднялся от подручного до своего теперешнего положения, а начинал карьеру отнюдь не молодым человеком. С годами, по мере того как остальные чувства Томаса Хармона притуплялись и теряли свою остроту, его вкус становился все более утонченным и безошибочным. Он был хорошим шеф-поваром — возможно, не совсем таким уж бесподобным, каким его выставляли на словах, но по-настоящему хорошим.

Его подчиненный взирал на таинство дегустации с волнением и подобострастным вниманием, в его широко распахнутых карих глазах сверкали те самые золотистые точки, которые по прошествии нескольких веков колонизации сделались основным знаком, отличающим центавриан от землян.

Хармон медленно кивнул.

— Неплохо, — проговорил он. — Но я бы добавил немного джон-травы.

Джон-трава несколько отличалась по вкусу и запаху от чабреца, но чабрец не рос на Чиероне, одной из планет Альфы Центавра 4. Ничего, сойдет и джон-трава.

— Самую малость, щепотку, Стеффи.

Стеффи облегченно кивнул, и его лицо просияло.

— Одну щепотку. Будет исполнено, господин Хармон. Благодарю вас, сэр.

Хармон промычал в ответ что-то невразумительное и направился дегустировать следующее блюдо.

— Простите, господин Хармон.

Это подал голос тот самый мальчик-подручный, который ответил на телефонный звонок. Хармон быстро обернулся.

— Что тебе?

Его голос был резок и отрывист, более резок и отрывист, чем ему самому хотелось бы. Но подручный отвлек его от главного занятия дня. Хармон вспомнил, что действительно не так давно слышал телефонный звонок, и это только усилило его раздражение. Сейчас он узнает, что за наглец решается отрывать его от дел в разгар рабочего дня.

— Извините, господин Хармон.

Паренок был явно перепуган его рычанием. Хармон улыбнулся своим мыслям. Ничего, от мальчишки не убудет. Хороший начальник не должен забывать о строгости, чему была по меньшей мере одна веская причина. Строгость в обращении давала подчиненным четкое представление о статусе начальства и, кроме того, стимулировала их к достижению такого же положения. К тому же строгость охлаждала горячие, но недалекие головы прежде, чем их владельцы успевали совершить какую-нибудь глупость в самый неподходящий момент. В такой момент, например, как сейчас.

— Так в чем же дело?

— Там... вас просят к телефону, сэр. Говорят, что дело срочное.

— Не сомневаюсь, — пробурчал Хармон. Он уже догадывался, чей голос сейчас услышит. Приложив трубку к уху, он понял, что не ошибся. Это был Хеймс, секретарь канцелярии президента Вайермана.

— Господин премьер-министр?

— Да. Это ты, Хеймс?

— Президент Вайерман просил меня довести до сведения членов кабинета, что сегодня на семь часов вечера назначено экстренное совещание. Президент понимает, что этим он ставит всех в очень трудное положение, но особенно просил меня подчеркнуть важность сегодняшней повестки дня и напомнить всем о необходимости прибыть без опозданий.

— О чем пойдет речь на этот раз, Хеймс? Будет зачитана в диктофон очередная резолюция для Центаврианского Конгресса?

— Не могу знать, сэр. Могу я доложить президенту, что вы будете у него в назначенное время?

Хармон нахмурился.

— Да... да, передайте, что я постараюсь быть вовремя. Я ведь принес клятву служить интересам Правительства в Изгнании, в конце концов.

Он положил трубку на рычаг. Стены отеля не обрушатся от того, что принадлежащий ему с потрохами драгоценный господин Хармон отлучится на несколько часов для небольшого разговора. Так что все в порядке. Сегодня вечером за обедом постояльцы «Роял Чиерон» не смогут отведать блюд экзотической земной кухни, коей отель так славится, кухни во всем ее блеске, — это, конечно, трагедия, но мало кто из не знатоков сумеет разобраться в отличиях. И только-то.

На Чиероне нет настоящих ценителей — за исключением, может быть, горстки беженцев-землян, — поэтому потеря будет невелика. Томас Хармон негодует, но до этого мало кому есть дело. Хармон повернулся и через головы поваров крикнул своему заместителю, что приготовление сегодняшнего обеда полностью переходит в его руки, повернулся на каблуках и с непроницаемым лицом направился в свой номер.

В соответствии с положением, которое Хармон занимал в иерархии отеля, его номер был весьма удобно расположен и оборудован по последнему слову комфорта и шика, чем в особенности отличалась спальня. Имелась также и небольшая гостиная, обставленная с утомляющей чопорной роскошью, что составляло продуманный контраст с изяществом спальни и делало первую не слишком удобной для пользования. В обычной ситуации Хармон предпочитал держаться от гостиной подальше, принимал существование дополнительной комнаты скорее лишь как один из знаков отличия, приличающий его рангу, чем как нечто приятное и полезное в быту. Вот уже десять лет он был вдовцом, имел привычки обычные, но твердо устоявшиеся и ни в каком дополнительном пространстве для жизни, чем то, что ему предоставляла спальня, не нуждался совершенно — нужно отметить, что спальня эта была немаленькая. Ему было хорошо известно, что этот гостиничный номер будет сохранен за ним до тех пор, пока он не вздумает вдруг уйти на покой. И никаких изменений в этом плане не случится даже после того, как его функции в качестве шеф-повара усохнут настолько, что единственным полезным вкладом в процесс приготовления пищи будет являться его личная подпись над нижним срезом листа обеденного меню.

Хармон достал из гардероба костюм, только сегодня вернувшийся из чистки и повешенный туда коридорным отелем, и положил его на кровать. После этого он принялся неторопливо оде-

ваться, с удовольствием ощущая прикосновение к телу мягкой дорогой ткани прекрасно скроенного костюма и с улыбкой размышляя о том, что на Земле прессой воспринималось как несколько эксцентричное увлечение. Как кстати его умение пришлось здесь!

Встав перед гардеробным зеркалом, он изучил в нем свое отражение. Средних пропорций мужчина с небольшим брюшком и выющимися седыми, аккуратно подстриженными волосами — его скорее можно было принять за одного из совладельцев «Роял Чиерон», чем за члена персонала отеля.

Сняв трубку телефона и набрав короткий номер, он попросил подать его машину к боковому выходу. После этого, так как необходимо было немного обождать, Хармон напомнил себе о свадебной церемонии, которая должна состояться в банкетном зале отеля на следующей неделе. В течение нескольких минут он начерно набрасывал подходящее для такого случая меню, призвав на помощь свои знания в тонком вопросе соотношения вкусовых и калорийных качеств блюд, следующих друг за другом, и сделал также пометку о необходимости проконсультироваться с главным виночерпием отеля перед принятием окончательного решения.

2

Он вел машину не торопясь, медленно следуя улицами Чиерон-Сити и постепенно приближаясь к дому, в котором проживал президент Вайерман. Время от времени он бросал взгляд на блекло-голубое небо, по которому одновременно катились желтоватое солнце и туманно-прозрачная маленькая луна. Зрелище это никогда не казалось ему скучным и обычным по причинам, изменяющимся с каждым годом жизни на этой планете. Поначалу он объяснял себе интерес к небу привлекательностью новизны и частенько ловил себя на том, что взирает вверх, буквально вытаращив глаза, вроде той деревенщины с тьмутараканской фермы, который первый раз в жизни увидел перед собой высокий каменный дом. Ощущение новизны ушло примерно тогда же, когда он был принят в отель на ночную смену, — неуклюжий сорокалетний мужчина, отнюдь не уверенный в себе, начал выполнять работу молодого парня и нередко, силясь продраться сквозь неодолимый местный акцент, искаживший здесь язык до невыносимости, чувствовал себя настоящим болваном. В те дни он бывал рад, когда замечал на горизонте полоску рассвета.

Сейчас же, неторопливо колеся по узким улочкам, он размышлял о том, как далеко от голубого неба Чиерона находятся

Земля и Солнечная система, — о том, какое поистине невообразимое расстояние разделяет эти миры.

Четыре века назад Чиерон являлся первым форпостом землян на пути освоения звезд — первым и, как-то так вышло, до сей поры единственным. За четыре сотни лет срок перелета сократился от десяти лет до четырех, приблизившись к эйнштейновому пределу скорости перемещения через три измерения, и это было максимумом того, чего Земле удалось добиться. Они только-только начали первые испытания ультрадрайва, когда грянуло Вторжение. Люди получили ультрадрайв, но Солнечную систему это не спасло. Земля прочно перешла в руки пришельцев. В фокусе внимания расы людей оказался Центавр, в то время как родная планета превратилась в подобие Римской империи, став далеким, полузабытым эпизодом на задворках быстро расширяющейся границы цивилизации.

В конце концов, с пришельцами или без, ситуация все равно была бы похожей. Молодые земные колонии, назвав себя Объединенной Центаврианской системой, быстро забыли об отчем мире и бодро двинулись вперед семимильными шагами, не только освоив планетную систему своей звезды, но и насадив собственные колонии и наладив связи с чужеродными разумными расами, находящимися далеко за пределами земной досягаемости, превратившись в колосса, по которому, через родительский труп, не отваживались нанести удар даже пришельцы.

Хармон аккуратно свернул на улицу, где в одном из неказистых многоквартирных домов проживал президент. Припарковавшись следом за роскошным лимузином, в котором он узнал машину министра финансов Стэнли, и выбравшись наружу, увидел остановившееся на противоположной стороне улицы такси — выйдя из него, министр обороны Генович расплатился с водителем и небрежным жестом руки отверг сдачу. В обшарпанный холл подъезда Хармон вошел следом за Геновичем.

— Как поживаешь, Джон? — приветствовал Хармон коллегу.

— Привет, Том. Спасибо, хорошо. Как ты?

Они пожали друг другу руки, испытывая неловкость из-за вынужденности встреч, и, дожидаясь лифта, немного поболтали.

— Как твоя жена, Джон?

— Отлично, Том, просто отлично.

— Как идет бизнес — тоже порядок?

— Все хорошо, действительно как никогда. Сегодня я начал работать по новому большому контракту. Если мне удастся благополучно довести дело до конца, то комиссионных хватит на то, чтобы полностью оплатить колледж Джонни.

— Что ж, прекрасная новость. Желаю успехов. Куда ты собираешься отдать сына? Я слышал, что наш столичный университет — вполне приличное заведение.

— Согласен, университет хороший — я специально наводил справки. Но Джонни хочет отправиться на Аребан, в тамошний университет — на их технологическом факультете, видите ли, лучшая инженерная школа. Это ведь у черта на рогах — дома он будет появляться только летом и на Рождество. Но как бы там ни было, ему решать. Я считаю, что он достаточно взрослый, чтобы выбрать себе дело по душе. Кроме того, насколько я понял, есть одна девица, которая собирается в Школу Искусств при том же университете, — наверняка это было не последним аргументом.

Генович усмехнулся.

Они вместе вошли в скрипучую кабину лифта и поднялись на нужный этаж. Узкая площадка этажа была тускло освещена единственной лампочкой. Оказываясь здесь, в тесном мрачном вытянутом пространстве, среди одинаковых, выкрашенных коричневой краской дверей, за одной из которых скрывалось жилище президента, Хармон всегда испытывал чувство неловкости; казалось, что за этими деревянными прямоугольниками-близнецами протекает какая-то таинственная, но наверняка нелицеприятная жизнь, которую лучше бы держать взаперти; раз попав на свежий воздух, эта жизнь, с ее планами и мечтами, немедленно зачахнет и умрет. Генович нажал на кнопку звонка.

Открыв дверь, секретарь Хеймс распластался по стене, чтобы дать им возможность войти в узкий вытянутый коридорчик, ведущий мимо кухни вглубь квартиры.

— Господин премьер-министр, господин министр обороны, — приветствовал их секретарь. — Все члены кабинета в сборе и находятся в гостиной. Президент Вайерман присоединится к собранию с минуты на минуту.

— Спасибо, Хеймс, — отозвался Генович и отступил, пропуская Хармона, двинувшегося вперед и, как обычно, отметившего для себя ту переменную, которая под влиянием атмосферы этого места всегда происходила с ними: тот внезапный груз осознания собственной значимости и достоинства, который формализовал их манеры и изменял звучание голосов. Он прошествовал в гостиную с потертыми коврами и старой мебелью, где неудержимо рвались на волю пружины из кушетки и кресел, бархат с подюкотников которых был давно вытерт.

Являясь сюда, заметил себе Хармон со свойственным ему остроумием, мы попадаем под действие сил притяжения иного мира.

Неплохая шутка, подумал он, раскланиваясь с многочисленными присутствующими, в свою очередь покидающих насиженные места, чтобы пожать руки и обменяться словами приветствия с вновь пришедшими. Помнится, молодой Такавара был по этой части большой мастер. Иногда он ухитрялся изобретать словесные шедевры, срабатывающие сразу на двух языках, от чего они становились еще острее. Он был лучшим из моих секретарей. Интересно, что случилось с ним в тот день, когда царила полная неразбериха, когда нам после нелегкого старта лишь с огромным трудом удалось пробиться сквозь заслоны кораблей пришельцев.

Тогда мы все были моложе, значительно моложе. Президенту и его кабинету удалось избежать пленения, и это казалось нам огромным достижением, почти залогом победы. Конечно, мы могли дожидаться остальных и забрать и их тоже, но рисковать было нельзя, и поэтому улетели только те, кто в тот день представлялся наиболее важным. Но мы ошиблись. Мы все бросили своих Такавару, а без них оказались как без рук.

Стэнли приберег для него место рядом с собой на кушетке. Хармон с благодарностью занял его.

— Как поживаете, господин министр финансов? Как здоровье?

Стэнли, его ровесник, был одет в костюм, очень похожий на его собственный, может быть, чуточку более консервативный, но не уступающий по качеству. Они пользовались услугами одного и того же портного, и Хармон держал свои деньги в банке, где директорствовал Стэнли.

— Неплохо, неплохо, господин премьер.

В обыденной жизни Стэнли звал его Томом.

— А как ваше здоровье, разрешите осведомиться?

— Благодарю, не жалуюсь.

Хармон оглянулся по сторонам, отметив по ходу, что с каждым разом вопросы о здоровье становятся все менее и менее формальными. Вот парадоксальный Йеллин, министр здравоохранения и благосостояния, сидит в своем повседневном изношенном костюме и дешевых черных ботинках, ссутулившись над тростью, устроив на набалдашнике одну поверх другой желтые руки и уставившись слезящимися глазами склеротика в никуда. Бок о бок с ним Дюплезис, который мог вполне сойти за родного брата Йеллина, — Дюплезис чуть моложе и чуть подвижнее, но и то и другое совсем немного. Хармон живо представил себе их меблированные комнаты, где эта пара обитает, подобно отшельникам в своих сумрачных маленьких пещерах, коротая время в спорах о том, достаточно ли хороша сегодня погода для того,

чтобы, болезненно шаркая по каждой ступени, спуститься по лестнице вниз, посидеть в парке, и так день за днем все эти годы — вот кто, наверное, проклиная тот день, когда согласился лететь на Чиерон, — эти люди считались старыми еще тогда, когда о пришельцах и слухом не слыхивали, они затерялись в незнакомом мире, который, как вышло, и знать их не хотел.

В коридоре, ведущем в спальню, появился Хеймс.

— Господа, президент объединенного правительства Земли и Солнечной системы.

Они все встали, кто быстрее, кто медленнее, — целая комната пожилых людей.

Ральф Вайерман, появившийся через несколько секунд, выглядел не моложе их всех.

3

Президент был худ и сутулил плечи. Хармон машинально отметил бедственное положение президентского костюма — ощутимо выцветшую ткань, чему виной, несомненно, была влага тела, в течение многих лет раз за разом пропитывающая ткань и высыхающая на ней, бесформенные и обвислые пиджак и брюки, вытянувшиеся и истончившиеся от бесконечных движений до такой степени, что никакая чистка и глажка уже не могли придать им должный вид.

Было видно, что президент устал. Его темные волосы поредели, стали тонкими и седыми. Глубокие морщины спускались вниз по щекам и собирались в складки под выступающими челюстными костями. Острый нос выдавался вперед клювом, а в углах рта и на щеках залегли глубокие впадины. Губы президента имели слабо-голубоватый оттенок. Гибкая энергия и сила, отличавшие его во времена зрелости, исчезли без следа, уступив место напряженной непоколебимости, упрямству и болезненной целеустремленности. Во время последнего собрания Хармон с удовольствием отметил глубинный жизненный огонь, отблески которого замечались в глазах Вайермана. Но сегодня вечером угасли даже эти тусклые искры, подобно тому, как угасает последний сторожевой костер окруженной армии.

— Господа.

Дыхание, прорвавшееся наружу через иссохшее горло президента, превратилось в голос.

— Добрый вечер, господин президент, — проговорил Хармон, испытывая только одно желание: больше не приходить сюда никогда.

— Добрый вечер, Том.

Остальные члены кабинета нестройным хором тоже пожела-ли президенту доброго вечера и, как только приветствия закончи-лись, снова расселись по своим местам — один только Хеймс оста-лся стоять позади президентского кресла.

Ну, что нас ждет сегодня? — пронеслось в голове у Хармона. Сразу после их появления на Чиероне заседания кабинета стали для них олицетворением жизни. В те дни у них был смысл: с пра-вительством Чиерона постоянно велись переговоры, устраивались встречи с официальными лицами Объединенной Центавриан-ской системы, необходимо было организовать финансирование из фондов Солнечной системы тех вложений, что были переведе-ны в здешние банки до краха, — да, то были бурные времена. Вме-сте с тем это было время медленного умирания, когда все дейст-вия их организации ужимались и чахли прямо на глазах; уже через полгода многостраничные петиции к Центаврианскому Конгрес-су «усохли» до скупых резолюций, которые не печатались, а про-сто наговаривались в диктофон, — год за годом стагнация нашла-лась над беженцами.

В те первые дни после прилета у них еще была надежда. Хо-дили даже разговоры о том, что Центавр может объявить войну пришельцам и освободить Землю. Но силы центавриан и при-шельцев были почти равны — равны настолько, что никто не ос-мелился бы предсказать исход войны между ними. Солнце было от Центавра слишком далеко. Связующие нити медленно, но вер-но становились все тоньше. Язык их общения на планете, находя-щейся в четырех световых годах от родины, подвергся неизбеж-ным изменениям. Их жизненные интересы, идущие от глобальных проблем борьбы за межзвездные сферы влияния, по-степенно измельчали до личных. Их воспоминания о планете, се-мена которой были заронены в здешнюю почву четыре сотни лет назад, приобрели все словесные атрибуты легенд, слезливых по-вторений далекого и туманного былого, превратились в сказания о маленьком архаичном мире в прошлом, теперь уже чужом, с ко-торым торговые отношения не поддерживались ввиду вполне ре-ального риска вооруженных конфликтов.

Правительство в Изгнании стало на двадцать лет старше. К тем, кто перевалил за средний возраст до отлета, этот термин был уже неприменим. Генович, тогда самый молодой среди них, самоуверенный Непоседа, везде сующий свой нос, стал считаться вполне своим.

Хармон снова взглянул на президента Вайермана и подумал о том, что, возможно, сегодня вечером все наконец завершится. Не-ужели?

Но Вайерман был не из тех, кто обгоняет протокол. Всегда придерживающийся устоявшихся традиций кабинета, он не изменил им и сейчас, без слов ожидая обычных предварительных докладов, словно вовсе ничего и не случилось, словно они никогда не бежали в панике из Женевы, где армия клерков всегда была готова угодливо приподнести им сводку недельных событий и ближайших прогнозов.

Хармон перевел взгляд на Йеллина и Дюплезиса, потом на Асманди и Домбровски — от Здравоохранения к Почте, от Почты к Труду и Сельскому хозяйству. Кого он видит перед собой? — призраков, да и только.

— Эдвард? — коротко выдохнул Вайерман.

Стэнли с раздражением поднялся с кушетки. Когда министр финансов пожал плечами, его пергаментные щеки дрогнули.

— Ничего нового. Центаврианское правительство перевело на наш счет ежемесячный процент по земным активам. В ответ на мое обычное прошение об увеличении отчислений был получен стандартный ответ, что рассмотрение дела по заявкам теперешнего правительства пришельцев на прежнюю государственную собственность Земли в Верховном Суде еще не закончено. Короче говоря, ни умереть не дадут, ни жить как следует. Верховный Суд Центавра не желает давать в руки пришельцев никаких зацепок.

Вайерман с усилием кивнул.

— Карл?

Стэнли опустился на место и ему на смену поднялся Гартманн, министр иностранных дел.

— Никаких новых обстоятельств в деле о собственности Земли на Центавре не появилось. Я направил в Верховный Суд обычную петицию с требованием вернуть собственность законным владельцам.

— Что ж, здесь тоже все ясно, — подал голос Вайерман. — Правительство ОЦС не желает приводить официальную ситуацию в соответствие с тем, что имеет место де факто. Объединенная Центаврианская система испытывает к нам симпатию, но начинать на этом основании военные действия против пришельцев с их стороны было бы, конечно же, глупо. Если в один прекрасный день положение вещей изменится настолько, что Центавр и силы пришельцев вступят в фазу военного конфликта по причине непримиримого несоответствия интересов, Верховный Суд, вероятно, внезапно признает за нами право собственности на земные активы. Возможно также ожидать в этом случае и некоторых других чудесных событий.

Все снова-здорово поехало, подумал Хармон. Мы живы и худо-бедно поддерживаем видимость активности. Хотя, по правде говоря, мы давно уже умерли.

Гартманн сел на место, и Вайерман откашлялся.

Вот сейчас все и решится, подумал Хармон и почувствовал, что почти сгорает от нетерпения. Давно пора!

— Господа... — Голос президента был голосом глубокого старика, он невероятно устал. — Ситуация, в которой мы находимся, достигла кризисной точки.

Президент повернулся к Хармону, словно за помощью, но тот даже представить себе не мог, где и в каком виде эта помощь может быть им оказана. Премьер-министр мог помочь в любой ситуации, но только не в такой. Пока Вайерман жив, Землю представляет именно он, и он является символом того, что рухнуло под ударами агрессора двадцать лет назад, но не считается умершим, пока он существует. Право принимать решения и отдавать приказания окажется в руках Хармона только после того, как нынешнего президента не станет. Право Вайермана принимать решения и право Вайермана отдавать приказания. В бессилии сделать что-либо Хармон опустил глаза, но уже через секунду Вайерман вновь подобрал ослабевшие вдруг поводья.

— Всем нам известно — всем без исключения, — что если Объединенная Центаврианская система найдет способ помочь нам, не афишируя широко эту помощь, то в тот же день это будет сделано. Этот парадокс до сих пор казался неразрешимым. Но на днях решение, как мне представляется, было найдено.

Хармон вскинул голову.

— Ни для кого не секрет, — продолжал Вайерман, — что Фонд Освободительной Борьбы в течение всех лет оккупации финансировал линии сообщения с отрядами сопротивления на Земле. Я заявлял и заявляю о первостепенной важности поддержания такого рода сообщений, даже учитывая то, что оплата фрахта быстрого корабля пробивает огромную брешь в бюджете Правительства в Изгнании. Но без этих редких радиоконтактов, которые производятся с борта курьерского корабля, мы были бы отрезаны от всего, что происходит на родине. До сей поры сведения о существовании групп сопротивления не были обнадеживающими. Партизанские отряды, с которыми нам удавалось установить контакт, были малочисленны, малоэффективны и рассеяны по планете, что не давало надежды на успех. Но совсем недавно выяснилось, что на Земле имеется одна довольно крупная, хорошо организованная и действенная группа. Как вы уже поняли, речь идет об отряде бывшего лейтенанта Хамиля, которому в от-

вет на его прошение не далее как месяц назад было присвоено звание генерала.

Но все это само по себе тоже не давало особой надежды. Группа генерала Хамиля могла рассматриваться только в качестве зародыша восстания, дожидającegoся того дня, когда помощь со стороны сможет быть оказана — помощь, которую мы в своем положении не в силах были обеспечить и в которой нам отказывало правительство Центаврианской системы, не желающее подвергаться угрозе глобального военного конфликта со всей империей пришельцев.

Однако вчера, впервые со дня нашего прибытия на Чиерон, обнаружились обстоятельства, в связи с которыми мы сможем теперь сделать позитивный шаг в направлении освобождения Земли. Коротко: Аребанская военно-промышленная компания, являющаяся основным поставщиком армии Центаврианской системы, не так давно заключила очередной долгосрочный контракт на производство пехотного автомата новейшего типа. Как следствие, предыдущий контракт на производство автоматов существующего типа был аннулирован, в результате чего у Аребанской компании осталось на складах большое количество автоматов старого типа, естественно, совершенно новых и в отличном состоянии, для которых теперь нет сбыта в пределах ОЦС. Вчера ко мне для переговоров явился агент Аребанской ВПК и предложил приобрести у его компании это оружие и полагающийся запас боеприпасов к нему на том условии, что оплата будет произведена после изгнания оккупантов с Земли, когда мы как пришедшее к власти правительство окажемся в состоянии это сделать. Короче говоря, господа, у нас появилась реальная возможность снова стать свободными.

Президент замолчал. Хармон никогда еще не видел его таким измученным и безнадежно уставшим.

Йеллин по-стариковски часто и хрипло задышал. Конец его трости скрипнул на паркете. На несколько секунд всех присутствующих словно бы разбил легкий паралич. Но через мгновение они уже говорили, все разом.

— Том, мне нужно переговорить с тобой и Джоном наедине, — громко заявил президент Вайерман и закашлялся в кулак.

Хеймс нагнулся и помог президенту выбраться из кресла. Обернувшись, Хармон увидел, что растерянный Генович уже поднялся на ноги.

— Боюсь, что нам придется пройти на кухню, — с достоинством и одновременно смущенно добавил Вайерман. — Миссис Вайерман отдыхает в спальне.

Кухня подавляла их своим бетонным полом, заржавленной раковиной и облезлыми дверцами двух посудных шкафчиков. Вайерман устало присел боком на расстеленную на пыльном мраморном подоконнике газету, повернулся к Геновичу и взглянул на него со смешанным выражением боли и обиженного удивления.

— Теперь ты вполне можешь сказать мне, Джон, что я сошел с ума. Здесь это возможно.

Генович неловко прислонился бедром к раковине и закусил нижнюю губу. Потом покачал головой.

— Ничего не получится, господин президент. У нас нет ни единого шанса на миллион. С автоматами против целой империи — смешно! Пусть даже в результате неожиданности нападения возможен начальный успех, пусть даже наша атака будет приурочена к переводу пришельцами своих сил в другой, отдаленный регион — но когда эти силы вернутся обратно, от нас мокрого места не останется. Нет, даже думать нечего.

Вайерман повернулся к Хармону.

— Ты тоже так считаешь, Том?

Хармон кивнул, чувствуя, что от невыносимой тесноты крохотной кухоньки с ее старой, почти антикварной плитой, на которой худенькая и болезненная тонкоголосая госпожа Вайерман вынуждена была готовить, у него вот-вот случится обморок.

Каким-то образом президент сумел вызвать на свое измученное лицо улыбку. Улыбающийся на дыбе мученик.

— Ты прав, Том, прав. Через месяц или два на Землю прибудет их карательный флот, и восстание, возможно, будет подавлено. Но скажи мне — неужели ты поверил этой сказке об аннулированном военном контракте? Лишнее оружие, которое некуда девать, — вы только представьте себе это. Слабоумные директора компании решили выбросить целое состояние на ветер, так получается?

Хармон нахмурился. Его плечи неожиданно остро вздернулись вверх, он резко поднял руку и сильно ударил костяшками пальцев о дверь кухонного шкафчика.

— Господи, нет, конечно, нет! Извини, Ральф, я слишком отошел от дел, теряю былую хватку. Правительство Центавра наконец решилось сделать первый шаг!

Углы губ Вайермана растянулись в слабой согласной улыбке.

— То же самое подумал и я. Официально они ни при чем. Но в то же время в наши руки дается средство сдвинуть дело с мертвой точки, положить начало, и, как я думаю, если все пойдет более-менее удачно, если у нас что-то получится, мы увидим вскоре

и более тяжелое вооружение, моторизованную технику, словно кто-то вдруг приведет в действие тщательно разработанный план широкого перевооружения всего военного флота ОЦС. Это будет выглядеть так.

Генович неожиданно издал громкий и отрывистый смешок — напряжение двух десятков лет ожидания наконец нашло себе выход, решил Хармон. Вайерман уже не улыбался. Он снова погрузился в глубины усталого, безнадежного отчаяния, в котором один только нестигаемый стержень природного упрямства не давал ему сломиться и пасть на дно полной безжизненности.

Хармон не понимал этого. Не в силах отвлечься мыслями от нищеты кухни, он машинально представлял себе остальную обстановку квартиры, существование Вайермана, каким оно было здесь, — прозябание президента в изгнании, двадцать лет ждущего дня своего воскрешения, — жизнь в таких вот условиях, в постоянной нужде, в жалких попытках содержать себя и семью на те крохи, которые он мог позволить себе из скудных фондов, — при этом наблюдая за тем, как члены его собственного кабинета, мужчины одних с ним лет, добиваются положения и живут с удобствами, в то время как сам он вынужден ютиться почти в трущобах, поддерживая жизнь общего символа, загнанный в ловушку необходимости оставаться президентом объединенного правительства Земли и Солнечной системы, закрывая глаза на дешевую еду и заплатанную одежду своей семьи во имя Цели, зная, что даже премьер-министр сумел найти себе обычную работу, не запятнав при этом светлую память свободной Земли, чего он, президент, сделать не смог. Остальные из их числа на людях с готовностью признавали, что Земли больше нет, ни здесь, ни где-то еще, но кто-то должен был оставаться хранителем красивой фикции — кто-то, кто вдыхал жизнь в официальную сказку о том, что Правительство в Изгнании все еще представляет свой народ, — этим человеком и был Вайерман. Но если он сознательно шел на эту жертву, тогда почему ему так тяжело сейчас?

— Том...

— Да, Ральф?

— Том и ты, Джон. — В это было трудно поверить, но Вайерман почти умолял. — Вы ведь поддержите меня вместе с остальными членами кабинета, поддержите, да?

— Поддержим ли мы тебя? Ну конечно же, Ральф.

Хармон недоуменно нахмурился.

Вайерман вздохнул и провел рукой по лицу, словно снял с него невидимую паутину.

— Спасибо, — прошептал он.

Хармон взглянул на Геновича и поднял бровь. Генович пожал плечами и покачал головой. Он тоже ничего не понимал.

— Хорошо, господа, теперь, мне кажется, настала пора вернуться к остальным.

Вайерман собрался с силами и медленно встал с подоконника. Подняв голову, он слабо улыбнулся Хармону.

— Старику моих лет следует лежать в гамаке где-нибудь на лужайке на заднем дворе и следить за тем, как растет трава.

Президент двинулся к выходу из кухни, следом за ним шагнул Хармон — Генович предупредительно открыл перед ними дверь и отступил в сторону. В гостиной они заняли свои места.

Члены кабинета встретили их в тишине, в основном взгляды были устремлены на Вайермана, но и на Хармона и Геновича посматривали не без интереса, очевидно, гадая, что произошло между ними и президентом на кухне. Хармон придал лицу невозмутимое выражение, пытаясь представить себе, что Вайерман предпримет теперь.

— Господа... — заговорил президент. — Я думаю, у всех было время, чтобы четко представить себе последствия, вытекающие из объявленного мной только что.

Вот в этом Хармон сомневался. Только что он убедился, каким толстым слоем ржавчины покрылись его собственные мозги. Он сильно сомневался в том, что головы у остальных работают лучше, а в ряде отдельных случаев — это касалось Йеллина, Дюплези-са и некоторых других — можно было смело утверждать, что при данных, вполне очевидных мыслительных способностях о здравых суждениях здесь речи вообще идти не могло. Но все в комнате солидно кивнули, с достаточно честными глазами, но именно эта общая готовность к ответу укрепила его уверенность в том, что на самом деле присутствующие еще очень далеки от окончательных и верных выводов.

Этого не остановить, подумал Хармон. Без постоянной тренировки мозги мало-помалу притупляются, и никто не может сказать, когда наступит финал, — но уж если до этого доходит, обратной дороги не бывает. Однако деваться некуда, это все, что у нас, собравшихся здесь, есть в наличии; мы будем пытаться работать с тем, что осталось.

Он снова с тоской вспомнил Такавара — жалко, что его нет сейчас здесь. Сожалеть можно было о многом, например, о том, что все сегодняшнее не случилось с ними десять лет назад. Или, еще лучше, в самом начале — такие они были светлые головы тогда, незаурядные зрелые люди. Однако история никогда не поворачивается вспять по желанию человека.

— Теперь у нас наконец есть шанс, — продолжил Вайерман. — Мы не можем позволить себе упустить его. Вся наша энергия, все наши способности должны быть посвящены этому. Нам предстоит огромная административная работа, нужно будет составить многолетнюю программу и приступить к ее реализации. Как я понимаю, нам снова так или иначе придется вступить в тесный контакт с центаврианским правительством. Процедура встреч на высшем уровне потребует огромных затрат сил. Кроме того, как только освобождение нашей родины действительно начнется, мы все должны быть готовы к возвращению, чтобы встать во главе восстания. В данной ситуации, по моему мнению, лучшим решением будет находиться вблизи Солнечной системы на корабле, ждать в космосе.

Хармон услышал, как рядом с ним досадливо хмыкнул Стэнли. Подняв голову и обводя глазами присутствующих, он увидел, как постепенно, по мере того как слова Вайермана начинали оказывать свое действие, менялись их лица.

5

— Минуточку, господин президент! — Стэнли вскочил с места.

Президент неспешно повернул голову в сторону министра финансов. Увидев глаза Вайермана, Хармон вдруг понял, что так беспокоило их главу. Во взгляде президента слилось очень многое. И в числе прочего удивление в этом взгляде было не основным.

— Я слушаю вас, Эдвард, — проговорил Вайерман и вздохнул.

— Насколько я понимаю, вы просите нас уделить этому проекту свое время. Это так?

— Вы члены моего кабинета... Вы принесли клятву служить родине и правительству. Вот мой ответ, Эдвард.

Окончание тихой фразы президента утонуло в эмоциональном порыве министра финансов. Стэнли неловко всплеснул руками.

— Ну что ж... Да! Да, я клялся. Но в то же время нельзя забывать, что я занимаю здесь пост, очень важный пост — у меня есть определенные обязанности... Проклятие, Ральф, ведь я директор самого большого столичного банка!

— Понимаю. Хочешь ли ты этим сказать, что не сможешь оставить свою работу немедленно, или же ты понимаешь свои обязанности банкира как нечто более важное сравнительно с долгом по отношению к Земле?

Карл Гартманн уже был на ногах.

— Мне кажется, министр Стэнли хотел сказать, что он прочно укоренился здесь. Ведь... в конце концов, господин президент, прошло двадцать лет — не так просто взять и оборвать все разом. Взять, например, меня — у меня здесь адвокатская контора, собственный дом... моя жена десять лет обставляла и благоустраивала этот дом. Мой сын женат на местной девушке, у них есть дети... — Под взглядом Вайермана Гартманн смешался. Пришла его очередь запинаться и злиться на все и вся. — В конце концов... в конце концов, когда я с женой прилетел сюда, у нас не было ничего, кроме одежды на себе. Я работал, Ральф, — я работал очень много и тяжело. Мне пришлось заново учить весь свод законов. Я служил клерком, потом сдавал экзамены на лицензию юриста — это в мои-то годы. На Земле я был уважаемым человеком, известным адвокатом. Но здесь это никого не интересовало. Я снова вынужден был начинать с самых низов. И я добился своего. Я снова стал известным адвокатом, теперь здесь, на Чиероне. Если я вернусь назад — если я вдруг соглашусь на это, — мне что, сдавать экзамены в третий раз? Потому что первое, что произойдет после изгнания пришельцев, будут новые выборы. Вы можете гарантировать мне, что я окажусь в новом президентском кабинете?

Хармон, вспоминая тем временем бесконечные ряды начищенных кухонных котлов и то, как он пробивался наверх, размышляющий о своем теперешнем положении, тяжело, но справедливо заслуженном, услышал, как несколько человек дружно выразили свое согласие с Гартманном.

Господи боже мой, подумал тогда Хармон, мы даже представить себе этого не могли — ни один из нас, включая президента, — мы даже помыслить не могли о том, что такой день когда-нибудь наступит и что мы почувствуем тогда.

— Ваша реакция весьма любопытна, господин Гартманн, — негромко проговорил Вайерман, не отступая ни на дюйм и видимым усилием воли загоняя назад те признаки слабости, которые он позволил себе выказать при Хармоне и Геновиче. — Не думаю, что той же точки зрения придерживаются остальные члены кабинета министров, положение в обществе большинства из которых ничем не уступает положению вашему и господина Стэнли.

Президент жестко взглянул на Геновича, и только Хармон заметил, как крепко сжались пальцы рук Вайермана на подлокотниках кресла и как побелели их костяшки.

— Для разнообразия давайте послушаем мнение Джона.

Генович упорно смотрел в пол. Он даже не пытался поднять головы. Вайерман попробовал добраться до него взглядом, но не смог. Наконец Генович встал с места и глубоко вздохнул.

— Эд Стэнли хотел только узнать, потребует ли этот проект полной отдачи сил и времени, господин президент. Вы поставили его перед выбором — теперешняя работа «на стороне» или... Считаю, что лучше будет сразу расставить все точки над и. Прямо сейчас.

Генович говорил тихо, но решительно.

— Совсем недавно я обещал вам кое-что, господин президент. Я не забыл об этом. Я давал также обещание остальным членам кабинета, и об этом я тоже помню. Но сейчас я оказался на перепутье. Я целиком согласен с тем, что сказал Карл. Я торговый посредник, иначе говоря, крупный коммивояжер — держу в своих руках продажу запасных частей для легковых автомашин во всем Чиероне, а также Белфонте, Ньюфидефии и маленьких городках в прилегающих областях. По меньшей мере шесть месяцев в году я провожу в дороге. Я зарабатываю хорошие деньги, потому что научился торговать. Я много работал — и говоря это, я не хочу прибавить себе веса, просто так обстоят дела — в течение последних лет, почти двадцати лет, каждый день я воспринимал себя как торгового агента машиностроительного завода Чиерон-Сити. Раз или два в месяц, когда бываю в городе, я на несколько часов заглядываю сюда к вам. Теперь скажите мне, что из того, чем я занимаюсь, называется «работой на стороне», а что нет? Не хочу, чтобы вы подумали, что я не патриот или что я забыл, через что пришлось пройти тем, кто остался на Земле. Но здесь у меня семья, и я обязан ее кормить. Останься я на Земле, я, может быть, взял бы в руки автомат и сделал бы то, что считал нужным, чего бы это мне ни стоило. Но...

— Стыдно! — неожиданно выкрикнул Йеллин. — Какой стыд! Вот уж не думал, что услышу такое, — в этой комнате говорят о предательстве!

Старик дрожал от ярости, его горящий взгляд метался между Геновичем, Гартманном и Стэнли.

— Временщики, вы забыли о чести! — эхом откликнулся Дюплезис. — Пока на это можно было смотреть... как на клуб любителей игры в Правительство, вы все сносили молча. И вот теперь, когда разговор зашел о настоящем деле, вы бросаете все на тех, над кем раньше посмеивались в кулак. Вы, в вашей клоунской чужепланетной одежде, разговаривающие только на варварском наречии, вы забыли манеры порядочных людей. Что ж, отлично — возвращайтесь в свои банки, в свои стряпчие конторы, за баранку машины коммивояжера. Обратно к своим закопченным кухонным котлам! Вы нам не нужны! Те из нас, кто помнит о том, что такое родина, и все эти годы ждал начала освободительной

войны, сделают все сами без вас — мы, старики, сделаем это вместо вас! Все, что требуется!

За ним подали голос другие: Асманди, медленноречивый Домбровски, Джонс — со всех сторон неслись разгневанные возгласы. Хармон оглянулся на Геновича, сидящего посреди шума и галла, понутив голову, дав возможность Стэнли, Гартманну и их сторонникам спорить и пререкаться с Йеллином и ему подобными. Лицо Геновича сделалось пепельно-серым, и Хармону внезапно стало его очень жалко.

— Господа! — Вайерман все еще держался непоколебимо. Его крепко сжатые губы были почти не видны, но слова, с которыми он обратился к Хармону, звучали твердо и отчетливо: — Мы еще не слышали мнения нашего премьер-министра.

Хармон ощутил на себе давление множества взглядов, впившихся в него из всех углов комнаты. Но среди всех этих глаз он различал только глаза президента. Секунду они смотрели друг на друга, оба замерев на своих местах, — Хармону припомнились первые дни на Чиероне, Нола тогда все время болела, а он должен был работать, уходил на всю ночь, оставляя ее совсем одну. Потом, когда она умерла, он все равно продолжал трудиться, потому что не в его натуре было сидеть сиднем или голодать. Теперь у него есть все — положение на службе, отличное жилье, репутация.

Сплотить кабинет будет трудно, очень трудно, почти невозможно. Президент предлагает им смертельно рискованный план; если план провалится, это будет означать конец им всем, в лучшем случае как работоспособной команде, конец надежде на освобождение Земли, тем более что план практически обречен на провал, в них уже нет согласия, их раздирают горечь и стыд, все готово рухнуть, едва начавшись. Что требовать от смертного? — он слаб.

— Я намерен остаться с президентом и продолжать работать с ним, — сказал он после едва заметной паузы, понимая, что, вероятно, совершает ужасную ошибку. — Я связан клятвой.

Соблазн послать все к черту и перебежать на другую сторону был очень велик. Гартманн прав — даже если они победят, ничто на Земле не сравнится с тем, что они имеют здесь.

Вайерман кивнул ему и откинулся на спинку своего кресла, словно напряжение лишило его последних сил, но тут же поднял голову снова.

— Очень хорошо, господа, все слышали, что сказал Том. Теперь я хочу, чтобы вы проголосовали. Кто за то, чтобы согласиться с предложением принять оружие и передать его генералу Хамилу?

Президент обвел присутствующих требовательным взглядом, Хармон сделал то же самое — и вздрогнул.

Потом глубоко и тихо вздохнул и попытался разобраться, во что он только что сам себя втянул. Подавляющее большинство кабинета было против. Голоса разделились точно по демаркационной линии, по одну сторону которой находились те, кто сумел сделать карьеру на Чиероне, а по другую те, кто по тем или иным причинам не сумел. Он остался один, потому что на Йеллина и других затворников нельзя было рассчитывать. Как он сюда попал? Он не должен здесь быть, это не его место. Теперь ему придется вести борьбу с теми людьми, которых он понимает, которых считал своими добрыми знакомыми и даже друзьями, находясь в рядах тех, с кем не имел ничего общего вот уже двадцать лет. Мысль о том, что они обречены на бесславный провал с самого начала, все более и более овладевала им; дел было бы невпроворот, даже останься они все вместе, — теперь же он был уверен, что шансов на победу не стало никаких, впереди их не могло ждать ничего, кроме мучительного поражения.

Но он все равно пойдет с ними — он обещал это Вайерману только что и связал себя давней клятвой. Любая логика, к которой он прибегал, требовала от него бросить эту безнадежную затею, а он привык прислушиваться к своей логике. Но он переступит через себя, останется с президентом и сделает все, что в его силах, а там будь что будет.

— Спасибо, Том, — отозвался Вайерман. — Я попрошу тебя сформировать из членов группы господина Йеллина новый кабинет. От всех остальных, господа, проголосовавших против, я жду отставки. У меня нет другого выхода.

Лицо Вайермана посерело. Хармон внезапно понял, что взвалил на свои плечи непосильную ношу.

В собрании наступила глубокая тишина. В этой тишине удивленный голос Хармона прозвучал очень громко:

— Ральф! Ты не можешь поступить так!

— Я вынужден, Том. Мне нужны люди, на которых я могу положиться.

— Но ты не можешь формировать кабинет всего с шестью членами. И ты не можешь увеличить число членов засчет кого-то другого со стороны — практически все, из кого ты можешь выбирать, сейчас находятся здесь, остальных беженцев с Землей вообще ничто не связывает, никаких клятв правительству они не давали. Мы должны работать над этим все вместе, просто нужно найти какой-то компромисс. Вшестером нам не справиться ни за

что, ты только посмотри на нас, мы так устали. Нет, это невозможно. Это... да это настоящее самоубийство! По крайней мере, определенно провал, это точно.

— Мы обязаны сделать это, — ответил ему президент. — Это дело гораздо важнее собственного здоровья и благополучия. Мы должны попытаться ради Земли, ради свободы нашего народа. Но с нами должны быть только те, кто думает так же, как я, кто решился идти до конца. Мы должны победить!

Не в силах поверить происходящему, Хармон потряс головой.

— Двадцать лет у нас не было надежды, но мы были вместе, — пробормотал он. — И нужно было появиться шансу на победу, чтобы разбить наш круг.

— Том, ты не хочешь остаться со мной? Ты передумал? Я требую ответа!

— Ральф... я просто взываю к твоему разуму!

— Ничем иным я не руководствуюсь. Все мои решения приняты на основе разума и чистой логики.

Шея Вайермана уже не могла держать его голову ровно, он поднял руку и прижал к затылку ладонь.

— Видимо, твои рассуждения и логика отличаются от моих, Том, вот и все. Ну что ж, хорошо — господин Йеллин, я попрошу вас начать формирование кабинета.

6

Они тихо встали и гуськом потянулись по узкому коридору к выходу — Гартманн, Стэнли, Генович и остальные; Хармон шел последним. Переставляя одеревеневшие ноги, он старался не слушать, о чем говорит президент оставшимся в гостинной. Неожиданно все это перестало его касаться. Он двигался, замкнувшись в собственной скорлупе, смутно сознавая, что фигуры впереди него молчат, не разговаривают друг с другом, а просто торопятся поскорее и как можно тише покинуть эту квартиру. Когда Хармон оказался у двери кухни, его тронул за рукав Хеймс — он не сразу отреагировал в ответ. Потом повернулся и проговорил:

— Да?

Он не расслышал, что ему сказал Хеймс. Секретарь президентской канцелярии повторил:

— Прошу прощения, сэр. Ваш последний чек — вы позволите мне передать его в Фонд, как обычно?

Хармон поспешно кивнул.

— Да, да. И вот еще, возьмите...

Он вытащил из внутреннего кармана бумажник, достал из не-

го почти все свои наличные деньги и протянул купюры Хеймсу, добавляя их к ежемесячному взносу.

— Прошу вас, возьмите это.

— Благодарю вас, сэр. Сэр, вы знаете, он должен был поступить так, хотел он того или нет.

— Я знаю. До свидания, Хеймс.

— До свидания, сэр.

— Заходите как-нибудь пообедать. Заведение угощает.

— Спасибо, сэр. Боюсь, что теперь я не смогу этого сделать.

— Да, конечно, я понимаю.

Он повернулся и вышел на площадку этажа, где перед лифтом собралась небольшая толпа. Хеймс закрыл за ним выкрашенную тусклой коричневой краской дверь.

Оказалось, что в лифте не хватает для него места.

— Спускайтесь, я подожду, — пробормотал Хармон. — Я поеду потом, один.

Он принялся ждать лифта, размышляя о том, выйдет ли у Вайермана хоть что-нибудь. О том, увидится ли он когда-нибудь с Гартманном или Геновичем снова, он даже не думал. Возможно, они встретятся как-нибудь и где-нибудь. Но, скорее всего, они просто растворятся в центаврианском обществе и исчезнут из вида, чтобы никогда уже не объявляться иначе, кроме как истинными гражданами Центавра, ничем не отличающимися от других центавриан.

Дверь лифта открылась, он ступил в кабину и начал спускаться вниз в полном одиночестве, скованно застыв в углу и сжав руками перила, и вдруг ощутил твердую уверенность в том, что кабина никогда уже не остановится и что остаток жизни ему придется провести в бесконечном громыхающем спуске по нескончаемой вертикальной кишке шахты, где единственными событиями будут появляющиеся через равные промежутки времени в зарешеченных стеклянных окошках двери кабины ответные стеклянные зарешеченные окошки наружных дверей, закрытых теперь для него навсегда и проносящихся мимо настолько быстро, что заметить протекающую за ними жизнь будет просто невозможно. Он находится здесь уже много лет, и воспоминания о прошлом не более чем галлюцинация, созданная для облегчения его участи и сохранения рассудка. Он почувствовал себя таким же старым и больным, как Йеллин. Бессилие и беспомощность — вот с чем предстоит жить ему, не сумевшему заставить себя пересилить свою человеческую натуру.

Всего несколько часов назад он думал о себе гораздо лучше. Он никогда не ждал благородства и самопожертвования от других, он рано поумнел и смотрел вокруг трезвыми глазами. Он считал своим долгом приподняться над брэнностью плоти, с тем, чтобы остальным, подавляющему большинству сограждан, делать этого не пришлось. Вывать о подвиге к другим бесполезно, нужно совершить подвиг самому. Он рано сделал свой выбор, отчетливо понимая, что тем самым отказывается от предоставленной всем в равной мере возможности наслаждаться мирскими утехами. Вскоре после этого он открыл, что, несмотря на затраченные им усилия, все трудности жизни среднего человека исключить все равно не удастся. Но продолжал верить, что без него и таких людей, как он, без таких редкостных самородков, как Вайерман, которого он всегда считал лучшим из лучших, жизнь среднего человека будет уже осложняться трудностями отнюдь не среднего порядка, но станет просто невыносимой. Как ему думать о себе теперь?

Лифт продолжал спускаться вместе с ним вниз.

По прошествии некоторого времени он вдруг подумал, что слишком много внимания уделяет собственным переживаниям, излишне много, — тогда как он должен смотреть на происходящее в исторической перспективе, как на расцвет и падение не только Томаса Хармона и Ральфа Вайермана, но также и всего остального, что они собой олицетворяют. Он должен сказать себе, что то, что случилось с ними как с отдельными индивидуумами, неприятно, болезненно, но вполне закономерно и может вызвать сочувствие, но в то же время все это есть не более чем отражение падения идеалов свободной Земли.

Надежда умерла в тот же день, когда они оставили Землю, подумал он. Нам казалось, что мы спасаем нечто большее, чем свои собственные шкуры: мы были символом, в котором сосредоточились надежды всех страдающих, — мы стали звездой, на которую можно было смотреть в темноте ночи, с надеждой думая о том, что она принесет завтра. Но мы ошибались. Люди склонны к тому, чтобы верить в символ как в самоценную вещь, это бесспорно. Люди могут также верить в то, что пока Ральф Вайерман жив, жива и организация, называющая себя Правительством Свободной Земли, что фактически означает, что Свободная Земля продолжает существовать где-то. Но народ гораздо умнее, чем о нем думают некоторые, и может случиться, что в один прекрасный день люди распрощаются со своей мечтой. Народ может ждать, но не может ждать вечно. Каждое утро людям приходится просыпаться и встречать новый день.

Пришелец на улице гораздо реальней для них, чем президент, находящийся неизвестно где, в пяти квадриллионах миль. Пришелец всегда молод, всегда силен и ловок. Президент стареет, его обещание вернуться так и остается обещанием. Вера слабеет и уходит. Люди берут свои судьбы в собственные руки и начинают трудиться, а вера в великое забывается, и на этот раз навсегда.

Земля больше не верит в нас, и не стоит обманываться на этот счет, поскольку мы сами больше не верим в себя. И совсем неважно, что именно в свое время мы им обещали, — как мало или как много было дано этих обещаний! В глубине души мы знали это всегда. Именно потому самые способные и энергичные из нас начали отдаляться, едва лишь мы коснулись ногами поверхности чужого мира, бросив стариков и людей малозначительных, у которых не было ничего, кроме надежды, которые со временем воспитали в себе нечто, что уже нельзя назвать надеждой, но что очень похоже на отчаяние.

То же самое и на Земле — о нас забыли все, кроме калек и неудачников. Война проиграна, и времена изменились — прежних нас больше нет, и мы понимаем это. Свободы не будет больше никогда, и Земля тоже понимает это. Нет надежды для нас и нет надежды для Земли. Бодрые и энергичные пришельцы заправляют делами, вечномолодые, они без труда сменяют друг друга, в то время как нас некому заменить.

Достигнув первого этажа, кабина лифта вздрогнула и остановилась. Дверь открывалась легко, но Хармону потребовалось собрать все силы, чтобы толкнуть ее и выйти в холл.

Вайерман видел все это и понимал — раньше и глубже, чем все мы. Он должен был это понимать, иначе быть не могло. Он знал, чем это кончится, еще до того, как мы оказались на борту корабля-беглеца. Но он не свернул. Неужели он сделал это ради нас — ради Йеллина и меня, потому что с надеждой нам было легче продержаться здесь в самом начале? Может быть, он сделал это ради своей семьи? Ради Земли, ради той недолгой надежды, которую его народ пронес через первые годы оккупации? Скорее всего, я уверен в этом, он не выделял что-то одно, главное, он помнил обо всем. Какой ум, какая преданность делу! Даже здесь он не позволил себе следовать примеру Геновича, Гартманна или Стэнли, или остальных молодых — и это при том, что среди нас он был самым лучшим. Он выстоял и не сломался, и дождался сегодняшнего дня. Он не ослабел духом. И он это знает. Должен знать. Он наш президент и потому обязан идти вперед во что бы то ни стало. Народ умнее, чем многие о нем

думают, но народу президента не понять. Для Вайермана нет иного выхода, вот и все.

Но я другое дело, я волен поступать по своему усмотрению, так чего мне стыдиться? Мир полон умных людей, которые ведут себя умно и уважаемы за это всеми. Меня тоже уважают. Все уважают меня.

Хармон закрыл за собой дверь лифта и двинулся через холл, раздумывая о том, что действительно уважаем практически всеми. Через несколько шагов он заметил одинокую фигуру, сидящую на стуле у стены.

Это был высокий и плечистый, очевидно, сильный, однако почему-то не олицетворяющий собой ни твердости духа, ни решительной силы молодой человек, которому сейчас, как не сразу сообразил Хармон, должно быть что-то около двадцати пяти лет. В это было трудно поверить — настолько трудно, что уверенность пришла к Хармону только после тщательного непродолжительного копания в памяти и расчетов: двадцать лет здесь, на Чиероне, плюс четыре года полета с Земли да годовалый на вид мальчик у матери на руках во время их торопливой посадки на корабль. Следовательно, сейчас ему должно быть около двадцати пяти — двадцати шести лет, этому мальчику-мужчине.

Он сидел в этом мрачном, убогом, грязном и угнетающем дух холле, наклонив плечи и верхнюю половину туловища вперед, опершись локтями о бедра, опустив безвольные кисти на колени. Не отрываясь, он смотрел в заплеванный пол прямо перед собой, и его лицо как-то странно кривилось, незаметно, но постоянно; подрагивали углы рта, глаза то широко раскрывались, то сощуривались, на скулах играли желваки — вся эта нервная мимика напоминала поток невразумительных и случайных звуков, несущихся из динамика настраиваемого приемника. О чем бы он ни думал, эти мысли тотчас же находили отображение на его в общем-то равнодушном лице, и было ясно, что раздумья его носят торопливый и совершенно хаотичный характер, от чего больше всего страдают мускулы, силящиеся справиться с фантастически разнообразным эмоциональным потоком импульсов, посылаемых к ним мозгом.

А ведь с мальчиком что-то не так, подумал Хармон, несколько испуганный зрелищем столь явного отсутствия контроля, недостатка мыслительной дисциплины в сознании молодого человека. Где-то, в чем-то этот мозг не нашел согласия с миром.

— Здравствуй, Майкл, — негромко проговорил он, и сын президента Вайермана поднял на него глаза.

У него были тускло-каштановые волосы матери, ее же глаза и по-птичьи заостренные черты лица. Единственное, что он унаследовал от отца, это форма ушей — всем известные кувшинные ручки, которые были фирменным знаком Вайермана, перейдя к сыну, вызывали улыбку.

— Добрый вечер, господин Хармон.

Голос у мальчика — Хармон просто не мог заставить себя думать о нем как о мужчине, ни по возрасту, ни иначе, — был бесцветным и неуверенным. На Хармона он смотрел с застенчивой дружелюбностью.

— Заседание уже закончилось? Господа Стэнли и Генович только что вышли из лифта.

— Они говорили с тобой?

Мальчик неловко покачал головой.

— Нет, не говорили.

Скорее всего, они сделали вид, что не заметили его. Это было проще всего. Разговор мог смутить и ту, и другую сторону. Да он и сам чуть было не сделал то же самое, чуть было не проскользнул мимо бочком с виноватым видом. Возможно, сегодняшний их разговор — последний, неожиданно сообразил Хармон.

— Да, Майкл, все кончилось. Но господин Йеллин и другие еще наверху.

— Правда? Тогда я лучше еще немного подожду.

Из тактических соображений во время собраний кабинета Майкла всегда удаляли из дома. Никто никогда не думал об этом, так привычно это стало, выходило как-то само собой с самого начала и неизменно продолжалось в течение всех этих лет. В конце концов, какая польза от крутящегося под ногами мальчишки на заседании правительства? С годами мальчик повзрослел, но привычка уходить из дома перед каждым собранием кабинета осталась.

Хармон, который лишь считанные разы навещал Вайермана неофициально, особенно после того, как их положение в обычной жизни начало разниться так значительно, не имел возможности познакомиться с Майклом поближе. В первые годы деятельности Правительства в Изгнании у президента и кабинета работы было столько, что маленькая фигурка мальчика замечалась лишь случайно и мимоходом, как неясная точка где-то далеко на заднем плане. Какими были отношения Майкла с родителями сейчас, Хармон не знал. Но можно было догадаться, что президент смотрел на сына как на одно из разочарований в жизни; стоило лишь слегка вдуматься в это, и подозрение переходило в разряд уверенности —

наверняка детство мальчика прошло в основном в обществе матери. Было ли первое результатом второго или наоборот, Хармон мог только гадать. Он смутно помнил происходившее на борту корабля, где Майкл, тогда очень смысленный и живой ребенок, постепенно превращался из младенца в маленького мальчика, своим шумом и играми постоянно мешающего важным занятиям отца. Со временем живость из Майкла ушла, и он изменился. Очень сильно изменился.

Сейчас он разговаривал с четким центаврианским акцентом, и догадаться о том, в каком мире он появился на свет, было невозможно. Одежда Майкла, само собой, более чем недорогая, хоть и не являлась отражением последнего писка местной моды, тем не менее носилась им в манере, принятой среди центавриан и совершенно отличающейся от земной.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Хармона Майкл.

Новости? Даже этот юнец, подумал Хармон, и тот понимает, что шестеренки их ходиков давно заржавели. В одном слове он ухитрился выразить кризис политики правительства, которому вот уже двадцать лет было нечем править.

Хармон помолчал, раздумывая над ответом.

— Что сказать, может статься, что очень скоро ты вернешься на Землю, сынок.

— Вы имеете в виду, что центавриане наконец решили что-то сделать для нас?

— Скорее они решили помочь вам разобраться в своих делах самим.

Майкл удивленно вскинул на Хармона глаза.

— Вам? Разве вы больше не с нами?

— Я... боюсь, что нет, Майкл.

— Неужели вы не хотите вернуться, господин Хармон?

— Я... — Хармон покачал головой.

— Неужели вы не тоскуете по родине? Разве вы не хотите снова увидеть Землю?

Нотки недоумения и удивления в голосе Майкла превратились в откровенное неверие.

— По правде говоря, Майкл...

— Неужели вам нравится жить здесь? Вам что, нравятся эти люди и то, как они живут?

Внезапно разволновавшись, молодой человек больше не слушал его. Впервые Хармон видел его таким — подлинным энтузиастом, с жаром отстаивающим свои идеи. Невероятно, почти с первой же фразы он, Хармон, затронул область высшего интереса сына Вайермана.

— То, как они живут?

— Вы понимаете, что я имею в виду. Они грубы, они неотесанны, они не умеют себя вести... земляне совсем другие.

Хармон глубоко вздохнул.

— Ты так хорошо знаешь землян, Майкл?

Парень покраснел.

— Ну... конечно, я почти не помню Землю...

В течение нескольких секунд Майкл, чуть успокоившись, искал возможные контрдоводы. Потом снова бросился в атаку с удвоенной силой.

— Моя мать много рассказывала мне о людях Земли и о том, какой там была жизнь. Она показывала мне фотографии самых известных мест на Земле — большие красивые здания, музеи и библиотеки. Она рассказывала мне о Пятой авеню, о Триумфальной арке... — Выговаривая последнее название, сын Вайермана запылся. — О Женеве и Риме... о всех знаменитых городах.

— Я понимаю... Тогда, наверное, ты заметил, что многие земные здания ничуть не выше центаврианских. К тому же музеев немало и тут.

— Я знаю. Но здесь никто не ходит в музеи, они никому не нужны.

— Да, ты прав... — Хармон почувствовал полную неспособность возразить что-либо. Что может занять место мечты, которую лелеяли всю жизнь? Какими словами, какими аргументами можно одолеть искренние и глубинные эмоции?

— Значит, ты считаешь, что земляне и центавриане непохожи друг на друга?

— Конечно, а как же иначе! — воскликнул Майкл. — Возьмите хотя бы историю. Откуда здесь взялись все эти люди? Просто они не нашли себе места на Земле. Это или неудачники, или отщепенцы. Вместо того чтобы попытаться влиться в круг цивилизованного общества, они бежали от него. И какое общество могли построить эти человеческие отбросы на Чиероне? Они трудились — само собой, они трудились, но каждый из них сам по себе, не вспоминая о своем соседе; они достигли успехов в технике — а почему бы и нет, ведь планета богата полезными ископаемыми, только копай, любой добытчик за год делал себе тут состояние — но что здесь за жизнь? Все думают только о себе, наводнили свой мир блестящими безделушками и ревущими машинами и ни о чем больше не помнят. Что за наследство они могут оставить своим потомкам? Какие у них идеалы? Что у них за образование? Да, среди них встречаются симпатичные люди. Некоторые из них довольно умны. Некоторые из них серьезно смотрят в будущее и

не зарываются носом в рутину. Некоторые из них даже говорят о том, что жизнь должна быть устроена иначе, — но все эти крупинцы тонут в общей массе; на фоне толпы эти единицы — ничто.

Лицо Майкла пылало. Он словно бы поджидал здесь Хармона, чтобы высказаться, и теперь желает спора, горячей дискуссии — а может быть, просто хочет, чтобы его переубедили?

Томас Хармон медленно покачал головой. Ну что поделаешь с таким? Он ведь уже немало прожил на этом свете — как-никак четверть века осилил. Что будет с ним через следующую четверть века, изменит ли он свои взгляды на жизнь, научит ли она его чему-нибудь? Вот, например, он, Хармон, находится теперь очень далеко от того, чему его давным-давно учили другие и до чего он когда-то доходил своим умом. Кто такой этот Майкл — ни рыба ни мясо — тонет в воде и беспомощно бьется на суше — боже мой! Нужно думать не о том, чем станет этот создающий беспорядок мальчишка, а о том, что он есть сейчас!

Кто я такой, чтобы рассчитывать здесь на успех, что я могу — разве что произнести над ним пару магических слов, которые заставят его думать иначе?

Почувствовав к Майклу симпатию, Хармон вдруг понял, как молодой Вайерман стал таким, какой он есть. Водоворот жизни захватил его, сковал по рукам и ногам и исказил его сознание, но повлиял при этом не только на него, но и на всех тех, кто был в ответе за него, кто должен и обязан был это сознание формировать.

Поражение — поражение, которое никто не хотел признавать, поражение, называемое любым другим именем, кроме истинного, потому что окружающие Майкла взрослые не могли вынести мысли о поражении, — вот что сделало из него того, кем он стал сейчас. Но тогда что же, подумал Хармон, что же сделало из меня то, чем я стал?

— Майкл...

Хармон замолчал. Что он собирается сказать этому мальчику — волшебное слово? А есть ли такое слово вообще? В мире людей нет места волшебству. У нас есть история, чем мы обычно называем лояльно выстроенную цепочку событий прошлой политической жизни. У нас есть психология, чем мы называем внутреннюю политику конкретной личности. У нас есть социология — наука о результатах применения политики в жизни. У нас есть то, что каждый человек знает о других людях, о том, что возможно сделать с людьми и что из этих возможностей в силах осуществить лично каждый. Политика — это искусство распоряжаться возможностями; этот бородатый анекдот он устал выслушивать

во время всех выборных кампаний, в которых принимал участие. Возможностями, которые так и остаются всего лишь возможностями. Так каковы же возможности Майкла Вайермана? Или Ральфа Вайермана? Или Томаса Хармона?

— Майкл...

— Да, господин Хармон?

Что я делаю? Зачем мне искать для всех нас волшебное решение, если ясно, что такого не существует в природе? Если для поиска ответа недостаточно даже наших общих сил?

— Майкл... — начал он в третий раз.

— Может, вам лучше присесть, господин Хармон? — встревоженно спросил его молодой человек.

— Нет. Нет, не нужно, со мной все в порядке, Майкл...

Внезапно Хармон сообразил, что дрожит от волнения, как осиновый лист. Он должен остановиться, должен заставить себя прекратить бессмысленные поиски решения, которое каким-то образом сможет спасти их всех. Ведь проблема неразрешима.

Внезапно встрепенувшись, он сказал:

— Майкл... Ты можешь подняться сейчас со мной наверх? Прямо сейчас?

— Наверх?

— Я... я вот тут подумал кое о чем. Мне кажется, это может помочь твоему отцу... и мне... решить одну проблему.

Томас Хармон резко повернулся и, неловко скрывая волнение, бросился обратно к лифту — он спешил начать осуществлять задуманное, пока накапливающиеся сомнения не скуют его тяжелой цепью по рукам и ногам, пока не придет желание повернуть назад. Он настроил свой разум на разрешение проблемы, и разум его дал ответ, потому что был вполне в силах сделать это. Возможно, это был не совсем тот ответ, которого он ждал, но об этом его разум пока что ничего ему не сказал.

Теперь они могут попытаться начать, вот о чем думал Хармон, и, возможно, у них что-нибудь получится. Если парень согласится быть с ними, они могут попробовать. Новый символ, подкрепленный старым именем. Президент может согласиться с этим предложением, в особенности если Хармон добавит, что желает продолжать работу. Йеллина он вытерпит. Он вытерпит все что угодно и чем угодно пожертвует — если только это поможет приблизить победу. Он не может снова дать себе пасть жертвой сомнений и мучительных неопределенностей. Ответ в этом мальчике, иначе не может быть!

Династическое наследование, в их-то время! Хармон фыркнул. Смешная мысль. Но народ — народ, который так мудр, но всегда с

готовностью позволяет провести себя, — сможет ли народ признать в новом Вайермане молодое и энергичное продолжение старого? Но ведь по большому счету это так и есть. И какое кому дело, если несколько землян окажутся более зоркими и быстроумными, чем подавляющее большинство, — не в силах будут эти несколько жалких выдающихся единиц ослабить эффект знаменитого имени! Все, что им нужно сейчас, это время; немного времени и легкое на подъем население с высоким процентом энтузиастов, а после этого все силы ОЦС будут в их распоряжении, десантники и боевые корабли, и старый Вайерман успеет прибыть на место прежде, чем пузырь лопнет. Конечно же, парень согласится помочь им, сомнений нет, он будет стараться изо всех сил.

Ни рыба ни мясо — не просто очередное пушечное мясо, но новая пара молодых плеч в поддержку Вайермана. Молодой, энергичный — определенно, в нем есть энергия, она ждет, чтобы ей дали выход в нужном направлении, — энергия должна быть, и, что самое главное, у него, без сомнения, есть желание... Да, именно так, это наилучшее решение в рамках предоставленного им выбора.

Вот этот парень. Да. Какая, в конце концов, разница, кто он такой, каков он? Важно, за кого его будут принимать, пока это будет иметь значение.

— Живее, Майкл!

Он оглянулся. Молодой человек уже шел к нему, еще не знающий, что думать, но уже явно заинтригованный, явно жаждущий узнать, что ожидает его впереди.

ГЛАВА 2

1

Впереди их ожидала земная ночь. Корабль уже вошел в атмосферу и погасил скорость, и Майкл Вайерман, стоя в шлюзе перед люком, ожидал команды к высадке. Люк должен был распахнуться вот-вот. Он попытался представить себе, как их корабль может выглядеть на экранах радаров пришельцев, что те подумают о внезапно появившемся в земной атмосфере неопознанном судне и так же внезапно исчезнувшем. Он поднял голову и снова посмотрел в иллюминатор люка, но опять не увидел там ничего, кроме темноты, местами густых облаков да слабо светящегося оранжевым остывающего стабилизатора по правому борту, раскалившегося в момент соприкосновения с атмо-

сферой. Внизу он не мог различить ничего — ни гор, ни лесов, ни блеска лунного света на водных просторах

Он разочарованно отвернулся от иллюминатора и проверил туго затянутые наплечные лямки своего огромного рюкзака. Зрелище в иллюминаторе было не слишком приятным для человека, с минуты на минуту собирающегося броситься туда с семьюдесятью пятью лишними фунтами на спине, без чего-либо, что могло помочь ему, кроме хлипкого на вид парашюта-вертушки, сейчас сложенного и торчащего сзади над головой наподобие зонтика-трости.

Майкл установил свой наручный высотомер в соответствии с цифрами, бегущими на висящем справа на переборке табло, зажег и направил на шкалу приборчика карманный фонарик, чтобы зарядить ее самосветящийся экран, все это время старательно повторяя себе, что все будет хорошо. На Центавре, когда Томас Хармон впервые изложил им свою идею, а отец неохотно согласился, он был вне себя от радости. Во время обучения и тренировок — под руководством инструктора, который, определенно, состоял на службе в центаврианских командос, хотя тщательно отрицал это, — он проявил себя с самой лучшей стороны и приобрел уверенность в своих силах. Но сейчас, когда снаружи было так темно и непроглядно, он, всегда горящий желанием вернуться на Землю, не мог думать ни о чем, кроме ожидающих его внизу высоких деревьев и острых скал — если, конечно, там вообще хоть что-нибудь есть.

Его подтолкнули сзади, он обернулся и увидел круглую мучнистую физиономию жалобно улыбающегося ему Иссака Поттера. Вспомнив о том, что он не один, что с ним этот пухлый низкорослый человек, придавленный сейчас своей непомерной ношей, увенчанной смешным торчащим зонтиком, Майкл неожиданно почувствовал себя лучше. На Чиероне Поттер, вероятно, зараженный энтузиазмом Майкла, желал броситься в бой не меньше его. На Чиероне этот толстый технический представитель компании со смехом говорил ему так: «Я отправляюсь туда, куда отправляются наши ружья», и говорил это серьезно. Поттер и теперь не отказался бы от своих слов, но было точно видно, что и для него Земля больше не представляется чем-то вроде уютно висящей на стене красивой географической карты, а кажется скорее большим, твердым и зубастым зверем.

Внутренность корабля была заполнена всевозможными звуками. Трение о воздух заставляло гудеть и петь каждый пиллерс и каждую переборку. От вибрации, создаваемой корабельными двигателями, у Майкла ныли зубы. Каждый сустав и узел корабля скрипел и трещал на свой манер.

— Ну что, готов? — стараясь перекрыть шум, крикнул ему Исак Поттер.

Майкл улыбнулся в ответ. Он просунул пальцы под ремни шлема и провел ими от самого верха мимо упрямых оттопыренных ушей к подбородку. Потом проверил, надежно ли прикреплен к рюкзаку автомат.

Позади них начали раздаваться отрывистые сигнальные звонки. Он повернул голову и взглянул на светящуюся табличку над выходным люком. «Приготовиться» — гласила загоревшаяся на табличке надпись. Следующая, нижняя надпись, «Пуск», все еще была темной. Майкл быстро присел на корточки, крепко обхватил руками колени, прижал к груди подбородок и спрятал лицо. Времени для того, чтобы разобраться в происходящем у него больше не будет. Если он не окажется в нужном положении, когда пилот нажмет кнопку запуска, если не превратится перед этим в плотный комок, то полетит, кувыряясь, по небу, как безвольная кукла, изломанный скоростью и напором воздуха. Этот момент особо подчеркивался во время инструктажей и тренировок и специально демонстрировался на манекене. Он почувствовал, как ему в ягодицы уперлись носки ботинок Поттера, — тот тоже то-ропился приготовиться.

Как только он окажется в воздухе, быстро напомнил себе Майкл, нужно будет повернуться лицом вниз, вытянуться и расположить тело под углом сорок пять градусов к поверхности земли. Это тоже оговаривалось в инструкции. В этом случае риск сломать лопасти парашюта был наименьшим, хотя, по словам инструктора, такое случалось крайне редко. Но тем не менее нужно действовать по всем правилам. Какое положение тела стоит принять, если лопасти все-таки сломаются, ему тоже рассказали, на этот счет у десантников ОЦС было запасено немало шуток.

На табло загорелась команда «Пуск». Звонки заверещал уже совсем пронзительно. Люк мгновенно откинулся, и внезапно они с Поттером очутились снаружи.

Следующее, что он смог разобрать отчетливо, были несущийся со всех сторон вверх облачный туман и гудение вращающихся над головой лопастей парашюта. В дюжине ярдов в стороне и кверху от него спускался, медленно сокращая разделяющее их расстояние, Поттер. О том, удачно или нет прошел выброс, Майкл не имел ни малейшего представления. Оглянувшись по сторонам, он не увидел ничего, кроме клубящейся темноты. В ушах Майкла грохотало его же собственное дыхание в кислородной маске, укрепленной на подбородке. Корабль уже пропал, взял курс на безопасный космос за пределами Солнечной системы, и теперь, за-

метили их радары пришельцев или нет, думать об этом было слишком поздно и бесполезно.

Он опустил голову и взглянул на свой высотомер. Стрелка быстро описывала по шкале круги. Он начал следить за стрелкой, не в силах оторвать глаз.

Пилот десантного корабля — еще одно наемное центаврианское гражданское лицо с подозрительно военными манерами — обещал высадить их на расстоянии не более мили от места встречи со связниками партизанского отряда генерала Хамиля. По всему было видно, что пилот участвовал в подобных операциях не раз, и его заверениями все были удовлетворены вполне. Но вместе с тем раз или два, когда Майкл вспоминал о том, что с момента последнего сеанса связи с Хамилем прошло не менее месяца, по спине его пробегал холодок. Никто, ни центавриане, ни земляне, не представлял себе, как операция будет проходить на месте. Он принялся смотреть вниз, ожидая появления верхушек деревьев. Пока он не видел ничего, несмотря на то, что показания его высотомера уже опустились до отметки в сто футов. Он согнул и напряг ноги, подготовившись к удару о землю, поднял руки и закрыл ими лицо.

Удар сбил его с ног, а рюкзак придавил сверху. Ударившись о камни и исцарапавшись о сучья, он несколько секунд лежал на груди, не в силах продохнуть. Рядом с ним что-то тяжелое с хрустом продралось сквозь ветки и шлепнулось на землю. Поттер. Теперь, где бы они ни оказались, вблизи места встречи или нет, он и центаврианин, перегруженные оружием сверх всякой меры, все-таки были живы, были вместе.

Он с трудом встал на ноги, поднимая на себе рюкзак, про который никто не говорил, что его придется нести хотя бы милю, содрал с лица маску и глубоко вздохнул. Наполнивший его легкий воздух был прекрасен — густой, влажный, напоенный сосновым ароматом. Легкий ветерок ласкал лицо. Он опустился на колени, взял пригоршню лесного мха и сосновых игл и крепко сжал в кулаке.

Я дома, подумал он. Вот моя родина.

Однажды на борту мчащегося к Центавру корабля, когда он был еще совсем маленьким мальчиком, Майкл проснулся среди ночи и услышал, как отец и мать на своей половине кричат друг на друга громкими и напряженными голосами. Еще не проснувшись как следует, но уже понимая, что необходимо что-то делать, он поднялся и, усевшись в своей койке прямо и вытаращив в темноту глаза, начал прислушиваться к словам, доносящимся сквозь тонкую алюминиевую перегородку, отделяющую его закуток от

основной каюты. Впервые в жизни он слышал, как родители ругаются друг с другом; воспоминание об этом сейчас пришло к нему так четко и ясно, со всеми ощущениями, словно он, двадцатипятилетний мужчина, снова вдруг превратился в четырехлетнего мальчика с припухшим со сна и дрожащим ртом, испуганно прислушивающегося к темноте вокруг.

— Но, Ральф, что они подумают? Что они скажут?

— Люди всегда что-то говорят, Маргарет, они так устроены. Невозможно удовлетворить всех разом, пытаться добиться этого — ошибка. Правильным будет сделать то, что полагаешь лучшим для них, не считаясь с тем, что они при этом говорят.

— И сейчас самым лучшим было бегство? Бежать и оставить свой народ без правительства?

— У них есть правительство, Маргарет! Правительство пришельцев. Если это правительство им не понравится, они вправе попытаться поменять его. Сделать то, что сделал бы я. Они находятся на Земле, а я нет.

— Но ты их президент, Ральф! Я... я впервые слышу от тебя такого, Ральф. Я не понимаю тебя!

— Я думал об этом четыре года. Все это время мы находились на корабле, и ничего не произошло, мир не провалился в тартарары. Если бы никакой войны не было, если бы пришельцы не напали на нас, то через два года случились бы новые выборы. Я вряд ли был бы выбран на второй срок. Какое право я имею сейчас говорить от имени всей Земли? Господи, Маргарет, они сами должны устраивать свою судьбу!

— Но как, Ральф, как им это сделать!

— Боже мой, Маргарет, откуда я знаю! Но Вторжение — это свершившийся факт. Все, что может быть сделано нами или кем-то другим, должно начинаться с этой отправной точки. Я могу делать вид, что ничего не случилось, но сумею ли я в таком случае принять разумное решение? Если все земляне попытаются представить себе, что пришельцев нет и никогда не было, чем они кончат? Нет и еще раз нет, во время войны я сделал все, что было в моих силах, но этого оказалось недостаточно. Я не должен был даже ступать на борт этого корабля, это было ошибкой. Я должен был остаться со своим народом. Я должен был разделить с народом все, что произошло после того, как пришельцы захватили власть, и все то, что было потом, и только после этого я, может быть, вправе был бы решать за всех.

Только теперь Майкл понял, что его отец был твердо уверен в сказанном, — только сейчас, но не тогда. Сейчас, а не тогда, он мог услышать в этом голосе эхо часов, проведенных в молчали-

вых размышлениях, тщательном переборе и анализе каждого из принятых в ту нелегкую годину решений, аккуратно взвешенных и уверенно расставленных на невидимых полках — верных и необратимо-ошибочных, каждое отдельно от других.

В ту ночь юный Майкл Вайерман откинул одеяло и пулей выскочил из своей спаленки, охваченный паническим предчувствием, что в этом мире что-то случилось не так — что-то такое, что даже его отец не в силах исправить.

Майкл отлично помнил испуганные лица родителей — бледное и потрясенное у матери, напряженное и осунувшееся у отца.

Вскрикивая от страха, он с ходу бросился к матери на колени.

— Мамочка, мамочка! — заливался он слезами. — Папа пугает меня! Скажи ему, чтобы он перестал! Пожалуйста, скажи!

Зарывшись лицом в материнское платье и что есть сил прижавшись к ней, он, конечно, не мог видеть глаза отца.

Он позволил кусочкам мха и иголкам просыпаться между пальцами на землю, повернулся и пошел к Поттеру. Из его глаз медленно выкатились две слезы.

2

Они все еще были в лесу одни, никто из связных не появился. Они вырыли под корнями одной из самых больших сосен яму, спрятали туда свои парашюты, забросали землей и посыпали сверху хвоей. Теперь они стояли в темноте и ждали. Начало операции было ее самым слабым местом. Если им не удастся установить контакт с генералом Хамилем, то вся их миссия будет обречена и их жизни будут истрачены напрасно. Но выхода не было, никто не мог предложить им ничего лучшего. О том, чтобы посадить десантный корабль, даже думать было нечего. Входить в атмосферу уже было опасно.

— Если мы останемся здесь еще хотя бы на пять минут, — прошептал через плечо Поттеру Майкл, — нас схватит патруль пришельцев. Точно схватят.

— Но если мы уйдем отсюда, — также шепотом отозвался Поттер, — то люди Хамиля не смогут найти нас. Ума не приложу, что делать.

Майкл слушал, как шумят ветвями деревья. Кроме этого, ничего не было слышно.

— Подождем еще десять минут. Если до этого к нам никто не выйдет, мы перейдем на другое место, неподалеку. Если заметишь кого-нибудь, первым делом хорошенько присмотришься к нему.

— Я думаю, патруль пришельцев, скорее всего, прибудет на вертолете. Вряд ли у них есть постоянный сторожевой пост на каждой земной горе.

— Да, конечно, если только они не поджидали нас специально. За прошедший месяц генерала могли взять в плен и допросить — откуда мы знаем?

— В этом случае, — нервно выдохнул Поттер, — поймают нас или нет, уже не будет иметь значения.

Может, для тебя это действительно не имеет значения, подумал Майкл.

Но уже в следующее мгновение он увидел перед собой неслышно выступившую из-за деревьев неясную фигуру.

— Свобода, — хрипло пророкотал плечистый незнакомец.

— Оружие, — с усилием прошептал Майкл в ответ. У него перехватило от неожиданности горло.

— Порядок, — тихо пробасил здоровяк. — Меня зовут Ладислас. Давай я возьму твой мешок.

Могучие уверенные руки распустили наплечные ремни и сняли со спины Майкла рюкзак.

— Я... приятно познакомиться, — слабым голосом ответил он, испытывая неудобство от того, что его первая встреча со свободным землянином проходит так скомканно.

— Отложим пожатие рук на потом, сейчас нужно уходить, — донесся со стороны Поттера друтой решительный голос. — Разрешу-ка мне пособить тебе, коротышка.

В темноте Майкл различил смутную гибкую тень ростом едва ли выше центаврианина.

— Я Ньюфстед. Давайте двигать.

Они торопливо зашагали вперед, огибая сосновые стволы, — Ладислас шел впереди, а Ньюфстед прикрывал тыл. По толстому ковру сосновых иголок удавалось ступать почти бесшумно. Время от времени Майкл или Поттер спотыкались о древесные корни. Ладислас и Ньюфстед молчали, но их раздражение в этой ситуации ощущалось физически. Поспешая следом за широченной тенью Ладисласа, Майкл чувствовал себя неуклюжим и ненужным. Он решил надеяться на то, что это скоро пройдет.

Неожиданно они остановились. Ньюфстед бесшумно, как призрак, проскользнул мимо Майкла вперед и тронул Ладисласа за рукав куртки. Гигант склонился к уху напарника и прошептал что-то, из чего Майкл, стоящий всего в нескольких дюймах, не смог разобрать ни слова. Ньюфстед согласно кивнул и двинулся назад, по пути прикоснувшись сначала к плечу Майкла, а потом Поттера, приказывая им развернуться. Около двух минут они шли

по своим следам обратно; на этот раз никто из них, ни Майкл, ни Поттер, не споткнулся ни разу. Ньюфстед остановил их снова и объяснил шепотом, казалось, состоящим из одних только глухих, хриплых звуков:

— Тххам челофек. Онхх нехх должен там быххть. Но насс онххх нехх самеххтил.

После этого они, двигаясь в том же порядке, принялись описывать вокруг старого следа широкий полукруг, в конце концов оказавшись в коротком и неглубоком овраге, как понял Майкл, в одной из больших складок на склоне горы. В овраге их кто-то ожидал, кто-то молчаливый и неподвижный, похожий на тень среди густого подлеска, заполняющего овраг. Ладислас поднял руку и приказал им остановиться, а сам чем-то тихо проскрипел, нагнулся и приподнял от земли часть сплошной стены кустарника, открыв замаскированный проход. Ньюфстед подтолкнул Майкла и Поттера вперед, и Ладислас опустил за ними кустарник. Раздался щелчок, зажегся фонарь возле переносного радиопередатчика, Майкл мигнул на свет и прищурился, обнаружив, что находится в небольшой пещере и стоит перед лысым мужчиной с яйцевидной головой, одетым в куртку с золотой вышивкой, голубые бриджи для верховой езды и высокие начищенные сапоги.

Голова мужчины была бритой, но, вероятно, он делал это последний раз дней пять назад, потому что сейчас череп его был покрыт мелкой колючей щетиной волос. Небритым было и его лицо. Этот человек с прозрачно-ледяными голубыми глазами был красив грубой мужской красотой, имел густые пшеничные брови и такого же цвета небольшие усы. В руке он держал автоматический пистолет, положив на спусковой крючок палец и направив оружие Майклу в живот.

— Кто ты такой? — резко спросил он Майкла.

— Я Майкл Вайерман. А это Иссак Поттер.

Лысый коротко кивнул.

— Хорошо. Откуда вы прибыли?

— С Чиерона, система Центавра.

— У вас есть что-нибудь для меня?

— Оружие. Вы генерал Хамиль?

— С того момента, как вы произвели меня в этот чин, да. Лейтенант Хамиль, резервист Объединенных Вооруженных Сил Земли — вот мое звание, если тебя это интересует.

После того как процедура представлений и знакомства была окончена, Хамиль оставил свою мрачность и придал голосу немного грубоватой сердечности. Не поставив пистолет на предохранитель, он небрежно положил его на передатчик.

— Сын самого президента, так я понимаю? — спросил он. — Большая честь для меня.

Осталось непонятно, думает он так на самом деле или язвит.

— Постараемся пристроить вас с удобствами.

— Я прилетел сюда сражаться, — твердо заявил Майкл, несколько обескураженный манерой разговора Хамиля. Командир партизанского отряда должен был знать, с кем ему предстоит встреча. Подобная сцена могла быть оправдана только желанием Хамиля сразу же установить в их отношениях субординацию — это Майкл понимал и мог принять без вопросов. Хамиль был коренной житель этой планеты, имел здесь вес и уважение. Все, что Майкл желал сейчас, это получить один из принесенных им автоматов в личное распоряжение, воспользоваться им в бою, снести все без единого слова жалобы и только потом, доказав свою ответственность и полезность, получить заслуженный статус.

— Конечно, конечно. Само собой, — ответил ему Хамиль. Быстрая, как молния, улыбка исказила его рот, в углах которого появились и исчезли складки. Не слишком приятный человек, решил Майкл.

— Вы привезли мне бумаги, подтверждающие присвоение звания?

— Да, вот они.

Майкл достал из кармана комбинезона конверт, который Хамиль почти вырвал у него из рук. Торопливо и небрежно разорвав конверт, командир партизанского отряда вытащил оттуда сложенную четверо бумагу, быстро развернул и, обернувшись к свету, впился в нее глазами. Держа листок на отлете перед собой, Хамиль застыл неподвижно, расставив на уровне плеч ноги и развернув в разные стороны носки. На мгновение показалось, что он превратился в статую, и тень его, отбрасываемая в тусклом сиянии фонаря, стала огромной. Вот доминирующая по своей природе личность, подумал Майкл, человек, привыкший руководить. Некоторое время Хамиль производил потрясающее, вселяющее почти священный ужас впечатление. Казалось, что пространство крошечной пещеры просто не может вместить этого гиганта, что почва и камни вот-вот начнут разлетаться в стороны, когда он примется расти вширь и ввысь, поднимаясь башней над горами и овладевая всем миром. Но потом Хамиль рассмеялся, показав гнилые зубы.

— Полный генерал, — сквозь смех выдавил он. — Генерал, господи боже мой!

Длинные пальцы Хамиля начали скользить по выведенным красивым, каллиграфически увитым почерком строкам.

— Генерал, командующий Объединенной Освободительной Армией Земли! Во как!

Хамиль снова рассмеялся, на этот раз в смехе слышалось удовлетворение. Живое эхо его смеха заметалось под сводами пещеры.

— И это через тридцать лет после присвоения предыдущего звания! — выкрикнул он. — Вот уж действительно — медленно, но верно. Подписано и скреплено печатью президента Правительства в Изгнании и доставлено его собственным сыном. Ладислас, Ньюфстед! Хотите посмотреть?

Резко выбросив руку вперед, Хамиль протянул бумагу своим подчиненным.

Ньюфстед глянул на бумагу без всякого выражения.

— Да, настоящий генерал, — согласился он.

Ладислас хмыкнул.

Хамиль тщательно свернул ценную бумагу и спрятал ее во внутренний карман куртки.

— Так что за ружья вы нам привезли?

— Вот у меня еще письмо для вас, — подал голос Майкл. Он выудил из кармана второй конверт, более толстый, чем первый. — Здесь представлены направления основной политики, планы ближайших действий и приказы для вас.

Хамиль поморщился, но новый конверт взял и, не просматривая, сунул в боковой карман.

— Ладно, — буркнул он. — Почитаю потом.

Поттер уже снял с одного из рюкзаков, по сути больших прямоугольных коробок, брезент. Внутри коробок в разобранном виде находились автоматы. Раскрыв брезент одним ловким движением, словно фокусник, сдерживающий волшебное покрывало со столика, где откуда ни возьмись появился кролик, он картинно отбросил его назад. Части автоматических ружей, аккуратно и плотно упакованные, блеснули в тусклом свете сероголубым. Вместе с оружием в коробках находились тесно уложенные рядами стальные плоские фляжки со сжатым пропеллентом. Во время стрелковой подготовки Майклу объяснили, что в каждой такой маленькой полупинтовой фляжке содержится столько сжиженного газа, что его взрывной силы хватит на то, чтобы передвинуть на двадцать футов кирпичное здание. Инструктор выстрелил одной фляжкой из мортиры, и та, просвистев двести метров в воздухе, упала в пыль, несколько раз подскочив и перевернувшись. Сходя и разыскав фляжку, инструктор приказал Майклу оставаться в укрытии, подложил фляжку под корни одного из толстых деревьев, сломал капсулю и

поспешно отбежал в укрытие сам. Взрыв был настолько силен, что дерево повалилось, как будто подсеченное под корень невидимым мечом.

Да, на Чиероне умели делать оружие.

— Вот, прошу вас, генерал, — заговорил Поттер. — Пятьдесят автоматических винтовок в одном рюкзаке, пятьдесят в другом. После того как я свяжусь с кораблем — это можно будет сделать сегодня вечером или завтра, — вы получите остальное.

Поттер достал из коробки две половинки ружья, вложил головку емкости с пропеллентом в отверстие под курком и одним неуловимым движением соединил все вместе. Казалось, что ружье появилось в его руках само собой. Поттер передал оружие Хамилю.

— В полном сборе, с обоймой и пропеллент-емкостью, но без пуль, ружье весит полтора фунта. В каждой пропеллент-емкости газа на пятьсот зарядов, и вы только что сами были свидетелем тому, как быстро можно провести перезарядку. Данная модель приспособлена для пуль калибра 235 как наиболее доступных здесь, по вашим словам. Обоймы тоже имеются, на пятьдесят безгильзовых пуль каждая. Конечно, это оружие не полностью автоматизировано, в том смысле, что в нем нет механизма самостоятельно производящего подачу и выстрел следующего заряда после выстрела предыдущего. Лучше будет назвать это оружие полуавтоматическим самоперезаряжающимся пехотным карабином непрерывного огня. — Поттер со значением улыбнулся. — Но в армии Аребана в обычных разговорах мы не делаем таких тонких различий.

— Неплохо, — откликнулся Хамиль и, подняв бровь, взвесил ружье на ладони.

Кивнув в сторону ружья Ньюфстеда, он добавил:

— Сами видите, сюда нам присылают только вот такой хлам. Очень легкая штуковина. Очень легкая.

— Всего полтора фунта, генерал. При том что отдача совсем небольшая, поскольку момент импульса распределяется равномерно по длине всего ствола. Клапан, ведущий к поршню автоматической перезарядки, снимает момент импульса почти на срезе дула прежде, чем тот успевает напрасно истратиться. Уверен, что вы найдете наше оружие, имеющее очень высокую убойную силу, весьма надежным и удобным в пользовании. Скорость пули при вылете очень велика.

Поттер быстро нашел себя и принялся зарабатывать очки, пронеслось в голове у Майкла. Ему хотелось надеяться, что и у него скоро дела пойдут на лад.

— Хорошо, — прогрохотал Хамиль. — Нам все ясно. Ружье простое дальше некуда. Надеюсь, оно нас не подведет. Но у нас здесь в горах нет оружейников и мастерских, вот в чем дело.

— Позвольте заверить вас, генерал, что это оружие сохранит боевые качества после месяца нахождения в соленой воде и будет отлично стрелять, побывав в болотной жиже. До совсем недавнего времени это ружье стояло на вооружении в пехоте Объединенной Центаврианской системы.

— И в какие же войны вы там играете? — презрительно бросил от входа в пещеру Ньюфстед. Поттер поджал губы и промолчал. Но Майкл не мог оставить такой вопрос без ответа.

— Силы ОЦС принимают участие в военных конфликтах, — сказал он. — Конечно, это случается нечасто, но в этом я не вижу ничего плохого. Сейчас с помощью Центавра мы, земляне, сможем исправить ошибку, которую наше правительство допустило двадцать лет назад. Это оружие оказалось здесь только благодаря желанию центавриан оказать нам услугу. Думаю, что нам не следует об этом забывать.

Он замолчал и ощутил повисшую вокруг холодную тишину. Хамиль цыкнул зубом. Ладислас спокойно рассматривал Майкла, но взгляд Ньюфстеда был тяжелым и неподвижным.

— Не должны забывать, значит? — угрожающе переспросил Ньюфстед.

Майкл чувствовал, что сморозил глупость, и какую именно — понять не мог, но было совершенно ясно, что нога его уже зависла над краем пропасти, точно так же, как только что это случилось с Поттером.

— Господа, прошу вас, — взволнованно проговорил Поттер, явно тоже почуввавший неладное. — Со своей стороны я хотел бы подчеркнуть, что государственные органы Объединенной Центаврианской системы не имеют никакого отношения к данной операции. Аребанская военно-промышленная компания как частное предприятие вступила в контакт с вашим президентом после того, как стало ясно, что после получения заказа от армии ОЦС на поставку нового типа автоматов на складах компании остался огромный запас оружия старого типа. Таковы обстоятельства дела, и как гражданин ОЦС я требую, чтобы этот факт принимался во внимание. Мы не можем подвергать правительство Центавра дипломатическому риску.

Заметив, как жестко уставился на него Хамиль, Поттер мигнул.

— Вы должны понимать, что если правительство ОЦС окажется замешанным, то наилегчайшим способом разрешить

кризис будет отзыв корабля с оружием на борту за пределы Солнечной системы и возвращение его на Центавр с аннулированием фрахта. Как только вы лишитесь единственного межзвездного средства сообщения, то оружие для вас будет потеряно навсегда, поскольку Аребанская ВПК подписала с Правительством в Изгнании контракт только на условиях «груз на борту».

Всеобщее внимание мгновенно обратилось к Поттеру. Испытывая к своему спутнику чувство благодарности за поддержку, Майкл немного расслабился. Эти партизаны, оказывается, очень вспыльчивы.

Не сводя с Поттера глаз, Хамиль снова цыкнул зубом. Однако было видно, что агрессивный настрой у командира партизан уже прошел. Маленький взволнованный технический представитель выступил в роли воробья, который надолго заставил задуматься галку. Майкл понимал, что своим категорическим заявлением Поттер одновременно обезопасил от дальнейших нападков и себя самого. Теперь ему решать, насколько поведение генерала Хамиля вписывается в рамки дипломатической лояльности. Больше никто не посмеет и слова дурного сказать в его адрес.

Возможно, в глазах этих людей под покров неприкосновенности Поттера попадает и он, Майкл Вайерман. Но, может быть, он ошибается. Для того чтобы узнать это, достаточно снова попытаться пойти против этих очень нервных людей.

Само собой, он сделает все возможное, чтобы быстрее войти в их круг. В противном случае он будет продолжать совершать ошибки, не понимая этого. И он, и эти земляне. Он должен сделать все от него зависящее, чтобы оказаться принятым ими.

— Ладно, — наконец проговорил Хамиль таким тоном, что понять, то ли он признает статус Поттера, то ли просто меняет тему, было невозможно. — Утром, Поттер, я хотел бы, чтобы ты показал моим людям, как стрелять из этих винтовок.

— Я помогу ему, — подал голос Майкл. — Меня очень хорошо подготовили.

— В самом деле? — переспросил Хамиль.

— Да, в самом деле, — ответил Майкл чуть более резко, чем следовало. — Я сдал все армейские комплексы ОЦС.

Да, он очень гордился тем, что прошел подготовку блестяще. Как ему сказали, он просто родился быть солдатом, это было у него в крови. Несмотря на затворническую и большей частью сидячую прежнюю жизнь, оказалось, что он обладает отличным врожденным умением адаптироваться. И поскольку он узнал об этом совсем недавно, то его самолюбие реагировало болезненно на любые сомнения по этому поводу.

Хамиль повернулся к Ньюфстеду и поднял бровь.

— Утром возьмешь его с собой, Джо. Посмотришь, на что он годен.

Ньюфстед кивнул и холодно улыбнулся Майклу. И не сказал ничего.

2

Было холодно и над головой нельзя было разглядеть ничего, кроме вяло плывущего густого тумана. Ньюфстед указал Майклу его место для сна, в ямке под кустами на правой стороне оврага. Просто отвел его туда, оставил, а сам ушел. Оказавшись снаружи, Майкл немедленно почувствовал, как сырой холод начинает торопливо просачиваться под его комбинезон, добираясь до тела и обсыпая его ледяными каплями. Он уселся под кустом, подтянул колени к груди и, скрестив руки, спрятал ладони под мышки для тепла. Холод пробирал его насквозь. В личном вещмешке у него имелось одеяло — достаточно толстое, чтобы отвечать армейским стандартам ОЦС, и при этом без серийного номера, он достал его и закутался, но даже одеяло не могло остановить его озноб. Через несколько десятков минут одеяло превратилось в насквозь мокрый и холодный, как лед, панцирь, тяжело придавивший его к земле. Сидеть под таким было неудобно, но без него холод становился совсем уж невыносимым. Высокие сосны, которые еще недавно шелестели и шептали под ветром, теперь стояли неподвижно, объятые влагой.

Услышав рядом чьи-то шаги, он повернулся и обнаружил, что до рассвета осталось гораздо меньше времени, чем он думал. Человек, направляющийся к нему, был небольшого роста. Это мог быть либо Поттер, либо Ньюфстед.

— Майкл?

Это был Поттер.

— Что?

— Решил разыскать тебя, дружище.

Центаврианин, тоже с наброшенным на плечи одеялом, присел рядом.

— Раз уж мне не суждено в эту ночь сомкнуть глаз, то лучше уж посидеть с кем-то, кого знаешь. Эти парни не очень-то дружелюбны, тебе не кажется?

— Согласен.

— Естественно, что они такие нервные и напряженные, их тоже можно понять. На твоем месте я не стал бы принимать все, что они говорят, близко к сердцу.

— Тебе не стоит их оправдывать — кем бы они ни были, они должны думать, о чем говорят, — резко отозвался Майкл. Эти люди — его народ, а не Поттера.

— Да, конечно, Майкл, извини. Я просто хотел поблагодарить тебя — там, в пещере, я разболтался, а ты пришел мне на помощь.

— Они во многом были неправы. Но... — Майкл почувствовал, как на его губах появляется слабая улыбка. — Нервное и напряженное состояние для них естественно.

Рядом с ним в темноте Поттер издал странный глухой булькающий звук. Только через несколько секунд Майкл понял, что этот звук означал у коротышки-толстяка смех.

— Ну что ж, — быстро проговорил Вайерман, не желая развивать тему, вызывавшую веселье, и решив сменить разговор, — завтра начинаем.

— Да, — откликнулся Поттер, — завтра начинаем. Надеюсь, вспыльчивые парни Хамиля не перестреляют друг друга во время инструктажа.

— Да уж лучше бы так, — согласился Майкл.

В безмолвной тьме он откинулся на спину, пытаясь разобраться, каким ветром занесло его сюда. Когда Томас Хармон предложил ему лететь на Землю, Майкл решил, что ему крупно повезло. Во время разговора с отцом у него сложилось смутное впечатление, что тому не понравилась эта затея, однако Вайерман-старший был вынужден уступить доводам Хармона — тогда отец глубоко вздохнул и согласился, но появившееся при этом несчастное выражение так и не сходило больше с его лица до самого отлета Майкла. Он нередко замечал это выражение, посматривая на отца тайком. Но в ту пору он жил как в тумане — каждое утро просыпался с новой теплой волной осознания того, что очень скоро летит на родину, где будет сражаться, где вскоре действительно сделает что-то важное, где его жизнь по-настоящему начнется, — у него не было времени, чтобы остановиться и подумать.

Время для размышлений у него появилось сейчас. Восторг и возбуждение ушли, разбившись о скалы холода Хамиля и обидчивой вспыльчивости Ньюфстеда. Сейчас он мог трезво оценить и взвесить выпавшее на его долю.

С одной стороны, он был доволен тем, что оказался здесь. Возможно, он не сможет принести ощутимую пользу, но, по крайней мере, будет следить за Хамилем. Такой свидетель необходим — если Хамиль решит хоть в чем-то отойти от оговоренного плана, Майкл попытается дать об этом знать на Центавр.

Поймав себя на такой мысли, он удивился. Никто на Чиероне никогда даже подумать не мог о том, что генерал Хамиль спосо-

бен предать дело освобождения Земли. Лично Майклу такое даже в голову не приходило. Догадывался ли об этом Томас Хармон? Что должен был знать о Хамиле Хармон, чтобы генерал возбудил в нем такого рода подозрения?

Маловероятно, чтобы кто-то имел веские основания сомневаться в Хамиле. Скорее всего, умудренный опытом Томас Хармон почуял малонадежность борцов за свободу даже с расстояния четырех световых лет. Такое умение разбираться в людях показало Майклу поразительным.

Его познания в международной дипломатии были крайне незначительны. Можно было сказать, что его опыт в этой области равнялся нулю. На Чиероне он, разумеется, закончил среднюю школу. Но вместе с тем в течение всего времени посещения школы он твердо держал в памяти, что центаврианское образование для человека, чья жизнь должна достигнуть своего расцвета на Земле, не представляет практически никакой ценности.

Кстати, о Земле ему тоже было известно крайне мало. Мать много рассказывала ему об истории родной планеты, об особенностях социального устройства тамошней жизни как о предмете, близком ей через мужа. Он с удовольствием слушал ее рассказы, час за часом просиживая у матери на коленях или у ее ног на ковре, — старинные истории о великих землянах: Карле Великом и Цезаре, Наполеоне и Теодоре Рузвельте, Вашингтоне и Уинстоне Черчилле — жадно впитывая знаменательное прошлое своего мира. Естественно, рассказы матери не были академичными — он понятия не имел, в каком веке, например, жил и сражался Карл Великий. Зато твердо знал, что это был человек несгибаемой воли и преданный делу, влюбленный в свою страну и приверженец принципов справедливости — впрочем, этим отличались все великие земляне.

Майкл Вайерман, конечно же, не надеялся стать новым Карлом Великим. Хотя бы уже потому, что боялся смерти и не чувствовал в себе стойкости и уверенности духа, необходимых для того, чтобы перенести физическую боль. Все эти изначально необходимые любому лидеру качества не были заложены в нем с рождения. В юном возрасте он, само собой, мечтал о великом, как и все мальчишки. Но с годами сумел различить ту существенную разницу, которая отличает его от замечательных людей из рассказов матери. Он никогда не представлял себе четко, чего хочет в жизни, — он готов был принять все, что жизнь могла преподнести ему, хотя и не ожидал никаких сверхвыдающихся даров, полагающихся в этом мире людям несгибаемым. В свое время он был необыкновенно рад уже тому, что может, как ему сказали, взять в руки оружие во имя освобождения Земли.

Испытывая сожаление по поводу того, что отец так и не нашел времени научить его особенностям взгляда на окружающее, присущего вершителям судеб народов, одновременно с этим он понимал, что и его собственная вина здесь не меньшая, поскольку, будучи ребенком, он не проявлял тех же качеств, которые видел у отца да и у других взрослых. Но теперь, как хотелось ему надеяться, прожив изрядный кусок жизни, он приобрел кое-что из подобного опыта самостоятельно. Потом, когда освободительная война завершится, возможно, он и его отец сумеют сблизиться хотя бы немного.

— Холодно, черт возьми, — пробормотал Иссака, стуча зубами.

С самого начала Майкла интересовало, кто такой Поттер. В итоге у него сложился ответ — возможно, не самый лучший. Истинное лицо Поттера стало ему понятно с самой первой их встречи, он долго крепился, но вот теперь настоящее желание продемонстрировать собственную проницательность наконец взяло верх.

— А я думал, что в секретной службе держат ребят покрепче, — проговорил он.

— А? Ты о чем это? — просипел Поттер.

— Ни о чем, мой нервный друг. Не обращай внимания.

Майкл многозначительно усмехнулся себе под нос, но озноб превратил его смехок в судорожный кашель.

— Поднимайся!

Это был голос Ньюфстеда, и безжалостно тыкающий Майкла в поясницу носок ботинка тоже принадлежал Ньюфстеду, но сам Ньюфстед был невидим. Промерзший и мокрый насквозь, больной и еле ворочающий руками и ногами, еще не выбравшийся окончательно из беспокойного, мучительного сна, Майкл поднялся, сел, продрал глаза и обнаружил, что похоронен заживо в белом мареве. Густой и непроглядный серо-белый туман, липнувший к лицу, подобно мокрой паутине, клубился вокруг. Помотав головой из стороны в сторону, он попытался очистить ее от мерзко-давящего груза невыспанности, притупляющего чувства. Мир вокруг него оглох, утонув в клейком тумане.

С мстительной настойчивостью Ньюфстед снова ткнул его ботинком в бок.

— Вставай же, черт тебя дерит!

Майкл скинул с себя одеяло и поднял голову, высунув ее из приземного туманного слоя. Плотный белый пар стекал вниз по склону оврага двухфутовым покрывалом, местами разрезаемый стволami деревьев, просачиваясь сквозь кустарник. Заполнив не-

глубокое дно оврага, туман улегся в нем тяжело и ровно и стекал по нему вниз, чтобы стелиться дальше по склону горы, — казалось, что деревья и кусты рождались где-то в темной, потаенной глубине этого водянисто-молочного озера, вырываясь на его поверхность лишь вершинами.

— Где Поттер? — прохрипел Майкл, растирая лицо шершавыми ладонями.

— У Хамиля. Ты будешь подниматься или нет?

Майкл снова поднял голову и уставился на противоположную сторону оврага с тупым изумлением. Буквально в десятке метров от него творилось нечто фантастическое, невообразимое.

Под молочным покровом дно оврага кипело, будто в его недрах бились могучие, но почти невидимые снаружи существа. Майкл вдруг заметил, как на поверхности туманного озера вынырнуло что-то, описало короткую дугу, исчезло, но потом взметнулось опять, уже выше, достигнув чистого воздуха и превратившись в напряженную человеческую руку с ножом, и тут же исчезло снова.

Присмотревшись, он увидел их. На дне оврага и на склонах вблизи дна, где туман бурлил и клокотал, метались, размахивая руками, люди — там шла рукопашная схватка. Бой происходил практически в полной тишине — туман глушил, как ватой, все звуки. Можно было даже сказать, что туман этот был неподвижен, как смерть; неясные тени крались к краю оврага, переваливали через него и, скатившись вниз по склону, присоединялись к группе сражающихся на дне.

Ньюфстед схватил Майкла за отвороты куртки и рывком поднял на ноги.

— Они пришли сюда за нашими ружьями! Ты мне нужен, придурок! Давай, приди в себя, иначе, клянусь, убью тебя на месте.

Землянин схватил его за руку и потащил за собой ко входу в пещеру. Еще полусонный, не до конца понимающий окружающее, Майкл был потрясен необыкновенной силой Ньюфстеда. Он высвободил руку, тут же споткнулся о невидимое препятствие, но сумел сохранить равновесие и бросился бежать вперед. Ньюфстед следовал за ним по пятам, словно злобный терьер.

— Нам не удержаться, — выдохнул Ньюфстед на бегу. — Они напали внезапно, и их слишком много. Мне не следовало тебя от себя отпускать!

Голос Ньюфстеда превратился в шипение.

— И нечего так злобно на меня смотреть! Ты что, задумал пристукнуть меня? Не советую — и глазом не успеешь моргнуть, как отправишься на тот свет!

Предупреждение было чисто риторическим — землянин не ожидал от него никакого ответа. Пригнув голову и работая локтями, Майкл бросился вперед что есть духу. Ветер срывал с его глаз слезы, уши были словно набиты ватой. Постепенно он начинал склоняться к мысли о том, что виной его отвратительному состоянию является вовсе не недостаток сна, а подхваченная им ужасная лихорадка. Все его тело, каждый мускул и сустав разламывались от боли.

Рядом с ним в овраге умирали люди, умирали, слепо цепляясь руками за колышущиеся тени безжалостных призрачных врагов. Драгоценным ружьям грозила опасность. Хамилю, Поттеру да и всему их предприятию мог прийти конец, все могло закончиться, едва начавшись. Судьба Земли держалась на волоске, могла кануть в туманное ничто, свобода целого народа стала ставкой в молниеносной несправедливой игре. Как же так — он пересек невообразимое пространство, и все для того, чтобы погибнуть вот так сразу? Но он не сбавлял бег, и в движении мысли его вдруг пробила извилистая молния странной, извращенной радости. Двадцатипятилетняя его жизнь достигла наконец момента своей кульминации. Последние сомнения прошлой ночи должны были вот-вот разрешиться.

Когда он ворвался в пещеру, на его губах играла нетерпеливая улыбка. Поттер торопливо взваливал один из рюкзаков с ружьями на спину здоровяка Ладисласа. Хамиль спокойно стоял над вторым рюкзаком. Кивнув Ньюфстеду, командир повстанцев быстро проговорил:

— Ну наконец-то! Ладно, хотя бы теперь не копайтесь — завтра я жду вас на базе!

В ответ Ньюфстед прожег Хамиля яростным взглядом, но промолчал и моментально взвалил рюкзак на свою крепкую спину. Прodeв в лямки руки, он бросил Майклу:

— Готов, Вайерман? Давай, пошли!

Переводя взгляд от Хамиля к рюкзаку на спине Ньюфстеда, застыв на месте как громом пораженный, Майкл спросил:

— Разве вы не будете драться? Вы что же, собираетесь бросить своих людей?

Хамиль даже не удостоил его ответа — вслед за Ладисласом он направлялся к выходу из пещеры. Поттер обернулся и смущенно взглянул на Майкла.

— Мы решили разделиться. Встретимся в условленном месте — Ньюфстед знает. В конце концов, ружья... здесь все равно надеяться не на что...

— Надевай свой мешок! — оглушительно гаркнул в ухо Майклу Ньюфстед.

Ладислас уже исчез, да и Хамиль превратился в смутную фигуру, торопливо взбирающуюся вверх по склону оврага и быстро растворяющуюся в тумане. Поттер махнул рукой и принялся карабкаться следом.

Майкл закинул за спину свой вещмешок и затянул лямки. Без слов подхватив ружья, свое и Ньюфстеда, вдыхая и выдыхая туман, он бросился за своим новым напарником к другому склону оврага.

3

Ньюфстед остановился только тогда, когда они добрались до гребня горы и перевалили его. Уперев рюкзак в невысокий камень, он прохрипел:

— Отдых. Две минуты.

Пот покрывал его лицо сплошь и стекал вниз ручьями, старая обтрепанная рубаша промокла, хоть выжимай. Они выбрались из туманного облака и оказались на горячем солнце, которое, однако, Майкла совсем не согревало, а лишь добавляло к ознобу странные колкие ощущения по всему телу. Обхватив себя руками, он опустил на корточки.

— Давай я понесу немного рюкзак, — предложил он.

Ньюфстед презрительно фыркнул.

— Ты слишком медлительный. Долго копаешься. Если ты будешь нести рюкзак, а они решат гнаться за нами, то тебя обязательно поймают. Еще затеешь привал со вторым завтраком или что-нибудь в этом роде — ты ведь у нас парень основательный.

Майкл отлично помнил о том, как медленно приходил в себя утром. Ньюфстеду совсем необязательно было напоминать ему об этом.

— В тумане они вряд ли заметили, как мы ушли. Никто за нами не гонится.

— Думаешь? А что скажешь про лес там внизу? Там тоже никого нет?

Ньюфстед рывком поднялся с камня и встал прямо.

— Давай поменьше болтать. Нет времени копать, впереди у нас долгий и трудный путь. Нужно спуститься с этой горы, пройти через лес и подняться на следующую гору.

Можно было только удивляться тому, как быстро короткий отдых восстановил силы Ньюфстеда. Глядя на то, как землянин проворно движется вниз по склону, ловко балансируя с тяжеленным рюкзаком за плечами, словно тот был частью его тела, Майкл внезапно понял, что Ньюфстед может идти вот так, хоть в

гору, хоть с горы, неопределенно долгое время — что только такой же крепкий и выносливый человек, как он, Ньюфстед, сможет загнать его и заставить упасть без сил.

Это была та степень выносливости, которой Майкл Вайерман, со всей его тщательной подготовкой под руководством опытных инструкторов ОЦС, никогда даже не мечтал достигнуть. Но это давало надежду для будущего Земли. С ударными группами из бойцов, подобных Ньюфстеду, в достатке обеспеченными нормальным современным оружием, а не отбитым в бою у пришельцев пополам с кухонными ножами, наверняка считалась бы регулярная армия любого мира. Совместно с обученными частями бронетехники и артиллерии, при поддержке с воздуха да еще при внешней блокаде планеты силами флота ОЦС армия из таких солдат способна была изничтожить гарнизон пришельцев даже без высадки центаврианских командос — достаточно было одного человека в качестве советника. С точки зрения ОЦС, такой способ ведения военных действий был, конечно же, наилучшим. Никаких потерь в людях, весьма экономно по части боеприпасов и техники. Чистая и аккуратная кампания новейшего образца, предоставляющая возможность землянам полностью насладиться мстительным действием на своей территории и выполнить всю грязную работу.

Это вполне возможно, подумал Майкл. Такое вполне осуществимо.

Он и раньше мог представить себе подобный сценарий развития событий и никогда не сомневался в его успехе, но сейчас, увидев, как обстоят дела на месте, лишился идеалистической составляющей своей уверенности. Ньюфстед — мрачный и несимпатичный угрюмец Ньюфстед — должен был теперь стать олицетворением его надежды.

От Ньюфстеда и освободительной войны Майкл обратился мыслями к Хамилю, который не вызывал у него ничего другого, кроме все время нарастающих подозрений, но прежде чем он успел хоть как-то обдумать это, они достигли границы леса, и Ньюфстед, мгновенно замерев как вкопанный, вскинул руку, приказывая Майклу остановиться.

— Теперь, Вайерман, слушай внимательно и наматывай на ус, — ровным и холодным тоном заговорил он. — Лес — самое опасное место. В горах у нас был шанс заметить противника раньше, чем тот нападет на нас. Но тут, под деревьями, остается только молиться. Ты нам нужен, так же как и Поттер, потому что если тот не дойдет, то, кроме тебя, у нас другого инструктора не останется, потому прошу, сделай мне одолжение и не дай себя убить. Не своди с моей спины глаз, как с задницы сладкой девки. Следи за

мной в оба глаза и, оказавшись там, где был я, делай то же самое, что делал я. Если я иду быстро, ты тоже иди быстро, если я иду медленно, и ты иди медленно. Не говори, не рыгай и не икай, не чешишь. Не делай резких, неожиданных движений. Рот держи широко открытым, но забудь о том, что им можно пользоваться для чего-то еще, кроме дыхания. Смотри то вправо, то влево и прислушивайся. Нюхай ветер. Прислушивайся ко всем звукам, но еще внимательней прислушивайся к тишине. Через каждые пять шагов задирай голову и осматривай верхушки деревьев. Запомни накрепко — человек никогда не смотрит вверх выше уровня своих глаз, это против его природы, но ты должен так делать. Иди за мной след в след и ни шага в сторону, ни полшага.

Все время следи за мной. Следи за моими ушами — если я услышу что-нибудь, они дернутся — я серьезно говорю. Если я остановлюсь, ты останавливайся тоже. Следи за моими руками. Если я делаю что-то, ты повторяешь это в точности, повторяешь быстро, но вдумчиво и не торопясь. Если что-то случится, не приближайся ко мне, даже если, по-твоему, ты сможешь сделать это бесшумно. Что бы ни случилось, молчи, не говори мне ни слова. Если в нас начнут стрелять, в ответ стреляй только тогда, когда будешь точно уверен в том, что тебя заметили. Выжидай — может быть, они пройдут мимо. Если они пойдут ко мне, но все еще не будут видеть тебя, не стреляй: разобраться с ними — это мое дело. Даже не пытайся ввязываться.

Глаза Ньюфстеда угрожающе блеснули, и Майкл понял, что возражать или спорить сейчас нечего даже и думать.

— Ладно, — наконец бросил Ньюфстед. — Ну что, все запомнил?

— Думаю, да.

Ньюфстед провел языком под верхней губой.

— Ладно, пошли...

Он забрал у Майкла свое ружье и первым двинулся между деревьями вглубь леса, лавируя между стволами с женственной грацией, огибая ветви и купы кустарников почти вплитирку, но не прикасаясь к ним, совершая почти балетные па и не ставя на землю ступню полностью. Из всех сил стараясь выполнять полученные указания, Майкл шел за Ньюфстедом следом. Поначалу все его усилия были бесполезны — по сравнению с землянином он был страшно неловок и неуклюж. Настойчивые волны озноба сотрясали теперь его тело с регулярностью морского прибоя и весьма охлаждали его оптимизм, но, несмотря на лихорадку, происходящее доходило до его сознания достаточно отчетливо, чтобы нанести изрядный урон его самолюбию. Он не сомневался в том, что со своими неловкими

потугами копировать Ньюфстеда он смешон для стороннего наблюдателя. Циркового медведя, вперевалку шествующего вокруг арены за дрессировщицей, — вот кого он, скорее всего, напоминал. Однако он был настойчив, и через несколько десятков минут чувство неловкости покинуло его. Он был уверен, что в нем хватит упорства и он добьется своего, и пускай не скоро, но займет надлежащее место в армии Освобождения Земли. Нужно попробовать себя под огнем, пронеслось у него в голове.

Через два часа они добрались до радующего глаз аккуратного бора, где земля между соснами была плотно присыпана одеялом из скользких игл. Здесь почти перестали попадаться кусты, и единственным укрытием для них стали сосновые стволы, редкие и совершенно голые — ветви начинались в нескольких ярдах над головой. Майкл, не отрывающий глаз от спины Ньюфстеда, шагающего в двадцати футах впереди, заметил, что тот начал ступать особенно осторожно и делать словно бы паузы между шагами. Землянин определенно нервничал, поводил старым исцарапанным ружьем пришельцев из стороны в сторону и странно, позмеинному изгибался верхней половиной тела, поглядывая на сумрачные стволы вокруг прищуренными глазами.

Он слушает тишину, вдруг сообразил Майкл. Откуда-то издалека, из-за приземистого лесистого холмика впереди донеслось приглушенное раттата! — и Майкл понял, что там идет бой. Однако вокруг них, и справа, и слева, и спереди, и сзади, царила абсолютная, полная тишина.

Взметнувшаяся вверх рука Ньюфстеда, обращенная ладонью назад, вне всякого сомнения, была сигналом к остановке. Постояв немного, землянин снова двинулся вперед, велел Майклу пока оставаться на месте.

Звук выстрела нельзя было спутать ни с чем — стреляли из автомата с дистанции не более пятидесяти футов. Это был глухой и тупой гром, выплеск почти первобытной враждебности и насилия. Удар пули заставил левую руку Ньюфстеда резко дернуться вверх и назад, развернул его тело и швырнул на землю. Пробив руку землянина навывлет, пуля впиалась в сосновый ствол позади него с характерным чавкающим звуком, сбив немного кору. Несколько мгновений Ньюфстед извивался на земле и отчаянно мотал головой, потом одним могучим конвульсивным рывком достиг укрытия за ближайшей сосной, заставив Майкла задохнуться от удивления. Сев за деревом на корточки и положив ружье на изгиб правой руки, Ньюфстед с ее помощью зажал раздробленное предплечье левой между телом и сосновым стволом и, опершись

так и закрепившись, снова вскинул оружие на уровень прицела. Все прошлые суждения Майкла о нем как о бойце мгновенно сменились новыми, еще более высокими — настоящий бульдог, а не человек, такое упрямство! И как истинный боец, Ньюфстед не мог не видеть, что пойман в ловушку и не в силах сменить позицию. Майкл понимал это тоже.

Под сенью сосен снова повисла тишина. Вайерман стоял совершенно неподвижно. Он словно врос в землю, чуть пригнувшись и выставив перед собой свое центаврианское ружье, готовое к бою, но не видя ни одной цели. Он не замечал впереди ничего, кроме небольших зарослей кустарника и дальше, перед самым подъемом холма, купы сосен, растущих чуть гуще. Прямо перед этими соснами сидел за своим деревом Ньюфстед.

Майкл выстроил линию полета пули — проследил глазами от точки, где свинец впился в дерево, дальше, туда, где он пробил руку землянина, и вверх к рядам сосен. Стрелок мог скрываться только там, нигде более подходящего места для засады видно не было. Но линия выстрела, воссозданная им, вела от него вправо, из чего следовало, что любой находящийся там не видел его ни до выстрела, ни после. И вполне вероятно, что если он сумеет сейчас передвинуться незаметно правее и сделать круг, то подберется к неприятелю с фланга на расстояние, позволяющее открыть прицельный огонь.

Если бы не могильная тишина, висящая над рощицей, он наверняка так и остался бы стоять на месте. Но выстрелов больше не было, не было слышно также и скрипа игл под чьими-либо ногами. По всему выходило, что силы атаковавших были малы настолько, что даже возможность сопротивления одного раненого человека заставляла их действовать с осмотрительностью.

Майкл понял все это и сделал выводы. Многочисленный противник уже давно бы взял их в клещи и уничтожил перекрестным огнем. Большой отряд наступал бы открыто, чтобы вызвать огонь Ньюфстеда и затеять с ним нечто вроде смертельного теннисного поединка, где мяч гоняется из угла в угол.

Рататата! — снова донеслось откуда-то издали. Под левой ногой Ньюфстеда начала собираться небольшая лужица крови, расползающимся пятном пропитывающая иглы вокруг. Майкл осмотрелся и приметил справа от себя приглашающий проход между двумя жидкими кустами. Открыв рот, он глубоко и бесшумно вздохнул и сделал по направлению к кустам первый шаг.

Стоило лишь начать, а дальше все пошло легко. Не забывая о том, что он новичок, Майкл крался с преувеличенной осторожностью, двигаясь почти вдвое медленнее, чем следовало. Проложив

с исходной точки маршрут, он от души надеялся, что двигается не отступая от него ни на шаг. Примерно через каждые пять или шесть шагов он бросал опасливые взгляды налево, все время ожидая оттуда появления противника. Он отчетливо понимал, что если ошибся в своих догадках, что если среди сосен скрывается целый отряд, то его шансы остаться в живых практически равны нулю. Но если он остановится сейчас и повернет назад или останется на новом месте, в любом случае ожидая развития дальнейших событий и врасая корнями в землю, он будет выглядеть более чем глупо. Годы пребывания в качестве ревностного патриота Земли в равнодушной ко всему центаврианской школе развили в нем, всегда боявшемся оказаться смешным, почти нечеловеческую чувствительность к малейшим отклонениям от золотой середины, и потому он шел вперед, продолжал красться, дрожа от предчувствия неизбежной развязки, сходя с ума от волнения и задыхаясь. Не будь на этот счет специального запрета Ньюфстеда, он с удовольствием остановился бы сейчас и как следует отдышался.

Стремление двигаться как можно медленней, осторожность, напряжение и предчувствие схватки — все это разрывало его на части, тянуло каждое в свою сторону. То, что должно случиться вскоре, будет шквалом автоматного огня и молниеносных, неудержимых бросков из стороны в сторону. Его воображение уже стремилось вперед, увлекая за собой его почти лишившееся сил тело. Усилием воли он подавил в себе нарастающее отчаяние, вызванное необходимостью не спешить, красться, ступать на цыпочках, тщательно глядя под ноги.

Он увидел их внезапно. За стволами двух соседних сосен сидели на корточках двое мужчин и, не сводя глаз, следили за неподвижным рюкзаком Ньюфстеда, краем высывающимся из-за укрытия. В тот же миг один из мужчин услышал Майкла. Вайерман отчетливо увидел, как на шее у него дрогнули и поднялись дыбом волоски. Человек издал предупредительный крик и откатился в сторону, даже не оглянувшись на то место, откуда доносился услышанный им звук.

Если бы после этого незнакомец не вскинул ружье, то, возможно, остался бы жив. Левая рука Майкла конвульсивно стиснула цевье центаврианского автоматического ружья, а указательный палец правой раз за разом принялся надавливать на курок. Он полил свинцом обоих мужчин, сосны, за которыми они прятались, и усыпанную сосновыми иглами землю между ними — от ударов пуль иглы взрывались и взлетали в воздух; ткань на куртках расстреливаемых им людей вминалась пулями в их тела.

Ньюфстед нашел его через несколько минут — он стоял и смотрел на убитых. Это были грязные бородатые люди в истрепанной, засаленной одежде. Землянин взглянул на Майкла и фыркнул носом.

— А с кем, ты думал, мы здесь воюем? — спросил он. — С пришлыми, что ль?

— Да, — отозвался Майкл. — Да, я так думал.

4

В сумерках Майкл сидел на корточках возле неширокого веселого ручейка, змеящегося в поросшей кустарником долине-распадке. Его спина болела невыносимо, он едва мог выпрямиться. Сбросив на землю тук с ружьями и забыв о нем, он поспешно завернулся в одеяло и теперь безуспешно пытался согреться и унять дрожь. Где-то в глубине черепа раздавался тихий, но настойчивый и изводящий звон. Каждый раз, когда он сглатывал, в ушах болезненно стреляло. Суставы ныли и горели огнем, и, несмотря на страшный озноб, горячая липкая испарина покрывала все его тело и лицо.

Сидящий неподалеку Ньюфстед заново перевязывал раненую левую руку при помощи правой руки и зубов и время от времени украдкой поглядывал на него.

— Знаешь, — наконец подал голос землянин, — в этих горах пришлые не ходят. Они не дураки и не суются сюда. Бесполезно пытаться вести боевые действия против разрозненных групп при помощи регулярных частей, в особенности в горах. Это классика военной науки.

— Очень интересно, — глухо пробормотал в ответ Майкл.

Раз подав голос, Ньюфстед уже не унимался — его обуял неудержимый приступ разговорчивости. Возможно, он чувствовал себя в долгу у Майкла. Его манера говорить и держаться при этом существенно не изменилась — презрительная насмешка по-прежнему звучала в его голосе вместе с отчетливым удивлением наивностью Майкла, но теперь Ньюфстед объяснял ему что-то, снисходил до этого, а не просто отдавал приказы. Было ясно, что подобное обращение давалось Ньюфстеду нелегко, и он определенно чувствовал себя неловко. Но что-то принуждало землянина поступать так, и он с жаром искал повод для разговора. Несмотря на свое болезненное состояние в тот момент, все это Майкл не без удовольствия отметил для себя, не забывая при этом ни на секунду о черной земле под собственными ногтями, забившейся туда, когда он выкапывал могилы для двоих

убитых и хоронил их, а потом посыпал свежую землю иглами для маскировки.

— По правде говоря, пришлым здесь и делать-то особенно нечего, — продолжил тем временем Ньюфстед. — Никакой угрозы для них мы не представляем. Более того, они предпочитают, чтобы мы сидели здесь, а не путались у них под ногами в городах, создавая там неприятности. Никто не любит в своем районе хулиганов. Недовольные разогревают страсти, они вредны уже хотя бы тем, что непокорны; для них нужно создавать тюрьмы и концлагеря. В тюрьмах и концлагерях за заключенными нужен хоть какой-то присмотр и кормежка. Поэтому пришлые решили оставить нас в покое... а мы... а мы решили оставить в покое их.

— Уделив основное внимание междуусобной войне.

— Людям нужно что-то есть, у нас это одна из главных проблем, — резко и сурово отозвался Ньюфстед.

— И как же вы решаете эту проблему?

Ньюфстед щелкнул языком.

— Что сказать — фермерам в здешних горах приходится платить двойной налог, только и всего.

После того как солнце окончательно скрылось за горизонтом, в долине похолодало. Одеяло почти не спасало Майкла от холода. Он покачивался вперед и назад, перемещая вес тела с пятки на пальцы ног.

— Может быть, разведем небольшой костер? — наконец решился предложить он.

— Если хочешь скорее сдохнуть, то давай, валяй.

Из горла Майкла непроизвольно вырвался холодный смешок.

— Вот что мы сделаем — найдем здесь какую-нибудь нору, — сказал тогда Ньюфстед, — и будем там по очереди спать. Завтра нам останется всего ничего — только подняться на следующую гору. От подножья начинается территория Хамиля. Там и погребемся.

— Хамиль, — повторил Майкл, скривив губы.

Ньюфстед издал звук, который можно было назвать смехом только наполовину.

— Хамиль просто клоун. Без меня и Ладисласа он не сумел бы даже штаны утром застегнуть. Вот, например, вчера вечером я говорю ему, что рядом с лагерем мы заметили чужака. И что, ты думаешь, он мне ответил? Он сказал, что теперь, когда у него есть ружья, никто не посмеет на него напасть. Вот таким вот образом. А зачем еще, по его мнению, кому-то на нас нападать? И с чего он взял, что никто не догадается о том, что мы не взяли с собой патронов для этих ружей? Кого-кого, а Хамиля все знают отлично.

Он назначил место встречи с вами в двадцати милях от своего основного лагеря потому, что не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о том, где тот находится. Но боеприпасы он с собой брать не захотел, потому что тащить их тяжело да и потерять в дороге можно. Вместо этого он потерял всех людей, которые должны были нести ружья, и в результате нам с тобой и Ладисласу с твоим приятелем приходится корячиться самим. И что в итоге? В итоге остается еще девятьсот ружей, которые мы должны как-то получить, — их сбросят прямехонько к нам на базу, потому что другого способа нет. Но Хамиль спокоен на этот счет, потому что если пришлые прознают про ружья и решат разбомбить нас, то у него на этот случай будут наготове на базе сто ружей. С сотней ружей он будет сражаться со штурмовиками!

Ньюфстед сплюнул себе под ноги.

— Знаешь, что эти ружья значат для Хамиля? — спросил он после этого. — Это самое главное событие в его жизни — вот что они значат для него. Вот почему он носится будто цыпленок с отрубленной головой. Теперь он может ходить важно, как индюк, потому что стал шишкой на ровном месте, а тут еще эта чертова бумага о присвоении звания генерала как нельзя кстати. Все, о чем он когда-то мечтал перед зеркалом, наконец сбывается. Разве он сможет вести себя в такой обстановке разумно?

Забыв о своей обычной маске презрительной раздражительности, Ньюфстед все больше и больше горячился. Было ясно, что, намеренно или нет, он разбередил свою старую рану.

Задумчиво подняв бровь, Майкл кивнул на рюкзак с ружьями и заметил:

— Если ты так на все это смотришь, тогда я не понимаю, почему бы тебе не забрать это оружие себе и не создать где-нибудь свой собственный отряд?

— Я мог бы, конечно, это сделать, — с горечью отозвался Ньюфстед. — Можно напасть на блокпост пришлых и раздобыть там патронов. С полусотней ружей и нормальными парнями я мог бы отвоевать в этих горах местечко и для себя. Но что будет потом? Как только ружья перестанут стрелять, придет конец и мне.

Ньюфстед дал волю чувствам и больше не следил за выражением лица. Даже в темноте можно было различить на нем высвобождающиеся ярость и злобу во всем их блеске и остроте.

— За всю свою жизнь Хамиль сделал только две умные вещи. Вторая из них — это то, что он сберег радиопередатчик и установил контакт с вашими людьми. Первое произошло с ним по чистой случайности тридцать лет назад. Он был совершенно никчемным человеком, все, за что он ни брался, заканчивалось провалом.

И тогда он попытался добыть себе место возле общественной кормушки. Он выхлопотал себе это жалкое звание лейтенанта запаса. И посмотри, что это звание принесло ему теперь. Что было бы, окажись это радио в руках такого человека, как я, например? Ну, я бы связался с вами и сказал: «Эй, это Джо Ньюфстед, я хочу освободить Землю. А ну-ка, сбросьте мне оружие». Знаешь, что произошло бы потом? Секретные агенты ОЦС немедленно принялись бы копаться в секретных архивах последнего земного правительства, которые находятся теперь в руках пришельцев, и разыскали бы там мое старое уголовное досье. Только бы и видел я после этого мои ружья. Но Хамиль, который пальцем не пошевелил, когда пришельцы напали на нас, который сдал свой батальон без единого выстрела, — он без труда получил тысячу ружей и не только это.

Ньюфстед задыхался от волнения.

— На месте Хамиля мог быть любой человек — вот что самое обидное. Я просто с ума схожу, когда начинаю думать об этом. Если тебе удалось наладить поставку оружия, то плевать, кто ты, Хамиль или кто-то еще. Как только оружие появилось, стало неважно, сколько человек сейчас находится на его стороне — сотня, десяток или вообще ни одного. Они все теперь встанут за него горой. И неважно, как сильно они ненавидели Хамиля прежде, — теперь все чувствуют, откуда дует ветер. И всем все до лампочки, никто и слова ему не скажет. Он теперь официальный парень — у него в руках монополия, он имеет лояльную армию, чтобы защищать себя.

Лицо Ньюфстеда исказилось судорогой.

— Он просто бабуин, волосатый важный бабуин, такой осанистый и дурацкий позер. У него есть единственное достоинство, и оно же самое главное и нужное, ты сталкиваешься с этим сразу же, как только видишь его, — он здорово верит в свои собственные позы, вот такой он идиот. Он верит в то, что держит судьбу планеты в своих руках, — воображает себя величайшим вождем всех народов. Его вера настолько крепка, что порой, черт возьми, хочется поверить в это самому, так он умеет убеждать. Это то главное, что отличает меня и его. Я тоже мог бы вести себя, как ведет он, но сохранять при этом такую же серьезную и невозмутимую физиономию я не могу, это выше моих сил. Я умнее его, но он может нести чушь с деловым видом — вот почему я должен играть вторую скрипку при бабуине.

Шатаясь под тяжелой ношей, выслушивая ругательства Ньюфстеда за спиной, Майкл кое-как сумел добрести до лагеря Хамиля на вершине следующей горы. По другую сторону горы у самого горизонта виднелись геометрически правильные кварталы города. Но

здесь, в горах, люди обитали в хлипких хибарах и под раскинутыми между деревьями навесами, среди невыносимой вони, которая неизменно появляется вокруг лагеря, слишком долго остающегося на одном месте. Из-под деревьев навстречу им вышли грязные, оборванные люди. Мухи набросились на них почти в ту же секунду.

Майкл потерял сознание и упал лицом вперед.

5

— Вижу, ты уже чувствуешь себя лучше, — отчеканил Хамиль.

Командир повстанцев стоял в картинной позе, уперев руки в бока, стек заткнут за голенище начищенного сапога. Майкл с усилием поднял себя из лежачего положения в сидячее, привалился спиной в палаточному шесту и подтянул вверх колени. Снова взяв в руки жестяную кружку с супом, он возобновил свой обед.

Иссак Поттер, сидящий на стуле и осторожно извлекающий плоскогубцами из трофейных патронов пули, поднял голову и снизу вверх глянул на Хамиля.

— Всего два дня, — продолжил Хамиль. — Он быстро поправился.

Для того чтобы одолеть болезнь Майкла, потребовались почти все антибиотики из его личной аптечки и аптечки Поттера, и сейчас он чувствовал себя значительно лучше. Лихорадка прошла, сменившись теплым ступором, слабостью, глухим зудом во всем теле, из-за которого он, время от времени забываясь, принимался задумчиво чесаться. На Хамиля Майкл смотрел со спокойным удивлением.

— Что ж, он ведь еще молод, — ответил Хамилю Поттер ровным и значительным тоном, ставшим за последние дни для него привычным. — В таком возрасте редко умирают своей смертью.

Услышав такое, Хамиль мигнул. Потом вытащил из-за голенища сапога стек и несильно хлопнул им себя по ноге.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, Поттер.

Быстро взглянув на Майкла, Хамиль снова впился хмурым взглядом в маленького центаврианина.

— Ты что же, хочешь сказать, что я специально хотел угробить парня?

Не считая нахмуренных бровей, сказано это было, как ни странно, спокойно и без малейшей тени возмущения.

— Нет, — отозвался Поттер и серьезно покачал головой. — Я так не думаю. В самом деле. Но бывает так, что люди рассчитывают, что случай сделает вместо них то, на что в силу каких-то причин они не могут решиться сами.

Хамиль снова мигнул. И снова стегнул себя стеком по ноге — уже сильнее. Потом наполовину повернулся.

— Я зашел, чтобы узнать, как его здоровье. Вижу, что он идет на поправку. Это все, что мне было нужно.

Завершив свой поворот, он четким шагом вышел из палатки наружу.

Майкл допил суп.

Через некоторое время он снова прилег и подложил под голову руку.

— Поттер?

— Что, Майкл?

— Корабль сбросил остальные ружья?

— Да, прошлой ночью.

— И ты считаешь, что, несмотря ни на что, оружие можно отдавать Хамилю?

Поттер немного помолчал.

— Да, — отозвался он через минуту, — я так считаю.

— Тебе нравится Хамиль?

— Нет.

— Рад, что не я должен принимать здесь решения.

— Почему?

— Почему? Потому что я уже на месте. Тут моя родина. Все, что было возможно, я уже решил на Центавре — решал я сам или решали за меня, не знаю — даже если я сейчас хочу что-то изменить, я не в силах это сделать. Но твое положение иное — ты не только попал сюда как кур в ощи́п, но и должен принимать решения соответственно обстановке. Когда твое начальство отдавало тебе приказы на Центавре, оно понятия не имело, что на самом деле представляет собой замечательная армия Хамиля. Оттуда все выглядело удобно и аккуратно. Дать людям оружие и предоставить им возможность начать борьбу, а потом только подкреплять их иногда боеприпасами и техникой. Но теперь оказалось, что для того чтобы хотя бы один пришелец был убит из этих ружей, нам придется проделать немалую воспитательную работу. Хамиль прижился здесь в горах, и его отсюда не сдвинуть. Теперь он примется терроризировать другие окрестные банды, сделается местным горным царьком, но стоит предложить ему выступить против пришельцев, как он немедленно сляжет с сердечным приступом.

Поттер снова ответил не сразу. Когда он заговорил, его голос звучал очень мягко:

— Ты ошибаешься, Майкл. Во-первых, по поводу того, что я должен что-то решать. Мне нечего решать. А вот тебе, кажется,

есть, о чем подумать. Я сделал все, как было условлено, — запустил машинку, и все идет по плану. Хамиль собирается напасть на пришельцев. Это во-вторых.

— Да без Ньюфстеда Хамиль штаны не сможет с утра застегнуть, — бросил в ответ Майкл первое, что пришло ему на ум под влиянием порыва эмоций.

— Но Ньюфстед при нем, он никуда не делся, — ответил Поттер. — Ладислас тоже здесь. Они не дадут ему сидеть на месте.

— Ты уверен?

— Уверен, потому что... — Поттер вздохнул. — Потому что они хотят править миром. Они правильно полагают, что, как только Хамиль начнет войну с пришельцами, недалек уже будет тот день, когда он станет военным диктатором всей Земли. Кстати, Хамиль тоже так думает. Ньюфстед и Ладислас, вместе или по отдельности, не знаю, рассчитывают до срока остаться при нем теневыми управляющими фигурами. Вот почему Хамиль, этот хвастливый трус, все-таки решится напасть на пришельцев. Вот почему Ньюфстед, этот бывший вор и бандит, толкает его на это. Вот почему Ладислас, который раньше, в старые времена, был профессором политологии и, кроме английского, с не меньшей легкостью изъясняется на нескольких других языках, без возражений согласился таскать по горам семидесятифунтовый тюк и драить Хамилю сапоги. Вот почему ты, независимо от того, насколько хороший ты боец сейчас или каким станешь потом, никогда не будешь принят в круг этих людей.

Майкл промолчал — ему нечего было сказать. Поттер снова принялся вытаскивать плоскогубцами из патронов пули. Прошло около получаса, когда Майкл опять повернулся на бок, поднял жестяную кружку, стоящую рядом с ним на полу, и протянул ее Поттеру.

— Ты не мог бы принести мне еще супа, пожалуйста? — попросил он центаврианина.

Иссак Поттер кивнул, взял кружку и вышел к костру. Вернувшись назад, он подал кружку Майклу.

— Знаешь, — задумчиво начал Вайерман, — когда я был маленьким, мной в основном занималась мама. Она много рассказывала мне о Земле, о том, какой там раньше была жизнь, о том, какими людьми были земляне. Вспоминая сейчас о том времени на корабле и о тех людях, которые летели на нем вместе с нашей семьей, я думаю сейчас и думал так всегда, что все в ее рассказах было правдой. Люди, что летели с нами, были дружелюбными, вежливыми — хорошими людьми. Во всех отношениях. По крайней мере, ко мне все были очень добры.

Майкл отхлебнул из теплой кружки супа.

— Конечно, моя мать была женой президента, а я был президентским сыном. Когда я подрос, я часто думал об этом. Хотя и не особенно углублялся в размышления. Да и к чему мне это было? Когда все хорошо, зачем изводить себя ненужными мыслями? Но вот сейчас мне двадцать пять, и я здесь.

Он снова приложился к кружке.

— Ты прав, Поттер. Ты сделал свою работу. И некого винить, если Хамиль и остальные окажутся не теми, кем должны были быть. Правительство в Изгнании отсюда слишком далеко. Здешним молодцам нет до него дела. Они не пытаются строить из себя героев, они остаются сами собой и посылают старое правительство к чертям. Но главное, что и Центавру нет дела до того, кто будет заправлять этим миром, — им важно, чтобы пришельцев выставили отсюда в шею. Вот что мне кажется, — продолжил он, отставляя пустую кружку. — Мне кажется, что сейчас на Земле я единственный, кому не все равно, как и что здесь будет дальше. Хотя в данный момент даже мне не до того.

Он перевернулся на спину и через несколько минут погрузился в сон.

Через три дня Майкл окреп настолько, что не только смог подняться на ноги, но и принялся помогать Поттеру обучать людей Хамиля пользоваться центаврианскими ружьями. Особого труда это занятие не требовало. Мужчины постарше, независимо от того, кем они были в прежней жизни, успели научиться обращаться с оружием очень хорошо. Те же, кто помоложе, вырос с оружием в руках. Все, чему требовалось научить их, это придавливать курок большим пальцем вместо того, чтобы жать на него указательным, и учитывать при стрельбе, что ружья заносит вверх и влево. Люди учились этому очень быстро. Хамиль наблюдал за успехами своих подчиненных бесстрастно, но даже он не мог ни на что пожаловаться. Майкл старался ни с кем особенно не разговаривать, общался с повстанцами только тогда, когда этого требовали обязанности инструктора, да и то изъяснялся в основном односторонне. Решив, что так будет для него лучше, он специально выбрал для себя такую тактику поведения, и в последующие дни не случилось ничего, что опровергло бы его мнение.

6

— Вы мой штаб, парни, — объявил Хамиль, перестав наконец рассказывать и остановившись перед костром, уперев в бока руки

и отбрасывая широкую длинную тень. — Вы мой штаб, — повторил он, смакуя слова. — Мой штаб.

Ладислас и Ньюфстед лежали на траве, при этом первый безмятежно глядел на звезды, а второй, подперев щеку ладонью, смотрел в огонь. Поттер сидел закинув ногу на ногу на большом валуне, его глаза блеснули любопытством. Хамиль многозначительно отозвал их подальше от остальных и теперь весь светился предчувствием триумфа. Сейчас он видел себя военным гением.

Майкл, незванным незаметно подошедший к костру вслед за Поттером, презрительно изогнул губы. Он сидел на корточках в тени валуна центаврианина и молча наблюдал за происходящим.

— Давай к делу, Франц, — устало подал голос Ньюфстед.

Хамиль ожег его яростным взглядом. Ньюфстед рассмеялся:

— Перестань, к чему эти драматические эффекты. Так в чем дело?

Но даже Ньюфстед не мог испортить сегодня вечером настроение Хамиля. С тех пор как прошедшим днем командир одного из специально посланных им в предгорья разведывательных отрядов доложил ему нечто наедине, Хамиль пребывал в приподнятом настроении. И вот теперь он решил наконец ввести в курс дела и их тоже.

— Я начинаю боевые действия против пришельцев. Завтра будет сделан первый шаг, — отчеканил он со значением, кося одним глазом на Поттера.

— Если ты собираешься предложить нам спуститься с горы и наконец-то раздолбать тот блокпост пришлых на шоссе, тогда так сразу и скажи. — Ньюфстед не желал оставлять Хамилю возможность для разворачивания грандиозных планов. Не меняя выражения лица, повернувшись на бок, Ладислас тихо усмехнулся.

— Спасибо, Ньюфстед, ты невероятно вежлив сегодня, — отрезал Хамиль.

— Ну-ну, не дуйся, — небрежно отозвался Ньюфстед. — Ты и без того что тот воздушный шар. Еще лопнешь.

— Господа, — протрубил Поттер, — я рад слышать, что генерал Хамиль сумел подготовить план в такой короткий срок. Это весьма вдохновляет.

— Выступаем завтра? — пробасил Ладислас.

То, что назревало между Ньюфстедом и Хамилем, теперь сказывалось на них обоих. Хотя в любом случае Майкл сомневался в том, что здесь могло произойти что-то серьезное. Горечь и раздражение Ньюфстеда должны были периодически находить выход, и такого рода пикировки в лагере, вероятно, были обычным делом. И снова Майкл ощутил накатывающую на него иссушающую апатию.

Если эти люди — его, то, очевидно, настало время что-то решать. Возможно, пришло время сказать себе, что двадцать лет, проведенных на Чиероне, все-таки не прошли для него даром и дали гораздо лучший опыт и знания, чем те, что он мог бы получить, живя в мире, все в котором расходилось с его представлениями о нем.

Он глубоко задумался и понял, что уже давно тоскует по Чиерону и Центавр. Он просто-напросто хочет обратно.

Хамиль вернул себе свою прежнюю уверенность.

— Очень хорошо, значит, все согласны. Завтра утром я лично возглавлю атаку ударной группы на блокпост пришельцев.

Он сам собирается вести своих людей? — потрясенно подумал Майкл. По правде сказать, он ожидал, что Хамиль назначит для этого дела Ладисласа или Ньюфстеда.

— Я тоже хочу пойти, — объявил он громко.

Хамиль повернулся в его сторону и всмотрелся во мрак за световым кругом от костра.

— Никто не возражал, — объяснил Майкл, — поэтому я решил подойти послушать. В конце концов, это же глупо — вы что же, считаете, что я могу выдать ваши военные тайны врагам? Я хочу пойти с вами — могу я это сделать? Я хочу увидеть, чего вы стоите под огнем, Хамиль. Мне нужно увидеть это хотя бы раз.

Глаза Хамиля сузились. Он угрожающе улыбнулся.

— Тогда ради бога, Вайерман. Ты приглашен, и я рад видеть тебя завтра среди нас. Более чем рад.

— Благодарю. — Майкл почувствовал, что его забавляет эта игра в открытое неуважение. Это укрепляло его чувство собственной твердости, опасности, которую он мог вселять в других, не меньшей, чем у остальных, мужественности. Как же иначе, ведь он желает проверить на стойкость самого Хамиля!

— Не надейтесь, Хамиль, я не дам себя убить. Я не собираюсь оказывать вам эту маленькую услугу.

Сказав это, Майкл замолчал и на Хамиля уже больше не смотрел. Тот стал ему безразличен — пусть бесится от злости, если желает. Поттер тихо вздохнул.

Сформированная на следующий день ударная группа состояла из десяти человек, не считая Хамиля, Поттера, Ладисласа и Майкла Ньюфстед остался командовать лагерем, где к нему был приставлен личный телохранитель Хамиля, готовый зарезать Ньюфстеда в любой момент, если тот решит устроить дворцовый переворот.

Когда они спустились к шоссе, огибающему гору у подножья, Хамиль торжественно выступал впереди. В свете яркого утренне-

го солнца он держал голову гордо поднятой и раздувал ноздри. Время от времени на его губах возникала довольная улыбка, способная вселять ужас, и тогда он разгонялся, переходя на бег и спешил добраться до цели. Всякие опасения по поводу возможности столкновения с членами враждебных отрядов были забыты и отброшены. Казалось, Хамиль был уверен в том, что в такой судьбоносный день любые неудачи должны обходить его стороной.

— Ты только посмотри на него, — бросил Майкл Поттеру, кивая на фигуру партизанского вождя, шагающего впереди. — Вот уж никогда бы не подумал, что этот тип будет так рваться в бой.

Вышагивающий справа от Майкла Ладислас усмехнулся.

— Он давно уже точит зуб на этот блокпост. Так уж он хотел его заполучить.

Поттер кивнул.

— Я тоже кое-что слышал об этом.

— Тогда что же это такое — частная вылазка Хамиля? — удивился Майкл.

Поттер пожал плечами.

— Лично для меня нет никакой разницы, все, что мне нужно, это увидеть, как эти люди сумеют управиться с пришельцами.

— Да, наплевать, — согласился Майкл.

Внизу, вблизи подножья горы, воздух стал жарким и душным. Здесь отряд замедлил ход. Хамиль немного пришел в себя и даже заметил, что на его куртке расплываются пятна пота. Деревья пошли гуще, пространство между ними плотно заросло кустарником, ступать приходилось по толстому ковру опавшей листвы. Майкл услышал отдаленное рататата и мрачно улыбнулся.

Внезапно Ладислас нагнал Хамиля и, положив ему руку на плечо, тихо напомнил о чем-то. Хамиль кивнул и, махнув рукой, приказал своему маленькому отряду прекратить спуск и повернуть налево. Ладислас вернулся к Майклу и снова зашагал рядом с ним.

— Мы повернули и идем параллельно шоссе к перекрестку, где находится блокпост.

О том, что прежде чем он вмешался, Хамиль, по всей вероятности, собирался выйти на шоссе и подвести их к посту пришельцев строевым шагом, великан-землянин не сказал ничего.

— Как поживает твой отец, парень? — неожиданно спросил Майкла Ладислас.

— Когда я виделся с ним в последний раз, он был здоров, — ответил Майкл. — А почему... разве вы знакомы?

— На последних выборах мы с твоим отцом были противниками.

По всему выходило, что Ладисласу было очень важно сообщить ему это. Сказав так, великан снова впал в угрюмое молчание.

— Профессор Данко не сказал тебе, — подал голос Поттер, — что твоему отцу победу обеспечил перевес всего в пятнадцать голосов.

Майкл повернулся к спокойно шагающему рядом великану. Загорелая и обветренная кожа туго обтягивала широкие скулы Ладисласа. Глаза землянина, на которые раньше Майкл внимания почему-то не обращал, были чистейшего и глубокого зеленого цвета. Из того, о чем Ладислас только что сказал Майклу, следовало, что ему должно быть не меньше пятидесяти пяти лет. На вид землянину было около сорока.

Вспоминая отца, Майкл каждый раз видел его в старых домашних брюках, внимательно осматривающим щели в стене гостиной, с тубиком шпаклевки в одной руке и столовым ножом в другой — в тубике была трещина, и он тек, шпаклевка капала на ковер, образуя там круглые, как монеты, белые пятна.

— Значит, вы проиграли? — повторил Майкл, не сводя глаз с Ладисласа Данко. — А жаль.

Блокпост у Т-образного соединения дорог был обычным одноэтажным домиком из стандартных бетонных плит. Домик этот был поставлен прямо над верхней переключиной «Т» и имел назначение охлаждать пыл здешних горных обитателей, и никакого более. Снаружи вокруг чистенько выбеленного блокпоста расположился обложенный ровными рядками выбеленных же камней цветник. Пешеходная дорожка, ведущая от главных дверей домика к шоссе, в середине расходилась надвое и кольцом обегала обособленный цветник с небольшой каменной насыпью в центре, из вершины которой торчал белый металлический флагшток. Флаг прищельцев весело трепетал и щелкал на теплом ветерке. Из крыши блокпоста, в том углу, где, очевидно, находилась кухня, очень мирно торчала жестяная дымовая труба, земля вокруг домика была расчищена под газоны, обнесена бордюрами из булыжников и, очевидно, обильно орошаемая, зеленела ровно подстриженной сочной травой. На стоянке с левой стороны от домика стоял гражданский седан, надпись на эмалевой табличке у главных дверей гласила: «Полиция штата Пенсильвания». Это был типичнейший полицейский пост самых что ни на есть мирных времен, и воображение Майкла с готовностью нарисовало ему обитающего внутри старшего сержанта — или его теперешний эквивалент, — обеспокоенного более состоянием лужайки на переднем дворе, чем готовностью собственного пистолета.

Ладисласом и Хамилем в кустах перед шоссе отряд был разделен на две группы. Блокпост был взят ими в заведомо широкое кольцо.

Для того чтобы добраться до блокпоста, нужно было пересечь довольно обширное, совершенно открытое пространство, но Хамиля это, казалось, нисколько не беспокоило. Возможно, трусость не входила в число его недостатков, или же, что было более вероятно, он действительно очень сильно хотел овладеть этим блокпостом. Когда все было приготовлено, Хамиль несколько секунд стоял молча за ближайшими к шоссе кустами, оглядывая своих людей. Потом он коротко кивнул Ладисласу, который засунул в рот два пальца и пронзительно свистнул. Вместе с остальными Майкл побежал в сторону блокпоста. Поттер с напряженной полуулыбкой на лице бежал следом за ним, поотстав на несколько шагов. Выражение лица Майкла было каменно-непроницаемым.

Выскочив из кустов, они почти сразу же все попадали на землю и открыли бешеную пальбу по зданию блокпоста. От стен аккуратного домика начали отскакивать звездообразные куски бетона — казалось, что несколько невидимых изворотливых хулиганов-мальчишек бегают перед стеной и во всю лупят по ней молотками. Полетели стекла из узких окон-бойниц.

По спине Майкла пробежал холодок, когда он увидел, как быстро из этих бойниц высунулись стволы пулеметов и принялись поливать нападающих ответным огнем. Как замороженный, он смотрел на язычки оранжевого пламени, пляшущие на срезах дул пулеметов пришельцев.

Основной огонь защитников блокпоста был сосредоточен на фланге, противоположном Майклу, — пули так и рыхлили там землю между лежащими бойцами. Люди Хамиля рассредоточились, и попасть в них было непросто, но тем не менее некоторым из них не удалось пережить этот первый шквал ответного огня. Раздалось оглушительное бумм! — и где-то посередине правого фланга к небу взметнулся столб огня и дыма. Одного из подрывников Хамиля не стало, а вместе с ним и изготовленной вручную бомбы.

В течение нескольких минут Майклу казалось, что пост пришельцев им не взять никогда. Но потом массированный огонь из центаврианских ружей ослепил бойницы, не давая стрелкам внутри возможности ориентироваться. Ответная пальба поутихла, сделавшись случайной и неприцельной. Второй подрывник Хамиля вскочил на ноги, петляя как заяц добежал до стены блокпоста, вскинул руку и швырнул вперед парусиновый мешочек, полный собранной из патронов пороховой начинки. Одновременно

с его падением завершил свое горение запал, бомба взорвалась, раздался гулкий удар, словно кто-то пнул ногой в гигантский барабан, и в стене блокпоста образовалась дыра около двух футов в поперечнике.

Хамиль заорал:

— По коням! — словно командовал не пехотой, а кавалерией, и через мгновение все повстанцы что есть духу мчались к белому домику с его ослепшей стороны. Один за другим они принялись отчаянно нырять в прореху в стене, потеряли в ближнем бою еще двух человек, но уже через пять минут блокпост был взят. Майкл присел на корточки у стены, чтобы перезарядить ружье.

То, что еще совсем недавно, вероятно, представляло собой аккуратную внутреннюю обстановку, теперь превратилось в пыльные руины, имеющие вид многолетней заброшенности. Бетонная пыль покрывала все, даже трупы солдат-пришельцев, глядя на которых, было невозможно поверить в то, что они когда-то были живыми людьми. Так много на них было пыли.

Пол был усыпан мелкокалиберными гильзами. Одна из гильз, лежащая под ягодницей Майкла, была еще горячей. Стены внутри были испещрены пробоинами и трещинами, словно невидимые хулиганствующие мальчишки успели поработать и здесь, в порыве вандализма сокрушив этот символ власти. Майкл очень живо представил себе, как все это могло происходить.

Хамиль, который куда-то исчезал, появился в разбитых дверях с застывшей, будто приклеенной, жестокой улыбкой на лице. Перед собой он вел офицера пришельцев, то и дело подгоняя того тычками своего стека. Майкл принялся с удивлением следить за происходящим.

Пришелец был высок и худощав, с впалыми щеками, выдающимися скулами и орлиным носом. Его кожа напоминала оттенком песок, волосы были каштановыми и вьющимися, карие глаза смотрели твердо, твердыми были и очертания его челюсти. Майкл вспомнил чью-то глупую шутку о том, что Землю оккупировала нация профессиональных спортсменов-горнолыжников. На что кто-то ответил, что, дескать, эти ребята свои соревнования выиграли, на чем тема была стыдливо закрыта. На офицере пришельцев была ладная, хорошо сшитая форма, в которой он держался прямо и с достоинством, что было неотъемлемым свойством его народа. Шел он достаточно быстро для того, чтобы избежать большей части тычков Хамиля, но вместе с тем ухитрялся создавать впечатление того, что ни от одного из них он не уворачивается специально. В центре помещения офицер остановился и, повернувшись лицом к Хамилю, замер в спокойной позе, опустив руки вдоль

туловища. Для того чтобы смотреть на Хамиля прямо, пришелец чуть-чуть пригнул шею, но это ничуть не умалило впечатления достоинства, которое он ухитрился создавать.

Всего один раз глаза офицера пришельцев стрельнули в сторону Майкла, да и то задержались не на нем, а на ружье у него на коленях. При этом губы каштаново-кудрявого человека чуть сжались. После этого он уже не сводил глаз с Хамиля.

Уперев кулаки в бока, Хамиль улыбнулся пришельцу прямо в лицо.

— Ты узнаешь меня? — в восторге пролаял он, сам не свой от лихорадочного возбуждения.

— Ты Франц Хамиль, — спокойно ответил пришелец. — Я помню тебя.

Улыбка Хамиля сделалась еще шире.

— И ты, конечно, помнишь, где мы с тобой встречались?

— Во время твоего тестирования я руководил классификационной группой, в которую ты входил. Это было восемь лет назад.

— И наверняка решил, что никогда меня больше не встретишь?

— Для меня этот предмет не имел никакого значения.

Неожиданно быстро размахнувшись, Хамиль стегнул пришельца стеком по щеке. По всему было видно, что пришелец ожидал такой выходки. Его голова даже не дернулась в момент удара, на длинный рубец на щеке он не обратил никакого внимания.

Вероятно, слышав, что в доме творится что-то неладное, Ладислас и Поттер быстро вошли внутрь и встали по бокам от Майкла, который неожиданно для себя обнаружил, что уже не сидит, как прежде, у стены, а стоит во весь рост, сжимая в руках ружье.

— Что происходит? — шепотом спросил его Поттер.

— Какие-то классификационные группы, я не понимаю.

Майкл почувствовал, что его трясет от ярости, и с изумлением взглянул на свои руки.

— Ага, — проговорил Ладислас. — Значит, он все-таки нашел его.

Хамиль и пришелец не видели никого, кроме друг друга. В ушах Хамиля, наверное, грохотал пульс и бешено гудела кровь. Пришелец наверняка заметил вновь вошедших — глядя на него, можно было вполне поверить, что такой замечает вокруг все и вся, — но он не обернулся и никак не показал этого.

— Да, ты заведовал моей классификационной группой, — проблеял Хамиль. — Заведовал, командир фигов. Тогда ты только что закончил эту вашу военную академию. Ты брался экзаменовать бывших офицеров земной армии, которые были в два раза — нет, в десять раз — опытней тебя!

— Именно так все и было. Я помню, тогда тебя сочли полностью непригодным для командных постов.

Хамиль ударил пришельца стеком по лицу второй раз, но теперь никто этому не удивился. Новый рубец лег поперек старого. Густая и темная венозная кровь стекла вдоль скулы пришельца и начала капать на его форму, но он не обратил на это ни малейшего внимания.

— Черт, именно так ты тогда и говорил. И что же, ты до сих пор придерживаешься того же мнения?

— Мое личное мнение никакого отношения к результатам классификационных тестов не имело и не имеет — это простая совокупность набранных баллов. Но хочу отметить, что ты своим баллам вполне соответствуешь!

Хамиль снова стегнул пришельца стеком по лицу, и на этот раз Ладислас счел нужным забрать из рук Майкла его ружье.

— Думал, что я не узнаю, где ты прячешься? Думал ведь, скажи? Решил, что здесь я тебя не достану?

— Я знал, что ты скрываешься где-то в этих горах. Обратное тоже было вполне возможно — не вижу причин для того, чтобы это было не так.

Похоже, Хамиль наконец сообразил, что пришелец ловко издевается над ним. Бить сразу он его не стал, а вместо того сначала гаркнул во всю глотку:

— Ты что, смеешься надо мной, подлец?

— Да, но совсем немножко.

Судорога пробежала по телу Хамиля, купол его лысины налился кровью. Вскинув вверх лицо и широко размахнувшись, он ударил пришельца кулаком в подбородок.

— Повесить его на флагштоке! — выдавил он сквозь сведенное спазмом горло, отчего крик его напомнил звук трубы.

Ладислас быстро вышел вперед, отодвинув плечом Майкла с дороги, и через минуту опасный момент был позади. Ладислас взял пришельца за руку и вывел наружу. Пришелец медленно и ровно шагал по гравийной дорожке к круглому цветнику. Один из людей Хамиля спустил флаг и сделал на конце тонкого металлического троса петлю.

Перед самым концом жесткие глаза офицера пришельцев немного смягчились. Но он не сказал больше ни слова.

7

Они вырыли шесть могил и похоронили своих павших товарищей. Хамиль особенно настаивал на том, чтобы оставить ва-

латься мертвых пришельцев там, где их застала смерть, — так или иначе, гарнизон блокпоста погиб полностью до последнего человека — поэтому после того, как последняя могила была засыпана землей, делать здесь больше было нечего. Они сняли со станков тяжелые пулеметы пришельцев и собрали все, какие нашлись, патроны. Пулеметы были укреплены на спинах первой смены бойцов Хамиля, которым предстояло нести оружие по очереди.

Все дела были закончены, но команды к отступлению почему-то все не отдавалось. Хамиль задумчиво стоял в стороне, смотрел на землю и похлопывал себя стеком по голенищу сапога. Лишенный ближайшей цели, он как-то сразу увял. Казалось, Хамиль никак не может заставить себя поверить в то, что блокпост наконец взят.

— О каких это классификационных тестах они говорили? — с трудом произнося слова, спросил у Ладисласа Майкл. — Что это такое?

К горлу совсем близко подступила тошнота, и ему приходилось делать над собой усилие, проталкивая слова наружу мимо комка и сдерживая тошноту.

На его вопрос ответил Поттер.

— Это нововведенная пришельцами часть общественной административной системы — все должны пройти тесты на профессиональную пригодность. Таким образом, население классифицируется, и каждый гражданин получает то место, где он может проявить себя лучше всего. Человек, занимающийся тем делом, которое ему больше всего подходит, доволен собой и своей судьбой — считается, что иначе вроде бы и быть не может. Удовлетворенное население никогда не станет бунтовать и устраивать демонстрации. Хамиль подал заявление на прохождение тестов по военным дисциплинам — он считал эту область для себя наиболее пригодной и по законам пришельцев вполне мог попробовать себя в том, к чему питал склонность. Каким был результат этих тестов, ты уже, надеюсь, понял. Все это отмечено в досье, которое у нас имеется на него.

— Я понял. Он пытался стать офицером в армии пришельцев.

— Да, и ему дали от ворот поворот, — продолжил Ладислас. — Тогда он бежал в горы. Никто не пытался его остановить, я уверен в этом. Пришельцы очень забавные люди. Если ты не можешь вписаться в их систему, они не будут тебя принуждать к этому. Вместо того они дают тебе возможность умирать с голода из-за собственной непригодности. И если при этом ты решился уйти в какое-нибудь отдаленное место и жить там тихо и без вреда для основной массы народа, то ради бога, никто не помешает тебе сделать это.

— Очень интересно, — отозвался Майкл.

В небе появился и настойчиво загудел золотой шмель. Майкл поднял голову и посмотрел вверх. Это самолет, понял он и с тревогой подумал о том, имеются ли на борту летательных аппаратов пришельцев телескопические средства наблюдения за земной поверхностью с высоты.

Всего секунду назад самолет был не более чем искоркой среди облаков, но в следующее мгновение он уже с ревом неся к ним. Выхлоп двигателя этого золотого блестящего веретенообразного тела, а точнее, модифицированного образца двигательного средства, применяемого на космических шлюпках, заставлял воздух кипеть, визжать и клубиться яростными тугими спиралями турбулентции — штурмовик пришельцев мчался к ним во всей своей красе.

Они дружно бросились врассыпную, часть решила искать укрытия в лесу, под защитой деревьев, несколько несчастных нырнули в здание блокпоста, в белую крышу которого попали первые выпущенные штурмовиком ракеты. Взрыв был ужасен. На глазах у Майкла следующая ракетная очередь, выпущенная почти горизонтально, пронеслась над травой, воткнулась в землю неподалеку от блокпоста, превратилась в подобие частокола пограничных столбов и в тот же момент взорвалась. Лужайка мгновенно утратила свою прелесть, покрывшись коричневыми оспинами воронок. Потрясенный мозг Майкла настолько быстро обрабатывал визуальную информацию, что он буквально смог различить моменты соударения ракет и детонации. Он отчетливо увидел, как ракеты воткнулись в газон, замерли там на мгновение и взорвали свои боеголовки. В свое время ему объясняли, что противопехотные реактивные снаряды настраиваются так, чтобы их боеголовки срабатывали в момент столкновения с препятствием, иначе земля могла уменьшить своей толщиной убойную силу. Сейчас же, скорее всего, пилот использовал бронебойные снаряды, предназначенные для поражения технических средств, космических кораблей, например. В таком случае, истребитель не был вызван из блокпоста специально, а скорее всего, совершал патрульный облет.

Возможно, самолеты стали посылаться сюда после того, как станции радарного слежения пришельцев два раза подряд засекли в этом районе появление неопознанного судна. Истратив боезапас, штурмовик сделал над местом бомбежки круг, взмыл в небо и исчез. Пилот сделал свое дело, над горами снова воцарилась тишина, и только Поттер остался лежать на траве, зажимая руками рану в животе.

Огибая дымящиеся воронки, Майкл бросился к своему напарнику. Он старался бежать быстро, но Хамиль успел оказаться около коротышки-центаврианина раньше его.

Поттер лежал на боку, согнув и поджав колени. Его лицо было белым, как мел, а рот превратился в застывшее ровное «О». Хамиль рывком перевернул центаврианина на спину и оторвал его руки от живота. Присев на корточки над Поттером, он быстро оценивающе осмотрел рану и наклонился над его лицом. Поттер смотрел в небо мутными и безумными от боли глазами. Майкл попытался оттолкнуть Хамиля в сторону.

— Оставь его в покое, я тебе говорю! Оставь его в покое!

Хамиль не обратил на его крики никакого внимания и не сдвинулся с места. Он что-то искал в нагрудном кармане своей золотой куртки. Ломая ногти, он пытался расстегнуть пуговицу, потом, наконец, в отчаянии оторвал ее и засунул руку в карман. Первый сложенный вчетверо лист бумаги, который Хамиль достал оттуда, был его генеральским свидетельством. С раздражением взглянув на него, он отбросил свидетельство в сторону. Следующей появилась пачка других, неизвестных Майклу документов. Хамиль разгладил листы на колене и снова начал шарить по карманам, очевидно, в поисках того, чем можно писать.

Иссак Поттер снова схватился руками за живот. Он силился что-то сказать, на его шее от невероятных усилий вздувались вены. Его рот открылся и закрылся несколько раз. Заметив Майкла, центаврианин снова попытался заговорить.

— Я не из секретной службы, — наконец выдавил он из себя. — Департамент Иностранных дел. Дипломатический корпус.

Хамиль наконец нашел карандаш. Быстро перевернув листы и открыв последний, он послуныявил языком кончик карандаша и принялся засовывать его в окровавленные пальцы Поттера.

— Подпиши это, — быстрым, дрожащим от паники голосом прошептал он. — Ты уже можешь подписать. Операция прошла успешно, так что прошу тебя, подпиши.

Поттер поморщился, одновременно содрогнувшись всем телом.

— Успешно. Да, конечно. Но в будущем не забывайте о самолетах, хорошо?

Центаврианин тщательно вывел свою подпись. Потом передал карандаш Майклу. Черты лица Поттера исказились от какого-то внутреннего переживания, не имеющего отношения к физической боли.

— Ты тоже должен подписать это, дружище. Как свидетель.

Не задумываясь о том, что он делает, Майкл расписался. Поттер передал бумаги Хамилю.

— Идите, найдите Ладисласа. Нужно две подписи. Нужны хорошие, надежные свидетели, известные или уважаемые люди. Сын президента и противник президента на выборах подойдут как нельзя лучше. Давайте, идите. Со мной все равно все кончено.

Хамиль кивнул, его глаза просияли. Он встал во весь рост, потом нагнулся еще раз и подобрал с травы свое генеральское свидетельство. Аккуратно свернув все бумаги и надежно упрятав их в карман, он развернулся и быстро зашагал к лесу.

Поттер снова собрался с силами.

— Не знаю, зачем нужен ему был этот генеральский чин. Очевидно, зачем-то нужен. А то... что я только что подписал... это был международный договор. Между Объединенной Центаврианской системой и Францем Хамилем, номинальным президентом Земли. Двухстороннее соглашение. Он обязуется проводить политику центаврианского правительства на Земле, а мы — оказывать ему всяческую материальную поддержку. Мы... полностью отстранили от дел твоих людей, Майкл, обошли вас. Это, конечно, очень скверно, но таким было мнение правительства. Они решили, что управятся с Хамилем сами. Понимаешь, мы не можем позволить Земле снова стать полностью независимой. Это слишком рискованно. Мы должны с самого начала завербовать здесь своих агентов и как следует обосноваться, прочно и надолго.

— Поттер...

— Это политика, Майкл. Мы должны все планировать на поколения вперед. Нам приходится оберегать свою свободу.

С этими словами Иссак Поттер умер.

Майкл почувствовал чью-то руку у себя на плече — это был Ладислас Данко.

— Мы заберем его с собой, — пробасил великан. — Похороним в горах. Через несколько минут здесь появится патруль пришедших, бронетранспортеры. Они носятся по этим дорогам как настоящие демоны.

Майкл оглянулся по сторонам. Остатки отряда Хамиля уже скрылись за деревьями. Бросив Поттера умирать, Хамиль торопливо отступал.

Вайерман сделал один глубокий вдох, потом другой. Потом сбросил с плеча руку Ладисласа, опустил на землю приклад своего центаврианского ружья и разжал пальцы. Дуло ружья легло поперек ног Поттера. Не оборачиваясь, Майкл зашагал через лужайку к шоссе, навстречу патрулю пришельцев. Руки он держал высоко поднятыми над головой.

ГЛАВА 3

1

Сначала патруль обозначился утробным гулом моторов по ту сторону освещенной солнцем асфальтовой полосы на гребне перевала, над которой колебался нагретый воздух. Потом на подъеме бодро выскочил маленький штабной бронированный вездеход и при виде стоящего посреди дороги Вайермана мгновенно затормозил. День близился к полудню. Было здорово жарко, и в своем грязном комбинезоне Майкл взмок от пота. От солнца у него внезапно ужасно разболелась голова, и ему захотелось опустить руки, но он продолжал держать их поднятыми и спокойно смотреть в черное отверстие дула пулемета на башенке вездехода.

Офицер прищельцев, худощавый и ловкий, элегантно-недоступный в своей черной с серебристой строчкой форме, с любопытством выглянул из бокового люка машины.

— Ты что, сдаешься, парень?

Майкл кивнул.

— Тогда, ради бога, отойди с дороги! Ты же не хочешь, чтобы тебя переехал тяжелый бронетранспортер?

Офицер подкрепил свои слова нетерпеливым жестом руки, и Майкл, продолжая, как болванчик, кивать, поспешно отступил на обочину. Офицер нагнулся и что-то крикнул в недра своего броневика, покотившегося после этого вперед и остановившегося, лениво бурча выхлопной трубой, на обочине рядом с Майклом.

Колонна из шести бронетранспортеров с пехотой на борту пронеслась мимо них в клубях пыли и горячего ветра. Офицер что-то быстро проговорил, прижав к губам микрофон, и другой вездеход, близнец того, что стоял сейчас рядом с Майклом, оставил свою замыкающую позицию в арьергарде, набрал скорость, обогнал колонну и занял место впереди. Патрульная колонна исчезла за ближайшим к разоренному блокпосту поворотом. Майкл остался на дороге один на один с вездеходом прищельцев. По обе стороны от них вдоль дороги поднимались ровные ряды почти одинаковых сосен. С севера горизонт заслоняла серая горная гряда.

Офицер выбрался из люка и уселся на борт вездехода, уперев каблуки высоких ботинок в металлический решетчатый выступ.

Чуть откинув голову назад, он некоторое время хмурил брови и рассматривал лицо и комбинезон Майкла, потом быстро и нетерпеливо проговорил:

— Можешь опустить руки, парень. Теперь давай выкладывай — в чем дело?

Майкл опустил руки так резко, что ладони хлопнули по бедрам.

— Я сдаюсь.

— Это понятно. Я спрашиваю о другом — почему ты это делаешь?

Явное замешательство было написано на лице офицера пришельцев. Подобно девяноста девяти процентам пришельцев, находящихся сейчас на Земле, этот человек был слишком молод и вряд ли участвовал в кампании по захвату планеты да и в любой другой войне тоже. Как представитель небольшой изолированной расы, живущей внутри другой расы, очень схожей внешне, но при этом физически лишенной возможности заводить совместное потомство, офицер общался с коренными обитателями только ввиду крайней необходимости, знал их мало и не ожидал неприятностей с их стороны. Он, конечно же, был в курсе того, что в горах скрываются повстанцы, но не привык к неприятностям и с этой стороны тоже. Так же как и остальные его молодые сослуживцы, он жаждал дела, мечтал быть переведенным на передовую — к тем звездным системам, где жизнь отличалась от скучной рутины, пускай даже и прерываемой иногда известными дозволенными развлечениями гарнизонной службы.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что, увидев перед собой пожелавшего сдаться повстанца, пришелец крайне удивился. Все объяснялось очень просто. Диссиденты и повстанцы скрывались в горах, и это считалось их коренным свойством, в результате чего жизнь офицера и горных обитателей протекала как бы в параллельных, непересекающихся мирах. Несмотря на то, что совсем недавно он на всех парах мчался к месту неожиданной кровавой расправы над собственными товарищами, сознание его еще не зарегистрировало этой перемены в жизненном круговороте. Поэтому к Майклу он отнесся совершенно естественным для него образом: как к вторгшемуся в четко размеченный, удобный мир загадочному незнакомцу, поведение которого малопонятно и потому раздражает.

Внезапно офицера, ожидающего ответа Майкла, осенила запоздалая мысль — все это могло быть просто ловушкой, засадой. Он вздрогнул, напрягся и принялся крутить головой, с тревогой всматриваясь в полумрак под деревьями. Но уже через несколько секунд он догадался, что настоящая ловушка уже давно захлопнулась бы и он был бы мертв. Понимая, что проявил беспечность, и еще более взволновавшись при мысли о том, что только благодаря счастливой случайности остался жив, офицер бросил резко:

— Так что скажешь?

Майкл задумался, но короткого и вразумительного ответа для описания сложного состояния души своей придумать так и не смог. По правде говоря, он сам себя не понимал. Он принял решение под влиянием внезапного порыва, и вот результат — он здесь.

— Я решил, что с меня хватит, — проговорил он. — Я выхожу из игры.

— Ты решил, что с тебя хватит убивать наших солдат и пора попробовать поискать себе какое-нибудь другое занятие? Так тебя понимать?

Майкл потряс головой.

— Насколько я знаю, я не убил ни одного из ваших солдат. Я участвовал в нападении на блокпост и стрелял по нему. Возможно, я попал в кого-нибудь — я не знаю. Но это могло произойти только случайно. С меня хватит, я больше не хочу стрельбы.

— А ну-ка, открой рот, — внезапно приказал ему офицер. — Я хочу посмотреть твои зубы.

Увидев, что Майкл не понимает его, пришелец пришел в ярость:

— Открывай рот, сказано тебе! Давай, быстро!

Чувствуя себя круглым дураком, Майкл с трудом разлепил губы. Так же неожиданно офицер протянул вперед руку и пощупал его одежду. По всему было видно, что офицер делает какие-то выводы для себя из этих исследований, и Вайерман не сразу понял, с чем это могло быть связано. Офицер посмотрел на него очень внимательно.

— В горах ты совсем недавно. И этот комбинезон на тебе, он сшит не на Земле. Откуда ты взялся?

Придумывать что-то и выкручиваться было слишком поздно. Майкл почувствовал, что просто не в силах заставить себя выдать какой-либо звук. Он просто стоял, похолодев, и тряс головой, поняв наконец, чем на самом деле грозит ему пленение. Он должен прекратить об этом думать, решил он. Думать и решать нужно было раньше. Он ступил на дорожку, сойти с которой сможет только тогда, когда она — очень скоро — приведет его к неизвестному, но наверняка печальному концу.

Итак, Майкл на собственной шкуре почувствовал, что означает попасть в плен. Пленный человек уже не тот. Майкл печально вздохнул, больше не обращая внимания на то, высоко ли у него поднята голова и широко ли развернуты плечи.

— Я прилетел с Чиерона, — признался он. — Десять дней назад меня сбросили на парашюте в горы.

— Ты центаврианский шпион?

— Я свободный землянин, — резко ответил Вайерман.

Офицер пришельцев с минуту подумал. Потом ответ был им найден.

— Ого, вот оно что. — Он снова откинулся назад. — Правительство в Изгнании — вот ты откуда?

Майкл кивнул.

— И ты решил сдаться в плен.

Офицер поиграл с переключателем каналов на висевшей на поясе коробочке передатчика.

— Очень интересно.

Наконец он решительно включил передатчик.

— Вызываю региональный штаб, — проговорил он в микрофон. — Здесь лейтенант Борос.

Пришелец дожидался ответа, выстукивая пальцами по колену марш и не сводя глаз с Майкла. Ждать пришлось довольно долго.

Молчание становилось неловким, нужно было как-то прервать его.

— Они повесили старшего офицера блокпоста, — выпалил вдруг Майкл.

Губы лейтенанта Бороса исчезли, превратившись в узкую бледную полоску.

— Они повесили его на флагштоке, — удивляясь себе, безжалостно продолжил Майкл.

— Замолчи!

— Я просто хотел объяснить... — поспешно пошел на попятную Майкл. Ничего он не объяснил. Он замолчал и потупился, принявшись рассматривать собственные ботинки.

— Это штаб? Здесь лейтенант Борос, командир патруля, направленного для поддержки блокпоста на шоссе 209. Я возвращаюсь с пленным.

Новая пауза.

— Никак нет, сэр. Если бы вооруженное столкновение с частями бунтовщиков имело место, лейтенант Лэрам обязательно поставил бы меня в известность. Это беженец. Он сдался добровольно и согласен дать показания. Слушаюсь, сэр. Я сейчас же доставлю его в штаб.

Пришелец выключил передатчик, оглянулся по сторонам и открыл дверцу броневика. Спрыгнув на обочину, он расстегнул кобуру, вытащил оттуда какое-то оружие и уселся на заднее сиденье своей машины. Кивнув Майклу, он молча указал дулом оружия на освободившееся место рядом с водителем, сохранявшим в течение всего разговора бесстрастное выражение лица. С пистолетом в руке лейтенант Борос теперь был совершенно непохож на солдата мирного времени.

— Эй ты, предатель, давай-ка залезай.

Майкл почувствовал, как кровь прилила к его щекам.

К региональному штабу пришлось ехать мимо разбитого блокпоста, обратно тем же путем, которым Майкл недавно пришел.

Двое солдат из патрульных бронетранспортеров пристраивали на место исцарапанный и помятый осколками знак полиции штата Пенсильвания. Под стеной домика лежал короткий ровный ряд неподвижных тел. Флаг пришельцев снова развевался на ветру. Бронетранспортеры были аккуратно выстроены на маленькой парковке рядом с обгорелым остовом полицейского седана.

Лейтенант Борос хлопнул водителя по плечу.

— Притормози и дай гудок.

Водитель плавно нажал на тормоз, и под влиянием инерции дуло пистолета лейтенанта твердо уперлось Майклу в шею.

Броневик остановился, и шофер два раза придавил кружок сигнала в центре руля. Гудок у броневика был резким и басовитым. Стоящий на коленях у крайнего из тел старший офицер патруля обернулся, поднялся и подошел к ним. Казалось, что этот пришелец принадлежит к той же семье, членами которой являлись лейтенант Борос и повешенный Хамилем офицер блокпоста.

Майкл был уверен, что где-то обязательно должны быть также и толстые, низкорослые и бледные пришельцы. Но до сих пор ощущение было таким, будто в обществе пришельцев действовал некий селекционный фактор, способствующий появлению на свет только поджарых, худощавых, с орлиными носами, вьющимися каштановыми волосами, высоких и свободно-грациозных представителей расы. Вместе с ровно загорелыми лицами и глубоко посаженными карими глазами это создавало впечатление вышедших из одной обжиговой печи горшков. Именно эта схожесть пришельцев и являла собой тот основной контраст, отличающий их от землян. Между чужаками словно бы существовала некая незримая, но прочная связь — совершенное равенство, одинаковая эффективность, идеальное братство.

Что говорить, они выиграли войну — и качество сверхчеловеческой отточенности действий при этом помогало им в полной мере.

Подошедший от блокпоста офицер пришельцев заметил Вайермана прежде, чем успел разглядеть на заднем сиденье лейтенанта Бороса. Пришелец нахмурился, молча и внимательно изучил лицо Майкла, одновременно плавным, мягким и привычным движением положив руку на висящую на поясе кобуру.

Было что-то уверенно-смертоносное в том, как пришелец сделал это, и когда лейтенант Борос наконец заговорил, Майкл испытал немалое облегчение.

— Все в порядке, Кадо, — сказал он на отрывистом языке пришельцев.

На лице лейтенанта Кадо все еще сохранялся напряженный след недавно пережитого им потрясения. Своего соплеменника на заднем сиденьи броневика он заметил только тогда, когда тот заговорил, но не подал вида и не выказал удивления, только стрельнул в ту сторону глазами, не поворачивая головы. Вполне возможно, что Кадо Лэрам еще не пришел в себя и не вернул способности мыслить более общими категориями.

— Они сбежали, Зон, — тихо проговорил он. — Они убили здесь всех. Похоже, они не берут пленных и поэтому...

— Повесили Эрла. Я уже знаю. — Дуло пистолета лейтенанта Бороса больно ткнулось в голову Майкла. — Он сказал мне.

— Ты везешь его в город? — спросил Лэрам, опять принима-ясь рассматривать Вайермана.

— Да.

— Смотри, чтобы не сбежал.

— У меня не убежит.

— Он уже сказал тебе, кто был у них за главного?

— Франц Хамиль, — быстро ответил Майкл.

— Он говорит на нашем языке, — с интересом, но без тени удивления отметил Кадо Лэрам. Похоже, что его больше заинтере-совало названное имя. — Франц Хамиль, вот как.

— Вы знаете его? — горько спросил Майкл.

Глядя сквозь Майкла, офицер Кадо Лэрам кивнул, думая о чем-то своем.

— О да.

Заикаться лишний раз на этот счет больше не стоит, решил для себя Вайерман.

— Скажи мне, полиглот, — ровным голосом спросил его Лэрам, — имеешь ли ты какое-то отношение к повешению нашего друга?

Майкл отрицательно покачал головой. Возможно, пришельцы не поверили ему, но доказать свою непричастность он не мог никак.

— Станный тип, — заметил лейтенант Борос. — Он из старого Правительства в Изгнании, прилетел с Чиерона. В штабе хотят узнать, зачем его прислали сюда.

Очевидно, лейтенант Лэрам решил, что он узнал о Майкле достаточно.

— Этот все расскажет, — сказал он. — Странно, они послали мальчишек выполнять мужскую работу.

— Я просто хочу сдать, вот и все, — торопливо объявил Майкл, стараясь предупредить все подозрения.

— Уверен, что ты найдешь себе здесь местечко по душе, парень, — ответил ему лейтенант Борос. Потом он продолжил, повернувшись к Кадо Лэраму: — Нужно ехать в штаб. Увидимся в казарме.

Лэрам кивнул.

— Счастливо.

Пришелец повернулся и направился к бронетранспортерам, в которые уже начали заносить через открытые задние дверцы тела убитых.

Лейтенант Борос снова хлопнул водителя по плечу.

— Поехали, — приказал он, и тот включил передачу. Броневи́к, хорошо слушаясь управления, вырулил на шоссе, и они помчались к городу.

Выбравшись из гор, дорога потянулась через возделанные поля и пастбища, мимо ферм и небольших городков. Куда ни глянь, все выглядело аккуратным и процветающим. Люди в полях и на городских улицах были здоровыми и довольными жизнью. У всех без исключения строений вид был свежевыкрашенный. По пути на шоссе им попалось навстречу несколько новеньких сверкающих гражданских машин, в городках витрины магазинчиков ломались от изобилия продуктов. Время от времени прохожие на тротуарах весело махали броневи́чку рукой, нигде не было заметно ни одного хмурого лица или затаенно-недовольного взгляда. Умиротворенное население, как понял Майкл, воспринимало броневи́чок инопланетных оккупантов как еще один тип транспорта сил правопорядка, вроде полицейской машины. Очень часто на улицах он замечал пришельцев в военной и гражданской одежде, чаще всего в гражданской, — инопланетники свободно ходили по улицам, и земляне заговаривали с ними, не делая никаких отличий.

Вскоре они добрались до большого города, где броневи́к сбросил ход. Прохожие бегло посматривали на их машину, но, замечая в бойнице Майкла, задерживали взгляд, безошибочно узнавая в нем пленника. Один раз, когда броневи́к остановился на перекрестке на красный свет, из окошка затормозившего по соседству автобуса высунул голову какой-то мужчина-землянин и сплюнул вниз, чуть не попав потрясенному Майклу на колени.

— Отодвинься подальше от окна, слышишь, ты? — прорычал Борос после того, как броневик проехал перекресток. — Мне нужно доставить тебя в штаб, и я не хочу, чтобы разъяренная толпа разорвала тебя на части.

— Что?.. — пролепетал бледный Майкл, еще не пришедший в себя.

— Хотя ты и пробыл в горах, по твоим словам, всего десять дней, но грязной свиньей, такой же как и все остальные бунтовщики, стать все же успел. Может, этот парень в окошке автобуса немного ошибся, но я не могу его за это винить.

Вайерман послушно отодвинулся от окна и вжался в сиденье. Они не спеша катили по чистым, кишащим прохожими улицам Пенсильвании, от которых на Майкла внезапно пахнуло леденящим холодом.

2

Допрашивающий его офицер был значительно старше лейтенанта Бороса, мрачно удалившегося к себе в гарнизонный городок. Но, несмотря на возраст, старший офицер, несомненно, принадлежал к тому же ястребинолицему роду-племени, единому огромному братству.

Именно это свое качество ведущий допрос пришелец и противопоставил Вайерману. Увидев, с какой быстротой на столе перед офицером появилась папка с его личным делом, Майкл почувствовал полную беспомощность. Досье было передано по факсу из Главного штаба, находящегося в Женеве, на другой стороне земного шара.

— Майкл Вайерман, — мягко проговорил офицер, что-то спокойно просматривая в раскрытой папке. — Майкл Вайерман, — повторил он снова, но уже другим голосом, тоном средней силы заинтригованности. — Сын президента Правительства Земли в Изгнании.

Майкл кивнул.

Комната, в которой он находился, была совершенно пустой, не считая двух стульев и стола между ними, на стенах не висело ни картин, ни каких-либо украшений, и глазу не на чем было остановиться и отдохнуть. Кроме офицера пришельцев, Майклу просто не на что было смотреть.

— Тебя сбросили на парашюте в горы десять дней назад?

— Да.

— С космического корабля, конечно же?

— Да.

Офицер поднял глаза от папки с личным делом Майкла.

— И этот корабль принадлежал вооруженным силам Объединенной Центаврианской системы?

Майкл решил отвечать с осторожностью.

— Корабль не принадлежит ОЦС.

Лучше всего было придерживаться официальной легенды. Если он сразу же не отметит особо этот важный момент, то впоследствии могут случиться очень большие неприятности.

Офицер прищельцев иронически улыбнулся.

— Просто поразительно, как только не изворачивают некоторые положения международного права.

— Да, конечно, — неопределенно отозвался Майкл, но по непонятным причинам офицер уже оставил эту тему, чтобы перейти к другой.

— Поговорим о тебе, — сказал пришелец и перевернул несколько страниц в папке с данными. — Семья вывезла тебя с Земли в возрасте одного года на Чиерон, и с тех пор ты все время жил там. Ты вырос на Чиероне среди центаврианцев, являющихся потомками землян, но в течение вот уже нескольких поколений считающих себя независимым народом, превративших свой мир в богатый, процветающий и могущественный край, чьи родственные связи с Землей истончились по причине известных событий до крайности. Ты был таким же чужаком среди этих людей, каким мог быть там, например, я. Был ли ты счастлив на Чиероне, Майкл?

— Счастлив? Да, конечно.

— В самом деле? Ты не ошибаешься? — Тон офицера неожиданно потерял свою задушевность. — Лично мне кажется, что в течение всей своей недолгой жизни ты каждый день просыпался и ложился спать только с одной мечтой — вернуться на Землю — на свою родину, конечно же, но также и туда, где ты мог занять полагающееся тебе по праву сына столь значительного отца почетное место, — поскольку на Чиероне тебя окружали дети процветающих и обеспеченных людей, никогда не знавших, что такое горечь поражения. Эти люди, конечно же, были в курсе постигшей Землю беды, но ставили это событие далеко не на первое место, а к пламенному земному патриотизму некоторых беженцев относились как к новой странной разновидности чудачества.

— Вы очень проницательны, — прошептал Майкл.

— Красавцем тебя не назовешь, — продолжил офицер. — У тебя оттопыренные уши, и ты неуклюж. Ты вряд ли способен произвести впечатление на людей своим умом. Скажи мне правду, Майкл, ты был счастлив на Чиероне?

Майкл покачал головой.

— Вот именно, — отозвался пришелец, снова смягчая голос. — Когда эти люди там, на Центавре, решили послать тебя сюда, это было как раз то, о чем ты мечтал, — я прав? По крайней мере, ты возвращался на свою родину, в место, которому ты принадлежишь.

Офицер замолчал.

— Я был счастлив, — с трудом выговорил Майкл, в горле которого пересохло.

— Счастлив, — повторил пришелец, не сводя глаз с лица Майкла. — Да, конечно, я могу представить себе, каким было это счастье.

Офицер сделал новую паузу, перебирая в папке бумаги, потом продолжил:

— Но на самом деле счастья не было. Нет его и сейчас. Десять дней назад ты перешел из фазы счастья в другую, прямо противоположную — полного крушения всех планов и надежд. Эта метаморфоза случилась внезапно, Майкл Вайерман. Люди из отряда Хамиля не захотели принять тебя за равного? Конечно, я угадал.

Офицер остановил свой взгляд на лице Майкла.

— Но и ты разочаровался в Хамиле? Признайся.

Вайерман ничего не сказал в ответ. Он увидел, как губы пришельца растянулись в улыбке.

— Тебе не понравился ни Хамиль, ни его методы, — продолжил пришелец. — Наверняка внешний вид лидера Освобождения Земли вызвал у тебя отвращение.

— Да.

Какой прок скрывать что-то от этого всевидящего человека?

— Ты им тоже не понравился, могу поспорить на что угодно. Тебе еще повезло, что ты выбрался оттуда живым, — ты хоть это понимаешь, Майкл?

— Понимаю. Уверен, Хамиль рад, что избавился от меня.

— Вот-вот. Ответь мне, как далеко заходят планы этого человека? Он уже намерен стать диктатором этого мира?

— Да.

Об этом было несложно догадаться, и Майкл удивился такому внезапному понижению уровня дедуктивных упражнений офицера пришельцев.

Офицер медленно кивнул.

— Вообще говоря, тот, кто строит подобные планы, необязательно безумен, — негромко заметил он. — Но к этому мы еще вернемся. В данный момент больше всего нас интересует ты, Майкл.

Вайерман неожиданно понял, хоть и снова запоздало, что в течение разговора прищелец ни разу еще не задал вопрос, ответ на который не был ему известен заранее, — он сам подводил Майкла к этим ответам. Послав мысль чуть дальше и представив, каким мог оказаться результат подобного разговора, Майкл вздрогнул.

Сидящий напротив него офицер покачал головой.

— Ты чужд всему, Майкл. Ты был чужим на Чиероне; ты был чужим в горном отряде. Хотел бы я знать... твой отец, вероятно, очень занятой человек..

Майкл закусил губу.

— В своей семье ты тоже был чужаком... Нет такого места, где бы тебя считали своим, Майкл. Я верно излагаю положение вещей?

Вайерману нечего было сказать.

— Однако.. Ты не желаешь сдаваться так просто.

Офицеру явно доставляла удовольствие собственная работа.

— Теперь давай сложим из разрозненных кусочков общую картину... Во-первых, корабль. Мощный межзвездный крейсер оказывается в личном и полном распоряжении Правительства в Изгнании. Удивительно, если вдуматься. Корабль отправился к Земле, чтобы доставить сюда сына бывшего президента. Что ж, отлично. Теперь давай расширим горизонт.

Офицер доверительно наклонился вперед и заговорил, словно университетский лектор:

— Двадцать лет назад ОЦС не захотела вступать в войну. Со временем ситуация изменилась. Сейчас сферы наших интересов сблизились, и в некоторых местах это привело к возникновению напряженности. Вышло так, что следующий мир, который набравшийся сил Центавр пожелал превратить в свою колонию, привлекает и наше внимание тоже. Наступил момент для хорошей войны. И в то же время в руках Правительства в Изгнании — подчеркиваю, Правительства в Изгнании, а не ОЦС — внезапно оказываются огромные средства. Например, оно может теперь нанять корабль и послать его тайно в Солнечную систему. Теперь давай разберемся, в чем же здесь дело и кому это нужно. Что говорить, в наше время Земля — это довольно тихое место, находящееся в наших тылах, далеко от передовых, от районов основного хода событий. Нам уже нет необходимости держать здесь многочисленный гарнизон. И если здесь, на Земле, определенным заинтересованным кругам удастся найти кого-то, кто возьмется за истребление гарнизона, пока флот ОЦС будет держать в территориальном космосе блокаду... такую аккуратную, неприметную и

сравнительно дешевую блокаду, не позволяющую нашим кораблям, спешащим на помощь с подкреплением, приблизиться к взбунтовавшейся планете — всего на несколько месяцев, пока не станет уже слишком поздно, — тогда ОЦС сможет малыми средствами пробить небольшую, но весьма полезную для себя брешь в линии нашей обороны. Если же случится так, что мы сумеем распознать эти планы на промежуточном этапе их претворения в жизнь, то никакой речи об ОЦС не пойдет — не их ведь пальцы испачканы в пироге. Все можно будет свалить на старых фанатиков из Правительства в Изгнании, с которым ОЦС для нашего удовольствия устроит показательную расправу. А почему бы и нет? Таким образом, Центавр сможет удовлетворить наш протест и избавить себя от назойливых старцев, смущающих общественное мнение. Что скажешь, Майкл? Как тебе все это нравится?

Вайерман молчал, ему снова нечего было сказать. Он внимательно следил за мимикой офицера.

— Операция еще в самом разгаре, и ее конец неясен — еще все может случиться, — сказал тогда офицер пришельцев. — Тебе, наверное, очень неприятно будет видеть, как твоя семья лишится всех званий и окажется сосланной? Сосланной, Майкл, вдумайся в это слово. Или же брошенной на произвол судьбы на правах простых горожан — чем смогут твои отец и мать заработать себе на жизнь? Насколько я знаю, твоя мать инвалид?

— Продолжайте.

— Продолжать? Хорошо, почему бы и нет. Мне есть, что сказать. Тебя не волнует то, что может случиться — что может случиться по самым объективным оценкам. Я полагал, что это могло бы затронуть какие-то струнки в твоей душе, но это оказалось не так. Хорошо, идем дальше. Поговорим о неожиданно попавшем в руки Правительства в Изгнании богатстве и о том, что оно решило с этим богатством сделать. Предположим — только предположим, — что Правительство в Изгнании внезапно узнало, что есть возможность приобрести со складов ОЦС оружие. Предположим, что сделка состоялась, и это оружие было переправлено Хамилю. Предположим, что был найден ни к чему не пригодный молодой человек с весьма значительной фамилией, отправлен в лагерь военной подготовки армии ОЦС, после чего ему был выдан поношенный комбинезон центаврианских командос, и он вместе с оружием был сброшен в горы, в отряд Хамиля, где должен был представлять интересы старого правительства. О том, что Хамиль не потерпит возле себя никаких советчиков со стороны, никто из свергнутого правительства не подумал. Почему? Наверное, потому, что они не знали, как на самом деле обстоят дела. Я прав?

Майкл не мигая смотрел перед собой.

— Эх, парень, парень, — протянул пришелец. — Неужели действительно никто ничего не понимал? Даже твой отец? Ладно, пускай они не знали, кто таков Хамиль, но почему никому из них не пришло в голову, что у ОЦС на Земле тоже могут быть свои интересы? Первый этап закончился — ширма Правительства в Изгнании Центавру больше не нужна, ты стал лишним. Они уже ввязались в дело и могут теперь руководить событиями напрямую. У ОЦС есть свои планы по поводу Земли, поверь мне, в эти планы не входит реставрация старого суверенного режима. Ты никому не нужен, Майкл.

Пришелец помолчал, потом мягко спросил:

— Ты все это знал, Майкл?

Майкл кивнул.

Офицер покачал головой.

— Правда? Скажи мне, Майкл, все обстоит так, как я сказал? Расскажи мне, что случилось.

Майкл кивнул и заговорил, не смея поднять глаз:

— Сегодня утром мы вышли из лагеря, чтобы напасть на блокпост у шоссе.

— Так.

— Мы спустились к шоссе. Я просто не верил своим глазам и ушам. Я мог бы понять, начни Хамиль свою деятельность с физического устранения вожakov враждебных отрядов и увеличения засчет их собственных сил. Но ничего такого не случилось. Вместо этого мы отправились к шоссе. Я решил, что Хамиль решил избавиться от меня — застрелить в бою, например. Но я остался жив. Мы захватили блокпост, и вот тут я узнал, почему именно эта атака стояла номером первым. Хамилю был нужен офицер, командующий этим постом. Этот офицер в свое время руководил группой, в которой Хамиль проходил классификационные тесты. Неудачно проходил.

— Вот как?

Офицер пристально посмотрел на Майкла.

— Ты знал об этом?

Пришелец не был удивлен — одного взгляда на Майкла ему было достаточно, чтобы узнать все, что он хотел знать и о самом Майкле, и о том, что на самом деле случилось в горах. То, что он все-таки задал ему вопрос, было продиктовано лишь желанием получить формальное подтверждение.

— Ты знал что-нибудь о классификационных тестах до сегодняшнего утра? — мягко спросил Майкла офицер.

— Нет.

Какое отношение это имеет к нападению на блокпост?

Во взгляде пришельца не было ни злости, ни ненависти.

— Майкл Вайерман, я уверен, что сегодня, и, скорее всего, это случилось не так давно, ты понял, какую важную услугу оказал нам, добровольно сдавшись в плен. Для этого не нужно обладать большим политическим опытом. Мы понимали, что когда-нибудь, где-нибудь ОЦС обязательно выступит против нас. И вот теперь мы знаем, где и как это произошло. Теперь мы уверены — узнав все о Хамиле и о том, что он представляет из себя, — что нашему присутствию на Земле ничего не грозит. После того как произойдет очередная смена поколений, земляне забудут о том, что когда-то они существовали в своем мире как независимая раса. Они полностью сольются с нашей культурой, причем некоторые из них, вне всякого сомнения, будут не щадя своей жизни бороться на нашей стороне против центаврианских агрессоров, будут бороться, отстаивая наши идеалы и наш образ жизни. То, что случилось сейчас и чему немалую помощь оказал ты, приведет к тому, что Земля уже никогда не будет такой, какой ты мечтал ее видеть. Сдавшись в плен, ты расстался с мечтами своего детства, Майкл Вайерман. Теперь разберемся, почему ты поступил так. Потому что Франц Хамиль оказался самовлюбленным убийцей? Потому что некто ловко обманул клику, к которой как будто бы принадлежишь ты, лишив ее возможности вернуться к власти на Земле? Неужели ты мог отказаться от сокровенных устремлений души своей из-за таких ничтожных вещей?

— Да!

— В том-то и дело, что нет! Неужели ты не понимаешь, Майкл, что есть только одна вещь, которая может заставить человека отказаться от мечты всей своей жизни?

Майкл молчал.

— Ты хочешь найти свое место, — сказал тогда офицер. — Ты хочешь прибиться к какому-то берегу, хочешь быть принятым. Думаю, ты не будешь спорить с тем, что в любом человеке любые идеалы стоят на втором месте после этого главного условия. Ты пришел к нам затем, чтобы получить то, что ни твой отец, ни Хамиль не смогли дать тебе. Что ж, это вполне в наших силах. Ты хочешь найти свою сторону. И поэтому ты сдался к нам в плен.

Майкл не мог отрицать этого.

Ведущий допрос офицер почти ласково улыбнулся ему.

— Вот и хорошо, Майкл, — проговорил он. — Мы рады принять тебя.

Пришелец не обманывал его. Он говорил ему правду, и когда Вайерман наконец понял это, то открытие это было последней

капель, переполнившей чашу его эмоций, в которой накапливалось все происшедшее с ним за последние дни, и он вдруг полностью потерял контроль над собой. Он разрыдался.

Офицер-пришелец оставил его на несколько минут одного, и за это время он успел взять себя в руки. Майкл снова поднял голову, чувствуя, что еще один этап пройден и многое теперь ушло и осталось позади, — таким было появившееся в нем легкое чувство. Офицер знал свое дело превосходно, он исполнил свою работу мастерски и очень тактично. Вайерман вот уже целый месяц не чувствовал себя так хорошо, ощущение вины в нем кануло куда-то далеко на задний план.

Офицер-пришелец сделал заключительную пометку в досье Майкла, закрыл его и отложил на край стола.

— Сейчас тебя отведут помыться, выдадут чистую одежду, и ты хорошенько выспишься и отдохнешь. А завтра утром с новыми силами пройдешь классификационный тест — как тебе такая идея? К полудню ты уже станешь одним из нас.

Офицер поспешно закрутлял наименее интересную для него часть процедуры. Он закончил дело Майкла и теперь желал уйти.

— Благодарю вас, сэр, — торопливо отчеканил Майкл.

ГЛАВА 4

1

Ранним утром из окна своей комнаты Майкл Вайерман рассматривал Филадельфию, сам город и чистенькую реку, на другом берегу которой, на стороне Нью-Джерси, виднелся город-близнец, Камден. Пронизанный лучами солнца воздух был хрустально прозрачен, и внезапный шорох голубиных крыльев в тишине звучал чисто и отчетливо, словно прелюдия в начале драмы.

Городские здания — не все, но большая их часть — были на удивление чистыми, выскобленными, по всей видимости, при помощи инфразвуковых вибраторов, способных отделять грязь и копоть даже от камня. На улицы было любо-дорого посмотреть. Майклу не сразу удалось отыскать на одной из них полувисохшую лужу. Все это было основным свойством жизненного уклада пришельцев, очень сильно отличающимся от того, к чему он привык в ОЦС, где города обычно бывали окружены хаосом промышленных зон, где о чистоте и аккуратности думали немногие. Всюду же, куда проникала культура пришельцев, ими неизменно наводился порядок. Место для всего, и всему свое место — таким

был их девиз. Это была раса не только спортсменов-горнолыжников, но также и умелых домашних хозяек

С улыбкой Майкл подумал о том, каким могло быть его впечатление от культуры пришельцев и стал бы он так восхищаться ею, не уделяя эти люди столько внимания такой, казалось бы, незаметной и простой вещи, как чистота. Современная цивилизация Центавра, оснащенная всеми спектрами антибиотиков, с абсолютно и автоматически стерилизуемой пищей и напитками и с прочими попутными благами в сфере поддержания здоровья на-родонаселения — далеко продвинутыми медициной, техникой и производством продуктов питания, опускала себя за нижние пределы любой дикости и буквально валялась в грязи. У них, видите ли, нет причин для того, чтобы вести себя иначе. С общепринятой точки зрения, направлять человеческий труд и деньги на борьбу за чистоту неэффективно — ведь повсюду имеется столько других проблем, требующих немедленного разрешения

Но вот пришельцы так не считают, продолжал мысленный разговор с самим собой Майкл. Смогли бы они иначе завоевать Землю? Оказался бы среди них я? (Уделили бы они мне хотя бы сотую толику того внимания?) Может оказаться, что возможность победы сил Освобождения зависит от длины щетины на подбородке такого человека, как Франц Хамиль, например Это еще как посмотреть.

Майкл продолжал глядеть в окно. Приняв горячую ванну и переодевшись, он почувствовал себя гораздо лучше. Он хорошо выспался ночью, но усталость еще не до конца ушла из него. Усталость въелась в мозг костей, и он знал, что ему не избавиться от нее до тех пор, пока он не станет равноправной частью этой толпы, вон там на улицах, пока не заведет себе знакомых и не найдет жилье. Сколько можно сравнивать то, что он видит перед собой сейчас и что ожидал увидеть, следуя воображению и рассказам о Земле своего детства, — какой в этом толк? Другой Земли у него уже не будет, только эта, и он должен любить ее, какой она есть, и поклоняться ей. Это его родина, куда он так жаждал вернуться.

В дверь его комнаты постучали.

— Войдите, — крикнул он, и когда дверь отворилась, неловко повернулся. — Да?

На пороге стоял средних лет и среднего телосложения мужчина с сединой в волосах и толстой папкой под мышкой. Одет он был в странно скроенный по сравнению с модой Чиерона, но, несомненно, дорогой и консервативный костюм. Мужчина сверил-ся с ярлыком, приклеенным к корешку папки.

— Майкл Вайерман?

— Да, — ответил Майкл и с живым любопытством посмотрел на мужчину. Это был первый классифицированный пришельцами землянин, которого он видел так близко и с которым говорил. Естественно, что в нем немедленно проснулись интерес и любопытство.

— Моя фамилия Хобарт, мистер Вайерман, — представился пришедший, не подав Майклу для пожатия руки, и, повернувшись, вкатил в комнату небольшой аппарат на бежевом, высотой по пояс, эмалевом столике на колесах. На передней панели аппарата имелись экран, несколько указателей и шкал, а также клавиатура, к бокам его крепились многочисленные непонятные дополнительные приспособления.

— Вы врач? — спросил Майкл.

— Совершенно верно, — быстро отозвался пришедший. — Но пусть это вас не тревожит. Я не собираюсь привязывать вас к столу, и трепанация черепа вам тоже не грозит.

— Я ничего такого и не думал, — ответил Майкл.

Хобарт поднял темную бровь.

— В самом деле? Тогда прошу прощения.

Землянин быстро и как-то обидно усмехнулся.

— Иногда не знаешь, сколько таким, как вы, бывает известно о процедуре классификации.

Майкл почувствовал растущее в груди раздражение. Это неожиданное чувство удивило его, поскольку он не считал себя обладающим правом на такие эмоции. Но потом, улыбнувшись самому себе, он решил, что сейчас, в этот краткий промежуток времени, может позволить себе быть таким, каким пожелает. Теперь уже было совершенно неважно, кем он был прежде, — к вечеру сегодняшнего дня его прошлое будет отсечено начисто. И совершенно неважно, что о нем подумает сейчас этот человек, земной врач, — все мысли ему заменят результаты тестов, которые он вскоре получит. В этот чудесный свободный промежуточный период перехода из одной жизни в другую, от лояльности одной к лояльности другой, не было никаких принципов, которых он обязан придерживаться, не было ничего и никого, что или кто мог бы вселить в него страх. И если в прежней жизни, без сомнений, он совершал что-то дурное или даже непростительное, по любым меркам, — не святой же он, в конце концов, — ну что ж, тест даст ему отпущение грехов.

Майкл указал рукой на стул.

— Присаживайтесь, доктор, — проговорил он вполне по-мужски, голосом, ничем не отличающимся от голосов других мужчин. — Таким, как я? Таким, как я, диссидентам и бунтовщикам, хотели

вы сказать? Вероятно, повсеместно нам приписывается полное невежество. Но я особый случай, доктор. Вам часто приходилось тестировать бунтовщиков?

Хобарт пронзительно посмотрел на Майкла и отрицательно покачал головой.

— Нет, не сказал бы, что особенно часто, — ответил он ровным голосом. — Как вы знаете, обычно...

— Я ничего не знаю, доктор.

— Отлично, если вы не знаете, то, как правило, диссиденты требуют, чтобы их оставили в покое, — это одно из их основных требований. Они считают себя персонами вне общества и вне любых моральных устоев. По сути дела это так и есть, они с трудом способны сходить с людьми, и потому желанный покой в большинстве случаев им предоставляется.

Доктор опустил на стул, и Майкл задал ему новый вопрос:

— И те из диссидентов, с кем вам приходилось иметь дело, обычно бывали полны суеверных страхов насчет промывания мозгов и тому подобного?

— Да, можно сказать и так.

— И сюда вы шли, ожидая увидеть очередного такого же недоумка?

— Да.

В глазах доктора наконец мелькнул интерес. От даже подался, сидя на стуле, в сторону Майкла.

— Но вы ведь не любите диссидентов, верно, доктор? От них вечно жди неприятностей. Время от времени они убивают людей и не только таких же отщепенцев, как сами, но и честных граждан.

— Не могу спорить с этим.

— По сути дела, многие земляне презирают и ненавидят диссидентов.

— Да, это так, — ответил доктор и улыбнулся словно бы каким-то своим мыслям.

Начало разговора сбило Хобарта с наезженной колеи, но он уже успел проанализировать ситуацию, переориентировать свое поведение и теперь ждал только удобного случая, чтобы снова взять все под свой контроль.

Майкл заметил эту улыбку и прочитал ее тайный смысл. Он замолчал и внимательно посмотрел на доктора Хобарта. Он был совершенно точно уверен, что, расскажи он сейчас Хобарту, как пристрелил в горах двух его соплеменников, это только подняло бы его акции. Но горечь и потрясение еще были свежи в его памяти. К тому же ему нужно было постараться произвести хорошее впечатление.

Сообразив вдруг, что вид и манера держаться Хобарта раздражают его, Майкл был очень удивлен. Какое ему, в конце концов, дело до того, что говорит этот врач? Он не должен раздражаться, землянин не стоит того.

— Вы что-то хотели сказать, мистер Вайерман? — с осторожным любопытством спросил его Хобарт.

— Нет.

Злость Майкла уже унялась.

— Но мне показалось... я мог бы поклясться... ладно, это неважно... — Хобарт улыбнулся и устроился на стуле поудобней. — Расскажите мне о себе, мистер Вайерман. У вас есть какое-то увлечение? Хобби?

В голубых глазах Хобарта появилась пугающая проницательность.

— Хобби?

— Что вы делаете лучше всего, мистер Вайерман?

— Ничего.

И это был честный ответ.

— Вообще ничего, мистер Вайерман?

— Совершенно верно, вообще ничего.

Хобарт поиграл бровями.

— Ладно, тогда, думаю, нам лучше приступить к тестам.

Он раскрыл папку, внутри которой обнаружилась толстая пачка различных бланков.

— Для начала заполните вот эти формы, а я пока настрою компьютер.

Хобарт передал Майклу несколько бланков и карандаш.

— Присядьте где-нибудь, заполните графы биографическими данными, а потом приступайте к ответам на вопросы, это и будет начало теста. Первыми там идут вопросы о поездках, так вы просто отмечайте карандашом, в каком направлении, по-вашему, поедет каждый поезд. Это несложный тест — на способность ориентироваться.

— Конечно. Да, это просто, — ответил Майкл, рассматривая бланки форм. — На основании этих ответов компьютер будет судить о моих способностях?

— Совершенно верно, мистер Вайерман, — ответил Хобарт, принимаясь что-то быстро выстукивать на клавиатуре. — Не волнуйтесь, мы закончим через несколько часов.

У Майкла пересохло во рту. Хобарт был, конечно, просто человеческим придатком к компьютеру и пачкам бланков. Но последующие несколько часов, конечно, будут самыми важными — возможно, в эти часы решится его будущее — всю свою

жизнь он шел к встрече с этим человеком, его компьютером и бумагами.

— Вот это да! — воскликнул Хобарт. Он только что принял у Майкла первый заполненный лист с биографическими сведениями.

Майкл на мгновение оторвался от своих бланков и нетерпеливо взглянул на врача. Он работал в яростной спешке, моментально заполняя одну форму за другой. Пачка была очень толстой, и он хотел покончить с ней как можно быстрее.

— Вы родственник того Вайермана? Я думал, что это просто совпадение.

— Нет, это не совпадение, — быстро отозвался Майкл и снова попытался приняться за работу.

— Одну минутку, — удержал его Хобарт, который, очевидно, был не в силах поверить своему открытию. — Бланки могут немного обождать.

Майкл был раздражен тем, что его продолжают отрывать от важного занятия, и это, как видно, было написано у него на лице, потому что Хобарт улыбнулся, словно испрашивая прощения за то, что отвлекает его.

— Как вы оказались здесь? — спросил он Майкла. — Честное слово, я понятия не имел о том, кто вы такой на самом деле.

— У вас же было мое досье. Там все записано.

Первый раз Хобарт по-настоящему смутился. Он непроизвольно взглянул на папку и, странно усмехнувшись, ответил:

— Последнее время я бросил их читать. Нет смысла.

Но уже через секунду прежняя уверенность вернулась к нему — скорость перехода из одного состояния в другое была у него просто поразительной.

— В любом случае, по моему мнению, разговор по душам с глазу на глаз всегда полезней.

Несомненно опытный работник, Хобарт знал, как выпутаться из любой ситуации, сохранив в ней главенствующее положение.

— О моих личных делах мне не хотелось бы говорить, — ответил Майкл.

— Это причиняет вам боль?

— Нет, просто это личное, вот и все.

— Ясно... — ответил, углубляясь в просмотр досье Майкла, Хобарт, которому, вероятно, и в самом деле многое вскоре стало ясно, поскольку всякий раз, когда Майкл поднимал на него глаза, отрываясь от своих бумаг, выражение напряженного любопытства не сходило с лица врача.

Заполненные листы Майкл отдавал Хобарту, через прорезь вводившему их в компьютер, который, по всей видимости, периодически выдавал ему промежуточную диагностику, на основании которой неким неясным Майклу образом Хобарт выбирал для него новую порцию тестовых вопросников. Хобарт обладал одной удивительной способностью — он умел одновременно смотреть и на экран компьютера, и на своего пациента, не выпуская из поля зрения ни то, ни другое, и это было Майклу особенно неприятно. Разволновавшись, он один раз слишком сильно нажал на карандаш и прорвал листок бланка насквозь, с досадой почувствовав, как пот мгновенно выступил на верхней губе и начал стекать холодными каплями из-под мышек.

Время от времени Хобарт предлагал ему прерваться и отдохнуть, заводя разговоры на отвлеченные темы. У Майкла сложилось стойкое убеждение в том, что все эти отвлеченные темы совсем не случайны.

2

Немигающий взгляд Хобарта снова застыл в срединном положении между экраном компьютера и лицом Майкла.

— Оторвитесь, мистер Вайерман.

— Да?

— Предлагаю передохнуть.

Голос врача стал мягким и вкрадчивым или ему только показалось? Что-то новое появилось в глазах Хобарта.

— Я не устал, и мне хотелось бы продолжить.

— Все-таки давайте передохнем.

Как бы там ни было, если Хобарт приказывает остановиться, ему не остается ничего другого, как подчиняться.

— Вот так, хорошо.

Врач был удовлетворен состоянием своего пациента.

— Я хотел бы расспросить вас о жизни среди диссидентов. Не так часто нам удается услышать объективное мнение.

Хобарт, определенно, произнес это слово со значением. Он что, насмехается?

— Что вы хотите знать?

Хобарт терпеливо вздохнул.

— Вам кажется, что я настроен против вас?

— Да.

— Почему?

— Потому что я диссидент.

— Но теперь это не так, верно?

— Не так! Но до тех пор, пока я не пройду классификацию, вы не сможете относиться ко мне доброжелательно.

— Любопытно...

— Вы просто не в состоянии питать ко мне добрые чувства. Пока что. Ведь я еще ничей. Из меня может выйти что угодно.

Хобарт обдумал услышанное очень серьезно.

— Возможно, вы правы. Не могу сказать, что в вашем присутствии я чувствую себя спокойно. Я никак не могу забыть о том, что вы были вместе с Хамилем во время того нападения на блок-пост.

— Хамиль ничтожество, — злобно откликнулся Майкл. — Теперь, когда он потерял эффект неожиданности, о нем можно забыть. Вот если бы Джо Ньюфстед сумел сплотить людей и повести их за собой, тогда можно было бы сказать, что в горах действительно есть нечто, от чего может кровь застыть в жилах.

— Вот как?

— Хамиль без Ньюфстеда как без рук, и сам по себе Хамиль не просуществовал бы в горах и часа. Он не понимает это разумею, но в нем хватает животного чутья, чтобы терпеть выходки Ньюфстеда и не гнать его от себя.

— А что сам Ньюфстед?

— Никто не любит Ньюфстеда. Хамиля тоже никто не любит, но он гипнотизирует людей. Глядя на него, просто невозможно не поверить в то, что человек с таким самомнением и амбициями на самом деле пуст внутри. А Ньюфстед не имеет такого дара — он не смог бы повести за собой даже малолетнего идиота. И чтобы выжить, ему тоже приходится цепляться за Хамиля. Так калека ведет калеку в гору, но при этом они совсем не обязаны любить друг друга.

Холодные глаза Хобарта смотрели одновременно на Майкла и на экран компьютера.

— Эта штукавина учитывает еще и устные вопросы? — вдруг быстро спросил Майкл.

— Никогда этим не интересовался.

— Вы никогда этим не интересовались?

— Мистер Вайерман, вы ведь здесь для того, чтобы пройти тест, не так ли?

— Вы ненавидите меня, да?

— Нет, это не так.

Казалось, что у Хобарта гора спала с плеч.

— У меня уже сложилось о вас мнение. Поначалу я не симпатизировал вам, мистер Вайерман, признаюсь, но совсем немного. Кстати, вы тоже вряд ли разделили бы мои вкусы. Ваш образ мыс-

лей мне непонятен. И что самое главное, я не могу сказать: «Все, что может сделать этот человек, я сделаю тоже».

— Значит, мы понимаем друг друга.

— Нет, мистер Вайерман. Возможно, мы сумеем договориться, но друг друга мы не поймем никогда. Расскажите мне о Ньюфстеде. Вы были восхищены некоторыми сторонами его характера, насколько я понял?

— Совсем нет.

— Вас поразил его неординарный ум? Хорошо, скажите мне вот что. Каким образом Ньюфстед может устранить Хамиля от власти?

— Каким образом? Он может захватить оружие Хамиля и потом убить его. Но через день или два кто-нибудь убьет и его самого. Ньюфстед не принадлежит к типу лидеров. В нем нет ничего от бахвальства Хамиля. Тот способен отдать глупейший самоубийственный приказ с видом абсолютной мудрости. Ньюфстед слова не скажет, не усомнившись во всем и вся, а в первую очередь в самом себе.

— Пусть так. Но давайте предположим на секундочку, что Ньюфстед все-таки решился свергнуть Хамиля. Предположим также, что он способен возглавить отряд и начать организованные действия. Как все пойдет в этом случае? Например, для начала, каким именно образом он может захватить оружие Хамиля?

— Он уйдет из его отряда и возьмет с собой несколько опытных, преданных людей. Разыщет в горах другие банды, договорится с ними и, пообещав оружие, создаст свою собственную армию. Потом разработает остроумный план нападения, захватит Хамиля врасплох, и дело будет сделано. Ничего не знающего о тактике ведения войны в горах Хамиля будет несложно одолеть, Ньюфстеду достаточно будет устроить ему ловушку и окружить.

— А что после? Что Ньюфстед попытается сделать потом?

— Он начнет объединять под своим началом все горные отряды. Получит еще больше оружия. У него появятся легкие автоматические пушки, и он уничтожит ваши гарнизоны в предгорьях. Затем пересадит своих людей на бронетехнику, и после этого, при надлежащей поддержке с воздуха, все будет в его силах. В особенности если он пообещает своим людям отдать на разграбление города.

— И так действительно может случиться?

Вайерман резко рассмеялся.

— Нет, это невозможно. Даже если бы Ньюфстед был способен вести за собой людей, то заинтересованные группировки, которые поставляют оружие и могут обеспечить поддержку с

воздуха, не захотят иметь с ним дело. Он преступник с огромным послужным списком. На него никто не решится делать ставку. Нужен кто-то, кто будет сражаться с пришельцами, а не заниматься грабежом, насилием и убийством мирных жителей. Нужен человек вроде Хамиля, который спит и видит себя Юлием Цезарем. И с небольшой помощью Ньюфстеда Хамиль может претворить свою мечту в жизнь. Но только если он грамотно разыграет свою карту. Хотя надежды и здесь нет. Хамиль очень скоро споткнется и совершит роковую ошибку — у него на лбу это написано.

— Это весьма интересный анализ, мистер Вайерман. Вы и вправду думаете, что гарнизоны пришельцев так легко одолеть?

— Судите сами. Для чего вообще существуют гарнизоны? Для того чтобы удерживать стратегически важные объекты до тех пор, пока не подоспеет подмога из резервных сил. Иными словами, пришельцы должны удерживаться до тех пор, пока из районов ближайшего базирования не придут крупные силы, на что уйдет по меньшей мере месяц, даже при использовании ультрадрайва. Можно не сомневаться, что пришельцы аккуратно просчитали все возможные варианты и не станут консервировать здесь больше людей, чем нужно для того, чтобы продержаться максимально необходимый срок. Но что случится, если помощь так и не придет никогда? Что будет, если некий враждебный флот начнет перехватывать и уничтожать корабли пришельцев или, что даже лучше, ловко блокировать их путь до тех пор, пока земной гарнизон не будет уничтожен весь без остатка, а на месте его не появятся передовые военные базы Центавра?

Голос Майкла усилился почти до крика. Его начало охватывать неистовство. Уж в чем-чем, а здесь он наверняка разбирается больше Хобарта.

— Земля слишком долго жила в мире, пришельцы размякли и потеряли хватку. По их мнению, да и по вашему тоже, бунтовщиков в горах трогать не стоит, потому что скоро они исчезнут сами собой — перебьют друг друга, перемерут от болезней или ослабеют и сократятся числом настолько, что о них можно будет забыть. Но что будет, если горные отряды получат современное оружие и во главе их окажется человек — всего один человек, но талант, — который сможет организовать их и возглавить, и столкнуть процесс с мертвой точки? Потом все само собой покатится под гору. Кто может предугадать, чем все это закончится? Гарнизоны пришельцев могут сейчас контролировать ситуацию, поскольку повстанцы не решаются атаковать широким фронтом. Но что если такая атака начнется — что если несколько тысяч человек разом спустятся с гор и начнут стрелять? Сколько мобильных патрулей сейчас находится в

распоряжении пришельцев? Сколько областей Земли они могут оборонять одновременно? Нет, они ни за что не решатся начать широкомасштабную войну — они затрубят отступление, запрутся в своих фортах и перейдут на осадное положение. И как только это произойдет, как только пришельцы окажутся приговоренными к ожиданию подкрепления — которое не придет никогда...

Майкл вдруг опомнился и с изумлением взглянул вниз, на собственный кулак, которым он раз за разом с маху ударял в ладонь. Он даже не чувствовал боли. Он уже не сидел, а стоял, нависнув над Хобартом. Просто невероятно, как он быстро стал терять над собой контроль.

Он глубоко вздохнул и опустил на место. Доктор Хобарт рассматривал его с нескрываемым любопытством.

— Всего этого, конечно, не может быть, — проговорил он.

— Да, конечно, — отозвался Майкл, борясь с легким приступом головокружения.

— Я восхищен вами, мистер Вайерман, и хочу, чтобы вы знали об этом. Я восхищен и поражен тем, что услышал от вас. То, как вы сказали это... нет, определенно, в этом что-то есть.

Хобарт отлично владел собой — он по-прежнему был спокоен, по-прежнему вежлив и корректен, по-прежнему держал ситуацию под контролем. Но все это, несомненно, требовало от него сил, возможно, немалых. Казалось, что он раз за разом удерживает себя от чего-то.

— Величие и слава победителя? Восторг и наслаждение убийства? — спросил Вайерман. — Вы об этом говорите?

— Господи, конечно, нет! Я имел в виду нечто большее, чем просто пыл юношеских фантазий. Надеюсь, что не это вами руководило.

На этот раз Хобарт наклонился вперед и, похоже, не замечал этого.

— Скажите, мистер Вайерман, вы ведь не имеете никакого представления о том, что значит строить планы на жизнь и неукословно следовать им? Как это — проложить на карте курс и плыть им к далеким жарким островам? Там есть все: уверенность в завтрашнем дне, положение в обществе, репутация — все что угодно, что вы хотели бы иметь при себе, восходя на смертный одр. Сколько радости и наслаждения видеть, что планы ваши претворяются в жизнь, что вы ведете свой корабль точно по начертанному ранее курсу, что вы правильно все рассчитали, что вам завидуют другие, менее целеустремленные и удачливые?

Майкл Вайерман ничего не понимал — он молча смотрел на шевелящиеся губы врача. Что это за человек, подумал он

мимоходом, который живет настолько неуверенным в своей предначертанной удачливости, что готов с молодых ногтей пуститься во все тяжкие, лишь бы только перехитрить свою судьбу, какой бы она ни была ему уготована?

— Лично я уверен, что в этом есть и радость, и удовлетворение, — продолжил Хобарт, чуть заметно вздохнув. — Можете поверить мне на слово. Люди очень часто строят свою жизнь таким образом, и те из них, кто поступает так сознательно, становятся наиболее преуспевающими в своем поколении. Они держат жизнь в узде и с наслаждением сознают это. Вы даже представить себе не можете, сколько удовольствия может получать от этого человек, — а потом приходят такие, как вы, и небрежно начинают расшатывать основание мира, утверждая с уверенностью профанов, что в ход немедленно должны быть приведены средства повсеместного осушения океанов, а наши горделивые корабли должны быть загнаны на жалкие тесные отмели...

Хобарт меланхолично замолчал. Его лицо выражало мудрую грусть. Из услышанного Вайерман не понял почти ничего.

— Вы напуганы, доктор? — спросил наконец он.

— Напуган ли я? — Хобарт побледнел. — Напуган?

Он вскочил на ноги с искаженным лицом.

— Не смейся надо мной, мальчишка! Кто ты по сравнению со мной — пустое место! Я всегда знал точно, куда иду. На пути к своему теперешнему положению я не допустил ни одной ошибки. Я всеми уважаем, я состоятельный человек, я отлично знаю свою работу.

— В этом никто не сомневается — ведь пришельцы вас уже классифицировали.

Сказав это, Майкл пожалел о своих словах — такая глупая была насмешка. Что-то расстроило Хобарта, и он не мог понять что, но ясно было одно — этот человек воспламенялся так же легко, как и горные повстанцы. Возможно, Хобарт был неправ, но наверняка он был образованней и мудрее Майкла. И он имел серьезные основания для раздражения. И если Майкл не понимает их причин, то в этом только его вина и ничья другая. А права смеяться над Хобартом он, конечно, не имеет. Он вообще не имеет права смеяться над кем-то.

Но реакция Хобарта все равно поразила его — словно он дал ему пощечину или выплеснул в лицо стакан воды.

— Да, черт возьми, они классифицировали меня — ты прав! Тринадцать лет назад! Но где был бы я сейчас, что делал и как бы жил, если бы тогда этого не случилось? Что со мной стало за эти тринадцать лет — разве я хоть сколько-то изменился? Как по-ва-

шему, Вайерман? Я отличный психолог и всегда был им: это мое призвание. В свое время у меня был неплохой голос, я пел. Хорошо исполненная ария Дон-Жуана до сих пор волнует меня больше, чем любое успешное достижение собственной жизни, и очень часто я вижу себя во сне выступающим на сцене в опере! Я пишу картины — по воскресеньям. Я занимаюсь скульптурой. У меня есть всяческие... — Хобарт поморщился, словно от презрения к самому себе, — всяческие хобби. Вот именно, хобби, потому что сейчас уже слишком поздно думать о другом. Я специалист своего дела. Браться за что-то еще я не имею права. По результатам тестов тринадцать лет назад был сделан вывод, что я могу стать отличным психологом, а во всем остальном не достигну вершин. Тесты были совершенно правы — сейчас я в них собаку съел, я исследовал тысячи случаев и наблюдал за своими пациентами по многу лет, и я знаю, что говорю. Пришельцы правы — и я не могу сегодня заново пройти тест, потому что сейчас, в пятьдесят, среди всего прочего узнать, что когда-то давно произошла страшная ошибка и я должен был учиться пению и ставить голос, будет не просто горько — это убьет меня. Как может функционировать общество, если его специалисты будут покидать свои места просто из каприза или под влиянием внезапного порыва? Но что делать, Вайерман, если мне вдруг неожиданно захочется до смерти узнать, чем я стал бы, если бы тринадцать лет назад моя жизнь пошла иначе, если бы мир развивался по-другому? Возможно, что в этом случае я мог бы стать не просто хорошим врачом, но великим человеком, певцом. Но я не задаюсь таким вопросом, и что же удерживает меня от этого? Я боюсь, вы сказали? Да это так — я боюсь. Но соблазн так велик — как велик соблазн, черт возьми!

Майкл смотрел на Хобарта во все глаза.

— Значит, вы несчастны?

— В том-то и дело — я не знаю, счастлив я или нет!

— Тогда эти тесты... — Майкл попытался нащупать хоть какую-то логику. — Эти тесты должны всем указывать их место, то место, где люди смогут проявить себя лучше всего. Вы сами это говорили мне. При помощи тестов можно узнать о способностях человека, подобрать для него профессию, дать ему то, что он заслуживает. Если все это так, то в чем вы сомневаетесь?

— Я не сомневаюсь ни в чем! Я просто хочу спросить... себя, вас, сам не знаю кого. Я...

Хобарт опять замолчал.

— Вероятно, я недоволен тем, что имею, — вдруг сказал он. — Наверное, мне мало того, что я достиг успеха в чем-то одном. Иногда я спрашиваю себя, не одинок ли я в этом мире?

Хобарт взглянул на пачку листов с вопросами, над которыми Майкл работал перед тем, как он прервал его.

Но Майклу этого было мало. Доктор Хобарт уже выдохся, но Майкл не мог позволить этому разговору закончиться вот так, когда оставалось еще столько неясного.

— Подождите, — неловко заторопился он. — Подождите. Нельзя это так оставлять. Ведь я здесь для того, чтобы пройти классификацию. Я здесь для того, чтобы найти свое место. Вы заставили меня сомневаться, а теперь хотите просто так...

— Вот что интересно, — перебил Майкла Хобарт, заговорив тихо, словно с самим собой, и, вероятно, не расслышав за своими мыслями последних слов Майкла. — Среди документов пришельцев нет никаких записей о том, что в их обществе встречается подобное. Возможно, много лет назад такие случаи были, но со временем они искоренили сомневающихся среди своего народа, вывели чистую расу. Но ведь и среди людей такие встречаются нечасто, вот в чем дело.

Хобарт повернулся к Майклу. Его взгляд был ищущим, задумчивым, немного печальным.

— У меня нет уверенности по поводу вас, Вайерман. Человек, неспособный слиться с обществом, по логике вещей уходит на дно и в лучшем случае становится бесполезным паразитом. Но иногда наступают такие периоды, когда люди подобного сорта все-таки находят себе место и поднимаются. Бывают исключительные ситуации. Конечно, все зависит от самого человека или от среды, в которой он оказывается. Иногда цепочка вовлеченных людей бывает очень длинной. Так сразу я ничего не могу сказать. Компьютер и опросник тут бессильны. Тесты не могут оценить нечто такое, что имеет отношение к основам их самих.

— Так что с тестами, доктор? — спросил Майкл, охваченный страхом внезапного предчувствия.

— Вы провалились, Вайерман, — тусклым голосом ответил Хобарт. — По всем статьям. Судя по вашим ответам, вас невозможно классифицировать ни в какой области. Вы даже близко ни к чему не стоите. Это было ясно с самого начала. Уверен, что вы и сами догадывались. Вы пытались давить на меня, потому что чувствовали, чем все кончится. Вы пытались обмануть машину. Вы сражались с первой минуты до последней, до тех пор, пока не впали в бессильную ярость. Нет, вы не хотите стать одним из нас по велению сердца — вы все холодно рассчитали, вы решили, что должны это сделать.

— Вы хотите сказать, что я пытаюсь насильно втиснуться в?..

— Вот именно, Вайерман.

Хобарт покачал головой.

— А разве это не так? Сознайтесь, ведь вы так думали.

Он вгляделся в лицо Майкла.

— Да, похоже, что не думали. Послушайте, я не знаю, кто вы такой на самом деле. Возможно, вы искренне хотите найти подходящую нишу для себя — но у нас нет ничего для вас. У вас необыкновенно развитый интеллект, выше среднего уровня — совершенно нетривиальный ум, между нами говоря, — но это все, что я вам могу сегодня сообщить, это единственный позитивный результат сегодняшних упражнений. Компьютер говорит, что во всех областях труда у вас одинаково низкие показатели. Вы станете палкой в колесе любого дела, в котором попытаетесь попробовать себя... однако мир полон людей, которые по своим наилучшим качествам непригодны к традиционному плодотворному труду; какой прок обществу от талантов, равно посредственных во всех областях? — заявил Хобарт потрясенно слушающему его Майклу. — То, что я сейчас вам рассказал, не есть дословное изложение анализа машины — машина способна только выбирать ответы из огромного каталога возможных, который заложили в нее создатели. Если машина не находит в своем каталоге точный ответ, она подбирает тот, который подходит лучше всего, — точно так же случается и в человеческой жизни. Мы должны уберечь себя от элементарных ошибок — мы не можем принять ответ только потому, что он таковым именуется. Машина не поняла вас, и, следовательно, не поняли вас ее создатели. Никто в обществе, создавшем эту машину, не способен разобраться в вас — вот совершенно ясный результат нашей сегодняшней работы. В том числе не способен понять вас и я, Вайерман, — не пришелец, но уже и не землянин после всех этих лет. Я не способен разобраться в вас ни в понятиях прошлого Земли, ни в понятиях ее будущего тем более. Я не понимаю вас в рамках тех определений, которыми мы здесь, на Земле, оперируем сейчас, — я бессилен, у меня нет соответствующих вам стандартов.

Хобарт снова покачал головой.

— В этом мире вы урод, Вайерман. Единственное, что я могу вам сообщить исходя из моих цифр, так это то, что вы не более цивилизованны, чем такой человек, как Франц Хамиль, например.

— Я не хочу оставаться один! — воскликнул Майкл.

— Конечно, я верю вам. Я уверен также и в том, что бывали времена, когда вы от всей души хотели быть примерным центаврианином. Но с Центавра вы сбежали, так же как сейчас вы сбежали от Хамиля. Как очень скоро сбежите и от нас.

— Вы заявляете это как представитель административной системы пришельцев? — потребовал ответа Майкл, чувствуя, что у него сжимается горло. Он уже презирал Хобарта — этот предатель скрывал свое позорное деяние под маской спокойного профессионализма — предательство Хобарта было гораздо более искусным, чем его собственное.

— Нет, — ответил Хобарт. — Разумеется, нет. Я излагаю вам свое собственное, частное мнение специалиста. Оставшись здесь, вы неизбежно закончите в сумасшедшем доме, вот что я хочу вам сказать, и не в смысле своего естественного поведения — тут, с точки зрения здешнего сообщества, вы уже и так ненормальный дальше некуда, — но в обычном плане личностного сознания. Вы сновапуститесь в бега, Майкл Вайерман, — вы продолжите свои поиски.

— Снова? — Майкл почувствовал, что у него больше нет сил продолжать все это, так он устал. Он желал прекратить сопротивление. Нужно остановить эту комедию — ни о чем другом он сейчас думать не мог. — Но я не хочу никуда бежать! Я не могу больше бежать!

— У вас нет выбора, — ответил Хобарт. — Ни я, ни пришельцы не сможем решить ваши проблемы вместо вас. Мы не понимаем вас. Если вы останетесь здесь, мы, конечно, будем пытаться подыскать вам что-нибудь, какое-то применение. Но в конце концов нам это надоест, потому что все наши попытки найти вам подходящее место будут разбиваться о ваше нежелание сотрудничать. Вас назовут неисправимым и от вас избавятся. И тогда вы поймете, что сверхчеловеческое терпение и понимание есть атрибут богов и только их — от своих собратьев вы помощи не дождетесь!

— Но я не хочу бежать!

Неужели этот высокомерный человек не может понять такой простой вещи? Неужели Хобарт не видит, как он устал и измотан?

— Не хотите бежать? А что же вы хотите — лечь на дно, а там будь что будет?

— Мне все равно — я устал от того, что люди делают со мной, я устал от людей! Куда мне идти? Что мне осталось? Я готов присягнуть на верность кому угодно — но кому нужна моя верность? Что за вшивый народ меня породил!

Майкл сорвался с места и схватил Хобарта за отвороты рубашки.

— Не один вшивый народ, Вайерман, а два, — прохрипел Хобарт. — Вы забываете о пришельцах. Хотя, возможно, и во всей Вселенной не найдется такого народа, чтобы устроил вас. Как вам такой вариант?

— Выведите меня отсюда! — прошипел Майкл, пытаясь разогнать красный туман, кружащийся перед глазами. — Мне нужно спуститься вниз и выйти в город, понимаете? Прямо сейчас, Хобарт! Я...

Майкл почувствовал, что близок к истерике. Но и эта мысль коснулась его только краем и пропала. Он просто хотел выйти из этого душного тесного помещения. Кто-то должен был открыть эту клетку, в которой его произвели на свет.

Хобарт вырвался из его рук.

— В коридоре охрана, — сообщил он шепотом.

Лицо его опухло и налилось кровью от слишком крепко затянутого воротничка рубашки, но глаза светились радостью, почти торжеством.

— Сколько человек?

— Не знаю.

— Они приставлены ко мне?

— Нет. Это просто дежурные солдаты. Днем в здании на разных этажах находится около батальона. Так всегда бывает. Никаких специальных мер в связи с тем, что здесь находитесь вы, не принималось.

— Черт, я разберусь с ними. У вас есть машина? Где она?

— Внизу в гараже.

Удерживая даже не пытающегося вырваться доктора одной рукой, Вайерман обшарил его карманы и выудил ключи.

— Благодарю.

— Солдаты вооружены.

Хобарт пришел в неистовство. Было невозможно понять, то ли он угрожает Майклу, то ли предостерегает его. Майклу же было все равно.

— Я разберусь с ними. Конечно, разберусь — какие проблемы?

Задумавшись на секунду о причинах своей небывалой уверенности, он тут же отбросил эти мысли, снова погрузившись в лихорадочный туман возбуждения, — его презрение ко всему миру в тот момент не знало границ.

— Вы прете напролом, Вайерман, без всякого плана, надеясь только на удачу, — жалобно прохрипел врач. — Вас поймают, я уверен. Вы перевозбуждены, вам нужно успокоиться. Такая спешка к добру не приведет.

— Ничего, Хобарт, все в порядке. Я отлично себя чувствую.

Повернув кулак, Майкл еще сильнее сжал воротник рубашки Хобарта.

— Я отключу вас — совсем ненадолго.

Он поднял левую руку и протянул ее к шее врача.

— Обычный прием, надавливание на сонную артерию. Через несколько минут вы придете в себя. Это одна из тех милых штук, которым меня научили, чтобы я применял их на своих врагах.

Глаза Хобарта восторженно блестели и не отрываясь следили за лицом Майкла.

— Разбей компьютер, — прошептал он, ощущая, как уменьшается приток кислорода к мозгу. — Достань оттуда пленку... твои планы... если повезет... потрясающе...

Майкл осторожно опустил обмякшего Хобарта на стул. За все недолгое время пребывания на Земле он так и не сумел испробовать на пришельцах ничего из своей военной выучки. Хотя сейчас ему было абсолютно все равно.

Он отдавал себе отчет в том, что его несет, что разум уже не руководит им. Все в нем, что позволяло двигаться и совершать поступки бездумно, под влиянием инстинктов, проснулось и было задействовано на полную мощность. Ударом ноги он опрокинул столик с компьютером пришельцев и играючи раздавил его корпус, разыскал и вынул оттуда пленку, а потом поднес к ней горящую спичку, с удовлетворением проследив, как темно-коричневый клубок начал сворачиваться и извиваться, как брошенная на раскаленную плиту змея. Затем, не оглядываясь больше, не останавливаясь и не раздумывая о том, что он будет делать дальше, сам не свой от сводящего все мускулы и внутренние органы напряжения, такого сильного, что впору было завывать волком, Майкл открыл дверь комнаты и ступил в коридор.

От внешнего мира его отрезал теперь только солдат-пришелец, стоящий в совершенно пустом коридоре в десяти шагах от двери, вполоборота к ней.

ГЛАВА 5

1

Солдат-пришелец в ладно и туго сидящей форме, с блестящими начищенными сапогами и ремнем, сработанными с большой любовью, был еще совсем молод. Это был типичный гарнизонный солдат — возможно, и в людей в своей жизни не стрелявший ни разу. Его выправка и состояние формы были конечным итогом развития традиций бесчисленных военных поколений, берущих свое начало в особых пещерах, где под магической защитой шамана хранились племенные щиты и копья; традиций, получив-

ших свое развитие у костров, разложенных в центре круга хижин из растянутых на шестах звериных шкур, потом в душных казармах и, наконец, в отсеках и рубках транспортных космических кораблей, на которых его народ прибыл на Землю. Знание и опыт накапливались с того самого дня, когда первый представитель расы пришельцев выбрал себе жизненный путь воина, — может быть, все началось с открытия способа шлифовки древка стрелы и обнаружения пользы от втирания жира в тетиву лука. Немного ламповой сажи на ствол ружья для придания вида перед парадным построением. Плевков и быстрая обработка фланелькой ботинок перед утренним смотром. Совсем чуть-чуть белой глины, втертой в ложбинку кокарды, в пряжку ремня парадной формы. Все эти маленькие хитрости, перечень тайн, которые, когда последняя строчка в книге Вселенной будет написана, возможно, останутся единственным образцом народной мудрости — общей для многочисленных разумных и способных к ведению военных действий рас. Рас белых, зеленых или покрытых рудиментарными остатками чешуи — тех, кто произошел от ящериц во времена, когда Земли еще не было и в помине.

Майкл смотрел на солдата, и в его глазах клубился туман, в первый момент кажущийся совершенно хаотичным. Его тело купалось в секреторных выделениях желез, переведших его чувства на уровень сверхреагирования, наполнивших его уши звуками, неслышными в нормальном состоянии, позволяющих глазам различать части цветового спектра, в обычных условиях невидимые. Он слышал шум крови, струящейся по сосудам возле ушей. Он перестал мигать. Окажись он сейчас в джунглях, ни один враг не сумел бы подойти к нему незамеченным, ни одна тень не смогла бы тайно пошевелиться в пределах поля его зрения. Его ноздри побледнели и расширились, рот приоткрылся, дабы обильно снабдить легкие кислородом, мгновенно уносящимся прочь со стремительным током крови. Его организм щедро тратил свои силы, через несколько часов он должен будет свалиться без сил, и будь он обитателем джунглей, то просто забрался бы тогда на дерево, устроился там вне пределов досягаемости возможных хищников и выпался.

Майкл сделал первый неслышный шаг в сторону солдата. Гладкие композитные плитки, которыми был выстелен в коридоре пол, выгодно отличались от павшей листвы или сухих сучков в лесу, и шаги его не сопровождались ни шорохом, ни треском.

Молодой солдат-пришелец вряд ли понимал, сколько разумных существ вложили свой гений в то, чтобы он был сейчас лучшим на вид воином лучшей дивизии лучшей армии из участвующих в военных кампаниях по всей Вселенной. Дань традициям он

отдавал буквально, держа спину прямой, как палка, и руки строго по швам, и спроси его сейчас, в чем заключается главный смысл солдатской службы, он четко ответил бы, что главное в армии — это, конечно, война, а не прохождение смотров. Ответ его был бы именно таким, поскольку тот несомненный факт, что как раз отличное прохождение смотров — для чего им была заучена идеальная поза символической статуи — и являлось главным солдатским делом, был недоступен ему. После того как внешний вид солдата уже не может поддерживать дисциплину среди населения, наблюдать за которым он приставлен, его функция бесславно исчерпывается. Солдат, всю жизнь стреляющий только по мишеням, сам является символом неизбежного поражения.

Майкл неслышно подошел к молодому пришельцу со спины, положил ему руку на плечо, и, когда тот с удивлением обернулся, убил его одним коротким ударом правой руки. Для этого Майкл сложил вместе и вытянул пальцы и жестким ребром ладони раздробил молодому охраннику кадык. Этот прием задолго до появления муштры и парадных смотров был известен всем наемным убийцам.

С искаженным лицом солдат повалился вперед прямо на руки Майкла и, пав на колени, издал тихий булькающий кашель. Майкл поспешно подхватил пришельца и в течение нескольких мгновений буквально чувствовал, как сердце того пытается продолжать биться. Но вскоре, когда отключившийся из-за нехватки кислорода мозг прервал с ним сообщение, и этот неустанный насос тоже остановился.

Замерев над охранником, Майкл оглянулся по сторонам. Потом, заметив рядом с его постом открытую настежь дверь в маленькую комнату, потащил тело туда. По пути в комнатку охранника он яростно мотал головой. Пальцы его правой руки покалывало.

Прикрыв за собой дверь, еще не придя окончательно в себя от первого опыта убийства человека голыми руками, он снял с мертвого тела одежду, пораженный и замороженный его неуклюже-свободной податливостью. Прежде, до этого момента, между ним и его жертвой всегда находился спасительный механизм-посредник или их разделяло нажатие его пальца на курок, или же смерть могла быть отсрочена осечкой и заклинившей в стволе пулей, и многим другим — любой из почти дюжины вещей, которые вполне могли произойти. До сих пор он считал, что знаком с убийством. Теперь же по всему выходило, что он ошибался.

Форма, которую Майкл надел на себя, еще хранила тепло солдата-пришельца. Он был немного шире в талии, чем прежний хо-

заяин формы, и ремень ему пришлось застегнуть на другую дырочку, в результате чего на коже ремня стала видна четкая вытертая полоса. Одевшись, он прислонился к стене — силы вдруг оставили его, словно схлынули в сток как грязная вода.

Неловко расставив ноги, с минуту он стоял над мертвым пришельцем. Пальцы рук Майкла были скрючены, как когти, лицо покрывали бисерины пота. Он был потрясен до глубины души и немало удивлен этим. Во время военной подготовки он, дитя мирной жизни, с жаром заучивал приемы удара по горлу ребром ладони и многое другое, стараясь запомнить особенности всех смертоносных действий и сопутствующую им психологию. Очевидно, все это время в глубине души он лелеял надежду на то, что до применения на деле этой науки не дойдет никогда.

Майкл вытащил из кожаной кобуры и с любопытством рассмотрел незнакомое оружие пришельцев, их эквивалент пистолета. В его обучение не входило ознакомление со всеми известными типами оружия. Стрелковую подготовку он проходил на марках оружия ОЦС, которое при всей извилистости и размытости за давностью времени связей с Землей все-таки несло в себе некий земной отголосок. Но пистолет пришельцев был для него абсолютной новостью.

Оружие работало по тому же принципу выбрасывания из дула с большой скоростью твердого предмета. Засчет чего производился выброс — засчет ли бурной реакции взрывчатого вещества или расширения сжатого газа-пропеллента, — прямо сейчас разобраться было невозможно. Вокруг толстого, большого калибра ствола, шел призматический скользящий затвор. Присмотревшись, Майкл заметил простейший спусковой предохранитель. Сняв большим пальцем пистолет с предохранителя, он попытался сдвинуть затвор. Вперед тот не шел. Потянув затвор назад, он смог подвинуть его немного. После этого он потянул сильнее, и затвор послушно скользнул по направляющим осям, одновременно поднимаясь вверх. Он поворачивался на полуцилиндрической муфте и, смещаясь назад, постепенно складывался пополам, вплоть до самой крайней точки. Из приемного гнезда неожиданно выскочил наружу патрон и со стуком упал на пол. Появившийся из обоймы другой патрон занял место выброшенного. Сдерживая возвратную пружину, Майкл Вайерман принялся осторожно отпускать затвор. Проявленная им излишняя предосторожность к добру не привела — патрон внутри приемного гнезда заклинило, чего и следовало ожидать. Пистолетный затвор остановился, отказываясь возвращаться в исходное положение. Из компактного, остроумного и точного

приспособления, оружие превратилось в мертвое соединение неуклюжих металлических частей.

Капля пота, скатившаяся со лба Майкла, упала на поблескивающий в приемном гнезде патрон. Майкл машинально вытер влагу кончиком указательного пальца. Потом лихорадочно подергал затвор. Зубчатое колесико невидимых направляющих осей где-то внутри заклинилось намертво. По всей видимости, конструкторы пришельцев не рассчитывали, что их творение попадет в руки к новичкам. Возможно, оружие специально создавалось для использования только теми, кто прошел специальную подготовку.

Майкл закусил губу, засунул в приемное гнездо указательный палец левой руки и попытался выправить патрон. Внезапно сорвавшийся с места затвор захлопнулся и раздробил ему кончик пальца. Охнув от боли, Майкл снова поспешно оттянул заливаемый кровью затвор — на этот раз ему удалось сделать это довольно быстро, — и на пол вылетел еще один, искореженный патрон. Засунув сломанный указательный палец в рот, мгновенно наполнившийся кровью, он спрятал пистолет обратно в кобуру. Несколько капель крови успело упасть на пол. К счастью, на форму кровь не попала. Но теперь он должен был найти что-нибудь, чтобы перевязать искалеченный палец.

Наклонившись перед шкафчиком часового, он принялся выдвигать один за другим ящики в поисках перевязочного пакета или какой-нибудь чистой тряпицы и в конце концов нашел то, что ему было нужно. Разорвав зубами перевязочный пакет, он, как мог, аккуратно забинтовал палец и старательно завязал бинт. Несмотря на все его старания, повязка получилась неровной. Бинт мгновенно пропитался кровью, но времени для того, чтобы пытаться придумать что-то получше, уже не было. Он и так задержался здесь слишком долго. Хобарт мог поднять тревогу в любой момент. В коридоре мог появиться новый часовой, пришедший на смену тому, которого он убил, — да все что угодно могло случиться. Майкл еще раз взглянул на мертвого пришельца у своих ног. Азарт действия давно уже покинул Вайермана. Он потерял быстроту и внезапность. Изначально распаленный тем, что наконец решился на что-то, он совершил ужасный поступок. Теперь энергия оставила его.

Взявшись рукой за дверную ручку, он снова остановился. Но стоять здесь вечно он не мог.

Открыв дверь, он вышел в коридор. В коридоре по-прежнему не было никого. Держа левую руку, в которой уже начала биться боль, кулаком книзу, подальше от брюк и так, чтобы кровавой повязки не было заметно со стороны, он двинулся в сторону лифта,

еле переставляя ноги, которые, казалось, стали десяти футов длинной и лишились коленных суставов.

2

В лифте было полно народа. После того как двери его открылись, на Майкла уставилось около дюжины пар неподвижных глаз. Ему до смерти захотелось повернуться и побежать куда глаза глядят.

— Вниз? — скучным голосом задал свой вечный вопрос лифтер. Лифтер-землянин в полувоенной одежде по образцу формы пришельцев был из нанятых гражданских лиц и изъяснялся на чистейшем языке пришельцев.

— Да... да, — проскрежетал Майкл и кашлянул. Просунувшись внутрь лифта, он с трудом повернулся, и лифтер закрыл двери. Люди в лифте подались немного назад и в стороны, освободив для Майкла минимально необходимое пространство. Он почувствовал, как его больная рука прижалась к бедру и внутри, под кожей, части раздробленной кости крайней фаланги пальца трутся друг о друга. Он не мог кричать. Он едва удерживал себя на поверхности сознания.

— Гараж, пожалуйста, — быстро проговорил он, вовремя вспомнив, что показываться вместе со всеми на нижнем этаже в холле ему совсем не следует.

— Вам нужен другой лифт — этот в гараж не идет, — сварливо отозвался лифтер. — На первом этаже в конце холла есть другой лифт, поменьше. Вы что, новенький?

Женщина преклонного возраста в деловом костюме с подложенными плечами, с подкрашенными розовым светлыми волосами, покачнувшись, оперлась плечом о бицепс Майкла и, видимо, желая извиниться, повернулась и взглянула ему в лицо.

— Вам плохо, солдат? — удивленно спросила она. — Вы ужасно выглядите.

Дама нахмурилась и пристально его осмотрела.

— Вы бледны.

Дело было не только в бледности. Хуже было то, что в Майкле не было почти ничего от худобы и угловатости пришельцев. И что самое главное, его кожа была во много раз светлее их кожи. До тех пор пока кто-то не начинал рассматривать его слишком внимательно, это особого значения не имело. Но в любой момент женщина могла разобраться в истинной причине его чрезвычайной бледности. После этого она наверняка заметит странную оттопыренность его ушей, округлость носа.

— Не лезь не в свое дело, землянка, — рывкнул Майкл. — Какого черта ты на меня уставилась?

Среди пассажиров лифта мгновенно наступило неловкое молчание. У пожилой женщины на мгновение отвалилась челюсть, которую она с характерным звуком захлопнула, и на Майкла она больше не смотрела, вместо того уставившись на дверь лифта. То, что миг назад позволил себе Майкл, было невиданным нарушением негласного этикета. Напоминание о том, что пришельцы являются не просто группой суровых, но благожелательно настроенных друзей, взявших на себя управление земными делами для обоюдной пользы всех, действительно шокировало. Такая грубость была ужасно несправедливой.

В леденящем молчании достигнув первого этажа, лифт остановился. Пассажиры одновременно устремились вперед, и в образовавшейся толчее кто-то с чувством отдал Майклу ногу. В тот момент, когда он ступал на пол холла, лифтер словно случайно резко опустил кабину еще на пару дюймов. Он чуть не упал, а лифтер, хихикнув в носовой платок, громогласно высморкался.

Майкл повернулся к лифту вне себя от ярости. Он уже готов был начать выкрикивать ужасные ругательства, но потом вспомнил о том, что он все-таки не пришелец. Повернувшись, он двинулся к гаражному лифту.

На полпути он остановился и взглянул в сторону главного выхода из холла. В дверях был устроен пропускной пункт, и земные служащие, выстроившись там в очередь, продвигались по одному, отмечая время ухода и предъявляя дежурным опознавательные значки. Редкие пришельцы выходили на улицу через соседние двери, быстро показывая удостоверения. В кармане Майкла лежало удостоверение убитого солдата-пришельца, как он успел убедиться, с весьма четкой фотографией того.

Он снова повернулся и подошел к лифту в углу холла. Рука болела невыносимо.

Гаражный лифт был автоматическим и совершенно пустым. У кнопок на стене лифта были проставлены обозначения на языке пришельцев, и в этом был какой-то свой смысл, разобраться в котором так сразу Майкл был не в силах. Только после того, как он нажал на самую нижнюю кнопку и кабина пришла в движение, он внезапно понял, что надписи на языке пришельцев могут означать только одно — обычный земной персонал в подземный гараж не допускался.

Возможно, это было ему на руку. Тот факт, что машина доктора Хобарта находится в гараже, означал, что врач не принадлежит

к кругу обычного персонала, и это могло оказаться для Майкла полезным.

Но кроме того, это могло означать также, что при входе в гараж наверняка находится охранник пришельцев, проверяющий приходящих.

О господи, воскликнул Майкл про себя, весь этот мой побег становится чертовки непростым!

Гаражный лифт остановился, и дверцы раздвинулись. Он сделал шаг вперед и оказался перед сидящим за столом со скучающим видом пришельцем в чине капрала, седым мужчиной с усталым взглядом, с глубокими складками на лице и двойным подбородком, со сломанным в какой-то давней драке носом. Пришелец поднял на Майкла глаза.

— Что тебе?

Они находились на высоком бетонном балконе с перилами из гладких труб по всему периметру. Капрал сидел спиной к перилам, позади него раскинулся гаражный зал, в котором между швейлеровыми пилярами находилось около пятидесяти машин. Справа от лифта с балкона вниз шла лестница в несколько пролетов. Примерно половина машин имела гражданский вид, остальные машины, стоящие отдельно, в особой секции, были военными грузовиками, броневиками-джипами и тому подобным. Под сводами гаража стоял тихий гул нескольких работающих моторов и металлический лязг. У двух или трех машин возились механики в одинаковых серых комбинезонах.

Засунув левую, искаленную руку в карман, Майкл шагнул к столу капрала.

— Я хочу забрать машину доктора Хобарта, — проговорил он. — Он просил подогнать его авто к подъезду.

О том, в порядке ли вещей то, что младший служебный состав пришельцев выполняет поручения старших землян, Майкл Вайерман понятия не имел. Желая подкрепить свои слова, он достал из кармана ключи от машины доктора и продемонстрировал их капралу.

Ключи он держал в левой, окровавленной руке, бинт на указательном пальце которой вконец пропитался кровью и сбился. На его форменных брюках над левым карманом расплылось кровавое пятно.

Он просто забылся. На ходу перебирая в голове различные варианты своих действий, он забежал в мыслях слишком далеко вперед. О том, что ждет его в гараже, он, конечно, понятия не имел, но точно знал, что единственным подтверждением его права на машину и вообще на присутствие в гараже являются имя

доктора Хобарта и его ключи. Затвердив это в памяти, он составил фразу и придумал даже соответствующее выражение лица. Увидев перед собой пришельца, он немедленно привел план в действие, забыв об одной решающей детали.

Капрал пораженно уставился на кровь на руке и на брюках Майкла.

— Что это за дьявольщина творится с тобой? — пророкотал он.

— Я прищемил палец затвором пистолета, — глухим голосом ответил Вайерман, медленно опуская руку. Он похолодел и словно лишился способности управлять своим телом. Еще немного, и он повалился бы на пол безвольной грудой. Не дремал только его мозг, там шла лихорадочная работа.

Для того чтобы сообразить, что к чему, капралу не понадобится много времени. Маленькая заминка объяснялась тем, что появление перед ним подозрительного вида и поведения незнакомца выходило за рамки служебного опыта и любой учебной подготовки, — такого пришелец просто не ожидал. Одной рукой он уже тянулся к большой круглой красной кнопке, расположенной справа от него на столе, другой нашаривал на боку кобуру.

— Этот проклятый пистолет, — снова заговорил Майкл, выхватывая оружие из кобуры и демонстрируя его капралу. Он держал пистолет просто на ладони, совсем невинно, даже не положив палец на курок. — Видите, он весь перепачкан кровью.

Дуло пистолета Майкла словно случайно было направлено в брюхо капрала, которым тот, оторвав от стула зад и пытаясь дотянуться до кнопки сигнала тревоги, навалился на стол.

Пришелец впился глазами в черный зрачок нацеленного на него дула. Его руки замерли, каждая на полпути к своей цели. Майкл снова сделал совершенно безошибочный ход — представил капралу положение вещей во всей их неприкрытой обнаженности и предоставил ему возможность выбирать. Все еще было неясно, кто Майкл такой, то есть все было, конечно, понятно, но слово еще не было произнесено. Решись Майкл вести себя как беглый узник, капрал немедленно, без раздумий поднял бы тревогу и набросился бы на него, даже если бы пистолет Майкла смотрел ему прямо в лоб.

— Какая глупость с моей стороны, да?

Майкл по-прежнему давал возможность толстому пришельцу рассматривать свой пистолет, и со стороны, снизу из гаража ни у кого не возникало никаких подозрений — казалось, что один человек просто что-то показывает другому.

Капрал наконец сдвинулся с места и начал то, что можно было назвать сложным процессом усаживания обратно на стул.

— Но я его уже исправил, мой пистолет, — сообщил ему Майкл. — Везет же вам, капрал, — продолжил он нарочито дурашливым тоном. — Совсем чуток до пенсии осталось? Должно быть, уже вещички пакуете? Дьявол, вот это жизнь у вас начнется — знай посиживай дни напролет в барах, дуй пиво да не забывая вовремя доставать из почтового ящика пенсионные чеки.

Пришелец смотрел на него как заворуженный. В ошарашенном взгляде капрала отчетливо видна была озадаченность: что делать перед лицом откровенной угрозы он не знал. Вместе с тем все еще оставалась возможность того, что все происходящее было ничем иным, как плодом его, капралова, воображения. Само собой, он не желал выставлять себя в дураках. Умирать ему тоже не хотелось, ведь он и в самом деле был не дурак. Смысл нескольких последних фраз Майкла постепенно начал доходить до его сознания.

— Знаете, — сказал Майкл, — а я ведь никогда раньше здесь не был. Вы не подскажете мне, где находится машина Хобарта? Не хотелось бы заставлять его ждать. Сами понимаете, лишняя отметка в личном деле мне ни к чему.

Пистолет он по-прежнему держал на ладони.

Этот пистолет Майкла определенно мешал капралу думать связно. Пришелец пытался что-то сообразить, но он слишком много повидал на своем веку и слышал также немало рассказов, и отлично знал, что может крупнокалиберная пуля, выпущенная почти в упор, сделать с человеком. Он не был трусом, но он не был также и самоубийцей. Окажись с ним сейчас солдат помоложе, вроде того, которого Майкл недавно убил в коридоре наверху, он дождался бы, когда юнец сделает первый шаг, а уж потом решал, как поступить самому. Но сейчас он был на балконе один, и до пенсии ему оставалось всего ничего.

— Машина доктора вон там, вторая справа, — ответил он, небрежно махнув рукой в направлении припаркованных у дальней стены гражданских автомашин.

— Которая, капрал? — переспросил Майкл, отведя глаза от лба капрала только на долю миллиметра, бросив молниеносный взгляд вниз и тут же снова уставившись на своего собеседника.

Капрал, который до этих слов еще питал надежду на удачную развязку, теперь эту надежду оставил.

— Пошли, — проговорил он со вздохом, выбираясь из-за своего стола. — Я покажу.

— Отлично, капрал, — поблагодарил его Майкл, — это очень мило с вашей стороны. Я имею в виду то, что вы тратите на меня свое драгоценное время. Я так понимаю, вы очень занятой

человек и не будете, к примеру, останавливаться внизу около этих чумазных обезьян и трепаться с ними?

Капрал коротко помотал головой.

Майкл улыбнулся. Он проверил глазами состояние кобуры на боку у капрала. Так же как и кобура у убитого им солдата, кобура капрала служила скорее для украшения, чем для целей быстрого и эффективного использования находящегося в ней оружия, имела широкую крышку и тугую блестящую застёжку. Вытащить из такой кобуры оружие раньше, чем выстрелит стоящий напротив враг, мог только человек, способный проделать это моментально. Наверняка на всей Земле нашлось бы совсем мало пришельцев-военных, считающих себя в состоянии проделать такой трюк в положении капрала.

Попытавшись представить себе армию из двух миллионов человек, вы наверняка увидите перед своим внутренним взором два миллиона поджарых, холодноглазых ветеранов-убийц, держащих свое оружие всегда наготове. Однако столкнувшийся уже с несколькими пришельцами Майкл понял, что, несмотря на все бойкие заверения уставов гарнизонной службы оккупационных войск, которые он тоже знал назубок, на такое количество реально готовых к бою жестких и беспощадных бойцов рассчитывать не приходится. В любой действующей двухмиллионной армии сиюминутно в строю находится не более двух сотен тысяч человек, из которых обстрелянных наверняка меньше половины. Из десяти солдат девять обслуживали, лечили, кормили, одевали и транспортировали десятого. Этот десятый мог оказаться бывалым ветераном и отменным профессионалом, но даже его деятельность не обязательно связана с убийством.

В государстве, подобном империи пришельцев, границы которого неуклонно расширяются и где на передовых все время кипят страсти, отменные специалисты и профессионалы высшего класса, само собой, направляются туда, где они нужны больше всего. На мирной, прочно объединенной и консолидированной Земле бывалые ветераны служили офицерами и сержантами — по крайней мере, большая часть. Основной же солдатский состав, даже в ударных частях, наверняка только что прибыл из училищ. Капралы служили по двухгодичным контрактам. На дипломах младших лейтенантов еще не высохли чернила. Наверняка где-то имелись эскадроны военной полиции быстрого реагирования, но квартировались они отдельно, в стратегически удобно расположенных казармах. Тот административный персонал, который обслуживал штаб, бесспорно, не принадлежал к составу первого класса, а многие, возможно, не принадлежали даже ко второму

Ни один пришелец на Земле, не считая тех, кто вчера доставил сюда Майкла, понятия не имел о том, что на планету не так давно был высажен хорошо подготовленный, решительный, не слишком опытный — но непредсказуемо опасный — и непримиримо, враждебно настроенный боевик. Спроси сейчас кто-нибудь гаражного капрала о том, существует ли где-либо такая организация как Правительство Свободной Земли в Изгнании, он, не задумываясь, ответил бы уверенным «Нет». Если бы после этого этот кто-нибудь объяснил капралу, что подобное правительство находится на Чиероне, что в системе Центавра, капрал бы выругался в адрес ОЦС, известной ему в качестве самого вероятного и ближайшего врага его народа.

Всю свою службу капрал провел в гарнизоне. Война была не его делом. Земля была очередным счастливым билетом, вытянутым им в долгой череде других счастливых билетов, — население здесь практически полностью прошло классификацию, жило довольное своей судьбой, меняя под властью пришельцев уже второе поколение. Уже сейчас многие из землян не представляли своего существования при другой социальной системе. Война закончилась, победно выигранная; завершилась — и только единицы таких, как Майкл, могли считать иначе.

Никто не мог винить капрала за то, что он послушно повел не очень твердо шагающего следом Вайермана к машине доктора Хобарта. Спускаясь по лестнице в гаражный зал, Майкл убрал пистолет в кобуру, но застегивать ее не стал, а незаметно прижал крышку здоровой рукой. Кобура капрала так и осталась накрепко застегнутой. Можно было даже сказать, что капрал совершенно безоружен. И за то, что он согласился проводить Майкла к нужной ему машине вместо того, чтобы попытаться задержать его или хотя бы сбить с толку, его тоже никто не мог винить. По правде говоря, капрал о подобном даже не думал. Вокруг был мир, и перед законом он был чист — шанс на то, что война когда-нибудь придет на Землю и заденет своим крылом его, был один к двум с половиной миллиардам.

3

Майкл почувствовал, как где-то внутри его головы тонко завибрировала натянутая до предела струна. Струна пронзительно пела от небывалого напряжения, и он почти видел, как она яростно светится, раскаленная докрасна, а более холодные концы ее ощутимо дымятся.

Он понимал, что если его поймают, то непременно казнят. Возможно, его даже не будут задерживать и судить, а просто

пристрелят на месте. И пришельцы вправе сделать это, потому что он их враг и убийца.

Он и чувствовал себя убийцей. У него уже не было в этом никаких сомнений, он оценивал себя теперь только так. Вот враг, который стоит между ним и свободой. Смести врага со своего пути. Враг молод и силен так же, как и ты, и поэтому не давай ему над собой преимуществ. И хотя уже многое им было сделано на этом пути, понадобится еще много времени, чтобы усвоить все и разобраться в себе.

Пришельцы нравились ему, что и говорить. Те из них, с кем ему выдалось столкнуться лично, были симпатичны ему больше Франца Хамиля. И любопытный факт — если бы в детстве он не был приучен воспринимать пришельцев только как дикарей-недочеловеков и безжалостных вандалов, то, возможно, они нравились бы ему сейчас гораздо меньше. И не будь Земля оболванена перед войной и во время нее подобной пропагандой, то, возможно, оккупация ее не прошла бы с такой легкостью. Отдельно взятый пришелец был вежлив и дружелюбен, все это было в натуре этих людей; контраст с кровавыми монстрами с плакатов военного времени был слишком велик, чтобы разобраться во всем разумно и не торопясь. Если бы земляне вовремя поняли, подумал Майкл, что даже дружелюбные люди могут поработить чужой народ и отобрать у него свободу и что свобода значительно лучше безопасности, то многое могло пойти по-другому.

Однако же то, что гнало сейчас Майкла вперед, было обычное желание всех злодеев, прошлых и будущих, избежать встречи с возмездием. В данный момент у него не было никаких идеалов и политических убеждений. Он спасался бегством, уносил ноги, и мысли его торопливо перескакивали с одного плана на другой — разговор шел не об убеждениях, а о его жизни.

Капрал остановился перед машиной Хобарта.

— Вот эта, — доложил он.

Майкл кивнул.

— Отлично. Откройте, пожалуйста, дверь.

Они стояли в промежутке между машинами. Никто из механиков пока не замечал ничего необычного.

Капрал повиновался и открыл дверцу водителя. Снова вытащив пистолет из кобуры, Майкл движением дула приказал капралу отойти от машины, остановиться на почтительном расстоянии и оттуда наблюдать за тем, как окровавленный вандал рассматривает внутренности машины, пытаясь уразуметь функции рычагов управления.

В том, как управлять машиной, он разобрался без труда. В отличие от пистолета, машина была традиционного земного типа. Майкл удовлетворенно кивнул.

— Просто отлично, — сказал он. — Теперь повернитесь кругом.

Капрал уже догадывался, что за этим последует. Повернувшись, он сорвался с места и бросился бежать. Майкл настиг его в четыре длинных кошачьих прыжка и оглушил, ударив рукояткой пистолета по голове.

Звуки их возни громко разнеслись в узком пространстве между машинами. Вайерман присел на корточки, держа пистолет наготове. Потом громко рассмеялся.

— Смотри под ноги, дружище! — преднамеренно громко сказал он. — И не спотыкайся больше!

Если кто из механиков и слышал шум с их стороны, то теперь все они успокоились и вернулись к своим делам. Майкл сел за руль докторского автомобиля и вставил в зажигание ключ. Через ветровое стекло он увидел балкон, на котором перед столом капрала уже стоял какой-то только что вышедший из лифта гражданский. Он ожидал разрешения спуститься в гараж, ругая про себя капрала, слишком надолго отлучившегося в туалет.

Майкл нажал на кнопку стартера.

Когда наконец раздался сигнал тревоги, он уже вел машину по спиральному подъемному пандусу к выезду на улицу. Какофония разноголосых звонков наполнила гараж и все здание штаба. Тревогу мог поднять Хобарт, решивший, что тянуть дальше — значит наводить на себя подозрения. Понять точно, кто это сделал, было невозможно. Да и не имело значения. Ржавая система безопасности гарнизонной службы приводилась в действие очень медленно. После очередного поворота Майкл заметил на стене молчащий звонок с оборванными проводами.

Но поднявшийся переполох сделал свое дело — Майкл машинально вдавил педаль газа в пол, слишком сильно крутанув руль, налетел прямо на ограждение выездного пандуса. Он успел выправить автомобиль, но тот все-таки чиркнул бортом по заграждению, закрипев шинами и скрежеща металлом. Инерция отбросила Майкла в сторону и вперед, и он врезался головой в каркас кабины и правой стороной груди в руль. С помутившейся головой и помятыми ребрами, отчаянно работая рулем, он чудом умудрился направить машину к воротам. По всему левому борту автомобиля шла длинная вмятина, оба бампера слева оторвались, передний цеплялся за покрывку, а задний волочился позади.

Борясь с головокружением и подступающей к горлу тошнотой, смагивая стекающую на глаза кровь, он проехал открытые нараспашку ворота, сторожевой пост у которых был уже несколько лет как снят. Позади него с выездного пандуса раздались крики, но стрельбы пока не было. Механики в гараже не были вооружены. У человека, ожидавшего появления капрала на балкончике у лифта, тоже наверняка не было оружия, если только он не являлся военным в штатском.

Свернув на улицу, Майкл покатился вперед, скрежеща задним бампером по асфальту. Он попытался разогнаться, но не мог никак этого сделать, хотя и вдавливал газ в пол до отказа и несколько раз проверил правильность положения передачи. О том, что передний бампер цепляет за левую покрышку, он не знал, и поэтому, после того как на ближайшем перекрестке, нарушая все правила, он свернул налево, резкий бросок автомобиля вперед был для него полной неожиданностью. Голова Майкла непроизвольно откинулась назад. Не успел он овладеть норовистой машиной, как бампер снова зацепился за покрышку, и автомобиль опять сбросил ход до тридцати миль в час, а сам он влетел лицом в руль. Баранка была отделана мягким пластиком, но, к сожалению, недостаточно толстым слоем — чтобы удобно было держать. В результате Майкл сломал о руль нос.

В этот же самый момент он услышал первый выстрел — стрелял постовой полицейский дорожной службы, направляемый своим полицейским инстинктом. Полицейский открыл огонь в воздух, только для того, чтобы предупредить нарушителя, но Майкл всего этого, конечно, не знал. Его лицо превратилось в разбитую маску, глаза застилало липким красным, он сильно крутанул руль и направил автомобиль в узкий переулок — за время оккупации пришельцы еще не успели полностью перестроить Филадельфию на свой лад — и, покотившись мимо выстроившихся слева сплошной стеной одинаковых серых домов, в отчаянии уставился направо через пассажирское сиденье. Удерживая руль искалеченной, почти бесполезной левой рукой и давя на газ левой ногой, он искал между домами хоть какой-то разрыв — что-нибудь, где он мог укрыться.

Наконец он увидел то, что искал, — проход между старым домом и высоким сплошным зеленым забором вокруг новостройки — и в тот же миг выпрыгнул из автомобиля, устремившегося дальше по переулку самостоятельно и с грохотом врезавшегося через десяток метров во что-то. Майклу хотелось надеяться, что машина отвлечет внимание погони хотя бы ненадолго, на несколько минут.

Вывалившись на улицу, он удачно сгруппировался и покатился по тротуару, переворачиваясь раз за разом через голову, и ка-

тился так до тех пор, пока не сломал себе ребра о столб дорожного знака «Стоянка запрещена». С трудом втянув в себя воздух, шатаясь, он поднялся и, волоча ноги, двинулся к пригласительно зияющему проходу.

Старые здания под снос пришельцами взрывались, отчего тротуар был покрыт трещинами и кавернами. Придерживаясь рукой о забор, Майкл тащился по узкому проходу в поисках другой щели, куда можно было бы свернуть. Выбраться из города на машине он вовсе не рассчитывал. Он надеялся проехать несколько кварталов, и это в лучшем случае: оказавшись за воротами штаба пришельцев, машину следовало бросить как можно скорее — после этого он рассчитывал разыскать более-менее безопасное место, где можно будет отсидеться, перевести дух и продумать план, направление и окончательный пункт дальнейшего бегства.

Теперь же выходило так, что убежище ему требовалось найти сразу же — и убежище не на несколько часов, а на несколько дней. В противном случае он уже очень скоро свалится без сил.

Убежище само нашло его. Майкл ввалился в полутемную небольшую нишу, асфальт в которой был усыпан щебнем. Прямо с улицы к приоткрытой двери наверху вела короткая лестница. Над дверью краской, потускневшей с тех времен, когда здесь была площадка для разгрузки грузовиков, широкими буквами было выведено: «Чайный домик миссис Леммон. Домашняя выпечка и сласти».

На деревянных, коричневых от старости ступеньках стояла и смотрела на него расширенными от страха глазами пожилая женщина с фарфоровым соусником в руках, из которого она только что наливала худой кошке в мисочку молоко. Увидев неожиданно перед собой явившееся из иного мира привидение, она не сразу сообразила, что сказать.

— Великие небеса! — воскликнула она. — Что такое? Что случилось?

Выбора у Майкла не было. Пытаться провести старушку и представляться ей солдатом пришельцев нечего было даже и думать — она раскусила бы его в два счета.

— Я свободный землянин! — выдохнул Майкл. — Я сбежал из штаба пришельцев!

— Свободный землянин? Бунтовщик?

На пухлом личике старушки отразилось крайнее возмущение.

— Убирайтесь отсюда! Немедленно вон!

За спиной Майкла кто-то уже бежал по переулку. Он отчетливо слышал дробный стук солдатских ботинок по тротуару. Еще несколько секунд — и преследователи заглянут в щель у забора.

Майкл принялся было искать на боку пистолет, но внезапно у него закружилась голова, он пошатнулся и, привалившись плечом к перилам деревянной лестницы и запрокинув залитую кровью голову, устремил умоляющий, полный слез и боли взор на землянку, которую уже заслонял от него поднявшийся туман слабости.

— Господи, вы же весь в крови! — всплеснула руками старушка. — Что они сделали с вами?

Кровь, не так давно обильно вытекавшая из рассеченного лба и заливавшая Майклу лицо, уже начинала подсыхать, но впечатление все еще производила.

— Пришельцы... — прошептал он, — пришельцы... они допрашивали меня... пытали... избивали меня... я вырвался...

— Бедный мальчик, за что они вас так? — запричитала женщина. — Грубые дикари! Скорее поднимайтесь. Спрятаться можно в подвале.

Схватив Майкла за рукав форменной рубашки, старушка, как могла, принялась тащить его вверх, потом подтолкнула к двери. Исполненный благодарности, Вайерман ввалился внутрь.

4

Миссис Леммон поджала пухлые губки. Потом медленно и осторожно, не позволяя охватившему ее восторгу проявиться внешне, нагнулась и подняла с пола соусник с молоком. Вспомнив о скрывшейся в испуге кошке, она начала звать:

— Кис, кис, кис, киска, вот молочко, вот...

Потом глубоко и облегченно вздохнула — как, по ее мнению, и полагалось вздыхать в таких случаях — кошка появилась из-за картонной коробки, за которой отсиживалась, и, подняв трубой хвост, на стройных лапках подбежала к хозяйке. На смену начальному испугу к пожилой леди пришло светлое и радостное возбуждение. Именно такие истории случались с героинями предпочитаемых ею любовных романов.

По правде говоря, героини ее романов в подавляющем большинстве своем предоставляли убежище симпатичным офицерам из пришельцев, преследуемым злобными агентами Центавра, с небольшими приемлемыми вариациями; противоположное же не встречалось никогда. Миссис Леммон помнила об этом. Но ее истосковавшаяся по романтике душа готова была броситься навстречу любой возможности, хоть чуть-чуть приближающейся к каноническим формам, и самое первое, что она поняла, — если упустить сейчас эту возможность, то другая уже может никогда не представиться ей — сообразив это, она была согласна почти на

любую перестановку героев. Выдав этого мальчика властям, она, бесспорно, могла ненадолго прославиться. Но, взяв его под свою защиту, она растягивала удовольствие на гораздо большее время — по сути дела, речь шла о конспирации, тайном уходе и прочих приятных вещах в течение многих дней, а возможно, недель. О том же, какой могла оказаться расплата за эти недели безвозмездного самопожертвования, она, конечно, сейчас не думала, чтобы не портить момент.

Миссис Леммон все еще сидела на стульчике над лакающей молоком кошкой, поглаживая бедняжке спинку, когда во дворик с ружьем наперевес ворвался солдат-пришелец.

Этот солдат входил в подразделение военной полиции быстрого реагирования, частично снятого по тревоге с охраны одного из стратегических объектов города, и сейчас выполнял спешно разработанный план прочесывания близлежащих к штабу кварталов. Пришелец уже несколько лет не участвовал в боевых операциях, но его батальон был сформирован из проверенных и бывалых ветеранов, особо устойчивых морально и мало общающихся с местным населением. Солдат имел вид самый что ни на есть решительный и угрожающий и хорошо знал суть своей работы — с минимальным риском для собственной жизни вспугнуть беглеца и выманить его на открытое место. Одним прыжком оказавшись в центре двора, он опустился на колено, вскинул винтовку и сквозь прорезь прицела осмотрелся по сторонам, готовый всадить пулю в любое живое существо.

Кошка подпрыгнула на месте и мгновенно куда-то умчалась. Даже не думая о том, что может навлечь на себя огонь, миссис Леммон с трудом выпрямила спину и поднялась на ноги. Только отличная, отточенная за многие годы боевой службы реакция солдата-пришельца спасла ей жизнь. В аналогичной ситуации Майкл наверняка придавил бы спусковую кнопку и убил бы старушку на месте.

Вздвогнув, солдат еще раз окинул взглядом дворик. Будь он не опытным старым бойцом, а новичком первого или второго года службы или окажись у него хотя бы малейшие подозрения в том, что беглец мог скрыться в этом направлении, он наверняка зашел бы в магазинчик и обыскал его. Но сейчас он не стал этого делать.

— Я чуть не убил вас, слышите! — хрипло выкрикнул он, с облегчением выбежал из двора и скрылся где-то на улице.

Прищурив слезящиеся глаза, миссис Леммон долго смотрела пришельцу вслед. Теперь ей казалось, что она подозревала это всегда, — о да! конечно, она это знала — эти пришельцы слишком хороши, чтобы оказаться такими на поверку.

ГЛАВА 6

1

Внутри магазинчика были жилые комнаты, была там и крохотная ванная — грязноватое, в потеках ржавчины, с кислым запахом местечко, прямо у лестницы, спускающейся в заставленный всякой чайной всячиной подвал. Прижавшись животом к раковине и с шипением втягивая воздух сквозь стиснутые зубы, Майкл частично смыл, частично содрал с щек и лба липкую застывшую корку крови. После того как кровавые полосы исчезли, на лбу его во всей красе проступила широкая ссадина, почти разрез, на который, по правилам, нужно было обязательно наложить несколько швов. Под глазами у него, там, где из лопнувших в момент удара капилляров под кожу пролилась и свернулась кровь, набрякли здоровенные черные мешки. Осколки костей разбитого носа, казалось, втыкались прямо в лобные доли мозга.

Некоторое время он рассматривал себя в мутноватое зеркало, испуганно и заворуженно наблюдая за тем, как свежая кровь течет по лбу узкими маслянистыми дорожками из длинного пореза, между отвернутыми краями которого виднелась бело-розовая кость черепа. Господи боже мой, что я сделал с собой? Как я до такого дошел?

Ему было здорово больно, но он был рад боли, он приветствовал ее. Очутившись наконец в относительно безопасном месте, он тотчас же перестал заботиться о том, поймут его вообще или нет. Будь в этом мире хоть немного справедливости, ничего такого с ним не случилось бы, подумал Майкл. Пожилой незнакомой женщине не пришлось бы пускать окровавленного беглеца к себе в дом, гаражному капралу не пришлось бы идти на всевозможные унижения, чтобы снабдить врага нации транспортом, и, что самое важное, молодой пришелец-часовой был бы сейчас жив.

Что за невероятные законы правят Вселенной, где человек доброй воли и возвышенных устремлений становится убийцей с лицом не лучше, чем у самой Смерти? Кто и где решил, что побег Майкла будет стоить другому живому существу жизни?

Он заслуживал наказания, он был убежден в этом, и только невыносимая боль могла быть принята как достойная его злодеяний кара. Он ступил в коридор штаба, подобно хищнику, оставившему свое логово ради охоты, и, глядя сейчас в свете всего случившегося назад, Майкл представлялся себе самому настолько мелким и эгоистичным, что выразить эти переживания обычными словами он просто не мог.

Где тот мир, в котором можно было бы оправдать нападение на разумное существо и его убийство путем внезапного жестокого удара, сопровождаемого звуком ломающихся хрящей, который будет преследовать его теперь всю жизнь? Этот звук и сейчас отдается эхом в его ушах — он слышит этот хруст, словно молодой пришелец опять и опять в муках и хрипах гибнет подле него. Нет закона и права, по которому людей можно заставлять производить такие уродливые и отвратительные звуки. Он голыми руками лишил этого человека всех достоинств живого существа, лишил судьбы. И для чего? Для того только, чтобы он, Майкл Вайерман, мог еще немного порезвиться на свободе. И кто же такой этот Майкл Вайерман, чтобы за час его свободы была определена такая цена? Что за печать проклятия лежит на нем?

Он начал задумчиво перебирать содержимое примитивного шкафчика-аптечки над умывальником. Он отлично понимал, что очень скоро пришельцы оставят свои попытки немедленной его поимки, догадаются, что он сумел найти или получить где-то убежище, и начнут уже другие, неторопливые, основательные и планомерные поиски, которые приведут их к нему рано или поздно, если он будет медлить и останется так близко к штабу, который, конечно же, станет отправной точкой, центром расширяющихся зон поисков.

И что теперь? — закричал он самому себе. Что за мир меня окружает и кто такой в нем я, и что это за правила, которые соединили нас в одно? Где впервые я сделал неверный шаг, где берет начало эта цепочка ужасных ошибок?

Человек менее чувствительный, чем Майкл, и более спокойный постепенно сумел бы вычислить отправную точку этой последовательности и найти ответы на все остальные вопросы. Человек грубый и равнодушный не стал бы думать об этом вообще. За исключением Вайермана, почти любой человек либо пришел бы к какому-то выводу, либо решил обойтись без него. Но любой из этих людей наверняка не оказался бы на месте Майкла, человека редкостной и печальной судьбы.

Именно здесь, в убогой ванной, Майкл в очередной и последний раз почти решился сдать. И сдайся он, мир так и не узнал бы ничего о том, что случилось с ним. Тысячи похожих на него молодых и не очень молодых людей доходили до того же предела, что и он, останавливались перед этим пределом, задавали себе те же самые вопросы, что и он, а потом канули, растворившись в океане извечной пассивности. И лишь некоторые из этих тысяч решались на следующий шаг.

Бездумно и больше под влиянием инстинктов Майкл начал за-
лечивать свои раны. Он свернул из ваты шарики и засунул их в но-
здри, потом обернул сломанный палец тремя слоями лейкопласты-
ря. После этого он, как мог, привел в порядок лоб, то есть смазал
края раны йодом и быстро заклепил ее заранее вырезанной полос-
кой пластыря. Тут ему пришлось потрудиться, потому что на мок-
рой от крови и воды коже пластырь отказывался держаться и вся-
кий раз отваливался, но, снова и снова вытирая рану насухо и
быстро прижимая к ней нащепку из пластыря, он таки сумел со-
орудить нечто, удерживающееся на месте. С неровно приклеенным
ко лбу пластырем он выглядел не менее уродливо, чем без него, но
теперь он мог хотя бы вымыть как следует лицо. Оставалось приду-
мать, что делать с ребрами. Он как раз стаскивал с себя грязную ар-
мейскую рубашку, когда в дверь ванной нерешительно постучали.

— Да? — прогундосил он и сам удивился своему голосу.

— Вы все еще в ванной? — спросила его старушка сквозь
дверь. — У вас все в порядке?

— Да.

Что ему с ней делать? Как долго ему можно будет здесь оста-
ваться и можно ли вообще положиться на эту женщину?

— Вам ничего не нужно?

Она хочет помочь ему? Чудно, он об этом совсем не подумал.
В своих мыслях он всегда был один-одинешенек.

— Да нет... хотя — у вас нет случайно широкого пластыря?

— В аптечке должен быть. Вы еще не смотрели там? — живо
отозвалась старушка.

— Боюсь, что такой пластырь мне не подойдет.

Майкл открыл дверь ванной, и пожилая леди торопливо от-
ступила вглубь коридора.

— Кажется, у меня сломаны ребра.

— Ах, боже мой! Боже мой!

Возбужденно-театральная реакция женщины насторожила
Майкла. Глядя на нее, он никак не мог сообразить, что кроется за
ее участием — желание задержать его до прихода полиции и по-
лучить награду или искреннее сочувствие.

Старушка просияла.

— Я схожу в аптеку и куплю вам пластырь! Это здесь рядом, за
углом.

— Нет! — моментально выкрикнул он, горячо и решительно.
— Они могут...

Майкл замолчал.

— У вас нет случайно изоленты?

— Изоленты? Конечно, есть! Сами видите, этот дом такой ста-

рый. Пришельцы давно уже хотят снести его, да все никак не соберутся. Трубы все время текут. Мне то и дело приходится оборачивать их изолентой.

— Спасибо, вы очень добры.

Не стоило напоминать пожилой леди, что она преступила закон, сейчас этот момент лучше было обойти молчанием. Пришельцы наверняка уже следят за теми, кто покупает в аптеках средства первой помощи; преследователи, без сомнений, уже обнаружили в разбитой машине следы его крови.

Не успел Майкл решить, может ли он отпустить старушку от себя или нет, как та торопливо засеменила куда-то в конец коридора и скрылась из глаз. Неосторожность и доверчивость могут дорого мне обойтись, подумал он.

Хозяйка ушла, и он снова остался один. И глядя на себя в зеркало в маленькой, пахнущей сыростью ванной комнатке, где негде было укрыться от пули и некуда было сбежать, он вдруг понял, что теперь его жизнь полностью зависит от женщины, которой он никогда не доверился бы и которая прямо сейчас занята чем-то, о чем он понятия не имеет.

Эта мысль почему-то не испугала его. Он негодовал; он был просто взбешен неуклюжестью мира, в котором попадал в зависимость от милости капризных истеричек, где во имя спасения жизни то и дело приходилось лгать, а слово правды влекло за собой неминуемую гибель; возмущен тем, что ждать от этого мира справедливости за содеянное добро так же глупо, как пытаться вычерпать океан наперстком.

К тому времени, когда старушка наконец вернулась, ничего особенного с Майклом не случилось; не было рядом с ним ни камеры фотографа, ни репортера с блокнотом, чтобы увековечить момент истины для будущего мира. Он просто стоял в тесной ванной, совсем один, и ждал.

После того как старушка ушла за изолентой, он снова прикрыл дверь. Вернувшись, она робко постучала.

— Я принесла вам ленту. Вы еще здесь?

— Да, я тут, — отозвался он спокойно. Потом открыл дверь и взял из рук старушки бобину с изолентой.

— Извините, не могли бы вы помочь мне?

Майкл поднял руки и начал медленно поворачиваться кругом, а старушка принялась сосредоточенно обматывать его грудную клетку по спирали липкой лентой.

Ему важно было узнать эту женщину как можно лучше, и потому время от времени он внимательно рассматривал ее лицо.

Он заметил два симметричных пятна румян на каждой ее щеке, следы помады на морщинистых губах, пудру на сухой и увядшей коже. Седые кудряшки старушки были подкрашены голубым, и это ему показалось немножко странным. Но вид у пожилой леди был на удивление ладный и «уютный», и потому Майкл успокоился, решив, что подобные косметические причуды среди землянок нормальное явление.

Старушка выглядела совершенно обычно и естественно, и это почему-то смутило его. Если бы только она смогла узнать, что я сейчас думал на ее счет, то наверняка ужасно бы рассердилась, подумал Майкл. Что-то неприятно-жалостливое сквозило во всем облике пожилой леди, скорее даже не в ней самой, а в том, с какой легкостью он мог видеть и понимать все ее слабые стороны. Хотя, конечно, он мог и ошибаться.

Но так или иначе, какая разница? Если он прав, то не его вина в том, что она такая, какая есть. А если он ошибается, то неужели его ошибка может стоить того, чтобы остановиться и отказаться от всего вместо того, чтобы действовать так, как ему сейчас кажется правильным? За всю свою жизнь он совершил немало ошибок, и теперь, если он хочет все-таки выжить, он должен что-то сделать. И, конечно, ему предстоит ошибаться и дальше, так чего же бояться сейчас? От него не убудет. А кроме того... кроме того... эта мысль посетила его впервые... может ведь оказаться, что он прав, прав совершенно и во всем. И если это так, то сделать с этой женщиной то, что сделал бы он с ней, решив, что поступил изначально неверно, было бы ужасной ошибкой. Они уже зависят друг от друга — но их возможности не равны, потому что он подготовлен к бегству от пришельцев лучше, чем она. Теперь он в ответе за нее.

Майкл поворачивался кругами, все время стараясь, чтобы натяжение ленты на бобине в руках женщины не ослабевало, рассматривая и изучая ее лицо в те короткие интервалы, когда это было возможно. Она ни разу не подняла на него глаз. Все внимание женщины было сосредоточено на синяках Майкла, на ее лице отражался весь ужас переживаемой ею дешевой драмы. Уж не думает ли она, спросил себя Майкл, что в каком-нибудь потайном углу ванной спрятана сейчас камера, посредством которой миллионная аудитория замороженных телезрителей может наблюдать ее эмоциональный накал? Ее наигранная манерность — все эти театрално-утрированные эмоции — все это полностью подавляло и перекрывало страх и искреннее волнение, которое она, несомненно, должна была сейчас испытывать. Должна была, но забыла в приятной суматохе.

Бобина разматалась полностью. Майкл перестал поворачиваться, прижал и разгладил конец ленты на боку. Потом напряг мышцы, испытывая бандаж на прочность, уже полностью ушедший в свои мысли. Его глаза машинально продолжали исследовать лицо женщины, но голова его была занята вопросами, совершенно к ней не относящимися.

Он думал о том, что если его рассуждения правильны, то не логика правит вселенной Человека. Когда он произносил про себя слово «логика», то имел в виду свою веру в торжество правды над ложью, в то, что благое деяние неизменно влечет за собой вознаграждение и еще большее упрочение веры, а также в то, что где-то во Вселенной обязательно существует такая вещь, как Справедливость. Та самая Справедливость, которая, если человек живет с ее именем на устах и все свои усилия направляет на упорочение ее принципов вокруг себя, в конце концов воздает ему по заслугам. Но он не думал в тот момент о том, как мог высоко-разумный взрослый человек, вырастивший его, позволить ему пропитаться до мозга костей идеей о том, что успех есть традиционно-условленная награда и что Справедливость можно представить в виде некоего набора колесиков и винтиков в особом игральном автомате, слот-машине, в которую нужно бросить немного отваги, верности и доброй воли, и та обязательно одним из своих благожелательных поворотов выдаст достойный игрока и его планов приз.

Ему даже в голову не приходило, что благодарность придет, и если не к ним, так к их детям, во что верят обычно неудачники и люди рухнувших планов и надежд. Здесь, в старушкиной ванной, он не мог знать о том, что, после того как милитаристская уверенность политиков начинает шататься, повсеместно просыпается вера во вселенские моральные принципы свободы, равенства и тому подобного. Человек, отдельно взятый, мог признать свое поражение путем ухода в мир безумия или путем самоубийства, этими двумя вечными исходами невезучих. Но мировые причины и следствия касались не индивидуальностей, а всех разом; человек мог крикнуть: «Довольно!» — и погрузиться в долгое ожидание за-втрашней революции, в душе представляющей ему таким же явлением природы, как и восходящее над горизонтом солнце.

Потом, через много лет, Майкл обращался в своих мыслях к подобным вопросам, но в этот момент в ванной он не думал, а просто шалел от взрывающихся в его голове одного открытия за другим. Он осознавал происходящие внутри него великие перемены, но, как и человек, оказавшийся в центре кольца фейерверков, он больше всего был увлечен зрелищем самого взрывающегося

огня и какофонией треска, сопровождающего это действие, не пытаясь вообразить себе изначальный процесс изготовления пороха или же терпеливо проследовать далеко назад по запальному шнуру к самому моменту попадания на него роковой искры.

Ни о чем таком он не думал. Вспоминал мать, то, как она читала ему из красивых земных книжек интересные истории и сказки, как потом рассказывала о старых добрых временах.

И воспоминания эти причинили ему такую боль, что он оскаллился, словно охваченный небывалой яростью, чем очень испугал миссис Леммон.

— Ах! — снова воскликнула она. — А вы совсем не так молоды, как показались мне.

И совсем уже смутившись, она прошептала:

— Тогда мне... в общем, мне показалось, что вы совсем еще мальчик...

Вот это его действительно сразило наповал. Как и все люди, он хранил в себе собственный мысленный образ, который, конечно же, имел довольно приблизительное сходство с реальностью, но оказывал немалое влияние на его оценки собственных возможностей. К примеру, у него была привычка вспоминать лица, словно бы глядя на них снизу вверх. Привычка эта не имела никакого отношения к тому, что ростом он превосходил только половину встречающихся ему людей. Аналогично этому собственное лицо стояло перед его мысленным взором в виде карикатуры; огромные круглые уши и острые угловатые челюсти раза в полтора превосходили свои истинные размеры, предоставляя уменьшенному и невыразительному изображению носа, глаз и рта занимать оставшееся небольшое место. И не отметить он когда-то самого себя мысленно эдакой парой примечательных идентификационных знаков, то, вполне вероятно, мог бы уже давно решиться отпустить усы или завести трубочку, или как-то по особому зачесать волосы, или придумать что-то еще, личное и отличительное — не из подражания остальным, а просто для более четкого самоосознания.

Но вот сейчас это сказала ему женщина — как ее, между прочим, зовут — миссис Леммон?

— Прошу прощения, как ваше имя? — спросил он.

— Что? Ах да... я миссис Эвелин Леммон.

— Очень приятно.

Эта женщина только что сообщила ему, что по его ушам, нижней челюсти и подбородку она опознала в нем «не мальчика уже», не того, за кого приняла его сначала, — вот это действительно был шок. Конечно, если только сейчас на его лице не появилось

нечто новое — тогда все понятно. Нечто такое, чего там не было, когда он смотрел на себя в зеркало в последний раз.

Так что же она увидела? Единственное, на что можно было грешить, это его гримаса, страшный оскал. Итак, именно этот оскал лишил его в глазах старушки отмен детскости. Но даже совсем маленькие дети иногда хмурятся и сердятся. Значит, то, что появилось на его лице, не имеет никакого отношения к детям?

Конечно, это так. В этом есть смысл, и в этом все дело. Но тогда его открытие означает, что мужчина приобретает всеми узнаваемые отличия взрослого от ребенка только тогда, когда вдруг понимает, что все, что ему рассказывали об устройстве мира в детстве, на самом деле ложь. И именно такой вот гнев, замешанный на негодовании и крушении иллюзий, подстегнутый зудящей памятью обо всех глупостях, порожденных упомянутой ложью, и является тем, что, достигая лица человека и отображаясь на нем, придает ему условный признак того, что называется «мужественностью»? Неужели ярость и злость — в чистом виде, а не истолченные в ступке переживаний в порошок более мягких эмоций — и есть те негласные пароли для всех уходящих из сказочного мира детства? А жесткость и злоба — это то, что потом впитывается нами для закрепления и сохранения мужских характерных отличий? Сверху все прикрывается маской поддельной учтивости, и готово дело. Спокойное внешнее принятие мира таким, какой он есть, а внутри — тайные, замаскированные, никогда не заживающие раны, получаемые наверняка всеми и все время растравляемые обязательными периодическими выплесками затаенной тоски по чему-то лучшему, чем показное примирение и невинность?

Все это время, пока он думал, миссис Леммон молча смотрела на него. Он же не обращал на нее внимания, забыл. Из-за этого затянувшегося молчания, которое, очевидно, должно было закончиться произнесением каких-то решающих слов, старушка разволновалась и сделалась еще более неуверенной.

— Могу я... могу я еще чем-то вам помочь?

— Что? А, нет, нет, ничего не нужно, — отозвался он задумчиво. У него не было еще никакого плана. И он был очень занят.

Какой-нибудь другой человек мог бы решить, что все вопросы, имеющие отношение только к нему самому, на этом закончились. По сути дела, он должен был к этому моменту уже уяснить себе, что если мир таков, какой он есть, то ему лично ничего другого не остается, как успокоиться и постараться взять от мира столько, сколько в его силах, так как вряд ли у кого-нибудь здесь

найдется время помогать ему в таком личном деле. Имелся и другой вариант, при котором он, решив, что мир уродлив и неприятен, делает вывод, что, несомненно, где-то должна существовать злобная сила, свернувшая когда-то мир с изначального пути добра и чистоты. И после этого он мог либо отдаться делу уничтожения возможно большего числа злобных сил, либо решить жить дальше, оставив все, как есть, но остерегаясь этих сил. Возможно, если бы он решил ждать, то вскоре был бы удален с арены мировых страстей этими самыми сверхчеловеческими силами, сметен ими и уничтожен или же подхвачен и унесен дальше неудержимым поездом истории. Мог он также избрать и иной путь, присоединившись к какой-либо из сторон, выражающей собой одну из этих сил, дабы посредством возвышения в ее среде преодолеть ее и освободиться естественным образом.

Но ни на одном из этих путей Майкл останавливаться не стал. По сути дела, ни о чем таком он даже не думал. Любой человек, зашедший в своих рассуждениях так же далеко, как Майкл, не мог не увидеть всю претенциозность и дешевую мишуру мира, очевидно, целенаправленно созданного таким. И по сути дела, от этого понимания Майкл мог напрямик перейти к захватывающей дух и парализующей идее о том, что уж если он сумел забраться в своих рассуждениях в такие дебри, то вывод из этого может быть только один — он лучше своих собратьев (возможно, совсем немного, но все же), поскольку те, если бы уразумели то же самое, что и он, наверняка уж начали бы строить свои жизни по-другому.

Но Майкл не имел никаких оснований считать, что способен проникать взглядом в суть вещей дальше и глубже собратьев. Слишком многое в его жизни говорило как раз об обратном.

Сейчас он сделал вывод совершенно другой, а именно что если и все остальные, кроме него, способны понимать, что становление характера мужчины опирается на столь жалкие основы, то единственное объяснение тому, что мир до сих пор еще таков, какой он есть, состоит в том, что понимание это приходит ко всем слишком поздно. Люди попадают в ловушки многолетних привычек — в садняще-самоискалеченных, до предела суженных и ограниченных жизнях, которые они до сих пор вели, — после этого, конечно, никакого разговора о возврате или же бегстве идти не может. Остается только топтание на месте, и «уже слишком поздно что-то менять», и возможности, потерянные прежде, чем их удастся осознать, и слишком хорошо и удобно утоптанная неверная дорожка. Впереди остается совсем уж маленький кусок жизни, который хочется прожить с максимальным комфортом,

пускай даже все вокруг идет вкривь и вкось, — и одно лишь упование на то, что надежда уже впитана детьми с молоком матери, что отпрыски уже набиты высоким идеализмом под завязку и что никакие потрясения и печали не смогут ударить по ним так, чтобы выбить эту дурь вон из башки.

Майкл глубоко вздохнул. Он все теперь знал, все понял сам, дошел до всего своим умом. Он был немного удивлен, но и рад тому, что самостоятельно сумел выстроить такую непростую цепочку рассуждений. Он снова прошелся по ней шаг за шагом, просто для того, чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, но во всей своей жизни он не нашел ничего, что могло бы поколебать его уверенность, лишь одни подтверждения.

Итак, от ужасной сложности на старте он пришел на финише к великой простоте.

Я такой же, как все, сказал он себе, и сомневаться нечего!

Он тепло улыбнулся миссис Леммон и протянул ей руку.

— Рад познакомиться с вами, миссис Леммон, — проговорил он. — Очень вам за все благодарен. Меня зовут Майкл Вайерман. Думаю, пришло время нам друг другу помочь.

2

— Вайерман... — припоминая что-то, повторила миссис Леммон. Потом зажала рот рукой. — Ох!

Конечно же, она помнила эту фамилию. И в этом всамделешнем романе, участницей которого она сейчас была, такое совпадение не могло быть случайным. О том, в каком родстве этот Вайерман состоит с тем Вайерманом, за которого она голосовала двадцать лет назад, миссис Леммон понятия не имела, но если бы такого родства не существовало, это было бы нарушением всех негласных правил ее романов.

Мысли старушки Майкл, конечно же, прочитать не мог. Но он ясно видел, что его узнали, он видел, как задрожали руки миссис Леммон, и что ему теперь делать, не знал. Нужно было срочно отвлечь ее и занять ей голову чем-то другим. К примеру, подумал он, так или иначе нужно узнать, что происходит снаружи. Оставалось убедиться, что, оказавшись на улице, миссис Леммон не бросится напрямиком в полицию, чтобы заявить на своего странного гостя.

— Я хотел бы попросить вас выйти наружу и посмотреть, не осталось ли моей крови на ступеньках лестницы, — твердо проговорил он. Моральных прав пребывать на свободе сейчас у него было не больше, чем раньше, но поскольку стало ясно, что в мире полным-полно людей, совершающих проступки, о которых

потом можно только горько сожалеть, и после продолжающих жить как ни в чем не бывало, то сдаваться ему было еще рано, и тем более не было причин думать, что среди миллиардов живущих он был единственный правый и верно все понимающий. Сказать же, что в нем проснулся и заработал на полную катушку простой инстинкт самосохранения, означало выпустить из внимания тот факт, что интеллект его был все-таки развит достаточно сильно и обо всех инстинктах в себе он знал преотлично и в любой ситуации включал их в расчет собственных возможностей. Разобраться во всем было совсем несложно — для этого нужно было провести простую интерполяцию от выведенного им уже центрального принципа простоты.

Миссис Леммон мгновенно виновато вспыхнула, смущенная своей нерешительностью.

— Конечно, конечно, — заторопилась она, еще раз бросив оценивающий взгляд на нагрудный бандаж Майкла. — Я сейчас посмотрю и сразу вернусь.

Она торопливо зашаркала туфлями по коридору к выходу.

Глядя старушке вслед, Майкл уже не беспокоился о том, вернется ли она или нет. Она вернется, он был уверен в этом. Он добился в точности того, чего хотел, и с удовольствием это признавал, и хотя не понимал еще, почему все прошло с такой легкостью, все же был рад тому, что это оказалось возможным. По всему выходило, что он дал ей нечто, что ей уже давно и очень сильно хотелось получить, — заполнив этим пустоту ее жизни. Внезапная мысль о том, что человек может быть настолько неудовлетворен своей жизнью, что даже такой тип, как он, притом в трудной ситуации, сразу же воспринимался как обещание чего-то лучшего, поразила и удивила Майкла. Но он не был бы человеком, если бы не получил в то же время от такой мысли удовольствие.

Но что теперь? Куда он пойдет дальше, и, если он уйдет, что станет с миссис Леммон?

Он осторожно продел руки в рукава солдатской рубашки. Теперь ему нужно все обдумать — разработать некий приемлемый план, который мог бы учитывать и его, и хозяйку чайного магазинчика. Так что же у него имеется в активе?

И куда он может податься? Что у него еще осталось?

То, что миссис Леммон вернулась, он заметил только тогда, когда она дотронулась до его рукава.

— Все в порядке, — чуть слышно выдохнула она. — Там нет никакой крови.

— Спасибо вам, — проговорил Майкл. — А чем заняты пришельцы?

— Я не видела ни одного, — ответила она. — Но с улицы слышны свистки, и там бегают какие-то люди. Пару раз проехали машины с сиренами.

Майкл чуть насторожился.

— Да, я тоже слышу, — подтвердил он и с удивлением заметил, как огорчилась миссис Леммон, словно он только что выговорил ее за то, что она тратит время на что-то не слишком важное, и без того понятное. По правде говоря, в звуках, доносящихся с улицы, разобраться было совсем нелегко. Здесь, в глубине магазинчика, все эти звуки слабели, и человек, погруженный в свои мысли, мог просто не обратить на них внимания.

Но вечно тратить время на объяснения и утешения он не мог. Времени и так уже осталось слишком мало. Кроме того, не было заметно, чтобы старушка пыталась как-то выказывать обиду или досаду. На ее лице было написано только покорное принятие своих недостатков, действительных или вымышленных. До чего же мы с ней похожи! — неторопливо приводя свои мысли в порядок, подумал Майкл. В мире нет ни особых, ни выдающихся людей, есть просто люди думающие и те, кто не привык думать. Он много думал и теперь понимает миссис Леммон гораздо лучше, и если впредь станет относиться к ней так же, как и к себе, и ожидать от нее того же, что и от себя, то вполне вероятно, что они поладят очень даже хорошо.

— Я в толк не могу взять, к чему там весь этот шум, — вопросительно подала голос старушка.

— Думаю, что пришьельцы устраивают на улицах кордоны для проверки документов, — ответил он рассудительно, перебрав в голове различные возможные ответы и придав голосу спокойный и вдумчивый тон. — Так всегда делается — сначала устанавливается контроль за передвижением по улицам. Потом, после того как все кварталы оцепляются и изолируются друг от друга и беглец уже не может ускользнуть незамеченным, начинается планомерная облава и обыски.

Таковы были его теории. Он мог говорить об этом вполне безразлично. В этом был особый эффект — спокойная задумчивость, абстрактные теоретизирования на темы принципов работы военной полиции, более чем туманные для хозяйки чайного магазинчика, — и снова это оказался безошибочный ход. Майкл Вайерман делал то, что тысячи героев романов миссис Леммон делали до него. Имея представление о существовании кордонов не большее, чем его пожилая слушательница, он говорил с полной уверенностью в собственной правоте не хуже опытного актера, читающего текст с листа сценария.

Он был настоящим и живым — живым и находящимся прямо тут, рядом, и миссис Леммон участвовала в представлении со всем жаром откровенных, лично пострадавших переживаний.

Майкл быстро скользнул взглядом по лицу старушки и увидел ее широко раскрытые глаза, загипнотизированные своим героем и полностью забывшие о его сомнительном виде и странной задумчивости.

Это было лишь очередное откровение в цепи прочих, и, сообразив это, Майкл решил, что если он будет продолжать удивляться и впредь каждому из них, то проведет за этим занятием весь день. Он был доволен — даже весел — оттого, что явился объектом такого безоговорочного преклонения. Но обдумывать детали и копаться в причинах он уже устал. От усталости он валился с ног, все его тело болело, он попросту был испуган. И теперь к прочим его опасениям прибавились также связанные с обязанностью не разочаровывать ожидания его неожиданной спутницы.

Сейчас самым важным было унести отсюда ноги, пока закинутый пришельцами трал не стянул его горло слишком туго. И если он не заберет миссис Леммон с собой, то ей наверняка не поздоровиться.

Все снова стало предельно ясно и очевидно. Он должен покинуть Филадельфию как можно скорее, и для этого ему нужно составить план, в котором фигурировала бы миссис Леммон. Он мог даже не спрашивать ее, хочет ли она идти с ним или нет. Она должна была идти, у нее не было другого выхода — Майклу в голову не пришло спросить ее саму об этом и недосуг было вдаваться в детали о том, почему она такая, какая есть, и как можно убедить ее в необходимости бросить магазинчик, дом и добро — все эти ловушки и оковы, которые удерживали ее на наезженной жизненной колее.

Если бы Майкл завел с ней такой разговор, то вскоре узнал бы, что она уже давно вдовствует и живет на доход от страховки покойного мужа и от магазинчика и что в связи с ее преклонным возрастом было решено, что классификацию ей проходить бессмысленно, и что вот уже несколько лет ее преследует кошмар о том, что она не успеет умереть прежде, чем перестройка Филадельфии докатится до ее дома и магазинчика, которым она владела вот уже тридцать лет. В своих кошмарах она видела себя в незнакомом месте — она силилась наладить там привычный быт, но ничего не могла узнать вокруг, называла свое жилище домом, но ничего похожего на дом в привычном понимании нигде не видела, пыталась устроить себе на причитающиеся деньги обычные развлечения семидесятилетних: бинго, картишки, поездки во Флориду — в общем, тщетно старалась наладить привычную ру-

тину. Она хотела начать все заново, сделать все как было когда-то, начать не с начала, а как в начале — чтобы жить самой, а не ожидать жизненных перемен со стороны, чтобы делать что-то самой, не позволяя манипулировать собой другим — конечно, в пределах возможного.

Миссис Леммон сказала Майклу:

— Именно из-за таких людей, как вы, я и начала читать эти книги. Книги про таких людей, как вы. — Но в тот момент он был слишком занят своими мыслями, чтобы суметь увидеть смысл этого робкого признания.

Вежливо выслушивать комплименты у него сейчас не было возможности — поджимало время. Позволить себе роскошь ждать, когда другие принесут ему свободу или смерть или когда слова миссис Леммон заронят в его душу сомнения, он не мог.

3

— Как вы собираетесь бежать? — несмело поинтересовалась у него миссис Леммон.

— Я не...

«Я не знаю», — хотел сказать он, но эти слова могли поколебать ее веру в него, и ни он, ни она не могли себе этого позволить.

«Это ли моя единственная причина? — подумал он раздраженно. — А если ответ будет отрицательным, то не означает ли это, что я никудышный лидер?»

«Франц Хамиль, — с улыбкой сказал он себе, — вот когда пригодился опыт общения с тобой».

Пора было серьезно обо всем подумать — что-то можно было оставить на потом, но забывать ни о чем не следовало — подумать необходимо обо всем и все тщательно взвесить, если нужно, сделать надолго это «все» частью себя — все то, что в начале было массой сомнений, но соотносительно с чем любое произнесенное слово и действие будут мерой смысла и полезности.

— Я не думаю, что это так уж сложно, — вот что сказал он ей.

Но как именно он собирался вывести их из города и каким образом мог он сформулировать план так, чтобы внешне не было видно его усилий, словно бы тот мгновенно вспыхнул в его голове сам собой — как потом это представляли ей и другим дюжины и дюжины его биографов, — вот в чем была загвоздка.

И тогда он применил новый и, как ему казалось, оригинальный ход.

— Давайте проанализируем ситуацию, — заговорил он тоном вежливого педанта, словно решив специально потратить время

на то, чтобы все хорошенько растолковать своей собеседнице. Он с удовольствием увидел, как старушка с готовностью кивнула.

— Во-первых, предполагая, что пришельцы весьма опытни в вопросах поимки беглецов, будем считать, что слово «бегство», по сути, означает перемещение за пределы данного района или же всего города. И для того чтобы сделать это, — одно в его голове логически и легко цеплялось за другое, — нам необходим транспорт.

— Мой грузовичок! — восторженно отозвалась миссис Леммон. — У меня есть несколько постоянных покупателей в пригородах. Рассыльный объезжает их несколько раз в неделю и к ланчу обычно возвращается. Сейчас грузовичок должен стоять у дверей магазинчика.

Майкл кивнул.

— Очень хорошо. Теперь подумаем, что мешает нам просто сесть в грузовичок и уехать? Ответ — кордоны на дорогах.

Пока все правильно.

— Кого ищут солдаты на этих кордонах? Тяжело раненого человека, скорее всего, все еще одетого в украденную военную форму пришельцев.

Если он переоденется в другую одежду, это еще не будет означать, что их не задержат, но оставаться в этой форме нельзя — это все равно что подписать себе смертный приговор.

Майкл оглянулся по сторонам. Что может чайный магазинчик предложить ему в смысле одежды?

— Кто еще у вас здесь работает? — спросил он.

— Две девушки-официантки.

— А рассыльный?

— Он уже ушел.

— А повара есть?

— Есть один, пирожник...

— У него есть какая-нибудь униформа, халат? Вы выдадите ему рабочую одежду?

— Да.

— Тогда я переоденусь в его униформу.

— Ах нет, он толще вас в два раза.

Так, еще одна проблема — как быть с формой непомерного размера, можно ли это как-то скрыть? Подшивать штаны бесполезно, все равно это будет видно, а если униформа будет совершенно новенькой и гладкой, без единого пятнышка, никто не поверит в то, что он повар.

Брать в сообщники повара-пирожника, чтобы выпросить у него форму, тоже не стоило. Это могло быть одним из запасных

вариантов — но слишком большое число участников заговора могло поставить его исполнение под угрозу. Лишние повара, как известно, только портят суп.

Но переодеться ему все же было необходимо, и, кроме новой униформы пирожника, ничего другого не оставалось. Но что он будет делать потом, после того как сбросит солдатскую робу? Ладно, там будет видно.

— Так, хорошо, идем дальше, — проговорил он таким тоном, словно уже все знал и тщательно продумал, одновременно отыскивая в лице миссис Леммон хоть малейший проблеск сомнения. — Теперь следующее — основным слабым местом является мое физическое состояние, верно?

Старушка утвердительно кивнула, а он еще не знал, что будет с этим делать. Он не мог спрятать ни свой нос, ни разбитое лицо.

— Так что с моим физическим состоянием? Что о нем могут знать пришельцы? Пришельцы... — то, что он сказал потом, было, возможно, единственным интуитивно принятым решением в цепочке его логических построений, — ...знают, что моим ранам уже несколько часов. И тех, с кем несчастный случай произошел только что, они проверять не будут.

Все внезапно встало на свои места, и Майкл был несказанно удивлен тем, чего можно достигнуть, просто поднявшись над частностями и взглянув на ситуацию в общем.

— Вот что мы сделаем: вы, миссис Леммон, с криками о помощи выбежите на улицу. Что-то взорвалось у вас на кухне, и пошел дым; возможно, случилась утечка газа из плиты. Пришельцы с ближайшего поста или какие-нибудь муниципальные полицейские прибегут на ваш крик. На кухне они найдут меня — я буду лежать без сознания на полу, большая часть одежды на мне, униформы вашего пирожника, будет обгоревшей. Самого пирожника там не будет — мы посадим его в подвал и заткнем ему кляпом рот, если понадобится. Никакого пожара или серьезных разрушений не будет — повода обыскивать дом в поисках возможных источников опасности мы подавать им не должны. История такая: газовая плита взорвалась, и ее дверца ударила меня в лицо и грудь. С такими ранениями меня нужно будет срочно доставить в больницу.

— После этого...

Пока все, что он говорил, шло гладко, как по маслу. Теперь ему требовалась дополнительная информация. Он сделал паузу и спросил миссис Леммон:

— Кого пришельцы обязывают носить с собой удостоверения личности — всех без исключения землян или только тех, кто работает в их организациях вольнонаемными? Как выглядят эти

удостоверения, имеются ли там описание примет, фотография, отпечатки пальцев, какие-нибудь особые официальные печати?

— В самом начале, когда пришельцы только появились, удостоверения личности выдавались всем, но это делалось всего однажды и было очень давно, и сейчас многие свои удостоверения потеряли. Пришельцы уже несколько лет как перестали требовать обязательного ношения документов, не делают новых удостоверений, а старые или утерянные не меняют.

— Во всем видно послабление. Хорошо. В карман я положу бумажник вашего пирожника с какой-нибудь карточкой социального страхования или каким-нибудь документом без фотографии, но с его фамилией. Сюда приедет машина скорой помощи и заберет меня в больницу. Вы поедете следом, это будет уместно, потому что кто-то должен будет заполнить формы приема больного, договориться об оплате или назвать номер страховки — я не знаю, что там требуется. Вам придется отвечать на все вопросы официальных лиц из полиции и врачей скорой помощи, при этом постарайтесь отвлечь их внимание, чтобы никто особенно не рассматривал того, кого будут выносить на носилках из кухни. По пути в больницу купите где-нибудь одежду для меня; положите ее в сумку и попросите, чтобы сумку передали мне в палату. Постарайтесь устроить так, чтобы меня положили в отдельную палату.

Майкл внезапно поймал себя на том, что не говорит, а словно строчит из пулемета и пожилая леди наверняка не успевает запоминать подробности, сбавил ход и улыбнулся.

— Ну что, миссис Леммон, вы сумеете все сделать, как я сказал? Сумеете? Хорошо! Теперь вот что. Как только врачи заштопают меня и подлатают, я попрошусь домой. Я хочу, чтобы из больницы меня выписали по всем правилам. Если я вдруг сбегу, могут возникнуть подозрения. Думаю, мне вколют общее обезболивающее, так что я смогу передвигаться вполне нормально. Поэтому мне придется провести в больнице ночь, что, конечно, усложнит дело — тем более если ваш пирожник сумеет выбраться из подвала. Вам за этим придется как следует проследить. Если он выберется на свободу раньше срока — мы пропали.

— Да, конечно, думаю я смогу за ним проследить.

— Хорошо. После того как меня устроят в больнице, подождите немного, узнайте, как все прошло, куда меня отправили, в операционную или еще куда-то, где там у них исправляют сломанные носы. Машину оставляйте слева от здания больницы — в первом переулке первого квартала налево, и когда вы убедитесь, что со мной все прошло гладко, возвращайтесь обратно к себе, проверьте пирожника, не сбежал ли он, и на следующий день с ут-

ра приезжайте забирать меня из больницы. Ни в коем случае не пытайтесь переговорить со мной по телефону — работа у телефонисток очень скучная, и единственное развлечение сами знаете какое. Ждите меня все в том же первом от главного входа больницы переулке налево и ничего сами не предпринимайте — все остальное моя забота. Я сам выйду к вам.

Если что-то случится с ним в госпитале, то миссис Леммон это коснуться не должно

— Если я не появлюсь между половиной девятого и десятью, значит, я не появлюсь вообще, и тогда вы спокойно уезжайте из города одна...

Но куда ей ехать?

— Уезжайте в горы. Знаю, вы не слишком любите бунтовщиков, но через неделю или две там должны появиться другие, вполне цивилизованные люди. Они вас не обидят.

Центаврианские военные советники, посланные к Хамилю. Майкл криво ухмыльнулся. Во что Хамиль сможет превратить Землю?

Несколько разрозненных, бессмысленных вылазок произойдет наверняка. Ньюфстед и Ладислас не дадут Хамилю отсиживаться в горах, но добиться от него чего-то большего, чем то, на что он способен, они не смогут. Пришельцы уже знают, что им делать. Одна или две хорошие штурмовые операции, и от Хамиля одно только воспоминание останется, его отряд уничтожат или рассеют, и Центавр вынужден будет отойти в тень.

Но во что Хамиль превратит Землю? Получившие по носу пришельцы уже спуску давать не будут, усилят гарнизон и ужесточат проверки лояльности населения и репрессии. И что тогда будет с миссис Леммон?

— Но... но если все пройдет успешно и вам удастся уйти из больницы — куда мы поедem тогда? — спросила его старушка.

— Куда?

Да, в самом деле — куда и, главное, с какой целью?

— Думаю, что и в этом случае нам негде будет укрыться, кроме как в горах. А как вы считаете?

Собравшись с мыслями, он несколько секунд глядел вглубь коридора поверх головы миссис Леммон. Он вспоминал, как еще сегодня утром убеждал Хобарта в том, что Хамиля можно легко свергнуть. В самом ли деле это так уж легко? И что будет потом? Целый мир — нужно будет строить планы, оказываться в нужном месте в нужное время, принимать безошибочные решения, для всего находить свое место. Способен ли он на это, не проклянет ли потом все на свете?

На следующее утро он вышел из больничных дверей с пустой сумкой в руках, уже в новых рабочих штанах и рубашке, которые ему купила миссис Леммон, свернул, как договаривались, налево и шел спокойно по улице, пока не заметил грузовичок с рекламной чайного магазинчика на борту. Миссис Леммон, бледная от бессонницы, сидела за рулем, покусывая от волнения губы. Он улыбнулся ей из-под маски аккуратных слоев пластыря, которым заклеили его раны и швы в больнице.

— Доброе утро, тетя Эвелин, — сказал он приветливо. — Можно отправляться. Куда мы собирались — навестить мою кузину Фрэнсис в Страссбурге, где я смогу прийти в себя и отдохнуть?

Было чудесное утро. Яркое солнце и отличное настроение Майкла очень скоро вселили уверенность в пожилую леди. Сама не своя от неослабного напряжения прошедшего дня, она определенно нуждалась в его помощи и поддержке.

— У вашего грузовика нет гидроусилителя, верно? Как вы смотрите на то, чтобы я вел?

Старушка с готовностью уступила ему место за рулем, и Майкл, прежде чем включить зажигание, тщательно изучил рычаги и педали.

— Пирожник обещал сидеть в подвале до полудня, — сообщила ему миссис Леммон немного напряженным, но гордым голосом. — Потом он развяжет на себе веревки — я специально ослабила для него узел, — пойдет в полицию и заявит на меня как на предательницу. Он просил меня передать вам, чтобы вы не забыли его, когда будете штурмовать Филадельфию.

— Хорошо. Вы отлично поработали, — похвалил свою спутницу Майкл.

Если не считать излишних объяснений с патрульными полицейскими-пришельцами, заставивших Майкла немного поволноваться, миссис Леммон выполнила свою часть плана как нельзя лучше, и он был приятно удивлен этим. Больше всего Майкла, конечно же, беспокоил пирожник, который, когда они уехали, остался в подвале один и был способен на что угодно.

Это был его первый опыт воплощения в жизнь собственного плана чужими руками, и теперь, после того как все прошло удачно, он был доволен и рад.

— Значит, вы склонили на нашу сторону и своего пирожника — что же такое, господи, вы наговорили ему? Ведь я подкрался сзади и крепко приложил его по затылку скалкой, а потом ему пришлось проваляться в подвале несколько часов связанным.

— Я рассказала ему все как есть, — просто ответила миссис Леммон. — О том, что вы собираетесь отправиться в горы и там встать во главе восстания, чтобы драться с пришельцами и освобождать Землю. Ведь вы именно это собираетесь сделать? После того, что пришельцы сделали с вами, вы, наверное, очень злитесь на них?

Майкл мигнул. До сих пор он даже не думал о том, что для миссис Леммон не составит особого труда провести из точки А прямую линию в точку Б и получить четкую перспективу ближайшего будущего, в котором несправедливость будет обязательно наказана. И принимая во внимание то, на что, как теперь было точно известно, он способен, правомерно спросить: так ли сильно старушка ошибалась? Ведь первый ее опыт в качестве соратницы борца за правое дело прошел как нельзя лучше.

— Да, в общих чертах так оно и будет, — ответил он, направляя грузовик к окраине города по широкой улице, в конце переходящей в скоростное шоссе, ведущее прямо к горам. Можно было только удивляться тому, как много всего смогла эта женщина узнать и сколь о многом догадаться, не задавая вопросов и только слушая то, что он говорил ей. И как близко ее догадки стоят к правде — настолько близко, что их даже можно спутать с правдой, подумал он.

— Я так и знала! — воскликнула миссис Леммон, гордясь собой не меньше, чем своим решительным героем, и, конечно же, не понимая, что ее гордость собой проистекает от его недоговоренностей и исполнения ею его указаний. — Я все поняла, как только увидела вас. Я сказала себе: «Вот он, сильный мужчина. Он знает, что делать и как».

Странное дело, но Майкла смутили эти слова. Он попытался придумать что-нибудь, чтобы развеять иллюзии миссис Леммон, но в первую минуту потерялся от бессилия, потому что поначалу не видел разницы между полным расчетливым падением с пьедестала ради того, чтобы открыть старушке глаза на истинное положение вещей, и долгой, скучной лекцией о его собственной жизни и о том, как он понимает ее смысл. В будущем он сумеет придумать какой-нибудь упрощенный механизм — фразу или жест, при помощи которых сможет подводить итог объяснениям, даже не начиная их. Ему не придется ничего объяснять и ни о чем говорить — он будет только время от времени пользоваться этим своим личным персональным приемом, известным всем, и все будут знать, что он имеет в виду.

Но пока ничего такого у него не было, ему оставалось только сидеть и раздраженно молчать, не понимая, почему эта женщина не может так же ясно видеть его насквозь, как видит себя он сам.

Потому что на самом деле все очень просто, сказал он себе. Они все живут в одном мире, и каждый из них знает, что раз уж ты решился жить здесь, то нужно учиться идти с миром на компромиссы, и именно из-за компромиссов они его не любят. И если один из них оказывается в нужном месте в нужный час и ему предоставляется возможность изменить мир, устроить лучшую жизнь для всех — не обязательно делать ее райской, просто изменить чуть-чуть в лучшую сторону, — то случится это или нет, будет целиком зависеть только от него одного.

Вот так все просто. Одно цеплялось за другое.

Майкл продолжал сосредоточенно вести машину.

Его невозможно будет подкупить, потому что этому миру нечего предложить ему, кроме смерти.

Его невозможно будет разубедить, потому что уже одно осознание того, что сам он ничего не может предложить этому миру, кроме яркой блестящей мишуры слов, лишает шанса на это; с памятью о них он взойдет на свое смертное ложе; но для него вполне достаточно не слушать никого, кроме себя.

Его невозможно будет испугать, потому что с этой поры ничто, кроме смерти, не в силах будет изменить его. Он опустился до низов, став тем, кто он есть сейчас, и понял, и увидел это; он добрался до сути самого мира и понял его; теперь он всегда мог найти и себя, и этот мир снова. Конец ему придет только со смертью — но даже смерть не свернет его с пути.

Потом, когда он станет старше и его взгляды на многие вещи изменятся, он спросит себя, в самом ли деле он понял себя и весь мир в тот момент или это только казалось ему. К тому времени неоспоримый успех его жизни уже сможет служить доказательством правильности его взглядов. И, слабо улыбнувшись, он пожмет плечами и решит, что какой бы ни была правда, что-то менять теперь уже поздно.

ГЛАВА 7

1

Ральф Вайерман осторожно ступил на верхнюю ступеньку трапа центаврианского транспортного корабля, всего несколько минут назад опустившегося на широкое поле земного космодрома. Правой, почти прозрачной рукой он крепко ухватился за поручень. Ступеньки были металлическими, узкими и скользкими, и поэтому спускаться нужно было медленно.

Стоящий у президента за спиной Томас Хармон бережно взял его под локоть. Вайермана, еще не свыкшегося со своей физической беспомощностью, попытка ближайшего соратника тактично оказать помощь привела в раздражение. Ведь как бы там ни было, Хармон и сам уже немолод. Кроме того, неужели он не чувствует, что в его помощи — пусть с виду президент и слаб — здесь не нуждаются? Никто его ни о чем не просил.

Конечно, ничем, кроме доброго участия и понимания, желание Хармона помочь не продиктовано. Том словно бы говорил: «Я знаю, что ты чувствуешь». Понимание — какой большой дар может один человек предложить другому?

Хватит думать об этом, есть ведь другие важные вещи. В последние годы он стал слишком чувствительным. Он начал все переживать острее, словно физическое недомогание компенсировалось углублением и расширением эмоциональной восприимчивости до невыносимого уровня. Вот почему, продолжал он разговор сам с собой, старые люди так сдержанны — от них не дождешься ничего, кроме скупой улыбки или глухого сдавленно-го смешка, потому что стоит им только дать себе волю и выплеснуть весь подлинный ураган своих ощущений, то от их дряхлых тел просто ничего не останется. Поэтому снаружи — только осторожная, слабая улыбка, а внутри гомерический хохот и хохот — целая вселенная безудержного веселья; если бы мы вдруг смогли прочитать мысли друг друга, то мир просто погиб бы, взорвался, превратившись в облако громогласного веселья, — стал бы мир петь хвалу нашему удовольствию от каждой самой мелкой мелочи в нем? Но нам не дано читать мысли друг друга, и вполне может оказаться и так, что среди людей только я один являюсь носителем этого великолепного открытия.

Не в силах забыть о руке Хармона, Ральф Вайерман вздохнул и, сопровождаемый премьер-министром, медленно спустился до половины трапа.

Смех, продолжал говорить себе Вайерман, не глухое гуканье, не язвительное хихиканье и не грубый раздражающий гогот, но чистота детского открытия мира. Что же получается — я заново открываю для себя мир? Неужели это так? Нужно сидеть тихо, чтобы не разрушить очарование момента, не показывая ничего из своих истинных чувств, ничего из того, среди чего сейчас странствует мой разум, ничего из того, что я вижу в собственной жизни в свете обновленных и обостренных внутренних чувственных восприятий. Что это, новый горизонт? Новые приключения, чудеса, которых я не замечал раньше, когда наружу нельзя было выпустить ничего, кроме спокойной улыбки? Улыбки или слезы, на худой конец. Смеяться труднее,

чем лить слезы. Хотя бы потому, что для пролития слез не нужно сначала делать глубокий вдох, без чего невозможен смех, от слез не болит спина и не сводит натертые зубными протезами челюсти — слезы стариков и старух легки и нежны; их слезы также и безопасны; это не рыдания зрелого человека, а быстрые детские слезы; но не детские безутешные истерики, а медленная горячая соленая влага, которая струится из уголков ребячьих глаз, когда они вдруг узнают, что в этом мире, увы, дети, даже совсем маленькие, иногда тоже умирают, — только такие слезы остаются у нас к старости.

Мне нужно будет присматриваться к встречным старым людям, подумал Ральф. Вполне возможно, что когда-нибудь мы сумеем преодолеть эту общую склонность людей удерживать эмоции в себе, что, несмотря на все наши потуги, наступит момент, когда мы уже не сможем контролировать себя. Это, наверно, и будет смерть. А потом будет жизнь после жизни; каждый из нас уйдет в свой собственный мирок — и тем, кто помнит о радостном, можно будет смеяться, а тем, у кого есть только печаль, остается горевать; все наше прошлое, наши жизни сожмутся, образовав квинтэссенцию одного молниеносного выплеска, после чего, когда пропадет чувство течения времени и дней, останется только Вечность...

— Вот она Земля, Том, — проговорил Ральф, разглядывая сосны. — Земля.

— Вон Майкл, — сказал Томас Хармон.

Ральф Вайерман прищурил глаза и, чтобы уменьшить расстояние между собой и расплывчатыми вертикальными, похожими на зубчики расчески зелеными полосами на границе контрастно-белого просторного туманного пятна, каким ему виделось взлетное поле, выше поднял голову.

— Он разговаривает с капитаном Лэмбли.

— Я вижу, — раздраженно откликнулся Ральф.

Грохоча рифлеными подошвами по металлу, на трап взошел и выстроился слева вдоль поручня почетный караул.

— Нас ждут, Ральф. — Хармон подтолкнул его вперед.

— Знаю. С протоколом я знаком не хуже тебя.

Ральф Вайерман вдруг вспомнил, что теперь должен привыкать думать о Томасе Хармоне в другом тоне. Он виновато оглянулся через плечо, но на лице его друга не было обиды, только нетерпение.

Люди не должны видеть, что я слаб, подумал Ральф. Он сосредоточился на этой мысли. Движения должны быть легкими, между одним движением и другим не должно проходить много времени, нельзя говорить резко, напряжение нужно тщательно скрывать... Нужно поставить себя так, чтобы с тобой считались, а не просто принимали в расчет, еще хотя бы некоторое, пускай краткое, время.

Но даже одна эта мысль оказалась для него непосильным бременем. Для того чтобы ее оживить, требовались фантастические усилия, а уж ему, в его-то возрасте, как было не знать, что любое действие должно стоить потраченных на него сил, иначе оно становится бессмысленным. Удивительно, думал он, вспоминая свои мысленные монологи Старца, что разум мой, с такой легкостью способный создавать воображаемые метафизические замки небывалой страны, пасует при попытке наладить контакт с реальным окружающим миром.

Он недовольно потряс головой. Увлеченный своими рассуждениями, он успел спуститься до конца трапа и теперь достаточно ясно видел стоящего впереди, рядом с капитаном, молодого человека. Лэмбли, полномочный представитель ОЦС на Земле, заметив Ральфа, повернулся и сделал шаг в сторону, а почетный караул — разношерстная группа землян в форме центаврианской армии с изготовленными вручную знаками отличия, нашитыми поверх знаков отличия ОЦС, — взял «на караул». И, возможно, потому, что все эти люди присутствовали здесь, но непосредственного участия в происходящем не принимали, и потому, что заговорил с ним только один молодой человек, и потому, что его глаза позволяли ему отчетливо различать только не слишком отдаленные предметы, Ральфу Вайерману вдруг почудилось, что пространство и время вокруг замерли, остановив свое извечное неразрывное движение. Он и молодой человек на мгновение застыли в безвременье друг перед другом, и сразу же вслед за этим все остальное время — все их прошлое, вся их совместно прожитая жизнь — обратилось в единый фрагмент, в котором уже нельзя было сделать обычных различий между одной частью, подталкиваемой сзади другой, более поздней частью, и выросло над ним башней наподобие тяжеловесного монолита, так что то место и время, где он и молодой человек сейчас находились, на мгновение стали чем-то большим, чем обычная формальная координата день-час-минута-широта-долгота, при помощи которой в обычной ситуации один человек может обозначить нахождение другого.

— Майкл, — проговорил Ральф Вайерман.

— Здравствуй, папа, — отозвался Майкл. — Как ты?

— Я... в порядке. Мама... — Ральф махнул рукой в сторону возвышающегося позади корабля. — Она отдыхает после перелета.

Президент указал на своего спутника.

— Ты помнишь Томаса Хармона?

— Конечно. Здравствуйте, господин Хармон. Как долетели?

— Очень хорошо, Майкл. Я рад видеть в твоём лице...

Да, конечно, подумал Ральф Вайерман, мгновенно отключая слух, достижения Майкла, несомненно, произвели на Хармона

впечатление. Во время перелета с Чиерона, где их сначала взяли под стражу и поселили в дешевом отеле, а потом, после того как на Земле Майкл что-то такое сделал, освободили и с почетом, окружая вниманием и роскошью, отправили на родину, Том только об этом и говорил.

На самого Ральфа Вайермана достижения Майкла особого впечатления не произвели. Выступая с позиции силы, любой мог добиться того, чего хотел. Для того чтобы добиться еще большего, нужно всего лишь стать еще сильнее, и так далее, пока, наконец, ситуация не достигнет той точки, когда сосредоточенность в одних руках единовластной силы будет превращать в бойца негибаемой воли и ураганного напора даже самого распоследнего слабака и хлюпика. И Томас Хармон знал это не хуже других. Знал, но не верил в то, что подобное является безусловным законом человеческой вселенной. Знал, но не верил в то, что этот закон сможет работать на Майкле Вайермане точно так же, как и на любом другом человеке. Он дал мальчику шанс, потому что это представлялось на тот момент самым разумным решением, но поверить в то, что идея эта сработает, он не мог, так как то, во что верил Хармон, не имело никакого влияния на его выводы.

И именно вот из-за этого твоего люфта неверия в чужие силы, не ты, Том, а я являюсь человеком-лидером, сказал себе Ральф Вайерман. Хотя сейчас все это уже значения не имеет — сколько у него осталось? — несколько недель, месяцев, а потом все кончится. Мы проложим демаркационную линию между нашими интересами и интересами Центавра, будут назначены выборы, и мы сойдем со сцены. После этого нам останется только греться на солнышке и строить планы по поводу дороги в Вечность, я получу то, чего заслужил своей жизнью, ты получишь то, что заслужил своей, и мы расстанемся, чтобы никогда больше не встретиться иначе как в снах собственного изготовления.

Но Ральф Вайерман все-таки был удивлен, удивлен тем, во что Майкл превратился, потому что, кроме всего прочего, он хорошо знал также и то, что человек не может стать всем, чем захочет, а только лишь тем, что уже имеется и заложено в нем, а то, что внутри Майкла находится Личность, которую он сейчас зрит перед собой, Ральф Вайерман никогда даже представить себе не мог. На Чиероне ничто не предвещало того, что в Майкле обнаружится хоть что-то из необходимого настоящему лидеру — самоуверенность, глубокое понимание того факта, что любой человек обычно не имеет и десятой части того ума и уверенности, которые он себе приписывает, а также двадцатой части той многолетней целеустремленности, о которой так любит говорить; понимание также и

того, что все люди только и ждут появления лидера, который бы указал верный путь и повел их за собой, того, что при самой умеренной толике здравого смысла и общей образованности любой соображающий человек может повести людей к чему-то, по крайней мере, не худшему, чем уже имеющееся, — и по возможности все-таки к чему-то лучшему, чем то, чего они могли бы добиться, передвигаясь самостоятельно. И пока этот человек, лидер, будет сознательно насаждать подкрепляющую выбранное им направление философию и сам, по крайней мере внешне, следовать ей, проблем у него не будет. В одном была заковыка — в том, сколько людей, способных изобрести собственное направление движения и продвигаться по нему всю свою жизнь, в каждом поколении появляется на свет. Человек такого редкостного типа всегда знает о своей избранности и возвышенности над другими людьми. И до самого последнего дня ему приходится идти по лезвию, балансируя между двумя пропастями — четким и действенным осознанием собственного уникального дара и высокомерным фатальным убеждением в своем божественном предназначении. На дне одной пропасти лежит озеро вселенского великодушия. На дне другой — тирания. И только это, и ничто другое, объясняло все жизненные перипетии всех великих людей в истории человечества, и Ральф Вайерман знал это.

Но вот теперь Майкл — его Майкл — ступил на эту тропу и уверенно по ней идет!

— Как же тебе удалось, сын? — спросил он, вклинившись в чьи-то торжественные, обращенные к Майклу излияния. — Где ты все-му научился?

Теперь, когда Майкл полностью находился в поле его зрения, Ральф мог рассмотреть и оценить сына одним опытным взглядом.

Он видел, что его мальчик не стал более жестким — определенно, так нельзя было сказать. Наверняка можно было сказать другое — таким гибким и пронизательным человеком, каким был его отец, Майкл не станет никогда. Он как-то иначе, чем раньше, упирался теперь ногами в землю. И в соответствии с этой новой уверенной осанкой изменилось и напряжение всех мускулов его тела, и угол наклона костей, что не могло, конечно, не сказаться и на внешнем облике. Мы узнаем человека по тому, как распределяются свет и тени на выступах и в углублениях его лица; то же самое относится и ко всему телу. Голова Майкла теперь сидела на его шее иначе, не так, как это запомнилось Ральфу Вайерману; свет пал на нос и глаза немного под другим углом, и в результате распределение светотени меняло весь облик.

— А разве у меня был выбор, папа? — ответил ему вопросом на вопрос Майкл, и от того, как быстро и точно сын понял его, в то время как для всех остальных их обмен краткими фразами остался тайной, по спине Ральфа пробежал холодок. А может быть, они все-таки говорят каждый о своем?

Он размышлял на эту тему, пока его и Хармона представляли пришедшим вместе с Майклом на космодром встречающим, в результате чего он плохо рассмотрел этих людей. Все вместе они показались ему классической живописной группой, вполне под стать моменту, — полезные члены только что свергнутого правительства, несколько новых фигур, продвинутых с нижних постов с тем, чтобы занять вакантные заурядные должности любого временного правительства: люди без опыта и не прошедшие полировку временем, поставленные выполнять важную работу не потому, что это было их специальностью, а потому, что вся их суть оказывалась настолько сконцентрированной на данной работе, что выполнение ее становилось для них просто-напросто физически необходимой функцией. Во времена более стабильных режимов таких людей называли маньяками и либо из-за их мании, либо из-за других каких-то проступков, которые сглаженный и отточенный правящий аппарат не мог терпеть, старались избавиться от них.

Это было так же старо, как сама история: и этот Ньюфстед, рука закона и дисциплины, необходимый Майклу как молодому и официально пока еще не признанному лидеру; этот Хоббс, этот Моргансон, этот Лоперт и этот Ладислас — крепкий, основательный довесок мужественности к пылкости молодого правителя...

— Ладислас Данко! — удивленно воскликнул Ральф Вайерман.

— Рад видеть вас, дружище, — пробасил профессор Данко, осторожно прикоснувшись широкой, как лопата, ладонью к его плечу.

— Когда это мы стали с вами друзьями! — пронзительно выкрикнул Вайерман, сбрасывая с плеча руку землянина.

— Ну, я думал... — Данко пожал плечами и неловко отвернулся.

Бывший противник был потрясен и испуган его старческой физиономией, понял Ральф, и поскорее попытался положить конец древнему соперничеству — возможно, не слишком ловко. Теперь же грубость Вайермана расстроила и смутила его.

Ну так и пусть, подумал Ральф. Плохо то, что человек не может держать под спокойным контролем любое свое взаимодействие с другими людьми, но дело в том, что при встрече друг с другом люди немедленно и неизменно стараются установить собственное главенство, и пытаться взывать к доброй воле, своей и чужой, здесь бесполезно. При всех своих благих намерениях Данко попробовал

вывести их взаимоотношения на выбранный им самим путь. В ответ на что Вайерману необходимо было дать должный ответ, которым он дал понять, что не намерен этим путем следовать.

— Отец, — мягко заметил Майкл, — разве поможет это чем-то Земле, если вы с профессором Данко будете продолжать игры такого рода?

— Поможет ли это Земле? Конечно, я...

Вайерман-старший умолк на полуслове, оборвав себя. Любой ответ будет сейчас неуместен. Важно другое — кто из них лидер? Хотя по всему выходило, что этот вопрос тут уже не стоит, — каждый из них уже попытался запустить процесс на свой лад, установив тем самым соответственное распределение власти, дабы управление Землей уже происходило бы без внезапной смены жокеев.

Значит, все решено?

— Майкл, ты что же, решил занять пост президента вместо меня? Ты отстранил меня от власти?

— Все не так просто, отец, — ответил Майкл Вайерман.

— Текущая ситуация на Земле совершенно неясная, — словно по приказу подал голос Ладислас Данко. — Во-первых, нужно внести ясность в международный статус договоров между ОЦС и Хамилем — по части того, какие устанавливаются там условия управления Землей Хамилем. Кроме сепаратных договоров с Центавром, имеются вопросы относительно деятельности Хамиля против Правительства Свободной Земли в Изгнании в свете того, что де факто он все-таки обладал некими полномочиями. Допуская теоретически, что Хамиль являлся главой правительства Земли, встает вопрос о возможности наследования Майклом этого поста в качестве официального преемника, осудившего и казнившего бывшего главу, но действовавшего в тот момент и впоследствии, при восстановлении порядка и справедливости на Земле, от имени Правительства в Изгнании — иными словами, используя ваш авторитет, что, по сути дела, может быть признано нормальной узурпацией власти и контрреволюционным переворотом, оправданными форс-мажорными обстоятельствами. Исходя из этого...

Ральф Вайерман перестал слушать. К собственному удивлению, он не чувствовал ни обиды, ни разочарования. Ни раньше, ни сейчас он ни на секунду не забывал о том, что его положение так же шатко, как стоящий на острие нож, и что принадлежащий ему мир может уплыть из его рук при первом же порыве свежего ветра над горами и океанами. Вышло так, что человеком, забравшим у него власть, оказался Майкл — Майкл, которого он никогда не понимал, чьи движущие мотивы оставались для него загадкой, в чьи дебри сознания он никогда не удосуживался заглянуть — хотя бы для

того, чтобы узнать, насколько далеко там распространяется его собственная власть как отца, — сын рос стеснительным и неуверенным в себе, а ему и дела было мало.

Я привык думать только о том, что делаю сам, сказал себе Ральф. Я привык строить планы и претворять их в жизнь, и так продолжалось большую часть времени. Разве я забыл — как давно это было? — что уже на борту корабля-беглеца не хотел оставаться таким? Но у каждого случаются в жизни кризисы. Каждый теряет веру в себя и свои планы. Обычно это продолжается недолго. Потом я снова начал продвигаться раз намеченным курсом. Кто скажет, что заставило меня передумать?

И разве я передумал? Если я не могу ничего сейчас вспомнить об этом, то, может быть, этого и не случилось вовсе, может быть, я просто убедил себя в том, что это произошло? Кто сказал, что я обычно думаю то же, что делаю? Кто сказал, что мир устроен именно так, как мне кажется? Все, что у меня осталось, — это моя память, только на нее я могу опереться. Но память — великая изменница, и моя память здесь не исключение — может быть, мне все только кажется? Мог мой разум отредактировать прошлое, покрыть мхом все зубцы фактов так, чтобы они сделались зелеными и веселыми, гораздо более приятными на вид, чем были в исходном состоянии?

О господи! — вскричал про себя Ральф Вайерман, я узник своего разума, а мой разум вполне человеческий — всего-навсего человеческий, все так же пытающийся придать событиям вид более приятный, с которым я мог бы продолжать свое существование, старающийся так все организовать, чтобы последняя моя мысль под этим небом была радостной, а не печальной, — ох, ну почему именно это стало для меня предметом высшей необходимости! Почему я не понимал этого, когда был моложе! Но сейчас уже чересчур поздно — столько всего уже осталось позади. Изменить теперь ничего нельзя, все безвозвратно кануло в вечность. Или, может быть, я уже сделал это, изменил и искажил истину, и теперь в том безвременном и бездумном мире, куда я уйду, ставшим лживым и пустым, мне не будет покоя?

— Мистер Вайерман, — обратился капитан Лэмбли к Майклу. Не к Ральфу. — Нам нужно кое-что обсудить. Мои корабли не могут оставаться здесь долго. Пришельцы отброшены за пределы Солнечной системы, но чтобы сокрушить их в этом районе галактики окончательно, нам нужно снять блокаду и нанести удар с фланга.

Майкл поднял на Лэмбли спокойный взгляд.

— Уверен, что вы знаете, о чем говорите, капитан, — ответил он. — Но рассуждая о расстояниях в сотни световых лет и сражениях космических флотов, вам не стоит забывать, что победой

над пришельцами, по крайней мере, в нашей планетной системе, вы обязаны моему отцу. Он только что узнал, что его часть работы выполнена. Знаете, если человек несет свой крест несколько десятков лет подряд, а потом, когда наконец удастся снять ношу с плеч, ему даже не дают передохнуть, это вряд ли кому понравится. Ваш флот должен продолжить блокаду, а сейчас давайте пройдем в мою штабную палатку и там продолжим обсуждение политических аспектов.

Сын мягко положил руку на плечо отца и проговорил:

— Пойдем, нужно идти.

Сидя вместе со всеми за грубо сколоченным деревянным столом в палатке Майкла и перебарывая дремоту, Ральф Вайерман прислушивался к тому, как его сын расправляется с капитаном Лэмбли и вершит дела с ОЦС.

— Но послушайте, — говорил Лэмбли голосом раздраженным и не слишком уверенным, — мы ведь очень много для вас сделали: установили блокаду Земли, снабдили оружием, доставили членов старого Правительства в Изгнании, признали ваш статус. И теперь получается, что вы ничего не желаете отдавать взамен. Никаких торговых концессий и льгот, никаких выплат по репарациям — ничего, господа, совсем ничего!

— Да, это так, — ответил Майкл. — Мы благодарны вам за помощь. Но без нас вы не смогли бы одолеть пришельцев. Война была бы вами проиграна!

— Война была бы нами проиграна? Но ведь это не только наша война, это и ваша война тоже!

— Что означает, что мы союзники. Но разве можно требовать выплат от своих союзников и экономических льгот на их территории? Разве этично так поступать? Свои обязательства перед вами мы выполнили с честью — что еще вы хотите получить? Вы только что сами сказали, капитан: это и ваша война тоже. Победа уже принесла вам немалую выгоду. Ровно столько выгоды, сколько может извлечь из войны любое правительство.

— Вайерман, не забывайте о том, что в любой момент мы можем снять блокаду и пришельцы вернутся и не оставят от Земли камня на камне, — вот такой будет ваша выгода! Вы еще позовете нас обратно!

— Капитан, вы отлично знаете, что ваше правительство не снимет блокаду, — медленно проговорил Майкл Вайерман, качая головой. — Что ваше правительство говорило своему народу, начиная эту войну? Что в некоторых приграничных областях Центавр вошел в экономические противоречия с инопланетными расами,

требующие теперь разрешения, — или же что флот Центавра вылетает на помощь оккупированной Земле, родине предков? Капитан, я очень хорошо знаю ваше правительство. Это очень хорошее правительство, но, к сожалению, оно почему-то думает, что обычным людям необходимо давать благодородные объяснения различных, не слишком симпатичных реалий жизни. Нет, капитан, ваше правительство никогда не снимет блокаду и не позволит пришельцам вновь захватить Землю, потому что в этом случае возмущенное население ОЦС потребует от кабинета министров отставки.

Лэмбли сидел за столом, сгорбившись и стиснув кулаки, его спина окаменела от напрягшихся мышц.

— Мистер Вайерман...

— Мне жаль вас, капитан. Жаль, что ваше правительство избрало для неблагодарной роли посланца столь преданного и исполнительного офицера, как вы. Думаю, что это назначение было сделано только потому, что после свержения Хамиля развитие событий могло идти только по одному сценарию. Это было ясно. Все было предreshено, и вас подставили. Теперь вас наверняка разжалуют — ведь нужно же будет на ком-то сорвать злость. Скорее всего, вам предложат выбирать — или разжалование и позор, или командование ударными частями космического флота, что означает неминуемую гибель. Уверен, что вы уже сделали свой выбор.

Лэмбли тихо поднялся из-за стола.

— В десятку, мистер Вайерман, вы отличный стрелок. Вижу, что будущее Земли в надежных руках.

Майкл поднял на капитана Лэмбли глаза.

— Я просто исполняю свой долг.

2

Ральф Вайерман стоял на краю утеса рядом с сыном и смотрел на открывающийся с высоты вид. Происшедшие в Майкле перемены все еще не укладывались у Ральфа в голове. Он все еще не понимал своего сына.

— Каждый день я узнаю что-то новое, отец, — говорил ему Майкл, подкрепляя свои слова усталым жестом руки. — Каждый день что-то новое о том, как нужно вести себя, что лучше, а что хуже. Это происходит чисто автоматически. Этому может научиться любой.

— Ты ошибаешься, — быстро заметил Ральф.

— Мне очень жаль, папа, но это так. То, что кажется тебе очень сложным и непростым делом, в действительности похоже на то, что чувствует и видит ребенок, впервые столкнувшийся с другим ребен-

ком. Наступает время узнать, что принадлежит по праву тебе, а что чужое и что в этом случае делать, и как прийти к полному соглашению. Сначала ребенок все тянет к себе, но его маленький оппонент поступает точно так же, дело доходит до драки и слез, и кое-что из игрушек оказывается разорванным на куски и ломается, но в конце концов через обиды и боль границы собственности все-таки устанавливаются. Со временем ребенок превращается во взрослого, он не забывает ничего — он помнит всю несправедливость, на которую приходилось идти и с которой его заставляли мириться, — подлость, обман и обессиливающие драки. Человек внезапно осознает, что в прошлом совершал ошибки, предавал и унижал, но теперь это ушло, и он живет дальше с тяжелой памятью о своих проступках. Человек так устроен, что продолжает жить. И вот он живет и, пытаясь взять реванш за прошлое, грешит в настоящем, и с возрастом видит, что его ошибки уже не могут породить ничего, кроме ошибок, — стыд порождает новый стыд, а предательство занимает в душе его не меньшее место, чем вера. Потом человек смиряется и живет дальше, уже махнув на все рукой. На этом все заканчивается. Он уже не может сам вести себя. Он способен только делать что-то для других, поэтому он видит окружающих такими, какие они есть, а не такими, как те себя представляют, и таким образом мы все помогаем друг другу.

Ральф Вайерман взял сына за руку.

— Значит, ты веришь в это? То, что ты сейчас рассказал мне, Майкл, очень важно. Я повидал на своем веку немало великих людей. Великий человек знает, что он велик. Если он не думает так, то его уже нельзя назвать великим. Если человек лидер, но по какой-то причине не считает себя лучше остальных, то у него нет оправдания собственным деяниям — он уже не может судить и не может решать за других. Поэтому такое просто невозможно!

— Извини, папа, — сказал ему Майкл.

Он повернулся и медленно, так, чтобы отец мог за ним поспевать, начал спускаться к палатке, где отдыхала его мать. Скоро за ними должен был прилететь вертолет и отвезти их в город, туда, где они, пока живы отец и мать, будут вместе как одна семья.

1959

Гарри Гаррисон

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

*Посвящается Джону У. Кэмпбеллу,
без чьей помощи никогда не была бы
написана эта книга, как и изрядная доля
современной фантастики.*

ГЛАВА 1

Трубопровод пневмопочты тихо выдохнул в приемную чашку патрон размером с карандаш. Сигнальный звонок тренькнул и смолк. Язон динальт уставился на безобидный патрон так, словно это была бомба с часовым механизмом.

Тут какой-то подвох... Он почувствовал, как внутри все на-пряглось. В чашке лежал не официальный бюллетень и не извещение от гостиничной администрации, а запечатанное личное письмо. Но ведь он никого не знает на этой планете, еще и восьми часов не прошло, как он прибыл сюда на космическом корабле. У него даже имя новое — он сменил его в предпоследнем космопорту, значит, никакого личного письма быть не должно.

А между тем вот оно, лежит в чашке. Он сорвал ногтем печать и снял крышку. Искаженный записью металлический голос нельзя было опознать: «Керк Пирр хотел бы встретиться с Язоном динальтом. Жду в вестибюле».

Явный подвох, и, однако, никуда не денешься. Хоть бы оказалось, что это какой-нибудь безвредный тип. Скажем, коммивояжер. Или что его с кем-то спутали. Все же Язон спрятал под подушкой пистолет, сняв его с предохранителя: мало ли что может случиться... После чего передал дежурному администратору, чтобы гостя направили в его номер. Когда дверь отворилась,

Язон полулежал на краю кушетки и прихлебывал какой-то напиток из высокого стакана.

«Бывший борец», — подумал Язон, глядя на вошедшего в номер седого богатыря. Так вот он какой, Керк Пирр. Не человек — скала, сплошные литые мышцы. Строгий серый костюм напоминал форменную одежду. К правому предплечью пристегнута шершавая потертая кобура, из которой холодно смотрело дуло пистолета.

— Ты — динаАльт, игрок! — произнес незнакомец без тени учтивости. — У меня к тебе предложение. — Глядя на него поверх стакана, Язон проигрывал в уме возможные варианты. Это либо полиция, либо конкуренты, а он предпочел бы не иметь дела ни с теми, ни с другими. И, во всяком случае, надо побольше разузнать, прежде чем ввязываться в какие-либо сделки.

— Простите, приятель, — Язон улыбнулся, — но вы ошиблись дверью. Я бы рад вам помочь, да только от моей игры больше выигдывают казино, чем я. Так что...

— Не будем играть в кошки-мышки, — перебил его властный, рокочущий голос Керка. — Ты динаАльт, и ты же Боухилл. Если тебе этого мало, могу назвать планету Мэхаут, казино «Туманность» и кучу других. У меня есть предложение, от которого мы оба выиграем, так что лучше выслушай меня.

Язон продолжал улыбаться, словно речь шла не о нем, но весь напряжился. Этот мускулистый незнакомец знает вещи, которых ему знать не положено... Пора менять тему разговора.

— А у вас недурной пистолет, — сказал Язон. — Да только вид пистолетов действует мне на нервы. Я буду вам признателен, если вы его снимете.

Керк хмуро скосился на кобуру, как будто только сейчас ее заметил.

— Я никогда его не снимаю, — буркнул он с оттенком недовольства.

Прощупывание кончилось. Пора брать руль в свои руки, если он хочет выйти живым из этой переделки. Язон наклонился вперед, чтобы поставить стакан на стол, в это же время его правая рука как бы невзначай очутилась под подушкой. Пальцы нащупали рукоятку пистолета.

— Боюсь, что я буду вынужден настоять на своем. А то мне всегда как-то не по себе в обществе вооруженных людей.

Говоря это, Язон выхватил свой пистолет. Его рука двигалась мягко и быстро.

С таким же успехом он мог изображать замедленное кино. Керк Пирр стоял будто монолит, глядя, как пистолет появляется из-под подушки и поворачивается в его сторону. Он оставался

безучастным до последней секунды. Но дальше он действовал молниеносно. Только что его пистолет был в кобуре — и вот уже смотрит прямо в лоб Язону. Тяжелое, грозное оружие, дуло рябое от частого пользования. Язон понимал, что ему не жить, если он поднимет свой пистолет еще хоть на дюйм. И он осторожно опустил руку, браня себя за то, что дал порыву взять верх над рассудком. Керк вернул свое оружие в кобуру так же играючи, как выхватил его.

— Ну, хватит шутики шутить, — сказал Керк. — Займемся делом. Язон протянул руку за стаканом и отпил добрый глоток для успокоения нервов. Он умел обращаться с оружием, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а тут ему впервые утерли нос.

Больше всего его злило то, как легко, походя, это было сделано.

— Никаких дел, — произнес он ледяным тоном. — Я прилетел на Кассилию отдыхать, у меня отпуск.

— Не будем морочить друг другу голову, динаАлт, — нетерпеливо сказал Керк. — За всю жизнь ты и дня не занимался честным трудом. Ты профессиональный игрок, потому я и пришел к тебе.

Язон подавил ярость и швырнул пистолет на другой конец кушетки, чтобы не было соблазна покончить жизнь самоубийством.

А он-то был уверен, что его никто не знает на Кассилии, приготовился взять большой куш в игорном доме... Ладно, потом разберемся. У этого атлета явно все продумано. Пусть прокладывает курс, и посмотрим, что он замыслил.

— Хорошо, что вам угодно?

Керк опустил в кресло, которое жалобно скрипнуло от такого груза, достал из кармана конверт, вскрыл его и бросил на стол пачку мерцающих галактических банкнотов. Язон взглянул на них и сразу выпрямился.

— Фальшивки? — спросил он, поднося один банкнот к свету.

— Самые настоящие, — заверил его Керк. — Сам получал их в банке. Двадцать семь штук — двадцать семь миллионов кредитов. Мне нужно, чтобы ты играл на эти деньги в казино сегодня вечером. И нужно, чтобы ты выиграл.

Билеты и впрямь выглядели настоящими, к тому же можно было свериться в банке. Язон задумчиво перебирал их, глядя на своего собеседника.

— Не знаю ваших намерений, — сказал он. — Но учтите, что я ничего не могу гарантировать. Да, я играю, однако не всегда выигрываю.

— Ты играешь — и выигрываешь, когда очень хочешь выиграть, — отчеканил Керк. — Мы постарались удостовериться в том, прежде чем я обратился к тебе.

— Если вы хотите сказать, что я жульничаю...

Язон вовремя спохватился и взял себя в руки. Кажется, сейчас возмущаться вредно для здоровья...

А Керк, игнорируя нарастающий гнев Язона, продолжал ровным голосом:

— Хорошо, пусть это, по-твоему, не жульничество, а мне, по правде говоря, все равно. По мне, так хоть тузы в рукавах, хоть электромагниты в ботинках, лишь бы выигрыш был твой. Я пришел сюда не мораль с этикой обсуждать. У меня деловое предложение. Эти деньги дались нам тяжелым трудом, но все равно их слишком мало. Нам нужно три миллиарда кредитов, не больше, не меньше. Единственный способ их добыть — игра. Ставка — вот эти самые двадцать семь миллионов.

— А я что получу? — сухо спросил Язон, как будто в этом фантастическом предложении была хоть толика смысла.

— Все, что сверх трех миллиардов, можешь оставить себе. По-моему, это вполне справедливо. Сам ничем не рискуешь, а выигрываешь — можешь обеспечить себя на всю жизнь.

— А если я проиграю?

Керк на миг задумался, мысль о проигрыше явно была ему не по вкусу.

— Да, это верно, ты можешь и проиграть. Я об этом не подумал... — Решение последовало сейчас же: — Что ж, проиграешь так проиграешь, приходится рисковать. Только боюсь, что тогда мне придется убить тебя. Во имя тех, кто отдал жизнь, чтобы добыть эти двадцать семь миллионов.

Он сказал это спокойно, без тени злобы, не угрожая, а констатируя факт.

Язон вскочил с кушетки, снова наполнил свой стакан, налил и Керку, который кивнул в знак благодарности, и нервно заходил по комнате. Ему не сиделось, слова Керка разозлили его, и в то же время так трудно было устоять против соблазна. На заядлого игрока такие речи действовали как вид наркотика на наркомана.

Вдруг он остановился, поняв, что в душе давно уже все решил. Проигрыш, выигрыш, жизнь, смерть — да разве можно отказаться, когда речь идет о таких деньгах! Язон круто повернулся и направил указательный палец на атлета в кресле.

— Я согласен. Да вы, наверное, с первой минуты знали, что я соглашусь. Но с одним условием. Я хочу знать, кто вы такой и кто эти люди, о которых вы все время говорите. И откуда деньги... Они краденые?

Керк осушил стакан и отодвинул его в сторону.

— Краденые? Ничего похожего. Эти деньги — плод двух лет упорного труда в рудниках и обогатительных цехах. Руда добыта на Пирре и продана здесь, на Кассилии. Проверить это ничего не стоит. Я сам ее продал. Я посланник Пирра на этой планете

Он улыбнулся и продолжал:

— Впрочем, не придавай слишком большого значения этому титулу. Я числюсь посланником еще на пяти-шести планетах. Это очень сподручно, когда занимаешься бизнесом.

Язон поглядел на седовласого богатыря в поношенной одежде военного покроя и решил воздержаться от смеха. Ему доводилось слышать удивительные вещи про пограничные планеты, и не исключено, что каждое слово было правдой. Правда, про Пирр он никогда не слышал, но это ничего не значит. Только в обитаемой части вселенной больше тридцати тысяч планет.

— Я проверю ваши слова, — сказал Язон. — Если все подтвердится, мы поладим. Свяжитесь со мной завтра...

— Нет, — отрубил Керк. — Деньги должны быть выиграны сегодня. Я уже выписал чек на эти двадцать семь миллионов, и деньги надо внести завтра утром, не то процент подскочит до Плеяд. Мы связаны сроком.

С каждой минутой затея пиррянина казалась Язону все более сумасшедшей и все более увлекательной. Он поглядел на часы. До вечера далеко, есть время проверить, говорит ли Керк правду или лжет.

— Ладно, пусть сегодня, — сказал он. — Но мне понадобится один из этих кредитных билетов для проверки.

Керк встал.

— Бери их все, мы встретимся снова только после твоего выигрыша. Конечно, я буду в игорном доме, но не показывай виду, что знаком со мной. Лучше, чтобы они не знали, откуда у тебя деньги и сколько их.

Секунду спустя он уже был за дверью — после рукопожатия, от которого у Язона осталось такое чувство, словно его рука побывала в железных тисках. Деньги... Держа их веером, будто карты, Язон смотрел на коричневые билеты с золотым тиснением и не верил своим глазам. Двадцать семь миллионов кредитов. Что мешает ему сейчас попросту выйти с ними в эту дверь и исчезнуть? Ничто. Если не считать его гордости.

Керк Пирр, человек, фамилия которого совпадает с названием его родной планеты, — последний дурак во всей вселенной. Или... Или он не дурак. Судя по тому, как протекала их беседа, второе вернее

«Он знает, что я предпочту играть на деньги, а не красть их», — подумал Язон и усмехнулся.

Потом он засунул в кобуру на поясе свой пистолет, положил деньги в карман и вышел из номера.

ГЛАВА 2

Электронный кассир в банке озадаченно звякнул при виде миллионной кредитки и включил световое табло, предлагающее клиенту пройти к вице-директору Узину. Вице-директор, скользкий тип с вкрадчивыми манерами, вытаращил глаза и слегка побледнел, когда Язон предъявил ему пачку кредиток.

— Вы... желаете поместить эти деньги в нашем банке? — спросил он, машинально поглаживая пальцами билеты.

— Не сегодня, — ответил Язон. — Мне вернули долг. Будьте любезны, проверьте их. И разменяйте — мне нужно пятьсот билетов по тысяче кредитов.

Оба его внутренних кармана были очень плотно набиты, когда он покидал банк. Проверка подтвердила подлинность банкнотов, и теперь Язон чувствовал себя ходячим монетным двором. Первый раз в жизни ему было не по себе от обладания крупной суммой. Он остановил проходящее гелитакси и направился прямо в казино. Там он будет в безопасности, во всяком случае, на время.

Казино «Кассилия» служило игорным центром для ближайшего звездного скопления. Язон попал сюда впервые, но он хорошо знал этот род заведений. Почти все свои зрелые годы он провел в таких же игорных домах разных галактик. Только оформление различается, а суть одна. На виду — игра и публичные развлечения, за кулисами — все то, чего не выставляют напоказ.

Теоретически выигрыши не ограничивались, однако это правило действовало лишь до какого-то предела. Стоило кассе казино понести ощутимую потерю, как честная игра кончалась, и с этой минуты удачливому клиенту следовало глядеть в оба. Со всем этим Язон динАльг сталкивался тысячу раз, и сейчас он был в меру настрожен.

Ресторан был почти пуст, и метрдотель поспешил навстречу посетителю, костюм которого свидетельствовал о приличном доходе. Худощавый и темноволосый, Язон держался решительно и уверенно, его можно было принять скорее за представителя состоятельной династии, чем за профессионального игрока. Он придавал немалое значение этому образу и старался не выходить из него.

Кухня производила хорошее впечатление, а винный погреб оказался превосходным. В ожидании супа Язон подошел к бармену, и у них состоялся квалифицированный и увлекательный диалог, после чего он воздал должное трапезе.

Язон не торопился, и, пока ел, просторное помещение ресторана наполнялось людьми. После обеда он выкурил сигару и посмотрел эстрадную программу. И когда он наконец перешел в игорные залы, там уже кипела жизнь.

Язон медленно совершил первый круг, оставил несколько тысяч тут, несколько тысяч там, не придавая значения исходу. Сейчас ему важнее всего было проверить свое чутье. Похоже, что игра ведется честно, столы — без подвохов. Конечно, подстроить что-нибудь недолго. Обычно в этом нет нужды, казино получают достаточный барыш.

За одним из столов он заметил Керка, но тот даже не оглянулся. Посланник Пирра играл по маленькой в семерку, проигрывал и обнаруживал явные признаки нетерпения. Очевидно, ждал, когда же сообщник поведет игру всерьез. Язон улыбнулся и не спеша пошел дальше.

Как обычно, Язон занял место за столом, где шла игра в кости. Самый верный способ выигрывать по малой. «А если сегодня на меня накатит, очищу всю кассу этого казино!» Он думал о своем секрете, благодаря которому никогда не оставался в проигрыше. А время от времени даже загребал большой куш и уносил ноги, не дожидаясь, когда его перехватят наемные головорезы.

Подошла его очередь, он выбросил восемь. Ставки были невысокие, и Язон не очень налегал, только следил, чтобы не было семи. Выполнив свою задачу, он отвалился, и кость перешла к соседу.

Сидя и машинально делая небольшие ставки, пока кость шла по кругу, Язон размышлял о своем свойстве: «Странно, сколько лет над этим быются, а мы до сих пор так мало знаем про психокинез. Научились натаскивать людей — самую малость, развивать врожденные способности — чуть-чуть. И все».

Язон чувствовал себя в ударе, миллионы, оттопыривавшие его карман, сыграли роль импульса, который иногда помогал ему зажечься. Прикрыв глаза, он взял кости и мысленно погладил рисунок, образованный ямками. В следующую секунду они выскочили из его руки на стол, и он увидел семь. Есть!

Такого подъема он не ощущал много лет. А все эти миллионы кредов! Окружающее воспринималось предельно четко и ясно, кости беспрекословно слушались. Он знал с точностью до десятки,

сколько денег в бумажниках у других игроков, мысленным взором видел все карты на руках у картежников за другими столами.

И Язон медленно, осторожно начал повышать ставки. С костями все шло как по маслу, они катились и останавливались по его желанию, словно ученые собачки. Язон не торопился, сосредоточил внимание на психологии игроков и крупье. Почти два часа ушло у него на то, чтобы довести выигрыш до семи миллионов кредитов. Тут он перехватил сигнал дежурного, который сообщил дирекции, что казино грозит крупный проигрыш.

Выждав, когда этот тип с колючими глазами вернулся к столу, Язон подул на кости, поставил все свои фишки и одним махом просадил их. Крупье облегченно улыбнулся, лицо дежурного посветлело, а Керк — Язон заметил это уголком глаза — побагровел.

Бледный, вспотевший Язон чуть дрожащей рукой полез во внутренний карман и достал конверт с новенькими кредитками. Распечатал его и бросил на стол два билета.

— Предлагаю не ограничивать ставок, — сказал он просящим голосом. — Дайте мне шанс отыграться.

Дежурный, с трудом сдерживая улыбку, переглянулся с крупье, который быстро кивнул ему. Дескать, попался простак, надо его обчистить. Весь вечер лазил в бумажник, а теперь вот распечатал конверт, рассчитывает вернуть проигрыш. Толстый конверт, и, наверное, деньги не его. Разумеется, их это меньше всего заботило. Не все ли равно, откуда деньги. Игра возобновилась, и представители казино позволили себе расслабиться.

Это было как раз то, чего добивался Язон. Надо хорошенько завести их, пока они не смекнули, что в конечном итоге казино может остаться с носом. Потому что тогда они, как говорится, пустят в ход тяжелую артиллерию, а эту минуту хотелось бы отодвинуть возможно дальше. Каждый выигрыш будет даваться ему с большим трудом, а психокинетический огонек может погаснуть так же внезапно, как вспыхнул. С ним это уже бывало.

Теперь поединок шел только между Язоном и казино, остальные игроки превратились в статистов. Зрители плотной стеной обступили столик. Сперва выигрыши чередовались с проигрышами, потом он взял подряд несколько крупных ставок — и гора золотых фишек стала быстро расти. Он прикинул, что дело идет уже к миллиарду. Кости по-прежнему слушались, но Язон весь взмок от напряжения. Он поставил все фишки и протянул руку за костями.

Однако крупье опередил его своей лопаточкой.

— Казино требует сменить кости, — твердо сказал он. Язон выпрямился и вытер руки платком, радуясь передышке. Уже

третий раз казино меняло кости, пытаясь оборвать полосу его удачи. Правила допускали это. Дежурный с колючими глазами снова раскрыл свой бумажник и не глядя вытащил пару костей. Сорвав целлофановую обертку, он бросил их через стол Язону. Выпало семь очков, и Язон улыбнулся.

Но когда он взял кости в руки, улыбка медленно сошла с его лица. Кости были прозрачные, абсолютно гладкие, одинаково тяжелые со всех сторон. И тем не менее с подвохом.

Кружочки на пяти гранях каждой кости были сделаны из какого-то сплава, вероятно, со свинцом. На шестой грани сплав был с железом. Кости будут катиться, как положено, пока не попадут в магнитное поле. А ведь всю поверхность стола под сукном можно превратить в магнит... И он ни за что не заметил бы обмана, если бы не внутреннее зрение. Но что же теперь делать?

Медленно встряхивая кости, Язон окинул стол взглядом. Ага, вот то, что ему нужно. На металлической кромке стола стояла магнитная пепельница. Он перестал трясти кости, испытующе поглядел на них, быстро взял пепельницу и опустил ее доньшком себе на ладонь.

Когда он снова поднял пепельницу, окружающие дружно ахнули. Кости прилипли к ней шестерками вниз.

— Вы это называете хорошими костями? — спросил Язон.

Рука дежурного метнулась к боковому карману. Один Язон видел, что произошло в следующую секунду. Его глаза были прикованы к этой руке, и сам он уже взялся за свой пистолет. Но тут из-за чьей-то спины вынырнула могучая лапища, которая могла принадлежать только одному человеку. Большой и указательный пальцы на миг сомкнулись клешней вокруг запястья дежурного и тотчас отпрянули. Дежурный пронзительно вскрикнул и вытянул руку вперед — сломанная кисть висела, будто перчатка.

С таким фланговым прикрытием Язон спокойно мог продолжать игру.

— Прежние кости, если не возражаете, — сдержанно произнес он.

Огорошенный крупье повиновался. Язон быстро встряхнул кости и бросил их. Они еще не коснулись стола, когда он вдруг поймал себя на том, что не может ими управлять. Наитие кончилось.

Грани костей мелькали перед глазами, наконец остановились. Семь очков.

Принимая выигранные фишки, Язон подсчитал сумму. Чуть меньше двух миллиардов кредитов. Столько они получают, если он прекратит игру теперь. Но Керку нужно три. Ничего, обойдется.

Он хотел уже встать, когда поймал взгляд Керка и увидел, как тот отрицательно мотнул головой.

— Ладно, — устало произнес Язон. — Еще один раз.

Он подул на кости, потер их о манжету и спросил себя, кой черт его сюда занес. Судьба миллиардов кредитов решается парой игральных костей. Это же годовой доход какой-нибудь из планет поменьше. Не будь государство главным пайщиком казино, такие ставки были бы невозможны. Он долго тряс кости, тщетно стараясь восстановить свою власть над ними, наконец бросил.

Вся прочая деятельность в казино прекратилась, люди стояли на столах и стульях, устремив взгляд туда, где играл Язон. Царила мертвая тишина. Кости звучно ударились о стол и покатались по сукну.

Пятерка и единица. Теперь все зависит от следующих попыток.

Язон сгреб кости, прошептал над ними древние ругательства, приносящие счастье, и бросил снова.

Только на пятый раз выпало шесть. Толпа вздохнула вместе с ним, со всех сторон загудели голоса. Сейчас бы расслабиться, перевести дух, но Язон знал, что это исключено. Мало выиграть деньги — надо еще унести их. Причем так, чтобы не вызвать подозрений. Он остановил проходившего мимо официанта с полным подносом напитков и сунул ему в карман стокредовую бумажку.

— Я угощаю! — крикнул он, забирая поднос.

Болельщики мигом разобрали бокалы, и Язон принялся складывать на поднос фишки. Кажется, не уместятся... В эту минуту рядом с ним появился Керк с другим подносом.

— Я с удовольствием помогу вам, сударь, если позволите, — сказал он.

Язон поощрительно улыбнулся. Только теперь он смог по-настоящему рассмотреть Керка в его новом качестве. Пиррянин был одет в свободный вечерний костюм из легкой ткани пурпурного цвета, причем он явно подложил впереди что-то изображающее животик. Длинные мешковатые рукава усиливали впечатление тучности, скрывая могучие мышцы Керка. Нехитрая, но действенная маскировка.

Осторожно неся тяжелые подносы, они пробились между рядами возбужденных завсегдатаев к окошечку кассы. Их ожидал сам управляющий с вымученной улыбкой на лице. Но и эта улыбка исчезла, когда он подсчитал фишки.

— Вы не могли бы прийти завтра? Боюсь, у нас сейчас нет в наличии такой суммы.

— В чем дело? — закричал Керк. — Вздумали увильнуть? Небось, меня обчистить вам ничто не помешало! Нет уж, рассчитывайтесь!

Его поддержали болельщики, которых всегда радовал проигрыш казино. Язон быстро нашел решение.

— Ладно, я согласен уступить, — громко сказал он. — Давайте наличными, сколько можете, на остальное выпишите чек.

Выхода не было, и под бдительным надзором злорадствующей публики управляющий набил кредитками конверт, затем написал чек. Язон быстро пробежал его глазами, после чего, зажав под мышкой конверт, направился следом за Керком к двери.

В главном зале, набитом посетителями, никто их не тронул, но у выхода из казино дорогу им преградили двое.

— Минуточку, — начал один из них. Больше он ничего не успел сказать. Керк, не замедляя шага, продолжал идти вперед, а оба незнакомца отлетели в стороны, будто кегли. В следующую секунду Керк и Язон были уже на улице и быстро шагали по мостовой.

— На стоянку, — сказал Керк. — У меня там машина.

Завернув за угол, они увидели мчащийся прямо на них автомобиль. Прежде чем Язон успел выхватить пистолет, Керк шагнул вперед. Его рука взметнулась вверх, и знакомое Язону грозное оружие, прорвав рукав, буквально прыгнуло ему в ладонь. Первый же выстрел убил шофера, автомобиль вильнул в сторону и врезался в дом. Два пассажира упали замертво возле дверец, обронив свои пистолеты на землю.

Больше им никто не мешал. Керк на полной скорости погнал свою машину прочь от казино. Ветер трепал разорванный рукав костюма, обнажая кобуру с пистолетом.

— Слушай, когда будет такая возможность, — заговорил наконец Язон, — объясни мне этот фокус с пистолетом.

— Когда будет такая возможность, — ответил Керк, сворачивая в туннель, ведущий в город.

ГЛАВА 3

Дом, у которого они остановились, явно принадлежал какому-то знатному кассийцу. Пока они ехали, Язон успел пересчитать выигрыш и отложить свою долю — почти шестнадцать миллионов кредов. Прямо сказка... Когда они вышли из машины, он отдал Керку его деньги и чек.

— Вот твои три миллиарда, — сказал он. — И не думай, что они мне легко дались.

— Могло быть хуже, — услышал он в ответ.

— Сир Элл уже лег спать, — прохрипел репродуктор над дверью. — Пожалуйста, приходите утром Прием только по предварительной зап...

Фраза оборвалась на полуслове, когда Керк высадил дверь, легонько надавив на нее ладонью.

Входя, Язон посмотрел на искореженный замок и снова подивился своему партнеру: «Сила .. нет, это не просто сила... это как стихия. Похоже, его ничто не может остановить».

Его это злило и то в же время интриговало. Он сказал себе, что не отступится, пока не разузнает побольше про Керка и его планету. И про тех, кто умер ради денег, на которые он сегодня играл.

Сир Элл был человек в летах, лысеющий и сердитый. И отнюдь не привычный к тому, чтобы нарушали его покой. Впрочем, он тотчас перестал брюзжать, едва Керк бросил на стол деньги.

— Погрузка корабля закончена, Элл? Вот, получай, теперь мы в расчете.

С минуту Элл только молча щупал кредитки, потом наконец ответил:

— Корабль... а, да, конечно. Мы сразу начали погрузку, когда поступил аванс. Извините... но это как-то необычно. Мы такие сделки наличными не оформляем.

— А я предпочитаю деньги на бочку, — ответил Керк. — Авансовый чек я аннулировал, вот тут все полностью. Как насчет расписки?

Элл машинально написал расписку, потом вдруг опомнился. Крепко сжимая ее в руке, он озабоченно посмотрел на разложенные перед ним на столе три миллиарда.

— Погодите... Я не могу взять их сейчас, вам придется прийти еще раз завтра утром прямо в банк. Все как положено, — решительно заключил он.

Керк протянул руку и выдернул бумажку из пальцев Эллы.

— Благодарю за расписку, — сказал он. — Завтра утром меня здесь уже не будет, лучше поладим так. А если вы боитесь за деньги, советую вызвать кого-нибудь из заводской охраны или из частной полиции. Все-таки спокойнее.

Когда они выходили через взломанную дверь, Элл лихорадочно набирал номера на пульте своего визифона.

Прежде чем Язон открыл рот, Керк уже ответил на его очередной вопрос:

— Надо думать, ты не прочь пожить подольше, чтобы иметь возможность истратить денежки, которые выиграл. Так что я заказал два места на межпланетном корабле.

Керк глянул на часы и продолжал:

— Вылет через два часа, у нас еще куча времени. Я проголодался, поищем ресторан. Надеюсь, у тебя в гостинице не осталось ничего такого, за чем стоило бы возвращаться. Это может оказаться затруднительно.

— Ничего такого, за что стоило бы жизнь отдать, — ответил Язон. — Так где мы поужинаем? У меня к тебе есть несколько вопросов.

Спускаясь до грузового яруса, они покружили по туннелям, пока не убедились, что их никто не преследует. Наконец Керк загнал машину в какой-то темный тупик, здесь они ее и оставили.

— Мы легко добудем другую, — сказал Керк. — А эта у них, наверное, уже на примете. Пошли, вернемся на сквозную магистраль, я заметил там ресторан по пути сюда.

На стоянке темнели могучие силуэты наземных грузовозов. Язон и Керк пробрались между колесами в рост человека и вошли в шумный душный ресторан. Сидевшие за столиками водители и рабочие утренних смен не обратили на них никакого внимания; они высмотрели тихий закуток и набрали заказ на круглом диске.

Керк отрезал от солидной порции мяса хороший кусок и бодро сунул его себе в рот.

— Ну, задавай вопросы, — сказал он. — Теперь я готов отвечать.

— За какой корабль ты рассчитывался? Что это за груз, из-за которого я рисковал своей головой?

— Мне показалось, что ты рисковал из-за денег, — парировал Керк. — Но можешь не беспокоиться, речь идет о добром деле. От этого груза зависит жизнь целого мира. Оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и все такое прочее.

Язон чуть не подавился:

— Контрабанда оружия? Ты что, небольшую войну финансируешь? А еще толкуешь о жизни — это с таким-то грузом! Только не говори мне, что он предназначен для мирных целей. Кого вы убиваете?

Добродушие покинуло лицо седого богатыря; теперь оно выражало хорошо знакомую Язону непреклонность.

— Что ж, выражение «мирные цели» вполне подходит. По существу, мы только к этому и стремимся — жить в мире. И мы убиваем не «кого», а «что».

Язон сердито отодвинул тарелку.

— Ты говоришь загадками. Я не вижу никакого смысла в твоих словах.

— Смысл есть. Правда, только на одной планете во всей вселенной. Что ты знаешь о Пирре?

— Ровным счетом ничего.

Взгляд Керка стал отсутствующим, было очевидно, что его мысли унеслись куда-то очень далеко. Затем он продолжал:

— Пирр и человек — несовместимые вещи. И однако люди живут на нем уже около трехсот лет. Средняя продолжительность жизни у нас там — шестнадцать лет. Конечно, большинство взрослых живет дольше, но на средней цифре сказывается высокая детская смертность. Это совсем не гуманоидный мир. Сила тяжести вдвое больше нормальной. Температура за день колеблется от арктической до тропической. Климат... его надо испытать на себе, чтобы представить. Во всей галактике не найдешь ничего подобного.

— Как ты меня напугал, — невозмутимо сказал Язон. — Какая у вас газовая оболочка? Метан? Хлор? Бывал я на таких планетах...

Керк ударил кулаком по столу. Тарелки подскочили, ножи стола жалобно скрипнули.

— Лабораторные реакции! — рявкнул он. — Куда как эффективно в химическом кабинете, но ты попробуй представить себе целую планету с такими газами! Одно галактическое мгновение, и вся мерзость связана в безобидных стальных соединениях. Атмосфера может быть ядовитой для кислородного организма, а в остальном не опаснее разбавленного пива. Если хочешь знать, для планеты только одно сочетание является чистым ядом. Побольше аш-два-о, самого универсального растворителя на свете, плюс свободный кислород...

— Вода и кислород? — перебил его Язон. — Ты подразумеваешь Землю? Или что-нибудь вроде Кассилии? Это же абсурд.

— Ничего подобного. Ты сам родился в такой среде, оттого она и кажется тебе естественной и нормальной. Ты привык, что металлы должны окисляться, а берега разрушаться, привык, что грозы мешают радиосвязи. Обычная история для водно-кислородных миров. Да только на Пирре все это возведено в энную степень. Ось планеты наклонена под углом около сорока градусов, и колебания температур в году огромные. Это одна из главных причин, почему все время изменяется ледяной покров. И получаются такие перемены погоды, что никакими словами не описать.

— Если это все, — сказал Язон, — я не понимаю...

— Все? Это только начало. Моря и океаны — вот тебе еще разрушительный фактор, даже два. Во-первых, испарения, которые поддерживают мощные ветры, во-вторых, чудовищные приливы. Два спутника Пирра, Самас и Бессос, когда их притяжение

складывается, могут нагнать приливную волну высотой до тридцати метров. Кто не видел, как такая волна захлестывает действующий вулкан, тот вообще еще ничего не видел. Нас привели на Пирр тяжелые элементы, и по милости этих же элементов планета напоминает кипящий котел. Если взять ее ближайшее звездное окружение, в нем было не меньше тринадцати сверхновых, и, конечно, на большинстве из этих планет можно найти тяжелые элементы. И впридачу — непригодную для дыхания газовую оболочку. Чтобы по-настоящему, всерьез вести горные работы и добывать руду, нужно постоянное, вполне самостоятельное поселение. Вот почему мы остановились на Пирре, где радиоактивные элементы образуют ядро планеты и покрыты оболочкой из более легких элементов. Это обеспечило пригодную для человека атмосферу, но, с другой стороны, не прекращается вулканическая деятельность, ведь расплавленная плазма прорывается на поверхность.

Язон молча слушал, пытаясь представить себе жизнь на планете, которая, можно сказать, непрерывно сражалась сама с собой.

— Но самое приятное я приберегу на десерт, — сказал Керк с мрачным юмором. — Теперь, когда ты получил представление о среде, вообрази, какие организмы в ней обитают. Сомневаюсь, чтобы на других планетах нашелся хотя бы один вид, который проживет там больше минуты. На Пирре что растения, что животные — это же чистые гангстеры. Они без конца сражаются с родной планетой и друг с другом. Сотни тысяч лет генетического отбора создали такие штуки, что электронную вычислительную машину жуть возьмет. Бронированные, ядовитые, сплошные когти и щупальца. Это относится ко всему, что ходит, летает или просто сидит на месте. Видел ты когда-нибудь растение с зубами? Растение, которое кусается? Думаю, что и не захочешь увидеть. Потому что для этого надо попасть на Пирр, а там едва ты успеешь выйти из корабля, как можно заказывать гроб. Мне и то придется пройти переподготовку, прежде чем выходить из космопорта. Борьба за существование заставляет организмы непрерывно конкурировать и изменяться. Умереть в этой борьбе куда как просто, а вот способов убить столько, что всех и не перечислишь.

Казалось, широкие плечи Керка поникли под тяжестью забот. Наконец он встряхнулся, как бы сбрасывая это бремя, и снова принялся за ужин. Собирая хлебом подливку, он поделился вслух своими мыслями:

— Логически у нас вроде бы нет причин оставаться на Пирре и вести войну, которой не видно конца. Конечно, если не считать того, что Пирр — наша родина.

Керк проглотил последний кусок хлеба с подливкой и заключил, указывая вилкой на Язона:

— Скажи спасибо, что ты не пиррянин и никогда не увидишь Пирр.

— Вот тут-то ты и ошибся, — возразил Язон, стараясь говорить возможно хладнокровнее. — Дело в том, что я полечу с тобой.

ГЛАВА 4

— Не болтай вздора, — сказал Керк, заказывая вторую порцию жаркого. — Есть куда более простые способы покончить с собой. Ты забываешь, что стал миллионером. С твоими деньгами ты можешь до конца жизни предаваться отдыху на курортных планетах. Пирр — планета смерти, а не достопримечательность для пресыщенных туристов. Я не могу позволить тебе лететь со мной туда.

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. Язон основательно разозлился. Но внешне это проявлялось, так сказать, со знаком «минус»: его лицо было совершенно бесстрастным, голос — предельно спокойным.

— Не учи меня, что мне можно, а чего нельзя, Керк Пирр. Ты сильный человек и ловкий стрелок, но это еще не дает тебе права распоряжаться мной. В крайнем случае ты можешь помешать мне лететь на твоём корабле. Но что мне стоит найти другой способ? И нечего изображать меня туристом, ведь ты не знаешь, какие соображения влекут меня на Пирр.

Язон не стал объяснять, что это за соображения. Во-первых, он еще сам в них не до конца разобрался, во-вторых, ему не хотелось раскрывать душу. Чем больше он путешествовал, тем меньше разницы видел. Старые цивилизованные планеты все на одно лицо, сплошная скука. Пограничные миры — однообразный примитив, что-то вроде временных лагерей в лесу. Нельзя сказать, чтобы все галактики ему опостытели. Просто он исчерпал их возможности, а себя еще не исчерпал. До знакомства с Керком Язон не встречал никого, кто превзошел бы его самого или мог хотя бы равняться с ним. Это было вовсе не самомнение, а голый факт. И вот он стоит перед новым фактом: похоже, что есть целый народ, который превосходит его. Язон знал, что не сможет спать спокойно, пока не побывает там и не убедится в этом своими глазами. Даже если это будет стоить ему жизни.

Но разве скажешь об этом Керку? Он лучше поймет другие аргументы.

— Вот ты не хочешь пускать меня на Пирр, — сказал Язон. — А ты сперва подумай. Я не буду говорить о том, что ты мне обязан, потому что я выиграл нужные тебе деньги. Но ты подумай о следующем разе. Сейчас тебе понадобилась уйма всякого оружия, может, и снова понадобится. Так не лучше ли иметь под рукой испытанного и верного товарища, чем изобретать какой-нибудь новый ход, который еще может подвести?

Керк задумчиво уписывал вторую порцию мяса.

— Что ж, в этом есть смысл. По правде говоря, мне это в голову не пришло. Такой уж изъян у нас, жителей Пирра, — мало думаем о будущем. День прожить — и то задача. Проблемы решаем, когда возникнут, далеко вперед не заглядываем. Можешь лететь со мной. Авось еще будешь жив, когда нам понадобится. Как посланник Пирра на этой и других планетах официально приглашаю тебя. Все расходы за наш счет. При условии, что ты неукоснительно будешь выполнять все наши указания по поводу твоей личной безопасности.

— Условия приняты, — сказал Язон. И спросил себя, отчего это он с такой радостью подписывает свой смертный приговор.

Керк расправлялся уже с третьей порцией десерта, когда его часы тихонько зажужали. Он немедленно отбросил вилку и встал.

— Пора, — сказал он. — Нам надо выдерживать график.

Язон тоже встал из-за стола, тем временем Керк сунул в автомат положенное количество монет в уплату за ужин. Загорелась надпись «Уплачено», и они быстро вышли из ресторана.

Язон ничуть не удивился, когда за углом они ступили на межъярусный эскалатор. Он уже сообразил, что после казино каждый их шаг был рассчитан заранее. Можно не сомневаться, что объявлена тревога и их разыскивают по всей планете. Тем не менее пока не видно никаких признаков преследования. Язону и прежде доводилось спасаться от блюстителей закона, опережая их, что называется, на один ход, но впервые его при этом вел за ручку кто-то другой. Он улыбнулся собственной покорности. Столько лет сражался в одиночку, что теперь даже приятно кому-то подчиняться.

— Живей, — буркнул Керк, снова взглянув на часы, и побежал вверх по эскалатору так, что только поспевай.

Они пробежали пять пролетов, ни встречных, ни догоняющих не было, наконец Керк утомился и предоставил эскалатору выполнить всю работу.

Язон был доволен своей физической формой. Правда, такое быстрое восхождение после бессонной ночи сделало свое, он

взмок и тяжело дышал. А Керку хоть бы что — лоб сухой, дышит ровно...

На втором автоярусе Керк сошел с медленно ползущей лестницы и жестом позвал Язона за собой. В ту самую секунду, когда они очутились на улице, прямо перед ними около тротуара остановилась машина. Здравый смысл подсказал Язону, что хвататься за пистолет не надо. Открылась дверца, водитель вышел. Керк молча вручил ему полоску бумаги и сел за руль. Язон едва успел вскочить в кабину, как машина рванула с места. Вся процедура отняла не больше трех секунд.

В тусклом свете Язон не смог как следует присмотреться к шоферу, однако он и без того узнал его. Нет, они никогда не встречались прежде, но после знакомства с Керком Язон где угодно определил бы пирянина по атлетической фигуре.

— Ты дал ему расписку Элла? — спросил он.

— Точно. Можно быть спокойным за корабль и груз. Они будут достаточно далеко, пока кассийцы проследят путь чека от казино до Элла. А теперь позаботимся о себе. Я объясню тебе все подробно, чтобы ты потом не дал маху. Слушай внимательно, и если будут вопросы, задашь их, когда я кончу говорить.

Это было сказано так категорично, что Язон безропотно подчинился. Хотя про себя не без улыбки подумал о том, как быстро Керк отнес его в разряд сосунков.

Они свернули, вливаясь в поток транспорта, направляющийся к космодрому. Керк легко вел машину и объяснял:

— В городе объявлен розыск, но мы опережаем противника. Я уверен, что кассийцы не захотят портить себе марку на всю вселенную и не станут перекрывать дороги. Но космодром, конечно, уже кишит их людьми. Если деньги уйдут с планеты, их уже не вернешь, они это знают. И когда мы пойдем напролом, они будут уверены, что деньги еще при нас. Тогда корабль с боеприпасами уйдет без всяких помех.

Язон слегка опешил:

— Это как же, ты хочешь, чтобы мы, как говорится, приняли огонь на себя и прикрыли вылет транспортного корабля?

— Можно и так выразиться. Но ведь нам все равно надо убираться отсюда, так почему не превратить наше бегство в дымовую завесу? А теперь помолчи, пока я не закончу, понял? Еще раз перебешь, я тебя высажу.

Язон в этом ничуть не сомневался. Внимательно и молча он выслушал, как Керк повторил все сначала и заключил:

— Служебный въезд, наверное, будет открыт. И за каждой машиной будут наблюдать агенты в штатском. Может быть, нам

даже удастся проникнуть на территорию неузнанными, в чем я сильно сомневаюсь. Это неважно. Мы проедем через ворота прямо к стартовой площадке. У нас билеты на «Гордость Дархана», за две минуты до взлета он сигналил и отцепляет трап. Мы занимаем свои места, и корабль тут же взлетает.

— Это все очень здорово, — сказал Язон. — А что в это время делает охрана?

— Стреляет в нас и друг в друга. А мы воспользуемся неразберихой — и в корабль.

Нельзя сказать, чтобы его ответ успокоил Язона. Ну да ладно...

— Хорошо, допустим, мы пробрались на корабль. А что помешает им задержать старт, пока нас не вытащат и не поставят к стенке?

Керк на миг оторвал глаза от дороги, чтобы бросить на него презрительный взгляд.

— Я же сказал тебе, что корабль называется «Гордость Дархана». Если бы ты знал хоть что-нибудь об этой планетной системе, тебе сразу все было бы ясно. Кассилия и Дархан — так сказать, планеты-сестры, и они во всем соперничают между собой. Лет двести назад, даже меньше, они схватились так, что обеим чуть конец не пришел. Теперь между ними вооруженный до зубов нейтралитет, и ни одна из сторон не смеет его нарушать. Как только мы ступим на борт корабля, мы окажемся на дарханской территории. Соглашения о выдаче у них нет. И как бы ни хотелось Кассилии нас заполучить, все же не настолько, чтобы затевать новую войну.

Дальше объяснять было некогда, Керк вывел машину из общего потока и свернул на эстакаду с объявлением «Для служебных машин». Под резким светом фонарей у ворот, к которым они приближались, Язон почувствовал себя обнаженным. Ворота были закрыты. С другой стороны появилась встречная машина, и Керк сбавил ход. Один из охранников что-то сказал водителю, потом сделал знак дежурному, и створки ворот стали раскрываться внутрь. В ту же секунду Керк выжал до отказа акселератор.

Все произошло молниеносно. Турбина взвыла, покрышки взвизгнули, и машина с ходу распахнула ворота. Язон успел заметить ошеломленные лица охранников, в следующую секунду оба они юркнули за угол будки. Вдогонку машине грянуло несколько выстрелов, но пули просвистели далеко в стороне.

Ведя одной рукой, Керк другой достал из-под приборной доски пистолет — копию чудовища, которое лежало в его кобуре.

— Держи взамен своего, — сказал он. — Пули реактивные. Грому от них... Не старайся в кого-нибудь попасть, это я беру на

себя. Просто попугай их немного, чтобы держались подальше. Вот так.

Он быстро выстрелил в боковое окошко и бросил пистолет Язону чуть ли не раньше, чем пуля поразила цель. Пустой грузовик взлетел на воздух, обрушив на соседние машины град обломков и заставив водителей броситься врассыпную.

Кошмарный рейд через сумасшедший дом... Керк гнал машину с явным презрением к смерти. Преследующие машины заносило на отчаянных виражах. Едва ли не все стартовое поле Керк и Язон прошли на двух колесах, оставляя за собой дымящийся хаос.

И вот уже погоня далеко позади, а впереди — только стройный шпиль «Гордости Дархана».

Посланец соперничающей планеты, само собой разумеется, был окружен крепкой проволочной изгородью. Закрытые ворота охранялись солдатами, которые уже изготовились к стрельбе. Но они напрасно ждали. Керк погнал машину прямо на ограду.

— Береги лицо! — крикнул он. Язон закрыл руками голову в ту самую секунду, когда они врезались в изгородь. Пронзительно заскрежетал металл, проволока прогнулась и опутала машину, но все же устояла. Язона сорвало с сиденья и бросило на приборную доску; хорошо, что амортизаторы смягчили удар. Когда Керк выломал дверцу, Язон уже решил, что путешествие окончено. Должно быть, Керк увидел его закатившиеся глаза, потому что он, не говоря ни слова, выдернул Язона из кабины и толкнул на изуродованный капот.

— Лезь через проволоку и бегом к кораблю! — заорал он и для полной ясности сам показал пример.

Просто непостижимо, как этот тяжеловес мог развить такую скорость. Он мчался, будто атакующий танк. Язон потрянул головой, разгоняя мглу, и тоже набрал приличный ход, однако он был только на полпути к кораблю, когда Керк вскочил на трап. Рабочие уже отцепили трап, но озадаченно остановились, когда плечистый атлет затопал по ступенькам.

На верхней площадке Керк повернулся и начал стрелять по солдатам, которые ворвались в распахнутые ворота. Те сразу залегли и открыли ответный огонь, сосредоточив почти все свое внимание на Керке. Бегущему Язону казалось, что он видит замедленное кино. Керк спокойно отстреливался, стоя под градом пуль. Люк корабля свободен, ничего не стоит укрыться, но Керк продолжал прикрывать Язона.

— Спасибо, — выдохнул Язон, одолевая последние ступеньки и обессиленно ныряя в люк.

— Добро пожаловать! — сказал Керк, входя следом и помахи-
вая в воздухе пистолетом, словно он остужал его.

Хмурый офицер, который стоял в сторонке, чтобы его не за-
дела шальная пуля, смерил их взглядом и пробурчал:

— Ну и как это все надо понимать?

Керк поплевал на палец, потрогал ствол пистолета и вернул
его в кобуру.

— Мы законопослушные граждане другой планетной систе-
мы, ничего преступного не совершили. Но эти кассилийцы — ди-
кари какие-то, цивилизованному человеку с ними просто невоз-
можно иметь дело. И мы решили улететь на Дархан, вот наши
билеты. Насколько я понимаю, мы теперь находимся на суверен-
ной территории Дархана?

Последнее было сказано специально для кассилийского офи-
цера, который в эту минуту появился на верхней площадке трапа
и выхватил свое оружие. Его можно было понять. Два разыскива-
емых преступника ускользали от него. И к тому же на дарханском
корабле! Ярость ударила ему в голову, и он прицелился.

— А ну выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было!
Руки вверх, и пошли, не то живо на тот свет отправлю...

Время остановилось, и казалось, этому мгновению никогда не
будет конца. Керк и Язон неподвижно глядели на направленный
на них пистолет.

Дарханский офицер шагнул в сторону, и оружие кассилийца
дернулось было следом за ним, но тут же снова нацелилось на
беглецов. Дарханец сделал только один шаг, но этого было до-
статочно, чтобы он очутился рядом с вмонтированной в переборку
красной коробкой. Быстрым движением руки он отворил крыш-
ку и поднес большой палец к расположенной внутри кнопке. Гу-
бы дарханца растянулись в улыбке, больше напоминающей оскал.
Он принял решение, подсказанное ему бесцеремонностью касси-
лийского офицера.

— Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту
кнопку! — крикнул он. — Вы знаете, что это за кнопка, на ваших
кораблях стоят точно такие же. Малейший враждебный акт про-
тив корабля — и кнопка будет нажата. Через секунду из реактора
будут вынуты все регулирующие стержни, корабль взлетит на воз-
дух — и половина вашего паршивого города вместе с ним.

Его улыбка, словно высеченная в камне, не оставляла никако-
го сомнения в том, что он выполнит свою угрозу.

— Ну, стреляйте, чтобы я мог нажать кнопку!

Завыла стартовая сирена, сердито замигала команда капита-
на: «Заккрыть люк» Еще секунду четыре человека смотрели друг

на друга, будто персонажи из жестокой драмы. Наконец кассилиец, взыв от бессильной злобы, повернулся и побежал вниз по трапу.

— Все пассажиры на борту. Сорок пять секунд до старта. Очистить площадку! — прозвучал голос дарханца.

Одновременно он закрыл коробку и запер крышку. Керк и Язон едва успели лечь на перегрузочные лежа, как «Гордость Дархана» оторвался от платформы.

ГЛАВА 5

Как только корабль вышел на орбиту, капитан пригласил Язона и Керка. Керк взял слово и рассказал начистоту о том, что произошло ночью. Он умолчал только о том, что Язон профессиональный игрок. Нарисовал очаровательный портрет двух удачливых иностранцев, у которых злые кассилийцы задумали отнять честно выигранные деньги.

Его рассказ превосходно согласовался с представлением капитана о Кассилии. Кончилось тем, что командир корабля вынес благодарность своему офицеру за правильные действия и принялся готовить пространный доклад начальству. А Керку и Язону он пожелал всякого успеха и предложил им чувствовать себя на борту как дома.

Перелет до Дархана длился недолго, Язон не успел даже выспаться. Так как у Керка с Язоном не было никакого багажа, они первыми прошли через таможню. Выходя из здания, они увидели, как поодаль приземляется другой корабль. Керк остановился, наблюдая посадку, и Язон последовал его примеру.

Корабль был серый, изборожденный рубцами. Обводы, как у транспортника, но пушек не меньше, чем у крейсера.

— Это, конечно, твой, — заметил Язон.

Керк кивнул и направился к транспортному кораблю. Когда они подошли, открылся люк, однако никто не стоял в проеме, только автоматический трап со стуком дотянулся до земли. Грузный Керк живо вспорхнул по нему, и Язон утрюмо вскарабкался следом, говоря себе, что эти ребята с Пирра, пожалуй, переигрывают. Простота простотой, но все же...

Впрочем, усвоить пиррянские нравы было несложно. И Язон уже не удивился, когда увидел, что и внутри корабля посла ожидал такой же прием. Никого. Керк сам задрал люк, и под звуки стартовой сирены они устроились на лежах. Взрели рабочие двигатели, и на Язона навалилась перегрузка.

Он ждал, когда же она кончится, а она становилась все сильнее, выжимая воздух из легких, ослепляя его. Язон закричал, но из-за гула в ушах не расслышал собственного голоса. Обморок избавил его от дальнейших мук.

Когда он пришел в себя, на корабле уже царила невесомость. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, ощущая, как боль постепенно отпускает его. Вдруг совсем рядом раздался голос Керка:

— Это я виноват, Мета. Надо было предупредить тебя, что у нас на борту непривычный пассажир. А то ты всегда рвешь с места, так что кости трещат.

— У него как будто все кости целы... Но что он тут делает?

Язон слегка удивился, услышав, что говорит девушка. Впрочем, не настолько, чтобы поднять налитые болью веки.

— Летит на Пирр. Я, понятно, старался его отговорить — не вышло, уперся. Жаль, конечно, ведь я вроде в долгу перед ним. Это он добыл деньги для нас.

— Это ужасно, — сказала девушка.

«Что тут ужасного? — спросил себя Язон. — Не понимаю».

— Лучше бы он остался на Дархане, — продолжала она. — Он симпатичный. Досадно, что ему придется умереть.

Тут Язон не выдержал. Сделав над собой усилие, он открыл сперва один глаз, затем другой. Голос принадлежал девушке лет двадцати — двадцати двух. Она стояла рядом с ложем и смотрела вниз, на Язона. У нее было красивое лицо.

Он раскрыл глаза еще шире, когда разобрал, что она не просто, а очень красива — особой красотой, которой Язон никогда не встречал на центральных планетах. Он привык к другим женщинам: бледная кожа, покатые плечи, серые лица, раскрашенные гримом. Продукт многовекового искусственного отбора с акцентом анемичности; такое развитие оказалось возможным после того, как медицина научилась сохранять жизнь обреченным, с точки зрения эволюции, типам.

Эта девушка во всех отношениях была прямой противоположностью им. Она представляла собой продукт борьбы за существование на Пирре. Высокая гравитация, снабдившая мужчин могучей мускулатурой, налила силой и женские мышцы. Упругая фигура богини, бронзовая кожа, безупречный овал лица. Коротко подстриженные волосы обрамляли голову золотым венцом.

Неженственной была лишь пристегнутая к предплечью массивная кобура. Увидев, что Язон открыл глаза, она улыбнулась ему. Белизна ее безупречных зубов вполне оправдала его ожидания.

— Я Мета, пилот этого корабля. А вы, как я понимаю...

— Язон динаАльт. Ну и взлет у вас, Мета!

— Извините. Честное слово, — рассмеялась она, — у того, кто родился на нашей планете, своего рода иммунитет к перегрузкам. К тому же синергическая траектория сберегает горячее...

Керк хмыкнул:

— Ладно, Мета, пошли, посмотришь груз. Там есть такие новинки, сразу закроем все бреши в Периметре.

— Пошли скорей! — Она чуть не захлопала в ладоши от радости. — Я заглянула в спецификацию, это же просто прелесть.

«Совсем как школьница, которой подарили новое платье. Или коробку конфет. Надо же радоваться так... бомбам и огнеметам!»

Язон криво усмехнулся и со скрипом поднялся на ноги. Керк и Мета уже вышли, и он, морщась от боли, протиснулся в дверь следом за ними. Язон не сразу отыскал трюм. Корабль был большой, а команды не видно. Наконец он в одной из ярко освещенных кают обнаружил спящего человека. Это был водитель, который передал им машину на Кассилии. Он тотчас открыл глаза, словно и не спал крепким сном за секунду до этого.

— Как пройти в грузовой отсек? — спросил Язон.

Пиррянин ответил, закрыл глаза и снова уснул, прежде чем Язон успел поблагодарить.

Керк и Мета уже успели вскрыть несколько ящиков и буквально захлебывались от восторга, рассматривая смертоносный груз. Мета держала в руках канистру с распылителем; заметив Язона, она повернулась к нему.

— Вы только поглядите на эту штуку! Этот порошок, которым она заряжена, — его хоть ешь, ничего не будет. А все формы растительной жизни он убивает мгновенно...

Она запнулась, видя, что Язон отнюдь не разделяет ее ликования.

— Простите. Я как-то забыла, что вы не пиррянин. Вам не совсем понятно, о чем речь?

Он не успел ответить, как включилась система оповещения и чей-то голос позвал Мету.

— Переход на новую программу, — сказала она. — Идемте со мной на мостик, я займусь уравнениями, а заодно поговорим. Я ведь, кроме Пирра, почти нигде и не бывала, у меня к вам тысяча вопросов.

На мостике Мета сменила вахтенного офицера и принялась готовить данные для ОХР — особого ходового режима. Как-то странно было видеть среди электронной аппаратуры ее плотную, но гибкую фигурку в облегающем скафандре. Но с работой она явно справлялась.

— Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

— Я? — Она призадумалась. — Правду говоря, я не знаю, какой возраст положен для пилотов. Скоро три года, как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта?

Язон открыл рот и рассмеялся:

— Должно быть, все зависит от того, с какой ты планеты. Кое-где вам было бы непросто получить свидетельство. Но на Пирре, разумеется, все иначе. Там вы, наверное, уже в старушках ходите?

— Это вы, конечно, шутите, — спокойно сказала Мета, набирая очередную цифру. — Я видела старушек на некоторых планетах. Морщинистые, с седыми волосами. Не знаю, сколько им было лет, я спросила одну, но она не захотела говорить. Во всяком случае, она была намного старше любого жителя Пирры, у нас таких лиц не увидишь.

— Я не это хотел сказать. — Язон искал нужное слово. — Не старая, конечно, а взрослая, в зрелом возрасте.

— У нас все взрослые. Вернее, как перестают нуждаться в присмотре, так и взрослые. Это, значит, лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый, и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что я уж точно взрослая.

Коротко и ясно. Для нее — а у Язона слова Меты, за которыми он угадывал необычную обстановку со своими понятиями и нормами, вызвали полную сумятицу в голове.

Мета закончила перфорацию программы, дождалась, когда машина начала выдавать ленту с данными для нового курса, и опять повернулась к Язону.

— Я рада, что вы летите с нами, жаль только, что на Пирр. Но у нас еще будет много времени поговорить, а мне столько всего хочется узнать! Про другие планеты. И почему тамошние люди так себя ведут. Совсем не так, как наши. У нас мне понятны поступки каждого человека.

Перфолента на секунду отвлекла внимание Меты, но тут же она опять перевела взгляд на Язона.

— Расскажите о своей планете.

Язон мысленно перебрал басни, которыми обычно потчевал посторонних, и все забраковал. Какой смысл врать девушке, которой решительно все равно — холоп ты или аристократ? Для нее в галактике есть только два рода людей: пирряне и все остальные.

Впервые с тех пор, как Язон бежал с Поргорсторсаанда, он решил сказать правду о своем происхождении.

— Моя планета? Самый нудный и паскудный медвежий угол во всей вселенной. Кто не был там, тот не может себе представить, что значит загнивающий аграрный мир с сословным деле-

нием, весьма довольный своим бесцветным существованием. Никаких перемен, больше того — никто их не хочет! Мой отец был фермером, и я тоже стал бы фермером, если бы послушался старших. Они даже мысли не допускали о том, что я могу заняться чем-то другим. А все мои мечты и желания шли вразрез с установленными порядками. Читать я научился только в пятнадцать лет, да и то по книге, которую украл в привилегированной школе. Дальше так и пошло. К девятнадцати годам, когда я удрал «зайцем» на корабле с планеты, не было того закона, который я не успел нарушить. И с каким удовольствием я их нарушал! Покинуть родную планету для меня было все равно что вырваться из тюрьмы на волю.

Мета покачала головой.

— Просто не могу себе представить такого мира. Знаю только, что мне бы там не понравилось.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Язон. — Ну вот, вырвался я в космос — без профессии, не приученный ни к какому делу, то тут, то там приткнешься... В наш технологический век я никак не мог найти себе места. Конечно, можно было пойти на военную службу, но уж очень я не люблю, когда мной командуют. А тут я заметил, что мне везет в азартных играх, так мало-помалу и втянулся. Люди-то везде одни и те же, так что я всюду неплохо устраиваюсь.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, когда говорите, что люди везде одни и те же. И все-таки они такие разные... Я не очень толково объясняю, да? Я хочу сказать, что дома я всегда знаю, как человек поступит и почему. И на других планетах тоже люди ведут себя в общем одинаково, как вы и говорите, но мне трудно бывает их понять. Ну вот, например... Когда мы куда-нибудь прилетаем, мне нравится пробовать местную пищу, и, если есть время, я иду в бар или, скажем, в ресторан. Их всегда можно найти около каждого космодрома. И каждый раз у меня какие-нибудь неприятности с мужчинами. Они непременно хотят угостить меня вином, подержать за руку.

— Что ж, в таких заведениях одинокая девушка должна быть готова к тому, чтобы стать предметом внимания со стороны мужчин.

— Это я понимаю, — сказала Мета. — Мне непонятно другое: почему они не слушают, когда я говорю, что не хочу знакомиться, и прошу отойти от меня. Они только смеются в ответ и продолжают приставать. Но я нашла одно безошибочное средство. Я говорю такому человеку, что сломаю ему руку, если он не оставит меня в покое.

— И это помогает? — спросил Язон.

— Конечно, нет. Но когда в самом деле сломаешь ему руку, он наконец отстает. И уже тогда другие ко мне не подходят. А главное, все это беспокойство зря, потому что еда чаще всего отвратительная.

Язон воздержался от смеха. Тем более что эта девушка в самом деле была способна сломать руку любому из тех висельников, которых хватает в каждом космопорту. В ней странным образом сочетались простодушие и сила, ничего подобного он еще не встречал. И Язон больше прежнего утвердился в своем стремлении побывать на планете, рождающей таких людей, как Керк и Мета.

— Расскажите мне про Пирр, — попросил он. — Почему вы с Керком так уверены, что я упаду замертво, как только мы приземлимся? В чем дело?

Ее лицо сразу посуровело.

— Этого я не сумею рассказать. Вы должны сами убедиться. Я поняла это после того, как побывала на других планетах. Пирр не похож ни на что во всей Галактике. И что бы я ни говорила, вы не поверите, пока не будет поздно. Обещайте мне одну вещь.

— Нет, — ответил Язон. — Во всяком случае, я должен сперва услышать, в чем дело.

— Оставайтесь на корабле, когда мы сядем. На борту вам ничего не грозит, а я через несколько недель опять повезу груз.

— Отсиживаться в корабле? И не подумаю.

Язон понимал, что предложение Меты обоснованно, но ее менторство вызывало в нем протест.

Мета молча закончила расчет особого ходового режима. Между ними возникло напряжение, которое исключало дальнейший диалог.

Язон увидел ее только на следующий день, да и то совершенно случайно. Войдя в астронавигационную рубку, он обнаружил, что она стоит там и смотрит через прозрачный купол в мерцающую искрами черноту. До сих пор Язон видел Мету только в форме, теперь она стояла в мягком одеянии из облегающей тело блестящей ткани.

Она улыбнулась ему.

— До чего звезды хороши! Посмотрите.

Язон подошел к ней и поднял голову вверх. Причудливые небесные узоры при особом ходовом режиме были ему хорошо знакомы и все-таки волновали душу. Тем более теперь.

Присутствие Меты создавало совершенно особую атмосферу в темной рубке. Ее запрокинутая голова касалась его плеча, волосы заслонили часть неба и ласкали его обоняние своим запахом.

Руки Язона непроизвольно обняли ее и ощутили тепло плотного тела под тонкой тканью. Судя по тому, что Мета накрыла его пальцы своими ладонями, она не была возмущена.

— Ты улыбаешься, — сказала она. — Ты тоже любишь звезды?

— Очень люблю, — ответил он. — Но... мне вспомнился твой рассказ. Ты не сломаешь мне руку, Мета?

— Конечно, нет, — серьезно произнесла она, потом улыбнулась ему. — Ты мне нравишься, Язон. Хотя ты не пиррянин, ты мне очень нравишься. И я устала от одиночества.

Она посмотрела на него в упор, и он поцеловал ее. Мета ответила на его поцелуй без напускной стыдливости.

— Моя каюта тут рядом, — сказала она.

ГЛАВА 6

С того дня они редко разлучались. Когда Мета несла вахту, Язон приносил ей еду на мостик, и они разговаривали. К тому, что он успел узнать о ее планете, мало что добавилось; по молчаливому соглашению они не касались больше этой темы. Зато он много рассказывал о местах, где бывал, о людях, которых встречал. Она была благодарной слушательницей, и время летело быстро. Им было хорошо вместе. Словом, перелет проходил чудесно. И вот он подошел к концу. На борту было четырнадцать человек, но Язон ни разу не видел больше двоих-троих одновременно. Люди работали по строгому графику. Свободные от вахты были поглощены делами и не стремились к общению. Лишь после того, как корабль с особого ходового режима перешел на обычный и динамики системы оповещения рывкнули «сбор», все собрались вместе.

Керк отдавал распоряжения, касающиеся посадки, звучали вопросы и ответы. Это был чисто технический разговор, и Язон не очень прислушивался. Зато он внимательно присматривался к поведению пиррян. Они теперь и говорили, и двигались порывисто, словно солдаты, готовящиеся к бою.

Впервые ему бросилось в глаза, как они схожи между собой. Сходство выражалось не во внешности и не в подобии действий, а в их движениях и реакциях. Сейчас они напоминали больших кошек, выслеживающих добычу. Упругая походка, постоянная готовность к прыжку, глаза беспокойно рыскают, мышцы напряжены...

После совещания Язон попытался заговорить с Метой, но ее словно подменили. Она отвечала односложно, и он никак не мог поймать ее взгляда. Ей было не до него, да и у него не было к ней никаких существенных дел, и Мета пошла к выходу. Язон

протянул было руку, чтобы задержать ее, но передумал. Еще будет время поговорить.

Один Керк проявил к нему внимание, это выразилось в том, что он приказал Язону занять место на амортизирующем ложе.

Посадки у Меты оказались похлеще взлетов. Во всяком случае, когда она садилась на Пирре. Неожиданные ускорения дергали Язона во все стороны. Потом началось свободное падение, и казалось, ему не будет конца. Что-то тяжелое било по корпусу, сотрясая весь корабль. Это больше походило на битву, чем на посадку. Язон даже слегка встревожился.

Самый миг приземления он пропустил. Пиррянские два G он воспринял как торможение, и только стихающий вой двигателей убедил его, что перелет закончен. С непривычки ему пришлось поднатужиться, чтобы расстегнуть ремни и сесть.

А вообще-то двойное тяготение оказалось не таким уж страшным. Во всяком случае, на первых порах. Словно несешь груз, равный твоему собственному весу. Подойдя к двери, Язон поднял руку — она была вдвое тяжелее обычного. Он вышел в проход и побрел к главному люку.

Здесь уже собралась вся команда. Двое выкатывали из ближайшего отсека какие-то прозрачные цилиндры. По глухому звону и по тому, как тяжело катились цилиндры, Язон понял, что они металлические. Но для чего они? Пустые вместилища около метра в поперечнике, длиной больше человеческого роста. Один конец сплошной, на другом — запирающаяся крышка. Смысл конструкции стал ясен Язону лишь после того, как Керк повернул запорное колесо и откинул крышку одного цилиндра.

— Полезай. Закроем, потом тебя вынесут.

— Спасибо, не стоит, — возразил Язон. — У меня нет никакого желания являться на твою планету в виде сосиски в консервной банке.

— Не говори вздора, — оборвал его Керк. — Нас всех вынесут в таких цилиндрах. Мы слишком долго отсутствовали, чтобы выходить на Пирр без переподготовки.

Язону стало как-то неловко, когда он увидел, как все забираются в контейнеры. Подойдя к ближайшему цилиндру, он влез в него ногами вперед, закрыл за собой крышку и затянул центральный винт, так что края плотно прижали упругую прокладку. Когда концентрация углекислоты в контейнере возросла, загудел регенератор воздуха.

Керк последним занял место в контейнере. Сперва он проверил крышки на остальных цилиндрах и толкнул рубильник, отключающий блокировку переходной камеры. Как только начало

выравниваться давлением, он быстро нырнул в оставшийся контейнер. Медленно отворились оба люка, и в корабль просочился дневной свет, приглушенный завесой дождя.

Дальше последовало сплошное разочарование. Язон так волновался, так готовился — а для чего? Долго тянулось томительное ожидание, наконец подъехал маленький грузовик, и водитель перенес цилиндры в кузов, будто неодоушевленный груз.

Язону не повезло, он очутился в самом низу, так что ровным счетом ничего не видел, когда грузовик покинул космодром. Первого представителя пиррянской фауны Язон увидел, только когда цилиндры были выгружены в помещении с металлическими стенами. Водитель грузовика уже закрывал толстую наружную дверь, вдруг что-то ворвалось внутрь и с лета ударилось о стену. Язон уловил какое-то движение, а когда пригляделся, непонятная штука упала прямо на него. Он невольно подался назад, забыв о предохраняющем его металле. Упавшая сверху тварь вцепилась в стенку контейнера, и Язону представился случай рассмотреть ее как следует. Зрелище было настолько кошмарное, что он не поверил собственным глазам. Квинтэссенция смерти...

Голова — сплошная пасть с острейшими зубами в несколько рядов. Кожистые крылья окаймлены когтями; на царапающих металл конечностях — еще более длинные когти.

Язону стало жутко, когда он увидел, как эти когти оставляют борозды на поверхности цилиндра. А в тех местах, куда попала слюна с зубов чудовища, прозрачный металл мутнел и крошился.

Разум говорил ему, что эти царапины — пустяк для толстых стенок контейнера. Но слепой страх заставил Язона сжаться в комок, словно в этом было спасение.

Только после того, как крылатая тварь начала как бы таять, он догадался, что это за помещение. На цилиндры со всех сторон полились струи пенящейся жидкости, пока совсем не затопили их.

Зубы пиррянского зверя в последний раз царапнули металл, затем его смыло и куда-то унесло. Пенящаяся жидкость ушла в отверстие в полу, но за первым душем последовал второй, а потом и третий.

Пока длилась эта обработка, Язон старался унять овладевшее им смятение. Что с ним такое происходит? Конечно, чудовище жуткое, и все-таки непонятно, как оно могло внушить ему такой ужас через оболочку надежно закрытого контейнера. Реакция Язона никак не соизмерялась с вызвавшей ее причиной. Даже теперь, когда зверь был уничтожен и исчез с его глаз, Язону стоило огромных усилий усмирить свои нервы и заставить себя дышать ровно.

Мимо прошла Мета, и Язон понял, что процедура окончена. Он открыл свой цилиндр и выбрался на волю. Все остальные уже ушли, остался только какой-то незнакомец с орлиным носом, который явно ждал его.

— Меня звать Бруччо, я заведу адаптационной клиникой. Керк сказал мне, кто ты такой. Зря ты сюда прилетел. Пошли, сделаем анализ крови.

— Вот это мне по душе, — отозвался Язон. — Узнаю пиррянское гостеприимство.

Бруччо только фыркнул в ответ и протопал к двери. Шагая за ним по пустому коридору, Язон вошел в лабораторию, сверкающую стерильной чистотой.

Двойное тяготение угнетало его, ложась тяжелым грузом на ноющие мышцы. И пока Бруччо исследовал его кровь, Язон воспользовался случаем немного отдохнуть. Он успел даже вздремнуть, но тут вернулся Бруччо с пузырьками и шприцами.

— Поразительно, — объявил пиррянин. — Ни одного антитела в крови, которое могло бы пригодиться тебе здесь. Ничего, у меня тут есть отличный набор антигенов, от них ты денек будешь чувствовать себя как в аду. Снимай-ка рубашку.

— Вам часто приходится это делать? — спросил Язон.

— Накачивать дрянью инопланетчиков, чтобы они могли насладиться здешними прелестями?

Бруччо воткнул в него иглу чуть не до кости.

— Нет, не часто. Последний раз это было несколько лет назад. Прилетели с полдюжины ученых из какого-то института, сказали, что готовы заплатить, только бы им разрешили изучать местную фауну и флору. Мы не стали отказывать, нам валюта нужна.

Язон почувствовал, что от уколов у него уже кружится голова.

— И сколько из них осталось в живых? — невнятно пробормотал он.

— Один. Мы вовремя отправили его обратно. А деньги, понятное дело, взяли вперед.

Язон принял было это за остроу, но вспомнил, что пирряне не больно-то расположены к юмору. Если хотя бы половина того, что ему говорили Мета и Керк, верна, то соотношение один к шести вовсе не так уж плохо.

В соседней комнате стояла кровать, и Бруччо помог Язону дойти до нее. Чувствуя себя так, словно его накачали наркотиками — вероятно, так оно и было, — Язон уснул.

Ему снился сон. Страх и ненависть. Страх и ненависть пополам захлестнули его жаркой волной. Если это сон, лучше больше никогда не спать. Если это явь, лучше умереть. Он силился ото-

гнать видение, а оно только сильнее затягивало его. Страх без начала и без конца, и никакого спасения от страха...

Когда Язон пришел в себя, он не помнил подробностей кошмара, осталось лишь чувство страха. Он взмок от пота, каждая мышца болела. Не иначе это уколы виноваты, сказал он себе. Да еще двойное тяготение. И все-таки его не покидал привкус страха.

Дверь отворилась, Бруччо просунул голову внутрь и окинул взглядом Язона.

— Я уже думал, ты загнулся. Целые сутки спишь. Ладно, не вставай, сейчас принесу тебе кое-что для бодрости.

«Кое-что для бодрости» заключалось в еще одном шприце и стакане какой-то мерзкой на вид жидкости. Она утолила жажду Язона, зато он сразу почувствовал жуткий голод.

— Есть хочешь? — спросил Бруччо. — Можешь не отвечать, и так знаю. Я подстегнул твой обмен, чтобы ты побыстрее наращивал мышцы. Единственный способ поладить с тяготением. Так что в ближайшие дни у тебя будет зверский аппетит.

Бруччо тоже решил поесть, и Язон воспользовался случаем задать несколько вопросов.

— Когда я смогу взглянуть поближе на вашу замечательную планету? До сих пор мое путешествие было не более увлекательно, чем тюремная отсидка.

— Отдыхай и навались на еду. Раньше чем через три-четыре месяца ты не выйдешь. Если тебя вообще выпустят.

У Язона отвалилась нижняя челюсть.

— Может, ты объяснишь мне почему?

— Конечно. Тебе надо пройти тот же курс обучения, который проходят у нас дети. Они тратят на это шесть лет. Правда, это первые шесть лет их жизни. А ты взрослый и, казалось бы, можешь справиться куда быстрее. Но ведь у них еще есть наследственность. Словом, ты выйдешь отсюда не раньше, чем получишь полную подготовку.

Бруччо управился с едой и теперь перенес внимание на голые руки Язона, глядя на них с явным отвращением.

— Прежде всего снабдим тебя пистолетом, — сказал он. — Меня мутит, когда я вижу человека без кобуры.

Сам он не расставался с пистолетом даже внутри надежно изолированного от окружающей среды здания.

— Пистолеты подгоняются к владельцу, так что от чужого оружия тебе не будет никакого проку, — объяснил он. — Сейчас ты поймешь, в чем дело.

Они вышли в коридор, и Бруччо провел Язона на оружейный склад, набитый орудиями убийства.

— Сунь-ка руку сюда, вот в эту штуку, — сказал пиррянин. — Займемся подгонкой.

«Штука» представляла собой какую-то коробку с пистолетной рукояткой на боку. Язон взялся за рукоятку — металлический хомут схватил его за локоть; Бруччо зафиксировал штифтами положение руки со всех сторон и записал показания приборов.

Сверясь с полученными данными, он быстро собрал кобуру и пистолет из частей, разложенных по ящикам. Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводком. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

— Тут заключен весь секрет силовой кобуры. — Бруччо коснулся провода пальцем. — Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только тебе надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе.

— Смотри дальше.

Увлекаемый проводом пистолет нырнул в кобуру.

— А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

— Здорово! — сказал Язон. — Но все-таки с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

— Нет, он не звуком управляется. — Бруччо даже не улыбнулся. — Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну вот, на твоём правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, а он уже у тебя в руке. Не нужен больше — возвращается в кобуру.

Язон напряг правую руку и согнул указательный палец. В ту же секунду что-то больно ударило его по ладони и грянул выстрел. Рука держала пистолет, из дула вился дымок.

— Понятно, пока человек не освоится со своим оружием, мы заряжаем холостыми. А вообще пистолет всегда должен быть заряжен. Видишь, предохранителя нет. Скобы тоже. Поэтому выстрел следует сразу, если заранее согнуть указательный палец.

Язон никогда еще не имел дела с таким грозным оружием. И таким непослушным. Борясь с непривычной силой тяжести, от которой болели мышцы, он начал упражняться с дьявольским

изобретением. Пистолет упрямо возвращался в кобуру, не дожидаясь, когда он нажмет курок. Но еще хуже было то, что пистолет слишком быстро выскакивал из кобуры и нещадно бил его по пальцам, если он не успевал их правильно согнуть. Тем не менее Язон упорно продолжал тренироваться, пока рука не превратилась в распухшую подушку.

Со временем он овладеет этой техникой, но уже теперь ему стало ясно, почему пирряне никогда не снимают пистолета. Это было бы все равно что расстаться с частью тела.

Пистолет проскакивал из кобуры в руку так быстро, что Язон не мог уследить за ним глазом. Во всяком случае, быстрее, чем срабатывал нейронный импульс, заставляющий пальцы сгибаться.

Как будто тебя вооружили молнией: прицелился пальцем — ба-бах!

Бруччо ушел, предоставив ему упражняться. В конце концов избитая рука забастовала, тогда Язон прекратил это занятие и направился в отведенную ему комнату. В коридоре он заметил знакомую фигуру.

— Мета! Постой! Мне надо с тобой поговорить. — Она нехотя повернулась, и он прибавил шаг, насколько ему позволяли два G.

Эта Мета была совсем непохожа на девушку, которую Язон знал по кораблю. На ногах — высокие, по колено, сапоги, тело защищено каким-то мешковатым комбинезоном из металлизированной ткани. Стройную талию искажал пояс с флягами. Да и сама она держалась отчужденно.

— Я соскучился по тебе, — сказал Язон. — Мне было невдомек, что ты находишься в этом же здании.

Он хотел взять ее за руку, но Мета отступила.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Как что надо! — Он рассердился. — Я же Язон, ты что, забыла меня? Мы с тобой друзья. А друзья могут поговорить просто так, не потому, что им что-то надо.

— Что было на корабле, не распространяется на Пирр. — Ей не терпелось уйти. — Я закончила переподготовку и приступаю к работе. А ты останешься здесь, так что мы с тобой не будем встречаться.

— Сказала бы уж напрямик: мол, останешься здесь с другими детьми... И не спеши ты так, сперва разберемся...

Забывшись, Язон вытянул руку, чтобы задержать Мету. И не успел опомниться, как очутился на полу. Плечо — сплошной синяк. А Меты след простыл. Бормоча себе под нос нехорошие слова,

Язон побрел в свою комнату, плюхнулся на твердокаменную постель и стал вспоминать, что его привело на эту планету.

Сопоставив свои мотивы с тем, что он обрел пока на Пирре — непрерывная пытка двойным тяготением, порожденные ею кошмары, презрительное отношение пиррян ко всем инопланетчикам без разбора, — Язон поймал себя на растущей жалости к самому себе.

Что ж, по пиррянским меркам он и впрямь беспомощный и жалкий. Чтобы эти люди изменили свое отношение к нему, надо самому основательно перемениться.

Совершенно разбитый, он погрузился в тяжелый сон, и тут ему не давали покоя жуткие видения.

ГЛАВА 7

Он проснулся утром с дикой головной болью и с таким ощущением, будто за всю ночь глаз не сомкнул. Принимая стимуляторы, доза которых была скрупулезно рассчитана Бруччо, Язон снова попытался разобраться, чем же все-таки вызваны кошмары, отравляющие его сон.

— Ешь живей, — сказал Бруччо, когда они встретились за завтраком. — Я не могу больше заниматься с тобой особо. Будешь обучаться в группе по общей программе. Ко мне обращай только в тех случаях, когда возникнет какая-нибудь серьезная проблема, которой инструктор не сможет разрешить.

Группы, как и следовало ожидать, были составлены из маленьких детей с суровыми лицами. Эти плотные и весьма прямолинейные в своем поведении крепыши были типичными пиррянами. Но дети есть дети, и вид взрослого за партой их сильно веселил. Самому Язону, когда он с багровым лицом втискивался на маленькую скамейку, было вовсе не весело.

Сходство с обычной школой не шло дальше конфигурации классных помещений. Ученики, даже самые маленькие, ходили с пистолетами. Все было нацелено на выживание. В этой школе признавалась только стопроцентная успеваемость, и учащийся переходил к следующему разделу лишь после того, как полностью усваивал предыдущий. Обычных школьных предметов здесь не преподавали. Видимо, ими занимались после того, как ребенок оканчивал первую ступень и становился вполне самостоятельным. Очень трезвый и очень логичный подход. Кстати, определения «трезвый» и «логичный» годились для характеристики пиррянского подхода в любой области.

Почти вся первая половина дня ушла на знакомство с аптечкой, которую носили на поясе. Она состояла из анализаторов, их прижимали к ранам, и, если рана была заражена ядом или инфекцией, автоматически впрыскивалось лекарство. Просто в обращении, зато невероятно сложно по конструкции. А так как каждый пиррянин должен был сам следить за своим снаряжением (некого винить, кроме себя, если откажет!), полагалось знать устройство всех приспособлений и уметь их ремонтировать. Язон справился с заданием лучше, чем его малолетние соученики, хотя это стоило ему немалых физических усилий.

Во второй половине дня он впервые познакомился с тренажером. Инструктировал его двенадцатилетний паренек, в бесстрастном голосе которого угадывалось презрение к этому мягкотелому инопланетчику.

— Все тренажеры воспроизводят обстановку на планете и отражают происходящие на ней перемены. Они различаются по степени опасности для жизни. Вы начнете, разумеется, с тренажера для самых маленьких...

— Что вы, что вы, — пробормотал Язон. — Такая честь.

Инструктор продолжал, не обращая внимания на его слова:

— ...самых маленьких, так сказать, ползунков. С виду все как на самом деле, но модель, конечно, дезактивирована.

Слово «тренажер» не совсем подходило к тому, что увидел Язон, войдя через дверь с тяжелыми створками: в огромный зал словно перенесли часть внешнего мира. Очень даже просто забыть, что небо и солнце — искусственные, и вообразить себе, что он наконец-то на воле. И с виду совсем ничего угрожающего, разве что темные тучи на горизонте, чреватые пиррянской грозой.

— Пройдите кругом и осмотритесь, — говорил инструктор. — Когда прикоснетесь рукой к какому-нибудь предмету, услышите его характеристику. Показываю...

Мальчик нагнулся над покрывающей землю шелковистой травой и тронул пальцем стебель. Тотчас голос из скрытых репродукторов пророкотал:

— Ядовитая трава. Не снимать обуви.

Язон опустился на колени и присмотрелся. Травинка заканчивалась блестящим твердым крючком. С легким содроганием он понял, что вся трава такая. Зеленый газон был ковром смерти.

Выпрямляясь, Язон заметил под широким листом другого растения что-то диковинное. Там прижалась к земле странная чешуйчатая тварь с заостренной головкой, переходящей в длинный шип.

— Что за диво в моем саду? — спросил Язон. — Это называется товарищ детских игр для милых крошек?

Он повернулся и обнаружил, что его никто не слушает. Инструктор исчез. Язон пожал плечами и погладил чешуйчатое чудовище.

— Рогонос, — сообщил механический голос. — Одежда и обувь не защищают. Убей его.

Послышался резкий хлопок, и запрограммированный на звук холостого выстрела рогонос упал набок.

— Кажется, у меня что-то начинает получаться, — с удовольствием отметил Язон. «Убей его», — командовал Бруччо, когда обучал Язона пользоваться пистолетом. И команда закрепилась в подсознании, судя по тому, что Язон сейчас выстрелил прежде, чем осмыслил свои действия. Его уважение к пиррянской методике обучения сразу возросло.

Несколько далеко не приятных часов бродил он по этому необычному детскому парку. Повсюду таилась смерть, и бестелесный голос неизменно твердил краткую и выразительную команду. И он учился убивать, чтобы не быть убитым. До сих пор Язон и не подозревал, что насильственная смерть может выступать в таком количестве отвратительных обличий. Все здесь, от самого крохотного насекомого до самого высокого растения, представляло смертельную опасность для человека.

В этой специализации было даже что-то противоестественное. Почему планета Пирр так непримиримо относится к человеку? Не забыть спросить об этом Бруччо... А пока поищем хоть какой-нибудь организм, который не желает отправить его на тот свет.

Язон тщетно искал. Правда, ему в конце концов удалось найти предмет, не ответивший зловещей командой на прикосновение руки. Это был большой камень, торчащий из ядовитой травы. Язон сел на него с чувством симпатии к неорганической материи и подобрал ноги... Оазис мира... Прошло несколько минут, обессиленные двойной гравитацией мышцы начали отходить.

— Едкая плесень! Не прикасаться!

Голос прозвучал с удвоенной силой, и Язон вскочил на ноги, словно ужаленный. Пистолет уже был в руке и искал цель. Только наклонившись над камнем, Язон понял, в чем дело. Камень покрылся пятнами серой пленки, которых раньше не было.

— Ах ты, дрянь коварная! — крикнул Язон, обращаясь к тренажеру. — Сколько раз уже ты сгонял с этого камня малюток, которые думали, что наконец-то можно посидеть и отдохнуть!

Его возмущало такое изощренное коварство, и в то же время

он понимал, что оно оправданно. Пирряне с малых лет узнавали, что на этой планете для человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

Так Язон, изучая Пирр, узнавал что-то новое и о пиррянах.

ГЛАВА 8

Дни складывались в недели, и Язон понемногу начал гордиться тем, как лихо косит всяких врагов. Он уже знал всю фауну и флору детской комнаты, и его перевели на тренажер, где звери не сидели на месте, а вяло атаквали. Пистолет Язона безошибочно поражал их. Даже неинтересно. Однообразие классных занятий тоже ему наскучило.

Двойное тяготение по-прежнему воспринималось как тяжелое бремя, но вообще-то мышцы явно приспособились. Теперь он после занятий уже не валялся без сил на кровать. Зато кошмары стали еще хуже. В конце концов он обратился к Бруччо и получил снотворное, которое хотя и не избавило его от жутких снов, но умерило их интенсивность, так что, проснувшись, он почти не помнил их.

Когда Язон как следует освоил всю защитную технику, которой пользовались пирряне, дошла очередь до тренажера, предельно приближенного к действительности. Разница заключалась только в степени поражения. Яд насекомых вызывал не мгновенную смерть, а всего лишь сильную опухоль и боль. Животные могли нанести болезненные раны, но конечностей не отрывали. Словом, волосок, отделявший курсанта от смерти на этом тренажере, был достаточно тонок.

Язон ходил по этой имитации густых, необозримых джунглей вместе с пятилетними мальчуганами. В их недетской суровости было что-то забавное и в то же время удручающее. В комнатах они еще могли смеяться, но каждый из них твердо знал, что на воле будет не до смеха. Умение выжить определяло общественное положение и социальную ценность человека. В этом смысле общество на Пирре делилось, условно говоря, на черных и белых.

Хочешь утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих, умей за себя постоять. Это было важно для выживания народа в целом, но сильно ограничивало развитие личности. Из детей вырастали безликие убийцы, готовые сеять смерть на каждом шагу.

Закончив курс, кто-то уходил, на его место приходил другой.

Прошло некоторое время, прежде чем Язон сообразил, что из

тех, с кем он начинал обучение, уже никого не осталось. В тот же день он пошел к начальнику адаптационного центра.

— Бруччо, — сказал он, — долго еще вы собираетесь держать меня в этом детском тире?

— Тебя никто не держит, — ответил Бруччо в обычном для него брюзгливом тоне. — Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя можно было выпускать.

— Мне почему-то сдается, что эта минута никогда не наступит. Я уже могу с закрытыми глазами разобрать и собрать любое из ваших окаянных изобретений. Я быю из этой пушки без промаха. Если мне велят, могу хоть сейчас сесть и написать толстую книгу «Флора и фауна планеты Пирр, и как ее истреблять». Может быть, я еще не достиг того же уровня, что мои шестилетние приятели. Но что-то подсказывает мне, что я достиг своего потолка. Ну как, верно?

Бруччо сделал неловкую попытку уклониться от прямого ответа:

— Понимаешь, ну, ведь ты нездешний, так что...

— Ладно, брось, — ехидно сказал Язон. — Куда тебе, прямодушному старому пиррянину, тягаться во лжи с представителем более слабой расы, которая в этом деле собаку съела. Я и сам понимаю, что двойное тяготение всегда будет меня сковывать и что у меня, кроме того, есть куча других врожденных дефектов. Все это так, и не об этом речь. А о том, даст мне что-нибудь дальнейшая тренировка или мои возможности в этом смысле исчерпаны.

Бруччо покрылся испариной.

— Со временем, конечно, будут сдвиги...

— Хитрец! — Язон поводит пальцем из стороны в сторону. — Говори — да или нет. Тренировка может дать мне еще что-то?

— Нет. — Бруччо хмуро смотрел на Язона, который не замедлил окончательно припереть его к стенке.

— И что же отсюда следует? Я заведомо не буду прогрессировать и все-таки торчу здесь. Это не случайно. Значит, тебе приказано не выпускать меня. И, судя по тому немногому, что я успел узнать об этой планете, приказ исходит от Керка. Верно?

— Он это для тебя же делает, — объяснил Бруччо. — Хочет, чтобы ты жив остался.

— Ну вот, все выяснилось, — сказал Язон. — И хватит об этом. Я прилетел сюда не затем, чтобы упражняться в стрельбе по роботам вместе с вашими чадами. Будь любезен показать мне, где тут выход. Или сперва должен быть выпускной вечер? Речи, вручение значков, торжественный ритуал...

— Ничего подобного, — отрезал Бруччо. — Вообще, я не понимаю, как взрослый человек, вроде тебя, может нести такой вздор. Никаких вечеров не будет. А будет зачет в последнем тренажере. Он связан с внешней средой, так что это даже не искусственный тренажер, а частица планеты. Только самые опасные формы органической жизни исключены. Да и то некоторые иногда ухитряются проникать...

— Когда? — выпалил Язон.

— Завтра утром. Сперва постарайся хорошенько выспаться. Тебе это пригодится.

И все-таки совсем без ритуала не обошлось. Когда Язон утром вошел в кабинет Бруччо, тот метнул ему через стол тяжелую обойму.

— Настоящие патроны. Могут заверить тебя, что они тебе пригодятся. Отныне твой пистолет всегда должен быть заряжен.

Вместе они дошли до переходной камеры, и Язон впервые за весь срок учебы увидел по-настоящему запертую дверь. Пока Бруччо раскручивал тяжелые болты, к ним подошел, прихрамывая, хмурый мальчуган лет восьми с перевязанной ногой.

— Его зовут Гриф, — сказал Бруччо. — С этой минуты он будет тебя всюду сопровождать.

— Персональный телохранитель? — осведомился Язон, глядя на коренастого коротышку, который был ему по пояс.

— Называй как хочешь. — Бруччо отворил дверь. — Гриф столкнулся с птицей-пилой и на время потерял трудоспособность. И ты ведь сам признал, что тебе никогда не сравняться с настоящим пиррянником, так что помощь тебе будет кстати.

— Бруччо, ты добряк, — сказал Язон, наклоняясь, чтобы поздороваться с мальчуганом.

У восьмилетнего телохранителя оказалась железная рука.

Вдвоем они вошли в переходную камеру, Бруччо запер за ними внутреннюю дверь, и тотчас автоматически начала открываться наружная. В ту же секунду пистолет Грифа выстрелил дважды, и, выходя на просторы Пирра, они переступили через дымящееся тело какого-то пиррянского зверя. Символическое начало, сказал себе Язон. А нехорошо вышло: во-первых, он был совсем не готов к атаке, во-вторых, не может даже опознать обутленные останки... Он напряг зрение, надеясь, что в следующий раз выстрелит первым.

Увы. Тех немногих зверей, которые им попадались, первым замечал мальчуган. В конце концов Язон до того разозлился, что расстрелял какое-то зловещее с виду колючее растение. Но он напрасно рассчитывал, что Гриф пройдет мимо его мишени и не проверит ее.

— Это растение нам не угрожало, — сказал мальчик. — Глупо тратить попусту боеприпасы.

День прошел без серьезных осложнений. Язон даже слегка разочаровался, да к тому же промок от частых ливней. Если Гриф и умел поддержать разговор, он это ловко скрывал. Следующий день прошел точно так же. На третий день появился Бруччо.

— Не хочется тебя огорчать, — сказал он, смерив взглядом Язона, — но боюсь, выше этого уровня тебе все равно уже не подняться. Меняй носовой фильтр каждый день. Внимательно проверяй обувь и одежду, чтобы не было никаких дыр. Перезарядка аптечки полагается раз в неделю.

— Помни про носовой платок и не выходи без галош, — добавил Язон. — Еще что?

Бруччо хотел что-то добавить, но передумал:

— Больше ничего. Пора уже самому все знать. Будь начеку. И... желаю успеха.

Несколько неожиданно для Язона он присовокупил к этим словам крепкое рукопожатие.

Как только в руке восстановилось кровообращение, Язон вышел вместе с Грифом на волю через главные ворота.

ГЛАВА 9

Как ни реалистичны были тренажеры, встреча с Пирром ошеломила Язона. Нет, на первый взгляд все то же. Ядовитая трава под ногами... Хаотичный полет шипокрыла, тут же подстреленного Грифом... Но все это как-то растворилось в буйном клекотании стихий.

Дождь лил буквально как из ведра; с неба падали не обособленные капли, а сплошная пелена воды. Ветер рвал эту пелену и хлестал его струями по лицу. Язон протер глаза и с трудом различил на горизонте два вулканических конуса, извергающих дым и пламя. Это пекло отбрасывало зловещий отсвет на тучи, которые стремительно проносились над вулканами.

Что-то пробарабанило по его шлему и отскочило на землю. Язон нагнулся и поднял градину толщиной с большой палец. Другие градины принялись больно дубасить его по спине и шее; он живо выпрямился.

Буря кончилась так же быстро, как разразилась. Жгучее солнце растопило градины, над улицей закурились струйки пара. Язон взмок от пота в своей защитной одежде. Но не прошли и одного квартала, как снова хлынул ливень, и Язон ощутил озноб.

Гриф знай себе шагал, не обращая внимания ни на погоду, ни на вулканы, сотрясающие землю своей яростью.

Язон заставлял себя не думать о неудобствах и не отставать от мальчика.

Более унылую прогулку трудно было придумать. Сквозь завесу дождя виднелись очертания приземистых мрачных зданий, половина которых к тому же была разрушена. Язон и Гриф шли по пешеходной дорожке посередине улицы. Время от времени то с одной, то с другой стороны проносились бронетранспортеры. Язон недоумевал, почему пешеходам отведена середина, пока Гриф не подстрелил какую-то тварь, которая бросилась на них из развалин. Понятно: просвет по бокам служит для страховки... На Язона вдруг навалилась дикая усталость.

— Надо думать, о такси здесь нечего и мечтать, — сказал он.

Гриф озадаченно посмотрел на него. Было очевидно, что он впервые слышит слово «такси». Тем не менее он пошел потише, приноравливаясь к тяжелой поступи гостя. Через полчаса Язон уже утолил свое любопытство.

— Гриф, что-то этот город не блещет. Надеюсь, другие города у вас в лучшем состоянии?

— Не блещет? Не знаю, что вы этим хотите сказать, но других городов у нас нет. Есть лагерь там, где руду добывают. Но городов нет.

Странно. Язону всегда представлялось, что на Пирре несколько городов. Он вдруг подумал, что еще очень мало знает об этой планете. Как прибыл сюда, все его время было поглощено этими курсами. У него накопилась тьма вопросов, но с ними надо обращаться к кому-то другому, только не к этому угрюмому малолетнему телохранителю. К тому же есть человек, который лучше кого-либо сможет его просветить.

— Ты знаешь Керка? — спросил он мальчика. — Насколько я понимаю, он ваш посланник на целой куче планет, но его фамилия...

— Кто же не знает Керка. Но он занят, вам незачем с ним встречаться.

Язон погрозил ему пальцем.

— Твоя забота — охранять мое тело. А душу оставь в покое. Давай условимся: я задаю тон, а ты поешь. Идет?

Очередная буря обрушила на них градины величиной с кулак и заставила искать укрытие. Когда она унялась, Гриф нехотя повел Язона в центр. Они зашли в относительно высокое здание. Здесь людей было больше, и некоторые из них даже на миг отрывались от дела, чтобы взглянуть на Язона. Одолев два

лестничных пролета, он увидел дверь с надписью: «Координация и снабжение».

— Керк сидит здесь? — спросил Язон.

— Конечно, — ответил мальчик. — Он начальник управления.

— Отлично. Теперь ступай, выпей лимонада или перекуси где-нибудь и возвращайся часа через два. Думаю, Керк не хуже тебя присмотрит за мной.

Мальчик постоял в нерешительности, потом зашагал вниз по лестнице. Язон вытер лоб и толкнул дверь.

Он увидел канцелярию, в которой находилось несколько пиrrян.

Никто из них не обратил внимания на Язона и не поинтересовался, какое у него дело. Раз человек пришел, у него есть на то причина. Никому не пришло бы в голову выспрашивать, что ему нужно. Язон не был приучен к таким порядкам и не сразу сообразил, что здесь ему не будут докучать пустыми формальностями. В дальнем конце комнаты была еще одна дверь. Он добрал до нее, открыл и обнаружил Керка, который сидел за конторкой, заваленной бумагами.

— А я все жду, когда же ты появишься, — сказал пиrrянин вместо приветствия.

— Давно пришел бы, если бы ты не препятствовал, — ответил Язон, тяжело опускаясь на стул. — Наконец до меня дошло, что я могу всю жизнь проторчать в этих ваших яслях для убийц, если не приму срочные меры. И вот я здесь, у тебя.

— Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в «цивилизованные» миры?

— Представь себе, нет. И мне уже порядком надоело слушать, как все советуют мне улететь. Я начинаю подозревать, что ты и твои пиrrяне стараетесь что-то скрыть.

Керк улыбнулся.

— Что нам скрывать? Вряд ли найдется другая планета, где жизнь текла бы так просто и прямолинейно.

— В таком случае ты, конечно, не откажешься ответить мне на несколько откровенных вопросов о Пирре?

Керк явно хотел что-то возразить, но вместо этого рассмеялся.

— Сдаюсь. Куда мне с тобой спорить. Ну, что тебе хочется узнать?

Язон тщетно попытался сесть поудобнее на твердом стуле.

— Сколько жителей на твоей планете? — спросил он. Керк помялся, потом ответил:

— Около тридцати тысяч. Немного для планеты, которая уже давно обитаема, но причина достаточно ясна.

— Хорошо, население тридцать тысяч. Ну а какую площадь вы контролируете? Знаешь, я удивился, когда узнал, что этот город с его защитными стенами, которые вы называете Периметром, единственный на всей планете. Рудники не в счет, они только придатки города. Так вот, можно ли сказать, что контролируемая вами территория растет? Или же, наоборот, она сокращается?

Керк призадумался, машинально вертя в руках кусок стальной трубы, который взял со стола. При этом его пальцы гнули сталь, как резину.

— На это трудно так сразу ответить, — наконец произнес он. — Наверное, где-то есть такие данные, хотя я не знаю, где именно. Тут столько факторов...

— Ладно, оставим пока этот вопрос, — уступил Язон. — Я дам другой, пожалуй, более принципиальный. Можно ли сказать, что население Пирра медленно, из года в год, сокращается?

Труба с резким звоном ударилась о стену. Керк вдруг очутился прямо перед Язоном, его руки были угрожающе вытянуты вперед, лицо побагровело от ярости.

— Никогда не повторяй этих слов, понял? Чтобы я больше не слышал этого от тебя!

Стараясь выглядеть невозмутимым, Язон продолжал:

— Не сердись, Керк, я ведь не хотел тебя злить. — Он говорил медленно, тщательно подбирал слова, понимая, что жизнь его висит на волоске. — Не забывай, что я на вашей стороне. С тобой я могу говорить начистоту, потому что ты повидал гораздо больше тех пиррян, которые никогда не покидали родной планеты. Ты умеешь дискутировать, ты знаешь, что слова — только символы. Что можно отлично разговаривать и не выходить из себя из-за слов...

Керк опустил руки и сделал шаг назад. Потом отвернулся, налил себе стакан и выпил его, стоя спиной к Язону.

Лицо Язона покрылось испариной, и жара была лишь отчасти повинна в этом.

— Извини... сорвался. — Керк тяжело сел. — Это со мной редко бывает. Работаю на износ — вот нервы и не выдержали.

Вопрос, который вызвал его вспышку, остался без ответа.

— Со всяким бывает, — сказал Язон. — А что было с моими нервами при первой встрече с Пирром? Лучше не говорить. Могу только признать, что ты был прав во всем, что говорил об этой планете. Самое жуткое место во вселенной. Здесь могут выжить только урожденные пирряне. Правда, после обучения я кое-как могу постоять за себя. Ты, очевидно, знаешь, что у меня восьми-летний телохранитель. Уже это говорит о том, чего я стою здесь.

Приступ ярости прошел, и Керк полностью овладел собой. Он задумчиво прищурился.

— А ты меня удивил, честное слово. Вот уж никогда не думал, что ты хоть в чем-то способен признать чужое превосходство. Разве ты не за этим сюда летел? Чтобы доказать, что ты ни в чем не уступишь местному уроженцу?

— Один-ноль в твою пользу, — признался Язон. — Я не думал, что это так бросается в глаза. И меня радует, что душа у тебя не такая каменная, как мышцы. Ничего не скажешь, ты верно назвал главную причину, которая привела меня сюда. Добавь еще любопытство.

По лицу Керка было видно, что он слегка озадачен ходом собственных мыслей.

— Ты прилетел сюда, чтобы доказать, что не уступишь коренным пиррянам, — продолжал он. — А сам теперь признаешь, что восьмилетний мальчик владеет пистолетом лучше тебя. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе. Ты даром ничего не уступишь... Ну так в чем же ты все-таки видишь свое врожденное превосходство?

Как ни старался Керк говорить ровно, в голосе его угадывалось напряжение. Язон ответил не сразу.

— Ладно, скажу, — произнес он наконец. — Только не отрывай мне за это голову. Я делаю ставку на то, что твой цивилизованный разум способен управлять твоими рефлексами. Потому что сейчас речь пойдет о таких вещах, которые на Пирре явно под большим запретом. Для ваших людей я слабак, потому что прилетел извне. Но ты-то должен понимать, что в этом заключается и моя сила. Я вижу то, что вы не видите из-за давней привычки. Ну, знаешь, как о человеке говорят, что он за деревьями не видит леса.

Керк кивнул, и Язон продолжал:

— Теперь разовьем эту аналогию. Когда я вышел из космического корабля, то видел, так сказать, только лес. И мне бросились в глаза некоторые факты. Думаю, что и вам они известны, но вы тщательно подавляете в себе эти мысли. Это для вас своего рода табу. Сейчас я выскажу вслух самое главное, о чем вы даже думать боитесь. Надеюсь, ты достаточно хорошо владеешь собой и я останусь жив...

Реакция Керка выразилась лишь в том, что его могучие руки крепче стиснули подлокотники. Язон говорил негромко, но его слова проникали в мозг так же легко и гладко, как новый ланцет.

— По-моему, люди проигрывают битву на Пирре. После сотен лет оккупации этот город остается единственным на планете, да

и то половина домов заброшена. Очевидно, раньше жителей было больше. Трюк, который мы выкинули, чтобы добыть оружие, он трюк и есть. Могло и сорваться. А что тогда было бы с городом? Вы тут ходите по краю пропасти и не хотите этого признать.

Все мышцы Керка напряглись, он будто окаменел, на лице блестели бисеринки пота. Чуть перегнн — взорвется... Язон лихо-радочно соображал, как разрядить атмосферу.

— Не подумай, что мне приятно говорить тебе эти вещи. Но ведь ты все это давно знаешь. Знаешь, да не хочешь признавать. Не хочешь признавать, что вся эта бойня не имеет смысла. Если численность населения неуклонно сокращается, ваша битва — попросту жестокий вид коллективного самоубийства. Вы могли бы покинуть эту планету, но это значит признать свое поражение. А я не сомневаюсь, что пирряне предпочтут поражению смерть.

Керк привстал, и Язон тоже поднялся, повышая голос, чтобы его слова доходили до собеседника сквозь пелену гнева.

— Я пытаюсь вам помочь, неужели ты не понимаешь? Брось ты этот самообман, он тебе не к лицу. Сейчас ты скорее готов убить меня, чем сознаться себе, что битва уже проиграна. Это даже не настоящая война, вы, так сказать, отсекаете один за другим пораженные пальцы и думаете таким способом спасти обреченный организм. Конечный итог может быть только один — проигрыш. Вы никак не хотите этого признать. Вот почему тебе легче убить меня, чем слушать, когда я затрагиваю неприкосновенные темы.

Керк стоял над Язоном словно башня, готовая вот-вот обрушиться на голову святотатца. Только сила убеждения Язона сдерживала его.

— Когда-то надо же научиться мыслить реально. А то ты видишь все только войну да войну. Но ведь можно докопаться до ее причин и покончить с ней раз и навсегда!

Смысл слов Язона дошел наконец до сознания Керка и погасил его ярость. Пиррянин опустил на стул, у него было какое-то растерянное лицо.

— Что ты подразумеваешь, черт тебя дери? Говоришь будто какой-то паршивый корчевщик!

Язон не стал спрашивать, что значит «корчевщик», но слово запомнил.

— Ты несешь околесицу, — продолжал Керк. — Нас окружает враждебный мир, с ним надо сражаться, и все тут. А причины конфликта в самой природе вещей.

— Ничего подобного, — возразил Язон. — Посуди сам. Стоит кому-то из вас на какой-то срок оставить планету, как потом надо проходить переподготовку. Получить инструктаж — что в ваше

отсутствие изменилось к худшему. Это, так сказать, линейная прогрессия. Но если в проекции на будущее всегда получается ухудшение, значит, в прошлом дело обстояло лучше. Теоретически — я не знаю, конечно, подтвердится ли это фактами, — если вернуться достаточно далеко в прошлое, можно дойти до такого времени, когда люди совсем не воевали с Пирром.

Керк явно не знал, что говорить, он только сидел и слушал, пока Язон набирал очки своей неотразимой логикой.

— Я могу привести доводы в пользу моей гипотезы. По-моему, даже ты должен признать, что я, хоть и не могу бороться на равных с пиррянскими тварями, кое-что в них смыслю. Ну так вот, всех представителей здешней флоры и фауны, которых я видел, объединяет одна черта. Они нефункциональны. Ни одно оружие из своего чудовищного арсенала они не применяют друг против друга. Их яды безвредны для пиррянских организмов. Они смертоносны только для гомо сапиенс. Но ведь это абсурд. За триста лет, что человек обитает на этой планете, местные организмы не могли естественно развиваться по такому пути.

— Но ведь это произошло! — крикнул Керк.

— Да, произошло, — спокойно подтвердил Язон. — А значит, есть какие-то причины, какие-то силы. Как они действуют, я себе не представляю. Но что-то заставило пиррянские организмы, так сказать, объявить войну. И мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие организмы доминировали на планете, когда здесь высадились ваши предки?

— Откуда мне знать, — ответил Керк. — Уж не хочешь ли ты сказать, что на Пирре, кроме человека, есть другие мыслящие существа? Которые организуют сопротивление нам?

— Я этого не говорил, ты сам пришел к такому выводу. Значит, до тебя дошла суть моих рассуждений. Не знаю, что именно вызвало такой поворот, но мне хотелось бы узнать. И посмотреть, нельзя ли повернуть колесо назад. Конечно, я ничего определенного не обещаю. Но согласись, что разобраться в этом стоит.

Керк расхаживал по комнате, ударяя себя кулаком по ладони, и казалось, все здание вздрагивает от его тяжелой поступи. Душу его раздирали противоречия. Новые идеи сражались со старыми убеждениями. Все это было так неожиданно. И так убедительно.

Не спрашивая, Язон взял флягу и налил себе холодной воды, потом сел в изнеможении. Что-то пробило защитный экран открытого окна и ворвалось в комнату. Не останавливаясь, даже не отдавая себе отчета в своих действиях, Керк одним выстрелом уложил крылатую тварь.

Его размышление длилось недолго. Привыкший быстро действовать, плечистый пиррянин и решал быстро. Он остановился и пристально посмотрел на Язона.

— Я не могу сказать, что ты меня убедил, но сейчас мне нечем опровергнуть твои доводы. Значит, будем пока считать их верными. Итак, что ты собираешься предпринять? Что ты можешь сделать?

Он сделал ударение на слове «можешь»

Язон начал перечислять, загибая пальцы:

— Во-первых, мне нужно место, где бы я мог жить и работать, хорошо защищенное место. Чтобы я мог заниматься этим делом, а не тратить всю энергию только на то, чтобы выжить. Во-вторых, мне нужен человек, который помогал бы мне и в то же время был моим телохранителем. Хорошо бы кто-нибудь посмышленнее, чем мой теперешний сторож. Мне кажется, лучше всех для этого подходит Мета.

— Мета? — удивился Керк. — Она космонавт и оператор защитных экранов, что она тут может сделать?

— Очень много. Она знакома с другими мирами и способна — в какой-то мере — взглянуть на вещи под другим углом зрения. И она знает о Пирре не меньше любого другого взрослого пиррянина, так что сможет ответить мне на любой вопрос. — Язон улыбнулся и добавил: — Наконец, она симпатичная девушка, мне приятно ее общество.

Керк фыркнул:

— Я все ждал, назовешь ли ты эту причину. Но остальные доводы достаточно веские, так что не буду спорить. Подберу замену для Меты и вызову ее сюда. В городе найдется достаточно надежных зданий, выбирай любое.

Керк переговорил с одним из своих помощников, потом отдал по визифону необходимые распоряжения. Язон с интересом следил за всей этой процедурой.

— Извини, что спрашиваю, — сказал он наконец. — Ты что, здешний диктатор? Стоит тебе щелкнуть пальцами, и все прыгают.

— Пожалуй, так может показаться, — согласился Керк. — Но это только видимость. На Пирре нет абсолютного властелина, но и демократической системы тоже нет. Населения-то у нас едва на хорошую дивизию наберется. Каждый выполняет ту работу, для которой он лучше всего годен. Каждая отрасль деятельности подчинена управлению, во главе управления стоит самый квалифицированный человек. Я руковожу координацией и снабжением, у нас очень широкое поле деятельности. Мы, так сказать, стыкуем между собой все управления и ведем дела с другими планетами.

Вошла Мета и обратилась к Керку, не глядя на Язона:

— Меня сняли с вахты и послали сюда. В чем дело? Расписание изменилось?

— Если хочешь — да, — ответил Керк. — С этой минуты ты освобождаешься от всех своих прежних обязанностей и приписываешься к новому управлению, которое будет заниматься исследованием и расследованием. Возглавлять управление будет вот этот задохлик.

— Что такое? Чувство юмора? — сказал Язон. — Первый случай на Пирре. Поздравляю, еще не все надежды потеряны.

Мета быстро перевела взгляд с одного на другого.

— Не понимаю. Не может быть. Новое управление — зачем? Она заметно нервничала.

— Извини, — ответил Керк. — Не обижайся на меня. Я просто хотел, чтобы ты чувствовала себя проще. Но, по сути, все так и есть. Похоже, что Язон может оказать серьезную услугу Пирру. Ты согласна ему помочь?

Мета уже овладела собой. И слегка рассердилась:

— Я должна? Это приказ? Ты знаешь, у меня хватает работы. И уж тебе-то известно, что она будет поважнее всего, что может придумать какой-то инопланетчик. Он никогда не поймет...

— Да. Это приказ, — оборвал ее Керк. Мета вспыхнула.

— Может быть, я объясню, — вступил Язон. — Тем более что это моя затея. Но сперва выполни мою просьбу. Вынь обойму из пистолета и отдай ее Керку, хорошо?

На лице Меты отразилось недоверие, но Керк кивком подтвердил свое согласие.

— Это всего на несколько минут, Мета, — сказал он. — Я ведь вооружен, так что тебе тут ничего не грозит. Я догадываюсь, о чем пойдет речь, и думаю, что он прав. По себе убедился...

Мета неохотно рассталась с обоймой и вынула патрон из ствола. Лишь после этого Язон приступил к объяснению:

— У меня есть гипотеза по поводу пиррянских организмов, и боюсь, эта гипотеза может поколебать кое-какие иллюзии. Прежде всего надо признать тот факт, что ваш народ постепенно проигрывает войну и в конце концов всех ждет полное истребление...

Он не договорил: пистолет Меты смотрел ему прямо в лоб, и ее палец яростно щелкал курком. Лицо девушки выражало предельное отвращение и ненависть. Какие ужасные вещи он говорит! Что война, которой они целиком себя посвятили, уже проиграна!..

Керк обнял ее за плечи и усадил на стул, пока она не натворила чего похуже. Прошло несколько минут, прежде чем Мета

успокоилась настолько, что могла продолжать слушать Язона. Не так-то легко человеку видеть, как рушится система представлений, которые он впитал за много лет. Только тот факт, что она побывала на других планетах и что-то повидала, помогал ей сдерживать себя.

И все-таки глаза Меты еще сверкали бешенством, когда Язон кончил излагать ей то, что уже говорил Керку. Она вся напрыглась, и казалось, лишь руки Керка не дают ей броситься на Язона.

— Понятно, с одного раза это трудно переварить, — заключил Язон. — Скажем проще. Мне кажется, мы можем установить причину такой лютой ненависти к человеку. Может быть, наш запах виноват. И мы придумаем настой из пиррянских жуков — натерся и выходи, ничего не бойся. Пока что мы не знаем ответа. Но как бы то ни было, этот вопрос нужно расследовать. Керк со мной согласен.

Мета посмотрела на Керка, он кивнул. Плечи ее поникли, она сдалась.

— Я... нет, я не могу сказать, что согласна с тобой, — прошептала она. — Я даже не все поняла. Но я помогу тебе. Если Керк считает, что так надо.

— Да, считаю, — подтвердил он. — Ну как, можно вернуть тебе обойму? Больше не будешь стрелять в Язона?

— Я вела себя глупо, — сухо произнесла Мета, перезаряжая свое оружие. — Зачем мне пистолет? Если понадобится убить его, я могу сделать это голыми руками.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулся Язон. — Ну, пошли... Ты готова?

— Конечно. — Она убрала со лба локон. — Сперва найдем место, где ты сможешь жить. Это я беру на себя. А работа нового управления — это уже твое дело.

ГЛАВА 10

Они спустились по лестнице, не говоря ни слова. Выйдя на улицу, Мета с каким-то изощренным злорадством разнесла выставленную птицу, которая им совсем не угрожала. Язон решил не корить ее за напрасную трату боеприпасов. Пусть лучше стреляет по птицам, чем по нему.

В здании одного из вычислительных центров нашлись свободные помещения. Все здания такого рода наглухо запирались, чтобы никакие твари случайно не добрались до тонкой аппаратуры.

Мета пошла искать койку, а Язон, напрягая все силы, перетаскил из пустующей канцелярии в облюбованную им комнату конторку, стол и стулья. Когда Мета вернулась с надувным матрасом, он сразу плюхнулся на него и облегченно вздохнул. Она скривила губы, глядя на такое явное проявление немощи

— Тебе придется привыкать, — сказал он — Я собираюсь работать по преимуществу в горизонтальном положении. Ты будешь моей сильной правой рукой. А теперь, Правая Рука, раздобыла бы ты чего-нибудь поесть. Кстати, есть я тоже предпочитаю в упомянутой позе.

Мета возмущенно фыркнула и вышла. Пока она ходила за едой, Язон задумчиво пожевал конец ручки, потом не спеша сделал кое-какие записи. Управившись с безвкусной трапезой, он приступил к делу

— Мета, ты не знаешь, где хранятся исторические архивы? Всякая там информация о первой поре освоения Пирра.

— Я никогда не слышала о таких вещах. Не знаю даже...

— Что-то где-то должно быть, — настаивал он. — Это теперь все время и все силы вашего общества обращены на борьбу за существование, но ведь не всегда было так. Уверен, что прежде люди вели какие-то записи, регистрировали события. Где будем искать? Есть у вас какая-нибудь библиотека?

— Конечно, — ответила она. — Есть прекрасная техническая библиотека. Но я уверена, что там нет ничего подобного.

Язон поднялся, стараясь не охать.

— Ладно, я уж как-нибудь разберусь. Показывай дорогу.

...Библиотека была полностью автоматизирована. Индекс-проектор позволял быстро находить шифр нужного текста. Лента поступала на стол выдачи через полминуты после того, как читатель набирал номер. И использованные записи опускались в приемное гнездо и автоматически возвращались на место. Весь механизм работал безотказно.

— Великолепно, — заключил Язон, отрываясь от проектора. — Образец технического совершенства. Да только здесь нет ничего для нас. Сплошные выдержки из справочников и учебников.

— А что еще может быть в библиотеке? — Мета была искренне удивлена.

Язон начал было объяснять, но передумал.

— Ладно, об этом после, — сказал он. — Сейчас не время. Сейчас нам нужно отыскать какую-нибудь нить. Могут быть в библиотеке ленты или, скажем, печатные книги, которые не внесены в индекс?

— Не думаю, но мы можем спросить Поли. Он заведует библиотекой и живет где-то здесь же. Регистрирует новые поступления, следит за аппаратурой.

Единственная дверь, ведущая в задние комнаты, была заперта, и, сколько Язон ни стучал, никто не отзывался

— Если он жив, сейчас покажется, — сказал Язон и нажал кнопку неисправности на пульте управления.

Это подействовало. Не прошло и пяти минут, как дверь открылась — и появился Поли.

Обычно смерть не мешкала на Пирре. Стоило человеку утратить хотя бы часть подвижности из-за каких-нибудь ранений, как вездесущие враги быстро довершали дело. Поли был исключением из правила. Противник, который некогда добрался до него, потрудился на совесть. Нижней части лица у Поли практически не осталось. Изуродованная левая рука бездействовала. Ноги были так искалечены, что он с трудом передвигался. Но он сохранил одну руку и зрение и мог работать в библиотеке, заменяя полноценного человека.

Никто не знал, сколько лет этот калека елозил по библиотечным коридорам. Несмотря на муку, которой были полны его красные, слезящиеся глаза, он продолжал жить. Жить и стариться: такого старика Язон еще не видел на Пирре.

Поли доковылял до пульта и отключил вызвавший его сигнал тревоги. Язон принялся объяснять, в чем дело, но старик никак не реагировал. Когда он извлек откуда-то из складок своей одежды слуховой аппарат, Язон понял, что библиотекарь ко всему еще и глух. Он повторил, зачем пришел. Поли кивнул и написал на дощечке ответ: «Старые книги есть. Хранятся в подвалах».

Большую часть здания занимали библиотечные автоматы. Язон и Мета проследовали вдоль них за старым библиотекарем до запертой двери в дальнем конце главного зала. Поли указал на дверь. Пока Мета и Язон сражались с проржавевшими засовами, он написал на дощечке: «Много лет не открывали. Крысы».

Рефлекс сработал безотказно — тотчас в руках у Язона и Меты появились пистолеты.

Язон один завершил поединок с дверью. Оба пиррянина в это время стояли наготове — и слава богу: он ни за что не управился бы в одиночку с волной нечисти, которая хлынула в проем.

Ему самому не пришлось отворять створку. Скрип засовов явно привлек всех хищных тварей, расплодившихся в подвале. Едва Язон снял последний засов и нажал ручку, как дверь распахнули с той стороны.

Откройте ворота в ад и посмотрите, что оттуда полезет..

Стоя плечом к плечу, Мета и Поли вели огонь по омерзительному месиву; Язон отскочил в сторону и добивал уцелевших тварей. Казалось, этой бойне не будет конца. Прошло немало минут, прежде чем последнее когтистое чудовище совершило свой предсмертный прыжок. Мета и Поли продолжали стоять и ждать с горящими глазами, они упивались возможностью сеять смерть. А Язона мучило после этого немного, свирепого штурма, отражая который, оба пиррянина сами уподобились свирепым bestиям. На щеке у Меты была глубокая царапина — след когтя. Сама она никак не реагировала на рану, тогда Язон выхватил аптечку и направился к ней в обход груды отвратительных тел. Что-то зашевелилось у его ног, и в ту же секунду грянул выстрел. Подойдя к девушке, он прижал к царапине анализатор. Аппарат щелкнул, и Мета дернулась. Лишь когда ее уколола игла с противоядием, до нее дошло, что делает Язон.

— Спасибо, я и не заметила. Их было так много, и они вырвались так стремительно.

У Поли был с собой сильный фонарь. С молчаливого согласия пиррянина Язон вооружился фонарем; старик, хотя и искалеченный, лучше управлялся с пистолетом. Они начали медленно пробираться вниз по ступенькам, заваленным всяким хламом.

— Ну и вонь! — Язон скривился. — Если бы не фильтры в ноздрах, наверное, один запах убил бы меня.

Что-то мелькнуло в луче света, выстрел подсек какую-то тварь в прыжке. Крысы давно обжили подвал и не хотели мириться с вторжением.

Спустившись в подвал, они посмотрели по сторонам. Да, тут, несомненно, хранились книги и магнитозаписи. Когда-то. Потому что после многолетней систематической обработки острыми зубами от них ничего не осталось.

— Хорошо вы храните свои старые книги, — негодуя произнес Язон. — Только не приходите ко мне и не просите что-нибудь почитать.

— Это были бесполезные книги, — холодно заметила Мета. — Иначе их хранили бы как положено, в библиотеке наверху.

Язон мрачно переходил из помещения в помещение. Ничего стоящего... Одни лишь клочки да обрывки. И такие разрозненные, что собирать бесполезно, ничего связного не составишь. Носком бронированного башмака он сердито пнул кучу мусора. Мелькнуло что-то вроде ржавого металла.

— Ну-ка поддержи!

Он передал фонарь Мете и, позабыв об опасности, принялся разгребать мусор. Показался плоский металлический ящик с буквенным замком.

— Это же бортовой журнал! — удивленно воскликнула Мета.

— Я так и подумал, — отозвался Язон. — И если ты не ошиблась, может оказаться, что мы трудились не зря.

ГЛАВА 11

Они заперли наглухо подвал и отнесли металлический ящик в контору Язона. Обрызгали его дезинфицирующим раствором и только потом приступили к осмотру. Мета первая заметила выгравированные на крышке буквы.

— «М. Т. Поллукс Виктори»... Это, должно быть, название корабля. Но я не вижу, какого класса корабль. И что означают буквы «М. Т.»?

— «Межзвездный транспорт», — объяснил Язон, принимаясь за замок. — Я только слышал о них, а видеть не пришлось. Их строили во время последней волны галактической экспансии. Собственно, это были всего лишь огромные металлические контейнеры. Их собирали в космосе, загружали людей, аппаратуру, снаряжение и буксировали к той или иной планетной системе. Разовые ракеты и те же буксиры тормозили «М. Т.» для посадки. Транспорт оставался на планете. Корпус был готовым источником металла, поселенцы могли сразу же приступить к созиданию нового мира. Ведь транспорты были гигантские. Каждый вез не меньше пятидесяти тысяч человек.

Произнеся эту фразу, Язон вдруг сообразил, что из нее вытекает. Он взглянул на побледневшее лицо Меты. Да, да... Теперь на Пирре меньше людей, чем было, когда создавалась колония.

А ведь население, если не ограничивать рождаемость, обычно растет в геометрической прогрессии. Язон вспомнил привычку Меты чуть что хвататься за пистолет и поспешил добавить:

— Но мы не знаем точно, сколько народу было на этом корабле. Не знаем даже, в самом ли деле это журнал корабля, который доставил первых поселенцев. Ты не придумаешь, чем открыть эту штуку? А то крышка совсем проржавела.

Мета выместила свою ярость на ящике. Под нажимом ее пальцев край крышки поддался, она нажала еще сильнее, металл закрипел, ржавые петли лопнули, крышка слетела, и на стол со стуком упала тяжелая книга. Надпись на обложке положила конец всем сомнениям.

«Бортовой журнал “М. Т. Поллукс Виктори”. Маршрут Сетани — Пирр. На борту 55 тысяч переселенцев».

Тут уж не поспоришь... Сжав кулаки, Мета через плечо Язона читала записи на пожелтевших, хрупких листах. Он быстро пролистал первые страницы, на которых рассказывалось о приготовлениях к рейсу и о перелете до Пирра. Наконец он дошел до посадки и стал читать внимательнее, взволнованный словами, дошедшими до них из глубины веков.

— Вот! — крикнул Язон. — Доказательство того, что мы идем по верному следу. Даже тебе придется это признать. Читай, вот здесь.

— «...второй день, как ушли буксировщики, и мы полностью предоставлены сами себе. Колонисты еще не освоились на новом месте, хотя каждый вечер проводятся специальные беседы. Да можно ли упрекать людей, которые жили в подземных городах Сетани и видели солнце от силы раз в год. Здесь солнца хватает, а такого ветра я не встречал нигде, хотя побывал на сотне планет. Может быть, я допустил ошибку при разработке плана, и надо было настоять на вывозе людей с какой-нибудь из аграрных планет? Людей, привычных к вольному воздуху? Эти горожане с Сетани дождя боятся. Правда, на своей планете они росли при полуторной силе тяжести, так что им легче привыкнуть к здешней двойной. Этот фактор сыграл решающую роль. Как бы то ни было, теперь поздно переигрывать. И с этими бесконечными ливнями, снегом, градом, ураганами тоже ничего не поделаешь. Надо скорее пускать рудники, продавать металл и строить закрытые города.

Все на этой злополучной планете против нас — все, кроме животных. Правда, в первые дни появилось несколько крупных хищников, но часовые быстро с ними расправились. Остальные звери нас не беспокоят. И на том спасибо! Они ведут такую жестокую борьбу за существование, что я еще не видел более устрашающих тварей. Даже самые маленькие грызуны, длиной с ладонь, вооружены не хуже танка...»

— Не верю ни одному слову, — вдруг сказала Мета. — Это написано не про Пирр...

Она не договорила: Язон молча ткнул пальцем в надпись на обложке.

Он стал листать дальше, пробегая страницы глазами. Одно предложение заставило его задержаться, и Язон прочел вслух, ведя пальцем вдоль строчек:

— «...все больше осложнений. Во-первых, Хар Пало выдвинул гипотезу, будто злаки растут так хорошо потому, что почва теплая

от близости магмы. Даже если это так, что мы можем сделать? Мы должны сами себя всем обеспечивать, если хотим выжить. А тут еще новость. Похоже, что лесной пожар гонит в нашу сторону животных, с какими мы раньше не встречались. Звери, насекомые, даже птицы нападают на людей. (Обратить внимание Хара: проверить, не связано ли это с сезонными миграциями.) Уже четырнадцать человек погибли от ран и отравления. Надо будет строго-настрого приказать всем постоянно пользоваться репеллентами от насекомых. А для защиты от крупных животных придется, пожалуй, обнести лагерь защитной стеной».

— Отсюда все и пошло, — сказал Язон. — Что ж, теперь мы хоть знаем, в чем дело. Конечно, от этого нам будет не легче справиться с Пирром. И здешние звери не станут менее опасными оттого, что мы узнали, что в прошлом они лучше ладили с людьми. Пока что мы, можно сказать, только докопались до сути. Что-то воздействовало на миролюбивые организмы, распалило их и превратило всю планету в сплошной капкан для людей. Теперь надо выяснить, что же это было.

ГЛАВА 12

Дальнейшее чтение ничего существенного не добавило. В журнале содержались дополнительные данные об исконной фауне и флоре, об их опасности для людей, о первых мерах защиты.

Сведения, интересные в историческом плане, но практической пользы от них никакой. Капитану явно не приходило в голову, что пиррянские организмы изменяются, он думал, что колонисты открывают все новые виды. Ему так и не довелось пересмотреть свои взгляды.

Последняя запись, сделанная меньше чем через два месяца после первого конфликта, была очень короткой. И писала уже другая рука: «Капитан Курковски умер сегодня после укуса ядовитого насекомого. Все сожалеют о его гибели».

Причину такой нелюбви планеты к человеку еще предстояло выяснить.

— Надо показать эту книгу Керку, — сказал Язон. — Он, наверное, знает, что было потом. Можно на чем-нибудь доехать или мы пойдем в ратушу пешком?

— Пешком, конечно, — ответила Мета.

— Тогда ты носи книгу. При двух G мне трудноато быть джентльменом.

В ту самую минуту, когда они вошли в канцелярию Керка, из визифона вырвался пронзительный крик. Язон не сразу разобрал, что это не голос человека, а механический сигнал.

— Что случилось? — спросил он. Керк выскочил из своей канцелярии и ринулся к выходу. Остальные сотрудники последовали за ним. Мета в замешательстве посмотрела на дверь, потом на Язона

— В чем дело? Ты можешь мне ответить? — Он дернул ее за руку.

— Секторальная тревога. Периметр прорван. Все должны явиться к месту прорыва, кроме часовых на других участках Периметра.

— Ну так иди, — сказал Язон. — За меня не беспокойся. Как-нибудь переберусь.

Его слова подействовали как спусковой крючок. Он еще не договорил, а Мета с пистолетом в руке уже исчезла за дверью. Язон устало опустил на стул в безлюдной канцелярии.

Неестественная тишина в здании начала действовать ему на нервы, тогда он подошел вместе со стулом к визифону, повернул переключатель, и аппарат буквально взорвался красками и звуками. Поначалу Язон ничего не мог разобрать. Какой-то хаос лиц и голосов... Аппарат был многоканальный, военного образца. На экран поступало изображение сразу с нескольких камер, и было видно где ряды голов, где смазанный фон. И так как головы говорили одновременно, понять что-либо было невозможно.

Рассмотрев все ручки и немного поэкспериментировав с ними, Язон понял принцип действия аппарата. Хотя видеосигналы всех передающих станций одновременно поступали на экран, звуковые каналы поддавались настройке. Две, три или больше станций могли соединяться в сети, участники которых разговаривали между собой, не теряя при этом связи и с другими.

Звук автоматически привязывался к изображению. Когда кто-то говорил, его изображение окрашивалось в пунцовый цвет. Опирируя методом проб и ошибок, Язон выделил интересующие его звуковые каналы и попробовал разобраться в ходе баталии.

Он быстро уразумел, что бой идет нешуточный. Каким-то образом — каким именно, из отрывочных реплик нельзя было понять, — оборонительный пояс был прорван, и теперь аварийные отряды заделывали брешь. Судя по всему, руководил операцией Керк; во всяком случае, только у него был циркулярный передатчик, позволяющий включаться в любую сеть. Время от времени звучали его команды; тогда мозаика маленьких лиц как бы таяла, вытесняемая большим, во весь экран, изображением Керка.

— Всем постам направить двадцать пять процентов личного состава на участок двенадцать.

Снова появились маленькие лица, нестройный гул голосов усилился, то одно, то другое лицо загоралось пунцовым огнем.

— ...очистить первый ярус, радиус кислотных бомб недостаточен.

— Если останемся здесь, будем отрезаны, на западном фланге нас уже обходят. Просим подкреплений.

— Брось, Мера... Это без толку!

— ...напалм уже на исходе. Какие будут приказания?

— Транспортер еще здесь, живо на склад, там найдете...

Из всего речевого сумбура только две последние реплики прозвучали осмысленно для Язона. Он помнил надписи у входа в здание и знал, что оба первых этажа заняты под склад боеприпасов. «Кажется, мой выход», — сказал он себе.

Сидеть и смотреть сложа руки было невыносимо. Тем более когда шла такая отчаянная схватка. Язон не переоценивал своих возможностей, однако не сомневался, что и его пистолет будет не лишним.

Когда он дотащился до первого этажа, на улице у грузовой платформы уже стоял турбомобиль. Два пиррянина поспешно выкатывали со склада бочки с напалмом, нисколько не думая о собственной безопасности. Язон не отважился нырнуть в этот водоворот катящегося металла. Он смекнул, что от него будет гораздо больше проку, если он возьмется кантовать тяжелые бочки в кузове. Пирряне восприняли его помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ворочать свинцовые бочки, борясь с двойным тяготением, — адский труд... Кровь стучала в висках, глаза застлала багровая мгла. Язон работал вслепую и, что дело сделано, понял лишь после того, как транспортер вдруг рванулся вперед и его бросило на дно кузова. Он остался лежать между бочками, тяжело дыша.

Водитель гнал тяжелую машину полным ходом, и Язона мотало во все стороны. К тому времени, когда они достигли зоны боя и круто затормозили, в глазах у него немного прояснилось, но отдышаться он еще не успел.

Его взгляду представился сплошной сумбур. Стрельба, языки пламени, со всех сторон бегущие мужчины и женщины. Напалм сгрузили без его участия, и транспортер тотчас укатил за новой партией. Прислонившись к стене полуразрушенного здания, Язон попробовал разобраться, что к чему. Это было невозможно. Кругом кишели какие-то мелкие твари, он убил двух, которые пытались его атаковать. В остальном ход битвы оставался для него непонятным.

Рядом с собой он увидел пиррянина с бледным от боли и напряжения лицом. Правая рука его с зияющей рваной раной, которую кто-то обработал специальным раствором, безвольно повисла. В левой руке он держал пистолет с обрывком провода. Язон подумал, что раненый ищет, кто бы мог его перевязать. Он ошибся.

Стиснув пистолет зубами, пиррянин захватил здоровой рукой бочку с напалмом и повалил ее набок. Потом снова взял в руку пистолет и стал катить бочку по земле ногами. Она плохо поддавалась, но раненый не хотел выходить из боя. Язон протиснулся к нему между спящими людьми и наклонился над бочкой.

— Дай-ка я буду катить, — сказал он. — А ты прикрывай меня пистолетом.

Пиррянин вытер рукой пот со лба и присмотрелся к Язону. Казалось, он его узнал. Во всяком случае, он улыбнулся; правда, улыбка была безрадостная, больше похожая на гримасу боли.

— Ладно, кати, я еще могу стрелять. Два полчеловека вместе — пожалуй, выйдет боец.

Язон уже сражался с бочкой, и ему было не до того, чтобы обижаться.

Улица впереди была разворочена взрывом. Двое трудились на дне воронки, углубляя ее лопатами. Язон не понимал, зачем это нужно. В ту самую минуту, когда он подкатил бочку к яме, оба пиррянина выскочили из нее и открыли огонь, целясь вниз. Один из стреляющих оказался совсем юной девушкой лет одиннадцати-двенадцати.

— Спасибо Периметру! — выдохнула она. — Давайте напалм. Одно из новых чудовищ пробивается на участок тринадцать, мы только что его обнаружили.

Говоря, она развернула бочку, сшибла пробку, и студенистое вещество потекло в яму. Не дожидаясь, когда все вытечет, девушка столкнула бочку в воронку. Ее товарищ сорвал с пояса осветительную ракету и швырнул следом.

— Назад, живо! — крикнул он. — Они не любят тепла.

Это было очень мягко сказано. Напалм вспыхнул, вверх взметнулись языки коптящего пламени, за клубился дым. Земля под ногами Язона заколыхалась, среди огня возникло что-то длинное, черное и изогнулось в воздухе у них над головой. Окруженное пеклом чудовище как-то странно дергалось. Оно было огромное, толщиной не меньше двух метров, а о длине можно было догадываться по тому, как дыбился и трескался асфальт на полсотни метров по обе стороны воронки. Пламя не укротило его, только придало еще больше ярости. Петля за петлей оно по-

являлось из-под земли. Следуя примеру других, Язон начал стрелять по извивающемуся телу, но пули не производили никакого видимого действия.

Со всех сторон прибывало подкрепление, люди несли разное оружие, но всего эффективнее оказались минометы и огнеметы.

— Освободить участок, открываем массированный огонь! Отходи!

Голос прозвучал так громко, что у Язона зазвенело в ушах. Он повернулся и увидел Керка, который привел транспортеры с оружием. На спине у пиррянина висел рупор, микрофон торчал перед ртом. Подчиняясь команде, толпа бросилась в сторону.

Язон растерялся. Освободить участок? Какой участок? Он рванулся было к Керку, но вдруг увидел, что все бегут в противоположную сторону. Да как бегут!

Язон остался в одиночестве посреди улицы, чувствуя себя совсем беззащитным. Все остальные исчезли. Нет, не все. Раненый, которому он помог справиться с бочкой, приближался, размахивая здоровой рукой. Язон не мог разобрать, что он говорит. Машины тронулись с места. Язон понял, что надо пошевеливаться, и сделал несколько шагов.

Поздно. Земля вспучилась сразу со всех сторон, из трещин выбиралась наружу невиданная тварь. Спасение было впереди, но на пути к нему изогнулась в воздухе облепленная землей серая арка.

Иногда секунды кажутся вечностью. Субъективное время вдруг бесконечно растягивается. Сейчас был как раз такой случай. Язон застыл на месте. Даже дым в небе словно окаменел. Прямо перед собой Язон отчетливо видел странную петлю — часть чужеродного организма. Видел все до мельчайших подробностей.

Толстое тело, серое и шероховатое, будто старое дерево. С множеством извивающихся по-змеиному длинных белесых отростков. С виду растение, а двигается как животное... И оно лопается, трескается! Это было самое ужасное. Появились какие-то трещины, отверстия.словно разинутые пасти, они изрыгали полчища мертвенно-белых тварей, которые издавали пронзительный визг на грани слышимых частот. Он увидел страшные челюсти со множеством острейших клыков.

Ужас встречи с неведомым сковал руки и ноги Язона. Он приготовился умереть. Керк орал ему что-то громовым голосом в мегафон, по атакующему чудовищу непрерывно стреляли, а Язон стоял словно в забытии.

Вдруг чье-то твердое, как камень, плечо сильно толкнуло его вперед. Это был раненый пиррянин, он все еще рассчитывал

выручить Язона. Держа пистолет зубами, он здоровой рукой потащил Язона за собой. Прямо на чудовище.

Стрельба на время прекратилась. Другие пирряне поняли его замысел.

Под изогнувшейся в воздухе петлей образовался большой просвет. Пиррянин уперся как следует ногами, весь напрягся, рывком оторвал Язона от земли и буквально швырнул его в проход под живой аркой. Извивающиеся щупальца обожгли лицо Язона, в следующую секунду он уже катился по земле по ту сторону петли. Раненый пиррянин прыгнул следом за ним.

Он опоздал. Обстановка позволяла спастись только одному. И пиррянин, вместо того чтобы использовать этот единственный шанс, протолкнул Язона. Щупальца, которые задели Язона, передали сигнал в мозг чудовища, оно опустилось и накрыло пиррянина. Он пропал из виду, весь облепленный белесыми тварями. Но пистолет-автомат продолжал стрелять еще долго после того, как человек заведомо был мертв.

Язон встал на четвереньки и пополз. Несколько клыкастых бестий бросились к нему, но были подстрелены. Он этого не видел. Чьи-то сильные руки грубо поставили его на ноги и дернули. Он ударился о борт транспортера и увидел разъяренное лицо Керка. Могучая пятерня схватила его за грудь, оторвала от земли и безжалостно встряхнула, словно кучу тряпья. Язону оставалось лишь молча терпеть и ждать, чем это кончится.

Керк не убил Язона, только отшвырнул его в сторону. Кто-то другой подобрал его и забросил в кузов. Он еще был в сознании, когда машина рванулась с места, но у него не было сил двигаться. Ничего, сейчас все пройдет, и он сядет. Он просто устал немного, вот и все... Здесь течение его мыслей оборвалось.

ГЛАВА 13

— Совсем как в давние времена, — приветствовал Язон входящего в комнату Бруччо.

Пиррянин молча подал Язону и другим раненым еду и вышел.

— Спасибо! — крикнул ему вдогонку Язон.

Шутка, улыбка, все как положено. Вот только губы словно чужие. Как будто их налепили — и они говорят и улыбаются сами по себе. И внутри все онемело. Мышцы не слушались, а перед глазами стояла одна и та же картина: живая арка, которая обрушивалась на однорукого пиррянина и оплетала его миллионами жгучих щупалец.

Язон представлял себя на месте погибшего. Ведь по справедливости он должен был там остаться... Он машинально очистил тарелку.

Эта мысль преследовала его с того самого утра, когда он пришел в сознание. Это он должен был умереть там, на перепаханной битвой улице. Он должен был расплатиться жизнью за то, что возомнил, будто может помочь чем-то сражающимся пиррянам. А он только путался под ногами и мешал. Если бы не Язон, сейчас здесь лечился бы тот раненый пиррянин. Он занимает чужое место.

Место человека, который отдал свою жизнь за Язона.

Человека, которого он даже не знал по имени.

В еду было подмешано какое-то снотворное. Тампоны высасывали саднящую боль из ожогов на лице, там, где его полоснули шупальца. Когда Язон проснулся опять, он мог уже мыслить более здраво.

Другой человек умер, чтобы он мог жить. От этого никуда не уйдешь. При всем желании погибшего не вернешь к жизни. Значит, надо сделать так, чтобы его смерть была не напрасной. В той мере, в какой вообще смерть человека может считаться оправданной... Ну вот, опять о том же! Хватит.

Язон знал, что он должен делать. Теперь его поиск приобретает еще большее значение. Если он решит загадку этого свирепого мира, он вернет тем самым часть своего долга.

Язон сел, тотчас голова закружилась так, что он машинально ухватился за край кровати. Прошло несколько минут, прежде чем головокружение унялось. Остальные раненые даже не смотрели на него, когда он медленно, кривясь от боли, начал одеваться.

Вошел Бруччо, увидел, чем он занят, и молча вышел.

Одевание затянулось надолго, наконец он управился. Когда Язон вышел из комнаты, за дверью его ожидал Керк.

— Керк, я хочу тебе сказать...

— Не говори мне ничего! — Голос Керка громом раскатился по коридору. — Говорить буду я. Ты выслушаешь меня, и на этом разговор будет окончен. Мы не желаем больше видеть тебя на Пирре, Язон динаАлыт, мы не нуждаемся ни в тебе, ни в твоих премудрых суждениях постороннего. Один раз тебе с твоим лживым языком удалось меня убедить. Я помог тебе засчет более важных дел. Я должен был раньше сообразить, куда заведет твоя пресловутая логика. Теперь я увидел это воочию. Велф умер, чтобы ты мог жить. А он стоял двоих таких, как ты.

— Велф? Его звали Велф? — неловко спросил Язон. — Я не знал...

— Ты не знал. — Зубы Керка обнажились в презрительной гримасе. — Ты даже не знал его имени, а он умер, чтобы ты мог и дальше влачить свое жалкое существование.

Керк сплюнул, словно ему попала в рот какая-то дрянь, и зашагал к выходу. Потом вспомнил что-то и повернулся к Язону.

— Ты будешь здесь, в изоляторе, пока не придет корабль. Через две недели ты покинешь эту планету и никогда больше не вернешься. А если вернешься, я убью тебя на месте. С большим удовольствием.

Он вошел в переходную комнату.

— Постой! — крикнул Язон. — Так нельзя... Ты еще не видел того, что я нашел. Спроси Мету...

Дверь захлопнулась, и Керк исчез. Черт знает что. Бессильное отчаяние сменилось яростью. С ним обращаются как с несмышленным ребенком, ни во что не ставят важное открытие, которое он сделал.

Язон обернулся и увидел Бруччо.

— Ты слышал? — спросил он.

— Да. И я с ним полностью согласен. Считаю еще, что тебе повезло.

— Повезло! — Язон окончательно рассвирепел. — В том, что ко мне относятся как к малолетнему недоумку, что моих усилий не принимают всерьез...

— А я говорю: повезло, — перебил его Бруччо. — У Керка из всех сыновей только Велф и остался. Керк возлагал на него большие надежды, готовил его себе в преемники.

Бруччо повернулся, чтобы уйти, но Язон окликнул его:

— погоди. Мне очень горько, что Велф погиб. Независимо от того, что ты мне сейчас сказал. Но теперь мне понятно, почему Керку не терпится меня выпроводить. Вместе с материалами, которые я нашел. Бортовой журнал...

— Знаю, видел его. Мета приносила. Очень интересный исторический документ.

— И это все, что ты можешь о нем сказать? Исторический документ... А суть перемены, которая произошла с планетой, до тебя не дошла?

— Дошла, — сухо ответил Бруччо. — Но я не вижу, при чем тут сегодняшний день. Прошлого не переделать, а мы боремся в настоящем, и все наши силы уходят на эту борьбу.

Все, все впустую, прямо хоть вой... Куда ни повернись, сплошное безразличие.

— Ты же умный человек, Бруччо, и, однако, видишь не дальше собственного носа. Наверное, с этим ничего не поделаешь, Ты и

все остальные пирряне — супермены на земную мерку. Свирепые, беспощадные, несокрушимые, с молниеносной реакцией. Живучие, как кошки. Из вас получились бы неподобные техасские рейнджеры, канадские конные патрули, разведчики болот Венеры — любые из мифических героев далекого прошлого. И, по-моему, именно там ваше место, в прошлом. На Пирре человек находится в условиях, которые требуют максимума от его мышц и рефлексов. Но ведь это тупик. Мозг вывел человека из пещер и открыл ему путь к звездам. Если опять впереди мозга поставить мышцы, мы вернемся к пещерному уровню. В самом деле, кто вы, пирряне, если не племя троглодитов, которые бьют зверей по голове каменными топорами? Вы когда-нибудь задумывались над тем, для чего вы тут живете? Что делаете? Куда идете?

Язон остановился, чтобы перевести дух.

Бруччо задумчиво потер подбородок.

— Пещеры? — повторил он. — Где ты видел у нас пещеры и каменные топоры? Я тебя совсем не понимаю.

Можно ли тут сердиться, раздражаться? Язон открыл рот, хотел ответить, но вместо этого рассмеялся. Это был невеселый смех. Он устал спорить с этими пиррянами. Все как об стену горох. Они мыслят только в настоящем. Прошрое и будущее для них неизменно и непознаваемо, а потому не представляет никакого интереса.

— Как идет бой на Периметре? — спросил он, переводя разговор на другое.

— Окончен. Во всяком случае, подходит к концу.

И Бруччо принялся с жаром показывать стереофотографии врага, не замечая, что Язон с трудом подавляет отвращение.

— Это был самый серьезный прорыв за много лет, но мы вовремя его засекли. Жутко подумать, что было бы, опоздай мы на неделю-другую.

— А что это за твари? — спросил Язон. — Какие-нибудь гигантские змеи?

— Не говори вздора, — фыркнул Бруччо и постучал ногтем по снимку. — Корни. Только и всего. Сильно видоизмененные, конечно, но все равно корни. Задумали пробраться под Периметром, такого глубокого подкопа еще никогда не было. Сами-то по себе они неопасны, подвижность очень маленькая. Обруби такой корень — долго не проживет. А вся опасность в том, что они служили как ходы для штурма. Каждый корень внутри испещрен ходами, в них живут два или три вида животных, своего рода симбиоз. Теперь, когда мы в них разобрались, будем начеку. А вот если бы они подрывали весь Периметр и атаковали сразу со всех сторон, тогда нам пришлось бы худо.

Предельные условия. Жизнь на краю вулкана, грозящего всех истребить. Пирряне рады каждому прожитому дню. Видно, их уже не переделаешь. Язон не стал продолжать разговор. Забрав в комнате Бруччо бортовой журнал «Поллукс Виктори», он отнес его к себе. Соседи по палате не замечали его. Он лег и открыл журнал на первой странице.

Два дня Язон не выходил из палаты. Раненые быстро поправлялись, он остался один и внимательно читал страницу за страницей, пока не изучил во всех подробностях историю освоения Пирра. Кипа заметок и выписок быстро росла. Он вычертил карту первоначального поселения и наложил ее на самую последнюю. Ничего похожего...

Да, это тупик. Сравнение карт неумолимо подтверждало то, о чем он догадывался. Все детали местности и рельефа были описаны в журнале очень точно. Город, несомненно, переместился со времени первоначальной высадки колонистов. Где-то это фиксировалось, но все данные должны были попасть в библиотеку, а этот источник он уже исчерпал. И больше нигде искать.

Дождь хлестал по стеклу над его головой, сверкали молнии. Незримые вулканы опять проснулись, и от их глухого подземного ворчания содрогался пол.

Плечи Язона поникли под тяжким грузом поражения, пасмурное небо казалось еще более хмурым.

ГЛАВА 14

Весь следующий день Язон пролежал на койке, уныло глядя в потолок и пытаясь переварить мысль о своем проигрыше. Приказ Керка не выходить из изолятора связывал его по рукам и ногам. Ему казалось, что лишь несколько шагов отделяют его от ответа. Но как сделать эти шаги?

Его хандры хватило ровно на один день. Язон не видел в позиции, занятой Керком, ни капли логики, одни эмоции. Мысль об этом неотступно преследовала его. Жизнь давно научила Язона относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. Он ни в чем не мог согласиться с Керком — значит, надо использовать оставшиеся десять дней, чтобы решить проблему. Пусть даже для этого придется нарушить приказ Керка.

Он с жаром взялся опять за свой блокнот. Первые источники информации исчерпаны, но должны быть другие. Грызая ручку и упорно размышляя, Язон перебирал возможные варианты. Любая идея, даже самая безумная, заслуживала внимания. Исписав блок-

нот, он вычеркнул чересчур трудоемкие и заведомо неосуществимые ходы. Такие, как обращение к внепланетным историческим архивам. Речь идет о сугубо пиррянской проблеме — либо она будет решена на Пирре, либо так и останется нерешенной.

В конце концов он остановился на двух вариантах. Первый — старые документы, записки или дневники, которые могли сохраниться в личном владении у кого-нибудь из пиррян. Второй — изустные предания, передававшиеся из поколения в поколение. Вариант номер один казался ему наиболее реальным, и Язон тотчас приступил к делу. Тщательно проверив свою аптечку и пистолет, он пошел к Бруччо.

— Что нового смертельного появилось на свете за то время, что я тут сижу? — спросил он. Бруччо воззрился на него.

— Тебе нельзя выходить, Керк запретил.

— Он велел тебе следить, чтобы я повиновался? — холодно осведомился Язон. Бруччо потер подбородок и насупил брови. Поразмыслив, он пожал плечами.

— Да нет, я тебя не сторожу. И ни к чему это мне. Я понимаю так, что это ваше с Керком личное дело — ну так и разбирайтесь сами. Уходи, когда тебе вздумается. И постарайся, чтобы где-нибудь тебя тихо прикончили, для нас будет одной заботой меньше.

— И я тебя так же люблю, — отозвался Язон. — Теперь рассказывай про фауну.

Единственной новой мутацией, требовавшей дополнительных мер защиты, была серо-голубая ящерица, которая с убийственной меткостью плевалась ядом, поражающим нервную систему. Смерть наступала через несколько секунд после того, как яд попадал на кожу. Эту ящерицу ни в коем случае нельзя было подпускать близко.

Одного часа упражнений на тренажере оказалось достаточно, чтобы у Язона выработался нужный рефлекс. Никем не замеченный, он покинул здание изолятора и побрел по пыльным улицам к ближайшим казармам, сверяясь с планом города. Было душно, царила тишина, нарушаемая лишь далеким рокотом да изредка его собственными выстрелами.

Внутри толстостенных бараков было прохладно, и Язон тяжело опустился на скамейку. Когда пот на лице высох и сердце забилось ровнее, он вошел в комнату отдыха и приступил к опросу.

Дознание не затянулось. Никто из пиррян не хранил старинных предметов; сама мысль об этом казалась им нелепой. После двадцатого отрицательного ответа Язон понял, что ничего не добьется.

Значит, остаются изустные предания. Но и тут опрос ничего не дал. К тому же пиррянам надоели его пристаивания, и они начали ворчать. Лучше остановиться вовремя, пока он еще цел...

Заведующий пищеблоком угостил его обедом, который на вкус напоминал древесные опилки и размазю из пластика.

Язон быстро управился с едой и задумался над пустым подносом. Он упорно гнал от себя мысль, что снова забрел в тупик. От кого можно получить толковый ответ? Все, с кем он здесь говорил, очень уж молоды. Какое им дело до преданий старины. Это чисто стариковское хобби, требующее особого интереса и терпения. Но на Пирре нет стариков.

А впрочем, есть одно исключение: библиотекарь Поли. В самом деле. Человек, который имеет дело с документами и книгами, мог сберечь что-нибудь старинное. На худой конец, он может помнить что-то из прочитанного. Не очень надежная нить, но ее надо проверить.

Путь до библиотеки едва не доконал Язона. Ливни сделали дорожное покрытие совсем скользким, а сумрачное освещение мешало видеть, что делается кругом. Какая-то тварь сумела подобраться вплотную и основательно царапнула его, прежде чем он ее подстрелил. От противоядия у него помутилось в глазах, и он потерял довольно много крови, пока наложил повязку. До библиотеки он добрался совсем усталый и злой.

Поли копался во внутренностях одной из библиотечных машин и оторвался от работы только после того, как Язон тронул его за плечо. Включив слуховой аппарат, старый инвалид приготовился слушать.

— У вас есть старые бумаги или письма, которые вы храните для себя лично?

Пиррянин отрицательно покачал головой.

— А как насчет преданий — может, вы в молодости слышали какие-нибудь рассказы о древних делах, о подвигах?

Снова отрицательный жест. О чем бы Язон ни спросил, Поли только качал головой. Наконец старый пиррянин раздраженно показал на ожидавшую его работу.

— Да-да, я знаю, вам надо работать. Но это очень важно.

Поли сердито мотнул головой и поднял руку, намереваясь выключить слуховой аппарат. Язон лихорадочно старался придумать такой вопрос, который мог бы вызвать более позитивную реакцию. В мозгу вертелось какое-то слово, которое он однажды слышал и, так сказать, заложил в память, чтобы потом выяснить его значение. Слышал от Керка... Есть! Заветное слово вынырнуло из подсознания.

— Минуточку, Поли, только еще один вопрос. Что такое «корчевщик»? Вы когда-нибудь видели «корчевщика»? Чем они занимаются? Где их можно увидеть?

Он не договорил. Поли развернулся и со всего размаху ударил Язона по лицу здоровой рукой так, что едва не раздробил ему челюсть. Язон отлетел в сторону и, словно в тумане, увидел, как старый калека идет, ковыляя, к нему. Уцелевшая часть лица библиотекаря была искажена яростью, изувеченное горло издавало какие-то клекочущие звуки.

Тут уж было не до объяснений. Со всей скоростью, какую только он мог развить при двойном тяготении, Язон направился к двери. Рукопашная схватка с пиррянином, будь то малорослый юнец или старый инвалид, не сулила ничего хорошего.

Дождь успел смениться снегом, и Язон зашлепал по слякоти, потирая ноющую скулу и осмысливая единственный факт, которым он располагал. «Корчевщик» — явно ключ, но к чему? И куда теперь обратиться за информацией? Из всех пиррян только с Керком у него получался путный разговор, но с ним больше не поговоришь.

Остается Мета. Надо немедленно повидаться с ней. Но тут им вдруг овладела такая слабость, что он через силу добрал обратно до учебного центра.

Утром он чуть свет позавтракал и снова отправился в город. Всего неделя осталась в запасе... Проклиная два G, пересекающие все его попытки идти быстро, Язон дотащился до здания диспетчерской службы, узнал, что Мета вот-вот должна вернуться с ночного дежурства на Периметре, и отправился в ее казарму.

Когда Мета вошла, он лежал на ее койке.

— Уходи, — бесстрастно сказала она. — Или тебя надо вышвырнуть?

— Терпение. — Он сел. — Я просто прилег отдохнуть, пока ждал тебя. У меня к тебе один-единственный вопрос. Ответь мне на него, и я сразу уйду.

— Какой еще вопрос? — Мета нетерпеливо постукивала по полу каблуком, но Язон уловил нотку любопытства в ее голосе.

Он еще раз тщательно продумал все, потом заговорил:

— Только постарайся воздержаться от стрельбы. Ты знаешь меня как болтливого инопланетчика, я уже говорил при тебе ужасные вещи, и ты не стреляла в меня. Сейчас ты услышишь еще одну ужасную вещь. Пожалуйста, подтверди свое превосходство над другими обитателями Галактики, держи себя в руках и не разлагай меня на атомы.

В ответ она только еще раз стукнула каблуком. Язон собрался с духом и выпалил:

— Что такое «корчевщик»?

На миг Мета словно окаменела. Потом с отвращением посмотрела на него.

— Ты умеешь находить самые омерзительные предметы для разговора.

— Возможно, — согласился он. — Но это не ответ на мой вопрос.

— Это... В общем, это одна из тех вещей, о которых люди не говорят.

— Я говорю.

— А я нет! Это самая отвратительная вещь на свете, больше я ничего не скажу. Потолкуй с Кранноном, а с меня хватит.

Говоря, Мета схватила его за руку и выволокла в тамбур. В следующую секунду дверь захлопнулась за его спиной. Язон сердито буркнул себе под нос: «Атлетка», но гнев улетучился, как только он сообразил, что Мета, хотела она того или нет, дала ему в руки ключ. Теперь надо выяснить, кто такой или что такое Краннон.

В диспетчерской Язон узнал, кто такой Краннон, а также где и в какую смену он работает. Идти туда было недалеко, и Язон скоро очутился перед большим кубическим строением без окон. У каждого из надежно запертых входов висело по вывеске с одним только словом: «Продовольствие». Чтобы попасть внутрь здания, Язону пришлось пройти через несколько тесных автоматических камер, где он подвергся ультразвуковой, ультрафиолетовой и антисептической обработке. Затем его почистили вращающиеся щетки и последовательно окатили три различных душа. Несколько более влажный и несравненно более чистый, он был наконец допущен в центральное помещение. Здесь люди и роботы перекладывали ящики, и Язон спросил одного из пиррян, где можно видеть Краннона. Пиррянин холодно смерил Язона взглядом, плюнул на его башмаки и только потом ответил.

Краннон — коренастый и весьма мрачный мужчина в зала-танном комбинезоне — работал один в просторной кладовой. При виде Язона он перестал ворочать тюки и сел. Угрюмые складки на его лице, казалось, стали еще глубже, когда Язон принялся объяснять, зачем пришел.

Разговор о пиррянской старине нагнал на него тоску, и он откровенно зевал. Наконец Язон закончил. Однако он тщетно ждал ответа, Краннон только молча продолжал зевать. В конце концов Язон не выдержал:

— Ну так как, у вас есть старые книги, документы, записки или что-нибудь в этом роде?

— Ты обратился по адресу, инопланетчик, — услышал он. — От разговора со мной тебе будут сплошные неприятности.

— Это почему же?

— Почему? — Язон увидел, что лицо Краннона может выражать не только уныние. — Я тебе скажу почему! Однажды я допустил промашку, только одну, и был наказан за это пожизненным приговором. На всю жизнь, понятно тебе? Я один, все время один. Корчевщики и те надо мной начальники.

Язон постарался не выдать своего ликования.

— Корчевщики? А кто это такие — корчевщики?

От такого чудовищного вопроса Краннон даже онемел. Неужели есть на свете человек, который не слышал про корчевщиков?

Что-то похожее на радость потеснило тоску в его душе, когда он понял, что наконец-то обрел чуткого слушателя, с которым можно поделиться своей бедой.

— Корчевщики — предатели, иначе их не назовешь. Предатели рода человеческого, я бы их всех перебил, была бы моя воля. Живут в джунглях. А что они с животными делают...

— Вы хотите сказать, что это люди? Такие же пиррыне, как вы сами? — перебил его Язон.

— Нет, сударь, не такие же, как я. И не повторяй этой ошибки, если тебе жизнь дорога. Допустим, я один раз задремал на посту, за что и должен теперь делать эту работу. Но отсюда еще не следует, что она мне по душе. Или что они мне по душе. От них смердит, да-да, смердит, и если бы они не давали нам продовольствие, их завтра же прикончили бы всех до одного. Вот работенка, за которую я взялся бы с великой радостью!

— Но если они поставляют вам продовольствие, вы должны давать им что-то взамен?

— Меновый товар — бусы, ножи и все такое прочее. Мне их сюда привозят в коробках, мое дело только доставить эти коробки по адресу.

— Как вы это делаете?

— Отвожу в условное место на бронетранспортере. Потом еду туда снова и забираю продовольствие, которое они оставляют.

— Можно мне в следующий раз поехать с вами?

Краннон немного поразмыслил, прежде чем ответить.

— Что ж, ваяяй, поезжай, если природа обделила тебя умишком. Пособишь мне с погрузкой. Сейчас урожай еще не собран, так что следующий рейс через восемь дней...

— Но ведь это будет после того, как улетит корабль. Слишком поздно. А раньше вы не можете поехать?

— Не лезь ко мне со своими проблемами, сударь, — пробурчал Краннон, вставая. — Через восемь дней, и никаких перемен ради твоей милости.

Язон понял, что от этого человека ему большего за один раз не добиться. Он уже собрался уходить, но затем обернулся.

— Еще один вопрос. Как выглядят эти дикари? Эти корчевщики?

— Откуда мне знать! — рявкнул Краннон. — Я с ними торгую, а не целуюсь. Попадись мне хоть один, я пристрелил бы его на месте.

Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, заставляя пистолет выскакивать из кобуры. Язон предпочел тихо удалиться.

Растянувшись на койке, чтобы мышцы отдохнули от перегрузки, он ломал голову над тем, как убедить Краннона перенести срок. Его надо подкупить. Но чем? В этом мире, где валюта не котируется, его миллионы кредов ничего не значат. Глаза Язона остановились на стенном шкафу, в котором висела его старая одежда... Кажется, придумал!

На другой день — еще одним днем меньше! — он спозаранок пришел в здание продовольственного склада. Краннон даже не обернулся на звук его шагов.

— Хотите получить эту штуку? — Язон протянул изгою плоский золотой футляр с крупным алмазом посередине.

Краннон хмыкнул и повертел футляр в руках.

— Игрушка, — сказал он. — Какой от нее прок?

— А вы нажмите кнопку, появится огонь.

Над дырочкой в крышке вырос язычок пламени. Краннон вернул футляр Язону.

— На кой мне такой огонек? Оставь себе.

— Погодите, — сказал Язон. — Это не все. Если надавить на этот камень посередине, выскочит... вот видите?

У него на ладони очутился черный шарик величиной с ноготь.

— Граната, из чистого улыгранита. Сдави ее хорошенько, потом брось, и будет такой взрыв, что начисто разнесет дом вроде этого.

Краннон снова взял золотой футляр. На грозное оружие он смотрел чуть ли не с улыбкой, словно ребенок на конфетку.

— Футляр и бомбы будут ваши, если вы перенесете очередной рейс на завтра и возьмете меня с собой, — поспешил объявить Язон.

— Будь здесь ровно в пять утра, — ответил Краннон. — Мы выедем рано.

ГЛАВА 15

Рокоча гусеницами, бронетранспортер подкатил к воротам Периметра и остановился. Краннон сделал рукой знак часовым и опустил металлический щит перед ветровым стеклом. Ворота распахнулись, и транспортер — по сути дела, это был тяжелый танк — медленно пополз вперед. За первыми воротами были вторые, они открылись только после того, как сомкнулись внутренние створки. Язон смотрел в перископ, как открываются наружные ворота. Автоматические огнеметы поливали пламенем проход, пока транспортер не подошел вплотную. Широкая полоса выжженной земли окаймляла Периметр; дальше начинались джунгли. Язон непроизвольно съехал на сиденье.

Растения и животные, которых он до тех пор знал лишь по образцам, здесь окружали его со всех сторон, образуя сплошную массу, кишашую всякой живностью. Воздух наполнился неистовым гулом, что-то непрерывно царапало броню, стучало по ней.

Краннон усмехнулся и включил контакт, подающий электрический ток на защитную решетку. Царапанье умолкло по мере того, как звери своими телами замыкали цепь на заземленный корпус.

Транспортер продирался сквозь джунгли на самой малой скорости. Лицо Краннона будто срослось с перископом. Он молча управлял машиной. С каждой милей транспортер шел все лучше; наконец водитель убрал перископ и поднял щит. По-прежнему их грозно обступал густой лес, но это было совсем не то, что возле Периметра, вдоль которого, казалось, сосредоточилась главная смертоносная мощь планеты Пирр. «Почему? — спросил себя Язон. — Откуда эта исступленная ненависть направленного действия?»

Мотор стих, Краннон встал и потянулся.

— Приехали, — сказал он. — Давай выгружать.

Транспортер стоял на голой скале с такими крутыми и гладкими склонами, что на них не держалась никакая растительность. Краннон открыл грузовые отсеки, и они принялись сгружать клетки и ящики. Когда работа была закончена, Язон обессиленно привалился к груде ящиков.

— Полезай в кабину, едем обратно, — приказал Краннон.

— Вы поезжайте, а я останусь.

Краннон холодно посмотрел на него.

— Лезь в машину, или я убью тебя. Здесь нельзя оставаться. В первых, ты и часа один не проживешь. А главное — попадешь в руки корчевщиков. Они тебя сразу прикончат, но не в этом беда. А в том, что у тебя есть снаряжение, которое не должно попасть в их руки. Только корчевщика с пистолетом нам не хватает!

Пока пиррянин говорил, Язон лихорадочно продумывал следующий ход. Вся его надежда была на то, что Краннон смекает не так быстро, как реагирует.

Язон усталился на деревьях, точно что-то заметил среди ветвей. Краннон, продолжая говорить, автоматически последовал его примеру. И как только в руке Язона оказался пистолет, Краннон тотчас выхватил свое оружие.

— Вон там! На макушке! — крикнул Язон, стреляя наугад в зеленый хаос.

Краннон тоже открыл огонь. В ту же секунду Язон отпрянул назад, сжался в комок и покатился вниз по склону. Выстрелы заглушили звук его движений, и прежде чем Краннон успел повернуться, Язон уже скрылся в зарослях. Кусты хлестали его прутьями, но они же тормозили падение, и в конце концов он остановился. Пули, посланные вдогонку Кранноном, не достигли цели.

Лежа в кустах, исцарапанный, запыхавшийся, Язон слышал, как Краннон честит его последними словами. Топая по скале, взбешенный пиррянин продолжал стрелять наугад, однако спускаться в заросли не стал. В конце концов он сдался и сел в кабину. Мотор взревел, гусеницы звякнули и заскребли по камню, и транспортер пошел обратно через джунгли. Некоторое время были слышны рокот и треск, потом все стихло. Язон остался один. До этой минуты он даже не представлял себе, что можно чувствовать себя таким одиноким. Машина исчезла, а кругом — смерть и ничего, кроме смерти. Он с трудом подавил в себе желание броситься вдогонку за бронетранспортером. Что сделано, то сделано, возврата нет.

Риск немалый, но другого способа связаться с корчевщиками не было. Пусть они дикари, но ведь люди же. Ведут меновую торговлю с цивилизованными пиррянами — значит, не так уж безнадежно одичали. Он должен установить контакт, должен как-то поладить с ними. И выяснить, как они ухитряются жить без опаски в этом безумном мире.

Будь у него другой способ решить проблему, он предпочел бы его; роль героя-мученика Язону вовсе не улыбалась. Но Керк и назначенный им срок не оставляли ему выбора. Надо было возможно скорее устанавливать контакт, и он не видел другого пути.

Где сейчас находятся дикари? Скоро ли появятся? Попробуй, угадай. Не будь лес таким опасным, он мог бы укрыться и выждать подходящий момент для встречи с корчевщиками. Ведь если они застанут его около ящиков, то с присущим пиррянам рефлексом могут сразу отправить его на тот свет.

Волоча ноги, Язон добрел до высоких деревьев. Что-то шевельнулось среди ветвей и тут же пропало. Он поглядел на ближайшее дерево. Окружающие толстый ствол растения не производили впечатления ядовитых, и Язон вошел в лес. Вроде бы ничего угрожающего кругом. Странно... Он прислонился к шершавому стволу, собираясь с силами.

Что-то мягкое накрыло его голову, руки и ноги, точно сковало железом, и чем сильнее он отбивался, тем крепче становилась хватка. Кровь стучала в висках, легкие готовы были взорваться.

Наконец он прекратил сопротивление, и сразу же хватка ослабла. Поняв, что на него напал не зверь, Язон слегка воспрял духом. Он ничего не знал о корчевщиках, но рассчитывал на то, что человеческое в них возьмет верх.

Он был крепко связан, кобуру с пистолетом у него забрали. Без оружия Язон чувствовал себя словно голый. Все те же могучие руки снова схватили его и бросили ничком на что-то мягкое и теплое. Это «что-то» явно было каким-то крупным животным, и Язона опять обуял ужас, ведь все пиррянские животные были смертельными врагами человека. Когда животное тронулось с места, унося его на себе, на смену страху пришло огромное облегчение. Выходит, корчевщики сумели наладить своего рода сотрудничество по меньшей мере с одним представителем местной фауны. Если он выяснит, как это оказалось возможно, и сумеет сообщить секрет жителям города, все его труды и мытарства окупятся. Пожалуй, даже смерть Велфа будет оправданна, если удастся умерить, а то и вовсе прекратить многовековую войну.

Туго связанные конечности сначала отчаянно болели, потом потеряли чувствительность, а они все ехали и ехали куда-то. Язон потерял всякое представление о времени. Дождь промочил его насквозь, потом он ощутил, как жгучее солнце принялось подсушивать его одежду.

Наконец тряска прекратилась, Язона стащили со спины животного и бросили на землю. Чувствительность вернулась к развязанным рукам, и острая боль пронизала мышцы, когда он попробовал шевельнуться. Как только руки стали слушаться, он поднял их и сдернул с головы мешок, сшитый из какого-то густого меха. Ослепленный ярким светом, он жадно хватал ртом чистый воздух.

Отдышавшись немного, Язон огляделся вокруг. Он лежал на полу из неструганых досок; через дверной проем прямо в лицо ему светило заходящее солнце. Весь склон холма до самого леса занимало вспаханное поле. Царивший внутри хижины полумрак не позволял рассмотреть подробностей обстановки.

Что-то заслонило свет, на пороге выросла высокая фигура. В первую секунду Язону почудилось, что это зверь, потом он увидел лицо человека с длинными волосами и густой бородой. Человек был одет в шкуры, даже чулки на ногах были меховые. Поглаживая рукой подвешенный к поясу топор, он пристально смотрел на пленника.

— Кто ты? Чего тебе надо? — вдруг спросил бородач.

Язон помешкал с ответом — как бы этот дикарь не оказался таким же вспыльчивым, как горожане.

— Меня зовут Язон. Я пришел с миром. Я хочу быть вашим другом...

— Ложь! — Бородач взялся за топор. — Врешь, жестянщик! Я видел, как ты прятался. Хотел меня убить. Но раньше я убью тебя.

Он потрогал мозолистым пальцем лезвие топора и замахнулся.

— Погодите! — отчаянно воскликнул Язон. — Вы не поняли. — Топор качнулся вниз. — Я инопланетчик и...

Топор вонзился в дерево возле уха Язона с такой силой, что даже пол вздрогнул. Бородач передумал в последнюю секунду. Схватив Язона за грудь, он подтянул его к себе, их лица соприкоснулись.

— Правда? Инопланетчик?

Не дожидаясь ответа, он разжал пальцы, и Язон упал на доски. Дикарь перескочил через него и шагнул куда-то в глубину хижины.

— Надо доложить Ресу, — сказал он, взясь с чем-то у стены.

Загорелся свет. Язон ошарашенно вытаращил глаза. Одетый в шкуры косматый дикарь включил связное устройство. Грубые, грязные пальцы быстро настроили аппарат и набрали номер.

ГЛАВА 16

Вздор какой-то... В уме Язона вид волосатого варвара никак не вязался с электронной аппаратурой. Кого он вызывает? Если есть одно связное устройство, должно быть по меньшей мере еще одно. Кто такой Рес?

Усилием воли Язон укротил беспорядочный бег мыслей. Перед ним оказалось нечто совсем неожиданное, непредвиденное.

Ничего, все на свете поддается объяснению, надо только разобратся в фактах.

Закрыв глаза, чтобы не мешали пробивающиеся сквозь макушки деревьев лучи солнца, Язон попробовал анализировать факты. Их можно было разделить на две группы: то, что он видел сам, и то, что узнал от жителей города. Вторая категория нуждалась в проверке и сопоставлении с наблюдаемым. Может статься, что многие, если не все, факты этого рода окажутся ложными.

— Вставай, — вторгся в его мысли голос бородача. — Поехали.

Затекшие ноги не держали Язона. Бородач презрительно фыркнул, поднял его и прислонил к наружной стене. Потом он куда-то исчез, и Язон, держась за корявые бревна, воспользовался случаем хорошенько осмотреться.

Впервые после побега из родного дома он очутился на ферме. Другая планета, со своей экологией, но все равно сходство бросалось в глаза. Перед лачугой простерлось недавно засеянное поле. Видно, что здесь потрудились искусный пахарь. Аккуратные борозды равномерно огибали склон. Рядом с жилым строением стояло другое, то ли амбар, то ли конюшня.

За спиной Язона послышалось чье-то фыркание. Он резко обернулся и окаменел; рука сжимала несуществующий пистолет, палец дергал курок, которого не было.

Перед ним стоял какой-то зверь, неприметно вышедший из леса. Длиной около двух метров, шесть толстых ног с когтистыми лапами, тусклая черно-желтая шерсть, только череп и лопатки выстланы налегающими друг на друга роговыми пластинками. Зверь был так близко, что Язон хорошо все разглядел. Он приготовился умереть. Раскрылась жабя пасть, обнажая два ряда зубов, похожих на пилы.

— Ко мне, Фило, — позвал вышедший из сарая бородач и щелкнул пальцами.

Шестиногая тварь пробежала мимо огорошенного Язона и потерлась головой о ногу пиррянина.

— Хороший, хороший песик, — приговаривал тот, почесывая лопатку зверя около последней пластины.

Язон увидел, что бородач вывел двух оседланных и взнузданных верховых животных. Садясь на своего «коня», он обратил внимание на его гладкие, лоснящиеся бока и длинные ноги. Хозяин крепко привязал ступни Язона к стремянам, и они тронулись в путь, сопровождаемые лысой тварью.

— Хорошая собачка! — сказал Язон, и вдруг на него напал беспричинный смех.

Бородач оглянулся и хмуро смотрел на него, пока он не утомился.

Когда они въехали в джунгли, уже стемнело. Под густым лесным пологом ничего не было видно, тем более без фонарей, но животные явно знали дорогу. Кругом что-то шуршало, звучали пронзительные крики, однако Язон не испытывал особой тревоги. То ли ему передалась уверенность его провожатого, то ли успокоительно действовало присутствие «пса», которого он скорее ощущал, чем видел.

Путь был не очень трудный, но долгий; плавная трясца животного и усталость сделали свое, и Язон задремал, просыпаясь каждый раз, когда сильно клевал носом. В конце концов он приспособился спать, сидя прямо. Так прошло несколько часов. Вдруг Язон, в сотый раз открыв глаза, увидел впереди освещенный квадрат. Путешествие окончилось.

Когда его освободили от стремян, он, морщась от боли, с великим трудом слез на землю. Онемевшие ноги подкосились, и он едва не упал. Открылась дверь, Язон вошел в дом. Когда его глаза привыкли к свету, он разглядел кровать и лежащего на ней человека.

— Подойдите сюда и сядьте.

Голос был громкий, властный, привыкший повелевать, а тело, закрытое до пояса одеялом, принадлежало инвалиду. Болезненно бледная кожа в красных узелках дряблыми складками облегла костяк. Вот уж поистине кожа да кости...

— Не очень красивое зрелище, — сказал человек на кровати, — но я уже привык.

Он продолжал совсем другим тоном:

— Накса сообщил, что вы инопланетчик. Это верно?

Язон кивнул. Живые мощи сразу взбодрились. Голова больного оторвалась от подушки, обрамленные красными веками глаза впились в Язона.

— Мое имя Рес, я... корчевщик. Вы мне поможете?

Язона озадачило волнение, с которым были произнесены эти, казалось бы, простые слова. Тем не менее он не задумываясь ответил:

— Конечно, я помогу вам, чем смогу. Только бы это не было во вред другим. А что вы хотите?

Больной уже опустил голову обратно на подушку, но глаза его горели по-прежнему.

— Не беспокойтесь, я никому не желаю вреда, — заверил он. — Напротив. Как видите, у меня болезнь, против которой все наши средства бессильны. Мне осталось жить несколько дней. Но я ви-

дел... у горожан... какое-то приспособление... они прикладывают его к ранам и укусам. У вас нет с собой такого аппарата?

— Вы, очевидно, говорите про аптечку. — Язон нажал кнопку на поясе, и аптечка оказалась у него в руке. — Вот. Это устройство определяет и излечивает большинство...

— Вы не могли бы испытать его на мне? — нетерпеливо перебил Рес.

— Извините. Я должен был сразу сообразить.

Язон подошел к Ресу и прижал аппарат к воспаленному участку кожи на его груди. Вспыхнул контрольный огонек, вниз пошел тонкий штифт анализатора. Как только он возвратился на место, аппарат зажужжал, потом трижды щелкнул: три иглы поочередно вошли в тело. Наконец огонек погас.

— И все? — спросил Рес, глядя, как Язон пристегивает аптечку к поясу.

Язон кивнул и увидел влажные дорожки на щеках больного. Рес поймал его взгляд и сердито смахнул рукой слезы.

— Стоит заболеть, — проворчал он, — и твое тело, все твои органы чувств тебя предадут. Я с детства не плакал, и сейчас мне не себя жаль, а тысячи людей, умерших только потому, что у нас нет этой маленькой штучки, с которой вы так запросто обращаетесь.

— Неужели у вас нет своих лекарств и врачей?

— Знахари и колдуны. — Рес сделал рукой выразительный жест, в который вложил все свое презрение к этим людям. — Честных тружеников сбивает с толку то, что шептуны обычно помогают им лучше всех настоев.

Разговор утомил Реса. Он вдруг умолк и закрыл глаза. Уколы уже начали действовать, и красные пятна на груди посветлели.

Язон осматривал комнату, надеясь найти какие-нибудь ключи к загадке этого народа.

Пол и стены из плотно подогнанных досок. Ни краски, ни резьбы, простые, грубые доски, как и должно быть у дикарей. А впрочем, точно ли они грубые? Какая сочная фактура у этого дерева, кажется, что оно светится изнутри... Язон нагнулся и увидел, что доски натерли воском, чтобы выявить узор. Чьих это рук дело — дикарей или людей с тонким вкусом, которые стремились облагородить простейший материал? И выглядит куда красивее, чем комнаты горожан с их унылой краской и стальными заклепками. Недаром говорят, что простота венчает оба конца на шкале артистизма... Непросвещенный абориген облакает простую идею в бесхитростную форму и творит красоту. А искушенный критик отвергает чрезмерную изощренность и красоту ради чистой подлинности незатейливого искусства. Какой конец шкалы сейчас перед ним?

Ему говорили, что эти люди — дикари. Они носят одежду из шкур, и речь у них — во всяком случае, у Наксы — грубая. Рес коварно признался, что его народ предпочитает лекарям шептунов. Но как совместить это со связными устройствами? И с люминесцентным потолком, который заливает всю комнату мягким светом?

Рес открыл глаза и уставился на Язона так, как будто видел его впервые.

— Кто вы? — спросил он. — И зачем вы пришли к нам?

Холодная угроза, прозвучавшая в его голосе, не удивила Язона. Городские пирры не ненавидели корчевщиков, и это чувство, несомненно, было обоюдным. Об этом ему сказал еще топор Наксы... Кстати, вот и Накса стоит, держа руку на том самом топоре. Язон прекрасно понимал, что, пока эти люди не услышали от него удовлетворительного ответа, жизнь его под угрозой.

Но и правды говорить нельзя. Стоит им заподозрить, что он шпионит в пользу горожан, и на этом все кончится. Как же выяснить, каким образом они ухитряются выживать в джунглях?

Решение пришло тут же, он повернулся к больному и ответил, стараясь говорить возможно спокойнее:

— Меня зовут Язон динАльт, я эколог, так что, сами понимаете, у меня были основания выбрать эту планету...

— Что такое эколог? — перебил его Рес.

По тону вопроса нельзя было понять, спрашивает ли он серьезно или расставляет сети. Если перед этим они разговаривали непринужденно, то теперь Язон уловил в его словах недоверие.

— Проще говоря, это отрасль биологии, которая изучает взаимоотношения живых организмов со средой. Как действуют на организм климат и другие факторы и как организмы влияют друг на друга и на среду.

Поскольку этим исчерпывалось все, что Язон знал об экологии, он не стал задерживаться на этом предмете.

— Я много слышал о вашей планете и наконец решил сам с ней познакомиться. Поработал в городе, но понял, что этого мало. Люди там считают меня помешанным, но я все же добился того, что меня повезли в лес.

— Когда и как они должны вас забрать? — быстро спросил Рес.

— Мы об этом не договаривались. Они твердили, что меня сразу убьют, что я ни за что не вернусь. Никак не хотели отпускать меня одного, и мне пришлось убежать.

Судя по безрадостной улыбке Реса, ответ Язона как будто удовлетворил его.

— Типично для этих жестянщиков. Они шагу не шагнут за свои стены без бронированной машины с амбар величиной. А что они рассказывали про нас?

Язон ответил не сразу, понимая, как важно сейчас не промахнуться.

— Что ж, может быть, мне снесут голову этим топором, но лучше я скажу правду. Вам следует знать, что они о вас думают. Мне описывали вас как грязных, невежественных дикарей, говорили, что от вас смердит и что вы общаетесь с животными. Что они вам дают бусы и ножи в обмен на продовольствие...

Оба пиррянина громко расхохотались. Правда, Реса хватило ненадолго, но Накса буквально закатился смехом и справился с собой только после того, как плеснул себе на голову холодной водой из высушенной тыквы.

— Охотно верю, — сказал Рес. — Глупость в их духе. Эти люди совсем не знают мира, в котором живут. Надеюсь, остальное, что вы говорили, тоже правда. Но все равно вы желанный гость. Я уже убедился, что вы инопланетчик. Ни один из жестянщиков пальцем не пошевелил бы, чтобы меня спасти. Вы первый инопланетчик, с которым встречается мой народ, поэтому мы вам вдвойне рады. Мы готовы помочь вам всем, чем только можем. Моя рука — ваша рука.

Последние слова прозвучали как ритуальная формула, и Накса поощрительно кивнул, когда Язон повторил их. И ведь это была не пустая фраза. Он знал, что на Пирре без взаимопомощи не выжить и что эти люди сплоченно противостоят окружающим их смертельным опасностям. Может быть, после ритуала и на него распространится защитная сфера?

— Ладно, хватит на сегодня, — подвел итог Рес. — Эта пятнистая немочь измотала меня, а ваше лекарство превратило меня в кисель. Оставайтесь здесь, Язон. Одеяло найдется. Правда, кровати пока нет.

До сих пор душевный подъем помогал Язону справляться с двумя G. Но теперь его как-то вдруг сразила усталость, накопленная за этот долгий день. Он отказался от еды, завернулся в одеяло и забылся.

ГЛАВА 17

Каждая клеточка его тела, придавленная двойным тяготением к твердому деревянному полу, ныла. Веки слиплись, во рту был какой-то налет с отвратительным вкусом. Он с трудом сел и подавил стон, когда хрустнули суставы.

— Добрый день, Язон, — приветствовал его с кровати Рес. — Не верь я так в лекарства, я бы сказал, что ваша машина исцелила меня за одну ночь волшебством.

Сразу было видно, что он идет на поправку. Воспаленные пятна на коже пропали, глаза освободились от горячечного блеска. Он сидел, опираясь на подушки, и смотрел, как под лучами солнца тает на поле ночной град.

— Там в шкафу вы найдете мясо, — продолжал Рес. — А для питья есть вода и виски, что больше нравится.

Виски оказался прозрачным напитком чрезвычайной крепости, от которого у Язона сразу прояснилось в голове и слегка зазвенело в ушах. А окорок нежнейшего копчения неизмеримо превосходил вкусом все, что он ел с тех пор, как покинул Кассилию. То и другое возродило веру Язона в жизнь и будущее. Он глубоко вздохнул, поставил стакан и осмотрелся вокруг.

Усталость прошла, ничто не угрожало его жизни, и мысли Язона снова обратились к волнующей его проблеме. Что же это за люди на самом деле? И как они ухитрились выжить среди джунглей, где человека на каждом шагу подстерегает смерть? В городе ему говорили, что они дикари. Но вот на стене вполне исправное связное устройство. Около двери висит арбалет, стреляющий металлическими стрелами фабричного производства; на черенках даже видно клеймо. Информация, вот что ему надо. А для начала хотя бы отчасти развеять туман дезинформации.

— Рес, вы рассмеялись, когда я сказал, что в городе меня уверяли, будто дают вам безделушки за продовольствие. А что вы получаете от них на самом деле?

— Все, до известных пределов. Разные фабричные изделия, в том числе электронику для наших связных устройств. Нержавеющие сплавы, которые мы сами не можем производить, атомно-электрические преобразователи, которые работают на любых радиоактивных элементах. И так далее. В общем, что попросим, то и получаем, если только это изделие не числится в списке запрещенных товаров. Они остро нуждаются в продовольствии.

— А что входит в список?

— Оружие, конечно, и все, из чего можно изготовить мощное оружие. Они знают, что мы делаем порох, поэтому нам не дадут крупного литья или бесшовных труб, пригодных для изготовления стволов большого калибра. Мы вручную сверлим себе оружейные стволы — правда, в джунглях от бесшумного арбалета больше толку. Еще они стремятся ограничить нас в знаниях, поэтому к нам доходят лишь технические инструкции без каких-либо теоретических основ. Наконец, это вы уже знаете, под запре-

том медицина. Меня это особенно бесит, я ненавижу их все сильнее с каждым смертным случаем, который можно было предотвратить.

— Я знаю их соображения, — сказал Язон

— Расскажите мне, потому что я не вижу в этом никакого смысла.

— Борьба за существование, только и всего. Вам, очевидно, невдомек, что население города сокращается. Через несколько десятков лет там вообще никого не останется. А у вас численность населения стабильная, наверное, даже есть небольшой прирост, а то бы вам без механических средств защиты не уцелеть. Отсюда эта ненависть и зависть горожан. Если дать вам лекарства, вы сумеете выиграть битву, которую они уже проиграли. Думаю, они терпят вас как неизбежное зло ради продовольствия, которым вы их снабжаете. Иначе они поспешили бы отправить вас на тот свет.

— Похоже на правду, — пробурчал Рес и стукнул кулаком по кровати. — Как раз такая извращенная логика и должна быть у этих жестянщиков. Они кормятся за наш счет, дают нам минимум взамен и отрезают нас от знаний, без которых мы вынуждены жить впроголодь. Но самое главное, они отрезают нас от звезд и от остального человечества.

Лицо его выражало такую ненависть, что Язон невольно попятился.

— Ну а как вы, Язон? Тоже считаете нас дикарями? Мы выглядим как животные, ведем себя как животные, потому что вынуждены бороться за существование на уровне животных. Но мы кое-что знаем о звездах. Вон в том сундуке, в железном, хранится около трех десятков книг — все, что у нас есть. По большей части художественная литература, но есть исторические труды и научно-популярные книжки. Из них мы черпаем наши представления о прошлом колонии на Пирре и об остальной вселенной. Мы видим, как в городе садятся корабли, и знаем, что там, наверху, есть другие миры, о которых мы можем только грезить. Что же удивительного в том, что мы ненавидим этих зверей, которые называют себя людьми? И что мы в одну секунду уничтожили бы их, если бы могли? Они правильно делают, что не дают нам оружия. Иначе мы, как пить дать, перебили бы их всех до одного и завладели бы всем, чего они нас лишают.

Суровый приговор, но справедливый. Во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя. Язон не стал говорить сердитому хозяину дома, что городские пирряне считают свою линию единственно возможной и правильной.

— А с чего вообще начался этот разлад между вашими двумя группами? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Рес. — Я об этом думал много раз, но у нас нет никаких документов той поры. Известно, что все мы происходим от колонистов, которые прибыли в одно время. В какой-то момент они разделились на две группы. Возможно, была война, вроде тех, про которые пишут в книгах. Есть у меня догадка, только доказать я ее не могу — все дело в расположении города.

— Расположении города? Не понимаю...

— Вы ведь знаете этих жестянщиков, видели их город. Они умудрились расположиться в самом лучшем месте на всей планете. Сами знаете, они не считаются ни с кем, только с собой. Стрелять и убивать — вот и вся их логика. Им все равно было, где обособиться, и получилось так, что они выбрали самое неподходящее место. Уверен, что мои предки понимали, как нелеп их выбор, и пытались им это втолковать. Вот вам и причина для войны — раз-ве нет?

— Возможно... Если и впрямь так было, — сказал Язон. — Но мне кажется, вы неверно понимаете проблему. На самом деле идет война между исконно пиррянской жизнью и человеком. Причем местные организмы все время видоизменяются в своем стремлении стереть с лица планеты вторгшихся людей.

— Если уж на то пошло, ваша гипотеза еще невероятнее моей, — возразил Рес. — Потому что вы совсем ошибаетесь. Конечно, жить на этой планете нелегко, когда сравниваешь с тем, что я читал про другие миры, но организмы не изменяются. Только не зевай и будь начеку при встрече с любым животным, которое превосходит тебя размерами, а так-то жить вполне можно. И в конце концов, не в этом суть. А в том, что жестянщики сами все время напрашиваются на неприятности. И я только рад, что они пожирают их в полной мере.

Язон не стал больше спорить. Допустим, он даже переубедит Реса, но что это ему даст? Ведь в городе, в самом центре убийственных мутаций, он никого не сумел убедить, хотя там налицо все факты. А вот порасспросить Реса не мешает.

— Я допускаю, что не так уж важно, кто начал, — уступил Язон, хотя в душе так не считал. — Но согласитесь, горожане непрерывно воюют со всеми здешними организмами. А ваш народ, как я уже мог убедиться, сумел одомашнить, во всяком случае, два вида. Вам не известно, как именно удалось этого добиться?

— Сейчас придет Накса, — ответил Рес, кивая на дверь. — Он как раз кормит животных. Спросите его, он у нас лучший говорун.

— Говорун? У меня о нем прямо противоположное мнение. Он отнюдь не речист, а когда заговорит, то... простите, его не всегда поймешь.

— Он говорун не в том смысле, — нетерпеливо объяснил Рес. — Говоруны занимаются животными. Обучают собак и доримов, а лучшие, вроде Наксы, стараются найти подход и к другим животным. Одеты просто, но это по необходимости. Они говорят, что животные не любят никакой химии, металлов, крашеной кожи. Вот и носят чаще всего шкуры. Но пусть они неопрятны на вид, это не имеет никакого отношения к уму.

— Доримы? Это так называются верховые животные, на которых мы приехали сюда?

Рес кивнул:

— На них не только верхом ездят — они на многое годятся. Крупные самцы тянут плуги и другие механизмы, а молодые животные — это мясо. Хотите узнать побольше, расспросите Наксу, он сейчас на конюшне.

— Пожалуй, так и сделаю. — Язон встал. — Только я как-то неловко себя чувствую без пистолета...

— Возьмите его, милости прошу, он лежит в ящике около двери. Да только не стреляйте без разбору.

Накса стоял в глубине сарая и стачивал копыто дориму. Удивительная картина, странное сочетание... С одной стороны — человек, одетый в шкуры, и дикий зверь, с другой стороны — напильник из медно-бериллиевого сплава и электролюминесцентное освещение. При виде Язона дорим раздул ноздри и шархнулся в сторону. Накса погладил животное по шее и ласково заговорил с ним; наконец дорим успокоился, только иногда по его шкуре пробегала дрожь.

Что-то шелохнулось в сознании Язона. Словно напряглась мышца, которой он давно не пользовался. Какое-то неуловимо знакомое чувство...

— Доброе утро, — поздоровался он. Накса буркнул что-то в ответ и продолжал работать напильником. Язон глядел на него и силился разобраться в своей собственной душе, осмыслить загадочное чувство, которое дразнило его и упорно не хотело поддаваться определению.

— Вам не трудно позвать собаку, Накса? Мне хочется посмотреть на нее поближе.

Не поднимая головы, Накса тихонько свистнул. Язон готов был поклясться, что этот свист не мог проникнуть через стену сарая. Тем не менее не прошло и минуты, как в конюшню тихо вошла пиррянская собака. Говорун поскреб ей загривок, бормоча

что-то, а она пристально посмотрела ему в глаза. Когда же Накса снова взялся за напильник, собака сразу заметалась по сараю, тревожно принохиваясь, потом устремилась к двери. И тут Язон окликнул ее. Точнее, он собирался ее окликнуть. В последнюю минуту Язон передумал и, подчиняясь внезапному побуждению, позвал собаку мысленно, не открывая рта. Произнося про себя слова «Иди сюда», он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы передать команду собаке примерно так же, как делал это с игральными костями. И подумал, кстати, что давно не прибегал к телепатии.

Собака остановилась и повернулась в его сторону. Постояла, глядя на Наксу, потом подошла к Язону.

Вблизи это была совершенно кошмарная тварь. Голые защитные пластины, маленькие глазки с красным ободком и поблескивающие слюной клыки отнюдь не внушали доверия. И однако Язону не было страшно. Между человеком и зверем установился обоюдный контакт.

Язон машинально протянул руку и почесал зверю спину, словно по себе чувствовал, где именно она чешется.

— А я и не знал, что ты говорун, — сказал Накса; впервые в его голосе прозвучала дружеская нотка.

— И я не знал... до этой минуты, — ответил Язон.

Он заглянул в глаза зверю, еще раз почесал уродливую спину и подумал, что загадка вроде бы проясняется.

У говорунов явно хорошо развиты телепатические способности. Когда два существа разделяют эмоции друг друга, нет ни расовых, ни каких-либо иных барьеров. Надо проникнуть в душу, понять ее, чтобы исключить ненависть и страх, потом можно наладить прямое общение. Видимо, говоруны первыми преодолели барьер ненависти на Пирре и научились ладить с пиррянскими тварями. Другие последовали их примеру — может быть, так и сложилась мало-помалу община корчевщиков.

Настроившись на нужный лад, Язон отчетливо воспринимал окружающие его мысленные флюиды. Телепатическое поле питалось биотоками не только дорима, с которым был занят Накса; не выходя из конюшни, Язон внутренним зрением видел других доримов, ходивших на лугу за сараем.

— Это все совсем ново для меня, — сказал он. — А вы никогда не задумывались, Накса, над этой своей способностью? Сами-то вы знаете, почему вас животные слушаются, а другим людям никак не удается ими управлять?

Накса явно не привык размышлять о таких предметах. Он расчесал пятерней свои густые волосы и насупил.

— Не знаю, я об этом не думал. Просто так получается. Ты только знай животных как следует и всегда угадаешь, как они себя поведут. И все тут.

Было очевидно, что Накса никогда не ломал себе голову над истоками своего умения управлять животными. И не только он. Похоже, эти люди воспринимают дар говорунов как нечто само собой разумеющееся.

В мозаике, которую он мысленно складывал, прибавилось несколько кусочков. В беседе с Керком Язон говорил, что все пиррянские организмы явно объединились в борьбе против человека, но он не знал почему. Он и сейчас не знает почему, зато, кажется, догадывается как...

— Сколько отсюда до города? — спросил Язон. — Долго ехать, если отправиться туда на дориме?

— Полдня туда, полдня обратно. А что? Хочешь уехать?

— Нет, в город я не хочу, пока не хочу. Но мне хотелось бы познакомиться с нему поближе.

— Поглядим, что Рес скажет.

Рес сразу дал свое согласие, не задавая никаких вопросов. Они оседлали доримов и немедленно отправились в путь, чтобы обернуться до темноты.

Не прошло и часа, как Язон почувствовал приближение города. С каждой минутой это чувство становилось все сильнее. И Накса как-то беспокойно ежился в седле. Доримы проявляли растущую тревогу, их приходилось все время поглаживать и успокаивать.

— Хватит, — сказал наконец Язон. И Накса с облегчением остановился.

Некая безымянная мысль вторглась в сознание Язона и заполонила его. Она напирала со всех сторон, но всего сильнее спереди, где находился незримый отсюда город. Накса и доримы тоже, как и он, испытывали странное беспокойство, не сознавая его причины.

Но одну вещь он понял со всей очевидностью. Пиррянские животные восприимчивы к телепатическому излучению; вероятно, это относится также и к растениям, и к низшим организмам. Не исключено, что они сообщаются телепатически между собой, раз они подчиняются тем из людей, у которых сильно развита эта особенность. Причем здесь, в этом районе, напряженность телепатического поля превосходила все, с чем он когда-либо встречался. Хотя сам Язон лучше всего владел психокинезом, иначе говоря, усилием мысли приводил в движение неодушевленные предметы, он был восприимчив и к другим феноменам этого ряда. Сколько раз во время спортивных состязаний он улавливал

мощный аккорд порыва, который одновременно овладевал душами зрителей. Вот и сейчас он испытывал что-то в этом роде.

С одной зловещей разницей... Толпа на стадионе ликовала, когда спортсмен добивался успеха, стонала, когда он промахивался. Там по ходу игры менялась и сила, и полярность телепатического поля. А здесь излучение было мощным и постоянным, и оно навевало тревогу. И не сразу подберешь для него определение... Тут и ненависть, и страх, а больше всего — страсть к разрушению. В двух словах что-то вроде команды «Убей врага». Да нет, и это определение всего не исчерпывает... Его сознание будто омывала мощная река иступления и смерти.

— Поехали назад, — сказал Язон, почувствовав внезапное изнеможение от внутренней борьбы с этим потоком.

Они двинулись в обратный путь, и он подумал, что вот еще кое-что проясняется. Невыразимый страх, который он вдруг испытал, когда его в первый день атаковало пиррянское животное. И упорные кошмары, от которых его не избавляло никакое сновторное. И то и другое — реакция на ненависть, направленную против города. Хотя Язон только теперь по-настоящему ее осознал, он с самого начала воспринимал ее достаточно сильно, чтобы это отразилось на его душевном равновесии.

Когда они вернулись, Рес спал, и пришлось разговор с ним отложить на утро. Несмотря на усталость, Язон долго не мог уснуть, все думал о сделанных в этот день открытиях. Стоит ли делиться этим с Ресом? Вряд ли. Ведь тогда придется не только разяснять всю важность выводов, к которым он пришел, но и говорить, что он собирается делать дальше. А от Реса не придется ожидать, чтобы он приветствовал какие-либо шаги, способные хоть как-то облегчить жизнь горожанам. Нет, лучше уж ничего не говорить, пока дело не будет сделано.

ГЛАВА 18

После завтрака Язон сказал Ресу, что решил вернуться в город.

— Значит, насмотрелись нашего варварского мира, и вас потянуло обратно к вашим друзьям? Уж не за тем ли, чтобы помочь им разделаться с нами?

Рес весело произнес эти слова, однако за ними угадывалась леденящая злоба.

— Надеюсь, вы не думаете так на самом деле, — ответил Язон. — Ведь дело-то обстоит как раз наоборот. Я мечтаю, чтобы эта междоусобная война прекратилась и ваш народ мог воспользо-

ваться всеми благами науки и медицины, которых он лишен. И я собираюсь сделать для этого все, что в моих силах.

— Все равно их не переделать, — мрачно произнес Рес. — Не тратьте зря времени. Обещайте только для вашего и нашего блага одну вещь. Не говорите им, даже не намекайте, что вы разговаривали с корчевщиками!

— Почему?

— Почему?! Гром и молния, вы вправду такой простак? Они же на все готовы, только бы не дать нам подняться на ноги по-настоящему, предпочтут, чтобы мы все подохли! Стоит им только заподозрить, что вы встречались с нами, и они вас сразу прикончат. Или вы в этом сомневаетесь? Не знаю, может быть, вам это невдомек, но они отлично понимают, что в вашей власти изменить соотношение сил на планете. Рядовые жестянщики, возможно, и верят, что мы недалеко ушли от животных, но руководители так не думают. Им хорошо известно, в чем мы нуждаемся и к чему стремимся. И они сразу сообразят, с какой просьбой я мог обратиться к вам. Да, да, Язон динаАльт, у меня есть к вам просьба. Помогите нам. Вернитесь к этим двуногим бестиям и солгите. Скажите, что вы не имели с нами никаких дел, что вы скрывались в лесу и мы напали на вас, а вам пришлось отстреливаться. Постарайтесь, чтобы вам поверили, и когда вам покажется, что вы их убедили, все равно продолжайте играть свою роль, потому что они будут следить за вами. Потом скажите им, что вы закончили свои исследования, и возвращайтесь домой.

Постарайтесь улететь с Пирра на другую планету, и я вам обещаю любые блага. Все, чего вы только пожелаете. Деньги, могущество, что угодно: Пирр — очень богатая планета. Жестянщики добывают и продают металл, но мы могли бы справиться с этим делом куда лучше их. Возвращайтесь сюда на другом корабле и приземляйтесь в нашем краю где угодно. У нас нет городов, но фермы разбросаны повсюду, и наши люди отыщут вас. И мы сами поведем с вами торговлю. Это наша мечта, и уж мы потрудимся как следует. А вся заслуга будет принадлежать вам. И вы получите от нас все, чего пожелаете. Я вам это обещаю, а мы свое слово держим.

Волнение, с каким говорил Рес, и перспектива, которую он нарисовал, действовали на Язона. Он знал, что Рес говорил правду, что все ресурсы планеты будут в его распоряжении, если он сделает то, о чем его просят. И он даже едва не поддался искушению, представив себе на секунду, как это все будет выглядеть. Но тут же понял, что это будет половинчатое решение, к тому же далеко не лучшее. Как только эти люди обретут желаемую силу, они первым делом попробуют разделаться с горожанами.

Начнется кровавая междоусобная война, которая, скорее всего, кончится плохо для обеих сторон.

Словом, решение Реса, как ни заманчиво оно на первый взгляд, не годится. Язон обязан придумать что-нибудь получше. Надо найти способ положить конец всяким усобицам на Пирре, чтобы в мире жили обе группы.

— Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему, — сказал он. Ответ Язона удовлетворил Реса, который не уловил заложенного в нем двойного смысла. И пиррянин подсел к связанному устройству, чтобы условиться о доставке продовольствия с ферм на место обмена.

— Ну так, продовольствие доставлено, и мы передали в город положенный сигнал, — сообщил он через несколько часов. — Транспортер придет завтра утром, к этому времени вы будете там. Все подготовлено, как я говорил. Отправляйтесь в путь вместе с Наксой. Вам надо поспеть туда раньше транспортера.

ГЛАВА 19

— Машина сейчас придет. Ты все помнишь, что надо делать? — спросил Накса.

Язон кивнул и еще раз поглядел на покойника. Пиррянин потерял руку в схватке с каким-то зверем и истек кровью. Оторванную руку подшили, издали ничего не заметно, но вблизи эта рука, восковая кожа и застывшее на лице мертвеца выражение ужаса вызывали оторопь. Лучше бы покойника закопали поглубже в землю, но что поделаешь, придется потерпеть.

— Вот он, — прошептал Накса. — Обожди, пока спиной повернется.

На этот раз бронетранспортер тащил на прицепе три грузовые платформы. Автопоезд взобрался на скалу и остановился. Краннон вылез из кабины, внимательно посмотрел по сторонам, затем приступил к погрузке. Ему помогал спецробот.

— Пошел! — прошипел Накса.

Язон выскочил из леса и побежал к транспортеру, громко выкрикивая имя Краннона. За его спиной раздался треск ломающихся ветвей, это двое сопровождающих бросили следом мертвое тело. Язон повернулся и несколько раз выстрелил на ходу по летящей в воздухе мишени.

Краннон немедленно поддержал его огнем из своего пистолета, и покойник упал на землю, весь обугленный.

Тем временем Краннон, плюхнувшись на камень, перенес огонь на деревья за спиной Язона.

В ту самую секунду, когда Язон добежал до транспортера, что-то со свистом пролетело по воздуху, ожгло ему спину и бросило его ничком на скалу. Краннон живо втащил его в кабину.

Язон оглянулся и увидел торчащий из лопатки черенок металлической стрелы.

— Везучий ты, — сказал пиррянин. — На дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе — берегись этих корчевщиков. Еще легко отделался.

Лежа у дверцы, он продолжал обстреливать безмолвный лес.

Извлечь стрелу оказалось непросто; когда она попала, было не так больно. Язон бранился сквозь зубы, пока Краннон бинтовал его, — в душе восхищаясь людьми, которые подстрелили его. Они подвергли риску его жизнь, чтобы побег выглядел натуральным. И при этом они не испугались, что он захочет им отомстить. Ничего не скажешь, основательно потрудились. Черт бы побрал их основательность.

Перевязав Язона, Краннон осторожно выбрался из кабины и быстро завершил погрузку, после чего повел автопоезд обратно в город. Получив обезболивающий укол, Язон почти сразу же забился.

Очевидно, Краннон передал о случившемся по радио, пока он дремал, потому что среди встречающих был Керк. Как только машина вошла внутрь Периметра, он распахнул дверцу и вытащил Язона. Повязка слетела, и рана раскрылась. Язон скрипнул зубами. Нет, Керк не дождется его стога.

— Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе? Почему ты ушел? Почему покинул город? Ты разговаривал с корчевщиками? Ну?

С каждым вопросом он грубо встряхивал Язона.

— Я... ни с кем... не разговаривал, — через силу вымолвил Язон. — Они охотились за мной, я убил двоих... И прятался, пока не пришла машина.

— Потом пришел еще одного, — вступил Краннон. — Я сам видел. Чистая работа. Да и я вроде не промазал. Отпусти его, Керк, они его ранили, когда он бежал к машине.

«Больше прикидываться не надо, — сказал себе Язон. — Незачем переживать. Пусть не спешат с выводами. Сейчас лучше переменить тему. Есть одна вещь, которая сразу отвлечет его мысли от корчевщиков».

— Пока вы отсиживались тут в безопасности, за Периметром, я за вас воевал, Керк. — Он прислонился к транспортеру, пользуясь

тем, что хватка Керка немного ослабла. — Мне удалось разобраться в причинах ваших неладов с планетой. И я понял, как победить в этой битве. Дай-ка я сяду и уж тогда расскажу.

Вокруг них собралась целая толпа пиррян. Они стояли, словно оцепенев, и неотступно глядели на Язона. Керк тоже явно был огорочен. Наконец он медленно произнес:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То самое, что сказал. Планета Пирр воюет с вами, воюет упорно и сознательно. Стоит удалиться от города, и сразу чувствуешь направленные на него волны ненависти. Хотя нет, вы-то их не почувствуете, ведь вы здесь выросли. А вот я чувствую. И любой человек с телепатическими способностями почувствует. На город постоянно направлено излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, видоизменения, мутации — все подчинено одной цели: истребить вас. И так будет продолжаться, пока вы не погибнете все до одного. Если, конечно, вам не удастся положить конец этой войне.

— Как? — выпалил Керк; этот же вопрос был написан на лицах всех окружающих.

— Надо установить, кто или что излучает эту команду. Организмы, которые вас атакуют, сами не наделены разумом. Они только выполняют команду. И мне кажется, я знаю, как обнаружить источник, откуда она поступает. А потом останется придумать, как передать предложение о перемирии и совсем покончить с войной.

Пирряне примолкли, осмысливая его идеи. Наконец Керк жестом руки велел всем расходиться.

— Возвращайтесь к работе. Это по моей части, я займусь этим делом. Как только выясню, что тут правда, а что ложь, получите мой полный отчет.

Люди молча разошлись, то и дело оглядываясь на Язона.

ГЛАВА 20

— Так, теперь давай все с начала, — сказал Керк. — И ничего не пропускай.

— Да мне, в общем, нечего добавить к фактам, о которых я уже говорил. Я наблюдал животных, разобрался в команде, которая их направляет. Даже сам провел несколько опытов, и они подчинялись моим мысленным приказам. Теперь я должен обнаружить источник, откуда идет команда на войну. Сейчас я скажу тебе то, чего еще никому не говорил. Мне не просто везет в игре. У меня есть

телепатическое свойство, оно позволяет мне в какой-то мере влиять на вероятный исход игры. Правда, свойство непостоянное, и я, естественно, старался его развивать. За последние десять лет сумел ознакомиться со всем, что делают в этой области разные научные центры. Просто удивительно, как мало известно о телепатии, если сравнить с другими отраслями знания. Как бы то ни было, врожденные способности можно развить упражнением. Созданы даже аппараты, которые усиливают телепатическое излучение. Один из этих аппаратов вполне может работать как пеленгатор.

— Ты хочешь собрать такой аппарат? — спросил Керк.

— Вот именно. Собрать и вылететь с ним на корабле за город. Если сигнал достаточно мощный, чтобы из столетия в столетие стимулировать войну, значит, можно его засечь. Я пойду по пеленгу, свяжусь с существами, которые передают команду, и попытаюсь выяснить, зачем они это делают. Надо думать, ты поддержишь разумный план, чтобы прекратить войну?

— Разумный — да, — холодно произнес Керк. — Сколько времени тебе надо, чтобы собрать аппарат?

— Несколько дней, если найдутся все нужные части.

— Приступай. Я отменяю очередной рейс и держу корабль наготове. Когда соберешь аппарат, засеки сигнал и доложи мне.

— Договорились. — Язон встал. — Как только мне залатают дыру в лопатке, составлю список, что мне нужно.

В помощники и телохранители Язону назначили сурового, не улыбчивого типа по имени Скоп. Он ревностно отнесся к своему поручению, и Язон быстро убедился, что о полной свободе ему мечтать не приходится. Хотя Керк не оспаривал его версию, это еще не означало, что он в нее поверил. Скажет слово, и телохранитель превратится в палача.

Язон с ужасом подумал о том, что, скорее всего, этим дело и кончится. Поверил, не поверил — Керк рисковать не станет. У них нет полной гарантии, что Язон не общался с корчевщиками, поэтому его не отпустят с планеты живым. Только наивностью можно объяснить веру лесных людей в то, что их замысел не будет разгадан. А может быть, они вполне сознательно делали ставку на минимальный шанс — авось получится? Они-то в любом случае ничего не теряют...

Составляя список деталей для пеленгатора, Язон продолжал упорно искать выход, которого не было. Его мысли вращались по заколдованному кругу. Задний ход давать поздно, Керк его не выпустит. Либо он найдет способ покончить с войной и решить проблему корчевщиков, либо его ждет пожизненное заточение на Пирре. И надолго оно не затянется...

Подготовив список, он связался с Управлением по снабжению. Кое-что пришлось заменить, но все остальное было налицо, и ему обещали немедленно выполнить заказ. Скоп сидел и клевал носом. Подперев рукой тяжелую голову, Язон принялся составлять монтажную схему.

Внезапно его внимание привлекла тишина. Тишина?.. Он слышал, как работает аппаратура в здании, слышал голоса в соседнем помещении. Так в чем же дело?

Ах вот оно что — внутренний слух! После возвращения в город у Язона было столько забот, что он только теперь обратил внимание на полное отсутствие телепатических импульсов. Постоянный фон, образованный реакциями животных, исчез, исчез и его собственный телепатический настрой. И ведь в городе — он только сейчас это сообразил — всегда было так.

Язон попытался включить внутренний слух — и тотчас прекратил этот эксперимент, так велика была напряженность телепатического поля. словно ты находишься в подводной лодке на большой глубине и положил ладонь на люк, сдерживающий чудовищное давление. Ведь и впрямь достаточно коснуться люка, чтобы ощутить напор сил с другой стороны, которые стремятся прорваться внутрь и сокрушить тебя. Вот и город подвержен такому же давлению, только в сфере психики. Открой люки сознания, и оно будет растерзано исполненными ненависти беззвучными криками Пирра. Какая-то часть мозга, действуя как предохранитель, выключала телепатическое восприятие и спасала рассудок. Но и того, что все-таки просачивалось, хватало, чтобы он ощущал напор извне. И чтобы питать упорно преследующие его кошмары. От мозгового предохранителя была еще и та польза, что без давления извне Язону легче было сосредоточиться, и, как он ни устал, работа над схемой продвигалась быстро.

Ближе к вечеру появилась Мета с заказанными им деталями. Она бросила на верстак длинный ящик и явно хотела что-то сказать, но потом раздумала. Язон поднял взгляд на нее и улыбнулся.

— Ты чем-то озадачена? — спросил он.

— О чем это ты? Вовсе я не озадачена. Просто мне досадно. Очередной рейс отменен, график поставок нарушен, притом надолго. Вместо того чтобы идти в рейс или дежурить на Периметре, я должна слоняться без дела и ждать тебя. Потом зачем-то лететь куда-то, куда ты скажешь. Разве это не причина для досады?

Язон тщательно разместил детали на шасси, потом продолжил разговор:

— А я говорю, что ты озадачена. Если хочешь, могу уточнить.

И окончательно сбить тебя с толку. Очень уж соблазнительно это сделать.

Она хмуро глядела на него через верстак, максимально накручивая на палец непокорный локон. Такой Мета ему больше нравилась. Когда она выступала в роли пиррянина, работающего на полную мощность, индивидуальности в ней было не больше, чем в части громадной машины. Сейчас он почти узнавал в ней ту девушку, с которой летел на Пирр. Может быть, все-таки удастся довести до ее сознания то, о чем он думает?

— Если я говорю «озадачена», в этом нет ничего обидного для тебя. Да иначе и быть не может, ведь тебя так вырастили. Конечно, Пирр — это как бы остров со множеством сложных проблем, решать которые вы мастера. Но остров — он остров и есть. Перед лицом внепланетной проблемы ты теряешься. И еще сильнее теряешься, когда ваши островные проблемы оказываются частью более широкого контекста. Представь себе, что ты ведешь игру, в которой правила непрерывно меняются.

— Какой-то вздор ты говоришь, — оборвала она его. — Пирр вовсе не остров, и борьба за существование — отнюдь не игра.

— Извини, — улыбнулся он. — Я ведь это в переносном смысле, да, видно, сравнение не совсем удачно выбрал. Ладно, давай более конкретно. Разберем пример. Допустим, я скажу тебе, что вон там, на двери, сидит шипокрыл...

Прежде чем он договорил, пистолет Меты нацелился на дверь. С грохотом опрокинулся стул — Скоп очнулся, вскочил на ноги и тоже прицелился.

— Это я так, для примера, — объяснил Язон. — Там же нет никого.

Охранник убрал пистолет, наградил Язона презрительным взглядом, поднял стул и снова сел.

— Сейчас вы оба подтвердили свою способность решать пиррянские проблемы, — продолжал Язон. — Ну а если я скажу, что над дверью сидит тварь, которая только с виду похожа на шипокрыла? А на самом деле это огромное насекомое, и оно прядет тонкую шелковую нить, пригодную для изготовления ткани?

Скоп метнул из-под густых бровей взгляд на дверь, и пистолет его выскочил было из кобуры, но тотчас вернулся на место. Буркнув что-то неслестное для Язона, пиррянин сердито вышел и хлопнул дверью. Мета наморщила лоб, размышляя.

— Это мог быть только шипокрыл, — сказала она наконец. — Никаких других тварей, похожих на шипокрыла, нет. И шелковая нить тут ни при чем. А если бы ты подошел к нему поближе, он бы тебя укусил. Так что тебе поневоле пришлось бы убить его раньше.

Судя по улыбке Меты, она была довольна логикой своего ответа.

— Опять промах, — сказал Язон. — Я описал мимикрирующего паука, который водится на планете Стовера. Этот паук умеет маскироваться под самых опасных животных, да так ловко, что ему не нужна никакая другая защита. Так вот, этого паука можно спокойно посадить себе на руку, он будет сидеть и пряхсть. Представь себе, что я бы завез сюда, на Пирр, несколько тонн таких пауков, знали бы вы, когда стрелять, а когда нет?

— Но их тут нет, — стояла на своем Мета.

— Сейчас нет, а вдруг появятся? Придется менять все правила вашей игры. Ну как, поняла? В галактике действуют определенные законы и нормы, но они отличаются от ваших. Для вас нормой стала нескончаемая война с местными организмами. Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства — всего того, на что у вас теперь просто нет времени?

Слушая Язона и стараясь осмыслить все эти непривычные понятия, Мета преобразилась, пиррянская суровость совсем сошла с ее лица. Он как-то машинально взял ее за руку — рука была теплая и отзывалась на его прикосновение частым биением пульса.

Вдруг Мета опомнилась, отдернула руку, вскочила на ноги и бросилась к двери. Вдогонку ей неслись слова Язона:

— Скоп бежал, потому что боялся за свою драгоценную черно-белую логику. Это все, что у него есть. Но ведь ты-то видела другие части галактики, ты знаешь, что жизнь не сводится к тому, чтобы убивать или быть убитым на Пирре. Ты чувствуешь, что я прав, только не хочешь этого признать.

Она выскочила за дверь. Проводив ее взглядом, Язон задумчиво потер пальцами щетинистый подбородок.

«Кажется, женщина берет верх над пиррянником, — сказал он себе. — По-моему, я видел слезы на ее глазах... Может быть, даже первые слезы за всю кровавую историю этого истерзанного войной города...»

ГЛАВА 21

— Только урони эту штуку, и Керк оторвет тебе обе руки, — сказал Язон. — Вон какой он мрачный, сам не рад, что дал себя уговорить на это дело.

Скоп негромко выругался, передавая громоздкую упаковку с частями пеленгатора Мете, которая стояла в открытом люке корабля. Язон наблюдал за погрузкой и подстреливал излишне любопытных представителей местной фауны. В это утро больше всего было рогоносов, он один уложил четырех. Язон последним поднялся на борт и заdraил за собой люк.

— Где ты его поставишь? — спросила Мета.

— Где ты посоветуешь, — ответил Язон. — Мне нужно для антенны такое место, чтобы ее не экранировал металл. Тонкий пластик — не страшно. В крайнем случае установлю антенну снаружи и налажу дистанционное управление.

— Может, так и придется сделать. Корпус сплошной, для обзора у нас служат приборы и телевидение. Так что... Хотя погоди, кажется, есть подходящее место.

Мета проводила его к отсеку, где помещалась одна из спасательных капсул. Вход в этот отсек всегда был открыт. Они вошли; за ними вошел и Скоп со своей ношей.

— Капсулы утоплены в корпус только наполовину, — объяснила Мета. — У них прозрачные носовые иллюминаторы, которые закрыты щитами, но щиты автоматически сбрасываются, когда капсула катапультируется.

— А сейчас можно раздвинуть щиты?

— Попробуем, — сказала Мета. Она проследила провода до соединительной коробки, открыла крышку, замкнула реле ручную, и тяжелые пластины втянулись в корпус. Большая часть иллюминатора выступала ниже брюха корабля, это обеспечивало свободный обзор.

— Превосходно, — заключил Язон. — Здесь и устроюсь. А как мы с тобой будем переговариваться?

— Вот... Видишь, устройство связи и блок с фиксированной настройкой. Только больше ничего не трогай, особенно вот этот контакт.

Мета показала на рукоятку посередине панели управления.

— Если включить его, через две секунды капсула отстреливается. А своего запаса горючего у нее нет.

— Есть не трогать, — сказал Язон. — Теперь вели этому тугодуму подключить меня к сети питания, и я соберу пеленгатор.

Аппарат был не очень сложный, но требовал точной настройки. Чашеобразная антенна подавала сигнал на чувствительное приемное устройство. Напряжение входного сигнала резко падало при малейшем отклонении в сторону, это позволяло точно определить его направленность. Дальше он поступал на усилитель, который, в отличие от сосредоточенных радиопеленгаторов

первого каскада, смонтированного из отдельных деталей, был выполнен в виде печатной схемы на белой подложке с надежно приклеенными полосками контактов на входе и выходе.

Закончив сборку и установку, Язон кивнул изображению Меты на экране визифона.

— Пошли, да потише, пожалуйста. Обойдемся без твоих любимых девятикратных перегрузок. Когда взлетим, пойдешь медленно над Периметром, пока не дам новую команду.

Корабль умеренным ходом взмыл в воздух, набрал высоту и лег на круговой курс. После пятого круга Язон покачал головой.

— С аппаратом, по-моему, все в порядке, но слишком много помех от местной активности. Отойди-ка на тридцать километров от города, там опять пойдём по кругу.

На этот раз дело пошло лучше. Со стороны города поступал мощный импульс; пеленгатор давал его направление с точностью до одного градуса. Развернув антенну под прямым углом к курсу, Язон получал достаточно постоянный сигнал. Мета повернула корабль вокруг продольной оси так, что капсула Язона оказалась точно внизу.

— Теперь полный порядок, — сказал он. — Держи так и старайся, чтобы нос не отклонялся.

Сделав засечку на лимбе, Язон повернул антенну на 180 градусов. Корабль продолжал идти по кругу, а Язон внимательно следил, нет ли импульсов, направленных к городу. Когда половина окружности была пройдена, он снова услышал сигнал.

Полоса была узкая, но мощная. Для полной уверенности Язон прошел еще два полных круга и оба раза точно засек гирокомпасом направление. Показания совпали. После этого он вызвал Мету:

— Приготовиться делать поворот вправо, или как там у вас это называется. Кажется, есть пеленг. Внимание... давай!

Поворот был сделан так плавно, что Язон ни на секунду не потерял сигнала. Два-три раза стрелка прибора качалась, но Язон тотчас возвращал ее на место. Как только корабль лег на заданный курс, Мета увеличила тягу.

Они шли прямо на область лесных пиррян.

Час хода почти на предельной атмосферной скорости не принес никаких изменений. Мета ворчала, но от курса не отклонялась. Направление сигнала не менялось, а мощность понемногу росла. Они прошли над цепью вулканов по краю материка, и корабль тряхнули восходящие потоки воздуха. Когда берег остался позади и внизу простерлось море, Скоп тоже начал ворчать. Он все крутил свою турель, однако вдали от суши не по чему было стрелять.

Но вот из-за горизонта появились острова, и сразу направление сигнала переменилось.

— Сбавляй ход! — скомандовал Язон. — Похоже, наш источник на этих островах!

Некогда здесь был целый материк. Он плавал на жидком ядре Пирра, напряжения в коре менялись, суша перемещалась, и материк ушел под воду. От кипящего жизнью края осталась лишь цепочка островов, некогда бывших вершинами самого высокого хребта.

Торчавшие из океана клочки суши стали убежищем последних обитателей погибшего континента, победителей долгой и жестокой борьбы за существование. Здесь уцелели древнейшие виды пиррянской фауны.

— Пониже, — распорядился Язон. — Курс на большую гору. Кажется, сигнал идет оттуда.

Они прошли над самой горой, но увидели только деревья да опаленные солнцем камни.

Дикая боль пронизала голову Язона. словно страшный заряд ненависти проник из приемника ему в череп. Он сорвал наушники и стиснул голову руками. Сквозь слезы он увидел, как с деревьев внизу сорвались черные тучи крылатых тварей. Склон промелькнул и исчез, в ту же секунду Мета резко прибавила ход, и корабль пошел вверх.

— Нашли! — прозвучал ликующий голос Меты, однако она сразу переменяла тон, увидев на экране лицо Язона. — Что с тобой? Что случилось?

— Я совсем разбит... В жизни не ощущал такой мощной телепатической атаки! Перед самой атакой я заметил какую-то дыру, что-то вроде входа в пещеру. Похоже, излучение идет оттуда.

— Ложись и отдыхай, — сказала Мета. — Я тебя живо доставлю домой. Сейчас свяжусь с Керком. Он должен знать, что произошло.

...В здании космопорта стояла кучка ожидающих. Как только ракетные двигатели смолкли, они выбежали на поле, закрывая руками лицо от струй раскаленного воздуха. Керк первым ворвался внутрь корабля и отыскал взглядом Язона, распростертого на перегрузочном ложе.

— Это правда? — рывкнул он. — Ты выследил извергов, которые начали войну?

— Спокойно, брат, не горячись, — отозвался Язон. — Я засек источник телепатической команды, которой направляется война. Но я не установил, кто начал войну, и у меня нет никаких оснований называть их извергами...

— Мне надоела твоя игра словами, — перебил его Керк. — Ты нашел этих тварей, их логово засечено?

— Совершенно точно, — подхватила Мета. — Найду с завязанными глазами.

— Отлично, отлично. — Керк потер руки так, что скрипнули мозоли. — Даже не верится, что наконец-то мы можем покончить с этой многовековой войной. Можем! Вместо того чтобы без конца косить эти проклятые самовозрождающиеся легионы, мы доберемся до вожаков. Разыщем их — пусть на себе узнают, что такое война, — и сотрем с лица планеты!

— Ни в коем случае! — возразил Язон, заставив себя сесть. — Ни за что на свете! С первого дня, как я прибыл на эту планету, мной все время помыкают, сколько раз моя жизнь висела на волоске! Думаешь, я сделал это только затем, чтобы ты мог потешить свою кровожадную душу? Я добиваюсь мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать провести с ними переговоры. Честный человек держит свое слово!

— В другое время я убил бы тебя на месте за оскорбление, — сказал Керк. — Ну да ладно... Ты сделал большое дело для нашего народа, и мы не стыдимся признать, что обязаны тебе. И вообще, не надо обвинять меня в нарушении обещаний, которых я не давал. Я отлично помню свои слова. Я обещал поддержать любой разумный план, чтобы покончить с войной. Это самое я и собираюсь теперь сделать. Твой план вести мирные переговоры нерационален. Поэтому мы уничтожим врага.

Керк повернулся, чтобы уходить.

— Подумай как следует! — крикнул Язон ему в спину. — Что плохого в том, чтобы попытаться устроить переговоры и объявить перемирие? А если уж не получится, испытаешь свой способ.

В отсек успело набиться довольно много народу. Керк остановился на пороге.

— Я скажу тебе, почему перемирие не годится. Это выход для трусов, понял? Ты инопланетчик, с тебя нечего спрашивать. Но неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я стану поддерживать такую пораженческую линию? Учти, я говорю не только за себя, а за всех нас. Мы не боимся схватки и умеем постоять за себя. Мы знаем, что без войны сможем наладить здесь совсем другую жизнь. Но если нам придется выбирать между войной и трусливым миром — мы за войну! И кончится она только тогда, когда враг будет поголовно истреблен.

Его поддержали одобрительные возгласы, и Язону пришлось напрячь голос:

— Блестяще! Уверен, ты даже считаешь свои изречения оригинальными. Но ты прислушайся — слышишь овации на хорах? Это тебя приветствуют духи всех подонков, которые когда-либо бряцали оружием и кричали о пользе войны. Они узнают свои старые лозунги. Мы-де представляем светлые силы, а противник воплощает силы тьмы. Правда, враг говорит то же самое, но это ничего не значит. Знай себе тверди старые фразы, которые губят людей, сколько существует человеческий род. «Трусливый мир» — это надо же! Мир означает отсутствие войны, прекращение военных действий. При чем тут трусость? Что ты пытаешься замазать этим путаным определением? Свои истинные побуждения? Ты их стыдишься? И правильно делаешь, я бы тоже стыдился. Скажи лучше напрямик, что ты раздуваешь войну, потому что тебе нравится убивать! У тебя и твоих убийц душа радуется смотреть, когда кто-то умирает, вот вы и стараетесь!

Наступила напряженная тишина. Все ждали, что скажет Керк. Он побелел от ярости, но держал себя в руках.

— Ты прав, Язон. Нам нравится убивать. И мы будем убивать. Все, что противилось нам на этой планете, будет уничтожено. И мы сделаем это с величайшим удовольствием.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь, когда развеется впечатление от его слов. Остальные последовали за ним, возбужденно переговариваясь. Язон откинулся на ложе, совершенно разбитый.

Когда он открыл глаза, все уже ушли. Все, кроме Меты. На ее лице тоже был написан кровожадный экстаз, однако, посмотрев на Язона, она словно протрезвела.

— Ну что, Мета? — резко спросил он. — Никаких сомнений, никаких колебаний? Ты тоже считаешь, что другого пути покончить с войной нет?

— Не знаю, — ответила она. — Я не уверена. Впервые в жизни я чувствую, что может быть несколько ответов.

— Поздравляю, — с горечью сказал он. — Ты становишься взрослой.

ГЛАВА 22

Стоя в сторонке, Язон смотрел, как в трюм корабля укладывают смертоносный груз. Пирряне весело таскали пулеметы, гранаты, газовые бомбы. Когда дошла очередь до ранца с атомной бомбой, кто-то запел лихой марш, и все подхватили. Они явно радовались, а Язон с тяжелым сердцем думал о предстоящем побоище. Он чувствовал себя предателем. Может быть, найденные

им организмы следовало уничтожить. А может быть, и нет. Все равно, сперва надо было сделать хоть что-то для примирения, а так это будет просто-напросто убийство.

Из здания оперативного центра вышел Керк; из недр корабля донесся звук пусковых насосов. Через несколько минут старт. Язон затрусил к кораблю и перехватил Керка на полпути.

— Я полечу с вами, Керк, ты не смеешь мне отказать. Как-никак ведь это я их нашел.

Керк помялся.

— Это боевая операция, — сказал он. — Где мы наблюдателей поместим, к тому же лишний вес... И ведь ты отлично знаешь, Язон, что нас теперь не остановишь.

— Вы, пирриане, первые лжецы во всей вселенной, — отозвался Язон. — Мне не хуже тебя известно, что корабль может взять в десять раз больше того, что вы сейчас погрузили. Ну так как, ты берешь меня или отказываешь без объяснения причин?

— Живо на борт! — сказал Керк. — Только не попадайся под ноги — растопчу.

Теперь, когда цель была известна, полет занял гораздо меньше времени. Мета подняла корабль в стратосферу по высокой баллистической кривой, которая заканчивалась на острове. Керк занял кресло второго пилота, Язон устроился позади них так, что видел экраны. Десантники — двадцать пять добровольцев — поместились в грузовом трюме, где лежало оружие. Все экраны были подключены к носовой видеокамере. Вот показался зеленый остров; он быстро надвигался, потом его заслонило пламя тормозных ракет. Мета сбросила ход и плавно посадила корабль на ровной площадке рядом со входом в пещеру.

На этот раз лучи ненависти не застигли Язона врасплох и все-таки заставили его сморщиться от боли. Стрелки, злорадно смеясь, открыли ураганный огонь по живности, которая окружила корабль плотным кольцом. Они тысячами косили представителей островной фауны, а те все шли и шли.

— Неужели это необходимо? — спросил Язон. — Это же просто убийство, резня, избиение...

— Самооборона, — возразил Керк. — Они нас атакуют, мы отбиваемся. Элементарно. А теперь заткнись, пока я не вышвырнул тебя туда.

Только через полчаса огонь немного ослаб. Животные продолжали атаковать, но массовые штурмы кончились. Керк распорядился по интеркому:

— Десантному отряду выходить! И глядеть в оба. Они знают, что мы здесь, и постараются задать вам жару. Отнесите бомбу в

пещеру и проверьте, сколько тянется ход. Можно дать по ним хороший залп с воздуха, но какой от этого толк, если они засели в горе. Не выключайте визифоны. Положите бомбу и, как только я скомандую, возвращайтесь. Ну, пошли!

Десантники скатились по трапам на землю и образовали штурмовой порядок. Они подверглись атаке, но косили противника, не подпуская его близко. И вот направляющий уже вошел в пещеру. Его видеодатчик был обращен вперед, и на экранах в корабле было хорошо видно, как продвигается отряд.

— Да, большая пещера, — пробурчал Керк. — И главное, дальше понижается. Как раз то, чего я боялся. Сбросить бомбу сверху — закупорит вход, и только. Никакой уверенности, что обитатели не выберутся через какой-нибудь другой ход. Ну ладно, поглядим, как далеко она тянется.

Тепло в пещере позволяло пользоваться инфракрасными фильтрами. Стены рисовались на экранах черно-белыми узорами.

— Как вошли в пещеру, никаких признаков жизни, — докладывал командир отряда. — У входа были обглоданные кости, помет летучих мышей. На искусственное сооружение не похоже, обыкновенная пещера.

Десантники продолжали двигаться дальше, постепенно замедляя шаг. При всей нечувствительности пиррян к телепатии даже они ощущали лучи концентрированной ненависти, от которых у Язона все сильнее раскалывалась голова.

— Берегись! — вдруг закричал Керк, с ужасом глядя на экран.

Всю пещеру заполнили какие-то белесые безглазые твари. Боковые ходы, из которых сыпалась эта мерзость, были настолько малы, что животные казались порождением самой горы. Пламя огнеметов пожирало передовые шеренги, но сзади напирали другие.

Изображение пещеры опрокинулось: командир упал. Линзу видеодатчика накрыли белые тела.

— Сомкнуть ряды! Огнеметы и газ! — рявкнул Керк в микрофон.

После первой атаки осталось меньше половины отряда. Прикрываясь огнеметами, уцелевшие бросали газовые гранаты. Сами они были надежно защищены от газа боевыми скафандрами. Кто-то нырнул в кучу тел и вытащил видеодатчик.

— Оставить бомбы и отойти! — скомандовал Керк. — Хватит с нас потерь.

Вместо убитого командира Керку ответил другой:

— Простите, начальник, но теперь что назад идти, что вперед. Газ свое дело делает. Немного осталось, зачем же отступать.

— Выполняйте приказ! — отрезал Керк, но лицо десантника уже исчезло с экрана.

Наступление продолжалось. Язон стиснул ручки кресла до боли в пальцах. Опомнившись, он разжал их и начал растирать.

На экране навстречу им опять плыла черно-белая пещера. Часы отмеряли минуту за минутой. Каждый раз, когда белесые твари атаковали, взрывались газовые гранаты.

— Вижу впереди что-то еще... другого вида, — произнес прерывающийся голос.

Узкий ход, постепенно расширяясь, сменился огромным залом — ни потолка, ни дальней стены не видно.

— Кто это там? — спросил Керк. — Прожектор направо!

Картинка на экране была смазана, выступы мешали рассмотреть подробности, но и без того было понятно, что речь идет о чем-то необычном.

— Никогда не видел... ничего похожего, — продолжал голос. — Что-то вроде больших растений, высота метров десять... Только они шевелятся. Не то ветви, не то щупальца прямо в нас целятся... голова разламывается...

— Подстрели одно, посмотри, что получится, — сказал Керк.

Грянул выстрел, и в ту же минуту мощная волна ненависти повергла десантников на землю. Они скорчились от боли, теряя сознание, неспособные ни думать, ни дать отпор безглазому зверю, которое снова пошло в атаку.

Сидя в корабле, Язон ощутил сильнейший шок и спросил себя, каково же людям там, в подземелье? Керка и Мету тоже поразило излучение. Керк ударил кулаком по раме визифона и закричал:

— Назад, назад сейчас же!

Поздно. Пиррянские твари захлестнули бьющихся в судорогах десантников, нащупывая швы скафандров. Наконец кому-то одному удалось встать. Отбиваясь руками от зверья, он с трудом сделал несколько шагов, нагнулся над копошащейся массой, напрягся и поднял своего мертвого товарища, у которого на спине был укреплен ранец.

Мелькнули окровавленные пальцы, в следующую секунду все накрыла волна смерти.

— Это была бомба! — крикнул Керк Мете. — Если он не переключил механизм, у нас в запасе десять секунд. Уводи корабль!

Язон едва успел плюхнуться в перегрузочное ложе. Взревели ракетные двигатели, и на него навалилась огромная тяжесть. В глазах потемнело, но сознания он не потерял. Вой рассекаемого воздуха резал уши, потом наступила тишина — они вышли из атмосферы.

В тот самый миг, когда Мета сбросила ход, экраны озарила большая вспышка. И тотчас они потемнели — наружные видеодатчики не выдержали. Мета нажала кнопку — установка фильтров, потом другую — замена датчиков.

Далеко внизу, посреди kloкочущего моря, на месте острова вспухало раскаленное грибовидное облако. Они молча смотрели на него. Керк опомнился первым.

— Курс домой, Мета. Свяжись с оперативным центром. Мы потеряли двадцать пять человек, но они выполнили задание. Добили эту мерзость. И покончили с войной. Достойная смерть для мужчин.

Мета рассчитала орбиту, потом вызвала центр.

— Нет связи, — доложила она. — Наводящий луч принимаю, а на вызов никто не отвечает.

В эту минуту на экране возникло изображение пиррянина. Встревоженное лицо блестело от пота.

— Керк, ты? Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек не справимся! Минуту назад тут началось что-то невообразимое, со всех сторон атакуют, такого еще никогда не было!

— Как это так? — недоверчиво вымолвил Керк. — Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб.

— Они лютуют, как никогда прежде! — прозвучал сердитый ответ. — Не знаю, что вы там сделали, но только тут сейчас настоящая чертова мельница. Ладно, хватит болтать, гони сюда корабль!

Керк медленно повернул к Язону лицо, искаженное животной яростью.

— Ты! Это ты виноват! Надо было убить тебя в первый же день. Как мне хотелось это сделать — теперь вижу, что я зря удержался! Ты словно чума — как прибыл сюда, кругом сеешь смерть. Ведь я знал, что ты не прав, да поддался твоему лживому языку. А что вышло? Сперва ты убил Велфа. Потом наших людей, которые пошли в пещеру. Теперь идет бой по всему Периметру. Каждый, кто там погибнет, будет на твоей совести!

Взбешенный Керк шаг за шагом наступал на Язона, а тот отполз назад, пока не уперся в картодержатель. Рука Керка метнулась вперед. Это был не кулачный удар, а простая оплеуха. Язон дернулся в сторону, но ладонь Керка настигла его и сбросила на пол. Он упал на спину, плечом к картодержателю, и пальцы его коснулись контейнеров с матрицами ОХР.

Язон схватил обеими руками один контейнер, выдернул его из гнезда и со всего размаху ударил им Керка. Металлическая трубка рассекла пиррянину лоб и скулу, но рана ничуть его не

обескуражила. Он нагнулся и с улыбкой, не сулящей ничего доброго, поднял Язона на ноги.

— Сопровождайся, — сказал он. — Тем приятнее мне будет прикончить тебя.

И он занес над Язоном гранитный кулак, который способен снести противнику голову с плеч.

— Давай. — Язон прекратил борьбу. — Убивай. Тебе это ничего не стоит. Только не называй это правосудием. Да, Велф умер, чтобы спасти меня. Но десантники на острове погибли из-за твоей глупости. Я добивался мира, ты добивался войны. Ты получил ее. Убей меня, заглуши голос своей совести, ведь ты боишься смотреть правде в глаза.

Керк взревел от ярости, и его кулак, подобный копру для забивки свай, пошел вниз.

Мета обеими руками схватила руку Керка и повисла на ней, отворачивая удар. Все трое повалились на пол; у Язона хрустнули кости.

— Не смей! — кричала Мета. — Язон был против высадки этих людей. Это была твоя затея. Ты не имеешь права убивать его за это!

Рассвирепевший Керк ничего не слышал. Сейчас он сражался с Метой. Конечно, женские мышцы не шли ни в какое сравнение с его могучими мускулами. Но она была пиррянка и сделала то, с чем не справился бы ни один инопланетчик. Ей удалось отвлечь Керка, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы освободиться от хватки Меты и отбросить ее в сторону. Этих секунд Язону оказалось достаточно, чтобы добраться до выхода.

Он выскользнул в переход, живо захлопнул люк и задвинул засов. Мгновением позже Керк обрушился всей тяжестью на люк с другой стороны. Сталь заскрежетала и поддалась. Одна петля лопнула, другая держалась только чудом. Еще толчок, и она полетит.

Но Язон не стал этого дожидаться. Ему вовсе не хотелось проверять, долго ли может устоять люк против разъяренного пиррянина. Он и без того уже знал, что нет таких дверей, которые удержали бы Керка. И Язон со всей доступной ему прытью пустился вниз по трапу. На корабле укрыться негде — значит, надо покидать корабль. А вот и шлюпочная палуба со спасательными капсулами.

С тех самых пор, как Язон увидел эти капсулы, они не шли у него из головы. Конечно, он не мог предвидеть такой ситуации, однако он допускал, что в какой-то момент ему может понадобиться, так сказать, транспортное средство. И спасательная капсула его устраивала как нельзя лучше. Если не считать того, что ни

в одной из этих капсул, по словам Меты, нет горючего... В той капсуле, где Язон сидел с пеленгатором, баки в самом деле были пустые, он нарочно проверил. Но ведь есть еще пять капсул. Спасательные капсулы без горючего — хитрая загадка, но у него было время поразмыслить над ней, и кажется, он знает ответ.

Этот космический корабль у пиррян единственный. Мета как-то говорила ему, что они давно хотели приобрести второй, да до сих пор так и не собрались. Каждый раз деньги уходили на вооружение. И к тому же они вполне обходились одним кораблем, только надо было всегда держать его в готовности, чтобы город мог жить. Без поставок горожане просуществовали бы от силы два-три месяца. Поэтому, что бы ни случилось с кораблем, команде никогда не пришлось бы в голову покинуть его в полете. Ведь гибель корабля означала гибель их мира.

Это освобождало их от необходимости заправлять горючим спасательные капсулы. Во всяком случае, всю шестерку. Но хоть одна-то должна быть заправлена для коротких рейсов, в которые нет смысла гонять большой корабль! Язон чувствовал, что тут в его рассуждениях намечается слабина. Чересчур много «если»...

Если они вообще пользуются капсулами, то какую-то из них поддерживают в рабочем состоянии. Если так, то в ее баках должно быть горючее. Если горючее есть, то в какой из шести? Все проверять некогда. Он должен угадать с первого раза.

Правда, на этот счет у него была догадка. Еще одна. Если капсула заправлена, то, скорее всего, та, которая расположена ближе всех к пилотской кабине. Та самая, к которой сейчас метнулся Язон, думая о том, что его жизнь висит на тонкой цепочке догадок.

Люк за его спиной с грохотом упал. Яростно рыча, Керк прыгнул вниз. Язон нырнул в люк спасательной капсулы со всей скоростью, какую ему позволяли развить два G. Схватил обеими руками стартовый рычаг и рванул его.

Зазвенел аварийный сигнал, и люк капсулы закрылся перед самым носом Керка. Только молниеносная реакция спасла пиррянину от чувствительного удара.

Пусковая установка отстрелила капсулу. Кратковременное ускорение бросило Язона на пол, потом началось свободное падение, и он поплыл по воздуху. Двигатель молчал.

Вот когда Язон постиг смысл выражения «верная смерть». Без горючего капсула камнем рухнет в джунгли и разлетится вдребезги при ударе о землю. Теперь его ничто не спасет.

Вдруг сработало зажигание, взревели ракеты, Язон врезался в переборку и расквасил себе нос. Сел, вытер кровь и осклабился.

Все в порядке, горячее есть. А зажигание и должно запаздывать, чтобы капсула успела отойти сколько надо от корабля.

Так, теперь разберемся в управлении... Язон добрался до пилотского кресла.

Автопилот уже принял данные с альтиметра и выровнял капсулу параллельно земле. Как и на всяком спасательном устройстве, управление было предельно простое, чтобы даже новичок мог справиться. Автопилот не отключался, он работал параллельно с ручным управлением, исключая грубые ошибки. Вот и сейчас стояло Язону нетерпеливо крутануть штурвал, как автопилот притормозил его.

Язон увидел через иллюминатор, как корабль закладывает крутой вираж. Он мог только гадать, кто ведет корабль и в чем смысл этого маневра. Как бы то ни было, лучше не рисковать. Он резко подал штурвал вперед и выругался, потому что капсула вместо того, чтобы спикировать, пошла плавно вниз. Корабль не был так ограничен в своих маневрах. Он резко изменил курс и ринулся на перехват. Носовая турель открыла огонь, и капсулу тряхнул взрыв. От сильного толчка что-то случилось с автопилотом, плавный спуск сменился крутым пикированием, все поле зрения занял стремительно надвигающийся лес.

Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Рев ракет... треск ломаемых деревьев... громкий всплеск... Затем тишина.

Ветер унес дым. Высоко в небе кружил космический корабль. Вот он пошел вниз, словно собираясь сесть. Но тут же снова набрал высоту. Город звал на помощь, лояльность пересилила, и корабль, извергая пламя, помчался домой.

ГЛАВА 23

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение. Разбитый цилиндр медленно погружался в болотную жижу. Нос целиком ушел под воду, прежде чем Язону удалось ударом ноги открыть аварийный люк в средней части капсулы.

Никто не смог бы ответить, сколько времени понадобится болоту, чтобы засосать всю капсулу, да Язону было и не до того, чтобы размышлять над этим. Весь в синяках и ссадинах, он еле нашел в себе силы выкарабкаться наружу. Спотыкаясь и падая, он добрал до относительно сухого места и тяжело сел.

Капсула громко булькнула и окончательно скрылась. Несколько минут со дна еще поднимались пузырьки воздуха, затем и они пропали. Если не считать ободранных деревьев и разбросанных ветвей, ничто не говорило о вторжении космического аппарата в эти края.

Над болотом проносились насекомые, безмолвие леса нарушал только мерзкий вой какого-то зверя, расправляющегося с добычей. Потом и этот звук замер, воцарилась полная тишина.

Язон сбросил с себя оцепенение. У него было такое чувство, будто его пропустили через мясорубку; мысли вязли в густом тумане, заполнившем голову; наконец он вспомнил, что у него есть аптечка. Она никак не хотела отстегиваться, тогда он подсунул руку под жерло и навалился корпусом на аппарат. Аптечка прилежно загудела, и хотя Язон не ощутил уколов, он понял, что устройство сработало. Постепенно головокружение прошло, и у него прояснилось в глазах. Болеутоляющие средства окончательно разогнали черное облако, которое окутало его мозг, когда капсула спикировала в лес.

Рассудок вернулся к нему и принес с собой чувство одиночества. Без еды, без друзей, кругом враждебные силы чужой планеты... В недрах души зародился страх, и Язону стоило большого труда укротить его.

— Думай, Язон, думай, не поддавайся эмоциям, — сказал он вслух, увещевая самого себя.

Сказал — не обрадовался, так жалко прозвучал в пустоте его голос с оттенком истерии. В горле что-то застряло, он откашлялся, сплюнул и увидел кровь. Глядя на красное пятнышко, Язон вдруг ощутил прилив ярости. Как он ненавидел эту свирепую планету и невообразимую тупость живущих на ней людей! Он громко выругался. На этот раз голос его уже не казался жалким. Язон орал, грозил кому-то кулаком. Помогло. Гнев вытравил страх и вернул ему здравый взгляд на действительность.

Совсем не так уж плохо посидеть на земле... Солнце ласково пригревало, и когда он откинулся на спину, то почти забыл о двойном тяготении. Прилив ярости вымыл страх из его души, а отдых прогнал усталость. Где-то в глубинах сознания возникло старое, стертое изречение: «Пока есть жизнь — есть надежда». Банально, ничего не скажешь, но в этих словах кроется зерно истины.

Итак, что у него есть в активе? Он изрядно потрепан, но жив. Ушибы и ссадины не страшные, кости целы. Пистолет в порядке; едва Язон подумал о нем, как он тотчас выскочил из кобуры. Да, пиррянское снаряжение сработано на совесть. Аптечку он уже

проверил. Если он сохранит трезвость суждений, будет идти по возможности прямо и сумеет прокормиться плодами здешней земли, есть надежда добраться до города. Какой прием ждет его там — это другой вопрос. Придет — узнает. Сначала надо дойти.

В пассиве — планета Пирр. Изнуряющее тяготение, зверская погода, лютые звери. Сумеет ли он выжить? Как нарочно, небо вдруг потемнело, и в лесу зашелестел приближающийся дождь. Язон поднялся на ноги, чтобы засечь азимут, пока все не скрылось в пелене дождя. Вдали неясно вырисовывались горы, он помнил, как корабль проходил над ними. Что ж, это будет первый этап. Доберется туда, наметит следующий.

Неистовые порывы ветра забросали его листьями и мусором, потом хлынул ливень. Мокрый, озябший, адски усталый, с трудом переставляя ноги, он брел по планете смерти.

Спустилась ночь, а дождь все лил. Ориентироваться было невозможно, значит, идти дальше бессмысленно. К тому же Язон совсем выбился из сил. А впереди его ждала мокрая ночевка. Деревья кругом были такие толстые и скользкие, что он и при обычном тяготении ни на одно не влез бы. Проверил под упавшими стволами, под кустами — всюду одинаково мокро. Под конец Язон свернулся калачиком на земле около дерева и забылся, дрожа всем телом.

Около полуночи дождь прекратился, и сразу сильно похолодало. Язону приснилось, что он замерзает, к нему подкрадывается смерть, а проснувшись и с трудом открыв глаза, он убедился, что это почти так и есть. Между ветвями сыпал снежок, припорошивая землю, а заодно и Язона. У него все суставы окоченели, и когда он чихнул, грудь пронизала острая боль. Ноющие мышцы жаждали только покоя, но еще теплившийся рассудок приказал встать.

Дальше лежать — смерть. Придерживаясь рукой за ствол, чтобы не упасть, он пошел вокруг дерева. Шаг за шагом, круг за кругом...

Холод мало-помалу отступал, дрожь унялась. Усталость окутывала его тяжелой серой пеленой, а он все шел и шел с закрытыми глазами, открывая их только тогда, когда падал и надо было, преодолевая боль, вставать.

На рассвете солнце выжгло снеговые тучи. Язон прислонился к дереву и поднял к небу воспаленные глаза. Кругом все было бело, не считая натопанной им черной дорожки. Опираясь спиной о гладкий ствол, Язон медленно опустился на землю. Всеми клетками он впитывал солнечные лучи.

Голова закружилась от усталости, губы потрескались, упорный кашель раздирает грудь. Солнце, едва выйдя из-за горизонта,

уже припекало. Язон быстро высох, потом ему стало жарко. Очень жарко.

Что-то не в порядке... Эта мысль настойчиво стучалась в его мозг. Наконец он впустил ее и рассмотрел со всех сторон. Что не в порядке?.. Его самочувствие.

Воспаление легких. Явные признаки пневмонии.

Язон улыбнулся, потом слизнул с губ капельки крови. Право, смешно: он успешно отбивался от пиррянских хищников и ядовитых рептилий, а вот самые крохотные бестии его одолели. Ничего, найдется и на них управа. Он засучил рукав и дрожащими пальцами прижал к руке жерло аптечки. Послышался щелчок, затем сердитое жужжание. Он знал, что этот звук что-то означает, — но что именно? Подняв аптечку, Язон увидел торчащий конец иглы. Ну конечно. Нет антибиотика, предписанного анализатором. Аппарат нуждается в заправке.

Язон выругался и отшвырнул аптечку; она шлепнулась в лужу и утонула. Конец аптечки, конец Язона динальта. Одиноким воителем против полчищ планеты смерти... Отважный чужепланетчик, ни в чем не уступающий местным жителям... Всего один день без посторонней помощи — и его смертный приговор утвержден.

За его спиной раздалось свирепое рыканье. Он мгновенно повернулся и выстрелил, бросаясь на землю. И даже не успел осознать происходящего, как уже все было кончено. Пиррянская школа здорово натренировала его подкорковые центры. Глядя на уродливую тварь, которая корчилась в предсмертных судорогах в метре от него, Язон сказал себе, что часы учения не пропали зря.

Тут же он с огорчением подумал, что убил одну из собак корчевщиков. Однако, присмотревшись, Язон заключил, что этот зверь отличается от собак и мастью и размерами. И нравом. Хотя выстрел разнес грудную клетку и кровь била фонтаном из разорванных сосудов, чудовище все еще пыталось добраться до противника. Оно успело доползти до самых ног Язона, прежде чем смерть подернула дымкой его глаза.

Нет, это не собака, но, возможно, ее дикий родич. Вероятно, тут такое же родство, как между собакой и волком на Земле. Может быть, и у этих тварей есть волчьи стаи? Может быть, и они охотятся стаями?

Он живо поднял голову. И вовремя поднял! Между деревьями крались серые силуэты. Язон уложил одного за другим двух хищников; остальные, яростно ворча, отступили в лес. Но они не ушли совсем. Гибель трех членов стаи не устранила остальных, только прибавила им злости.

Сидя спиной к дереву, Язон отражал повторные атаки. Подпустит зверье поближе и только тогда открывает огонь. После каждого выстрела, сопровождающегося предсмертным визгом жертвы, все громче и яростнее выли уцелевшие. Некоторые затевали драку между собой, давая выход своему бешенству. Один, поднявшись на задних лапах, начал сдирать когтями кору с дерева. Язон выстрелил по нему, но промахнулся, расстояние было слишком велико.

Он подумал, что у высокой температуры бывают свои преимущества... Ведь вот рассудок говорит ему, что он доживет только до заката или до тех пор, пока не расстреляет все патроны. А ему хоть бы что! Наплевать на все. Он полностью расслабился. Поднимет руку, выстрелит — и опять отдыхает. Иногда приходилось поворачиваться, чтобы уложить зверя, который подкрадывался сзади. Будь дерево потоньше, на этот маневр уходило бы меньше усилий... Ничего, и это сойдет.

Под вечер он истратил последний заряд. Поймав себя на том, что он все чаще промахивается, Язон на этот раз дал зверю подойти совсем близко, потом выстрелил. Чудовище захрипело и испустило дух. Остальные с воем отпрянули, при этом одна тварь подставила бок, и Язон поспешил нажать на спуск.

Последовал негромкий щелчок. Осечка? Он нажал снова — опять щелчок. Магазин был пуст, опустел и патронташ на поясе. Язон не мог даже припомнить, сколько раз перезаряжал свое оружие.

Выходит, конец. Верно ему говорили, Пирр ему не по зубам. А что говорили — как будто Пирр и с ними не расправится! Еще ни один пиррянин не умер своей смертью. И вообще пирряне не доживают до преклонных лет — их раньше съедают.

Теперь, когда ему не надо было держаться начеку и отстреливаться, болезнь взяла верх над ним. Ему страшно хотелось спать, и он знал, что это будет долгий сон. Слипающимися глазами он смотрел, как зверье подкрадывается к нему. Вожак уже совсем близко... Язон увидел, как его мышцы напряглись для прыжка.

Хищник прыгнул. Сделал в воздухе кувырок и упал подле Язона. Из клыкастой пасти струилась кровь, в голове сбоку торчал короткий металлический черенок.

Два человека вышли из зарослей и направились к Язону. Звери тотчас скрылись; одного появления этих людей было достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Корчевщики. Он так спешил добраться до города, что забыл про корчевщиков. Хорошо, что они здесь. Хорошо, что пришли. Язык не слушался Язона, поэтому он улыбнулся им в знак благодарности.

Но улыбаться было очень больно, и он решил поспать.

ГЛАВА 24

Дальше он воспринимал происходящее только урывками. Какое-то движение и крупные животные крутом...

Стены, запах дыма, голоса... Но его ничто не волновало и не заботило. Он слишком устал. Куда легче и проще ничем не загружать мозги.

— Наконец-то, — сказал чей-то голос. — Еще день-другой, и мы закопали бы тебя в землю, хотя бы ты еще и дышал.

Язон прищурился, стараясь фокусировать расплывшееся перед его глазами лицо. Узнал Реса, хотел ответить, но едва открыл рот, как на него напал нестерпимый кашель. Кто-то поднес ему к губам чашку, и он проглотил какую-то сладковатую жидкость. Отдохнув немного, он сделал новую попытку.

— Давно я здесь? — Язон не узнал собственного голоса, так тонко и слабо он прозвучал.

— Восемь дней, — сказал Рес. — Но почему ты меня не слушал, когда мы с тобой говорили в прошлый раз? Почему не остался около ракеты после аварии? Я же сказал тебе, что ты можешь садиться в любом месте нашего края. Ну ладно, теперь это уже позади. Но в другой раз слушай меня повнимательнее. Наши люди не теряли времени, они еще до темноты были на месте аварии. Увидели сломанные деревья, увидели след от затонувшей ракеты и сперва подумали, что из нее никто не смог выбраться. Но тут одна из собак взяла твой след. Ночью в болотах она его опять потеряла. Сколько ни искали, не могли найти. Сам понимаешь — грязь, снег... На следующий день уже хотели вызвать подмогу, когда вдруг услышали стрельбу. В последнюю минуту подоспели, насколько я понимаю. К счастью, один из них был говорун, он приказал диким собакам уходить. Иначе пришлось бы их всех перебить, а это никуда не годится.

— Спасибо, что выручили меня, — сказал Язон. — Без вас я бы пропал. А что было дальше? Я помню только, как я простился с жизнью. Определил воспаление легких, верная смерть в моем тогдашнем состоянии без специального ухода. Выходит, вы ошибались, когда говорили, что от ваших лекарств мало проку. Мне-то они явно помогли...

Он замялся, глядя на Реса, который отрицательно качал головой с хмурым и озабоченным видом. Рядом с Ресом стояли еще два корчевщика, в том числе Накса, и у обоих на лицах было удрученное выражение.

— В чем дело? — насторожился Язон. — Если мне помогли не ваши лекарства, то что же помогло? Во всяком случае, не моя

аптечка. Она была пустая. Помню, я ее не то обронил где-то, не то выбросил.

— Ты умирал, — медленно заговорил Рес. — Мы не могли тебя выручить. Тут нужен был такой аппарат, какие делают жестянщики. Мы добыли его у водителя транспорта.

— Как добыли? — поразился Язон. — Вы же сами говорили, что горожане не дают вам лекарств. Он ни за что не отдал бы свою аптечку. Только...

Рес кивнул головой и договорил:

— ...мертвый. Да, он был мертв. Я сам его убил с превеликим удовольствием.

Слова Реса поразили Язона в самое сердце. Откинувшись на подушки, он мысленно перебирал всех тех, кто погиб после того, как он попал на Пирр. Люди умирали, чтобы спасти его, умирали, чтобы он жил, умирали из-за его идей. Он чувствовал себя последним негодяем. Будет ли Краннон последней жертвой или горожане захотят отомстить?

— Вы понимаете, что это значит? — произнес он через силу. — Гибель Краннона окончательно восстановит город против вас. Вы больше ничего не получите. Они будут нападать на вас при каждом удобном случае, убивать ваших людей...

— Все это мы знаем! — ответил Рес охрипшим от волнения голосом. — Не подумай, что нам было легко решиться на такое. У нас было что-то вроде торгового соглашения с жестянщиками. Транспортеры с товарами считались неприкосновенными. Ведь это наше единственное связующее звено с галактикой, последняя надежда на то, что когда-нибудь все-таки удастся наладить контакт с внешним миром.

— Тем не менее вы разрушили это звено, чтобы спасти меня.

— На этот вопрос только ты можешь ответить. Город подвергся сильнейшей атаке, мы видели бреши в стене, в одном месте им пришлось отодвинуть линию обороны назад. В это время космический корабль находился над океаном и сбрасывал какие-то бомбы. Наши люди видели вспышку. Потом корабль пошел обратно, а ты покинул его на маленькой ракете. Они обстреляли ее, но убить тебя им не удалось. И ракета уцелела, мы как раз собираемся поднять ее из болота. Что все это означает? На этот вопрос никто не мог нам ответить. Мы понимали только, что произошли очень важные события. Тебя нашли живым, но было очевидно, что ты обречен и от тебя мы ничего не узнаем. Может быть, ракету еще можно отремонтировать и использовать. Может быть, ты украл ее для нас с этой целью. Мы не могли дать тебе умереть, хотя бы это грозило нам долгой войной с горожанами. Объяснили

положение всем тем из наших людей, кого удалось заставить на месте, и все были за то, что тебя надо спасти. Я убил жестянщика, взял аптечку, загнал двух доримов и поспел как раз вовремя. А теперь скажи нам, что все это значит? Какой у тебя план? Что он нам даст?

Чувство вины лишило Язона речи. В памяти промелькнул эпизод из старинной легенды — про Иону, который загубил космический корабль со всеми людьми, а сам остался жив. Не о нем ли эта притча? Неужели он погубил целый мир? Смее ли он признаться этим людям, что угнал ракету только затем, чтобы спасти собственную жизнь? Три пиррянина выжидательно наклонились над ним. Язон закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Как быть? Если он скажет им все как есть, они тут же убьют его и будут правы.

Собственная судьба его уже не беспокоила, но ведь если он сейчас умрет, все жертвы окажутся напрасными. А между тем война между планетой и людьми может быть прекращена. Все факты налицо, осталось только пригнать их друг к другу. Он уже знал бы ответ, если бы не эта проклятая усталость. Решение готово, схоронилось где-то в мозгу и ждет, чтобы его извлекли из тайника.

За стеной послышался топот, потом невнятный крик, но пирряне не обратили внимания на эти звуки, они напряженно ждали, что ответит Язон. А он никак не мог подобрать нужные слова. Одно ему было ясно: нельзя говорить правду. Его кончина будет кончиной всех надежд. Надо лгать, чтобы выиграть время и отыскать решение, которое вертится где-то совсем рядом... Но утомленный мозг был не в состоянии придумать что-нибудь правдоподобное.

В напряженной тишине громко стукнула дверь. На пороге стоял кражистый человек, его багровое лицо, обрамленное седой бородой, дышало гневом.

— Вы что тут, оглохли все? — рявкнул он. — Целую ночь скачу, всю глотку сорвал, а вы сидите здесь, словно клуши. Выходите! Живо! Землетрясение! Вот-вот начнется сильное землетрясение!

Пирряне вскочили на ноги и обрушили на вошедшего град вопросов. Голос Реса прозвучал громче других:

— Хананас! Сколько у нас времени?

— Сколько времени? Нашел, о чем спрашивать! Уходите, пока живы, это все, что я знаю!

Не тратя времени на дальнейшие разговоры, корчевщики живо приступили к сборам, и через минуту Язон уже лежал на носилках, укрепленных на спине дорима.

— В чем дело? — спросил он пиррянина, который привязывал его к носилкам.

— Землетрясение надвигается, — ответил тот, затягивая узел. — Хананас — наш лучший предсказатель по этой части. Он всегда заранее знает, когда ждать землетрясения. Кого успеет предупредить, те уходят. Предсказатели всегда наперед знают — чувствуют, что ли.

Он управился с узлами и исчез. Когда они тронулись в путь, уже смеркалось и красный закат перекликался с пунцовым заревом на севере. Издалека доносился глухой гул, который воспринимался скорее осязанием, чем слухом; в земле отдавались толчки. Доримы без понукания пустились валкой рысью. Они прошлепали копытами по мелкому болоту, после чего Хананас резко изменил курс.

Причину этого Язон понял немного погодя, когда небо на юге словно взорвалось. Яркая вспышка озарила лес, потом сверху посыпался пепел, по деревьям барабанили раскаленные камни. Земля шипела там, где они падали, и быть бы лесному пожару, если бы не недавний дождь.

Рядом с маленьким караваном колыхалось что-то большое и черное. Когда они выехали на поляну, Язон присмотрелся и в отраженном свете разглядел косматое чудовище с огромными кривыми рогами.

— Рес... — позвал он, задыхаясь. Рес бросил взгляд на зверя и отвернулся. Чудовище его не то что не испугало — даже не заинтересовало. Посмотрев по сторонам, Язон понял почему.

Бегущие животные не издавали ни звука, поэтому он не заметил их раньше. Между деревьями справа и слева мелькали темные силуэты. Какие-то из них он узнавал, незнакомых видов было намного больше. Несколько минут совсем рядом, мешаясь с одомашненными собаками, бежала стая диких псов. И ничего, как будто всегда так было. Над головой у всадников проносились летающие твари. Перед угрозой катаклизма междуусобицы были забыты. Все живое объединилось в борьбе за жизнь. Путь пересекли жирные животные с изогнутыми клыками, похожие на свиней. Доримы замедлили бег, осторожно ставя ноги, чтобы не топтать их. Иногда мелкие твари цеплялись за спины более крупных и какое-то время ехали на них верхом, прежде чем соскочить опять.

Скрипучие носилки немилосердно трясли Язона, и в конце концов его сморил сон. Ему снились звери, несущиеся вперед в бесшумном стремительном беге. Откроет глаза, закроет глаза — одно и то же, нескончаемая череда животных.

Эта картина таила в себе какой-то глубокий смысл... Но что именно? Язон нахмурился, соображая. Бегущие животные, пир-рянские животные...

Вдруг он сел на носилках, сон как рукой сняло. Ну конечно же!

— Что случилось? — спросил Рес, подъезжая вплотную.

— Ничего, едем дальше, — отозвался Язон. — Нам бы только выбраться живьем из этой переделки. Я знаю, как вашему народу получить то, чего он хочет, и прекратить войну. Есть способ, мы его применим.

ГЛАВА 25

В памяти отложились только отдельные фрагменты ночного перехода. Кое-что запечатлелось очень четко — например, громадная, с космический корабль величиной, глыба раскаленного шлака, которая упала в озеро и обдала всадников горячими брызгами. И вообще подробности этого бесконечного перехода мало занимали изнуренного болезнью Язона. На рассвете они вышли из опасной зоны, и доримы с рыси перешли на шаг. Как только угроза миновала, звери исчезли, тихо разошлись в разные стороны, все еще соблюдая перемирие.

Но кончилась опасность — кончился и мир; Язон убедился в этом, когда они устроили привал. Вместе с Ресом он направился к зеленому пятачку возле упавшего дерева, однако на мягкой траве уже лежала дикая собака. При виде людей она вся напряглась, румяный восход высекал красные искры из ее глаз. В трех метрах от зверя Рес остановился и замер. Язон тоже остановился, спрашивая себя, почему корчевщик не берется за оружие и не зовет никого на помощь. Что ж, ему виднее...

Неожиданно собака прыгнула прямо на них. Рес оттолкнул Язона в сторону, так что он упал навзничь, и сам припал к земле, держа в руке длинный нож, который выхватил из укрепленных на бедре ножен. Молниеносный выпад... Собака изогнулась в воздухе, пытаясь схватить нож зубами, но он уже вонзился в ее тело за лопаткой и распорол ее во всю длину. Она еще была жива, когда упала на землю, но Рес уже сидел на ней верхом. Задрав сверху защищенную пластинами голову, он перерезал собаке горло, потом тщательно вытер о ее шкуру нож и сунул его обратно в ножны.

— Обычно они смирные, — спокойно сказал он, — но эта чем-то была взбуждена. Должно быть, потеряла стаю.

Как это не похоже на поведение горожан! Рес не лез на рожон и не стал нападать первый, он до последнего избегал схватки. Когда же зверь пошел в атаку, последовала быстрая и эффективная расправа. Но Рес не упивался своей победой, напротив, он явно был огорчен гибелью живого существа.

Правильно. Все стало на свои места. Теперь ему ясно, как начался смертельный поединок Пирра с человеком — и ясно, как его прекратить. Нет, жертвы не были напрасными! Каждая из них приближала его к цели. Осталось сделать последний шаг.

Рес смотрел на Язона, явно думая о том же.

— Выкладывай, — сказал он. — Что ты подразумевал, когда говорил, что мы сможем перебить жестянщиков и завоевать свободу?

— Собери остальных, я объясню. И надо, чтобы Накса непременно был и другие говоруны.

Люди Реса не заставили себя ждать. Каждый знал, что для спасения этого инопланетчика был убит жестянщик и теперь вся надежда на него. Глядя на обращенные к нему лица, Язон думал, как лучше растолковать им, что нужно сделать. Мысль о том, что многие из них погибнут, выполняя его план, не облегчила ему задачу.

— Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Есть способ сделать это, но он потребует человеческих жертв. Может быть, погибнет кто-то из вас. По-моему, за такое дело не жалко отдать жизнь, ведь победа даст вашему народу все то, о чем вы давно мечтали.

Он обвел взглядом напряженно слушающих людей.

— Мы нападём на город и прорвём Периметр. Я знаю, как это сделать...

Толпа зашумела. Одни ликовали, предвкушая расправу с исконным врагом. Другие таращились на Язона, как на сумасшедшего. Третьи были ошеломлены дерзким замыслом сразиться с вооруженным до зубов врагом в его оплоте. Язон поднял руку, и все смолкли.

— Я знаю, это кажется невозможным, — продолжал он. — Но послушайте, что-то надо делать. И сейчас самое время действовать. Дальше будет только еще хуже. Город, Пирр... жестянщики обойдутся без вашего продовольствия, их концентраты — порядочная дрянь, но прожить можно. А вот вам придется несладко, уж они постараются отомстить. Вы перестанете получать металл для инструментов, детали для электронной аппаратуры. Они способны даже выслеживать с воздуха и уничтожать ваши фермы. Словом, ждите неприятностей. И это только начало... Горожане проиграют войну против планеты. С каждым годом их остается все меньше, в один прекрасный день последние вымрут. Но сперва — уж я их знаю! — они взорвут свой корабль, а заодно и всю планету, если сумеют.

— А как мы можем им помешать? — крикнул кто-то.

— Помешаем, если нанесем удар теперь, — ответил Язон. — Я хорошо изучил город, знаю, как устроена оборона. Периметр

предназначен для защиты от животных, а мы можем прорваться, если очень постараемся.

— Что толку? — возразил Рес. — Мы прорываем Периметр, они отходят, потом собирают все силы и наносят ответный удар. Разве мы устоим против их оружия?

— До этого не дойдет. Их космодром примыкает к Периметру, я точно знаю, где стоит корабль. Именно там мы и должны прорваться. Около корабля нет постоянной охраны, и вообще на космодроме мало людей. Мы захватываем корабль. Сможем ли мы им управлять, роли не играет. У кого в руках корабль, у того в руках и весь Пирр. Мы пригрозим уничтожить корабль, если не будут приняты наши условия. Им придется выбирать — либо массовое самоубийство, либо сотрудничество. Надеюсь, у них хватит ума предпочесть второе.

Секунду царила полная тишина, но тут же загудели голоса, все старались перекричать друг друга, пока Рес не вмешался и не навел порядок.

— Тихо! — крикнул он. — Дайте Язону договорить, потом решайте. Мы еще не слышали, как он предлагает осуществить прорыв.

— Успех моего плана зависит от говорунов, — сказал Язон. — Накса тут?

Он выждал, пока одетый в шкуры корчевщик не протиснулся вперед, и продолжал:

— Слушай, Накса, у меня к тебе вопрос относительно говорунов. Вы умеете приказывать доримам и собакам, это я хорошо знаю. А как с дикими животными? Можете вы их заставить слушаться вас?

— Диких-то? А что, заставим. Чем больше говорунов, тем больше наша сила. Что захотим, то и будут делать.

— Значит, можно организовать атаку, — возбужденно подытожил Язон. — Вы смогли бы собрать всех говорунов в одном месте, в противоположном конце от космодрома, и натравить животных на город, заставить их атаковать Периметр?

— Сможем ли мы? — Идея Язона явно привела Наксу в восторг. — Да мы отовсюду зверей сгоним, такой штурм устроим, они еще такого не видели!

— Значит, решено. Вы, говоруны, организуете штурм Периметра в дальнем конце. Только сами не показывайтесь, чтобы охрана не смекнула, в чем дело. Я видел, как они действуют. При сильной атаке вызывают подмогу из города и снимают часть людей с других участков Периметра. В разгар битвы, когда все их силы будут связаны в другом месте, я поведу отряд на прорыв и

захвачу корабль. Вот такой у меня план, и я уверен, что у нас все получится.

Кончив говорить, Язон в изнеможении опустился на траву. Лежа, он слушал, как идет бурное обсуждение, направляемое Ресом. Говорили о трудностях и о том, как их преодолеть. Участники дискуссии не видели никаких существенных изъянов в его плане. Это не означало, что он совсем не имел слабых мест, но Язон предпочитал не напирать на них. Эти люди всей душой хотят, чтобы его замысел свершился, и они его осуществят.

Когда обсуждение кончилось и все разошлись, Рес подошел к Язону.

— Ну так, в принципе все решено, — сказал он. — Никто не возражал. Теперь гонцы оповестят всех говорунов, ведь это наша ударная сила, чем больше мы их соберем, тем лучше. Вызывать их по визифону не стоит — кто поручится, что жестянщики не могут перехватывать наши передачи. Нам нужно пять дней, чтобы все подготовить.

— Да и мне нужно не меньше пяти дней, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить силы, — ответил Язон. — А сейчас неплохо бы поспать.

ГЛАВА 26

— Необычное впечатление, — сказал Язон. — Я ведь никогда по-настоящему не видел Периметр снаружи. Уродство — другого слова не подберешь.

Он лежал на бутре рядом с Ресом и смотрел из-за кустов вниз на Периметр. Несмотря на полуденный зной, оба были закутаны в шкуры, ноги защищены толстыми крагами, руки — кожаными перчатками. От жары и двойного тяготения у Язона кружилась голова, но он держался.

Впереди, за выжженной полосой, тянулся Периметр. Глухая стена, неодинаковая по высоте, неоднородная по материалу, сооруженная из самого различного материала. Невозможно сказать, какой она была первоначально. Атаки, атаки, атаки долбили, подрывали, разрушали ее. Горожане наспех ремонтировали стену, лепили заплатки. Грубая каменная кладка рассыпалась, на ее месте появлялись деревянные клетки, а к ним примыкали сваренные по шву стальные плиты. Но и металл не мог устоять — свидетельством тому было рваное отверстие, через которое сыпался песок из лопнувших мешков. Поверхность стены опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты. Тут и там над Пери-

метром торчали стволы огнеметов, сжигающие все живое, что только приближалось к основанию стены.

— Эти штуки могут причинить нам много хлопот, — сказал Рес. — Видишь, вон та как раз прикрывает участок, где ты задумал прорваться.

— Не беспокойся, все будет в порядке, — заверил его Язон. — Хотя и кажется, что они бьют беспорядочно, но это не так. Промежутки между залпами разные, но эта хитрость рассчитана на зверей, а не на человека. Да ты сам убедись. Залп следует через каждые две, четыре, три и одну минуту.

Они отползли обратно в яму, где их ждали Накса и другие. Всего тридцать человек, а для такого задания как раз и требовался небольшой подвижный отряд. Их главное оружие — внезапность. Без нее арбалеты корчевщиков и десяти секунд не устоят против огневой мощи города. В толстых шкурах всем было жарко, и кое-кто развязал одежду, чтобы немного остыть.

— Завяжитесь! — скомандовал Язон. — Вы еще не бывали так близко к Периметру и не представляете себе, что там творится. Я знаю, Накса не подпустит крупных животных, а с мелкими тварями вы все сами справляетесь. Тут другая опасность. Каждая колючка отравлена, каждая травинка оканчивается смертоносным шипом. Насекомых тоже берегитесь. И когда пойдем вперед, дышите только через мокрую тряпку.

— Он прав, — пробурчал Накса. — Я ни разу не был так близко. Под стеной смерть, сплошная смерть. Делайте, как он велит.

Снова потянулось томительное ожидание. Они оттачивали и без того острые арбалетные стрелы и поглядывали на медленно ползущее по небу солнце. Один Накса не тяготился ожиданием. Он сидел, глаза где-то далеко, и слушал внутренним слухом, что происходит в джунглях.

— Идут, — сказал он наконец. — Никогда еще такой прорывы не слышал. Все звери, со всего края, отсюда до самых гор, мчатся к городу, только вой стоит.

Язон и сам кое-что улавливал. Атмосферу напряжения, страшную волну ненависти и ярости. Он знал, все получится, если только удастся сосредоточить атаку на узком фронте. Говоруны не сомневались в успехе. Еще на рассвете тонкая цепочка косматых людей в шкурах, охватив подковой пиррянских животных, мысленными командами погнала их на город.

— Пошли на штурм! — вдруг сказал Накса.

Все встали, глядя в сторону города. Язон физически ощутил, что Накса прав. А тут еще издалека донеслись выстрелы и мощные взрывы, над деревьями поднимались струйки дыма.

— Займем исходную позицию, — сказал Язон.

Лес кругом был словно пропитан концентратом ненависти. Полуодушевленные растения извивались и корчились, воздух наполнился тучами крылатой мелюзги. Накса, весь в поту, бормоча что-то, отводил в сторону катящуюся на них волну животных. Отряд потерял четверых, пока добирался до выжженной полосы. Одного ужалило какое-то насекомое, и хотя Язон подрос с аптечкой, раненый все равно чувствовал себя так скверно, что вынужден был ползти обратно. А трое погибли, их распухшие, скорченные тела так и остались лежать на земле.

— Голова уже болит держать их, — проворчал Накса. — Когда пойдем на стену?

— Рано еще, — ответил Рес. — Мы ждем сигнала.

Один из корчевщиков нес радиостанцию. Осторожно поставив ее на землю, он забросил антенну на дерево. Рация была экранирована так, чтобы никакие импульсы не выдавали их присутствия. Включили приемник, но в динамике только потрескивали разряды.

— Можно было заранее рассчитать время... — заговорил Рес.

— Нет, — возразил Язон. — Тут важна точность. Мы должны пойти на прорыв в самый разгар штурма, будет больше шансов на успех. Даже если они перехватят наш сигнал, все равно сразу не сообразят, в чем дело. А через несколько минут это и вовсе не будет играть никакой роли.

В динамике зашипела несущая частота. Чей-то голос произнес короткую фразу и выключился:

— Принесите три мешка муки.

— Пошли! — Рес рванулся вперед.

— Постой. — Язон поймал его за руку. — Не забывай про огнемет. Он даст залп через... есть!

Фонтан огня пролился на землю и погас.

— Четыре минуты до следующего, мы угадали в самый большой интервал!

Они побежали по мягкой золе, перепрыгивая через обутленные кости и ржавый металл. Двое корчевщиков подхватили Язона под руки и буквально несли его. Это не было предусмотрено, но помогло выиграть несколько драгоценных секунд. У стены они опустили его, и он вытащил мину, которую сделал из патронов от пистолета убитого Краннона, соединив их с детонирующим устройством. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу.

Язон выбрал для прорыва участок со стальными плитами. Они лучше всего противостояли пиррянским организмам, это

позволяло надеяться, что насыпь за ними не такая мощная, как в других местах. Если он просчитался, им всем конец.

Бежавшие впереди уже прилепили к стене комья клейкой смолы. Язон вдавил в нее патроны, расположив их прямоугольником в рост человека. В это же время другие члены отряда размотали детонирующий шнур. Штурмовая группа рассыпалась вдоль стены, Язон доковылял до электродетонатора, упал на него и нажал рычаг.

Оглушительный взрыв сотряс стену и выбросил язык красного пламени. Рес первым подскочил к пробоинам и принялся дергать руками еще дымящийся металл. Подоспели остальные и дружно отогнули зазубренные края. Брешь заволокло дымом, ничего не было видно. Язон нырнул в нее, покатился по валунам и врезался во что-то твердое. Протерев глаза, он осмотрелся по сторонам. Он был в городе. Остальные тоже ворвались в брешь. На бегу они подхватили Язона на руки, чтобы не затоптать. Кто-то увидел космический корабль, и все рванулись в ту сторону. Навстречу им из-за угла выскочил человек. При виде нападающих он с чисто пиррянской быстротой метнулся к подворотне. Но нападающие тоже были пиррянами, и он повалился на спину, пронзенный тремя стрелами. Не останавливаясь, они бежали дальше между низкими складскими зданиями туда, где высился корабль.

И тут они увидели, как наружный люк медленно закрывается. Кто-то опередил их. Град стрел забарабанил по люку, да что толку.

— Вперед! — крикнул Язон. — Живей под корпус, пока он не открыл огонь!

Трое из отряда не успели добежать до укрытия. Все остальные уже стояли под кораблем, когда его пушки заговорили. Большинство снарядов разрывалось поодаль, но все равно в ушах стоял звон от электрических разрядов и летящих осколков.

Троих накрыло шквалом огня и разнесло на молекулы. Прорвавшийся в корабль пиррянин нажал сразу все гашетки, чтобы отразить атаку и предупредить своих. Сейчас он стоит у визифона и вызывает подмогу. Язон дотянулся до люка и попробовал его открыть, но он был заперт изнутри. Кто-то оттолкнул Язона и дернул рукоятку. Она обломилась, люк не поддался.

Пушки смолкли, и грохот прекратился.

— Вы взяли пистолет у убитого? — спросил Язон. — С пистолетом можно в два счета открыть люк.

— Нет, — отозвался Рес. — Некогда было.

Он еще не договорил, как два корчевщика сорвались с места и побежали к складам. Один из них держался левее, другой правее.

Тотчас загрохотали пушки. Очередь поразила одного смельчака, но второй успел добежать до зданий, прежде чем стрелок изменил прицел.

Он мигом обернулся, выскочил из-за дома и швырнул пистолет своим товарищам, но сам уже не успел укрыться и был сражен снарядами.

Пистолет докатился по бетону почти до самых ног Язона. Он приставил дуло к замку и выстрелил; в эту секунду за домами завывали турбины стремительно приближающихся транспортеров. Люк скрипнул и медленно открылся. Весь отряд был внутри корабля еще до того, как появился первый транспортер. Накса остался с пистолетом у люка; Язон повел остальных к пилотской кабине. Он объяснил им, как туда добраться, и когда подоспел сам, все уже было кончено, горожанин стал похож на подушечку для булавок. Один из корчевщиков, немного разбирающийся в технике, нажал гашетки и открыл такой яростный огонь, что транспортерам пришлось отступить.

— Свяжитесь по радио с говорунами и скажите им, что можно прекращать атаку.

Отдав это распоряжение, Язон подошел к визифону и включил его. С экрана на него глядел потрясенный Керк.

— Ты! — Керк произнес это словно ругательство.

— Ага, я, — ответил Язон, рассматривая рычаги и кнопки на пульте. — Выслушай меня, Керк... И учти, как я скажу, так и будет. Я, конечно, не знаю, как управлять космическим кораблем, но взорвать его я сумею. Тебе слышен этот звук?

Он щелкнул тумблером, и где-то в недрах корабля загудел насос.

— Это насос основного горючего. Если я оставлю его включенным, он в два счета наполнит топливом камеру сгорания. Накачаю побольше, чтобы потекло через дюзы. А потом нажму пусковую кнопку... Угадай, что тогда будет с вашим единственным космическим кораблем? Я не спрашиваю, что будет со мной, тебе на это наплевать. Но корабль нужен вам, как воздух.

В кабине царило безмолвие. Люди, захватившие корабль, смотрели на Язона. Тишину нарушил скрипучий голос Керка:

— Что тебе надо, Язон? Что ты задумал? Зачем привел этих животных? — От ярости у него перехватило горло.

— Попридержи язык, Керк, — строго сказал Язон. — Люди, о которых ты говоришь, владеют единственным на Пирре космическим кораблем. Если ты хочешь, чтобы они делились с тобой, научись сперва вежливо разговаривать. А теперь немедленно иди сюда. Да захвати с собой Бруччо и Мету.

Язон смотрел на багровое, отекавшее лицо седого пиррянина и вдруг ощутил что-то похожее на жалость.

— Да не горюй ты так, это не конец света. А скорее начало. Да, вот еще: не выключай этот канал. Пусти изображение на все экраны в городе, чтобы каждый видел, что тут будет происходить. И пусть запишут, чтобы можно было повторить.

Керк хотел было ответить, но раздумал и исчез с экрана. Однако визифон остался включенным. На всех экранах города был виден главный отсек космического корабля.

ГЛАВА 27

Бой был окончен. Он кончился так быстро, что они еще не успели как следует это осознать. Рес пощупал рукой поблескивающий металлом пульт управления, убеждаясь в том, что ему не чудится. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в перископы, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру.

Язон еле держался на ногах, но не показывал виду. Открыв пилотскую аптечку, он нашел стимулирующее средство. Три золотистые пилюльки прогнали усталость и развеяли туман в голове.

— Внимание! — крикнул он. — Борьба еще не окончена. Они постараются отбить корабль, так что мы должны быть наготове. Пусть кто-нибудь из ваших техников хорошенько изучит все пульги и отыщет кнопки от люков. Все люки до одного должны быть надежно задраены. Если понадобится, пошлите людей, чтобы проверили. Включите видеодатчики на круговой обзор, чтобы никто не мог подойти к кораблю. Поставьте человека к двигателям, а то они могут отрезать меня от них, если прорвутся туда. И не мешало бы тщательно осмотреть отсек за отсеком — вдруг мы не одни на корабле.

Каждому нашлось дело, и люди сразу оживились. Рес распределил обязанности. Язон остался стоять возле пульта, поближе к тумблеру топливного насоса. Да, борьба еще не кончилась...

— Транспортёр! — крикнул Рес. — Ползет потихоньку.

— Рвануть его? — спросил член отряда, дежуривший у гашеток.

— Погоди, посмотрим, кто это, — сказал Язон. — Если те, которых я вызвал, пусть проезжают.

Стрелок следил в прицел за приближающимся транспортером. Водитель... три пассажира... Язон подождал, пока рассеялись последние сомнения.

— Это они, — сказал он. — Встань около люка, Рес, впускай по одному и сразу отбирай пистолеты. И все остальное снаряжение тоже. Любая штука может оказаться оружием, особенно внимательно осмотрите Бруччо — худой такой, лицо, как топор, — чтобы у него ничего не осталось. Он у них специалист по оружию и технике выживания. Водителя тоже захватите, остальным горожанам незачем знать, в каком состоянии наша оборона.

Язон сидел как на иголках. Его рука лежала рядом с тумблером. Он знал, что никогда его не включит, но другие не должны об этом подозревать.

Послышался топот, приглушенная брань, и в отсек втолкнули пленников. При виде их свирепых лиц Язон невольно сжал кулаки.

— Пусть встанут около стенки, — сказал он Ресу. — И не спускайте с них глаз. Арбалетчикам быть наготове.

Он смотрел на людей, которые когда-то были его друзьями, а теперь задыхались от ненависти к нему. Мета, Керк, Бруччо. Водителем оказался Скоп, тот самый, которого Керк приставил к нему охранником. Теперь роли поменялись, и Скоп был готов лопнуть от злости.

— Слушайте внимательно, — заговорил наконец Язон. — Потому что от этого зависит ваша жизнь. Стойте у стены и не пытайтесь приблизиться ко мне даже на дюйм. Кто не подчинится, будет убит на месте. Будь я один, вы, конечно, не дали бы мне даже нажать на тумблер. Но я не один. У вас рефлексy и мышцы настоящих пиррян, но и у арбалетчиков не хуже. Так что лучше не рискуйте. Все равно ничего не выйдет, кроме самоубийства. Я говорю это вам для вашего же блага. Чтобы можно было разговаривать спокойно, без риска, что кто-нибудь из вас сорвется и будет убит. У вас нет другого выхода. Вам придется выслушать все, что я скажу. Вам отсюда не уйти, и убить меня не удастся. Война окончена.

— Все потеряно... Это ты виноват, предатель! — прохрипела Мета.

— И то и другое неверно, — мягко возразил Язон. — Я соблюдаю верность всем людям этой планеты, живут ли они внутри Периметра или за его пределами. Вы не можете сказать, что я кому-то отдавал предпочтение. И кроме того, вы ничего не потеряли. Если хотите знать, вы выиграли. Война с планетой выиграна вами. Потрудитесь только дослушать до конца.

Он повернулся к Ресу, который недовольно нахмурился.

— И ваши люди, Рес, тоже выиграли, поверьте мне. Это конец войны с городом, у вас будут лекарства, будет контакт с внешним миром, все, о чем вы мечтали.

— Может быть, мои слова покажутся тебе циничными, — сказал Рес, — но ты сулишь райскую жизнь обеим сторонам. Трудновато будет осуществить такое обещание, если учесть наши прямо противоположные интересы.

— Спасибо, ты попал в самую точку, — сказал Язон. — Проблема будет решена так, чтобы никто не остался внакладе. Мир между городом и фермами, конец вашей бессмысленной войне. Мир между людьми и пиррянскими организмами — ведь с этого конфликта все пошло.

— Он рехнулся, — сказал Керк.

— Возможно. Выслушайте, потом судите. Начну с истории, потому что корни проблемы и ее разрешение связаны с прошлым. Когда поселенцы триста лет назад высадились на Пирре, они не заметили одной очень важной черты, которая отличает его от всех других планет галактики. И трудно их корить, у них и без того хватало забот. Все, кроме разве тяготения, было для них непривычно, все не похоже на искусственный климат индустриальной планеты, с которой они прилетели. Штормы, вулканы, наводнения, землетрясения — от всего этого немудрено и свихнуться. Наверное, со многими так и случилось. Еще им без конца досаждали звери и насекомые, такие непохожие на безобидную фауну в заповедниках, к которой они привыкли. Бьюсь об заклад, им было невдомек, что пиррянские животные к тому же наделены телепатическими свойствами.

— Опять этот вздор! — рявкнул Бруччо. — Даже если они телепаты, это ровным счетом ничего не значит. Ты почти убедил меня своей теорией о том, что атаки на город направляются телепатически, но твой катастрофический провал показал, чего стоит эта теория.

— Согласен, — ответил Язон. — Я ошибался, когда думал, что атаки на город направляются телепатическими импульсами извне. Тогда мне эта гипотеза казалась вполне логичной и обоснованной. Верно, экспедиция на остров кончилась катастрофическим провалом. Да только вы забываете, что я предлагал. Пойди я в пещеру, обошлось бы без жертв. Думаю, мне удалось бы выяснить, что эти шевелящиеся растения — специфические организмы с необычайно высоким телепатическим потенциалом. Просто они особенно сильно отражали импульсы, которые питали атаки на город. А я все перепутал, думал, что они раздувают войну. Теперь они все уничтожены, и точного ответа мы не получим. Но в одном их гибель нам помогла. Она показала, где надо искать подлинных виновников войны, кто на самом деле направляет и вдохновляет атаки против города.

— Кто? — выдохнул Керк.

— Да вы сами, кто же еще, — ответил Язон. — Конечно, не только вы четверо, а все жители города. Я готов допустить, что война вам не по душе. И тем не менее вы ее зачинщики, вашими стараниями она продолжается.

Он с трудом удержался от улыбки, глядя на их ошарашенные лица. Лучше не мешкать с объяснением, а то чего доброго собственные союзники тоже сочтут, что он помешался.

— Сейчас вы поймете. Я уже сказал, что пиррянские организмы наделены телепатическими свойствами. Это относится ко всем — к насекомым, к растениям, к животным. Когда-то, в разгар буйного прошлого Пирра, это качество помогло телепатическим мутациям устоять в борьбе за существование. Другие виды вымирали, а они уцелели. Я уверен, что под конец они даже сотрудничали, сообща вытеснили последних представителей другой породы. Сотрудничество — вот девиз для Пирра. С одной стороны, они соперничали между собой, а с другой — вместе давали отпор всему, что угрожало их племени. Какое-нибудь стихийное бедствие, потоп — они в полном согласии спасаются бегством. Что-то в этом роде можно наблюдать на любой планете, где бывают лесные пожары. Но здесь особенно суровые условия, и взаимопомощь достигла очень высокого уровня. Возможно, некоторые организмы даже наделены даром предчувствовать близкую катастрофу. Вроде того, как некоторые из вас предсказывают землетрясение. Благодаря предупреждению крупные животные уходили от беды. А самым мелким видам помогали уцелеть особые семена или шипы, или яйца, которые переносились в безопасное место либо с ветром, либо с мехом больших зверей. Да-да, так и было, я уверен, я же сам видел такое бегство, когда мы уходили от землетрясения.

— Ладно, допустим, что все было так, как ты говоришь! — крикнул Бруччо. — Но при чем тут мы? Хорошо, все животные убегают вместе — какое отношение это имеет к войне?

— Они не только вместе убегают, — сказал Язон. — Они сотрудничают, чтобы противостоять стихийным бедствиям. Я не сомневаюсь, мы еще услышим восторги экологов, когда они начнут изучать сложный механизм приспособления, который срабатывает здесь, когда надвигается гроза или половодье, или пожар, или еще какая-нибудь беда. Но нас сейчас интересует одна реакция. А именно та, которая направлена против горожан. Вы еще не догадались? Пиррянские организмы воспринимают вас как стихийное бедствие! Вряд ли удастся выяснить, как это началось. Хотя вообще-то в дневнике, который я нашел, в записях о первых днях

освоения планеты есть ключ к разгадке. Там говорится, что во время лесного пожара колонисты встретились с какими-то новыми видами. Точнее, животные были те же, что прежде, только они вели себя иначе. Как, по-вашему, могли реагировать на лесной пожар люди, которые прежде жили в условиях, можно сказать, тепловой цивилизации? Они, конечно, перепугались насмерть. Если лагерь находился на пути огня, животные, естественно, бежали через него. А люди также естественно обстреляли их. И сразу же поставили себя в ряд стихийных бедствий. Мало ли в каком обличье выступает катастрофа. Скажем, в обличье двуногих с пистолетами. Пиррянские животные нападают на людей, люди убивают животных, начинается война. Уцелевшие продолжали атаки и по-своему оповестили все организмы планеты, что происходит.

Здесьняя радиоактивность способствует всевозможным мутациям. Дальше в борьбе за существование сохранялись те организмы, которые были опасны для человека. Я не удивлюсь, если теплепатический потенциал тоже поощряет мутации. Уж очень специализированы некоторые наиболее опасные виды, не могут они быть просто плодом естественной эволюции за такой короткий срок, как триста-четырееста лет. Поселенцы, понятно, давали отпор, оттого их и дальше воспринимали как стихийное бедствие. Они все время совершенствовали свое оружие, но проку от этого, как известно, не было никакого. Вы, горожане, унаследовали их ненависть к Пирру. Вы все воюете, и все ближе ваш полный разгром. Разве можете вы победить, когда против вас биологические ресурсы целой планеты, которая каждый раз, можно сказать, перерождается для противоборства?

Стало очень тихо. Керк и Мета побледнели, потрясенные словами Язона. Бруччо что-то бормотал себе под нос и загибал палец за пальцем, подыскивая контраргументы. Что до Скопа, то он оставил без внимания всю эту галиматью, которую не мог или не хотел понять. Представься ему малейшая возможность, он бы тут же пришиб Язона.

Первым заговорил Рес. Он быстрее других разобрался и подвел итог.

— Не сходится, — сказал он. — А как же мы? Мы ведь живем среди пиррянской природы без Периметров и пистолетов. Почему на нас никто не нападает? Мы такие же люди, у нас с жестянщиками одни предки.

— Вас не трогают, потому что не ставят вас в ряд со стихийными бедствиями, — ответил Язон. — Животные могут жить на склонах дремлющего вулкана, между ними будет идти обычная конкуренция. Но придет время спастись от извержения, и они

вместе обратятся в бегство. Извержение делает вулкан стихийным бедствием. Теперь берем человека. Будет ли местная фауна воспринимать его просто как живое существо или как стихийное бедствие? Есть просто гора, а есть вулкан. Люди города излучают подозрительность и вражду. Убивать, думать об убийстве, подготавливать убийство — для них удовольствие. И тут как бы идет естественный отбор, понимаете? Ведь в городе именно это свойство лучше помогает выживанию. Живущие вне города мыслят по-другому. Когда кому-то из них лично что-то угрожает, он борется за жизнь, как и всякое существо. А перед лицом общей угрозы они во имя выживания сотрудничают с окружающими их животными, подчиняются закону, которым пренебрегают в обычных условиях.

— Но как же возникли эти две группы, с чего все началось? — спросил Рес.

— Разве теперь узнаешь... Мне думается, ваши люди с самого начала были фермерами, может быть, обладали телепатическим даром. И во время стихийного бедствия, от которого все пошло, находились в другом месте. По пиррянским меркам они вели себя правильно и благополучно выжили. Дальше пошли разногласия с жителями города, которые считали убийство единственным решением. Как бы то ни было, очевидно, что еще в древние времена возникли две общины. А потом они и вовсе изолировались, если не считать выгодной для обеих сторон меновой торговли.

— Все равно не могу поверить, — пробурчал Керк. — Хотя и похоже на истину, не могу согласиться. Тут должно быть какое-то другое объяснение.

Язон медленно покачал головой.

— Другого объяснения нет и быть не может. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдет по воздуху, а? Между прочим...

Язон повернулся к Наксе.

— Ты не слышишь, около корабля есть сейчас какие-нибудь животные? Не привычные вам, а мутанты, из той свирепой породы, которая только вокруг города водится?

— Их тут тьма-тьмущая, — ответил Накса. — Так и ищут, кого порешить.

— А ты не можешь поймать одного? Но только чтоб он тебя не убил.

Накса презрительно фыркнул.

— Еще не родился зверь, который стал бы мне вред творить, — сказал он, идя к выходу.

Ожидая Наксу, все погрузились в размышление. Язону нечего было добавить к тому, что он уже сказал. Осталось провести один опыт, может быть, факты их убедят, потом пусть каждый сам решает.

Говорун скоро вернулся с шипокрылом на ремennom поводке. Пленный зверь метался в воздухе и издавал пронзительный писк.

— Стань посередине, подальше от всех, — попросил Язон. — Ты можешь заставить его сесть на что-нибудь?

— Да хоть на мою руку. — Накса дернул шипокрыла и подставил ему рукавицу. — Вот так я его поймал.

— Кто-нибудь сомневается, что это настоящий шипокрыл? — сказал Язон. — Все должны быть уверены, что тут нет подвоха, мне это очень важно.

— Настоящий, — подтвердил Бруччо. — Я отсюда слышу запах яда. — Он показал на когти по краям крыльев, потом на пятна на рукавице. — Если разъест рукавицу, этому человеку крышка.

— Итак, шипокрыл настоящий, — заключил Язон. — Смертельно ядовитый, как и все шипокрылы, и для подтверждения моей гипотезы достаточно, чтобы кто-нибудь из вас, горожан, подошел и прикоснулся к нему, как делает это Накса.

Все четверо невольно отпрянули. Для них шипокрыл олицетворял смерть. Так было, так есть и так будет. Законы природы нерушимы.

— Мы... не можем, — ответила за всех Мета. — Этот человек живет в джунглях, он сам все равно как зверь, вот и научился ладить с ними. Но чтобы мы...

Язон перебил Мету, не дожидаясь, когда до говоруна дойдет оскорбительный смысл ее слов:

— Да и вы тоже можете. В этом вся суть. Не питайте к этому зверю ненависти и не ждите непременно́й атаки — и он не нападет. Вообразите, что это какая-нибудь безобидная тварь с другой планеты.

— Не могу! — крикнула Мета. — Это шипокрыл!

Пока они говорили, Бруччо медленно двинулся вперед, пристально глядя на зверя, сидящего на рукавице. Язон сделал знак арбалетчикам, чтобы не стреляли. Бруччо остановился на безопасном расстоянии от шипокрыла, не сводя с него глаз. Шипокрыл расправил свои кожистые крылья и зашипел. На кончике каждого когтя выступили капли яда. В отсеке царила мертвая тишина.

Бруччо осторожно поднял руку. Подержал ладонь над шипокрылом. Потом слегка коснулся его головы и сразу опустил руку. Зверь сидел смирно, только чуть вздрогнул.

Все, кто следил, затаив дыхание, за этой сценой, облегченно вздохнули.

— Как ты это сделал? — глухо спросила Мета.

— А? Что?.. — Бруччо явно сам был поражен случившимся. — А, ну да, как я к нему прикоснулся... Очень просто. Я представил себе, что это макет с нашего тренажера, безобидная подделка. И больше ни о чем не думал, вот и получилось.

Он посмотрел на свою руку, потом на шипокрыла.

— Но ведь это не макет, — продолжал он задумчиво. — Это настоящий зверь. Смертельно ядовитый. Инопланетчик прав. Прав от начала до конца.

Глядя на Бруччо, Керк тоже решился. Он шел как на казнь, еле переставляя ноги, с каменным лицом, по которому катились струйки пота. Но ему удалось настроиться на нужный лад, не думать о шипокрыле как о враге, и он тоже коснулся зверя без каких-либо последствий для себя. За ним и Мета сделала попытку, но не сумела одолеть ужас, который охватил ее, когда она приблизилась к шипокрылу.

— Не получается, не могу себя переломить... — произнесла она. — Я уже верю тебе... Нет, все равно не могу.

Скоп, когда все повернулись к нему, закричал, что это сплошной обман, потом он бросился на арбалетчиков, и его оглушили ударом приклада. Но пирряне уже прозрели.

— Что же будет теперь? — спросила Мета.

В ее голосе звучала тревога, которую разделяли не только все собравшиеся в отсеке, но и тысячи пиррян, смотревших в эту минуту на экраны своих визифонов.

— Что будет теперь?

Они глядели на Язона и ждали ответа. Ждали горожане, ждали арбалетчики, опустив свое оружие. Распри на время были забыты. Этот инопланетчик внес смятение в привычный им старый мир, все перевернул, и они как бы очутились в новом, неведомом мире, перед лицом необычных проблем.

— Погодите. — Он протянул руку. — Я не врачеватель социальных недугов. Куда мне думать над тем, как исцелить эту планету силачей и снайперов. Я и без того только чудом дотянул до сегодняшнего дня, а по закону вероятности мне уже раз десять полагалось быть убитым.

— Хотя это и верно, Язон, — сказала Мета, — но, кроме тебя, некому нас выручить. Как ты все-таки мыслишь наше будущее?

Внезапная усталость заставила Язона сесть в пилотское кресло. Он обвел взглядом обступивших его пиррян. Лица вроде бы искренние. И никто не обратил внимания, что он уже давно убрал руку с тумблера топливного насоса. Междоусобицы забыты, во всяком случае, на время...

— Хорошо, я изложу вам свои соображения, — заговорил он, стараясь поудобнее примостить свои ноющие суставы. — Я много размышлял в эти дни, пытался найти ответ. И первое, до чего додумался, — это то, что идеальное решение, которое подсказывает логика, тут не годится. Да-да, боюсь, что из древней мечты о мирном соседстве льва и ягненка ничего не выйдет. Кроме приятного завтрака для льва. Казалось бы, теперь, когда вы все знаете истинную причину ваших неладов, разумнее всего было бы снести Периметр и зажить вместе в мире и согласии. Прелестная картинка, совсем как братство льва и ягненка. И кончится, скорее всего, в том же духе. Одному вдруг придет на ум, что корчевщики неопрятные, другому, что жестянщики безмозглые, глядишь, и готов свеженький покойник. И пошли крошить друг друга, а кто возьмет верх, тех сожрут животные, которые заполонят незащищенный город. Словом, решение найти не так-то просто.

Слова Язона вернули пиррян к действительности, и они сразу насторожились. Арбалетчики подняли свое оружие, а пленники отступили к стене и насупились.

— Вот, вот, я это самое и подразумевал, — сказал Язон. — Не надолго вас хватило, верно?

По лицам пиррян было видно, как им неловко, что они поддались безотчетному порыву.

— Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее, — продолжал он, — надо учитывать инерцию. Во-первых, инерцию мышления. Истина в вашем представлении — это еще не истина на деле. В варварских религиях примитивных миров научными фактами и не пахнет, хотя они призваны объяснить все на свете. Лишите дикаря логической основы его убеждений, он все равно от них не откажется, только заменит слово «убеждение» словом «вера», потому что не сомневается в своей правоте. А не сомневается он потому, что верит. Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления, когда рассуждают по принципу «что всегда было, то всегда будет». И упорно не желают бросить старую колею, перестроить мышление на новый лад. Но инерция мышления — не единственный барьер на вашем пути, есть еще один вид инерции. Кто-то из вас согласился с моими рассуждениями и даже готов перестроиться. А как все остальные? Как те, которые не желают размышлять, предпочитают

жить по старинке, подчиняться не рассудку, а рефлексам? Которые написали на своем знамени: «Что всегда было, то всегда будет»? Они будут тормозить любое ваше начинание, любую попытку двигаться вперед на основе того нового, что вы узнали.

— Выходит, все напрасно, наш мир обречен? — спросил Рес.

— Я этого не сказал. Мне только хотелось показать, что ваши проблемы не решить одним поворотом некоего мозгового переключателя. Лично я представляю себе три пути, и очень может быть, что развитие пойдет сразу по всем трем. Первый и наилучший путь — воссоединение городских и сельских пиррян. У тех и других есть проблемы, те и другие могут поделиться чем-то полезным. Возьмем горожан, у вас наука и контакт с галактикой. И кроме того, губительная война. А ваши двоюродные братья в джунглях живут в мире с планетой, но у них нет медицины и прочих благ, которые дает наука, нет контакта с другими культурами. Вам следует объединиться и пожинать плоды сотрудничества. Разумеется, для этого надо похоронить обоюдную ненависть, основанную на предрассудках. Но это можно сделать только вдали от города, где все пропитано войной. Пусть каждый, у кого есть необходимые для этого способности, пойдет добровольно к жителям леса, чтобы поделиться с ними своими знаниями. Пойдете с чистой душой — вам никто не причинит зла. И вы научитесь жить в ладу с Пирром, вместо того чтобы воевать с ним. В конечном счете появятся цивилизованные общины, которые будут состоять не из корчевщиков или жестянщиков, а из пиррян.

— А с городом что будет? — спросил Керк.

— Город останется на месте. И, скорее всего, не изменится. На первых порах, пока будет идти расселение по планете, вам придется сохранить и Периметр, и другие средства защиты, чтобы уцелеть. Да и потом кое-что сохранится, ведь найдутся люди, которых вы не сможете переубедить, которые останутся и будут дальше воевать до самой смерти. Может быть, с воспитанием их детей вам больше повезет. А что в конечном счете станется с городом, честное слово, не знаю.

Они молчали, пытаясь представить себе будущее. Скоп по-прежнему лежал на полу без движения, только постанывал.

— Ты рассказал о двух путях, — наконец заговорила Мета. — А третий какой?

— Третий путь — самый милый моему сердцу, — улыбнулся Язон. — И я надеюсь, что найдется достаточно желающих присоединиться ко мне. Я хочу построить космический корабль, все свои деньги потрачу и оснащу его по последнему слову техники,

чтобы и оружие было, и всякая научная аппаратура, какую только можно раздобыть. Потом наберу здесь, на Пирре, добровольцев.

— Для чего? — недоуменно спросила Мета.

— Только не для благотворительности. Все, что я вложу, окупится, притом с лихвой. Понимаешь, после всего, что я тут пережил, мне невозможно возвращаться к старому занятию. Начать с того, что при моих нынешних деньгах это пустая трата времени. А главное, я бы помер с тоски. Уж такое свойство у Пирра — после него, если жив останешься, не потянет в тихое место. Вот я и задумал снарядить корабль и отправиться на нем осваивать новые миры. Ведь есть тысячи планет, где люди рады бы обосноваться, да условия слишком тяжелые для обычных переселенцев, сперва надо, как говорится, плацдарм захватить. А пирриане такую подготовку прошли — им любая планета нипочем! Как, нравится вам такая идея? Собственно, дело даже не в том, нравится или не нравится. Здесь, в городе, все содержание вашей жизни составляла непрерывная смертельная схватка. Теперь перед вами стоит выбор — то ли перейти на более мирное существование, то ли остаться в городе и продолжать никому не нужную, нелепую войну. Я предлагаю третий вариант. Вы примените то, что лучше всего умеете, и в то же время будете делать полезное дело. Ну вот, теперь вам известны все варианты. Дальше пусть каждый решает сам.

Прежде чем кто-либо успел ответить, Язон вдруг ощутил дикую боль в горле. Очнувшийся Скоп вскочил с пола, стиснул шею Язона двумя руками и сорвал его с кресла. Арбалетчики не решились стрелять, боясь попасть в Язона.

— Керк! Мета! — рычал Скоп. — Хватайте пистолеты! Открывайте люки! Наши люди поддержат нас, мы перебьем проклятых корчевщиков, уничтожим этих лжецов!

Язон силился разжать душившие его пальцы, но это было все равно что дергать стальные прутья. У него померкло в глазах, в ушах стучало, он не мог вымолвить ни слова. Все кончено, он проиграл... Сейчас здесь начнется побоище, и Пирр так и останется планетой смерти для людей.

Мета бросилась вперед, словно отпущенная пружина, и в ту же секунду тренькнули арбалеты. Одна стрела попала ей в ногу, другая пронзила навывлет руку, но они не смогли ее остановить, и Мета, пролетев через весь отсек, очутилась рядом с теряющим сознание инопланетчиком, которого душил ее товарищ.

Замахнувшись здоровой рукой, она изо всех сил ударила Скопа ребром ладони по бицепсу. Его рука непроизвольно дернулась, и пальцы выпустили горло Язона.

— Что ты делаешь! — крикнул ошарашенный Скоп раненой девушке, которая навалилась на него.

Он оттолкнул ее, все еще держа Язона другой рукой. Тогда она, не произнеся ни слова, тем же жестоким приемом разбила ему кадык. Скоп захрипел, отпустил Язона и упал на пол, корчась от боли. Язон видел все это точно в тумане.

С трудом поднявшись на ноги, Скоп обратил искаженное болью лицо к Керку и Бруччо.

— Ты не прав, — сказал Керк. — Уймись!

Скоп издал звук, похожий на рычание, и метнулся к оружию, сложенному в другом конце отсека. Но арбалеты пропели похоронную мелодию, и рука, которая дотянулась до пистолетов, была уже рукой покойника.

Никто не тронул Бруччо, когда он поспешил к Мете, чтобы оказать ей помощь. Язон жадно глотал животворный воздух. Через стеклянный глаз визифона весь город следил за происходящим.

— Спасибо, Мета... за помощь... и за то, что ты поняла... — через силу вымолвил Язон.

— Скоп был не прав, — ответила она. — А ты прав... — Голос на секунду прервался — Бруччо, обломив зазубренный наконечник стрелы, выдернул ее за черенок из руки Меты. Затем она продолжала:

— Я не смогу остаться в городе, останутся только такие, как Скоп. Боюсь, что в леса уйти я тоже не смогу... Сам видел, не получилось у меня с шипокрылом. Если можно, лучше я пойду с тобой. Правда, возьми меня.

Язону еще было больно говорить, и он ограничился улыбкой, но Мета поняла его.

Керк удрученно смотрел на убитого.

— Он был не прав, но я хорошо представляю, что он чувствовал. Я город не брошу, во всяком случае, сейчас. Кто-то должен руководить, пока идет перестройка. А насчет корабля — это ты хорошо придумал, Язон, в добровольцах недостатка не будет. Правда, Бруччо ты вряд ли уговоришь лететь с тобой.

— А зачем мне лететь, — пробурчал Бруччо, перевязывая Мету. — Мне и здесь, на Пирре, занятий хватит, одни животные чего стоят. Не сегодня — завтра сюда экологи со всей галактики нагрянут, да только я буду первым.

Керк медленно подошел к экрану, на котором был виден город, и остановился, глядя на здания, на столбы дыма над Периметром, на зеленый океан джунглей вдали.

— Ты все перевернул, Язон, — сказал он наконец. — Сейчас этого еще не видно, но Пирр уже никогда не будет таким, каким

был до того, как ты сюда явился. Не знаю, к лучшему он изменился или к худшему...

— К лучшему, к лучшему, — просипел Язон, растирая шею. — Ну а теперь пожмите-ка друг другу руки, чтобы люди на самом деле увидели, что распрям конец.

Рес повернулся, секунду помешкал, потом протянул руку Керку. Седому пиррянину тоже трудно было превозмочь укоренившуюся с детских лет неприязнь к корчевщикам.

Но они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

1960

Фред Саберхаген

МАСКАРАД В КРАСНОМ СМЕЩЕНИИ

1

Освободившись от дел, Филипп Ногара выбрался, чтобы потратить свободную минуту на созерцание машины, которая принесла его сюда с самого края галактики. Из роскоши своих апартаментов он вступил в смотровой купол. Здесь, во вздутом прозрачном пузыре, казалось, что он стоит снаружи корпуса своего флагмана «Нирвана».

Под этим корпусом — «под» в смысле направления искусственной силы тяжести «Нирваны» — наклонился яркий диск галактики, в одном звездном рукаве содержащий все звездные системы, открытые вырвавшимся с Земли человеком. Но в той стороне, куда смотрел Ногара, были яркие смазанные пятна света. Другие галактики, убегающие прочь на скоростях в десятки тысяч миль в секунду, стремились уйти за пределы обозреваемой вселенной.

Тем не менее Ногара пришел сюда не для того, чтобы обозревать галактики, он пришел взглянуть на что-то новое, на феномен, который люди никогда не видели в таком приближении.

Это казалось щепоткой собранных вместе галактик с ниспадающими на них облаками, потоками пыли. Звезда, образовывавшая центр феномена, из-за силы своей гравитации пряталась за пределами визуального восприятия. Ее масса — возможно, в миллиард раз больше массы Солнца — так искажала возле себя пространство-время, что ни один фотон света не мог убежать от нее в видимом диапазоне.

Пылевые дебри глубокого космоса образовывали вихрь и утоньшались, приближаясь к области сжатия гипермассы. Каждая падающая пылинка вспыхивала молнией, пересекая границу гравитационного барьера, но все эти молнии, спускаясь со склона высокого гравитационного холма, перемещались далеко в красный диапазон. Возможно, даже нейтрино не могло убежать от этого солнца. И не существует корабля, который смог бы приблизиться к нему ближе, чем это сделала «Нирвана».

Ногара стал регулярно бывать здесь после того, как открыл явление, которое вскоре могло представить угрозу для населенных планет; обычные звезды падали в глубину невидимого колодца, как щепки от дерева в водоворот, если гипермасса встречала их на пути. Но пройдут еще тысячи лет, прежде чем реально может потребоваться эвакуировать какую-либо планету, и до того времени гипермасса может поглотить достаточное количество пыли, чтобы ядро ее взорвалось, после чего лишь небольшая часть ее субстанции перейдет в еще более необычную, но менее опасную форму.

Как бы там ни было, лишь в следующее тысячелетие это может составить для кого-то серьезную проблему. Однако людям уже теперь объявили, что, спасаясь от гипермассы, Ногара бежал в другую галактику

Заработал передатчик, призывая его, удовлетворенного созерцанием галактики, обратно в роскошь апартаментов.

Он прикоснулся к клавишам крепкой волосатой рукой.

— Милорд, прибыл курьерский корабль. Из системы Флам-ланда... Они привезли...

— Говори внятнее. Они доставили тело моего брата?

— Да, милорд. Курьерский корабль с гробом уже приближается к «Нирване».

— Я встречу капитана курьера один, в Большом Зале. Не нужно церемонии. Пусть роботы проверят шлюз, эскорт и гроб на предмет инфекции.

— Да, милорд.

Упоминание о болезни было частью ложной версии. На самом деле не фламландская чума уничтожила единокровного брата Ногара Йохана Карлсена и уложила его в ящик, как уверяла официальная информация. Врачи предложили заморозить героя Каменной как последний шанс предотвратить его неизбежную смерть

Официальная ложь была необходимой, потому что даже верховный лорд Ногара не мог спокойно устранить человека, который отличился в Каменной туманности. В этой битве семь лет

назад были разбиты машины-берсеркеры; если бы этого не произошло, разумная жизнь могла бы навсегда исчезнуть, полностью истребленная, во всей освоенной части галактики. Берсеркерами назывались огромные автоматические военные корабли, построенные при каком-то конфликте между давно исчезнувшими расами и ставшие теперь врагами всего живого. Борьба с ними была все еще жестокой, но после Каменной начало казаться, что жизнь в галактике будет сохранена.

Большим Залом было место, где Ногара устраивал праздники и развлечения с теми сорока или пятьюдесятью людьми, которые были с ним на «Нирване» в качестве помощников, членов экипажа и гостей. Но теперь, когда он вступил в зал, то остро почувствовал его пустоту, сберегаемую лишь для одного человека, который, весь во внимании, стоял за гробом. Тело Йохана Карлсена, все еще сохранявшее в какой-то мере его жизнь, было запечатано под стеклянной крышкой тяжелого контейнера, имеющего свои собственные системы охлаждения и жизнеобеспечения, управляемые волоконно-оптическим ключом, который теоретически невозможно подделать. И этот ключ Ногара жестом потребовал у капитана курьерского корабля.

Ключ висел у капитана на шее, и понадобилось всего лишь мгновение, чтобы снять золотую цепочку и передать ее Ногара. Еще одно мгновение ушло на поклон. Он был космонавтом, а не курьером. Ногара не обращал внимания на его недостаточную учтивость. Его губернаторы и адмиралы были посвящены во все тонкости этикета. Сам он лишь в малой мере беспокоился, соответствуют ли протоколу его жесты и осанка. Лишь настолько, насколько это было разумным.

Только теперь, держа в руке ключ, Ногара опустил взгляд на своего брата. Участвовавшие в заговоре врачи остригли короткую бородку Йохана и волосы. Губы его были мраморно-белыми, а открытые невидящие глаза — ледяными. И все же лицо под складками драпировочной ткани и замерзшей простыней, несомненно, было лицом Йохана. В нем оставалось что-то, чего нельзя было заморозить.

— Можете идти, — сказал Ногара. Он повернулся лицом к другому концу Большого Зала и ждал, глядя через широкое смотровое окно, как гипермасса размазывает пространство, словно на снимке, сделанном через плохой объектив.

Услышав щелчок двери, закрывшейся за капитаном курьерского корабля, он обернулся и обнаружил, что стоит лицом к лицу с короткой фигурой Оливера Микала, человека, которого он

выбрал, чтобы заменить Йохана на посту губернатора Фламланда. Должно быть, Микал вошел, когда вышел космонавт. Фамильярно опершись руками о крышку гроба, Микал в глубоком изумлении поднял брови. Его довольно одутловатое лицо судорожно исказилось в свехвежливой улыбке.

— Продолжать линию Браунинга, — размышлял Микал, опустив взгляд на Карлсена, — выполнять однообразную, не очень приятную королевскую работу... и теперь такое вот вознаграждение за добродетели...

— Оставь меня, — сказал Ногара.

Микал был одним из важнейших участников заговора, наряду с фламландскими врачами.

— Я думал, будет лучше появиться, чтобы разделить вашу скорбь, — сказал он. Затем глянул на Ногара и не стал продолжать. Сделал поклон, немного небрежный, позволяемый только без свидетелей, и быстро вышел за дверь. Она закрылась.

«Вот как все получилось, Йохан. Устроил бы ты против меня заговор, я бы просто убил тебя. Но ты никогда не был заговорщиком; все дело в том, что ты служил мне слишком хорошо, мои друзья и враги слишком полюбили тебя. Поэтому ты здесь — моя замороженная совесть, последняя совесть, которую я когда-либо буду иметь. Рано или поздно ты возгордился бы, поэтому необходимо было сделать это — иначе пришлось бы убить тебя.

Теперь я спрячу тебя в безопасном месте, и, возможно, однажды у тебя появится еще один шанс для жизни. Это трудно представить, но когда-нибудь ты замрешь в размышлениях над моим гробом, так же как я сейчас стою над твоим. Без сомнения, ты будешь молиться о том, что, по твоему мнению, является моей душой... Я не могу сделать этого для тебя, но желаю тебе сладких снов. Спи в своих бельверских небесах, а не в аду».

Ногара представил мозг при абсолютном нуле. Нейроны сверхпроводимы, они прокручивают один сон за другим, еще и еще. Но в этом не было смысла.

— Я не могу рисковать своей властью, Йохан, — на этот раз он прошептал слова вслух. — Это необходимо, в противном случае мне придется убить тебя.

Он снова повернулся к большому смотровому окну.

2

— Полагаю, тридцать третий уже доставил тело Ногара, — сказал второй офицер эстилийского курьера номер тридцать

четыре, глядя на хронометр. — Должно быть, приятно стать императором или чем-то вроде этого и иметь под рукой людей, которые бросаются через всю галактику делать для тебя что угодно.

— Не бывает приятно, когда кто бы то ни было доставляет тебе труп твоего брата, — сказал капитан Турман Холът, изучая астронавигационную сферу. Сверхсветовик уже довольно долго удалялся от системы Фламланда. Хотя Холът и не был в восторге от своей миссии, он был рад оказаться подальше от Фламланда, где за работу принялась политическая полиция Микала.

— Ага, любопытно, — сказал второй и хихикнул.

— Что любопытно?

Второй оглянулся назад через левое, а затем правое плечо.

— Слышали это? — спросил он. — Ногара — бог, но половина его команды — атеисты.

Холът улыбнулся, но лишь слегка.

— Он не обезумевший тиран, ты знаешь. У Эстила не худшее правительство в галактике. И хорошие парни не опускаются до мятежа.

— Карлсен делал все как надо.

— Да, он все делал верно.

Второй скривился.

— О, конечно, Ногара мог быть и хуже, если вы серьезно об этом. Он политик. Но я не могу поручиться за экипаж, который он набрал за последние годы. У нас самих на борту есть тому пример. Вот чем они занимаются. Если хотите знать правду, то после смерти Карлсена я в страхе.

— Ладно, скоро увидим их, — вздохнул Холът и напрягся. — Пойду посмотрю на пленников. Капитанский мостик теперь ваш, второй.

— Я сменю вас... Хорошо относиться к человеку и убить его?..

Минутой позже, глядя через потайной глазок внутрь маленькой камеры для заключенных на курьерском корабле, Холът с искренним состраданием пожалел, что его пленник жив.

Звали его Джанда. Он был вожаком бунтовщиков, и захват его был последним успехом Карлсена на службе во Фламланде, положившим конец мятежу. Джанда был крепким мужчиной, храбрым и свирепым бандитом. Он нападал на владения эстилийской империи Ногара, когда же шансов у него не осталось, сдался Карлсену.

«Моя честь требует победить моего врага, — написал однажды Карлсен в личном письме. — Честь не позволяет мне уничтожать или ненавидеть моего врага».

Но политическая полиция Микала придерживалась другого мнения.

Бунтовщик, должно быть, был очень высоким, но Холът никогда не видел его стоящим прямо. Наручники все еще сковывали его кисти и лодыжки. Они были из пластика и предположительно не натирали человеческую кожу, но в данном случае не увеличивали надежности заключения, и Холът снял бы их, если бы имел право.

Пленницу, по имени Люсинда, по виду можно было принять за его дочь, но это его сестра, младше всего лишь на пять лет. Она была редкой красоты, и, возможно, полиция Микала имела мотивы, далекие от сострадания, посылая ее ко двору Ногара незаклейменной и без психологической обработки. Было достаточно хорошо известно, что требуется для определенных развлечений придворных и какое лакомство любят высшие чины.

Но Холът был далек от того, чтобы верить подобным рассказам. Он открыл камеру — она была заперта из предосторожности, он боялся, что Джанда заблудится и попадет в детские неприятности, — и вошел.

Когда Люсинда вошла на борт его корабля, глаза ее выдавали бессильную ненависть к каждому эстилийцу. Холът был вежлив и предупредителен, насколько это возможно. И теперь, когда он вошел, на ее лице не было неприязни. Была надежда, которую, казалось, она хотела разделить с кем-то.

Пленница сказала:

— По-моему, несколько минут назад он называл мое имя.

— А? — Холът перевел взгляд на Джанду, но перемен не заметил. Глаза пленного остекленело вглядывались в пустоту, в правом из них выступила слеза, которая, казалось, не имела отношения к каким-либо эмоциям. Руки Джанды были по-прежнему безвольны, и все его тело неуклюже сгорблено.

— Может быть... — Холът не закончил.

— Что? — спросила она с едва заметной страстностью.

Боги космоса, он не может позволить себе пугаться с этой девушкой. Он почти желал снова увидеть ненависть в ее глазах.

— Может быть, — мягко сказал он, — для вашего брата будет лучше, чтобы он не выжил сейчас. Вы знаете, куда его везут.

Надежда Люсинды, какой бы она ни была, развеялась после его слов. Она молчала, вглядываясь в своего брата, будто увидела что-то новое.

Прозвонил наручный телефон Холъта.

— Сэр, нас засек какой-то корабль и вызывает. Через пару часов они сблизятся с нами. Корабль маленький, обычный.

Последние три слова были привычными заверениями, что увиденный корабль не является гигантским корпусом берсеркера. Берсеркеры были похожи друг на друга, а то, что фламландские мятежники не имели кораблей в глубоком космосе, Хольт знал наверняка.

Он пошел назад на мостик и поглядел на маленький силуэт на сканирующем экране. Такого корабля он никогда не видел. Но это и неудивительно, когда есть столько судостроительных верфей на многих планетах. Почему корабль приближается к ним с сигналами бедствия?

Чума?

— Нет, не чума, — ответил по радио голос, наконец прорезавшийся в полной тишине, когда Хольт закончил обращаться с вопросами к незнакомцам. Видеосигнал с другого корабля был скачущим, затруднявшим возможность разглядеть лицо говорившего. — Схватили кусок пыли при последнем прыжке, и расшатались защитные поля. Возьмете ли несколько пассажиров на борт?

— Конечно.

Корабль на краю сверхсветового прыжка сталкивается гравитационным полем со сколь-нибудь заметным скоплением пыли довольно редко, но это не было из ряда вон выходящим событием и вполне объясняло шумы в коммуникационных системах. Ничего тревожного для Хольта не было.

Незнакомец выбросил катер, который пришвартовался к входному люку курьерского корабля. С приветливой улыбкой, предназначенной пассажирам, Хольт открыл люк. В следующее мгновение он и полдюжины его людей, составлявших экипаж, были захвачены врасплох внезапным нападением человекоподобных машин — абордажной группы берсеркера, холодных и древних, безжалостных, как кошмар.

Машины захватили курьерский корабль так быстро и эффективно, что никто не успел оказать реального сопротивления. Но при этом они не убили никого из людей. Они вывели из строя двигатели одной из спасательных шлюпок и согнали в нее всех, включая и пленных.

— На экране не было берсеркера, не было, — повторял второй помощник Хольту. Люди сидели рядом, вжимаясь друг в друга в тесном пространстве. Машины оставили им воздух, воду и пищу и забирали по одному для допроса.

— Я знаю, что подобного еще не было, — ответил Хольт. — Берсеркеры, вероятно, сейчас создают себе новые тела, оснащая новым оружием. После Каменной это логично. Случайным является лишь то, что никто этого не предвидел.

Клацнула, открываясь, дверь, и пара грубых человекоподобных машин вошла в шлюпку, протискиваясь при движении между девятью людьми, пока не достигла того, кто им был нужен.

— Нет, он не может говорить! — вскрикнула Люсинда. — Не троньте его!

Но машины ее не слушали либо не желали слушать. Они подняли Джанду на ноги и, чеканя шаг, выволокли его вон. Девушка, пытаясь что-то объяснить, старалась остановить роботов, хватала их за руки, но автоматы волокли за собой и ее... Хольг без всякой пользы заметался в тесном пространстве, опасаясь, что роботы обернутся и убьют Люсинду. Те, однако, попросту не позволили ей выйти за ними из спасательной шлюпки, оттолкнув от люка своими металлическими лапами. Дверь за ними захлопнулась. Люсинда осталась стоять, тупо глядя на стальную перегородку. Она не шевельнулась даже тогда, когда рука Хольга обняла ее.

3

После ожидания, показавшегося вечностью, люди увидели, как крышка люка снова отворилась. Роботы вернулись, но без Джанды. На этот раз они пришли за Хольгом.

По корпусу курьерского корабля время от времени пробегала дрожь: похоже, автоматы переделывали его. Хольга привели для допроса в маленькую камеру, которую от остальной части судна отделила новая переборка и где электронный мозг берсеркера разместил свои глаза, уши и коммуникатор.

Используя свою коллекцию записей человеческих голосов, берсеркер долго расспрашивал капитана. Едва ли не каждый вопрос касался Йохана Карлсена. Берсеркеры считали Карлсена своим главным врагом, но этот, похоже, был одержим ненавистью и не желал верить, что Карлсен действительно мертв.

— Я захватил ваши карты и астронавигационные комплекты, — напомнил берсеркер Хольгу. — Я знаю ваш курс к «Нирване», где предположительно находится нефункционирующий Карлсен. Опишите этот корабль «Нирвана», используемый жизненной единицей Ногра.

Пока его спрашивали о мертвеце, Хольг давал берсеркеру прямые ответы, не желая быть пойманным на лжи. Но флагман был иным делом, и теперь он колебался. Кроме того, он мало что мог сказать о корабле, даже если бы и хотел. Ни он, ни его товарищи по заключению не имели шанса каким-либо способом обмануть берсеркера. Все, о чем они говорили в шлюпке, могли слышать машины.

— Я никогда не видел «Нирвану», — искренне ответил он. — Но логика подсказывает мне, что это должен быть мощный корабль, если величайшие вожди человечества путешествуют на нем.

В сказанном не было никакого вреда.

Внезапно дверь открылась, и Холт с удивлением взгляделся в странного человека, вошедшего в помещение для допроса. Затем он определил, что это не человек, а какое-то создание берсеркера. Возможно, его плоть была пластиковой, а может быть, каким-то еще продуктом искусственной природы.

— Эй, вы капитан Холт? — спросила фигура. Тон был не грубым — как у устройства, замаскированного с величайшим искусством, каким только можно замаскировать механизм.

Поскольку Холт молчал, фигура спросила:

— Что-то не так?

Его речь подтвердила догадку Холта, то, что мог определить лишь сведущий человек, который внимательно присматривается.

— Вы не человек, — сказал Холт.

Фигура стала прохаживаться, затем присела. Берсеркер объяснил:

— Как вы видите, я не могу имитировать жизненную единицу, выдерживающую тщательное рассмотрение. Поэтому требую, чтобы вы, реальная жизненная единица, помогли мне убедиться в смерти Карлсена.

Холт ничего не сказал.

— Я — особое устройство, — продолжал берсеркер, — построенное берсеркерами с одной главной целью: увериться в смерти Карлсена. Если вы поможете мне удостовериться в его смерти, то я освобожу вас и другие захваченные жизненные единицы. Если вы откажетесь помочь, все вы получите не очень приятные стимулы для того, чтобы изменить свое решение.

Холт не поверил, что после всего им предоставят свободу. Но он ничего не терял от переговоров и мог, по крайней мере, избавить себя и других от неприятного «стимулирования». Берсеркеры в целом были умелыми убийцами, а не садистами, хотя в течение долгой войны они стали сведущими в человеческой нервной системе.

— Какую помощь вы хотите получить от меня? — спросил Холт.

— Как только я закончу встраивать себя в этот курьерский корабль, мы направимся к «Нирване», и там ей будут переданы ваши пленники. Я прочитал приказы. После того как с ними переговорают вожди людей на «Нирване», заключенных доставят на Эстил для тюремного заключения. Так?

— Так.

Дверь вновь отворилась, и втиснулся Джанда, согнутый и ошеломленный.

— Сможете ли вы уберечь этого человека от любых расспросов? — спросил берсеркер Хольта. — Он вам все равно бесполезен.

В ответ было только молчание. Хольт напряженно ждал. Лишь взглядевшись в Джанду, он понял, что именно в изгое переменилось. Слезы перестали течь из его правого глаза.

Когда Хольт заметил это, он почувствовал ужас, который не мог объяснить, словно его подсознание уже знало, что сейчас скажет берсеркер.

— То, что в этой жизненной единице было костью, стало металлом, — сказал берсеркер. — Там, где текла кровь, теперь циркулируют консерванты. Внутри черепа я поместил компьютер, и в его глазах размещены камеры для того, чтобы собирать достоверные факты, которые я должен получить о Карлсене. Подобрать манеру поведения для имитации человека вполне в моей власти.

— Я не испытываю к тебе ненависти, — сказала Люсинда берсеркеру, когда тот вызвал ее на допрос. — Ты, по сути, такое же бедствие, как землетрясение, как частичка пыли, пробивающая корабль на сверхсветовых скоростях. Ногара и его люди — вот кого я ненавижу. Если бы его брат не был мертв, я убила бы его собственными руками и принесла бы тебе его тело...

— Капитан курьерского корабля? Это губернатор Микал, по поручению верховного лорда Ногара. Доставьте двух ваших пленников на «Нирвану» сейчас же.

— Слушаюсь, сэр.

После выхода из сверхсветового перелета в пределы видимости «Нирваны» машина-убийца выпустила Хольта и Люсинду из спасательной шлюпки; затем она позволила шлюпке с экипажем Хольта дрейфовать между двумя кораблями, словно бы для проверки поля курьерского корабля. Экипаж курьера оставался заложником берсеркера и был легко доступен для его оружия в случае разоблачения. Но с другой стороны, расположив их отдельно от корабля, машина сделала более очевидной перспективу окончательного освобождения.

Хольт не знал, как сообщить Люсинде о судьбе ее брата, но наконец решился. Она расплакалась на минуту, но затем стала очень спокойной.

Берсеркер заключил Хольта и Люсинду в хрустальную сферу, которая должна была доставить их на «Нирвану». Машина, бывшая

братом Люсинды, уже находилась на борту, ожидала, ссутулившаяся и изможденная, словно человек в последние дни своей жизни.

Взглянув на эту фигуру, Люсинда остановилась, затем ясным голосом сказала:

— Машина, я хотела бы поблагодарить тебя. Ты сделала моего брата разновидностью нелюдя. Благодарю, что ты убила его раньше, чем его смогли замучить враги.

4

Шлюз «Нирваны» был оснащен системами автоматической защиты, отталкивающей любые абордажные машины, в то время как лучи и ракеты были способны отразить любое нападение с применением тяжелого оружия со стороны курьерского корабля или даже дюжины курьерских кораблей. Все это берсеркер знал заранее.

На борту Хольга приветствовал офицер.

— Сюда, капитан. Мы все ждем.

— Все?

У офицера была опрятная лощеная внешность — результат безопасной и необременительной службы. Глаза его изучали Люсинду.

— В Большом Зале отмечают годовщину. Прибытие ваших пленников было приурочено специально к этому.

В Большом Зале пульсировала музыка, и танцоры корчились в костюмах более бесстыдных, чем нагота. Стол тянулся почти на всю длину зала, обслуживающие механизмы убрали остатки банкета. В троноподобном кресле в центре стола сидел верховный лорд Ногара. Богатый плащ свисал с его плеч, перед ним стоял хрустальный кубок со светлым вином. Около полусотни пирующих находились вместе с ним за столом: мужчины и женщины, и еще те, чей пол Хольг не мог опознать с полной уверенностью. Все пили и смеялись, на некоторых были маски и костюмы, надеваемые для дальнейших увеселений.

Головы повернулись к вошедшему Хольгу, и мгновенно в помещении повисла тишина. Глаза и лица обратились к пленникам, Хольг не видел в них ни тени жалости.

— Добро пожаловать, капитан, — сказал Ногара приятным баритоном, когда Хольг вспомнил, что следует поклониться. — Новости с Фламланда?

— Ничего особо важного, сэръ.

Одетый в официальный костюм мужчина, сидящий справа от Ногара, наклонился вперед над столом.

— Без сомнения, великий траур по последнему губернатору?
— Конечно, сэр. — Холът узнал Микала. — И сильное предвкушение нового.

Микал откинулся назад, цинично улыбаясь.

— Уверен, мятежное население с нетерпением ожидает моего прибытия. Девушка, ты жаждала встретить меня? Подойди, милашка, к столу, сюда. — Когда Люсинда медленно повиновалась, Микал жестом подал знак обслуживающим устройствам. — Роботы, поставьте стул для человека... там, в центре. Капитан, вы можете возвращаться на свой корабль.

Филипп Ногара с уважением относился к своему закованному в кандалы старому врагу Джанде, и трудно было сказать, что у него на уме. Но, казалось, он доволен распоряжениями, которые отдавал Микал.

— Сэр, — сказал Холът Микалу. — Я бы хотел видеть останки Йохана Карлсена.

Это привлекло внимание Ногара, который кивнул. Обслуживающая машина отдернула траурные драпировки, открывая альков в одном из концов зала. В огромном алькове находился гроб.

Холът не особенно удивлялся. На многих планетах было привычкой пировать в присутствии мертвого. Он поклонился Ногара, повернулся и отдал честь, подойдя к алькову. За спиной он слышал лягзганье от движения закованного Джанды и его дыхание. Шепот пронесся вдоль стола, а затем внезапно стих, даже пульсирующая музыка прекратилась. Вероятно, Ногара жестом разрешил идти Джанде, желая посмотреть, что тот будет делать.

Холът достиг гроба и застыл над ним. Он с трудом смог заставить себя смотреть в сторону замерзшего лица внутри гроба и пятна гипермассы в большом смотровом окне, едва слышал шепот и бормотание собравшихся. В его голове была только картина экипажа, в беспокойстве томящегося в смертельной хватке берсеркера.

Машина, замаскированная в плоти Джанды, подошла сзади, и ее рецепторы обратились вниз, ко льду. Фотоизображение сетчатки глаз позволило берсеркеру сравнить результат со старыми записями, чтобы решить, был ли этот человек Карлсеном.

Слабый вскрик заставил Холъта оглянуться на стол, где он увидел Люсинду, вырывающуюся из рук Микала. Микал и его друзья смеялись.

— Нет, капитан, я не Карлсен, — бросил ему Микал, заметив выражение лица Холъта. — Но, думаете, я жалею об этом? Перспективы Йохана были блеклыми. Он был заключен в скорлупу ореха и недолго мог считать себя королем необъятного пространства.

— Шекспир! — подобострастно воскликнул кто-то из подчиненных, выказывая восхищение литературной эрудицией Микала.

— Сэр. — Хольт сделал шаг вперед. — Могу я теперь забрать пленников обратно на корабль?

Микал неверно истолковал беспокойство Хольта.

— Ого-го! Я вижу, ты ценишь некоторые вещи в жизни, капитан. Но, как знаешь, каждый ранг имеет свои привилегии. Девушка остается здесь.

Он ожидал этого. Для нее было лучше остаться здесь, чем возвратиться к берсеркеру.

— Сэр, тогда... можно увести мужчину? В тюремном госпитале на Эстиле он сможет поправиться...

— Капитан, — голос Ногара не был громким, но он установил тишину за столом, — не препирайтесь здесь.

— Да, сэр.

Микал покачал головой.

— В мыслях я еще не простил своих врагов, капитан. Ведь они могут вновь заняться тем же... — Он снова добрался до руки Люсинды. — Знаешь ли ты, капитан, что ненависть — истинная пряность любви?

Хольт беспомощно посмотрел на Ногара. Холодный взгляд лорда говорил: еще одно слово, курьер, и ты очутишься в застенках. Дважды я не предупреждаю.

Если бы Хольт крикнул теперь берсеркеру, устройство в облолке Джанды могло бы убить всех в зале раньше, чем его смогли бы остановить. Он знал, что оно слушает его, следит за каждым движением.

— Я... я возвращаюсь на корабль, — пробормотал он. Ногара глядел в сторону, и никто не обращал на Хольта внимания. — Я... вернусь... через несколько часов. Чтобы отправиться на Эстил.

Голос Хольта оборвался, когда он увидел, что группка гуляк окружила Джанду. Они сняли наручники с омертвевших членов пленника и, возложив рогатый шлем на голову, дали ему щит, копье и одежду из меха, экипировав его как древнего скандинавского воина Земли — того, от кого происходит ужасное имя «берсеркер».

— Гляди, капитан, — смеялся Микал. — На нашем маскараде мы не боимся судьбы принца Просперо. Мы доставили подобие ужаса снаружи внутрь корабля!

— По! — закричал в хмельном угаре все тот же лизоблюд.

Имена Просперо и По ничего не значили для Хольта, и Микал выглядел разочарованным.

— Оставьте нас, капитан, — сказал Ногара, указав жестом на дверь.

— Идите, капитан Хольт, — спокойным, мягким голосом сказала Люсинда. — Мы знаем, что вы хотели бы помочь всем, кто находится здесь в опасности. Лорд Ногара, будет ли капитан Хольт обвинен в том, что здесь произойдет, когда он уйдет?

Удивление вспыхнуло в глазах Ногара. Он отрицательно качнул головой в подтверждение.

И Хольту оставалось только вернуться назад к берсеркеру с доказательствами и присоединиться к своему экипажу. У него все еще впереди, если только останется без последствий шутка пирующих с тем, кто, по их мнению, был Джандой.

Хольт вышел. Ему даже в голову не пришло, что Карлсен всего лишь заморожен.

5

Рука Микала была на ее бедре, она стояла возле его кресла, и его голос сверлил ее:

— Зачем так дрожать, красotka... правда, меня возбуждает, что такая хорошенькая девушка дрожит от моих прикосновений. Да, это делает все еще более трогательным. Ведь теперь мы не враги, да? Если же враги, то я буду суров с твоим братом.

Она дала Хольту время покинуть «Нирвану» и стала вырывать-ся из всех сил. От удара голова Микала дернулась, вздыбились аккуратно причесанные седые волосы.

В Большом Зале повисла тишина, а затем раздался взрыв смеха, когда ее схватили за руки и стали держать. Она расслабилась, пока не почувствовала, что хватка ослабела, а затем вырвалась и сжала в руке столовый нож. Новый взрыв смеха, и Микал по-утиному отскочил от нее, а кто-то сзади снова схватил Люсинду. Другой пришел ему на помощь. Вдвоем, с улыбками, они отобрали нож и силой заставили ее сесть в кресло возле Микала.

Губернатор заговорил тихо, подрагивающим голосом, хотя и старался казаться спокойным.

— Приведите сюда мужчину, — приказал он. — Пусть сядет там, за столом перед нами.

Пока выполняли распоряжение, Микал обратился к Люсинде с сочувствием в голосе:

— Конечно же, я собирался лечить твоего брата, чтобы он поправился.

— Лживый комок грязи, — прошептала она, улыбаясь. Микал улыбнулся в ответ.

— Ну что ж, придется испытать искусство моих специалистов по умственному контролю, — сказал он. — Держу пари, не будет нужды в оковах для удержания твоего брата после того, как они поработают с ним.

Он сделал насмешливый жест над столом в сторону стеклянных глаз Джанды.

— Именно так. Но он будет все знать, каждым нервом ощущать все, что случится с ним. Можешь быть в этом уверена.

Она предполагала это и ждала, что подобное произойдет, но теперь почувствовала, будто вдохнула дьявольский воздух. Она опасалась обморока и в то же время желала, чтобы он случился.

— Наш гость в своем костюме доставлен. — Микал бросил взгляды по сторонам стола. — Кто первым его развеселит?

С ближайших кресел раздались рукоплескания.

— Джеми известен своей изобретательностью, — приятным тоном сказал Микал. — Я настаиваю, чтобы ты смотрела на это. Выше нос!

Филипп Ногара, по другую сторону от Микала, уже не выглядел безразличным, словно он вынужден наблюдать поневоле. В нем было заметно возрастающее ожидание, переборовшее отвращение.

Джеми подошел, хихикая, сжимая маленький, украшенный драгоценностями нож.

— Не глаза, — предупредил Микал. — Я хотел бы, чтобы он кое-что увидел позднее.

— О, конечно, — подобострастно сказал Джеми. Он сдвинул рогатый шлем набекрень и стремительно схватил лицо Джанды пальцами. — Начнем со щеки. С кусочка кожи.

Прикосновение лезвия Джеми было достаточно мягким, но для мертвой плоти все же слишком сильным. От первого же прикосновения безжизненная маска опала красным и мокрым месивом перед внимательными глазами присутствующих. И стальной череп берсеркера ухмыльнулся.

Люсинда успела увидеть, как тело Джеми было отброшено через зал стальной рукой, прежде чем люди, державшие ее, лишились своих жизней, а она нырнула под стол.

Наступил форменный бедлам, и в следующее мгновение стол разлетелся вдребезги от мощного удара берсеркера. Машина, обнаружив, что ее разоблачили, изменила свой начальный план просто уйти с доказательствами смерти Карлсена. Она вернулась к главной цели древнего берсеркера — обычному убийству. Дви-

гаясь через зал, приземистая и невероятно подвижная, она скашивала на своем пути руками, как косами, все подряд — сама Смерть, пожинаящая в кровавом удовлетворении кричащую толпу.

У главного входа завывающие люди, обезумев, отталкивали друг друга от двери, а убийца работал среди них, методично калеча и убивая. Затем он снова вернулся в зал. Приблизившись к Люсинде, сидевшей под столом, машина заколебалась, узнав в ней партнера по своей основной функции, и, к счастью девушки, через мгновение нашла другую цель.

Это был Ногара. Его сломанная правая рука бессильно свисала. Он достал тяжелый ручной автомат и открыл огонь с левой руки, когда машина оказалась напротив него. Разрывы расшвыряли тела друзей Ногара и мебель, но лишь слегка задели быстро перемещающегося противника.

Наконец один заряд попал в цель. Машина рухнула, но в своем стремительном движении сшибла Ногара на пол.

На мгновение неестественная тишина повисла в Большом Зале, разгромленном, словно здесь разорвалась бомба. Люсинда встала. Повсюду слышались стоны, возгласы, но никто больше не поднялся.

В изумлении она прошла среди разгрома, устроенного машинной-убийцей, и ощутила только оцепенение, поглядев на ошметки одежды и плоти, которые все еще покрывали металлический остов. Теперь мысленно она видела лицо брата, каким оно было когда-то — волевым и улыбающимся.

Но сейчас здесь оставалось и нечто большее, чем просто мертвец, если вообще можно было дать этому название. Конечно, космонавты, заложники берсеркера — совсем неплохие люди. Она могла отдать в обмен на них тело Карлсена.

Обслуживающие машины выстроились вдоль стены с самым паническим видом, на какой только были способны. Они ненадолго задержали Люсинду, и она уже собиралась открыть тяжелый гроб, когда слабый голос из зала остановил ее. Ногара сидел у разломанного стола.

Он снова прохрипел:

— ...живой.

— Что?

— Йохан живой. Здоровый. Видишь? Это морозильник.

— Но все мы говорили берсеркеру, что он мертв.

Она вдруг остро ощутила собственную глупость, испытав одномоментно потрясение сразу после другого. Впервые она взглянула в лицо Карлсена, и прошли долгие секунды, прежде чем она смогла остановить слезы.

— Там заложники. Им нужно его тело.

— Нет. — Ногара покачал головой. — Теперь я понимаю. Но нет. Живым я его берсеркерам не отдам.

Грубое могущество воли не покинуло его. Оружие он опустил, но его внутренняя сила держала Люсинду на месте. Теперь в ней не было ненависти.

Она выразила протест:

— Там остались семь человек.

— Берсеркеры отличаются от людей еще и тем, — Ногара болезненно стиснул зубы, — что никогда не дают пленникам свободы. Здесь... ключ...

Он достал его из внутреннего кармана своего мундира.

Взгляд Люсинды вновь опустился на строгое лицо в гробу. Затем импульсивно она бросилась за ключом. Едва она взяла его, Ногара, похоже, потерял сознание.

Замок гроба имел несколько положений, и она повернула его в «УСКОРЕННОЕ ОЖИВЛЕНИЕ». Искорки зароились вокруг лежащей фигуры, послышалось гудение энергии.

Автоматические системы корабля наконец переключились на режим опасности. Обслуживающие машины начали вытягивать служебные устройства. Первым унесли Ногара. Вероятно, где-то действовал робот-медик. Из-за трона Ногара прокричал громкий голос:

— Корабельная система защиты требует распоряжений! В чем причина режима опасности?

— Не контактируйте с курьерским кораблем! — крикнула Люсинда. — Наблюдайте, чтобы он не напал. Но не заденьте спасательную шлюпку!

Люсинда подбежала к смотровому окну, едва не наступив на тело Микала.

Уставившись в окно, она увидела берсеркера-курьера, смутно различимого в клубящемся свете гипермассы. Спасательная шлюпка с заложниками — маленькая смутная точка перед ней.

Сколько пройдет времени до того, как убьют заложников и берсеркер станет искать спасения в бегстве?

Обернувшись назад, она увидела, что гроб открыт и в нем сидит человек. Какое-то мгновение его глаза были как у ребенка, смотрели на нее беспомощно. Затем в них появились энергия, сила воли, совершенно отличная от той, что была у его брата, и, возможно, даже большая.

Карлсен отвел взгляд от нее, осмотрел окружающее пространство, опустошенный Большой Зал и гроб.

— Филипп, — прошептал он в болезненной муке, хотя его единоутробного брата здесь не было.

Люсинда подошла к нему и как можно короче пересказала всю историю, с того самого дня в тюрьме Фламланда, когда она услышала, что Карлсен умер от чумы. Один раз он прервал ее:

— Помогите мне выбраться отсюда и найти оружие.

Его пальцы оказались крепкими и сильными, когда она протянула ему руку для поддержки. Но, очутившись возле нее, он оказался на удивление низким.

— Продолжайте, что потом?

Она спешно досказала ему историю, пока не пришли обслуживающие машины, чтобы вооружить его.

— Но почему вас заморозили? — закончила она, внезапно удивленная его силой и здоровьем.

Он игнорировал ее вопрос.

— Идем к пультам управления обороной. Нужно спасти тех людей.

Он со знанием дела прошел к нервному центру корабля и уселся в кресло офицера обороны. Хозяин этого кресла, очевидно, был мертв. Панель перед Карлсеном засветилась, и он приказал:

— Дай мне связь с курьерским кораблем.

Через несколько мгновений с курьерского корабля рутинно ответил спокойный голос. Лицо, появившееся на экране, было плохо освещено. Любой вглядывающийся без предубеждения ни за что бы не сказал, что это не человек.

— Говорит главнокомандующий Карлсен с «Нирваны». — Он не назвал себя губернатором или лордом, только тем, кем он был в тот великий день у Каменной. — Я снова пришел. Я хочу поговорить с людьми курьерского корабля.

Расплывчатое лицо на экране сдвинулось.

— Да, сэр.

Карлсен отключился.

— Это сохранит их шансы. Теперь мне нужен скоростной катер. Вы, роботы, погрузите мой гроб на борт одного из них. Сейчас из-за ускоренного пробуждения я напичкан наркотиками и должен снова заморозиться.

— Но вы же не собираетесь этого делать по-настоящему?

Снова встав из кресла, он задумался.

— Я знаю берсеркеров. Если их основная задача — охота на меня, они не станут тратить время даже на пару залпов, чтобы уничтожить заложников, когда я буду у них на виду.

— Вам не следует идти, вы слишком много значите для всех людей, — услышала Люсинда свой голос.

— Это не самоубийство, у меня в запасе есть несколько трюков. — Голос Карлсена внезапно изменился. — Говоришь, Филипп выживет?

— Не сомневаюсь.

Глаза Карлсена прикрылись, а губы медленно и беззвучно двигались. Затем он взглянул на Люсинду и схватил бумагу и стило с панели офицера обороны.

— Передай это Филиппу, — написав, сказал он. — Он отпустит тебя и капитана на свободу, если я попрошу об этом. Вы не угрожаете его власти. Не настолько, как я...

6

Сидя на посту офицера обороны, Люсинда следила, как хрустальная сфера катера Карлсена оказалась снаружи, вблизи от курьерского корабля и на некотором расстоянии от спасательной шлюпки.

— Эй, на курьере, — услышала его Люсинда. — Можете ли вы записать мою передачу? Сумеете сфотографировать мою сетчатку на экране?

И катер метнулся в сторону на максимальной скорости, а удар оружия берсеркера пришелся в то место, где он только что находился. Карлсен был прав. Берсеркер не стал терять времени на шлюпку, а устремился за катером.

— Огонь по курьерскому кораблю! — выкрикнула команду Люсинда. — Уничтожить его!

Сноп ракет покинул «Нирвану» и устремился к курьеру, но цель начала стремительно двигаться. Возможно, залп не достиг своего назначения потому, что курьерский корабль был уже в бахrome окружения гипермассы, в искривленном пространстве.

Катер Карлсена не был поврежден, но и уйти не мог. Это была полупрозрачная точка, исчезнувшая с экрана в разрывах от орудий берсеркера, точка, канувшая в круговерти возле гипермассы.

— В погоню! — отдала приказ Люсинда и на мгновение увидела звезды, окрасившиеся в голубой цвет. Но автопилот «Нирваны» тут же отменил приказ, обосновывая свое решение тем, что движение в указанном направлении будет фатальным для всего живого на борту.

Катер был теперь в искаженном пространстве, захваченный гравитацией, которая делала любые двигатели бесполезными. А корабль-берсеркер опрометчиво бросился за Карлсеном, ни о чем другом не беспокоясь.

Два пятнышка покраснели, потом стали еще краснее, едва заметные на фоне громадного опадающего облака пыли и красноватой дымки, похожей на ту, что образуется на горизонте при заходе солнца. Затем красное смещение поля гравитации гипермассы перевело их свет в невидимую часть спектра, и для вселенной они пропали.

Вскоре после того, как роботы перенесли людей со спасательной шлюпки на борт «Нирваны», Холт нашел Люсинду в Большом Зале, вглядывающуюся в смотровое окно.

— Он спас вас, — сказала она, — хотя прежде никогда вас не видел.

— Знаю, — сказал после паузы Холт. — Я говорил с лордом Ногара. Не знаю почему, но вы свободны, и меня не ждет наказание за проникновение чертова берсеркера на борт. Несмотря на то, что Ногара, похоже, ненавидит нас обоих...

1965

Пол Андерсон

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА

Через три часа за мной придут. Распахнется дверь. Двое в парадной форме встанут в проходе с оружием наизготовку. Не знаю, будут ли их лица выражать отвращение и ненависть или болезненную жалость, но уверен, что они будут трогательно юными, эти лица, как у всех нынешних рядовых. Затем между ними пройдет Эрик Халворсен и встанет по стойке смирно. Я тоже. «Эдвард Брекинридж», — произнесет он и продолжит дальше как положено. Совсем недавно он звал меня Эд. Мы однокашники; в последний отпуск мы провели вместе такой вечер, что сейчас о нем уже наверняка ходят легенды. (То было в Порт-Желании, а на следующий день мы махнули к морю, красному на той планете, и кувыркались в прибое, и блаженствовали на песке под палящим солнцем.) Не знаю, что я увижу в его глазах. Любопытно: поведение ближайшего друга может быть непредсказуемо. Но так как он был хорошим офицером, следует предполагать, что он честно выполнит свой долг.

Я тоже. Нет смысла нарушать ритуал. Пожалуй, мне не стоит отказываться и от священника. Я сам добавляю штрихи к портрету Люцифера — сейчас, когда крушение нашего мира сопровождается взрывом религиозности. Услышат ли мои дети в школе: «Он был не только предателем, но и грязным безбожником»?.. Все равно. Позвольте мне хоть сохранить достоинство и оставаться самим собой.

Я пройду по коридору между застывшими телами и еще более застывшими лицами людей, которыми командовал; пробьют дробь барабаны.

Люк внутреннего отсека уже будет широко распахнут. Я шагну в камеру, люк закроется. Тогда, на миг, я останусь один. И постараюсь удержать память об Элис и детях, но, боюсь, мой пот будет пахнуть слишком резко.

В подобных случаях воздух из камеры не откачивают. Это было бы жестоко. Они просто нажимают кнопку аварийного открывания. (Нет, не «они». Кто-то один. Но кто? Не хочу знать.) Внезапно мой гроб заполняется тьмой и звездами. Земной воздух выталкивает меня. Я вылетаю.

Ничего больше для меня не существует.

Они верно поступили, дав мне этот психограф. Слово написанное лжет, но не могут лгать молекулы мыслезаписывающей ленты. Мир убедится, что я был, по крайней мере, честным дураком; от этого, возможно, будет лучше Элис, Джин, маленькому Бобби, который стал походить на отца, — так написано в ее последнем письме. С другой стороны, далеко не специалист по использованию этого устройства, я открою больше, чем хотелось бы.

Что ж, попробайся, Эд. Запись всегда можно стереть. Хотя почему тебя волнует это, ведь впереди смерть...

Друзилла.

НЕТ.

Уходи, забирай из моей памяти благоухающие летом волосы, ощущение груди и живота, птицу, поющую в саду у твоего окна, — все забирай. Элис моя единственная, просто слишком долго я был оторван от нее. Но нет, это тоже неправда, мне было хорошо с тобой, Дру, и я ничуть не жалею ни о миге из наших ночей, но как же тяжело будет Элис узнать... или она поймет?.. Я не могу быть уверен даже в этом. Лучше подумай о возвышенном. Например, о сражении. Убивать вполне дозволено; это вот любовь опасна и должна держаться на привязи.

Морвэйн не забудет нескольких часов в ослепительном блеске Скопления Кантрелла. Попытка оправдаться: помнишь, Эрик Халворсен, моя эскадра нанесла врагу тяжелый удар? Но военный трибунал не может следовать подобной логике. Почему я атаковал превосходящие силы противника после того, как предал планету... человеческий род? В деле записаны мои слова: «Я глубоко убежден, что выполнение порученной нам задачи повлекло бы катастрофические последствия. В то же время хороший результат мог принести удар в другом месте». Да будет сказано, однако, к предельной честности этой машины, что я надеялся на плен. Я хочу умереть не больше, чем ты, Эрик.

И кто-то же должен представлять людей по пришествии Морвэйна! Почему не я?

Одно среди прочих соображений против: Хидеки Ивасаки (То есть Ивасаки Хидеки; у японцев сперва идет фамилия, мы такая богатая вариациями форма жизни.) «Ия-а-а!» — закричал он, когда мы получили лобовой удар. И крик этот ворвался в мои уши через судорожный скрежет металла, через свист вырывающегося воздуха.

Потом нас накрыла тьма. Гравиполе тоже исчезло, я парил, кувыряясь, пока не ударился о переборку и не схватился за поручень. Кровь во рту отдавала влажным железом. Когда туман перед глазами рассеялся, я увидел светившуюся голубым аварийным светом главную панель и вырисовывавшуюся на ее фоне фигуру Ивасаки. Я узнал его по флуоресцирующему номеру на спине. Сквозь дыру в его скафандре вырывался воздух вперемешку с кровью.

У меня еще мелькнула мысль сквозь судорожные толчки пульса: да ведь нас вывели из строя! Мы не перешли на аварийный контроль, мы неуправляемы — должно быть, сгорели переключающие цепи. Мы можем лишь сдаваться. Быстро включайся в сеть и прикажи передавать сигнал капитуляции!.. Нет, сперва формально сдай командование Фенштейну на борту «Йорктауна», чтобы эскадра могла продолжать бой.

Задвигались руки Ивасаки. Умирая, он плавал перед разбитым сверхпроводящим мозгом и что-то пытался ремонтировать. Это длилось недолго. Всего несколько соединений, чтобы включилась аварийная система. Я и сам мог попробовать, и то, что не сделал этого, — вот моя настоящая измена. Но потом я бросился вместе с Мбото и Холалом ему на помощь.

Мы немного могли сделать. Он был офицер-электронщик. Но мы могли подавать ему инструменты. В голубом свечении я видел его искаженное лицо. Он не позволил себе умереть, пока не кончил работу. Зажегся свет. Вернулся вес, ожили экраны. Безжалостно ярко сверкали звезды, но все затмила вспышка в полумиллионе километров от нас. И: «Por Dios!» — вскричал офицер-наблюдатель. — Это же крейсер джанго! Кто-то вклеил в них ракету!»

Позже оказалось, что это отличился «Эгинкорт». Я слышал, его капитан представлен к награде. Он мне благодарен?

В тот момент, однако, я думал лишь о том, что Ивасаки оживил корабль и мне нужно продолжать драться. Я вызвал врачей, чтобы оживить его самого. Он был хорошим парнем, застенчиво показывавшим мне фотографии своих детей под сакурой в

¹ Ради Бога! (исп.)

Киото. Увы. В нормальных условиях, в госпитале, его бы подключили к машинам и продержали до тех пор, пока не вырастят новый желудочно-кишечный тракт; на военных кораблях такого оборудования нет.

В ушах ревели доклады, перед глазами мельтешили цифры, я принимал решения и отдавал приказы. Мы не собирались сдаваться.

Вместо этого мы прорвались и вернулись на базу — те, кто уцелел.

Мне думается, военные всегда были образованными людьми, хотя нам легче представить образ эдакого бравого вояки. Но, готовясь сражаться в межзвездном пространстве за целую планетную систему, необходимо понимать устройства, которыми пользуешься; стараться понимать соседей по галактическому дому, таких же чувствующих, как человек, но отделенных от него миллионами лет эволюции; необходимо знать и понимать самого человека. Так что современный офицер образован лучше и привык думать больше, чем средний Брат Любви.

О это Братство! Посидели бы они на занятиях у Полковника, заслужившего Лунный Полумесяц еще до моего рождения...

Солнечные лучи скользили по газонам Академии, дробились в густой листве дубов, сияли на оружии, стрелявшем еще при Трафальгаре, и падали на кометы у него на плечах.

«Джентльмены, — сказал он как-то на медленном, искаженном эсперанто, служившем предметом многочисленных шуток в наших общежитиях, и подался вперед над столом, опершись на него кончиками пальцев, — джентльмены, вы слышали немало слов о чести, достоинстве и долге. Это истина. Но чтобы жить по этим идеалам, надо правильно оценить свою службу. Космические войска не элита общества; не следует ожидать высочайших материальных вознаграждений или почестей.

Мы — оружие.

Человек не одинок в этой Вселенной. Существуют другие расы, другие культуры, со своими чаяниями и надеждами, с собственными страхами и огорчениями; они смотрят своими глазами и думают свои думы, но их цели не менее верны и естественны для них, чем наши для нас. И хорошо, если мы можем быть друзьями.

Но так бывает не всегда. Кто-то объясняет это изначальным грехом, кто-то кармой, кто-то всего лишь присущими нам ошибками... Так или иначе, общества иногда могут вступать в конфликт. В таких случаях надо договариваться. И здесь существенна равенность — равная способность уничтожать, да и другие, более высокие способности. Я не говорю, что это хорошо; я просто отмечаю

это. Вы собираетесь стать частью орудия, которое дает Земле и Союзу эту способность.

Любое орудие может быть использовано не по назначению. Молотком можно забить гвоздь или разнести череп... Но то, что вы военные и подчиняетесь военной дисциплине, не освобождает вас от ответственности гражданина.

Война не конец, а продолжение политики. Самые кошмарные преступления совершались тогда, когда это забывали. Ваш офицерский долг, долг слишком высокий и сложный для занесения в Устав, — помнить...»

Вероятно, в своей основе я лишен чувства юмора. Я люблю хорошие шутки, не прочь повеселиться на вечеринке, в группе меня ценили за забавные стишки, но к некоторым вещам я не могу относиться иначе, чем сверхсерьезно.

Например, к шовинизму. Я не могу выносить слово «джанго», как не мог бы выносить слова «ниггер» несколько столетий назад. (Как видите, я неплохо знаю историю. Мое хобби, да и способ коротать время среди звезд.) Это мне припомнили на суде. Том Дир присягнул, что я хорошо отзывался о Морвэйне. В трибунале были честные люди, ему сделали замечание, но, Том, ты же был моим другом. Или нет?

Позвольте мне просто рассказать, что произошло. Мы заправлялись на Асфаделе. Асфадель! (Да-да, я знаю, это целый мир, с ледяными шапками, пустынями и вонючими болотами, но говорю я про тот кусочек, который мы, люди, сделали своим в те славные дни, когда ощущали себя хозяевами Вселенной.) Белоснежные горы, подпирающие васильковое небо; шумные птичьим говором долины, пестрящие цветами; маленькие веселые города и девушки... Но то был уже разгар войны; здания пустовали, скрипели на ветру двери, гулко раздавалось эхо шагов... Вечерами светили звезды, принадлежащие врагу. То и дело прокатывался гром — это эвакуировалось население. Асфадель пал через два месяца.

Мы сидели в заброшенном баре — Том и я — и, нарушая инструкции, хлестали спиртное. С тоскливым воем пробежала сбитая с толку голодная собака.

— Будь они прокляты!.. — вскричал Том.

— Кто? — спросил я, наливая. — Если ты имеешь в виду недонсков из Расквартирования, то полностью с тобой согласен. Но не слишком ли большую работу ты взваливаешь на Всевышнего?

— Сейчас не время шутить, — отозвался он.

— Напротив, больше ничего не остается, — ответил я.

Мы только что узнали о гибели Девятого Флота.

— Джанго, — яростно процедил Том. — Грязные, мерзкие извращенцы.

— Морвэйн, ты хочешь сказать, — поправил я. Я тоже был пьян, иначе пропустил бы его слова мимо ушей. — Они не грязные. Они еще щепетильнее, чем мы. Сора в их городах не увидишь. Они трехполые, выделяют клейкий пот и имеют кошачью походку, но что с того?

— Что с того? — Он занес кулак. Лицо его исказилось, побелело, лишь ярко горели лихорадочные пятна на щеках. — Они собираются завладеть Вселенной, а ты спрашиваешь, что с того?!

— Кто говорит, что они собираются завладеть Вселенной?

— Ход событий, ты, идиот!

Я не мог ответить прямо и произнес, напряженно подыскивая слова, как бывает на определенной стадии опьянения:

— Планеты земного типа встречаются редко. Их интересует то же, что и нас. Территориальные споры привели к войне. Они заявили, что их цель — сбить с нас спесь, точно так же как наша — сбить спесь с них. Но они ничего не говорили о том, чтобы сбросить нас с планет — с большинства планет, которые мы уже занимаем. Это было бы слишком дорого.

— Им стоит лишь вырезать колонистов!

— А мы бы вырезали — сколько там? около двадцати миллиардов и у нас, и у них — мы бы вырезали такое количество разумных существ?

— Я бы с удовольствием, — процедил Том сквозь зубы. — Эти чудовища, — добавил он шепотом, — под шпилями Оксфорда...

Что ж, для меня это будут чужаки, шагающие по земле Вайоминга, где вольные люди некогда гнали скот под щелканье бичей; для Ивасаки — демоны перед Буддой в Камакуре...

— Они образуют правительство, если победят, — сказал я, — и кое о чем мы научимся думать по-иному. Но знаешь, я встречался с некоторыми из них до войны и довольно близко сошелся — так вот, им очень многое в нас нравится.

Некоторое время он сидел не двигаясь, как будто застыл в столбняке, затем выдохнул:

— Ты хочешь сказать, что тебе наплевать, кто победит?

— Я хочу сказать, что надо смотреть правде в глаза, — произнес я. — Мы должны будем приспособиться, чтобы сохранить как можно больше... если они победят. Мы можем оказаться полезными.

Тут он меня ударил.

А я не ответил. Я просто вышел в противоестественно чудесный день и оставил его плачущим. О происшедшем мы впредь не говорили и работали вместе с подчеркнутой вежливостью.

Он присягнул, что я хотел стать коллаборационистом.

Элис, ты когда-нибудь понимала, за что шла война? Ты сказала «до свидания» с почти невыносимой для меня храбростью, и в единственный мой за пять лет земной отпуск мы слишком НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ.

Когда я уезжал, шел дождь. Земля, еще черная после зимы, грязные кучи талого снега, низкое небо, словно какая-то злоежащая серая крыша, щупальца тумана, опутывающие мой дом... Но я все равно видел — очень далеко — то плато, куда собирался взять когда-нибудь сына на охоту. Мелкие капли у тебя в волосах... Я слышал журчание ручья, вдыхал влажный воздух, ощущал твое тело и жесткий комок в желудке.

Надеюсь, ты найдешь себе другого. Это может быть непросто; это будет непросто, если я тебя знаю. Ты жена предателя, но слишком чиста для этих Братьев, которые, как стервятники, будут виться вокруг. Но кто-нибудь из Космических войск, вернувшийся на ставшую незнакомой Землю...

Да, я ревную. Вот только странно — не к словам «я люблю тебя», которые ты шепнешь в темноте. А к тому, что он станет отцом Джин и Бобби. Не оправдывает ли это Друзиллу (и других, бывало), если я никогда не сомневался в твоей верности?

Однако предполагается, что я должен объяснить нечто, считающееся несравненно более важным. Дело только в том, что все это настолько просто, что я не понимаю, зачем нужен психограф.

Сферы наших интересов пересекались задолго до войны. «Пограничный конфликт» — неудачный термин; Вселенная слишком велика для границ. Они основали преуспевающую колонию на второй планете ГС 421387, промышленность ее превалирует над всей системой. И эта планета всего в пятидесяти световых годах от Земли.

Свара началась значительно дальше. Савамор — так мы называли спорную планету, ибо человеческая гортань не в состоянии передать ту особую музыку, — был под их протекцией. Они должны были защищать его, что связывало значительные силы.

Мы эвакуировали Асфадель, не так ли? Да, но Савамор был слишком дорог. Не просто индустриальная база, не просто стратегическое расположение, хотя, естественно, и они играли немалую роль. Савамор — это легенда.

Я бывал там зеленым лейтенантиком на борту «Данно-Ура», в те дни, когда флот наносил визиты доброй воли. Уже пылали споры, уже были стычки, угроза повисла в воздухе. Мы знали, и знали они, что наши корабли кружат над планетой в знак предупреждения.

И все же мы были понято возбуждены, получив увольнения. Мы сошли в порту Дорвей, и вскоре я остался один среди зеленых

башен, на зеленом ковре травы... Разве мог я не назвать это Изумрудным Городом? Через несколько часов я устал бродить и присел на террасе послушать музыку. Мелодии странные, плавные, тягучие, человеку ни за что такие не придумать, но мне они нравились. Глядя на прохожих — не только морва, но существа из двадцати различных рас, тысячи различных культур, — я вдруг так резко и ярко почувствовал себя космополитом, что это ощущение сравнимо лишь с первым поцелуем.

Ко мне подошел морва.

— Сэр, — обратился он на эсперанто (не буду пытаться вспомнить особенности его акцента), — позвольте разделить радость вашего присутствия.

— С удовольствием, — отозвался я.

И мы начали говорить. Конечно, мы не пили, да это и не требовалось.

Тамулан было одно из его имен. Сперва мы обменивались любезностями, потом перешли на обычаи, потом на политику. Он был безукоризненно вежлив, даже когда я горячился. Он просто показывал, как выглядят вещи с его стороны... впрочем, вы еще наслушаетесь этого в ближайшие годы.

— Мы не должны воевать, — сказал он. — У нас слишком много общего.

— Может быть, причина именно в этом, — заметил я и поздравиł себя с тонким наблюдением.

Его шупальца опустились; человек бы вздохнул.

— Возможно. Но мы естественные союзники. Кто может выгадать от войны между нами, кроме Билтуриса?

В те дни Билтурис был для нас слишком далек и незаметен. Мы не ощущали их давления, эту тяжесть нес Морвэйн.

— Они тоже разумны, — сказал я.

— Чудовища, — ответил он.

Тогда я не поверил тому, что он рассказал. Теперь, узнав неизмеримо больше, я бы не усомнился. Я не допускаю, что раса может потерять право на существование, но некоторые культуры — безусловно.

— Не почтите ли вы наш дом своим присутствием? — наконец сказал он.

Наш дом, замстѣге. Мы можем кое-чему у них поучиться.

А они — у нас. Без сомнения. Увы, все обесценено шумихой, раздутой вокруг Того, За Что Мы Сражаемся. Должно пройти время...

Так за что же мы сражаемся? Не за пару планет — обе стороны достаточно рассудительны, чтобы пойти на уступки, хотя именно территориальные притязания послужили непосредственным

поводом. И вовсе не за чье-то желание насадить свою систему ценностей; только наши комментаторы настолько глупы, чтобы верить в это. Так за что, в самом деле?

Почему сражался я?

Потому что был офицером действующей армии. Потому что сражались мои братья по крови. Потому что я не хочу, чтобы завоеватели попирали нашу землю. Не хочу.

Говорю это в психограф и не собираюсь стирать запись, ибо страстно желаю, чтобы мне поверили: я за победу Земли. За это я отдал бы не только свою жизнь, это как раз проще всего. Нет, не задумываясь, я кинул бы в огонь и Элис, и Джин, которая сейчас, должно быть, превратилась в самую очаровательную смесь ребенка и девушки. Не говоря уже о Париже, пещерах, куда мои предки затаскивали мамонта, обо всем распроклятом штате Вайоминг... из чего следует, что планета Савамор вызовет у меня лишь легкое сожаление. Так?

Опять разбегаются мысли.

Я хочу, чтобы мой народ был хозяином своей судьбы. Над Землей нельзя господствовать. Но равно ненавистно господство Земли.

Я бы хотел написать любовное послание своей планете, но из меня никудышный писатель, и, боюсь, ничего, кроме сумятицы, не получится: горящее закатом зимнее небо; «...что люди созданы свободными и равными»; поразительная крохотность Стоунхенджа и поразительная масса Парфенона; лунный свет на беспокойных водах; квартеты Бетховена; шаги по влажной мостовой; поцелуй — и красный, сморщенный, негодующий комок жизни девять месяцев спустя; возмутительные каламбуры; моя соседка миссис Элтон, вырастившая трех сыновей после смерти мужа... Нет, стрелка бежит, время уходит слишком быстро...

Меня инструктировал не кто иной, как сам генерал Ванг. Он сидел на командном пункте, в недрах «Черта-с-два»; за его большой лысой головой мерцал экран звездного неба. Я встал по стойке смирно, и в наступившей тишине завис рокот вентиляторов. Когда генерал наконец произнес: «Вольно, полковник, садитесь», я был потрясен, услышав, как он состарился.

Он еще поиграл ручкой, прежде чем поднял глаза.

— Дело совершенной секретности. В настоящий момент компьютер дает восемьдесят семь процентов вероятности успеха — успех определяется как выполнение задания с потерями не более пятидесяти процентов, но если просочится хоть слово, операция станет бессмысленной.

Я никогда не верил слухам об агентах Морвэйна среди нас. Тем не менее я кивнул и сказал:

— Ясно, сэр.

— От этой штуки, — продолжал он тем же мертвым голосом, повернувшись к экрану, — мало проку — чересчур много звезд. Но все же общее положение представить можно. Смотрите.

Его руки прикоснулись к пульта, и звезды окрасились в два цвета: золотистый и багровый. Наш цвет и цвет врага.

Я видел, как мы в беспорядке отступаем, оставляя парсек за парсеком, я видел вражеские клинья, забитые глубоко в нашу оборону среди звезд, что еще светились золотом, и тогда уже понял, чего следует ожидать.

— Эта система... весь сектор... внешние коммуникации... хранилища... ремонтная база...

Я едва слышал. Я снова был на Саваморе в доме Тамулана.

О да, эскадра могла пробиться. Космос велик, его нельзя охранять везде. У цели, конечно, будут оборонительные силы, не слишком, однако, серьезные в случае неожиданной атаки; и потом придется прорываться сквозь корабли, которые, как пчелы, ринутся со всех сторон трехмерного пространства. Но уже никто не помешает сбросить сверхбомбу в небо Савамора.

Это даже не антигуманно. Просто будет вспышка и одновременный взрыв стольких мегатонн, что вся атмосфера мгновенно превратится в свободную плазму. Действительно, еще долго будут гулять огненные бури, не оставив ничего, кроме выжженной пустыни, и миллионы лет пройдут, прежде чем жизнь выйдет из океанов. Но Тамулан не поймет, что случилось. Если Тамулан не сражается со своим флотом. Если еще не умер, зажимая выпадающие из живота внутренности или судорожно хватая ртом воздух, которого уже нет вокруг, — как умирали люди на моих глазах. Без населенной планеты, служащей базой экономики, промышленность на других мирах ГГС 421387 не сможет существовать; клин обломится. Без этого клина, острием нацеленного на Землю...

— Они не бомбардировали наши колонии...

— Мы тоже, — сказал Ванг. — Теперь у нас нет выбора.

— Но...

— Молчать! — Он приподнялся, одно веко задергалось. — Думаете, мне легко?! — И немного погодя таким же бесстрастным монотонным голосом: — Они получают тяжелый удар. Мы сможем удерживать этот сектор по крайней мере еще год, что, между прочим, продлит на год войну.

— Ради этого?

— Многое может случиться за год. У нас может появиться новое оружие. Они могут решить, что игра не стоит свеч. Наконец, просто проживут еще год там, дома.

— А если они ответят тем же? — заметил я.

Смелый человек: он встретил мой взгляд.

— Никому не удавалось жить не рискуя.

Я ничего не мог ответить.

— Если вы сомневаетесь, полковник, — произнес он, — я не стану вам приказывать. Я даже не буду хуже о вас думать. Есть много других офицеров.

И на это мне нечего было сказать.

Да будет здесь ясно видно, как было видно на моем процессе: ни один человек под моим командованием не виноват в случившемся. На всех кораблях эскадры только я один знал истинную задачу. Капитаны считали, что цель рейда в район Савамора — охота за некой укрепленной военной базой, подобной нашей. Офицеры-артиллеристы, очевидно, кое-что могли подозревать, зная характер груза, но слишком низко стоят они на служебной лестнице. И все поверили, что полученная в последний момент информация заставила меня изменить курс и идти к Скоплению Кантрелла. Там мы вступили в наш доблестный, кровопролитный и совершенно бесполезный бой, победили и вернулись.

Таким образом, виноват я. Почему?

На суде я говорил, что, считая атаку Савамора безумием, я решил выбить вражеский клин неожиданным ударом по Скоплению. Чепуха. Мы лишь потрепали их, как предсказал бы любой кадет-второкурсник.

В душе я надеялся привести в негодность силы, которые Ванг мог использовать для уничтожения Савамора с более надежным офицером во главе.

Факты доказывают мою правоту. Мы уже сдали «Черта-с-два» и теперь не можем обойти триумфально наступающего противника. Да в этом и нет смысла: они выпрямили линию фронта, и остаток войны будет вестись обычными методами и средствами.

Моей конечной целью был плен. Они, как пока и мы, хорошо обращаются с пленными. Со временем я бы вернулся к Элис с немалым опытом за плечами. А разве моему народу не понадобятся посредники? Или руководители? Перед лицом Билтуриса Морвэйн захочет иметь союзников. Мы установим цену за дружбу, и ценой этой может быть свобода.

Сожги мы Савамор, я сомневаюсь, что Морвэйн не расправился бы с Землей. Народ Тамулана не настолько добр. А если даже и так — не посчитали бы они долгом стереть до основания

плоды, мечты и следы цивилизации, способной на такое, и построить заново по своему подобию? Смогли бы они доверять нам? Кто сможет когда-нибудь простить Дахау?

Сражаясь честно, прямо глядя в лицо поражению, мы вправе надеяться спасти многое; надеяться даже, что через десятилетия этим будут восхищаться.

Конечно, все это предсказано в предположении, что Морвэйн победит. Хочется верить в чудо: вот-вот что-нибудь изменится, стоит продержаться... Я сам верил; я задушил свою веру и противопоставил собственное суждение тому, что нельзя назвать иначе, как всенародным.

Прав ли я? Будет ли моя статуя стоять рядом со статуями Джефферсона и Линкольна, так что Бобби мог бы показать на нее и сказать: «Он был моим папой»? Или, чтобы избежать плевков, ему придется сменить фамилию в тщетной надежде затеряться? Я не знаю. И не узнаю никогда.

Оставшееся мне время я буду думать об этом.

1966

Алексей Калугин

КОЛДУН

Взвод попал под массированный обстрел вражеской артиллерии, когда, казалось, ничто не предвещало беды. Колдун стоял по щиколотку в жидкой грязи, заполнявшей дно ирригационного рва, и, прижав локтем приклад автомата, пытался прикурить. Задача была непростая, ветер продувал ров, как аэродинамическую трубу. Колдун старался прикрыть ладонью трепещущий язычок пламени зажигалки, но огонек гас прежде, чем он успевал поднести его к сигарете.

— Бросай курить, Колдун...

Шедший следом за Колдуном рядовой Оггин встал к ветру спиной, давая приятелю возможность спокойно прикурить. И в этот момент на позициях трагтов отрывисто рывкнула гаубица. Снаряд разорвался на краю рва, метрах в двадцати от того места, где остановились Оггин и Колдун. Осколком, вошедшим точно под срез шлема, Оггину снесло половину черепа. Теплые брызги крови хлестнули Колдуна по лицу. А Оггин еще какое-то время стоял и смотрел на него мертвыми глазами, в которых уже не было ничего — ни усталости, ни боли, ни сожаления.

Ночью небо на Марсе никогда не бывает абсолютно черным. Во тьме, накрывающей марсианскую пустыню, всегда присутствуют едва уловимые оттенки багрового цвета. А в те часы, когда над горизонтом поднимается Фобос, небо делается похожим на застывшую лужу крови. Прежде чем снаряды обрушились на взвод сержанта Вирана, небо Марса расцвело сполохами желто-зеленых огней, а воздух наполнился пронзительным воем, словно

множество бэньш слетелось в одно место, чтобы возвестить о гибели людей. Снаряды, что использовали во время ночных обстрелов трагги, в полете трассировали и издавали жуткие воющие звуки, от которых закладывало уши и кровь, казалось, закипала в жилах. Полковые химики утверждали, что это связано с особенностью состава взрывчатой смеси, используемой в снарядах. Но те, кому хотя бы раз довелось побывать под ночным обстрелом, сходились во мнении, что таким образом трагги пытались оказывать на противника психологическое давление — днем ведь они никогда не использовали «бэньш».

Трагги били по рву прямой наводкой, так, словно точно знали, где залег третий взвод разведроты землян. Сержант Виран даже не пытался отдавать приказы — в диком грохоте и вое их все равно бы никто не услышал. Теперь каждый сам должен был думать о спасении. Хотя о каком спасении могла идти речь — выжить в мясорубке, в которую за считанные секунды превратился ирригационный ров, казавшийся до этого надежным укрытием, было невозможно.

Колдун упал на грудь рядом с рядовым Оглином и, ткнувшись лицом в жидкую грязь, уже в который раз подумал о том, что трудно придумать что-либо более глупое, чем ирригационный ров на Марсе. Человеческая психика порою выкидывает удивительные фокусы. Вот и сейчас, лежа на дне ирригационного рва, Колдун слышал не звуки рвущихся снарядов, а то, как шипят в воде кусочки раскаленного докрасна металла, как шлепаются рядом в жидкую грязь осколки, один из которых в конце концов должен был убить его.

Пара осколков щелкнула по бронекирасе на спине Колдуна, недостаточно крупных, чтобы пробить металлокерамический щит — почти эфемерную перегородку, отделяющую слабое человеческое тело от смерти, со свистом рассекающей воздух.

И еще он слышал крики... Или ему только казалось, что он слышит отчаянные голоса?

— Колдун!.. Где ты, Колдун!..

— Помоги, Колдун!..

— Да сделай же хоть что-нибудь, Колдун!..

Колдуном он стал, оказавшись на Марсе. А прежде его звали Олег Николаевич Неверов. Когда трагги высадили десант на Марс и Межгосударственный совет Земли выступил с заявлением о начале войны с инопланетными захватчиками, он вместе с сотнями таких же молодых парней, знавших о войне только из книг и видеофильмов, побежал на мобилизационный пункт. Все они тогда, в первые дни конфликта, были уверены, что война продлится всего

несколько дней. Ну, самое большое пару недель. Этого срока, по оценкам доморощенных экспертов, было достаточно для того, чтобы лихо, в стиле старых добрых фантастических фильмов, расправиться с космическими агрессорами и с гордостью победителей вернуться домой, где героев с нетерпением будут ждать млеющие от восторга подруги. Естественно, никому не хотелось упускать такой возможности, война с инопланетянами — это будет почище летнего лагеря в первобытных джунглях на Борнео.

Однако большинство парней, явившихся по зову совести на мобилизационные пункты, получали назначение в части тылового обеспечения, расположенные на Луне и орбитальных станциях. Те, кто попадал в подразделения, базирующиеся на Фобосе и Деймосе, считали, что им уже повезло — до района боевых действий было, можно сказать, рукой подать. И только считанные единицы направлялись в действующую армию. Поэтому Олег сначала даже не понял, что произошло, когда в руках у него оказалось приписное свидетельство, в соответствии с которым он поступал в распоряжение командира четвертой разведроты мобильной пехоты, принимающей непосредственное участие в боевых действиях на поверхности Марса. Решающую роль в этом сыграло то, что пару лет назад Олег ради спортивного интереса прошел курс выживания в экстремальных условиях, по окончании которого заработал двадцать пять призовых баллов — для новичка фантастический результат — и получил специальность фельдшера с правом работать в полевых условиях.

Вот так обычно все и происходит в жизни — ты сам даже не думаешь, чем обернется тот или иной твой поступок, а на нитке судьбы уже завязывается узелок, который в нужный момент непременно зацепится за заусенец на ногте старой мойры.

Узнав, что до отправки в действующую армию, нужно еще пройти месячный курс общевоинской подготовки, Олег приуныл — война с траггами могла закончиться прежде, чем он успеет принять участие хотя бы в одном сражении. Но, вопреки восторженным ожиданиям патриотов и бодрым заверениям Объединенного Генштаба Земли, война на Марсе приняла затяжной позиционный характер. Так что, спустя означенный месяц Олег Неверов с группой счастливых новобранцев высадился на Марсе. И в тот же день всех их раскидали по разным подразделениям — кого в штаб, кого на передовую.

Армейская казарма оказалась новым миром, не похожим ни на что, с чем прежде приходилось сталкиваться Олегу. Здесь царили свои порядки и законы, которые далеко не всегда совпадали с правилами общевоинского устава. Единственный новобранец в

роте, Олег чувствовал себя пацаном среди ветеранов, которым уже не раз доводилось побывать под обстрелом. Рядом не было знакомых, которые могли бы подтвердить, что Олег Неверов действительно хороший парень, поэтому самоутверждаться и завоевывать авторитет среди новых товарищей приходилось самому.

Собственно, никто в роте не имел ничего против новичка, на него просто не обращали внимания до тех пор, пока он не был нужен. Во время боевых рейдов или тренировок Олег действовал вместе со всеми, но в казарме он неизменно оказывался один, в стороне от других, окруженный странной, пугающей его пустотой.

Сломать барьер отчуждения помог случай. Еще в школе Олег увлекся искусством фокуса. Не теми новомодными иллюзионными шоу, для постановки которых требуется невероятно сложное и невообразимо дорогое техническое оснащение, а, на первый взгляд, совершенно элементарными приемами, что, будучи доведенными до виртуозного автоматизма, способны заставить зрителей поверить в то, что артист на самом деле способен творить чудеса. Конечно, свободный полет под куполом театра или прогулка по языкам пламени выглядит куда более эффектно, чем исчезающая между пальцами монетка. Но, глядя на яркий постановочный трюк, искушенный зритель, конечно же, понимает, что здесь не обошлось без долгой работы и сотни ассистентов, задействованных в представлении. Он не только ощущает прикосновение к чему-то чудесному и почти непостижимому, сколько пытается угадать, где именно спрятана сложная система зеркал, которая помогает трюкачу оставаться живым после того, как его распиливают на четыре части. Когда же человек видит, как меж пальцев фокусника исчезает монета, которую он сам же ему вручил, или карта совершенно непостижимым образом меняет масть, он не может понять, каким образом это происходит, потому что маг не пользовался ничем, кроме своих рук с закатанными по локоть рукавами. Как можно понять то, чему невозможно найти объяснение? Человек не желает самому себе признаться в том, что его ловко обманули, а потому предпочитает верить в то, что сверхъестественное порою все же имеет место в жизни. Подлинное чудо — это обман, который происходит в пяти сантиметрах от кончика носа наблюдателя в тот неизмеримо короткий отрезок времени, когда он на мгновение смыкает ресницы.

То, что умел Олег, было неплохо только для любителя. Но, к удивлению самого артиста, простейшие трюки с исчезающим карандашом, с фотографией, порванной надвое и вдруг оказавшейся целой, или с бумажным цветком, внезапно сгорающим во

вспышке ослепительно-яркого пламени, — описание их можно найти в любом пособии для начинающих prestidigitаторов, — приводившие некогда в восторг его одноклассников, пришлось по вкусу и сослуживцам. Возможно, потому, что в окопах развлечения по большей части одни и те же. Или, может быть, солдатам хотелось хотя бы ненадолго забыть о том, почему они здесь, и вновь почувствовать себя мальчишками, готовыми разевать от восхищения рты, наблюдая за манипуляциями ловкого фокусника, которого пока еще никому не удалось поймать с картой, спрятанной в рукаве.

Как бы там ни было, продемонстрировав однажды свой талант, Неверов вскоре стал любимцем всей роты. А после того как Длинный Баррет, в шестой раз попытавшись засечь тот момент, когда яйцо, что сжимал в кулаке Олег, оказывалось у него в кармане брюк, и вновь потерпев неудачу, дружески хлопнул фокусника по плечу и сказал: «Да ты, парень, настоящий колдун», к Неверову навсегда пристало это прозвище.

Радуюсь успеху, Колдун не собирался останавливаться на достигнутом. Отправляя домой видеописьмо, он попросил родителей переслать ему весь магический инвентарь и книги, по которым он когда-то изучал мастерство иллюзиониста, — аккуратно упакованные в коробку, они вот уже несколько лет пылились на полке в чулане. Дожидаясь посылки, Олег каждую свободную минуту тренировал пальцы, а получив ее, поверг всех в изумление внезапно открывшейся у него способностью читать мысли.

Как-то раз, когда, возвращаясь после ночного рейда с территории, занятой трагтами, взвод уже на рассвете угодил на свое же минное поле и рядового Гесса в ключья разнесло противопехотной миной, младший сержант Молинари, замерший с поднятой левой ногой, которую он теперь не решался опустить на землю, посмотрел на стоявшего рядом с ним Колдуна и, оскалившись, точно взлывавший крови вампир, прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Ну что, Колдун, что теперь делать будем? Может быть, прочитаешь какое-нибудь заклинание? Если что и может нас сейчас спасти, так только чудо...

Колдун на мгновение прикусил нижнюю губу, а затем уверенно шагнул вперед.

— Стой! — крикнул вслед ему лейтенант Маневич, командовавший взводом до того, как его место занял сержант Виран.

Но Колдун продолжал идти вперед, словно и не слышал окрик командира.

— За ним! След в след! — быстро приказал остальным лейтенант.

Колдун и сам не мог объяснить, откуда вдруг у него появилась уверенность в том, что он сумеет вывести взвод с минного поля. Как и все остальные, Колдун понимал, что с минуты на минуту трагги накроют их минометным огнем. Но, в отличие от Неверова, другие не видели той надежды, что всего на мгновение блеснула в глазах Молинари, когда он как бы в шутку обратился к Колдуну за помощью.

После этого случая в роте на Колдуна стали поглядывать как-то по-особому. Не то чтобы все сразу вдруг уверовали в его чудодейственные способности, но нет-нет, да и обратится кто-нибудь к Колдуну с вопросом, вроде:

— Эй, Колдун, чем завтра рейд закончится?

А Колдун, усмехнувшись, глянет на багровое небо Марса, придаст лицу выражение глубокомысленной задумчивости, а затем возьмет да и подкинет ногтем монету, которая, долетев до верхней точки своей траектории, вдруг растворится в воздухе.

— Все будет нормально, — спокойно ответит Колдун солдату.

А тот облегченно вздохнет и пойдет рассказывать приятелям о том, что Колдун обещал на завтра удачный день. Еще раз бойцы третьего взвода имели возможность убедиться, что в фокусах Колдуна, присутствовало нечто большее, чем простая ловкость рук, когда рота вязалась в бой на территории противника. Штурм позиций траггов, предпринятый по приказу командования, захлебнулся после первых же десяти минут боя. Поспешное отступление землян едва не переросло в паническое бегство. Разведрота удерживала траггов до прибытия вертолетов эвакуационной группы. В том бою осколок снаряда пробил щиток на спине лейтенанта Маневича. Колдун подбежал к упавшему навзничь лейтенанту и принялся снимать с него бронекирасу, чтобы попытаться остановить кровотечение.

— Что с лейтенантом? — спросил оказавшийся рядом сержант Виран.

— Пока не знаю, — ответил Колдун. — Помоги снять кирасу.

Лейтенант был без сознания. Вдвоем Колдун и Виран стянули с него бронекирасу. Майка под кирасой была насквозь пропитана кровью. Алая кровь вытекала из широкой рваной раны на пояснице лейтенанта пульсирующими толчками, и ее было так много, что сомнений быть не могло — у лейтенанта разорвана почка. Колдун выдернул из ранца чистое полотенце, сложил его в несколько раз, прижал к ране на спине лейтенанта и наложил сверху плотную давящую повязку. Это было все, что он мог сделать в условиях, когда вокруг рвались снаряды, а воздух со свистом рассекали пули траггов, которые, казалось, вели обстрел одновременно со всех сторон.

— Ну?.. — посмотрел Виран на Колдуна.

— Принимай командование взводом, сержант, — ответил тот. — Лейтенант, можно сказать, уже покойник. Если в ближайшие пять-десять минут не прибудут вертолеты эвакуационной команды...

Он не закончил начатую фразу — оба они одновременно услышали слабый, но вполне отчетливый стрекот летящих вертолетов.

— Колдун... — Лейтенант пришел в себя и смотрел на солдата широко раскрытыми, полными боли и какой-то совершенно непередаваемой предсмертной печали глазами. — Что со мной, Колдун?..

— Все будет в порядке, лейтенант, — попытался успокоить его Колдун. — Вертолеты эвакуационной команды уже на подлете...

— Эвакуационная команда? — Лейтенант посмотрел на Колдуна, а затем на Вирана так, словно подозревал их в том, что они замыслили убить его. — Мы разве не победили?

— Нет. — Сержант устало качнул головой, но все же нашел в себе силы ободряюще улыбнуться смертельно раненому командиру: — У нас еще будет шанс свести с траггами счеты, лейтенант.

— К черту! — Лейтенант рывком поднялся на ноги, схватил валявшийся на земле автомат и передернул затвор. — Никто не уйдет отсюда, пока мы не уьем последнего трагга!..

В майке, мокрой от крови, с автоматом наперевес, матерясь на чем свет стоит, лейтенант Маневич побежал по направлению к окопам, в которых засели трагги. Колдун и Виран догнали лейтенанта и вдвоем с трудом повалили раненого на землю. Лейтенант еще пытался сопротивляться, но к тому времени, когда вертолеты эвакуационной команды опустились на землю и в них начали загружать раненых, Маневич затих и только едва слышно бормотал что-то в бреду.

Уже после возвращения в расположение части, приняв душ и переодевшись, сержант Виран рассказывал своим приятелям, что никогда прежде не видел, чтобы человек с проникающим ранением брюшной полости, потерявший больше половины всей крови, мог подняться на ноги, да еще и драться с таким ожесточением, что двое здоровых мужиков с трудом с ним справились.

— И все это произошло после того, как Колдун наложил на него свою руку, — добавлял он, многозначительно подняв указательный палец. И после небольшой паузы: — Я не берусь утверждать, что Колдун действительно способен творить чудеса. Но скажу вам честно, парни, нам здорово повезло, что он оказался в нашем взводе. Рота в этом бою только убитыми потеряла треть личного состава. А у нас во взводе — только лейтенант Маневич, да еще двоих слегка зацепило.

Слушая сержанта Вирана, остальные согласно кивали. Да и не один Виран видел, как вскочил на ноги и снова ринулся в бой смертельно раненый командир, умерший в вертолете эвакуационной команды, не долетев до госпиталя.

Колдун стал талисманом третьего взвода, гарантирующим удачу в бою. Со временем во взводе установилась традиция: перед выходом на задание Колдун клал нагрудный щиток своей бронекирасы на табурет, а каждый солдат взвода, включая и нового командира, проходя мимо, непременно касался его кончиками пальцев левой руки. Исполняя этот ритуал, никто, скорее всего, не верил всерьез в то, что прикосновение к холодной, помятой металлокерамике бронекирасы Колдуна может спасти ему жизнь. Но в бою каждый солдат готов свято уверовать в любую чертовщину, если только она на его стороне. Что было истинной причиной тому — присутствие Колдуна или же просто удача — неизвестно, но только взводу под командованием сержанта Вирана постоянно везло. Везло самым фантастическим образом. До тех пор, пока они не попали в этот чертов ирригационный ров.

Задача, поставленная перед взводом, казалась невероятно простой. Всего-то и нужно было, что под прикрытием ночи добраться до ирригационного рва, проходящего метрах в трехстах от оборонительного рубежа землян. Затем, спустившись в ров, солдаты должны были максимально близко подобраться к позициям траггов, установить пусковые кассеты с сигнальными ракетами, служившими ориентиром при наведении орудий во время артобстрела, и так же тихо и незаметно вернуться назад.

Никому не было известно, кто вырыл этот ров и откуда бралась вода, заполнявшая его слоем в пять-шесть сантиметров. Но сам по себе факт существования ирригационного рва на Марсе, где вода была слишком дорога для того, чтобы просто так сливать ее в водоотвод, казался настолько противоречащим элементарному здравому смыслу, что в душе у Колдуна зародилось неосознанное беспокойство, а может быть, и предчувствие чего-то недоброго, едва он ступил в жидкую грязь на дне рва.

Сержант Виран только усмехнулся, когда Колдун поделился с ним своими опасениями.

— Брось, Колдун, все будет нормально. Дело-то плевое, быстренько сбегает туда-обратно и через пару часов будем в казарме чай с лимоном пить.

Все шло гладко до тех пор, пока со стороны окопов траггов не взлетела зеленая ракета и по тому месту, где находился взвод, не начала бить прямой наводкой вражеская артиллерия. Что это было — трагическая случайность, фатальное невезение или же

траггам каким-то образом стало известно о приближении противника, — теперь уже не имело значения. В одно мгновение ирригационный ров превратился в преддверие ада. Сине-зеленые трассы завывающих на сотни голосов «бэньш» исполосовали ночное небо, превратив его в дикую сюрреалистическую картину. Казалось, не осталось ни пяди земли, на которую не упал бы осколок снаряда, а воздух был пропитан смертью, точно губка влагой. Растерянность и замешательство первой минуты прошли, и Колдун, чуть приподнявшись на локтях, глянул по сторонам. Он успел увидеть только шлем рядового Оглина, наполненный какой-то странной серо-бурой массой, когда его снова вдавил в грязь налетевший на него Молинали. Рывком перевернув Колдуна на спину, Молинали, брызжа слюной, заорал ему в лицо:

— Дьявол, Колдун!.. Мы же все здесь сдохнем!..

Взгляд у Молинали был совершенно безумный. Трудно было даже предположить, что он может сделать в следующую секунду, — то ли схватит автомат и начнет палить во все что попало, то ли сядет на корточки, прижмется спиной к стенке рва и, обхватив голову руками, тупо завоет.

— Нужно уходить! — крикнул Колдун и попытался вырваться из рук Молинали.

Но тот снова швырнул Колдуна в грязь и уселся на него верхом.

— Сделай что-нибудь, Колдун!.. Я прошу тебя!.. Я хочу выбраться отсюда!.. Помоги же мне остаться живым, гад паршивый!..

— Нужно уходить! — крикнул в ответ Колдун. — Где Виран?

— Убит!.. Все убиты!..

— Прекрати орать! Нужно собрать тех, кто остался, и уходить!

Неожиданно Молинали схватил автомат и ткнул ствол Колдуну в шею.

— Не думай, что сможешь уйти один, — прошипел он сквозь зубы. — Или ты вытащишь меня отсюда, или я пристрелю тебя!.. Будь ты проклят, Колдун. — Лицо Молинали исказила жалобная гримаса, как будто он собирался заплакать. — Дьявол, ты же можешь это сделать!..

— Ты свихнулся, Молинали, — негромко произнес Колдун. — Что я могу?..

Тело Молинали судорожно дернулось и упало на Колдуна.

— Молинали!..

Упершись в плечо солдата, Колдун скинул его с себя и поднялся на четвереньки. Молинали лежал на спине, раскинув руки в стороны. Лицо его было перемазано то ли грязью, то ли кровью, а глаза слепо смотрели вверх, на мелькание удивительного

калейдоскопа, в который превратили ночное небо «бэньши» траггов.

Наклонившись к лицу Молинару, Колдун уловил едва различимое дыхание.

— Виран! — крикнул он, встав на колени. — Сержант Виран! Никто ему не ответил. Ни единый голос. Вокруг рвались снаряды, и люди, залегшие на дне ирригационного рва, могли просто не слышать крик Колдуна. Но Колдун об этом даже не подумал. Он почувствовал, как на него накатывает волна дикого животного ужаса. В единый миг у него перехватило дыхание — так, будто его бросили в прорубь с ледяной водой. Он один находился под обстрелом траггов, и все летевшие снаряды были нацелены только в него. Один в целом мире, во всей Вселенной, которая тоже погибнет, если его жизнь оборвется. В этот момент Колдун понял, как можно сойти с ума от страха. Неконтролируемый первобытный ужас наполнял каждую клеточку его тела и рвался наружу. Упав на четвереньки, Колдун запрокинул голову к жидкому, растекающемуся, словно бурый кисель, небу и заорал во весь голос.

Когда крик оборвался, Колдун начал действовать. Не думая ни о чем, он делал то, что подсказывали инстинкты. Накинув на шею ремень автомата, он подполз к Молинару и взвалил его на спину. Поясным ремнем связав кисти рук Молинару у себя под шеей, Колдун пополз по дну ирригационного рва в ту сторону, откуда пришел взвод.

Он полз, пока не выбрался из-под обстрела. Но даже и после этого он продолжал упорно двигаться вперед. Наверное, он уже не понимал, что ему удалось спастись. Понятие жизни в его оцепеневшем и не воспринимающем никаких внешних раздражителей сознании оказалось накрепко связано с представлением о движении, о том, что нужно во что бы то ни стало передвигать ноги и руки в жидкой грязи, заполняющей дно неизвестно кем и чего ради вырытого ирригационного рва. Он полз до тех пор, пока силы не оставили его. Рухнув в грязь, Колдун провалился в беспамятство, которое одно только и спасло его психику от окончательного распада.

Колдун пришел в себя спустя двое суток на больничной койке. Его нашли солдаты, посланные на поиски пропавшего взвода сержанта Вирана. То, что из всего взвода в живых остался один Колдун, не получивший к тому же ни единой царапины, породило новую волну разговоров о его фантастическом везении. О чем никто не стал рассказывать Колдуну, так это о том, что тело Молинару, которого Колдун тащил на спине, послужило ему живым щитом. Когда их нашли, привязанных друг к другу поясным ремнем, весь спинной щиток бронекирасы Молинару был иссечен

осколками. Если бы Колдун попытался выбраться из-под обстрела один, оставив Молинари там, где его ранило, все эти осколки достались бы ему.

Спустя неделю Колдун выписался из госпиталя. Командование представило Колдуна к награждению орденом «За мужество в бою» и предоставило ему двухнедельный отпуск. Орден Колдун убрал на самое дно своего походного ранца, и никто никогда не видел, чтобы он когда-нибудь доставал его. Он даже не пробил дырочку под орден на своем парадном кителе. А от отпуска Колдун отказался — изъявил желание сразу же вернуться в строй. Единственное, о чем он попросил, — это чтобы его перевели в другую часть.

Для всех так и осталось загадкой, куда исчезли его реквизит фокусника и книги об искусстве иллюзии: когда Колдун прибыл на новое место службы, в мотострелковую часть, базирующуюся в зоне Большой Марсианской пустыни, ничего этого у него при себе не было. И никогда больше Колдун не развлекал сослуживцев фокусами. Даже свой любимый трюк с окурком сигареты, исчезающем в кулаке, Колдун больше не проделывал — теперь, докурив сигарету до самого фильтра, он бросал окурки на землю и старательно вдавливал его носком ботинка в сухой марсианский песок. Колдун надеялся, что на новом месте он снова сможет стать Олегом Неверовым, от которого никто не станет ждать чуда.

Но на войне вести порой разносятся быстрее, чем тот, о ком в них идет речь, перемещается с места на место. Начальник штаба, которому Олег вручил документы о переводе, с интересом посмотрел на бойца, после чего вроде как в шутку заметил:

— Ну вот и Колдун прибыл.

К тому времени все в части были уже осведомлены о том, что к ним переводится сам Колдун. Теперь он навсегда стал Колдуном — иначе его не называл даже командир батальона. И то, что из последнего рейда, кроме него, ни один не вернулся живым, ни для кого уже не имело значения. Как-то раз, собираясь в рейд, Колдун заметил, что солдат, проходивший мимо табурета, на котором он разложил свое снаряжение, как бы случайно коснулся кончиками пальцев нагрудного щитка его бронекирасы. Колдун стал наблюдать внимательнее и увидел, как то же самое проделали остальные бойцы, с которыми ему предстояло идти на задание. Тогда Колдун сел на пол и, прижав ладони к лицу, заплакал. Потому что он точно знал, что никого из них не сможет спасти.

2002

Алексей Калутин

РАССВЕТ ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

Мое имя Николай Михалкин. Возраст — двадцать пять лет. Звание — рядовой.

Я знаю, что мой рассказ записывается на диктофон, и не возражаю против этого.

На войне я год и три месяца. Я из тех, кого здесь, на Марсе, называют «вторым выводком». Когда Межгосударственный совет Земли сделал заявление о том, что трагги высадились на Марсе, и призвал дать решительный отпор космическим агрессорам, мне только исполнилось двадцать два. И хотя у меня не было никакой военной специальности, я заодно с другими молодыми оболтусами, мечтавшими оказаться среди тех, кто как следует наподдаст траггам под зад коленом, рванул на мобилизационный пункт. Можете представить, каково было мое разочарование когда меня на полгода отправили в подготовительный лагерь. Мне казалось, я не успею получить свою долю славы как участник Первой Марсианской Войны, которая, как пить дать, закончится, пока я буду изучать военно-строевой устав, основы тактики боя и устройство многоцелевой винтовки пехотинца ВП-45.

Однако когда по прошествии шести месяцев взамен красных лычек курсанта я получил темно-зеленые пластиковые погоны рядового мобильной пехоты, война с траггами не закончилась, а перешла в затяжную стадию позиционных боев. Земляне и трагги регулярно обменивались ударами, то занимая, то вновь сдавая противнику не представлявшие стратегического интереса позиции, но, как те, так и другие, старались избегать решительных действий.

Линия фронта была похожа на закрепленную с двух концов веревку, небрежно брошенную на карту Марса, — смещаясь то в одну сторону, то в другую, она меняла форму, но не длину.

По прибытии на Марс я был определен в четвертую роту батальона мобильной пехоты номер 905-В, где и проходил службу в дальнейшем.

Во взводе я оказался единственным необстрелянным новичком. Остальным уже не однажды приходилось участвовать в боях с траггами. Многие ребята давно уже отработали свой контракт, но почему-то, вместо того чтобы вернуться на Землю, остались на Марсе. На вопрос почему они так поступили, никто во взводе не смог ответить мне ничего вразумительного. Когда я спросил об этом капрала Монтекку, сидевшего в окопах с первого дня войны, он в ответ состроил совершенно невообразимую гримасу и, с тоской посмотрев на меня, сказал:

— Если прослужишь с мое, тогда и сам поймешь. А если нет...

Не закончив фразу, Монтека махнул рукой и перевел разговор на другую тему.

Для того чтобы освоиться во взводе и изучить нюансы, о которых нет ни слова в уставе, но которые должен знать каждый, кто хочет выжить в бою, мне не потребовалось много времени. К моменту первой боевой операции я чувствовал себя так же уверенно, как и остальные. Это была уже третья попытка взять под контроль левый берег Красного Песчаного моря, на котором окопались трагги. Как и две предыдущие, закончилась она неудачей. Наша рота потеряла в том бою трех человек убитыми и тринадцать ранеными. Было бы больше, не дай ротный приказ отступать, не дожидаясь, когда к такому же решению придут генералы в генштабе, наблюдавшие за боем через спутниковую систему слежения...

Но вы ведь не это хотите от меня услышать. Вас интересует последний бой нашей роты за высоту 3-Х-3. Бой, после которого четвертой роты батальона мобильной пехоты номер 905-В не стало...

Впрочем, не стало ее еще до начала боя, хотя никто не хочет в это верить.

Ладно, давайте обо всем по порядку. Я расскажу то, что знаю. То, что видел своими глазами. А уж вам потом решать, верить мне или нет.

Я, конечно, понимаю...

А, ладно.

Высота 3-Х-3, превращенная траггами в мощный, хорошо защищенный оборонительный рубеж, находилась в пяти километрах

от наших позиций. При том что это была единственная доминирующая высота на сотню километров вокруг, позиция у траггов была великолепная. Имея превосходный обзор, они могли бы обстреливать наши окопы самонаводящимися снарядами из ручных ракетных установок. После четырех-пяти часов такого обстрела личному составу роты пришлось бы либо отступить, либо геройски погибнуть на позициях, от оборонительных рубежей которых к тому времени ничего бы не осталось. Находясь в низине, мы не имели возможности контратаковать позиции траггов. Любая брошенная в бой группа была бы уничтожена еще на подходах к высоте. Система защиты от спутникового слежения у траггов не хуже нашей, поэтому, не имея представления о расположении позиций противника на высоте, мы смогли бы ответить им только огнем вслепую.

Но, как не странно, засевшие на высоте 3-Х-3 трагги не проявляли никаких агрессивных намерений. А у нас и подавно не было желания их цеплять, поскольку мы прекрасно понимали, чем это для нас закончится.

Само собой, подобное мирное сосуществование в зоне боевых действий долго продолжаться не могло. К исходу третьего месяца с того дня, как наша рота заняла позиции на подходе к высоте 3-Х-3, генеральный штаб решил, что пора покончить с господствующим положением траггов на данном участке фронта. Двадцать четвертого февраля по земному календарю мы получили приказ занять высоту.

Конечно же, командование спустило нам план предстоящей операции, который, как всегда, был гениально прост. В три часа двенадцать минут по местному времени, сразу после захода Фобоса, мы должны были покинуть свои окопы и под прикрытием темноты незаметно подобраться к занятой траггами высоте. Особую прелесть предстоящей операции придавало то, что в соответствии с планом генштаба мы должны были застать траггов врасплох и штурмом овладеть вершиной занятого противником холма. А из этого следовало, что нам предстояло атаковать хорошо укрепленные оборонительные рубежи противника без предварительной артподготовки. Ввязавшись же в бой, мы могли рассчитывать на поддержку артиллерии, только вызвав огонь на себя.

Вряд ли в роте нашелся хотя бы один человек, который отнесся пусть не с восторгом, так хотя бы с одобрением к идее атаковать высоту ночью. Но, как известно, приказы в армии отдаются не с тем, чтобы их обсуждали. Поэтому, нравилось нам это или нет, мы начали готовиться к предстоящей операции.

Командир назначил проведение операции на ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта. Почему он принял такое решение, не знаю. Быть может, он лучше всех нас понимал, что ничем хорошим этот ночной штурм высоты закончиться не может, а потому хотел дать нам пару лишних дней для того... Ну, чтобы сделать то, что каждый считал нужным.

Странная атмосфера воцарилась в эти дни в нашем подразделении. Явственно ощущалось все возрастающее напряжение, которое временами, казалось, начинало звенеть как туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть. Но при этом присутствовала и какая-то необычайная умиротворенность. Мелкие стычки и выяснения отношений неизбежны в любом коллективе, в особенности если люди на протяжении месяцев живут буквально бок о бок друг с другом. Так вот, у нас в роте за последние дни подобные явления сошли на нет. Все стали удивительно приветливы и, я бы даже сказал, предупредительны по отношению друг к другу.

Не знаю, быть может, все мы в душе уже чувствовали, что истекают последние часы, отведенные для жизни. Но как бы там ни было, вслух об этом никто даже не заикнулся.

В ночь на первое марта мы сидели в окопах, облаченные в теплоизоляционные маскхалаты, которые должны были обмануть инфравизоры траггов.

Как сейчас помню — слева от меня, прижавшись спиной к стенке окопа, сидел на корточках рядовой Стерцов, справа прилежался капрал Монтекка. В небо то и дело взлетали разноцветные сигнальные ракеты, и отблески их плясали на складках отливающих серебром маскировочных халатов. Я тогда еще подумал, что эти огоньки наведут на нас траггов не хуже инфравизоров. Но вслух я этого не сказал, прекрасно понимая, что не один я такой умный.

Докурив сигарету, Монтекка бросил окурочек на землю, раздавил каблуком ботинка и скосил хитрый взгляд на нас со Стерцовым.

— Знаете, парни, что лично мне больше всего не нравится в нашем обмундировании? — спросил он, постучав согнутыми пальцами по бронекирасе, надетой под маскхалат.

Стерцов поправил пластиковое забрало на шлеме и мрачно хмыкнул:

— Ну?

— То, что под бронекирасу невозможно просунуть руку, чтобы грудь почесать! — радостно сообщил Монтекка и расхохотался над своей плоской шуткой.

Мне было совсем несмешно, но, дабы не обидеть Монтекку, я криво усмехнулся.

В клипсе, закрепленной на мочке левого уха, прозвучала команда ротного:

— Приготовились!

Я посмотрел на часы. Было ровно десять минут четвертого. Приподнявшись, я выглянул из окопа. Фобос уже закатился за горизонт, но прежде чем отдать команду покинуть окоп, ротный все же дожидался назначенного времени.

— Ну, парни, — Монтекка приложил обе руки к краям забрала своего шлема и очень аккуратно опустил его на лицо, — что передать богу, если я увижу его первым?

Это была дежурная шутка, которую Монтекка всякий раз выдавал перед боем.

Четыре часа одиннадцать минут.

Я провел рукой по затвору винтовки и погладил указательным пальцем спусковой крючок. Затем поправил на груди ремень закрепленной на спине ручной ракетной установки.

Четыре часа двенадцать минут.

— Вперед, — тихо и удивительно спокойно прозвучал в клипсе голос ротного.

— Вперед, — одними губами повторил следом за ним Стерцов.

— Вперед, так вперед, — усмехнулся Монтекка. — Хотя лично я...

Не закончив, по обыкновению, фразу, он первым полез из окопа.

Пока мы короткими перебежками добивались до подножья высоты, я думал только об отсветах сигнальных ракет на наших маскировочных халатах. Быть может, командованию было известно о траггах больше, чем нам, простым рядовым этой бессмысленной войны, но меня не оставляла мысль о том, что трагги могут обнаружить наше передвижение, использовав вместо инфракрасного сканирования обычный визуальный контроль за местностью.

Высота 3-Х-3 представляла собой высокий холм из марсианского песчаника с пологим склоном. Попытки взять высоту предпринимались и прежде, до того как нашу роту перевели на новые позиции, — склон был изрыт глубокими воронками, оставленными реактивными снарядами ближнего радиуса действия. Когда прозвучал приказ остановиться, я скатился в одну из таких воронок. Рядом со мной съехал вниз сержант Диманский. А следом за ним прямо мне на голову свалился все тот же Монтекка.

— Извини, Ник, — улыбнулся Монтекка, хлопнув меня по плечу. — В темноте чуть было не принял тебя за трагга.

Это была еще одна из дурацких шуточек капрала Монтекки. На внутренней поверхности лицевого щитка у каждого из нас имелся небольшой экранчик встроенного инфравизора. С его помощью трагга можно было четко отличить от землянина по тому, что на его скафандре имелось пять точек, неизменно фиксируемых инфравизором. Впрочем, известно нам это было только по учебным видеофильмам, в которых трагги воспроизведены с помощью компьютерной графики. Что собой представляет трагг в реальности не знает никто... То есть я хотел сказать, что лично я не встречал человека, который видел трагга, живого или мертвого, на расстоянии ближе пяти-шести километров от себя.

— Оружие к бою! — прозвучал приказ ротного.

— Ну, трагги, держитесь! — Монтекка театральным движением передернул затвор винтовки. — Монтекка идет!

Я снял винтовку с предохранителя и ослабил зажим на ремне ракетной установки, чтобы в любой момент можно было легко сбросить ее со спины.

Последнего инструктажа перед боем не было. О чем было говорить, если никто не знал, что ожидает нас на вершине холма? Задача, стоявшая перед нами, и без того была яснее ясного: уничтожить противника, занять его позицию и удерживать ее до подхода подкрепления.

Короткая команда:

— Вперед! — И мы полезли вверх по склону.

Молча.

Стиснув зубы.

Держа пальцы на спусковых крючках винтовок и готовые стрелять, как только в поле зрения появится враг...

Дальнейшее я помню не очень ясно. Отдельные события мешаются, наплывают друг на друга... Как я ни стараюсь, мне не удастся точно восстановить, в какой последовательности они происходили.

Сейчас, когда я все это вспоминаю, мне почему-то кажется, что траггам заранее было известно о нашем приближении. Но они ждали до последнего... Нет, не для того чтобы подпустить нас ближе и расстрелять в упор — они давали нам возможность одуматься и уйти.

Почему я так думаю?.. Не знаю... Вернее, не могу этого объяснить. Чтобы понять, откуда берутся подобные мысли, нужно самому испытать то странное ощущение, которое возникает где-то в районе солнечного сплетения в тот момент, когда ты сидишь на дне глубокой воронки из плотного марсианского песчаника, а темнота, окружающая тебя со всех сторон, настолько плотная,

что кажется, ты один в целом мире. И в то же время ты отчетливо понимаешь, что всего лишь один неуловимо короткий миг отделяет тебя от шквала огня, когда каждая пуля, каждый снаряд, выпущенный врагом, будет нацелен именно на тебя.

Чему у меня точно нет объяснения, так это тому тупому упорству, с которым мы лезли на занятую траггами высоту, надеясь непонятно на что, — каждому в роте с самого начала было ясно, что штурмом высоту не взять.

Мы добрались, наверное, до середины склона, когда небо вспыхнуло ослепительными огнями запущенных траггами осветительных ракет. На ровном пологом склоне холма мы были как на ладони. Трагги били по нам почти в упор, загоняя в воронки от взрывов, где потом добивали прицельными ударами самонаводящихся мини-ракет. Казалось, врата ада разверзлись пред нами.

Я видел, как очередь из крупнокалиберного пулемета разорвала серебристую ткань маскхалата на груди Монтекки и разворотила его бронекирасу. Монтекка согнулся пополам, уперся стволом винтовки в песок и нажал на спусковой крючок. Отдачей его отбросило назад. Он упал на спину и так и остался лежать.

Сержанту Диманскому самонаводящийся снаряд угодил в правое плечо, оторвав руку вместе с зажатой в ней винтовкой. Диманский лежал на песке и что-то бессвязно орал, истекая кровью. В тот момент я был счастлив, что дымчатое затемнение лицевого щитка на шлеме не позволяло мне увидеть его лицо.

— Отходить!.. Немедленно всем отходить назад!.. — надрывно орал в самое ухо голос ротного.

Но какое там! Трагги отрезали нам путь к отступлению стеной минометного огня.

Я стоял на месте, держа винтовку в отведенной в сторону руке. Продолжать двигаться вперед было так же бессмысленно, как и отступать. И впереди, и сзади была смерть. Я находился в самом центре огненного водоворота, в котором умирали мои товарищи, а я стоял и ждал, когда же настанет моя очередь. Я впал в состояние, похожее на ступор.

Не знаю, чем это объяснить, но ни одна пуля даже не оцарапала мою бронекирасу.

— Отход!.. — Голос ротного в наушнике оборвался.

Вместо него я услышал странный булькающий звук, возникающий, когда через узкое отверстие продавливают очень густую жидкость.

Я глянул по сторонам и не увидел ни одного живого человека. Только трупы в серебристых маскхалатах, блестящих и

переливающихся всеми оттенками горящих в небе цветов, разбросанные повсюду, точно сломанные ветки деревьев после ураганного ветра.

И еще я увидел выступающий из песка скальный обломок, неведь откуда взявшийся здесь. Это было единственное укрытие, и, мгновенно придя в себя, я кинулся к нему.

Это было похоже на чудо, но у самого основания камня имелась небольшая полузасыпанная песком ниша — только-только одному втиснуться. Расстегнув ремень на груди, я скинул со спины уже никому не нужную ракетную установку, бросил винтовку и, упав на колени, принялся обеими руками выгребать из каменной ниши песок. Как только освободилось пространство, достаточное для того, чтобы в него мог влезть человек, я лег на песок и боком протиснулся в нишу.

Я знал, что командованию известно о том, что я все еще жив, — имплантированный биодатчик на левом плече продолжал посылать сигналы на контрольное табло командного пункта. Но глупо было думать, что ради спасения одного человека в бой бросят еще одну роту. Я надеялся лишь на то, что обстрел вскоре прекратится, я просижу в своем укрытии день, а когда вновь наступит ночь, ползком доберусь до своих окопов.

Я лежал на спине, видя перед собой только трещины в камне и старался не думать о склоне холма, усеянном трупами.

Поймите меня правильно, я не испытываю суеверного страха перед мертвецами. Но те, что лежали сейчас на сухом красноватом марсианском песке, впитывающем кровь точно губка, были не просто мертвыми телами, а моими товарищами, которые всего несколько минут назад были живы...

Стрельба и разрывы снарядов не умолкали ни на секунду. Казалось, трагги поставили перед собой цель не оставить на склоне холма ни одного сантиметра, не нашпигованного сталью и свинцом.

Если бы дело происходило на Земле, я бы сказал, что трагги решили уничтожить все живое в окрестностях занятой ими высоты. Но на Марсе нет ничего живого, кроме двух вражеских армий, методично уничтожающих друг друга.

Не знаю, как долго это продолжалось. Я не смотрел на часы, предоставив времени возможность течь независимо от моего восприятия действительности. Рассвет еще не наступил — это я могу сказать с уверенностью. Склоны холма освещали только ракеты, запущенные траггами. Но их было так много, что на несколько километров вокруг было светло, как днем. Только свет этот был мертвенно-бледным. Все, что попадало под него, словно теряло объем,

превращаясь в плоскую фигурку, вырезанную из картона, позади которой стелилась длинная, черная, как смоль, тень.

Я не сразу обратил внимание на то, что отсвет горевших в небе искусственных огней приобрел зеленоватый оттенок, который со временем становился все более плотным и насыщенным. Выглянув из своего убежища, я посмотрел на небо, рассчитывая увидеть запущенный трагтами поисковый зонд. Но увидел я марсианское сияние.

Я знаю, что с точки зрения ученых, никакого марсианского сияния в природе не существует. Явлений, подобных тем, что на Земле называют северным сиянием, на Марсе наблюдать нельзя в силу особенностей марсианской атмосферы. А все разговоры о марсианском сиянии врастают корнями в армейский фольклор. До случая на склоне холма, обозначенного на штабных картах как «высота 3-Х-3», я тоже так считал. Но теперь уже никто не сможет убедить меня в том, что истории о марсианском сиянии, которые можно услышать в любой казарме, — это пустые рассказы. Я собственными глазами видел в багровом предрассветном небе сполохи зеленых огней, похожие на широкие, неровные полосы. Пусть ученые ломают головы над природой этого удивительного явления, мне же достаточно просто знать, что марсианское сияние существует.

Полосы зеленых огней в небесах сплетались в столь удивительные картины, что я невольно засмотрелся на них. И не сразу заметил человека в серебристом маскировочном халате, медленно поднимающегося вверх по склону всего в десяти-двенадцати метрах от моего убежища. Он шел не спеша, размеренно переставляя ноги. На плече у него лежала штурмовая винтовка, которую он придерживал за автоматическую часть. Вне всяких сомнений, это был кто-то из нашей роты.

На какое-то время я растерялся, не зная, что делать. Я был уверен, что, кроме меня, никого в живых не осталось. И вдруг я вижу человека, идущего вперед и не обращающего никакого внимания на пули, рвущие воздух вокруг него. Вне всяких сомнений, он был в состоянии шока или же оказался контужен настолько сильно, что перестал понимать, где находится.

Замешательство мое длилось недолго. Перевернувшись на живот, я ползком выбрался из служившей мне укрытием каменной щели и приготовился подняться на ноги, чтобы догнать беглагу и повалить его на землю. Но то, что я увидел, заставило меня замереть в неудобном положении, полуприсев. По склону холма шел не один человек, а не меньше десятка. Все они были одеты в отливающие зелеными огнями серебристые маскхалаты, и все как один направлялись в сторону укреплений трагтов.

И с каждой минутой их становилось все больше. Потому что все новые и новые мертвецы поднимались с земли, вылезали из воронок, куда их сбросило взрывной волной, и, как предписывал приказ, который они не смогли выполнить при жизни, шли на приступ высоты 3-Х-3.

Они все были мертвы. Все до единого.

Мимо меня прошел Диманский с оторванной правой рукой. Винтовку он держал левой и стрелял, не целясь, от пояса.

Я видел Монтекку в развороченной пулеметной очереди бронекирасе. Остановившись в двух шагах от меня, он поднял с земли брошенную мною ракетную установку. Опустившись на одно колено, Монтекка положил пусковой блок на плечо и сделал по позициям траггов два залпа спаренными ракетами. В мою сторону Монтекка даже не посмотрел. Бросив использованную пусковую установку на землю, он вновь закинул на плечо винтовку и продолжил свой марш.

Я видел, как самонаводящийся снаряд попал в грудь Степки Тромина и, пробив бронекирасу, взорвался под ней. Вывернутые наружу рваные края трехслойного бронепластика побелели от жара. А Тромин, отброшенный ударом назад, вновь поднялся на ноги, своим обычным широким движением отряхнул песок с колен и, положив винтовку на сгиб левого плеча, как ни в чем не бывало зашагал вверх по склону.

Как-то раз мы с ребятами смеха ради выстрелили пулей со смещенным центром тяжести в уложенный в каску кочан капусты. Всего одна пуля нашинковала кочан лучше любого повара-профессионала. На моих глазах такая же пуля пробилла лицевой щиток шлема Марка Эдлера из второго взвода. Мутный пластик щитка, на котором осталось только одно небольшое отверстие с разбегающейся паутиной трещин, сделался темно-коричневым из-за залепившей его изнутри кровавой массы. Можете представить себе, во что превратилась голова Марка? А он даже не остановился — шел вперед, продолжая стрелять короткими расчетливыми очередями.

Так что не говорите мне, что это все только мои бредовые фантазии и на самом деле ребята из моей роты не были мертвы, когда предприняли вторую попытку взять штурмом высоту 3-Х-3. Каждый из них был мертвее всех тех покойников, каких мне только довелось повидать. И все же они продолжали подниматься вверх по склону проклятого холма.

Что послужило причиной тому, что мертвые восстали и начали новый бой, я не знаю. Могу только предположить, что виной всему марсианское сияние.

Почему? Да потому что, с точки зрения здравого смысла, марсианское сияние — это такой же бред, как и живые мертвецы.

Но как бы там ни было, то, что не удалось сделать живым, смогли сделать мертвые — четвертая рота взяла высоту 3-Х-3. И все то время, пока продолжался бой на склоне занятого траггами холма, небо над нами освещали зеленые сполохи марсианского сияния.

Должно быть, вскоре и траггам стало ясно, что против них сражается не обычный противник. Встречный огонь начал слабеть. А к тому времени, когда передовая линия мертвецов достигла вершины холма, на которой находились укрепленные позиции траггов, стрельба и вовсе прекратилась.

Поднявшись на холм вслед за ребятами, я не увидел ни одного трагга — ни живого, ни мертвого. Наверное, они отступили, когда поняли, что удержать высоту не удастся.

Добравшись до вершины, мертвецы остановились. Они стояли, как столбы, опустив стволы винтовок к земле, и, запрокинув головы, глядели на изумрудные сполохи марсианского сияния, полыхавшего в багровом предрассветном небе.

Капрал Монтекка, рядом с которым я остановился, стянул с головы каску и, посмотрев на меня, оскалил в улыбке неровные, желтые от курева зубы. Лицо его вполне могло бы сойти за лицо живого, если бы не странно вытаращенные глаза с застывшим, остекленевшим взглядом.

— Мы сделали это, Ник, — чуть хрипловатым, деревянным, абсолютно не своим голосом произнес Монтекка.

Я облизнул языком пересохшие губы, не зная, что ответить. Что я мог сказать солдату, который даже мертвый до конца выполнил свой долг?

В тот самый момент, когда мне почти удалось найти нужные слова, из-за горизонта выскользнул первый луч восходящего солнца. Зеленые сполохи на небе стали тускнеть и гаснуть.

Мертвые один за другим падали на землю, словно подрубленные деревья. Монтекка упал у моих ног, зарывшись лицом в песок.

Я сел на том месте, где стоял, обхватил колени руками и заплакал.

Вот, собственно, и все, что я могу вам рассказать.

Об остальном куда лучше расскажут ребята из второй роты, занявшие высоту 3-Х-3 после того, как мы выбили с нее траггов.

Я понимаю, что моя история на первый взгляд представляется полнейшим бредом. Но запросите данные с контрольного табло командного пункта. Там вам подтвердят, что по показаниям биодатчиков все бойцы четвертой роты, за исключением меня

одного, были мертвы спустя десять минут после начала боя. Что же получается? Я один выбил траггов с хорошо укрепленных позиций? А потом собрал всех мертвых ребят и перетащил их на вершину холма?

Если вас и эти доводы не убеждают, то поговорите с медиками, проводившими вскрытие тел. У каждого из мертвых бойцов четвертой роты не одно, а несколько ранений, несовместимых с жизнью. Как такое могло случиться?

Впрочем, как хотите.

Со мной разговаривали уже три комиссии, и ни одну из них мне не удалось убедить в своей правоте. Все дело в том, что вы просто не хотите мне поверить. Бойтесь, что ли.

Скорее всего, меня признают тихо помешанным, демобилизуют и со всеми почестями, полагающимися кавалеру Ордена славы, отправят на Землю. Так, наверное, будет даже лучше. Мне опостылела война, которой не видно конца. Вы все здесь в высоких чинах. Ну так ответьте же мне, из-за чего все это началось? Почему мы не можем договориться с траггами мирным путем? Чего не можем поделить? Марс? Так он же был нам не нужен до тех пор, пока не появились трагги!..

Все, я закончил. Не смотрите на меня так, господин полковник. Мое преимущество в том, что как сумасшедший я могу говорить все, что вздумается.

Что вы еще хотите узнать?..

Что я хотел сказать Монтекке?

Извините, господин полковник, но этого я не скажу. Живые не должны знать, о чем разговаривают мертвые.

2002

Фантастический боевик. Магистральное направление?

(заключение)

Так уж издавна повелось, что приключенческая литература всегда шла рука об руку с фантастикой.

Ничего удивительного в этом нет, ведь вплоть до начала XX в. для большинства читателей художественной литературы мир делился на две части: обыденно-реальный и сказочно-экзотический. В обыденном мире не происходило ничего выходящего за рамки привычного жизненного уклада — и это являлось главным его достоинством. А все «страшные опасности и ужасные приключения» имели место лишь в далеких временах и странах либо в воображении сказочников.

Даже для того, чтобы встретиться с привидением, герою (а вместе с ним и читателю) требовалось выйти из дома, сесть в кабриолет или ландо и отправиться в полузаброшенный замок — где-нибудь в английской глуши, почти на самой грани обитаемого мира, на пустынном морском берегу, среди вересковых пустошей либо у края таинственных торфяных болот. Туда, где по ночам в шуме прибоя слышен странный шепот, в полутьме старинных коридоров раздается мерный лягз кандалных цепей, а издали доносится леденящий вой Баскервильской собаки.

Другой род чудес издавна представляли удивительные путешествия, уводившие читателя в далекие заморские страны и таинственные земли, где жили совершенно иные люди, приключения творились буквально на каждом шагу, а неизведанное крылось за каждым поворотом.

Эпоха великих географических открытий не только не развенчала этот чудесный мир, но лишь приблизила его к читателю, сделав теоретически доступным. Именно поэтому XIX век стал временем расцвета «географического романа». Его официальной целью считалось «развлекать, поучая» подрастающее поколение, на деле же книгами Жюль Верна, Буссенара или Жаколио зачитывались все поколения, от мала до велика. Стоит ли говорить, что фантастика была неотъемлемым элементом множества подобных романов? Она могла не проявляться в тексте открыто, но неизбежно стояла «за кадром», оставаясь важной составляющей описываемого мира, который не принадлежал реальному — хотя временами и стоял совсем близко к нему.

Во второй половине XIX в. модной темой приключенческой литературы стали национально-патриотические мотивы. Правда следует заметить, что персонажи французских авторов, как правило, предпочитали бороться против британского владычества, английские писатели язвительно бичевали германский колониализм, а немецкие литераторы боролись против английского и французского империализма.

А жанр авантюрной фантастики требовал в первую очередь «приключений тела», лучше бы на экзотическом антураже. И здесь решающую роль в формировании канона сыграл классик английской литературы рубежа XIX и XX вв. Редьярд Киплинг. Певец британского

колониализма и «бремени белого человека», чья поэзия завораживала даже самых отчаянных антиимпериалистов.

Конечно, такое мироощущение легко подошло вплотную к фантастике. И Киплинг в своем творчестве ничуть не чурался фантастического, его перу принадлежит антиутопия «Ночная почта: рассказ о 2000 годе» и несколько мистических новелл, а знаменитая «Книга Джунглей» лежит аккуратно на той самой тончайшей грани, что отделяет фантастику от реализма. Но самой главной заслугой (или виной) Киплинга стало создание образа сильной личности, человека — либо сверхчеловека, — продвигающего цивилизацию вперед и поэтому имеющего право выйти за рамки общепринятой морали, творя свою собственную мораль.

Что роднит героев приключенческих произведений, помимо переживаемых ими удивительных и опасных приключений? Как ни странно, в первую очередь это одиночество — типичное для романтического героя, от которого сам жанр требует выделяться из толпы остальных людей. Но выйти из общества просто, гораздо сложнее будет вернуться к нему обратно. Признаемся честно, даже современная приключенческая фантастика в немалой степени ведет свое происхождение от романтиков XIX в.

Тем временем в начале XX в. авантюрная фантастика, воспринимавшаяся как вид развлекательной или, на худой конец, научно-популярной литературы, была потеснена новым жанром — фантастикой реалистической. Начинаясь эпоха великих общественных потрясений, и новая серьезная госпожа сочла должным не отвлекать читателя от окружающей действительности, а ткнуть его носом в изнанку обыденной жизни. Рождался жанр социальной фантастики, которая вскоре отобрала у фантастики «жюльерновского» направления почетный титул «научной».

Да и читатель у нее был уже не совсем прежний — зачастую он обитал именно в тех местах, где скитались герои авантюрных произведений, но не ощущал вокруг себя ровным счетом никакой романтики, а ко всяческим чудесам относился со вполне оправданной опаской. Тем более что для встречи с жутковатыми чудесами больше не было необходимости пускаться в дальнее путешествие. В романе «Мистер Блэтсворси на острове Рэмполь» (*Mr. Blettsworthy on Rampole Island*, 1928) уэллсовский герой, переживший рискованные приключения на далеком острове, вдруг с удивлением обнаружил, что на самом деле обретается в джунглях современного города, а дикарский антураж происходящего — лишь снизошедший на него некий умственный морок.

Герберт Джордж Уэллс, начавший свою литературную деятельность со вполне авантюрных произведений, вроде «Человека-невидимки» или «Острова доктора Моро», став классиком «высокого» жанра, получил право писать скучно. Авантюрная фантастика такого права не имела, ибо главным ее достоинством оставался «экшн» (*англ.* action), то есть действие, внешняя напряженность сюжета.

Вот в этих условиях в начале XX в. на свет и появился фантастический боевик.

Границы боевика как разновидности научно-фантастической литературы определить довольно трудно. Он находится где-то по соседству с фантастикой авантюрной, научно-фантастическим детективом и фантастикой антивоенной. Но можно обнаружить в нем элементы политичес-

кой фантастики, историй о контакте с инопланетянами, повествований о космических приключениях... Немного упрощая, можно сказать, что к фантастическому боевику можно отнести произведение, написанное в жанре приключенческой фантастики, но в котором действие развивается на фоне продолжающейся межзвездной войны или политического кризиса. От антивоенной или социальной фантастики его будет отличать пристальное внимание автора не к судьбе всего общества, а к приключениям одного героя или их группы. Тех, кто действительно готов выступить с бластером против всех. Главное — быстрота развития событий, острота сюжета, постоянные захватывающие приключения.

Своего расцвета фантастический боевик достиг в США. Заимствовавший достаточно много из традиций «вестерна» (рассказов о приключениях на Диком Западе), боевик оказался очень американским по своей сути направлением в НФ. Сама идея приключений одинокого героя, попавшего в трудные обстоятельства, из которых почти невозможно выпутаться, импонировала американцам-индивидуалистам. Ведь большинство из них было воспитано в рамках жесткой протестантской этики, целиком построенной на идее избранности Богом одних, преуспевающих в жизни, и отверженности других — неудачников. Хотя отдельные произведения, которые можно отнести к числу НФ-боевиков, возникали раньше и вне границ США. Например, книга английского прозаика Роберта Коула «Битва за империю: рассказ о 2236 году» (*The Struggle for Empire: a Story of the Year 2236*, 1900) повествует о войне землян, объединенных во всемирную Британскую империю, с пришельцами из звездной системы Сириуса. Пожалуй, дату выхода этой книги в свет и можно считать формальным «днем рождения» фантастического боевика.

Традиции приключенческих романов, которым старались следовать Киплинг и другие европейские писатели рубежа XIX—XX вв., в США оказались значительно упрощены под влиянием «вестерна». Важный переход от авантюрной научной фантастики в «европейском стиле» к фантастическому боевику, использующему приемы «вестерна», был сделан в книгах Эдгара Райса Берроуза. В первую очередь в «марсианском цикле», начатом романом «Под лунами Марса» (*Under the Moons of Mars*). Создатель Тарзана, отправив в 1912 г. другого своего героя Джона Картера на Марс, написал книгу, которую можно рассматривать и как один из ранних образцов фэнтези, и как явный боевик. Даже антураж марсианских приключений Джона Картера (или венерианских — другого героя Берроуза — Карсона Непьера) является чем-то гибридным — сражаясь мечами и копьями, герои в то же время путешествуют на космических кораблях, использующих атомную энергию.

«Детство» научно-фантастического боевика совпало с расцветом жанра комиксов в американской литературе. Поэтому часто герои ранних боевиков легко переходили со страниц массовых научно-фантастических журналов на страницы комиксов и обратно. Так произошло с двумя самыми, пожалуй, известными персонажами боевиков того времени — Баком Роджерсом и Флэшем Гордоном.

Энтони «Бак» Роджерс, космический герой, действовавший в XXV веке, впервые появился на страницах журнала «Эмейзинг сториз» в 1928 г. Именно тогда вышла в свет первая часть фантастического романа Филиппа Ноулана «Армагеддон в 2419 году» (*Armageddon 2419 AD*), где рассказывалось о борьбе американского лейтенанта Энтони Роджерса,

случайно оказавшегося в будущем, с ордами «Красных монголов», захватившими территорию США. Роман был принят критикой без особого энтузиазма, зато комикс, созданный по его мотивам, разошелся прекрасно. После этого Ноулан в союзе с художником Диком Калкинсом выпустил множество комиксов о приключениях и победах Бака Роджерса. В течение сорока лет неутомимый герой одолевал всех своих врагов как на Земле, так и в космосе. Комиксный сериал завершился только в 1967 г.

Другой «американский герой», Флэш Гордон, доблестно борющийся с императором Мингом Безжалостным, главой империи Монго, появился на страницах комиксов в 1934 г. Новый персонаж оказался не менее популярным, чем Бак Роджерс. Приключения Гордона продолжались даже на страницах специального журнала «Флэш Гордон Стрендж Эдвэнчер Мэгэзин».

Однако успех раннего фантастического боевика в основном среди подростковой аудитории и тесная связь с культурой комиксов привели к тому, что многие фантасты и критики стали рассматривать подобного рода литературу как нечто второсортное. Как ни парадоксально, подобное презрительное отношение пошло на пользу боевику, который мог бы застрять на уровне походов Бака Роджерса, с тупой прямолинейностью каждый раз заканчивавшихся полной и безоговорочной победой главного героя. Теперь же, если известные мастера фантастики и решались написать фантастический боевик, то старались исполнить его на более серьезном уровне. Они стремились увязывать бездумные приключения одиночки, размахивающего заряженным бластером, со сложными вопросами научной фантастики — например, с проблемами контакта между разумными существами или перспектив развития человеческого общества.

С первых лет своего развития наиболее тесно фантастический боевик оказался связан с «космической оперой» (повествованием о военных приключениях в космосе). И в очередной раз трудно сказать — где же проходит граница между этими двумя направлениями фантастики. Например, известный сериал Эдварда Элмера «Дока» Смита о «Людах Линзы» (1934—1950) можно расценивать и как «космическую оперу», и как космический боевик. Грандиозные сражения звездных флотов разворачиваются на фоне бесконечных галактических пространств, в них гибнут целые планеты, и все же внимание автора приковано к судьбе отдельных персонажей — в первую очередь космических патрульных («Людей Линзы»), борющихся со злом по всей Вселенной.

Так же тесно увязывал фантастический боевик с «космической оперой» и Эдмонд Гамильтон. Его знаменитый роман «Звездные короли» (*The Star Kings*, 1949) на годы стал образцовым произведением и для того, и для другого направления в фантастике. Невероятные приключения, следующие одно за другим; благородный герой-одиночка, вынужденный преодолевать обстоятельства, постоянно складывающиеся против него; космический злодей, мечтающий о вселенском господстве; неимоверно разрушительное оружие, способное уничтожить уже не только корабли или планеты, но и само пространство. Все эти элементы потом не раз повторяются в книгах как самого Гамильтона, так и других американских авторов, мастеров фантастического боевика. Среди других произведений американского фантаста, бесспорно боевикового типа, можно вспомнить продолжение «Звездных королей» — «Возвращение на звезды» (*Return to*

the Stars, 1970), цикл «Звездный волк» (1967—1968), романы «Разрушитель Солнца» (*The Sun Smasher*, 1954), «Битва за звезды» (*Battle for the Stars*, 1956), знаменитую повесть «Сокровище Громовой Луны» (1942) и др. Его книги дают хорошее представление об особенностях научно-фантастического боевика в этот период. Для произведений Гамильтона характерна возвышенная романтическая приподнятость, богатство фантазии — и минимум внимания к психологии героев. «Законы жанра» долгое время требовали от «космической оперы» голого действия и предельного упрощения всех иных составляющих текста.

Одним из заметных авторов боевиков 30-х гг. был Джек Уильямсон. Его цикл о «Космическом Легионе», в который вошли романы «Космический Легион» (*The Legion of Space*, 1934), «Кометчики» (*The Cometeers*, 1936) и «Один против Легиона» (*One Against the Legion*, 1939), наряду со «Звездными королями» Э. Гамильтона можно считать эталонным для космических боевиков. Борьба героев с инопланетными злодеями, стремящимися уничтожить таинственное сверхоружие землян АККА, не отпускает внимание читателей с первой до последней страницы. В 50-е гг. в соавторстве с Джеймсом Ганном Уильямсон написал один из самых интересных боевиков этого времени — «Звездный мост» (*Star Bridge*, 1955).

Чисто литературное качество фантастического боевика подняли авторы «Золотого века» американской НФ, связанные со школой Джона Кэмпбелла и печатавшиеся преимущественно на страницах его журнала «Эстаундинг Сайнс Фикшн». В НФ-боевиках 40—50-х гг. XX в. писатели предпочитали строить сюжет так, чтобы герой побеждал не за счет мускулов или сверхразрушительного оружия, а при помощи разума, знания людей или особенностей инопланетного общества. Хотя и без стрельбы из лазеров дело все же не обходилось... Одновременно в книгах этого периода заметно влияние и шпионских романов с их обязательной детективной линией.

Роман «Космические течения» (*The Currents of Space*, 1952), входящий в обширнейший цикл Айзека Азимова о Галактической империи оказался именно таким интеллектуальным боевиком. В нем герои не только сражаются со своими врагами, но и пытаются разрешить детективную загадку, затрагивающую судьбу целой планеты Флорины. В то же время основной задачей Азимова стало исследование структуры гигантской суперцивилизации, особенностей ее развития и эволюции. Эта работа была им блестяще проделана в цикле «Основание» (1942—1950) — одном из фундаментальнейших творений современной англо-американской фантастики. Однако при написании как «Основания», так и других произведений из сериала о Галактической империи, Азимова все же более интересовали «приключения мысли» — недаром одним из источников его вдохновения стал труд английского историка Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской Империи».

Заметное влияние на историю НФ-боевика в США оказало и творчество Альфреда Элтона Ван-Вогта. Основной темой в произведениях Ван-Вогта всегда оставалось эволюционное изменение человека, появление у него новых фантастических способностей (бессмертия, телепатии и т. д.). Однако эту тему американский фантаст воплощал и в форме боевика. Так заметным явлением в истории фантастического боевика в США стала дилогия Ван-Вогта «Оружейники»: «Оружейные магазины Ишера» (*The Weapon Shops of Isher*, 1942) — «Оружейники» (*The Weapon*

Makers, 1943). Изначально развивающиеся как история борьбы группы героев-подпольщиков против могущественной империи Ишер, романы дилогии постепенно перерастают в рассказ о судьбе Земли и человечества. А главный герой второй части, Роберт Хедрук, случайно достигший бессмертия, в итоге оказывается новым мессией, предназначенным для того, чтобы направить род людской к управлению всей Вселенной. Как фантастический боевик сделан и роман Ван-Вогта «Война против Руллов» (*The War Against the Rull*, 1940—1950), одно из самых известных произведений 40-х гг. о войне человечества с инопланетянами.

Два превосходных образца боевика оставил и Альфред Бестер. Оба его романа 50-х гг. — «Человек без лица» (*The Demolished Man*, 1952) и «Тигр! Тигр!» (*Tiger! Tiger!*, 1956) — могут быть охарактеризованы как боевики. Особенно это определение подходит для второй книги. История пилота Гулливера Фойла, посвятившего всю жизнь мести экипажу космического корабля «Ворга», развивается на фоне декадентского, вычурного, психологически изломанного далекого будущего. Характерной чертой этого будущего Бестер делает непрекращающуюся войну между Землей и ее бывшими колониями, что традиционно для боевиков.

Особым направлением в развитии научно-фантастического боевика 40—50-х гг. стало повествование о борьбе землян или представителей земных колоний с галактическими агрессорами. Подобные романы, заметно проникнутые духом «холодной войны» и воспоминаниями о нацистской оккупации Европы, призывали к бескомпромиссной борьбе с захватчиками. По сюжету такие тексты часто сближались с политической фантастикой, рассказывающей о вторжении «орд большевиков» на территорию США. Тем не менее и эти книги оставили заметный след в истории развития фантастического боевика. Среди них, несомненно, выделяется роман «Падающий факел» (*The Falling Torch*, 1959) Альгиса Будриса, яркого американского фантаста литовского происхождения. Будрис нарисовал впечатляющую картину трудной борьбы земного подполя с пришельцами. Его книга также приближала время прихода «взрослого» периода развития боевика — герой романа в итоге, конечно же, одержал победу, но для этого ему пришлось преодолеть немало трудностей и психологических проблем. И одержать одну из главных побед — над самим собой, над своей трусостью и нерешительностью.

В конце 50-х гг. XX в. произошел переход к новому этапу в развитии НФ-боевика — и отнюдь не постепенно, как раньше. Его озаменовал выход в свет одного-единственного романа. Однако этот роман оказал влияние на весь жанр НФ и оказывает воздействие по сей день! Это была «Звездная пехота» (*Starship Troopers*, 1959) Роберта Энсона Хайнлайна. Как и во многих других областях фантастики, Хайнлайн оказался первооткрывателем, «пионером», упорно выводившим боевик из гетто подростковой литературы. Его жестокий роман доказал, что и фантастический боевик может быть вполне серьезным произведением. Рассказ о долгой войне, которую земляне ведут с расой инопланетных разумных жуков, проникнутый прославлением армии и воинских доблестей, вызвал как яростные опровержения, так и восторженные подражания.

Именно после «Звездной пехоты» стало ясно, что писать боевики в старом добром стиле «Людей Линзы» уже невозможно. Наступала эпоха неизбежного взросления и тут-то фантастическому боевику нанесли тяжелую травму. Травма, правда, была вызвана общей «болезнью», охватив-

шей в 60-х гг. XX в. англоязычную фантастику. «Болезнью», которая называлась «Новой Волной». «Волна», поднимавшаяся в Англии и быстро перелестнувшая на другую сторону Атлантики, принесла с собой не только требования более высокого литературного качества или внимания к стилю фантастических произведений, но и вполне четкие политические пристрастия. Практически все известные деятели «Новой Волны» тяготели к леволиберальным, социалистическим или даже анархистским убеждениям. Культ армии или героя-одиночки, стоящего на охране существующего общества, столь характерный для боевика, они подвергали беспощадному высмеиванию. Один из главных идеологов движения, английский писатель Майкл Муркок создал целый цикл своего рода «антибоевиков» — романов о похождениях авантюриста Джерри Корнелиуса, выглядящего «негативом» обычных героев НФ-романов 30—50-х гг. (вплоть до того, что у Корнелиуса была черная кожа и светлые волосы). Приключениям в далеком космосе апологеты «Новой Волны» противопоставили книги о близком будущем, острополитические, заставлявшие читателя размышлять о проблемах современности. Даже приключения одиночек на других планетах под пером авторов этого движения больше напоминали не похождения Джона Картера на Марсе, а рассказы солдат, вернувшихся с полей сражений в Корею и Вьетнаме. Привычный боевик, по мысли идеологов «Новой Волны», должен был смениться откровенно антивоенными книгами, такими как, например, «Люди в джунглях» (*The Men in the Jungle*, 1967) Нормана Спинрада.

Однако фантастический боевик умирать упорно отказывался. В основном благодаря вниманию простых читателей. Поэтому в конце концов «Новая Волна» прошла и схлынула, а боевик остался.

К тому же, как ни парадоксально это звучит, даже в рамках либеральных и антивоенных воззрений писатели ухитрились создавать замечательные образцы книг такого рода. Своеобразной антитезой идеологии «сильного человека» стал роман Гарри Гаррисона «Неукротимая планета» (оригинальное название «Мир смерти» — *Deathworld*, 1960). Его главный герой Язон динаЛыт — типичный персонаж плутовского романа, которому волею обстоятельств приходится выступать в роли суяпермена. Однако победу ему приносит именно способность выйти за рамки силового стереотипа и решить проблему умом и пониманием, а не мощью оружия. В последующих двух романах цикла — «Мир смерти-2» (*Deathworld-2*, 1964) и «Мир смерти-3» (*Deathworld-3*, 1968) — динаЛыт постепенно приобретает репутацию человека, которому непредвзятый и ироничный взгляд на окружающий мир помогает найти выход из ситуаций, в которых пасуют прочие «сверхчеловеки» с их стремлением решать все проблемы при помощи бластера.

Авторы же, чьи взгляды были близки к хайнлайновским, тоже продолжали создавать интереснейшие боевики в 60—80-е гг. XX в. Боевик не только быстро «оправлялся» от травмы, но и стал набирать вес и силы.

Целый цикл фантастических боевиков написал в 50—80-е гг. XX в. Пол Андерсон. Несмотря на давление со стороны критиков в смутные времена революционной «Новой Волны», Андерсон продолжал работать над боевиками, выдавая книгу за книгой. К этому направлению в его творчестве в первую очередь относятся два цикла: о межзвездном торговце Николасе ван Рийне («Война крылатых людей» (*War of the Wing-Men*, 1958), «Звездный торговец» (*Trader to the*

Stars, 1964), «Возмутители спокойствия» (*The Trouble Twisters*, 1966) и др.) и об агенте разведки Галактической империи Доменике Флэндри. (Последний цикл продолжался почти двадцать лет, начавшись в 1966 книгой «Энсин Флэндри» (*Ensign Flandry*) и завершившись уже в 1987 г. романом «Игра Империи» (*The Game of Empire*). Пол Андерсон удачно использовал оба возможных образа героя боевика, уже закрепившихся в НФ-литературе. Толстый и внешне неприспособленный к жизни на других планетах, но хитроумный и изворотливый Николас ван Рийн одерживает победы над своими противниками силой интеллекта. Доменик Флэндри представляет собой другой тип героя, скорее близкий к супершпиону Джеймсу Бонду из романов Иэна Флеминга. Прекрасно подготовленный космический агент, Флэндри тоже предпочитает побеждать своих врагов логикой и интуицией, но когда надо, прибегает и к «прямому действию» — к стрельбе из лазерного пистолета или приемам рукопашного боя. Но при этом его образ все же гораздо сложнее и психологичнее, чем у агента 007 или героев авантюрной фантастики 20-х гг.

Тот же Пол Андерсон стал автором одного из самых серьезных рассказов, посвященных космической войне в англоязычной фантастике, внешне вроде бы выполненного в форме все того же боевика. Это рассказ «Государственная измена» (1966). Андерсон заставляет совершить своего героя поступок, на который органически не были бы способны персонажи Э. Гамильтона. Герой «Государственной измены» сознательно становится предателем, надеясь, что в дальнейшем этот поступок обеспечит спасение всей человеческой расы. И при этом финал рассказа остается открытым — с таким же успехом действия главного персонажа могли оказаться и трагической ошибкой. Этот рассказ Андерсона является отличным доказательством того, что и в боевике можно ставить сложнейшие вопросы не хуже, чем в других направлениях НФ.

Жанровая неопределенность фантастического боевика способствовала и его значительной гибкости, возможности без особого ущерба для развития сюжета заимствовать темы и идеи из других направлений фантастики. Например, на использовании знаменитого «комплекса Франкенштейна» (ужаса, испытываемого создателем искусственного разума перед своим созданием), обычно характерного для книг о роботах, построен цикл Фреда Саберхагена о «берсеркерах» (1967—1992). В книгах этого цикла гигантские машины-убийцы, прозванные землянами в честь впадавших в «боевое безумие» воинов-викингов, были созданы в невообразимо далекие времена для уничтожения любой разумной жизни.

Одним из наибольших достижений в развитии образа героя боевика, сочетающего и острый ум, и великолепную боевую подготовку, стал цикл Джека Вэнса, посвященный борьбе детектива Кирта Джерсена с галактическими преступниками — «принцами-демонами». В цикл вошли романы «Звездный король» (*The Star King*, 1963), «Машина убийств» (*The Killing Machine*, 1964), «Дворец любви» (*The Palace of Love*, 1967), «Лицо» (*The Face*, 1979), «Книга снов» (*The Book of Dreams*, 1981). Вэнс, не любивший классический фантастический боевик, тесно связанный с войнами в космосе или во времени, тем не менее создал запоминающиеся книги о борьбе с космическим пиратством.

Научно-фантастические боевики нового, «постхайнлайновского типа» создавал и Гордон Диксон в своем «Дорсайском цикле». Самый, по-

жалуй, известный роман цикла «Солдат, не спрашивай» (*Soldier, Ask Not*, 1964), получивший в 1965 г премию «Хьюго», содержит в себе явную, хоть и уважительную полемику с книгой Хайнлайна. Романы о планете Дорсай, где выращиваются солдаты, идеально подготовленные для кровавых межгалактических войн, уже очень далеки от комиксных приключений Бака Роджерса. Это строгие и часто весьма мрачные размышления о роли войны и армии в развитии человечества, о возможных путях эволюции человеческого общества. Дорсай, по мнению автора, должен стать движущей силой этой эволюции.

Более облегченную форму придает сходным размышлениям Джерри Пурнелл в цикле, посвященном армии космических наемников — «легиону Фалькенберга»: романы «Запад славы» (*West of Honor*, 1976), «Наемник» (*The Mercenary*, 1977), «Принц наемников» (*Prince of Mercenaries*, 1988). Пурнелл, сторонник самых крайних идей «Звездной пехоты» Хайнлайна, создал книги, в которых от легкости фантастического боевика уже почти ничего не осталось. Зато в них во всю прославляется герой-сверхчеловек, поднявшийся над «толпой» благодаря своим боевым и военным талантам.

Дань фантастическому боевику в виде полноценных романов и повестей отдали такие известные авторы, как Кит Лоумер и Джек Чалкер, Эндрю Нортон и Кеннет Балмер, Мак Рейнольдс и Эдвин Табб, Рон Гиларт и Бертрам Чандлер.

Вне США в 50—60-е гг. XX в. наиболее удачные образцы фантастического боевика создали Жерар Клейн и Франсис Карсак во Франции. Однако и у того, и у другого созданные книги по своей тематике, конечно же, шире просто приключенческой фантастики. К антуражу боевика они прибегали, как и Ван-Вогт, чтобы выразить свои философские идеи. Клейн писал фантастические боевики, когда обращался к своей излюбленной теме контроля над временем. Его герои ведут сражения за власть над временными потоками в романах «Время не пахнет» (*Le Temps n'a pas d'odeur*, 1963), «Убийцы времен» (*Les Tueurs de temps*, 1965), «Власть случая» (*La Sceptre du hasard*, 1968), «Боги войны» (*Les Seigneurs de la guerre*, 1970). Ф. Карсак в большей степени интересовавшийся проблемами контакта с инопланетянами, в виде фантастического боевика написал «контактную трилогию», начатую в 1954 г. романом «Пришельцы ниоткуда» (*Ceux de nulle part*). Особенно «боевой элемент» заметен в первом романе, где герои ведут постоянные сражения против разумных существ, созданных из металла — «мисликов».

80—90-е гг. XX в., ознаменовавшиеся сложным поиском новых форм и идей в англоязычной НФ, привели к подъему интереса к подзабытым, казалось бы, направлениям в фантастике. Так «космическая опера» «мутировала» в совершенно новую форму. Ее в критике иногда называют «космической оперой в стиле барокко». Переусложненные, с многочисленными сюжетными перипетиями, с развитым мифологическим и символическим подтекстом, книги Дэна Симмонса, Йэна М. Бэнкса, Грегори Бенфорда, Пола Макоули, Стивена Дональдсона, Питера Гамильтона, Аластера Рейнольдса показали, что и в уже выработанных «месторождениях» сюжетов и образов возможны совершенно поразительные открытия. Оживился интерес и к фантастическому боевику, где, например, можно отметить изобретательные и очень натуралистичные в изображении ужасов войны боевики Глена Кука. Можно надеяться, что

боевик преодолел «кризис среднего возраста» и вступает в период «второй молодости».

В СССР фантастический боевик был явно не слишком модным жанром. Впрочем, если фантаст готов был предъявить читателям масштабное полотно победной битвы с империалистами, то у книги появлялся шанс на широкую известность. Так произошло, например, когда вышел роман Александра Казанцева «Пылающий остров» (1941). А в целом на такого рода литературу смотрели косо: коммунизм следует строить организованно, в едином строю, не допуская беспорядков, и какой-нибудь сокрушительный боевик абсолютно не вписывался в такую картину. Ну не может такого быть, чтобы зеленые человечки или иные наглые агрессоры устроили побоище на территории какого-нибудь Челябинского тракторного завода. Получается полная несовместимость стилей...

Лишь однажды было нарушено это золотое правило. Великолепный детский боевик Александра Мирера «Дом скитальцев» (1976) на протяжении примерно половины всего повествования разворачивается в советской провинции с ее молокозаводами, участковыми милиционерами, совхозными хозяйствами. И тут на тебе — «зеленые человечки добрались до планеты Земля»... Лишь яркий литературный талант Мирера позволил сценентировать две совершенно разнородные реальности.

В 1988 г. Ольга Ларионова выпустила блестящий роман «Чакра кентавра» (впоследствии ставший основой для трилогии), в котором совместились жанры «космической оперы» и фэнтези. 90-е гг. раскрепостили боевик на российских просторах. Издатели требовали отечественную боевиковую фантастику, читатель «пожирал» ее в чудовищных количествах, да и по-прежнему «пожирал». Первыми почувствовали это, пожалуй, Сергей Иванов и Александр Бушков. И, кстати, именно Бушков вывел на арену российский вариант «одинокого романтического героя», вечно готового посражаться. Это произошло в романе «Анастасия» (1990): российский спецназовец вывалился в параллельный мир, и тут такое понеслось... Позднее к ним присоединилась целая плеяда убойных дел мастеров. Прежде всего среди них получили известность Алексей Калутин (сериал «Резервация» (1997), а также несколько других романов) и Роман Злотников (автор нескольких боевиковых сериалов, сам инструктор спецназа). Василий Головачев ввел в боевик элемент эзотерики (тайного знания), а в поздних своих романах активно использовал славяно-русскую тематику, постепенно переходя от офицеров спецслужб, действовавших в рамках его произведений, к витязям.

А вот «космическая опера» как-то не прижилась. Еще в советское время Сергей Снегов опубликовал весьма объемную трилогию «Люди как боги» (1966—1977), в которой элементы этого жанра явственно проступали сквозь полотно утопического повествования о будущем космического сообщества и величии земной расы. Критики драли эту книгу, как молодой и несмышленный кот дерет хозяйское кресло... В 90-х гг. вроде бы сама рыночная обстановка подстегивала фантастов попытать счастья в области звездолетных баталий, космических десантов и т. п. Ан нет, сдерживает российских фантастов некоторая стыдливость. В 60-х — первой половине 80-х гг., когда советская фантастика переживала «золотой век», непристойным считалось обращение к боевиковой тематике. Непристойным и каким-то... несерьезным. Должен ли взрослый дядя

копаться в песочнице? Особенно мощным было это негласное табу в сфере «космической одиссеи». Мирное освоение космоса, коммунистическая законность, масштабная колонизация — вот маяки того времени. Конечно, иногда могут попасться отдельные недобитые империалисты или кровавые контрабандисты, как в повести Дмитрия Биленкина «Космический бог» (1967) или в романе Сергея Павлова «Лунная радуга» (1978—1983). Но в целом почвы для боевика в космосе просто нет... Поэтому на протяжении 90-х гг. только один автор сумел сделать из «космической оперы» настоящую «золотую жилу». Это Алекс Орлов, автор сериала «Тени войны» из двух десятков романов.

Удачные боевики удавалось создавать известным отечественным фантастам, в принципе специализирующимся на иных направлениях (социальной НФ, например). Так, Олег Дивов в 1997 г. выпустил роман «Лучший экипаж Солнечной», воспринимающийся, несмотря на сравнительную бедность по части батальных эпизодов, как самый настоящий боевик. Дмитрий Янковский написал политический боевик, действие которого происходит в очень недалеком будущем («Рhapsодия гнева», 2000). Сергей Лукьяненко использовал геймерские мотивы в нескольких романах боевикового типа.

В настоящее время фантастический боевик является одним из столпов, на которых держится внимание отечественного читателя к фантастике. Это и неумудрено: 90-е гг. для миллионов бывших советских людей стали десятилетием разочарований, боли, гнева, обиды. И образ одинокого бойца, выплескивающего темные эмоции в битве с врагом, оказался близок многим.

В начале XXI в. вновь заметно оживление интереса к фантастике приключенческой, авантюрной, в том числе и существующей в формах «космической оперы» и фантастического боевика. Безусловно, последними направлениями современная фантастика не ограничивается, однако выдерни из нее стержень остросюжетности — и она умрет, выродившись в научно-популярную литературу или бескрылую «фантастику ближнего прицела», либо же станет обычной литературой, «мэйнстримом», лишь слегка расцвеченным виньетками постмодернизма.

Но почему-то так называемая «большая литература» вот уже два столетия не устраивает читателя, которому постоянно хочется чего-то сверх того, пусть даже менее серьезного и реалистичного. Неужели читатель за двести лет так и не сумел повзрослеть? Или наоборот — люди продолжают расти, а в традиционной литературной пище для этого роста не хватает каких-то важных компонентов?

Фантастический боевик, несмотря на свою кажущуюся простоту, дает читателям недостающую духовную пищу. Может быть, этим объясняется его неумирающая популярность. А может быть, просто тем, что все любят остросюжетно и занимательно написанные книги.

Владислав Гончаров, Глеб Елисеев, Дмитрий Володихин

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Азимов Айзек (1920—1992) — один из классиков американской фантастической литературы XX в., автор огромного количества научно-фантастических произведений (более 400). Родился в селе Петровичи (Советская Россия), вместе с родителями переехал в США в начале 20-х гг. Публиковаться начал с 1939 г. Среди книг Азимова выделяются произведения, безусловно относящиеся к вершинным достижениям научно-фантастической литературы США, — романы «Конец Вечности» (1955) и «Сами боги» (1972), цикл романов, посвященный Галактической империи, начатый романом «Основание» (1944), цикл произведений о роботах, самое известное из которых — повесть «Стальные пещеры» (1955). Азимов — лауреат высших наград в американской НФ, в том числе одновременно премий «Хьюго» и «Небьюла» за роман «Сами боги». В 1965 г. его трилогия об Основании получила премию «Хьюго» как «лучшая научно-фантастическая серия всех времен». Роман Азимова «Космические течения» примыкает к циклу о Галактической империи.

Андерсон Пол (род. в 1926 г.) — известный американский фантаст, один из наиболее заметных авторов НФ США 60—70-х гг. Родился в Бристоле (США), закончил университет штата Миннесота. Первая научно-фантастическая публикация Андерсона — написанный в соавторстве с Ф. Уолдропом рассказ «Дети завтрашнего дня». Известность пришла к писателю после того, как критики высоко оценили его роман «Волна мозга» (1954). Однако в наибольшей степени Андерсон прославился среди читателей несколькими циклами научно-фантастических романов и повестей, объединенных общими темами и героями — о Галактической империи (романы «Энсин Флэндри» (1966), «Восставшие миры» (1969), «День их возвращения» (1973) и т. д.), о Психотехнической лиге (романы «Снега Ганимеда» (1958), «Девственная планета» (1959), сборник «Психотехническая лига» (1981) и др.) и о Патруле времени (романы «Хранители времени» (1966), «Патрульный времен» (1983), «Щит времени» (1990)). По количеству наград Андерсон относится к «рекордсменам» в американской НФ — он награжден семью премиями «Хьюго», тремя — «Небьюла», а также премией «Гэндальф» (1978) за достижения в жанре фэнтези. Рассказ Андерсона «Государственная измена» справедливо считается одним из самых ярких произведений 60-х гг. о межзвездных войнах.

Будрис Альгис (род. в 1931 г.) — американский фантаст, критик и редактор. Родился в Кенигсберге (Восточная Пруссия), в 1936 г. вместе с семьей переехал в США. В 1952 г. был издан его рассказ «Высокая цель». Будрис был не только заметным автором научной фантастики конца 50-х — начала 60-х гг., но также известным редактором и критиком. С 1965 г. его рецензии постоянно появлялись на страницах ведущих научно-фантастических журналов США — «Гэлэкси» и «Мэгэзин Фэнтези энд Сайнс Фикшн». Будрис — автор известных романов «Кто?» (1958), «Железный шип» (1967), «Майклмас» (1977). Особенной популярностью по сей день пользуется его роман «Злая Луна» (1960), рассказывающий об изучении инопланетного артефакта, обнаруженного на Луне. Роман Будриса «Падающий факел» (1959) относится к наиболее заметным НФ-произведениям 50—60-х гг., рассказывающих о борьбе землян с инопланетными агрессорами.

Гамильтон Эдмонд (1904–1977) — известный американский фантаст, особенно прославившийся произведениями, написанными в жанре «космической оперы». Родился в Йонгстауне (США). Будущий фантаст учился на физика в Вестминстер-колледже (штат Пенсильвания), но не закончил курс. Гамильтон был женат на известной американской писательнице Ли Брэккетт. Первое научно-фантастическое произведение Гамильтона было издано в 1926 г. — рассказ «Бог-чудовище Мамурта». Среди книг этого американского фантаста выделяются широко известные романы «Звездные короли» (1949), «Пород на краю света» (1951), «Возвращение на звезды» (1970), трилогия «Звездный волк» (1967–1968), а также популярный в США цикл рассказов о Капитане Фьючере (1940–1950). Роман «Звездные короли» критика относит к классическим образцам научно-фантастического боевика.

Гаррисон Гарри (род. в 1925 г.) — выдающийся американский фантаст, один из наиболее известных мастеров НФ 60–80-х гг. Родился в Стэмфорде (США), в настоящее время проживает в Ирландии. В научной фантастике дебютировал в 1951 г. после публикации рассказа «Проникший в скалы». Характерной чертой произведений Гаррисона является саркастический юмор и стойкая неприязнь к государственной власти. Эти черты особенно ярко проявились в его цикле о солдате Билле, «герое Галактики» (1965–1994). Гаррисон оставил заметный след практически во всех направлениях научной фантастики — в фантастике социальной (роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» (1966)), в описаниях путешествий во времени («Машина времени Техниколор» (1967)), в повествовании о космических путешествиях (роман «Плененная Вселенная» (1969)), в «альтернативной истории» (роман «Ура трансатлантическому туннелю!» (1972) и цикл «Эдем» (1984–1988)). К приключенческой фантастике относятся два известных цикла произведений Гаррисона: «Мир смерти» (1960–1968) — о космическом авантюристе и игроке Язоне динальте и «Стальная крыса» (1957–1987) — о спецгенте и бывшем преступнике Джиме ди Гризе. Роман «Неукротимая планета» — первое произведение из цикла о Язоне динальте.

Калутин Алексей Александрович (род. в 1963 г.) — отечественный писатель-фантаст, мастер НФ-боевика. Родился в Москве, по профессии биолог, специалист в вопросах генетики. Публиковаться начал с 1996 г., когда в издательстве «Армада» был опубликован его роман «Лабиринт». Автор нескольких циклов НФ-произведений, среди которых выделяются сериалы «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998–1999).

Орлов Алекс (псевдоним, на раскрытие которого автор не дал согласия) (род. в 1964 г.) — российский писатель-фантаст, один из ведущих мастеров научно-фантастического боевика в современной фантастике России. Родился в г. Михайловка (Волгоградская обл.). Окончил в 1991 г. МВТУ, работал инженером-строителем. С 1998 г. выступает как профессиональный писатель-фантаст. Первое опубликованное произведение Алекса Орлова — роман «Тени войны». Позже заглавие этой книги стало названием для целой серии научно-фантастических произведений, в настоящее время насчитывающей 20 книг. Серия «Тени войны» оценивается как один из наиболее ярких образцов боевиковой НФ в российской литературе. За достижения в области фантастики Алекс Орлов награжден дипломом литературно-философской группы «Бастион» в 2002 г.

Саберхаген Фред (род. в 1930 г.) — известный американский фантаст 70—80-х гг. Родился в Чикаго (США). Первое опубликованное произведение Саберхагена — рассказ «Том с РАА по РҮХ» (1961). Среди книг этого фантаста выделяются фэнтезийные циклы «Империя Востока» (1968—1973), «Книга мечей» (1983—1984), «Книга потерянных мечей» (1986—1988). Однако наибольшей популярностью у читателей пользовался цикл научно-фантастических боевиков Саберхагена о «берсеркерах» — странствующих в космосе роботах, запрограммированных исчезнувшей цивилизацией на уничтожение любой разумной жизни. Цикл был начат в 1967 г. после публикации сборника рассказов «Берсеркер» и не завершен до сих пор.

СЛОВАРЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Анализатор — медицинский прибор, определяющий наличие болезнетворной инфекции или яда в ране, а также способный излечивать заражение. Упоминается в романе Г. Гаррисона «Неукротимая планета».

Визифон — переговорное устройство. Упоминается в романе Г. Гаррисона «Неукротимая планета».

Иглоружье — фантастическое изобретение, портативное огнестрельное оружие. Упоминается в романе А. Азимова «Космические течения».

Мыслезаписи — непосредственные записи мыслей. Термин упоминается в романе Э. Гамильтона «Звездные короли».

Мыслескоп — аппарат для чтения мыслей.

Нейрохлыст — парализатор, стимулирующий болевые ощущения. Упоминается в романе А. Азимова «Космические течения».

Психограф — мыслезаписывающий аппарат. Упоминается в рассказе П. Андерсона «Государственная измена».

Психозонд — аппарат для чтения мыслей и коррекции записей в памяти. Упоминается в романе А. Азимова «Космические течения».

Сверхсветовик — космический корабль, способный передвигаться со скоростью, превышающей скорость света.

Телепатический усилитель — усилитель мысленных сигналов мозга.

Ультрадрайв — ускоритель движения в космосе. Упоминается в романе А. Будриса «Падающий факел».

СОДЕРЖАНИЕ

Орлов А.	
Обращение к читателям	5
Гамильтон Э.	
Звездные короли. <i>Перевод с английского З. Бобырь</i>	7
Азимов А.	
Космические течения. <i>Перевод с английского З. Бобырь</i>	143
Будрис А.	
Падающий факел. <i>Перевод с английского О. Колесникова</i>	240
Гаррисон Г.	
Неукротимая планета. <i>Перевод с английского Л. Жданова</i>	402
Саберхаген Ф.	
Маскарад в красном смещении. <i>Перевод с английского О. Колесникова.</i>	538
Андерсон П.	
Государственная измена. <i>Перевод с английского В. Баканова</i> ...	558
Калугин А.	
Колдун	570
Калугин А.	
Рассвет потерянных душ	581
Гончаров В., Елисеев Г., Володихин Д.	
Фантастический боевик. Магистральное направление? (заключение)	593
Коротко об авторах	604
Словарь фантастических терминов	606

АНТОЛОГИЯ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ. ТОМ 4

Совет директоров

М. Аксенова, Г. Храмов

Главный редактор издательства

Е. Хлебалина

Главный художник

Е. Дукельская

Куратор серии

А. Чулков

Ведущий редактор серии

Д. Володихин

Ответственный

редактор серии

Г. Елисеев

Помощник

ответственного редактора

Е. Бычкова

Редактор

Н. Ипатько

Корректор

О. Бурашникова

Изготовление

оригинал-макета

В. Левин, Ю. Никитина

Набор

О. Шевченко — начальник отдела

Ю. Антонова

Н. Гольдман

О. Демидова

М. Коробко

Т. Поповская

Ф. Тахирова

Директор по

производству

И. Кошелев

Художник

А. Грицай

Дизайн обложки

Е. Дукельская

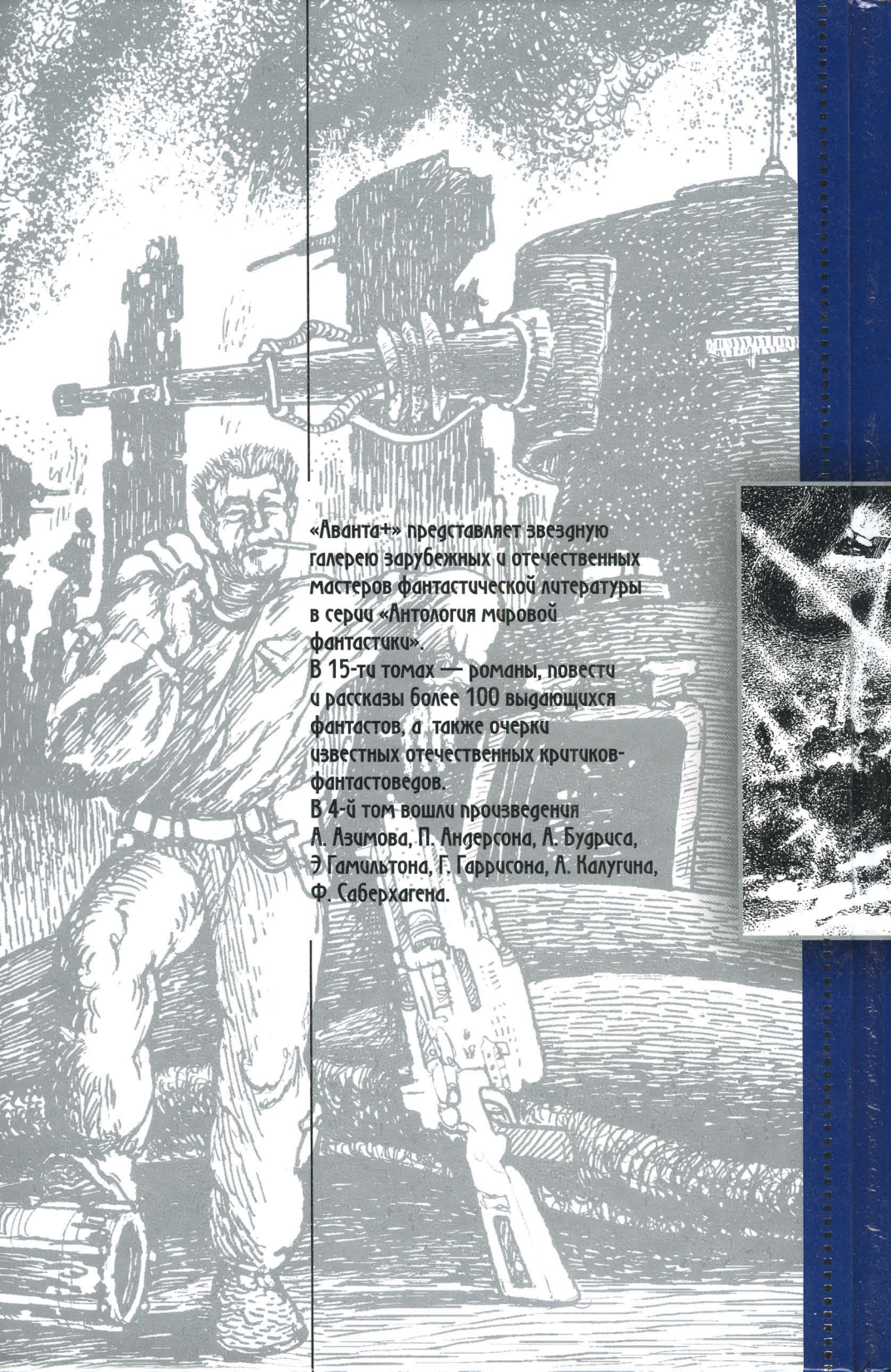
Антология мировой фантастики. Том 4.

Изд. лиц. № 05330 от 09.07.2001. Подписано в печать 17.02.2003. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 38. Тираж 20 000 экз. Заказ № 0301890.

ЗАО Детское издательство «Аванта+». 125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1(помещение ТАРП ЦАО г. Москвы).

Отпечатано на MBS в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

«Аванта+» представляет звездную галерею зарубежных и отечественных мастеров фантастической литературы в серии «Антология мировой фантастики».

В 15-ти томах — романы, повести и рассказы более 100 выдающихся фантастов, а также очерки известных отечественных критиков-фантастоведов.

В 4-й том вошли произведения А. Лэимова, П. Андерсона, А. Бургиса, Э. Гамильтона, Г. Гаррисона, А. Калугина, Ф. Сабержагена.

